

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2024. Том 11. № 3

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2024

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала **«Гуманитарные и юридические исследования»** – способствовать развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 13.11.2024.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»
Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
Email: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

© Северо-Кавказский федеральный университет, оригинал-макет, оформление, 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2024. Volume 11. No. 3

Published four times a year

Stavropol
2024

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and AllRussia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name “Humanities and law research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 11.13.2024.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.
The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

Email: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

© North-Caucasus Federal University, original layout, design, 2024

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул — д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. — д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. — д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. — д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. — д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. — д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. — д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. — д-р юрид. наук, доцент, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. — д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. — д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. — д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. — д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. — д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. — д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. — д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. — д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. — д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. — д-р филол. наук, доцент, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагиабад – доцент факультета права и политических наук Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Старилов Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р. полит. наук, профессор университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия) (Будапешт, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, директор Пятигорского института (филиал) Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH
Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaraş Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, Academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károly Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and Political Sciences, Scientific Officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Professor, Associate Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor of Russian History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mahdi Hosseini Taghi Abad – Associate Professor, Faculty of Law and Political Science, University of Tehran (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of Theoretical and Applied Linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor István Széchenyi University (Győr, Hungary) (Budapest, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuхова – Doctor of History, Professor, Director of Pyatigorsk Institute (branch), North-Caucasus Federal University (Pyatigorsk, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Булыгина Т.А., Романова Н.В. Образ жизни горожан Ставрополя и медицинское обслуживание городского населения в 1920-е годы	425
Виноградный Б.А. Формирование дуалистической системы в империи Габсбургов: предпосылки и специфика выстраивания новых отношений между Австрией и Венгрией	434
Волков С.А., Ляпин Д.А. Похвальное слово устюжским чудотворцам князя Семена Шаховского	442
Дубинин И.И. «Родные братья Грузины... родом из земли войска черноморского»: к вопросу об окружении историка И.Д. Попко	450
Карташев А.В., Усачев В.В. 5-я отдельная санитарная авиационная эскадрилья в Великой Отечественной войне	457
Колосова О.Ю., Немашкалов П.Г. Роль православного духовенства Северного Кавказа в инкорпорации региона в состав Российской империи в середине XIX века	464
Кудрявцев А.А. Государство Хорезмшахов в истории Кавказа первой половины XIII века	473
Мирошников А.В. Ирландские «революционеры розовой воды»: суицид 1848 года	479
Оборский Е.Ю. Детско-юношеский досуг в 1930-е гг. на примере городов Кавказских Минеральных Вод	487
Очиров Б.В. Динамика социально-экономического развития кочевых народов степного предкавказья в 1870–1890-е гг. По материалам Обзоров Ставропольской губернии	496
Скорик А.П., Панкова-Козочкина Т.В. Социально-хозяйственная дифференциация ставропольской деревни на пике нэпа	507
Сулаберидзе Ю.С. Историческая память и диалог культур в контексте грузино-российского взаимодействия	515
Тельменко Е.П. Особенности восприятия и интерпретации идей Джироламо Савонаролы его современниками. «Диалог» Доменико Бенивьяни	520
Толочнева А.А. Нагорно-карабахский конфликт в контексте внешней политики Ирана в Закавказье в конце XX – начале XXI вв.	530
Урушадзе А.Т. Грузинские территории в системе государственного управления Российской империи, 1801–1812 гг.: поиск оптимальной модели	537

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бекирова Ф.С., Габрилян Р.С. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: модели, значение и специфика	545
Жукова Т.Г., Долгополов К.А. К вопросу о современных способах легализации имущества, добытого преступным путем	551
Куркин И.В. Публичные неналоговые платежи в западноевропейской концепции: теоретический аспект	557
Нутрихин Р.В., Свидлова К.В. Некоторые проблемы формирования курортного законодательства в Российской Федерации	563
Постульга Л.А. Финансовое обеспечение целевых программ в области охраны окружающей среды и рационального природопользования	569

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Головко Н.Н. Трансязычные и мультязычные коммуникативные практики идеализированного мультилингва (на материале русского перевода первой главы романа У. Эко «Баудолино»)	574
Грязнова В.М., Классова Д.С. Семантика и прагматика десемантизированных нумерологических употреблений номинаций атмосферных явлений	584
Захра О.В. Фатика и прагматика заголовка в спортивном дискурсе в аспекте формирования провокационного нарратива	590
Шишкин Б.А. Синонимическая и гиперогипонимическая парадигма делимитации медиадискурса и дискурса СМИ	596

РЕЦЕНЗИИ

Беликов А.П. Ашхарацуйц (Армянская география) V-VII вв. Мовсеса Хоренаци и Анания Ширакаци. Предисловие, перевод и комментарии А. Ж. Арутюняна А.Ж. Белгород: Издательство «ЗЕБРА», 2023. 184 с.	603
Вартумян А.А. Арутюнова-Фиданян В.А. Армения и Византия (VI-XI вв.): контактные зоны в развитии цивилизаций. М.: Квадрига, 2022. 452 с.	605

CONTENTS

HISTORY SCIENCES

Bulygina T.A., Romanova N.V. Lifestyle of Stavropol citizens and the medical care of urban population in the 1920s.....	425
Vinogradny B.A. Forming a dualistic system in the Habsburg Empire: prerequisites and peculiarities of building new relations between Austria and Hungary.....	434
Volkov S.A., Lyapin D.A. A word of praise by prince Semyon Shahovsky to the Ustyug saints.....	442
Dubinin I.V. "Sibling brothers Georgians... come from the land of the Black Sea army": on the environment of the historian I.D. Popko.....	450
Kartashev A.V., Usachev V.V. 5th separate sanitary aviation squadron during the Great Patriotic War.....	457
Kolosova O.Yu., Nemashkalov P.G. The role of the Orthodox clergy of the North Caucasus in the incorporation of the region into the Russian Empire in the middle of the XIX century.....	464
Kudryavtsev A.A. The state of Khorezmshahs in the history of the Caucasus in the first half of the 13th century.....	473
Miroshnikov A.V. Irish "rose water revolutionaries": suicide of 1848.....	479
Oborskii E.Yu. Children and youth leisure in the 1930s by the example of the cities of the Caucasian Mineral Waters.....	487
Ochirov B.V. Dynamics of socio-economic development of nomadic peoples of the steppe Ciscaucasia in the 1870-1890-s. Based on materials from Stavropol Province Reviews.....	496
Skorik A.P., Pankova-Kozochkina T.V. Socio-economic differentiation of the Stavropol village at the peak of the NEP.....	507
Sulaberidze Yu.S. Historical memory and the dialogue of cultures in the context of Georgian-Russian interaction.....	515
Telmenko E.P. Features of the perception and interpretation of Girolamo Savonarola's ideas by his contemporaries. The Benivieni dialogue.....	520
Tolokneva A.A. The Nagorno-Karabakh conflict in the context of the foreign policy of Iran in the Transcaucasus at the end of XX the beginning of XXI century.....	530
Urushadze A.T. Georgian Territories in the System of State Administration of the Russian Empire, 1801–1812: the Search for an Optimal Model	537

LEGAL SCIENCES

Bekirova F.S., Gabrilyan R.R. Judicial constitutional control In Russia and foreign countries: models, significance and specificity	545
Zhukova T.G., Dolgoplov K.A. On modern methods of legalizing the property obtained in a criminal way	551
Nurkin I.V. Public non-tax payments in the Western European concept: the theoretical aspect	557
Nutrikhin R.V., Svidlova K.V. Some problems of forming resort legislation in the Russian Federation	561
Postulga L.V. Financial support for targeted programs in the field of environmental protection and environmental management	569

PHILOLOGICAL SCIENCES

Golovko N.V. Translanguaging and multilingual communicative practices of an idealized multilingual person (on the material of the Russian translation of the first chapter of U. Eco's novel "Baudolino")	574
Gryaznova V.M., Klassova D.S. Semantics and pragmatics of desemanticized numerological uses of atmospheric phenomena nominations	584
Zahra O.V. Phatics and pragmatics of the headline in sports discourse in forming a provocative narrative.....	590
Shishkin B.A. Synonymic and hypero-hyponymic paradigm of the delimitation between media discourse and mass communication media discourse	596

REVIEW

Belikov A.P. Ashkharatsuyts (Armenian Geography) of the 5th-7th centuries by Movses Khorenatsi and Anania Shirakatsi. Preface, translation and comments by A. Zh. Arutunian. Belgorod: ZEBRA Publishing House, 2023. 184 p.	603
Vartumyan A.A. Arutyunova-Fidanyan V.A. «Armenia and Byzantium (VI-XI centuries): contact zones in the development of civilizations. Moscow: Quadriga, 2022. 452 p.....	605

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY



Научная статья

УДК 94(470.63):614.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.1>ОБРАЗ ЖИЗНИ ГОРОЖАН СТАВРОПОЛЯ
И МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1920-Е ГОДЫТамара Александровна Булыгина^{1*}, Нина Васильевна Романова²^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Доктор исторических наук, профессор
bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>² Кандидат исторических наук, доцент
history_d03@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3437-6616>

* Автор ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье показана роль медицины в эволюции повседневности жителей города Ставрополя на основе анализа деятельности городских органов здравоохранения и характера санитарного просвещения и медицинского обслуживания населения города в 1920-е гг., что меняло уклад жизни горожан в последующее время. **Материалы и методы.** В статье проанализированы официальные документы органов местного управления на основе подходов исторической антропологии, междисциплинарности и контекстности, а также методов таких исследовательских полей, как история повседневности и новая локальная история. Объектом исследования является локус как локальное сообщество городских жителей. **Анализ.** В работе представлен анализ инфраструктуры региональной системы здравоохранения и ее кадровой базы в исследуемый период. Анализ проблемы в рамках города Ставрополя опирается не только на региональный, но и на общероссийский контекст. Именно в 1920-е гг. была проведена всеобщая национализация лечебных учреждений и аптек, а частную практику и традиционную автономию врачей заменил социальный статус «советский служащий», отразивший оформление монополии государства на любую социальную политику и практику. В статье подробно освещены мероприятия местного руководства по разрешению одной из острых проблем региона – неблагоприятная эпидемическая обстановка. В 1920 г. наблюдался резкий рост заболеваемости холерой, поэтому на борьбу с этим «врагом» были мобилизованы все учреждения, учебные заведения и общественные организации. Одним из направлений по ликвидации эпидемии было должное санитарное состояние Ставрополя. На примере состояния общественных городских раскрыты проблемы санитарного состояния города и его особенности после гражданской войны. Показана работа местных органов власти по наведению санитарного порядка и организации санитарного просвещения среди горожан и приезжающих из ближайших сел крестьян. Авторы раскрыли процесс эволюции повседневной жизни горожан под влиянием реорганизации системы здравоохранения, а также сквозь призму борьбы с эпидемиями.

Результаты. Одним из важнейших итогов деятельности новых органов власти явилось создание государственной системы здравоохранения, основными принципами которой были провозглашены централизованность в руках государства, бесплатность, доступность. Авторами акцентируется внимание на организации форм и методов работы, приспособленных к местным условиям. Этот комплекс преобразований показан в контексте реальной повседневности Ставрополя. В то же время новая структура здравоохранения меняла и городскую повседневность.

Ключевые слова: городская повседневность, советское здравоохранение, город Ставрополь, врачебная помощь, санатории-колонии, противотуберкулезные мероприятия, борьба с эпидемиями, санитарно-гигиеническое просвещение, медицинская профилактика

Для цитирования: Булыгина Т. А., Романова Н. В. Образ жизни горожан Ставрополя и медицинское обслуживание городского населения в 1920-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 425–433. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.1>

Конфликт интересов: один из авторов статьи — доктор исторических наук, профессор Булыгина Тамара Александровна является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е - 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Статья поступила в редакцию: 15.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

LIFESTYLE OF STAVROPOL CITIZENS AND THE MEDICAL CARE OF URBAN POPULATION IN THE 1920S

Tamara A. Bulygina^{1*}, Nina V. Romanova²^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (History), Professor¹ bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>² Cand. Sc. (History), Associate Professor² history_d03@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3437-6616>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. This article shows the role of medicine in the evolution of everyday life of Stavropol residents based on the analysis of the activities of city health authorities and the nature of health education and medical care for the city population in the 1920s, which changed the way of life of citizens in subsequent times. **Materials and Methods.** The article analyzes official documents of local governments based on the approaches of historical anthropology, interdisciplinarity and contextuality, as well as methods of such research fields as the history of everyday life and new local history. The object of the study is the locus as a local community of urban residents. **Analysis.** The paper analyzes the infrastructure of the regional health care system and its personnel base during the study period. The analysis of the problem within the city of Stavropol is based not only on the regional, but also on the all Russian context. It was in the 1920s that the general nationalization of medical institutions and pharmacies was carried out, and private practice and traditional autonomy of doctors were replaced by the social status of a "Soviet employee", reflecting the formation of the state monopoly on any social policy and practice. The article highlights in detail the activities of the local leadership to resolve one of the acute problems of the region – an unfavorable epidemic situation. In 1920, there was a sharp increase in the incidence of cholera, so all institutions, educational institutions and public organizations were mobilized to fight this "enemy". One of the directions for the elimination of the epidemic was the proper sanitary condition of Stavropol. Using the example of the state of public urban areas, the problems of the sanitary condition of the city and its features after the civil war are revealed. The work of local authorities to restore sanitary order and organize sanitary education among citizens and peasants coming from nearby villages is shown. The authors revealed the process of evolution of everyday life of citizens under the influence of the reorganization of the health care system, as well as through the prism of combating

epidemics. **Results.** One of the most important results of the activities of the new authorities was the creation of a public health system, the main principles of which were proclaimed centralization in the hands of the state, free of charge, accessibility. The authors focus on the organization of forms and methods of work adapted to local conditions. This complex of transformations is shown in the context of the real everyday life of Stavropol. At the same time, a new healthcare structure was also changing urban daily life.

Keywords: urban daily life, Soviet healthcare; Stavropol city; medical care; sanatorium colonies; antituberculosis measures; epidemic control; sanitary and hygienic education, medical prevention

For citation: Bulygina TA, Romanova NV Lifestyle of Stavropol citizens and the medical care of urban population in the 1920s. *Humanities and law research*. 2024;11(3):425-433. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.1>

Conflict of interest: one of the authors of article — Tamara A. Bulygina, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of Editorial Board of journal "Humanities and law research". The authors are not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgements: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 "Urban Everyday Life of the Southern Province. Evolution of Mass

Consciousness and Everyday Practices of the City Residents of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920s-1930s", <https://rscf.ru/project/24-182-0073/>

The article was submitted: 15.04.2024.

The article was approved after reviewing: 18.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Введение. Цель работы – на основе анализа архивных источников, на конкретных примерах из жизни города Ставрополя в 1920-е-1930-е гг. раскрыть особенности реализации социальной политики советской власти на примере такой ее сферы, как медицинское обслуживание населения в контексте городской повседневности.

Актуальность данной статьи связана с тем, что в рамках исторической антропологии разные стороны истории повседневности остаются широко востребованными современной историографией и определяется возросшим научным интересом к проблемам пространства социальной истории, в частности истории повседневности российского города. Перемены в городской повседневности являются реакцией на перемены в самом историческом процессе советской системы и одновременно являются источником этого процесса. Именно повседневность с ее конкретностью и детальностью высвечивает и специфику региона, и общие тенденции советской истории.

Кроме того, знание особенностей организации повседневной жизни провинциального российского города позволит на современном этапе более эффективно решать многие социальные проблемы современного городского общества.

В историографии медицинское обслуживание города Ставрополя рассматривалось только в книге Б.Т. Ова-

несова, Н.Д. Судавцова [20; 21]. Работы И. В. Карташова в основном посвящены ставропольской медицине в годы Великой Отечественной войны [19]. Таким образом, как самостоятельная тема реализация социальной политики советской власти в городе Ставрополе-Кавказском в области медицины и повседневные городские практики 1920-х годов рассматриваются впервые

Материалы и методы. Основой написания статьи стали принципы и инструментарий новой социальной и новой локальной истории. Речь идет об использовании в рамках подходов исторической антропологии принципов междисциплинарности и контекстности. В ряде случаев использовались инструменты микроанализа, благодаря которым конкретное городское сообщество при его детальном рассмотрении не только оживляет социальную историю, но помогает понять механизм изменений повседневности горожан на основе законодательных и делопроизводственных материалов, хранящихся в Государственном архиве Ставропольского края. Мы исходили из того, что документы местного управления не только предоставляют данные о специфике претворения в жизнь тех или иных указаний Центра, но и о структурировании местной повседневности.

Анализ. В повседневности и жизни жителя города существенную роль играли пути сбережения его здо-

ровья. Перед революцией действовал механизм такого сбережения, связанный, с одной стороны, с материальным уровнем горожанина и опытом самолечения, а с другой стороны, развитие фабричного производства неминуемо влекло за собой и внедрение элементов страховой медицины. Революция и гражданская война – эпоха страшных разрушений не только в экономике и социальной жизни в целом, но и в человеческом потенциале страны, связанной с потерями от военных действий, болезней, эпидемий, общая антисанитарией, когда фекалии текли по городским улицам, голодом, нехваткой медицинских кадров, отсутствием внятной системы медицины. Вот откуда эти общеизвестные данные о том, что смертность в тот момент увеличилась втрое, а рождаемость снизилась вдвое.

К началу 1920-х гг. здравоохранение в советской России складывалось как государственная система, предусматривающая бесплатную и общедоступную медицинскую помощь всему населению страны. Именно создание единой системы медицинского обслуживания, доступной для всех, стало первой задачей новой власти. Классовый характер социальной политики в медицине не работал: заразные заболевания не спрашивали социального статус заболевшего и передавались независимо от происхождения. Все виды медицины объединялись под руководством государства, о чем говорилось в первых же официальных документах.

Первым документом в области здравоохранения была принятая 30 октября (12 ноября) 1917 г. Декларация Народного комиссариата труда «О введении полного социального страхования». Следующим шагом об огосударствлении медицины стал Декрет Совнаркома от 14 ноября того же года «О бесплатной передаче больничным кассам всех лечебных учреждений и предприятий или, в случае неимения таковых, о выдаче денежных сумм на оборудование их». Владельцы предприятий передавать безвозмездно любые лечебные учреждения и обеспечивать их развитие собственными средствами [1]. Централизация здравоохранения диктовалась необходимостью борьбы «в государственном масштабе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения» [21]. Эта система строилась на основе достаточно строгой регламентации деятельности лечебно-профилактических учреждений, жестком режиме работы медицинских сотрудников.

Строительство государственной системы управления здравоохранением в Советской России завершилась учреждением в 1918 г. Народного комиссариата здравоохранения. «Положение о Народном комиссариате здравоохранения» [23]. В документе Наркомат здравоохранения объявлялся центральным медицинским органом, руководящим всем медико-санитарным делом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Этот наркомат разрабатывал законодательные нормы в области здравоохранения и осуществлял над контроль над их исполнением. Именно этот исполнительный орган обеспечивал согласование работы «центральных и местных медико-санитарных учреждений и объединений, и медикосанитарной деятельности местных Советов депутатов». Благодаря централизованной системе бесплатное и льготное здравоохранение обеспечили доступ в амбулатории, поликлиники и больницы доступными всему населению, в том числе и горожанам. В 1930-е гг. обращение к врачу в местное лечебное учреждение стало частью городской повседневности в случае болезни.

В провинциальных городах дело обстояло несколько сложнее. В далеком южном городе не хватало помещений для медицинских учреждений, ощущался дефицит медицинских работников. Тем не менее, местная власть стремилась реализовать распоряжения государства в разных областях, включая медицину. Только весной 1920 г., когда в регион вернулись красные, были приняты первые местные документы об организации системы здравоохранения и медицинском обслуживании. Так, через 3 месяца после восстановления в Ставропольской губернии советской власти, 24 мая созданный в составе губернского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов отдел труда и социального обеспечения 24 мая 1920 года издал приказ № 32 «О подаче врачебной помощи рабочим и служащим в советских, общественных, кооперативных учреждениях, промышленных, фабрично-заводских, торговых, транспортных, ремесленных и др. предприятиях гор. Ставрополя и Ставропольской губернии, подчиненных надзору Инспекции Отдела Труда» [12, л.16]. Отдел должен был не только создать сеть лечебных заведений, но и снабжать их «лекарствами, лечебными и перевязочными средствами, а также медицинскими принадлежностями и вспомогательными средствами, необходимыми для успеха лечения и облегчения последствий болезни или увечья (очки, костыли, протезы)». Врачебная помощь, выдача лекарств, перевязочных материалов и других принадлежностей рабочим, служащим и их семьям должна была быть бесплатной за счет Отдела труда.

Такой подход к оказанию медицинской помощи был делом необычным для жителей Ставрополя и города, тем более что в регионе земства были введены только накануне революции при большом сопротивлении крестьян, система земской медицины в губернии и городе не сложилась. Поэтому в своих решениях местное советское управление старалось подробно разъяснять, каким образом оказывается помощь, какие действия надо было совершать в случае болезни. Авторы приказа перечисляли виды помощи: первоначальная помощь (в последствии скорая помощь) при внезапных заболеваниях и несчастных случаях, амбулаторное лечение, больничное лечение, родовспоможение, медицинская помощь на дому, курортно-санаторное лечение для детей и взрослых, устройство яслей. К примеру, больничное лечение, почти неизвестное большинству горожан уточнялось: коечное. Доктора приходили на дом только состоятельных жителей, поэтому для многих горожан в новинку было понятие «домашнее лечение». Система курортно-санаторного лечения была еще не сформирована, поэтому, по мнению авторов приказа, оно должно было проводиться в летних колониях, и данный термин еще не приобрел своего зловещего оттенка.

На предприятиях Ставрополя с количеством работников 50 и более должны были создаваться условия для медицинского обслуживания: «должны были иметь приемный покой, которому надлежало быть сухим, светлым, чистым и оно не могло располагаться ни в подвалах, ни на чердаках. В приемном покое должна была быть одна или две койки с чистым постельным бельем и одеялом и достаточное количество медицинских инструментов, лекарств и перевязочных материалов для оказания первой помощи больному. Список необходимых принадлежностей для приемного покоя составляется врачом предприятия» [12, л.16]. Кроме врача на предприятии должен был быть фельдшер, который оказывает первую помощь, а врач должен был посе-

щать предприятие не менее 2-х раз в неделю в определенные заранее дни и часы. Каждый врач обслуживал одно или несколько предприятий с общим числом рабочих от 500 до 750. врач осуществлял прием больных в определенные часы у себя на дому, а тяжелобольных посещал на дому. Порядок распределения работы врача по предприятиям устанавливался врачом в согласии с отделом труда.

Фельдшер также обслуживал одно или несколько предприятий с общим числом рабочих от 300 до 500 человек, и ему вменялось в обязанность, иметь свое постоянное местожительство в одном из обслуживаемых им предприятий наиболее крупном и центральном в его районе, которое должно предоставить ему помещение. Порядок распределения фельдшерской работы по предприятиям устанавливался врачом наиболее крупного и центрального предприятия в согласии с Отделом труда. Во-первых, Ставрополь не был промышленным городом, и промышленных предприятий в нем было мало. Поэтому такая структура не работала. Во-вторых, эти нормы не соответствовали состоянию города и горожан в условиях разорения и надвигающегося голода, нехватки медицинского персонала. Таким образом, многие из распоряжений остались на бумаге.

Для обслуживания рабочих и служащих городских предприятий, нуждающихся в больничном лечении, отдел труда должен был открыть больницу с хирургическим, терапевтическим, заразным (инфекционным) отделением, а также и амбулаторию, которая впоследствии стала называться поликлиникой. Кроме того, необходимо было организовать родильный приют (родильный дом), ясли для детей и учредить летние колонии для больных и слабых детей рабочих и служащих.

Этим же приказом устанавливался порядок документального учета и отчетности. Это свидетельствовало о неизбежной бюрократизации централизованного управления, в том числе и в медицинском обслуживании. В приемных покоях, амбулаториях и больницах заводились прошнурованные книги для записи движения больных, записей прихода и расхода медикаментов и перевязочных материалов. Все эти сведения и отчетность предоставлялись в отдел труда и в отдел здравоохранения по установленной форме и в сроки, определяемые врачом, обслуживающим данное предприятие. Жалобы служащих и рабочих, администрации предприятий на врачебный персонал также направлялся в отдел труда, который, рассмотрев жалобу, принимал соответствующие меры. Подача жалоб была тоже новым штрихом городской повседневности. До революции жалобы рядовых работников хотя и предусматривались, но не поощрялись. В советское время подача жалоб по разным поводам стала обычным делом для горожан.

Непосредственно с медицинским обслуживанием в советской социальной политике была связана забота о нетрудоспособных работниках. Советское государство объявило о безвозмездной социальной поддержке трудящегося человека в трудном положении, которое создавали не только безработица, но и болезни, увечья, старость, смерть близких, рождение детей и их воспитание. Не случайно в один день с упомянутым выше приказом 24 мая 1920 г. отдел труда и социального обеспечения издал приказ № 33 «Правила о порядке установления нетрудоспособности рабочих и служащих, фабрично-заводских и торгово промышленных предприятий, ремесленных заведений и Советских учреждений» [12, л. 17].

Еще в 1918 г. при медико-санитарных отделах местных Советов стали создаваться специальные учреж-

дения – бюро врачебной экспертизы, врачи которой проводили осмотр нетрудоспособных работников и составляли карточку инвалида, в которой эксперт делал отметку о процентной потере трудоспособности, утеряна ли она навсегда или временно (в последнем случае устанавливалась дата переосвидетельствования).

В Ставрополе также работало такое бюро. Для установления нетрудоспособности рабочих и служащих фабрично-заводских и торгово-промышленных предприятий, ремесленных заведений и советских учреждений города Ставрополя должно было проводиться медицинское освидетельствование в бюро врачебной экспертизы при отделе труда и социального обеспечения. Ходатайство об установлении нетрудоспособности могло возбуждено любым лицом, учреждением и предприятием. В состав бюро экспертизы входило не менее 3 врачей-специалистов, представитель отдела труда, санитарный инспектор и представитель губернского бюро профсоюзов. Кроме того, при освидетельствовании в заседании врачебной комиссии допускалось присутствие тех лиц, от которых исходило ходатайство об освидетельствовании или их доверенные.

Заявления об освидетельствовании подавались в губернский отдел труда и социального обеспечения. Сама процедура проходила в специально отведенном месте при Отделе труда. В случае тяжелой болезни, освидетельствование могло проводиться на дому или в лечебном заведении. О дне, месте и часе заседания врачебной комиссии Отдел труда извещал лицо, подлежащее освидетельствованию в данном заседании, а также всех членов комиссии [12, л. 17]. Бюро врачебной экспертизы разрешалось при проведении процедуры освидетельствования пользоваться всеми приемами, принятыми в медицине, для установления факта утери трудоспособности. В ходе заседания врачебной экспертизы велся подробный протокол, а по результатам освидетельствования составлялся акт за подписью всех членов бюро. Подвергнувшись освидетельствованию бюро врачебной экспертизы выдавало свидетельство о результатах, а копия оставалась при отделе. И в акте, и в свидетельстве указывалось, является ли утрата трудоспособности постоянной или временной, в последнем случае и в акте и в свидетельстве, указывалось в какой срок должно быть произведено вторичное освидетельствование для определения пригодности к труду. Постановление бюро экспертизы о признании или непризнании утраты трудоспособности могло быть обжаловано заинтересованными лицами в отделе здравоохранения. От губернского отдела здравоохранения зависело оставить жалобу без последствий или распорядиться о переосвидетельствовании. Решение комиссии, назначенной отделом здравоохранения, считалось окончательным и не подлежало обжалованию. Расходы по экспертизе возлагались на отдел труда и социального обеспечения.

В 1920-е гг. происходило становление системы отпусков по временной нетрудоспособности работника. Пособие по временной нетрудоспособности в те годы составляло фактически размер заработной платы. В 1931 г., пособие стали начислять в зависимости от стажа, отрасли, должности и от членства в профсоюзе. Не членам профсоюза начисляли пособие в половину меньше, чем членам профсоюза. Больничный лист стал выдаваться всем заболевшим работникам только в 1937 г. Так, в городе Ставрополе в 1920–1921 гг. освобождение от работы на срок не более 7-ми дней

при временной утрате трудоспособности выдавалось врачом предприятия или учреждения, причем учреждению или предприятию в спорных случаях, предоставлялось право обжалования отпуска в отдел труда и социального обеспечения для окончательного разрешения вопроса в бюро врачебной экспертизы. Тогда закладывалась такая черта советской повседневности, которая отражена в советском языке: «уйти на больничный».

Приведем примеры свидетельств врачебно-экспертной комиссии, которые отображают распространенные заболевания у жителей города в 1921 г. в городе Ставрополе. По личной просьбе 31летней Веры Владимировны Ивановой, страдающей активным туберкулезом, была установлена постоянная утрата трудоспособности 70%. Недоедание, голод, эмоциональные потрясения стали причиной распространения малокровия и заболеваний сердца. Страдавшей малокровием и часто повторявшимися припадками грудной жабы (стенокардией) Анне Кленовой 42 лет комиссия определила временную потерю трудоспособности на 65 % и освобождение от работы на 4 месяца» [10, л. 4]. Свидетельство о временной нетрудоспособности было выдано Николаю Карповичу Григорьеву 55 лет страдающему хроническим нефритом. Утрата трудоспособности на те же 65 % позволяла освободить его только на 2 месяца» [10, л. 6]. Очевидно, что отпуска по нетрудоспособности зависели от тяжести заболевания. Надо заметить, что в связи с потерей трудоспособности, врачебные комиссии могли выдавать продовольственные карточки для поддержки больных.

Наряду с таким принципом советской медицины, как ее огосударствление, важным ее качеством должен был быть профилактический характер. Уже во Второй Программе Российской Коммунистической партии, принятой в марте 1919 г. на VIII съезде партии, говорилось: «В основу своей деятельности в области охраны народного здоровья РКП полагает, прежде всего, проведение широких оздоровительных и санитарных мер, имеющих целью предупреждение развития заболеваний...» [24]. Только за 1919–1920 гг. вышло множество декретов по поводу профилактики инфекционных заболеваний» [2; 3; 4]. Внимание власти к профилактике инфекционных заболеваний объяснимо, т.к. в стране в целом и в Северо-Кавказском регионе, включая Ставрополь, бушевали эпидемии сыпного тифа, холеры, оспы. Это и облегчение работы врачей и другого медицинского персонала, работающего по борьбе с эпидемическими заболеваниями, и обеспечение лечебно-санитарных учреждений продовольствием и фуражом, и обязательная трудовая повинность для населения по подаче подвод и экипажей для транспортировки заразных больных и медицинского персонала. Среди мер по предотвращению эпидемий была и вакцинация против оспы. Однако наиболее опасной была холера, пандемия которой длилась с 1901 по 1926 гг.

Город Ставрополь в 1918–1919 гг. находился в эпицентре военного противостояния «белых» и «красных», что сопровождалось перемещением большого количества людей, санитарным неблагополучием. Сразу после победы советской власти в регионе в его городах сосредоточились массы военных. Неудивительно, что в 1920 г. Ставрополь был объявлен «угрожаемым по холере», и уже в апреле этого года отдел труда и социального обеспечения выпустил распоряжение, в котором были изложены меры по борьбе с холерой. По указанию отдела медики города разработали методические рекоменда-

ции по борьбе с инфекцией. В них содержался запрет на сырую воду для питья в учреждениях, на предприятиях, в общественных местах. На предприятиях численностью более 30 человек должен стоять бак для кипяченой воды, а для небольших коллективов кипяченая вода должна доставляться и содержаться в резервуарах с крышкой и краном. Кроме того, все съестные припасы, а также посуда должны были храниться в специальном шкафу, причем посуда каждый раз должна мыться горячей водой» [11, л. 5]. Также необходимо было достаточное количество 2 % раствора карболовой кислоты или 1.1000 сулемового раствора для дезинфекции рук. «Ретиреды» (уборные) должны были своевременно очищены и продезинфицированы карболкой или негашёной известью, «должны быть вполне исправны и с непременно расчётом – одно очко на 25 человек. Все промывные и сточные воды, все отбросы и нечистоты должны быть обеззаражены и немедленно удалены» [11, л. 5]. Важно было для сохранности источников питьевой воды от загрязнения и заражения сточными водами своевременно исправлять фильтры. Если сравнить хозяйственное состояние города, отсутствие городской ассенизационной системы и проч. С этими требованиями, то становится ясным, что многие меры оставались на бумаге.

В случае заболевания рабочего или кого-либо из членов его семьи подозрительным по холере заболеванием (рвота, понос), необходимо было немедленно сообщить об этом санитарной инспекции при отделе труда, для принятия своевременных мер к изоляции и дезинфекции помещения. Больной немедленно направлялся в холерный барак. Чрезвычайная комиссия по борьбе с холерой и санитарно-эпидемический подотдел отдал распоряжение отделу коммунального хозяйства губернского совета (Коммунхоз) «срочно произвести ремонт в заражном бараке при Городской больнице: установить перегородки по указанию врача; в рожистом корпусе выделить отделение для скарлатинозных больных, приспособив для него ванну и клозет, срочно произвести исправление канализации» [18, л. 18]. Эти распоряжения расклеивались по всему городу, и особенно по близлежащим селам [11, л. 15]. Они предусматривали целый комплекс мер:

1. Во всех военных и гражданских учреждениях, а также фабрично-заводских предприятиях в 5-ти дневный срок установить баки с кипяченой водой. Ответственность за срочное исполнение указанной меры возлагается на заведующих и начальников учреждений.

2. На всех вокзалах, базарах и других местах скопления публики в 5-ти дневный срок установить баки с кипяченой водой для общего пользования. Ответственность за срочное исполнение указанной меры возлагается на Коммунхоз и комендантов станций.

3. Коммунхозу произвести в срочном порядке национализацию бань, не прекращая их деятельности.

4. Срочно произвести обследование бань, в санитарном отношении. Ответственность возлагается на санитарный надзор Губотздрави.

5. Произвести систематическое исследование колодезев и других питьевых источников. Обязанность возлагается на Бактериологический институт Губотздрави.

6. Производить систематическое обследование в санитарном отношении мест изготовления съестных продуктов. Обязанность возлагается на санитарный надзор Губотздрави. Химическое исследование их по требованию санитарного надзора возлагается на Бактериологический институт Губотздрави.

7. Предлагается всем заведующим и начальникам лечебных учреждений, как в городе, так и в губернии, ответсти изоляционные палаты для остро кишечных больных.

8. Всем врачам и лекарям о каждом случае подозрительного по холере заболевания немедленно сообщать в Губернский Отдел Здравоохранения.

9. Воспрещается продажа семечек на углах улиц и базарах. Ответственность за выполнение данного пункта возлагается на милицию.

10. Кроме вышеизложенного, Комиссия подтверждает к срочному и неуклонному исполнению обязательное постановление Губернского Отдела Здравоохранения.

11. Наблюдение за точным исполнением настоящего приказа и наблюдение за проведением в жизнь санитарных мероприятий возложить на санитарный надзор, милицию, заведующих и начальников учреждений.

Виновные в неисполнении сего приказа подвергнуты строгой ответственности [11, л. 15]. Изложение этих мероприятий содержит элементы городской повседневности Ставрополя 1920-х гг.: стихийная торговля жареными семечками подсолнухов на углу улиц, питьевая вода из общего бака в общественных местах, переполненные бани.

Важной составляющей борьбы с инфекционными заболеваниями была наглядная агитация. В стране был налажен выпуск и распространение листовок и плакатов, демонстрирующих в доступной форме способы профилактики опасных заболеваний. Например, в 1920 г. в Ставрополе была подготовлена листовка Чрезвычайной комиссией по борьбе с холерой, предназначенная для расклейки по городу: «Граждане! Холера надвигается!.. Кто не знает этой страшной болезни. Сколько жизней унесла эта злая болезнь у человечества, долго не знавшего, что такое холера и как от нее уберечься. Да и теперь, народные массы мало еще знают об этом и в паническом страхе опускают руки. Отдают свою жизнь без сопротивления этой болезни, считая ее за бич Божий. Нет, ГРАЖДАНЕ! Это бич невежества, темноты и неряшества... Холера сильна тем, что возбудитель ее невидим для глаза, как и возбудители других заразных болезней, и страшна тем, кто не знает и не хочет знать врага и тех средств, которыми можно с ним бороться. Между тем, благодаря усиленному труду врачей и других ученых, враг найден, его рассматривают и изучают, вооружившись микроскопом, и теперь мы знаем, что такое холера, и так же хорошо знаем, как от нея уберечься.

Возбудитель холеры – это не видимый для глаза живой организм – бацилла, неимоверно быстро размножающаяся в нашем теле и отравляющая своим сильным ядом кровь человека.

Быстро развивающиеся явления: рвота, понос, судороги, похолодание тела, потеря голоса – вот главные признаки болезни, и смерть иногда наступает с молниеносной быстротой.

Вот главные правила!

1. Не пейте сырой воды и не прокипяченного молока – в них развиваются холерные микробы, прокипятите их.

2. Не ешьте незрелый фрукт – расстраивается пищеварение, что способствует укреплению и развитию в кишечнике попавшего в него холерного микроба.

3. Держите в чистоте свое тело, одежду, мойте руки обязательно перед каждым приемом пищи: под прикрытием грязи, микроб легко проникает в организм.

4. Держите в чистоте свое жилище, двор, отхожие места и помойные ямы.

5. Истребляйте мух: на лапках и крыльях они могут переносить с навоза и испражнений холерную заразу.

6. Делайте себе прививки противохолерной вакцины. Это – наиболее надежный способ обезопасить себя от заболевания холерой. О начале прививок и пунктах будет объявлено.

7. Сообщайте в отдел здравоохранения о местах наибольшего скопления нечистот.

8. Когда появилось уже где-либо заболевание холерой, сообщайте немедленно об этом в отдел здравоохранения.

9. Избегайте посещать те дома, где имеются больные холерой, и не принимайте оттуда никаких вещей.

10. Отправляйте заболевших в холерный барак.

Помните граждане, что холера сильна там, где царит мрак, невежество, грязь, неряшество и что победить ее можно знанием, светом, чистотой и дисциплиной» [13, л. 7].

Чрезвычайная Комиссия по борьбе с холерой объявила мобилизацию «всех обывательских подвод по городу Ставрополю и его предместьям». Их владельцам подвод предписывалось явиться по месту жительства в соответствующие участки милиции и зарегистрироваться от 12 до 16 мая 1920 г. Днем явки в милицеские участки для привлечения к работам был назначен понедельник 18 мая в 9 часов утра по новому времени». Очистительные работы по городу будут продолжаться три дня» [13, л. 10]. Граждан, проигнорировавших приказ, должны были привлекать к строжайшей ответственности по законам военного времени. Контроль был возложен на городскую милицию.

Даже трудовая повинность того времени была связана с профилактикой инфекционных заболеваний. Ставропольский губернский комитет по проведению всеобщей трудовой повинности 22 июля 1920 г. издал Приказ № 23, в котором в трудовую повинность входили работы «по санитарной чистке населенных пунктов – городов, ж.д. станций, крупных поселков и селений (улицы, площади, базары, усадьбы, дворы и дома) от накопившегося мусора и нечистот, с вывозом этого материала в указанные здравотделами или их агентами места; по очистке мест массового скопления населения (вокзалы, дома ожиданий при вокзалах, ночлежные дома, казармы, тюрьмы, приюты, школы, чайные, столовые), с применением в случае необходимости, ремонта этих помещений, в виде побелки и покраски; по очистке и приведению в порядок лечебных заведений (госпиталей, больниц, амбулаторий), по организации подсобных работ в них (стирка белья, примитивный ремонт, починка белья и одежды, работа по разгрузке эшелонов раненных и больных); по устройству, обмундированию и ремонту, а в случае нужды и по текущей работе в санитарно-технических установках (бани, прачечные, дезинфекционные камеры и вошебойни, водопроводные и канализационные сооружения), с выделением из привлекаемых квалифицированных работников» [14, л. 17].

Руководство и организация работ возлагались на комиссию при Исполкоме из 3-х лиц: председателя местного комитета труда, отдела здравоохранения и коммунального отдела исполкома. Комиссия работала под контролем местных комитетов труда и периодически отчитывалась об использовании рабочей силы и о результатах работы. Все привлекаемые к трудовой повинности группы населения должны были использоваться применительно к характеру намеченных работ, а также в соответствии с подготовкой и физическим состоянием привлекаемых. В частности, «на работы с особо тяжелым физическим трудом должны привлекаться преимущественно лица мужского пола рабочего

возраста; на работы, могущие быть связанными с возможностью заражения сыпным тифом, должны привлекаться преимущественно лица, перенесшие сыпной тиф; женщины должны привлекаться преимущественно в области их специально-хозяйственной подготовки (починка и ремонт белья в госпиталях, стирка)» [14, л. 17]. Все эти работы осуществлялись при участии местного санитарного надзора и инспекции труд. В Ставрополе такой надзор осуществлял доктор Энштейн, заведующий санитарно-эпидемическим подотделом городского совета. Он непосредственно участвовал во всех совещаниях, посвященных борьбе с холерой. К примеру, 3 сентября 1921 г. он принял участие в совещании о проведении санитарной пропаганды [8, л. 19]. Объявление по этому поводу раскрывает элементы повседневности городских управленцев: совещания, как правило, проходили в субботу вечером, а не в середине рабочего дня.

Санитарная пропаганда включала разъяснение о необходимости противохолерной вакцинации. Приказом по городу Ставрополю от 4 мая 1921 г. вменялось немедленно приступить к противохолерной прививке во всех рабоче-продовольственных отрядах [9, л. 19]. Тогда же городская власть должна была принять экстренные меры по прекращению торговли семечками, квасом и другими прохладительными напитками на улицах города [9, л. 30].

Бичом горожан было заболевание оспой. Поэтому уже в 1920 г. жителей города в целях успешной борьбы с эпидемией оспы согласно стали прививать от оспы. Согласно упомянутому выше Декрету СНК в городах с населением не менее 10000 жителей, а к таковым принадлежал и Ставрополь, все родившиеся младенцы прививались немедленно, а поступающих в учебные заведения, приюты, интернаты – в течение 2 недель со дня поступления, как и рабочих и служащих в предприятиях и учреждениях, а также поступивших и поступающих в Красную Армию. Попавшие в места заключения прививались в течение 3 дней. Ответственными за вакцинацию назначались руководители соответствующих заведений и предприятий. Наблюдение за оспопрививанием в городе возлагалось на заведующего городской санитарной секцией. Лица, уклоняющиеся от обязательного оспопрививания и не привившие своих детей, привлекаются к ответственности перед Народным Судом [13, л. 51]. Городской отдел здравоохранения в обязательном порядке собирал именные списки «оспированных». Например, в период с 1 апреля по 13 июня 1920 г. были привиты 29 мужчин и 41 женщина – жители Мамайки, жители улицы Ольгинской – 85 мужчин, 128 женщина, 38 мужчин, 92 женщины – жители улицы первой Мещанской [6, л. 16].

Этот опыт борьбы с инфекциями был использован в городе и позже. В 1925 г. в городе началась эпидемия скарлатины, в связи с чем, на основании постановления Санитарной Комиссии окружного здравоохранения с 30 сентября по 13 октября в связи с проведением дезинфекции были закрыты школы I ступени, 5, 6, 9, 13, 15 и 1 семилетка [15, л. 6]. Работникам школ и детских домов города из-за эпидемии скарлатины предлагалось внимательно следить за санитарным состоянием школы и заболеваемостью учащихся. В частности, строго соблюдать карантин там, где он объявлен, не выпускать детей из детских домов в места скопления публики – кино, театры, собрания, в том числе и пионерские, не устраивать в школах и детских домах вечеров, собраний, не организовывать выездов в села.

Одним из самых распространенных заболеваний, доставшихся в наследство от Российской империи и усугубившихся войнами и революциями, был туберкулез. Голод и разруха не способствовали снижению этого заболевания. Советская власть провозгласила борьбу с туберкулезом делом государственной важности. 25 октября 1918 г. в Народном комиссариате здравоохранения (НКЗ) РСФСР была организована секция борьбы с туберкулезом. В губернские отделы здравоохранения был направлен циркуляр, по которому губернским здравоохранителям надлежало создать специальные губернские органы по борьбе с туберкулезом [5, л. 4]. Особое место отводилось борьбе с детским туберкулезом. Для этого необходимы были «массовые исследования школьников на туберкулез; культурнопросветительская работа по борьбе с детским туберкулезом; широкая пропаганда сведений о детском туберкулезе и его связи с туберкулезом взрослых; детские диспансеры со столовыми и клубами; санатории-школы; лесные школы и санатории-колонии» [5, л. 5].

Не обошла стороной эта проблема и население города Ставрополя. В Ставрополе под эгидой губернского отдела здравоохранения была создана комиссия по борьбе с туберкулезом, которая в 1920 г. разработала общий план борьбы. Особое внимание конечно уделялось детям. Количество больных активным туберкулезом детей дошкольного и школьного возраста городе исчислялось половиной процента, что составляло около 100 человек в городе и около 200 человек для губернии [5, л. 3]. Встал вопрос о создании городского противотуберкулезного санатория для детей (функционировал еще в 1960-е гг.). Для этого был проведен осмотр совхозов в районе озера Сенгилеевского. Для больных костным туберкулезом, комиссия посчитала наиболее рациональным использовать Кумагорский курорт. Важной работой было просвещение населения: лекции о борьбе с туберкулезом, ознакомление с мерами предохранения от заражения туберкулезом.

Создание специальных санаториев для туберкулезных больных было делом будущего, а быстрыми мерами была «организация столовых с усиленным пайком для выздоравливающих и ослабленных. Поэтому предлагалось открыть в городе «в срочном порядке 3 столовых на 600 человек каждая – для выздоравливающих туберкулезных и малокровных» [5, л. 2]. Ситуация с больными туберкулезом в городе оставалась острой и в 1930-е гг. Сотни больных с костнотуберкулезными процессами нуждались в стационарной помощи. На учете имелось 95 костнотуберкулезных больных, нуждавшихся в срочном больничном лечении. Еще хуже были условия для больных туберкулезом легких: для них было развернуто только 25 коек [16, л. 76].

Только в 1929 г. городе Ворошиловске (Ставрополе), заработал противотуберкулезный кабинет и было открыто туберкулезное отделение на 20 коек при краевой клинической больнице. Но официально дата создания противотуберкулезной службы – 14 октября 1935 г., когда открылся диспансер как единый методический и научный центр, возглавивший все противотуберкулезные организации в крае. В 1941 г. он получил статус краевого.

Важным фактором борьбы с эпидемиями было нормальное санитарное состояние городского жилья. В 1920-е гг. в Ставрополе большинство жилых помещений не имели ни канализации, ни водопровода внутри дома. В таких условиях главным орудием личной ги-

гиены, особенно в условиях эпидемий, горожан оставались бани. Ситуация с банями в городе Ставрополе была не совсем благополучной. Во-первых, бань было мало из расчета на численность населения. В 1927 г. жители окраинного Карабино-Каменоломского района обратились в Горсовет с просьбой открыть баню у них в районе [17, л. 4] и получили отказ Президиума Ставропольского Городского Совета от 19 апреля 1927 г. на основании записки окружного коммунхоза: «возражает против открытия вновь бани Козловского, т.к. таковая не отвечает санитарно-гигиеническим требованиям, а так же в виду того, что Центральная баня ОКО расположенная в верхней части города полностью может обслужить просителей» коммунхоза [17, л. 13]. Жители района написали повторное заявление, в котором указали, что ответ Президиума Горсовета их не удовлетворяет. «На окраине (Карабино-Каменоломского, Мамайского, Старо-Форштатского, Ново-Форштатского районов) находится 15 тысяч жителей, и в интересах санитарии и гигиены на окраине должна быть баня, поскольку ведь не может весь город посещать одну баню. Поэтому просим вторично Горсовет на общем собрании об открытии бани на окраине. И если баня Козловского не отвечает санитарно-гигиеническим требованиям, то таковую надо национализировать, переоборудовать и открыть для населения» [17, л. 8].

Во-вторых, гражданская война оставила в городах Северного Кавказа большое количество воинских частей. Это создавало скученность населения и острый дефицит помещений. Отражением этих обстоятельств стала теснота в банях. Так, в 1921 г. Губернский здравотдел обратился к коменданту города Ставрополя с просьбой о содействии разгрузить бани Анурова и Козловского, предназначенные для гражданского населения от скопления в них красноармейцев, т.к. это лишало

население почти всякой возможности пользоваться этими банями, между тем как в городе Ставрополе имелись бани, предоставленные в исключительное пользование воинских частей: «Посещение указанных бань гражданами Ставрополя, в целях содержания тела в чистое, является одним из главных орудий борьбы с развивающейся в городе эпидемией сыпного тифа. В виду этого Губздравотдел просит вас сделать распоряжение о том, чтобы воинские части не пользовались банями Анурова и Козловского» [3, л. 10].

Результаты. Таким образом, с начала 1920-х гг. в стране стала формироваться единая государственная система здравоохранения, в основу которой были заложены такие принципы, как государственная централизация, профилактическая направленность, доступность, бесплатность и квалифицированность медицинской помощи. В тяжелых экономических условиях государство и местные органы власти стремились решить проблемы здравоохранения с разной степенью реализуемости. Несмотря на сложности послевоенной жизни, к концу 1920-х гг. в Ставрополе была создана разветвленная городская сеть лечебных учреждений. Обширной сферой медицинского обслуживания была борьба с эпидемиями в регионе и городе, наведение порядка в санитарном состоянии города Ставрополя.

С другой стороны, изучение архивных документов Ставропольского Горсовета и его отделов помогает извлечь латентную информацию о повседневной жизни Ставрополя в начале 1920-х гг. и одновременно реконструировать процесс эволюции городской повседневности в данном локальном сообществе в последующие десятилетия.

Литература

1. Декрет СНК «О бесплатной передаче больничным кассам всех лечебных учреждений и предприятий или, в случае неимения таковых, о выдаче денежных сумм на оборудование их» от 14 ноября 1917 года. URL: <https://istmat.org/node/27970> (дата обращения: 21.08.2024).
2. Декрет «О мероприятиях по борьбе с сыпным тифом» 28 января 1919 года // Декреты Советской власти. Т. IV. Ин-т марксизм-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1968. С. 324–326.
3. Декрет «О мерах борьбы с эпидемиями 10 апреля 1919 года» // Декреты Советской власти. Т.5. М.: Политиздат, 1971. С.56–60.
4. Декрет «Об обязательном оспопрививании 10 апреля 1919 года». Т.5. М.: Политиздат, 1971. 720 с. С. 60–61.
5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР.243.Оп.1 Д. 73.
6. ГАСК. ФР.243.Оп.1 Д. 89.
7. ГАСК. ФР.243.Оп.1. Д. 103.
8. ГАСК. ФР.243.Оп.1. Д. 303.
9. ГАСК. ФР.243.Оп.1. Д. 304.
10. ГАСК. ФР.243.Оп.1. Д. 323.
11. ГАСК. ФР.442.Оп.1. Д. 5.
12. ГАСК. ФР.442.Оп.1. Д. 7.
13. ГАСК. ФР.442.Оп.1. Д. 311.
14. ГАСК. ФР.442.Оп.1. Д. 332.
15. ГАСК. ФР.300.Оп.1. Д. 155.
16. ГАСК. ФР.1685.Оп.1. Д. 2.
17. ГАСК. ФР.1686.Оп. 1Д. 11.
18. ГАСК. ФР.3129.Оп.1. Д. 58.
19. Карташов И.В. Ставропольский медицинский институт – фронту // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 383–389.
20. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополя в конце XVIII начале XX вв. Ставрополь: СГУ, 2002. 211 с.
21. Ованесов Б. Т., Судавцов Н. Д. Здравоохранение Ставрополя (1918 – 2005 гг.). Ставрополь: ООО «СтройиздатГрантстрой», 2007. 542 с.
22. От Коллегии по заведыванию медицинскими отделами Народных Комиссариатов Внутренних Дел, Путей Сообщения и Государственного Призрения. «О борьбе с заболеваемостью, смертностью и антисанитарными условиями жизни широких масс населения от 2 декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М.: б.и., 1942. С. 64–65.
23. Положение о Народном комиссариате здравоохранения // Декреты Советской власти. Т. III. Ин-т марксизм-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М.: Политиздат, 1964. С. 53.

24. Программа РКП(б) 1919 г. URL: <https://opentextnn.ru/history/istorija-rossii/istorija-gosudarstvennogo-upravlenija-posle-1917-g/programmy-kompartii/1919g/> (дата обращения: 27.08.2024).

References

1. Decree of the Council of People's Commissars "On the free transfer to health insurance companies of all medical institutions and enterprises or, in case there are none, on the issue of monetary sums for their equipment" of November 14, 1917. URL: <https://istmat.org/node/27970> (accessed: 21.08.2024). (In Russ.).
2. Decree "On measures to combat typhus" January 28, 1919 in Decrees of Soviet power. Vol. IV. Institute of MarxismLeninism under the CPSU Central Committee, Institute of History of the Acad. of Sciences of the USSR. Moscow: Politizdat; 1968. P. 324-326. (In Russ.).
3. Decree "On measures to combat epidemics April 10, 1919 in Decrees of Soviet power. Vol. 5. Moscow: Politizdat; 1971. P. 56-60. (In Russ.).
4. Decree "On compulsory smallpox vaccination April 10, 1919. Vol. 5. Moscow: Politizdat; 1971. 720 p. P. 60-61. (In Russ.).
5. State Archive of Stavropol Krai (GASK). F.243. Inv.1. D. 73. (In Russ.).
6. GASK. F.243. Inv.1. D. 89. (In Russ.).
7. GASK. F.243. Inv.1. D. 103. (In Russ.).
8. GASK. F.243. Inv.1. D. 303. (In Russ.).
9. GASK. F.243. Inv.1. D. 304. (In Russ.).
10. GASK. F.243. Inv.1. D. 323. (In Russ.).
11. SASK. F.442. Inv.1. D. 5. (In Russ.).
12. GASK. F.442. Inv.1. D. 7. (In Russ.).
13. GASK. F.442. Inv.1. D. 311. (In Russ.).
14. GASK. F.442. Inv.1. D. 332. (In Russ.).
15. GASK. F.300. Inv.1. D. 155. (In Russ.).
16. GASK. F.1685. Inv.1. D. 2. (In Russ.).
17. GASK. F.1686. Inv.1. D. 11. (In Russ.).
18. GASK. F.3129. Inv.1. D. 58. (In Russ.).
19. Kartashov IV. Stavropol Medical Institute to the front. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*. 2023;10(3):383-389. (In Russ.).
20. Ovanesov BT, Sudavtsov ND. Health care of Stavropol in the late XVIII - early XX centuries Stavropol: Stavropol state university publ.; 2002. 211 p. (In Russ.).
21. Ovanesov BT, Sudavtsov ND. Healthy edges Stavropolya (19182005). Stavropol: LLC StroyizdatGrantstroy; 2007. 542 p. (In Russ.).
22. From the Collegium for the supervision of medical departments of the People's Commissariats of Internal Affairs, Communications and State Welfare. "On combating morbidity, mortality and unsanitary living conditions of the masses of the population". December 2, 1917 in Collection of decrees and orders of the workers' and peasants' government for 1917-1918. Moscow, 1942. P. 64-65. (In Russ.).
23. "Regulations on the People's Commissariat of Health" in Decrees of Soviet power. Vol. III. Institute of MarxismLeninism at the CPSU Central Committee, Institute of History of the USSR Academy of Sciences. Moscow: Politizdat; 1964. P. 53. (In Russ.).
24. Program of the RCP(b) 1919. URL: <https://opentextnn.ru/history/istorija-rossii/istorija-gosudarstvennogo-upravlenija-posle-1917-g/programmy-kompartii/1919g/> (accessed: 27.08.2024). (In Russ.).

ФОРМИРОВАНИЕ ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В ИМПЕРИИ ГАБСБУРГОВ: ПРЕДПОСЫЛКИ И СПЕЦИФИКА ВЫСТРАИВАНИЯ НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ВЕНГРИЕЙ

Борис Александрович Виноградный

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

Bvins77@ya.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4932-7666>

Аннотация. Введение. Австро-Венгрия после реформирования в 1867 г. становится уникальным государственным образованием, предполагающим отказ от жесткой централизации и реализовавшем на практике уникальную формулу конституционного развития, личную унию Австрии и Венгрии, выбравших различные модели внутриполитического и экономического развития. Создание Европейского союза, развитие поликультурности, нарастание роли регионов в развитии отдельных государств и ЕС в целом, стимулируют интерес к изучению истории империи Габсбургов. **Материалы и методы.** В зарубежной и отчасти в отечественной историографии отмечается интерес научного сообщества к Австро-Венгрии и ее месту в мировой истории. Однако, полемика по данному поводу только нарастает. Формируются различные школы и направления, как идеализирующие империю Габсбургов, так и считающие ее «анахронизмом» в Европе. В процессе работы над темой в качестве исторического источника использовались законодательные акты, заложившие основы дуалистической системы. Автор при работе над материалом применял принципы историзма, объективности и системности. **Анализ.** В статье подчеркивается, что еще до поражения в австро-прусской войне монархия предпринимает попытки достижения компромисса с Венгрией, занимавшей исключительное место в империи и имеющей «историческое право» на восстановление собственной государственности. Война только ускорила данный процесс и способствовала оформлению дуалистической системы.

Австрия и Венгрия, фактически становятся самостоятельными государственными образованиями, объединенными общим монархом и так называемыми общими делами. Основой для конструирования дуализма становится его одобрение парламентами обеих половин империи. Конституционализм и либерализм становится гарантией его соблюдения в будущем. **Результаты.** Дуалистическая монархия явилась результатом компромисса между австро-немцами и венграми, монархией и Венгрией. Дуализм обеспечил стабильное развитие Австро-Венгрии в последней трети XIX – начала XX вв. Однако, рост движения национальных меньшинств требовал реформирования дуализма и создания принципиально иной системы.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Франц Иосиф I, дуалистическая система, либерализм, Габсбурги, Хорватия, конституционная монархия

Для цитирования: Виноградный Б. А. Формирование дуалистической системы в империи Габсбургов: предпосылки и специфика выстраивания новых отношений между Австрией и Венгрией // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 434–441. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.2>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.01.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.03.2024.

Research article

FORMING A DUALISTIC SYSTEM IN THE HABSBURG EMPIRE: PREREQUISITES AND PECULIARITIES OF BUILDING NEW RELATIONS BETWEEN AUSTRIA AND HUNGARY

Boris A. Vinogradny

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

Bvins77@ya.ru; <https://orcid.org/0009-0005-4932-7666>

Abstract. Introduction. After its reformation in 1867, Austro-Hungary became a unique state entity that abandoned strict centralization and implemented a unique formula of constitutional development. This resulted in a personal union between Austria and Hungary, which adopted different models of domestic and economic development. The establishment of the European Union, the development of multiculturalism, and the increasing role of regions in the development of individual states and the EU as a whole stimulate interest in the history of the Habsburg Empire. **Materials and Methods.** Both foreign and, to a lesser extent, domestic historiography note the interest of scientific community in Austro-Hungary and its place in world history. However, the debate on this topic is only intensifying. Different schools and directions either idealize the Habsburg Empire or consider it an “anachronism” in Europe. In the course of working on this topic, legislative acts that laid the foundation of the dualistic system were used as historical sources. The author applied the principles of historicism, objectivity, and systematics in his work on the material. **Analysis.** The article emphasizes that

even before the defeat in the Austro-Prussian war, the monarchy attempted to reach a compromise with Hungary, which held an exceptional place in the empire and had a “historical right” to restore its own statehood. The war only accelerated this process and contributed to the formation of the dualistic system. Austria and Hungary effectively became independent state entities united by a common monarch and the so-called common affairs. The approval of dualism by the parliaments of both halves of the empire became the basis for its construction. Constitutionalism and liberalism were to ensure its observance in the future. **Results.** The dualistic monarchy resulted from a compromise between Austro-Germans and Hungarians, the monarchy, and Hungary. Dualism provided stable development for Austro-Hungary in the last third of the 19th century and the early 20th century. However, the rise of minority national movements required reforming dualism and creating a fundamentally different system.

Keywords: Austro-Hungary, Franz Joseph I, dualistic system, liberalism, Habsburgs, Croatia, constitutional monarchy

For citation: Vinogradny BA. Forming a dualistic system in the Habsburg Empire: prerequisites and peculiarities of building

© Виноградный Б. А., 2024

new relations between Austria and Hungary. *Humanities and law research*. 2024;11(3):434-441 (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.2>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Введение. В 1867 г. империя Габсбургов вступила в новый этап своего развития, получившего названия дуалистической монархии. Империя в очередной раз показала способность трансформироваться в условиях новой политической реальности, отходя от утвердившихся в Европе канонов государственного устройства. Отказ от унификации и сохранение поликультурности общества демонстрировали одновременно и силу, и слабость империи накануне грядущих потрясений, вызванных ростом национализма и Первой мировой войны. Австро-Венгрия становится площадкой, где формируются и развиваются имперский консерватизм, либерализм, марксизм, сионизм, панъевропейское движение и даже национал-социализм. Она своего рода является лабораторией, вырабатывающей основные модели развития Европы в XX в. Неслучайно, что с возникновением Европейского союза в Европе нарастает интерес к истории империи Габсбургов, в том числе на полях исторической науки. Обилие публикаций по истории Дунайской монархии, не мешает исследователям находить новые лакуны в ее изучении. Создание дуалистического механизма, новой конституционной системы относится к таким темам.

Материалы и методы. Заключение дуалистического соглашения вызывало и продолжает вызывать острые дискуссии в зарубежной и отечественной историографии. Центральное место в данных спорах занимают проблемы сущности дуализма и его влияния на дальнейшее развитие империи Габсбургов. Многие авторы полагают, что дуализм законсервировал империю, создав препоны для ее дальнейшего реформирования, обеспечив стабильность в краткосрочной перспективе или порождая иллюзию стабильности. В частности, С. Вэнк полагает, что дуалистическая система закрепила архаичную политическую систему, и привела к отчуждению национальных меньшинств от монархии [27].

Чешский историк Т. Клетечка в качестве важного момента в истории Австро-Венгрии выделяет попытку К. Гогенварта в 1871 г. достижения компромисса с чехами по примеру соглашения с венграми. Однако она провалилась, так как австро-немцы и венгры не хотели терять гегемонию в империи [9]. В. Раушер отмечает тревогу среди правящих кругов Цислайтании и Венгрии по поводу нарастания автономистских/федералистских настроений среди народов империи, поскольку это могло подорвать основы дуализма [16]. В исторической литературе получила распространение точка зрения о том, что от подписания дуалистического соглашения больше всего выиграла Венгрия [22].

Однако с такой точкой зрения не согласны многие ученые. И. Деак, Р. Бридж и А. Скед полагают, что дуализм создал наднациональную структуру, заслуживающую тщательного изучения и с точки зрения его значимости для современного развития общества [20, 21, 25]. Они считают, что империя в целом являлась жизнеспособным образованием, способной к модификации.

Большой вклад в изучении истории империи Габсбургов внес известный российский историк Т.М. Исламов. Он критиковал концепцию Австро-Венгрии «тюрьмы народов» и в тоже время он был далек от идеализации дуалистической монархии, обеспечившей экономический

The article was submitted: 17.01.2024.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.03.2024.

рост и стабильность. Одновременно, показавшей неспособность к реформированию, тем более в условиях внешнеполитических катаклизмов [7]. Предпосылки и историю создания дуалистической монархии в своем диссертационном исследовании осветила Е.В.Котова [11].

В процессе работы над темой в качестве исторического источника использовались законодательные акты, сформировавшие основы дуалистической системы в 1867–1868 гг., включая Хорватовенгерское соглашение, завершившее процесс создания Австро-Венгрии.

Анализ. После поражения в войне с Францией и Сардинией в 1859 г. Австрия предпринимает попытки пойти на компромисс с Венгрией, понимая опасность наличия в тылу бунтующего региона в случае новых внешнеполитических осложнений. Венгерская элита не признавала возможность компромисса без признания венгерской государственности, имевшей глубокие исторические корни и подтвержденной Прагматической санкцией 1723 г. Важной основой для начала этого процесса являлось восстановление конституции Венгрии 1848 г. Государственно-правовые дискуссии в период централизма подкреплялись реальными действиями венгерской оппозиции. Тактика «пассивного сопротивления» практически парализовала деятельность австрийских чиновников на территории Венгрии.

В 1859–1860 гг. происходит частичная реабилитация в наименовании органов государственной власти и выборных структур названия «венгерский». Поступили предложения о направлении венгерских депутатов в австрийский парламент, но венгры отказались это сделать. Основанием служила конституция 1848 г., предполагавшая законодательство только парламента Венгрии [5]. Вена отказывалась идти на такие шаги, признавая, лишь тактику мелких уступок. В июне 1865 г. император назначил новым главой правительства графа Р. Белькреди, поддерживавшего частичные уступки Венгрии [8, с. 233]. Р. Белькреди представлял интересы той части аристократии, которая настаивала на федерализации империи Габсбургов, что было неприемлемо для венгров. Предыдущий глава правительства А. Шмерлинг вообще выступал против любых уступок венграм для сохранения централизма. В декабре 1865 г. созывается Государственное собрание Венгрии. Переговоры с венгерскими депутатами зашли в тупик, прежде всего из-за определения общих дел Австрии и Венгрии. Весной 1866 г. по инициативе Ф. Деака создается специальная комиссия для ведения дальнейших переговоров, так как публичная полемика в парламенте не способствовала нахождению точек для сближения.

Ситуация меняется кардинальным образом после поражения Австрии в войне с Пруссией в 1866 г. Австрийская империя оказалась за пределами германского политического пространства («Священная Римская империя германской нации», «Германский союз»). Традиционно политическая концепция Габсбургов опиралась на принадлежность к «германскому миру» [18, с.298]. Поэтому Венгрия, Галиция, югославянские земли находились на политических «задворках» империи. Теперь Габсбургам следовало находить компромиссы со своими «восточными» территориями. В центре внимания вновь оказалась Венгрия.

Кроме Венгрии еще Богемия и Хорватия имели «исторические» права на наличие собственной государственности и теории государственного права. Политическая активность венгров, обширность территории Венгерского королевства, многочисленность его населения и экономическая значимость предопределили необходимость, прежде всего компромисса между Австрией и Венгрией. Договоренности с Богемией и Хорватией временно отходили на второй план.

Одним из предварительных условий венгров на пути компромисса становится требование восстановления Венгерского королевства в исторических границах, включая словацкие и румынские земли, Закарпатскую Русь, Трансильванию, Хорватию и Военную границу. Император согласился на эти условия. Монархия согласилась признать венгерскую государственность и конституцию 1848 г., что было подтверждено во время коронации Франца Иосифа I [4].

С согласия императора продолжает работу совместная Австро-Венгерская комиссия, которая должна была разработать новые конституционные основы империи Габсбургов. С австрийской стороны, ее возглавлял Ф. фон Бойст, а с венгерской стороны Ф. Деак. Ф. фон Бойст после изгнания из Саксонии в октябре 1866 г. становится министром иностранных дел Австрии, а в феврале 1867 г. канцлером Австрийской империи после отставки Р. Белькреди. Он придерживался либеральных взглядов, будучи опытным дипломатом и политическим прагматиком. По мнению, императорского двора, он мог успешно справиться со сложной задачей, определения контуров будущей дуалистической империи. Ф. Деак, также придерживался либеральных взглядов, являясь представителем умеренных кругов венгерского национально-освободительного движения. Его поддерживали видные политики Венгрии И. Сечени, Й. Этвеш Д. Андраши, пользовавшиеся большой популярностью в стране. В 1865 г. Ф. Деак опубликовал статью, где он сформулировал возможность создания дуалистической монархии. Она стала программой действий для венгерских патриотов [8, с.239]. Переговоры шли сложно и не раз заходили в тупик. Ф. фон Бойст и Ф. Деак проявляли чудеса дипломатии в поиске компромиссов. 15 марта 1867 г. император подписывает соглашение с представителями Венгрии во главе с Ф. Деаком и Д. Андраши, ставшего в феврале 1867 г. премьер-министром Венгрии о создании дуалистической монархии. Комиссия в итоге осенью 1867 г. приходит к соглашению, создав контуры новой монархии, договорившись об общей внешней политике, единой армии и экономическом союзе.

Важным условием соглашения становится необходимость его утверждения парламентами обеих половин империи. В этом заключалась его долговременность и легитимность. Созванный парламент Венгрии утвердил соглашение в виде XII закона 1867 г., австрийский рейхсрат принимает аналогичный закон 21 декабря 1867 г. Данные законы формировали основы дуализма и совместной юрисдикции в общих делах, но они не являлись конституцией в полном смысле слова. Они несколько различны по существу изложения нормативных положений. В Венгерском законе вначале идет раздел, посвященный правам Венгрии и только потом сфера общих полномочий.

Важным связующим звеном двух половин империи являлся *общий монарх*. Он проходил двойную коронацию. Первую в Вене, где он присягал перед рейхсратом и народами австрийской половины империи, а в Буда-

пеште проходила вторая коронация на верность парламенту и народу Венгрии. Она проходила особо торжественно, по сложившейся в прошлом коронационной традиции страны. Примечательно, что 100 тыс. гульденов, переданных королем от имени венгерской нации, Франц-Иосиф I пожертвовал в пользу сирот венгерских солдат, погибших в 1848–1849 гг. [17, с. 276].

Австрийский и венгерский престолы отделяются друг от друга, но обе половины империи всегда должны были иметь единого монарха. Поэтому Австрия и Венгрия признавали общую систему престолонаследия, основанную на Прагматической санкции 1723 г., утвержденную парламентами и допускавшей наследование престола по женской линии [2, с.67]. Монарх, в случае отречения от престола автоматически терял престол, как в Вене, так и в Будапеште. Расходы Франца-Иосифа в качестве короля Венгрии покрывались из ее бюджета. Австрия выделяла средства на содержание императорских резиденций на ее территории.

14 ноября 1868 г. устанавливается новый, упрощенный титул монарха, в тоже время, подчеркивающий полное равенство Австрии и Венгрии «Император Австрии, Король Чехии и прочее, и христианнейший (апостолический) Король Венгрии»¹. К монарху обращались как «к Его Величеству Императору и Королю» или «Его императорскому и королевскому Христианнейшему Величеству» или «Императорскому и Королевскому Величеству». Все государственные и другие учреждения Австро-Венгрии получали название «императорские и королевские». Правда, в названии общей армии оставалось только наименование «императорская». В 1889 г. в Венгрии, поэтому поводу развернулась жаркая дискуссия, чуть было не приведшая к падению кабинета министров и новому обострению отношений между Венной и Будапештом. После чего Франц-Иосиф I согласился с новым названием армии «императорская и королевская». Примечательно, что охрана императора в его основных дворцах в Вене и в других знаковых местах состояла из австрийских и венгерских офицеров на паритетных началах.

Несмотря на введение конституционной монархии, императоркороль обладал довольно широкими полномочиями. Он командовал общеимперской армией и флотом, следил за исполнением общих дел и издавал в этой сфере указы, назначал общеимперских министров. Все законы, затрагивающие общие дела должны были получить одобрение монарха. Конституции Австрии и Венгрии регламентировали полномочия монарха внутри каждой из половин империи Габсбургов.

Частью политической культуры Дунайской империи становится популярность монарха среди поданных Дунайской империи [14, с.119]. В общественном сознании поданных он ассоциировался с трудолюбием, добродетельностью, скромностью, доступностью и др. [26, р. 182]. Трагическая история семьи императора/короля (смерть дочери Софии Фредерики и сына Рудольфа, казнь брата Максимилиана, убийство императрицы/королевы Елизаветы и эрцгерцога Франца-Фердинанда), также вызывала сочувствие у поданных и способствовала его популярности.

В Австро-Венгрии отсутствовали единое правительство и парламент. Любое решение, касающееся общих дел, принималось парламентами Австрии и Венгрии. После чего их одобрял император/король. В исто-

¹ В 1000 г. римский папа Сильвестр II даровал эту приставку к королевскому титулу Стефану Венгерскому

рии Австро-Венгрии возник политический казус, когда монарх и общеимперские министры не согласились с мнением парламентов Австрии и Венгрии, которые в 1878 г. высказались против оккупации Боснии-Герцеговины, но она все равно была осуществлена [19, с. 148].

В тоже время, требовалась некая инстанция, способная согласовать необходимые действия в сфере общих дел перед тем, как их передать в правительства Австрии и Венгрии. В сложившейся ситуации стороны учреждают специальный совещательный орган – *делегации*. Каждая сторона формировала делегацию в количестве 60 человек, из них 20 выбирали верхние палаты парламентов Австрии и Венгрии и 40 человек – нижние палаты. В состав венгерской делегации входил один представитель верхней палаты и четыре нижней палаты, представляющие Хорватию. Делегаты переизбирались ежегодно. Император при необходимости созывал делегации, как минимум раз в год. Заседания проходили по очереди в Вене и Будапеште [2, с.74]. Австрийская делегация в качестве рабочего языка использовала немецкий язык, а венгерская делегация – венгерский язык. Только представители Хорватии могли выступать на своем родном языке. Заседания делегации происходили раздельно, и они обменивались петициями по тем или иным вопросам [2, с.75]. В случае если делегации не могли прийти к компромиссу в результате третьего заседания, то тогда одна или сразу обе делегации могли призвать к проведению совместного заседания. Председательствовали на нем по очереди представители Австрии и Венгрии. В общем собрании присутствовало одинаковое количество членов от обеих половин империи Габсбургов. Журналы заседаний велись на двух языках. Дебаты общее собрание не проводило, оно только голосовало раздельно по спорному вопросу, если и в данной ситуации стороны не приходило к общему мнению, то тогда проводилось общее голосование собрания делегатов. Опять же без проведения процедуры дебатов.

Известный американский специалист последней четверти XIX – начала XX вв. в области конституционного права А.Л. Лоуэлль и многие другие современники полагали, что Венгрия в сложившейся ситуации получила существенное преимущество, несмотря на формальное равенство делегаций обеих половин империи Габсбургов [13, с. 351]. В Венгрии в верхней и нижней палате преобладали представители венгерских (мадьярских) партий. Поэтому депутаты от национальных меньшинств, кроме хорватов не могли попасть в состав делегации. Закон требовал избрания делегатов абсолютным большинством голосов. Они, как правило, поддерживали правительство страны. В Австрии сложилась другая практика избрания делегатов. От нижней палаты делегаты избирались от каждой коронной земли по утвержденной пропорции. В результате проправительственное большинство в рейхсрате могло оказаться в меньшинстве в делегации. В частности, в 1872 г., 1876 г., 1878 г. австрийские либералы, составлявшие большинство в рейхсрате в делегации, оказались в меньшинстве. В результате венгерской делегации было легче прийти к консолидированной позиции. К тому же она могли перетянуть на свою сторону польских делегатов, избранных от Галиции, так как их взгляды довольно часто пересекались.

Сфера полномочий делегаций была весьма ограничена несмотря на то, что они формально отвечали за все общие дела. Фактически они согласовывали под-

писание очередного десятилетнего соглашения в области финансов, таможни и торговли между Австрией и Венгрией, договаривались по общеимперским кредитам, передавая их на утверждение парламентам. Делегации утверждали таможенные пошлины на внешних границах Австро-Венгрии, вводили косвенные налоги, регулировали денежное обращение и чеканку монет, строительство железных дорог, имевших общеимперское значение, обсуждали общий бюджет, их заключения следовало утверждать парламентам [2, с. 83-84]. Делегации принимали решения по вопросам, касавшимся общеимперской армии. В тоже время, из сферы их компетенций выводилось определение численности призывников, гражданские права военнослужащих, условия прохождения воинской службы.

Делегации не имели права законодательной инициативы. Все их решения подлежали утверждению правительствами и парламентами Австрии и Венгрии. Они в тоже время, имели возможность осуществлять административный контроль над общеимперскими министрами [2, с.76]. Они приглашали их с докладами по поводу основ политики Австро-Венгрии, даже могли придать суду, но такого прецедента в истории империи не было.

Делегации могли требовать смещения общих министров, как это было в случае с министром иностранных дел Г. Кальноки. Он происходил из древнего рода венгерских дворян Трансильвании, будучи убежденным католиком, Г. Кальноки вступил в конфликт с венгерским правительством, проводившей политику секуляризации, в том числе разрешив гражданские разводы [24]. К его отставке руку приложил не только премьер-министр Венгрии Д. Банфи, но и венгерская делегация.

Общеимперские министры не могли быть членами правительства или парламентов Австрии или Венгрии. Они не принимали участие в работе парламентов и правительств двух половин империи. Формально они подчинялись только монарху. В австрийской и венгерской историографии распространено мнение о том, что общие министры фактически выполняли роль общеимперского правительства [23, р.14]. Однако, такая точка зрения вызывает серьезные сомнения.

Общеимперский министр иностранных дел кординировал и осуществлял внешнюю политику Австро-Венгрии. Из 10 общим министров иностранных дел в период дуализма, 4 являлись венграми, примерно 30 % дипломатического корпуса империи представляли граждане Венгрии [10, с. 361]. До 1871 г. он назывался имперским канцлером, но по требованию Будапешта, получил современное название должности [13, с. 353]. Министерство имело собственный штат сотрудников и контролировало деятельность дипломатических представительств. Отчеты министра перед делегациями, часто не включали конфиденциальную информацию, чтобы она не стала достоянием общественности. Обе половины империи не имели права осуществлять самостоятельную внешнюю политику и иметь собственные дипломатические представительства за рубежом. Однако, министр иностранных дел постоянно консультировался с правительствами Австрии и Венгрии по ключевым проблемам внешней политики империи [2, с. 83]. В случае необходимости правительства обращались к своим парламентам за консультациями или одобрением дипломатических инициатив империи.

Военное министерство по мере обострения ситуации на Балканах приобретало важное значение во внутриполитической жизни Австро-Венгрии. Следует

отметить, что венгры не занимали должность военного министра империи с 1867 г. по 1918 г. Среди высшего командования армии также господствовали выходцы из австрийской половины Дунайской монархии. В армии все продвижения по службе офицеров, структурные изменения утверждал император [2, с. 71]. Военный министр не визировал его решения. Функционирование общей армии и флота, регламентировалось законами Австрии и Венгрии, но они были практически идентичны друг другу. По данному поводу стороны проводили необходимые консультации, в том числе через делегации. Вена и Будапешт ежегодно определяли численность призывников, подлежавших призыву в общую армию и флот. Удельная доля призывников привязывалась к общей численности населения Австрии и Венгрии, поэтому больше призывников в армию и флот поступало из австрийской половины империи. По условиям соглашений 1867 г. Венгрия предоставляла 42 % призывников. Данные квоты утверждались парламентами ежегодно. *Военное министерство* отвечало за снабжение армии, поддержание ее боеспособности и перевооружение.

Примечательно, что кроме общеимперской армии Австрия и Венгрия имели собственные вооруженные силы, значительно уступавшие по численности и вооружению общеимперской армии [2, с. 70]. В Австрии они назывались ландвером, а в Венгрии гонведами. В состав данных вооруженных сил входили лица призывного возраста, но не попавшие в состав общеимперской армии, либо солдаты и офицеры, уже отслужившие в ней. Обе армии действовали строго по законам своих стран, и нельзя было отправлять их пределы Австрии и Венгрии без согласия парламента. Причем законодательство обеих половин империи в этой части сильно отличалось. Содержание ландвера и гонведов утверждалось парламентами. Они, своего рода, выполняли функцию резерва в случае начала крупной войны в Европе. В данной ситуации после решения парламента они переходили под командование общеимперской армии. Увеличение расходов во время войны на содержание ландвера и гонведов компенсировалось из общего бюджета.

Общий министр финансов контролировал исполнение общеимперского бюджета. Как и предыдущие общие министры при необходимости он проводил консультации с правительствами Австрии и Венгрии, выступал с отчетами перед делегациями. Общий министр финансов принимал участие в выработке нового десятилетнего соглашения между Австрией и Венгрией в экономической, торговой и финансовой сферах. Министерство финансов и МИД разрабатывали торговые договоры с другими государствами [2, с. 69].

Особая миссия возлагалась на общего министра финансов после оккупации Боснии-Герцеговины в 1878 г. Провинция не вошла в состав ни одной из половин империи Габсбургов. Они не смогли договориться о ее статусе, к тому же ни австро-немцы, ни венгры не хотели усиливать славянское население у себя, в том числе их представительство в парламенте. Более того, модернизация отсталой провинции требовала значительных финансовых вливаний. Поэтому управление провинциями возлагалось на монарха и общеимперских министров. Парламенты Австрии и Венгрии принимали основополагающие документы, регламентирующие основы управления Боснией-Герцеговиной. Оговаривалось, что бюджет провинции должен формироваться

за счет собственных доходов, кроме финансирования строительства железных дорог, общественных зданий и других объектов, имевших общеимперское значение. Они покрывались из имперского бюджета после рассмотрения соответствующих статей расходов делегациями. В сложившейся ситуации общее руководство Боснией-Герцеговиной возлагалось на министра финансов. Большую роль в развитии провинции сыграл общий министр финансов Б. фон Каллаи, занимавший данную должность с 1882 по 1903 гг.

После проведения в империи денежной реформы и введения новой банкноты в виде кроны автономия двух частей империи отражается на ее изображении. Одна сторона банкноты содержала государственную символику Австрии, а надписи на ней были осуществлены на немецком языке и языках других народов ее населяющих. На другой стороне банкноты размещалась государственная символика Венгрии и надписи на венгерском языке.

Определив основные контуры конституционного устройства Вене и Будапешту, требовалось срочно детализировать функции в сфере совместных полномочий и прежде всего в области финансов, таможенного законодательства и экономических взаимоотношений между двумя половинами империи. Во время переговоров между сторонами возникла острая дискуссия о судьбе имперского долга, накопленного к 1867 г. Венгрия не хотела брать на себя обязательства по этому вопросу. В конечном итоге, она согласилась ежегодно выплачивать 29,5 млн. гульденов на уплату процентов по задолженности, не беря на себя ни каких других обязательств.

Австрия выплачивала большую часть долга, и ей переходило право самостоятельно решать вопросы о структуризации внешней и внутренней задолженности, отказа от выплаты долга и другие вопросы, связанные с его обслуживанием. Строго оговаривалось, что все новые кредиты будут одобряться парламентами обеих половин империи, и каждая из сторон будет обслуживать долги, исходя из собственной доли, согласованной во время переговоров и привязанной к их доле в общем бюджете [2, с. 8182]. Данный процент привязывался к объемам прямых налогов, собираемых Австрией и Венгрией. В результате австрийская половина брала на себя 70 % расходов в общем бюджете и в обслуживании долга империи, а на Венгрию приходилось всего 30 % [10, с. 361]. Данный показатель отражал превосходство Австрии в экономическом развитии над Венгрией в 1867 г. Через 10 лет данные пропорции подлежали пересмотру в зависимости от уровня развития обеих половин империи.

Еще одной сложной проблемой становится источники наполнения общеимперского бюджета. В начале переговоров между сторонами не было полного единства мнений по данному поводу. Аренда государственных земель, продажа ранее накопленных ресурсов и материалов, а также прибыль от монополии на продажу пороха становятся прямыми источниками пополнения общего бюджета. Однако, важнейшим источником его формирования становятся таможенные пошлины. Они утверждались парламентами двух половин империи на 10 лет. После истечения условленного срока стороны вновь садились за стол переговоров, чтобы найти компромисс по данному блоку проблем. В Австро-Венгрии не существовало единой таможенной службы. Пошлины собирались самостоятельно Австрией и Венгрией и перечислялись в общий бюджет. Венгрии удалось оговорить

утверждение размеров ставок на спиртные напитки, табак, соль, сахар парламентами, но при принятии ими идентичных законов. Данное условие исключало злоупотребления со стороны общеимперского министерства финансов.

Вена и Будапешт согласовали еще ряд принципиальных вопросов, определяющих развитие экономики и финансов империи в целом и в каждой из ее половин, в частности. Они договорились о единой денежной системе, о взаимном признании акционерных обществ и других предпринимательских структур, патентов, товарных знаков о недопущении дискриминации в экономических вопросах, жителей обеих половин империи. Особо оговаривалось регламентирование морской торговли идентичными законами. Это условие относилось к деятельности почты, телеграфа, железных дорог, соединяющих Австрию и Венгрию. Вена и Будапешт согласовывали тарифы на железных дорогах, условия почтовых и телеграфных сборов, действие санитарных норм в портах.

24 декабря 1867 г. рейхсрат принимает закон об участии Австрии в финансировании общих расходов. Венгерский парламент утверждает аналогичный XIV закон 1867 г. Австрийский закон от 24 декабря 1867 г. и венгерский XVI закон 1867 г. создавали единое таможенное пространство и декларировали свободу торговли между Австрией и Венгрией. Закон 24 декабря 1867 г., принятый рейхсратом и XV закон 1867 г., одобренный парламентом Венгрии, утвердили пропорции по уплате общего долга. В 1878 г. после ликвидации Военной границы в 1871 г., находившейся под контролем военного ведомства Австро-Венгрии и включения ее территории в состав венгерской половины империи [3, с. 52], Будапешт согласился увеличить свою долю в общих расходах и в погашении кредитов до 32 %.

Законы экономического блока подписывались сроком на 10 лет, их авторы не подозревали, что они в будущем станут объектом бурных дискуссий между Веной и Будапештом. В XIX в. они продлеваются в 1878 г., в 1887 г. и в 1896 г. Все законы могли быть изменены или отменены после утверждения парламентами Австрии и Венгрии и согласия императора/короля.

Несмотря на отсутствие договоренностей, по прагматическим соображениям, Австрии и Венгрии приходилось проводить консультации по экономическим вопросам, не относившимся к общей компетенции. Налоговые ставки, банковское и биржевое законодательство также следовало согласовывать, чтобы одна из частей империи Габсбургов не оказалась в сложной экономической ситуации.

В 1867 г., когда создавалась дуалистическая монархия, Венгрия оставалась аграрной страной в то время, как австрийская промышленность набирала силу. В результате, Венгрия снабжала Австрию продовольствием и сырьем, получая в обратном направлении промышленные товары. Однако, вскоре в Будапеште начинают осознавать пагубность такого положения дел. Без развития собственной промышленности Венгрия не могла сохранять свою независимую позицию по отношению к Австрии. Политические привилегии следовало подкреплять экономическими достижениями.

При подписании соглашения 1867 г. оставался открытым вопрос о статусе Хорватии, активно поддержавшей монархию в 1848–1849 гг. По настоянию Вены, Будапешт согласился предоставить Хорватии автономию в 1868 г. Она получала свою конституцию, парламент (сабор), самостоятельность в решении местных проблем, бана (главу автономии), назначаемого императором/королем по представлению правительства Венгрии

и ответственного перед сабором [1]. Однако, Хорватия оставляла у себя только 44 % доходов, что существенно усиливало ее зависимость от Будапешта, который проводил политику по ограничению прав Хорватии. Это становится объектом острой политической борьбы между Загребом (Аграмом) и Будапештом, куда периодически оказывалась вовлеченной и Австрия [12, с. 14].

В результате соглашения 1867 г. Австрия и Венгрия получили широкую автономию, создав уникальную конституционную систему, воплощенную в дуалистической монархии. Многие современники называли Австрию и Венгрию отдельными государствами, соединенными только личной унией [6, с. 56]. Общественное мнение Венгрии страну после соглашения 1867 г. воспринимало как отдельное государство, такие же настроения с опозданием набирали силу в Австрии. Данное обстоятельство во многом характеризует созданную в 1867 г. политическую систему, занявшую особое место в конституционном праве. В декабре 1909 г., когда шли оживленные дискуссии между российскими и финляндскими членами специальной комиссии по поводу общегосударственных дел России и Финляндии, финляндские представители в качестве образца приводили модель выстраивания отношений между Австрией и Венгрией [15, с. 255].

Результаты. Таким образом, в 1867 г. Австрия и Венгрия смогли найти компромисс по большинству спорных вопросов, сохранив единство империи и придав ей новую динамику в развитии. Дуалистическая система не отличалась совершенством, представляя довольно громоздкую структуру, но она позволила разрешить острый политический конфликт, способный разрушить многовековую империю Габсбургов. Правда, дуализм породил новые проблемы. Чехи, поляки и южные славяне претендовали на трансформацию дуализма в триализм, рассчитывая на создание «третьего центра» империи.

После 1867 г. Австрия и Венгрия уверенно встали на путь развития конституционализма и реализации либеральных принципов, видя в этом гарантию сохранения устойчивости и жизнеспособности Дунайской империи. Сохранив единство в вопросах внешней политики, обороны, обеспечив общее таможенное пространство и достигнув ряд компромиссов в других экономических вопросах, обе половины империи получили право самостоятельно определять внутреннее государственное устройство, проводить собственную политику в экономике, образовании, культуре, в решении национального вопроса и в остальных сферах внутренней жизни.

На принятие Веной и Будапештом компромисса в 1867 г. влияло несколько обстоятельств. Достижению соглашения содействовало желание сохранить единое экономическое пространство. От свободного передвижения капитала, товаров и рабочей силы выигрывали обе стороны. В случае распада империи Австрия могла столкнуться с серьезными внешнеполитическими вызовами. Германия и Италия претендовали на ряд ее территорий. Венгрия не могла справиться с притязаниями России в Центрально-Восточной Европе и на Балканах. Объединение во многом произошло из-за славянского фактора. С одной стороны, в Вене и Будапеште боялись распространения панславизма. С другой стороны, в Венгрии, и особенно в Австрии нарастало влияние славян во внутривнутренней жизни.

После 1867 г. Австрия и Венгрия стали дрейфовать в разные стороны в своем развитии. Австрия в большей

степени продвинулась в реализации либеральных свобод, создавая предпосылки для возможной ее федерализации. Венгрия берет курс на сохранение гегемонии венгров, но и здесь либеральные свободы постепенно пробивают себе дорогу. В вопросах секуляризации общественной жизни Будапешт продвинулся дальше Вены.

Австро-Венгрия становится уникальной моделью решения национального вопроса и проведения запоздалой модернизации общества в условиях столкновения либеральных идей и национализма, ставивших

под сомнение дальнейшее существование дуалистической системы накануне Первой мировой войны. Однако дуализм как форма государственного устройства сохранял актуальность. Он мог стать прообразом для дальнейшей трансформации Австро-Венгрии на основе триализма или других вариантов проведения реформ и образцом для других государств в решении острых государственноправовых конфликтов.

Литература

1. Венгеро-хорватское соглашение 1868 г. Краткий исторический очерк и перевод с примечаниями. СПб.: Государственная типография, 1910. 48 с.
2. Венгерский закон XII 1867 об общих делах земель Венгерской короны и остальных земель, стоящих под управлением его величества, и о порядке их разрешения // Современные конституции: сборник действующих конституционных актов / под ред. В.М. Гессена, Б.Э. Нольде. Т. II. Федерации и республики. СПб.: Право, 1907. С. 66–85.
3. Дронов А. М. Языковой вопрос на Военной Границе Габсбургской монархии в 1850–1880-е гг. // Славянский альманах. 2016. Вып. 12. С. 44–54.
4. Закон II 1867 г. о включении в число законов страны коронационного диплома, данного стране Его Королевским Величеством при его счастливом вступлении на престол и короновании, и королевской присяги, принесенной на коронации // Современные конституции: сборник действующих конституционных актов / под ред. В.М. Гессена, Б.Э. Нольде. Т. 1. СПб.: Право, 1905. С. 181–186.
5. Закон IV о ежегодных сессиях Сейма // Современные конституции: сборник действующих конституционных актов / под ред. В.М. Гессена и бар. Б.Э. Нольде. Т. II. Федерации и республики. СПб.: Право, 1907. С. 177–180.
6. Звездич П. Австро-Венгерское соглашение // Государственный строй и политические партии в Западной Европе и Североамериканских Соединенных штатах / под ред. Е.Смирнова. Т. 2. СПб.: Типография Б.М.Вольфа, 1904. С. 51–94.
7. Исламов Т.М. Империя Габсбургов: становление и развитие // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40.
8. История Венгрии в 3 т. Т. 2. М.: Изд-во Наука, 1972. 599 с.
9. Клетечка Т. Попытка соглашения правительства Гогенварта с чехами в 1871 г. // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: ИСиБ, 1995. С. 71–81.
10. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. 656 с.
11. Котова Е.В. Кризис Австрийской империи и образование Австро-Венгрии, 1859–1867 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986. 255 с.
12. Крючков И.В. Венгеро-хорватский конфликт в донесениях российских дипломатов в начале XX в. // Вестник славянских культур. 2014. № 31. С. 1–17.
13. Лоуэлль А.А. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы: Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия, Швейцария. М.: Издание С. Скиммун-та, 1905. 644 с.
14. Павленко О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX – начала XX вв.: политические мифы имперской власти // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 116–134.
15. Протокол заседания № 3. Комиссии для составления проекта правил о порядке издания касающихся Финляндии законов общегосударственного значения (Комиссия П.А.Харитонов). 20 декабря 1909 г. // Россия и независимость Финляндии. В 3 т. Т.2. Динамика противостояния 1908–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2021. С. 251–274.
16. Раушер В. Внешняя политика и национальный вопрос в эру Кальноки // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М.: ИСиБ, 1995. С. 132–142.
17. Хаванов О.В. Венгрия в «большом пестром саду» Франца Иосифа: политическая реальность и исторический миф // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2017. Т.12. С. 274–281.
18. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 608 с.
19. Яси О. Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. 608 с.
20. Bridge R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers 1815–1918. Oxford: Bloomsbury Academic, 1990. 417 p.
21. Deak I. Beyond Nationalism: A Social and Political history of the Habsburg Officer corps. New York Oxford: Oxford University Press, 1992. 273 p.
22. Jelavich B. Modern Austria: Empire and Republic, 1815–1986. Cambridge University Press, 1987. 346 p.
23. Komjathy M. Die Entstehung des gemeinsamen Ministerrates und seine Tätigkeit während des Weltkrieges/ Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der Österreichisch Ungarischen Monarchie (1914–1918). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1966. 733 s.
24. Rutkowski E. Gustav Graf Kálnoky. Eine biographische Skizze // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 1961. №14. S. 330–343.
25. Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918. London: Longman Publishing Group, 2001. 295 p.
26. Unowsky D.L. The Pomp and Politics of Patriotism. Imperial Celebrations in Habsburg Austria 1848–1916. Indiana: Purdue University Press, 2005. 263 s.
27. Wank S. The Nationalities Question in the Habsburg Monarchy: Reflections on the Historical Record // Minneapolis, MN: University of Minnesota, Center for Austrian Studies. Working Paper 1993. No. 3. 18 p.

References

1. Hungarian-Croatian Agreement of 1868. Brief historical essay and translation with notes. St. Petersburg: State Printing House; 1910. 48 p. (In Russ.).
2. Hungarian Law XII of 1867 on the general affairs of the lands of the Hungarian Crown and other lands under the governance of His Majesty, and on the procedure for resolving them in Modern Constitution: collection of current constitutional acts. Ed. by VM Gessen, BE. Nolde. Vol. II. Federations and republics. St. Petersburg: Pravo; 1907. P. 66–85. (In Russ.).
3. Dronov AM. The language issue on the Military Border of the Habsburg Monarchy in the 1850–1880s in Slavic Almanac. 2016; (12):4454. (In Russ.).
4. Coronation Diploma given to the country by His Royal Majesty upon his happy accession to the throne and coronation, and the royal oath taken at the coronation in Modern constitutions. Collection of current constitutional acts. Ed by V. M. Hessen, B. E. Nolde. Vol. 1. St. Petersburg: Pravo; 1905. P. 181–186. (In Russ.).

5. Act IV on the annual sessions of the Sejm in Modern constitutions: collection of current constitutional acts. Ed. by VM Gessen, BE Nolde. Vol. II. Federations and republics. St. Petersburg: Pravo; 1907. P. 177-180. (In Russ.).
6. Zvezdich P. Austro-Hungarian Agreement in State system and political parties in Western Europe and the North American United States. Ed. by E Smirnov. Vol. 2. St. Petersburg: BM Wolf Printing House; 1904. P. 51-94. (In Russ.).
7. Islamov TM. The Habsburg Empire: formation and development. *Novaja i novejšaja istorija*. 2001;(2):1140. (In Russ.).
8. History of Hungary in 3 volumes. Volume 2. Moscow: Nauka Publishing House; 1972. 599 p. (In Russ.).
9. Kletecka T. Attempt at an agreement between the Hohenwart government and the Czechs in 1871 in Austria-Hungary: the experience of a multinational state. Moscow: ISiB; 1995. P. 71-81. (In Russ.).
10. Kontler L. History of Hungary. A Millennium in the Center of Europe. Moscow: Ves' Mir; 2002. 656 p. (In Russ.).
11. Kotova EV. The crisis of the Austrian Empire and the formation of Austria-Hungary, 1859-1867: thesis. Moscow, 1986. 255 p. (In Russ.).
12. Kryuchkov IV. The Hungarian-Croatian conflict in the reports of Russian diplomats at the beginning of the 20th century. *Vestnik slavjanskih kul'tur*. 2014;(31):117. (In Russ.).
13. Lowell AA. Governments and political parties in the states of Western Europe: France, Italy, Germany, AustriaHungary, Switzerland. Moscow: S. Skirmunt's publication; 1905. 644 p. (In Russ.).
14. Pavlenko OV. Russia and Austria-Hungary in the mid19th–early 20th centuries: political myths of imperial power. *Novaja i novejšaja istorija*. 2014;(1):116-134. (In Russ.).
15. Minutes of meeting No. 3. Commission for drafting rules on the procedure for issuing laws of national importance concerning Finland (P.A. Kharitonov Commission). December 20, 1909 In Russia and the independence of Finland. In 3 volumes. Vol. 2. Dynamics of confrontation 1908-1917. Moscow: ROSSPEN; 2021. P. 251-274. (In Russ.).
16. Rauscher V. Foreign Policy and the National Question in the Era of Kalnoki in AustriaHungary: The Experience of a Multinational State. Moscow: ISiB; 1995. P. 132-142. (In Russ.).
17. Khavanov OV. Hungary in the "large colorful garden" of Franz Joseph: political reality and historical myth in Slavic world in the third millennium. 2017;12:274-281. (In Russ.).
18. Shimov Ya. Austro-Hungarian Empire. Moscow: Eksmo Publishing House; 2003. 608 p. (In Russ.).
19. Jasi O. The collapse of the Habsburg monarchy. Moscow: Three squares; 2011. 608 p. (In Russ.).
20. Bridge R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers 1815-1918. Oxford: Bloomsbury Academic; 1990. 417 p.
21. Deak I. Beyond Nationalism: A Social and Political history of the Habsburg Officer corps. New York Oxford: Oxford University Press; 1992. 273 p.
22. Jelavich B. Modern Austria: Empire and Republic, 1815-1986. Cambridge University Press; 1987. 346 p.
23. Komjathy M. The creation of the Joint Council of Ministers and its activities during the World War in Minutes of the Joint Council of Ministers of the Austro-Hungarian Monarchy (1914-1918). Budapest: Akadémiai Kiadó; 1966. 733 p. (In Germ.).
24. Rutkowski E. Gustav Count Kálnoky. A biographical sketch. Communications from the Austrian State Archives. 1961;(14):330-343. (In Germ.).
25. Sked A. The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815-1918. London: Longman Publishing Group; 2001. 295 p.
26. Unowsky DL. The Pomp and Politics of Patriotism. Imperial Celebrations in Habsburg Austria 1848-1916. Indiana: Purdue University Press; 2005. 263 p.
27. Wank S. The Nationalities Question in the Habsburg Monarchy: Reflections on the Historical Record in Minneapolis, MN: University of Minnesota, Center for Austrian Studies. Working Paper 1993;(3):18.



Научная статья

УДК 94(47).06

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.3>

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО УСТЮЖСКИМ ЧУДОТВОРЦАМ КНЯЗЯ СЕМЕНА ШАХОВСКОГО

Станислав Александрович Волков^{1*}, Денис Александрович Ляпин²^{1,2} Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (д. 28, ул. Коммунаров, Елец, 399770, Российская Федерация)¹ Аспирантvolkov.stas88@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-8297-2511>² Белгородский национальный исследовательский университет (д. 85, ул. Победы, Белгород, 308015, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

denisl@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>^{*} Автор ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена эпизоду из жизни выдающегося писателя, поэта, богослова первой половины XVII в. князя Семёна Ивановича Шаховского. В центре внимания авторов находится время его пребывания в Сольвычегодске в 1647–1648 гг., а также созданное им в это время похвальное слово устюжским святым Прокопию и Иоанну.

Материалы и методы. Прежде всего, в работе применялся биографический метод, с помощью которого были проанализированы события жизни С. И. Шаховского и созданный им текст похвального слова устюжским чудотворцам. Анализ произведения строился на принятых в науке герменевтических принципах. Выводы, полученные в итоге, сопоставлялись с событиями жизни С.И. Шаховского путем индукции.

Анализ. Творческое наследие князя С.И. Шаховского богато и разнообразно, однако написанное им похвальное слово устюжским святым редко относят к числу его творений. Действительно, сохранившаяся рукописная книга указывает на то, что текст был «списан» С.И. Шаховским. Однако у нас есть основания полагать, что причастность писателя к тексту была более значительной. Обращение его к жизни местных святых было связано с личными проблемами. В 1646 г. С. И. Шаховской попал в опалу и был приговорен к высылке из Москвы в Якутск. Временно он задержался в Сольвыче-

годске, где 22 июня 1648 г. вспыхнул народный бунт. Спасая московского чиновника от гнева толпы, князь рисковал своей жизнью и чудом спасся. **Результаты.** Итак, С.И. Шаховской в трудной жизненной ситуации обратился к наставлениям устюжских святых и взялся за создание особого похвального слова. В качестве приложения к статье предлагается его первая публикация. Степень авторства С.И. Шаховского требует дополнительного изучения с применением текстологического анализа.

Ключевые слова: С.И. Шаховской, Прокопий Устюжский, Русский Север, политическая борьба, народный бунт, Сольвычегодск

Для цитирования: Волков С. А., Ляпин Д. А. Похвальное слово устюжским чудотворцам князя Семёна Шаховского // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 442–449. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.3>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 19.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Research article

A WORD OF PRAISE BY PRINCE SEMYON SHAHOVSKY TO THE USTYUG SAINTS

Stanislav A. Volkov^{1*}, Denis A. Lyapin²^{1,2} Bunin Yelets State University (28, Kommunarov St., Yelets, 399770, Russian Federation)¹ Postgraduate studentvolkov.stas88@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-8297-2511>² Belgorod National Research University (85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation)² Dr. Sc. (History), Associate Professordenis-l@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>^{*} Corresponding author

Abstract. Introduction. The article is devoted to an episode from the life of the Russian writer, poet, theologian of the first half of the 17th century, Prince Semyon Ivanovich Shakhovskoy. The authors focus on the events of his stay in the Russian North in the town of Solvychegodsk in 1647–1648. At this time, Shakhovskoy wrote a word of praise to the Ustyug saints Procopius and John.

Materials and Methods. First, the work used a biographical method, with the help of which the events of Shakhovskoy's life and the text of his praise to the Ustyug saints were analyzed. The analysis of the work was based on hermeneutic principles accepted in science. The conclusions were compared with the events of Shakhovskoy's life by induction. **Analysis.** The creative heritage of Prince Shakhovskoy is rich and varied. The words of praise he wrote to the Ustyug saints are rarely considered among his creations. Indeed, the surviving handwritten book indicates that the text was "copied" by Shakhovskoy. However, we have reason to believe that the writer's involvement in the text was more significant. His conversion to the lives of local saints was

due to personal problems. In 1646 Shakhovskoy fell into disgrace and was sentenced to deportation from Moscow to Yakutsk. He stayed temporarily in Solvychegodsk. A popular riot broke out in this place on June 22, 1648. Saving a Moscow official from the wrath of the crowd, the prince risked his life. **Results.** So, Shakhovskoy, in a difficult life situation, turned to the instructions of the Ustyug saints and set about creating a special word of praise for them. The first publication of this text is offered as an appendix to the article. The degree of Shakhovskoy's authorship requires a new study with reference to textual analysis.

Keywords: Semyon Shakhovskoy, Procopius of Ustyug, Russian North, political struggle, popular revolt, Solvychegodsk

For citation: Volkov SA, Lyapin DA. A word of praise by prince Semyon Shakhovskoy to the Ustyug saints. *Humanities and law research*. 2024;11(3):442–449. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.3>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interest.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 19.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.03.2024.

The article was accepted for publication: 25.06.2024.

Введение. В центре внимания нашей статьи находится «Слово похвальное святым и блаженным Христа ради юродивого Прокопию и Иоанну, устюжским чудотворцам» (Далее – «Слово похвальное»). Его текст сохранился в рукописном сборнике второй половины XVII в., посвященном устюжским святым под название: «Жития и чудеса Иоанна и Прокопия Устюжских и похвальные слова им». Водяные знаки на бумаге относятся к 1663–1664 гг. [3]. Рукопись представляет собой сборник из 15 произведений о жизни святых Прокопия и Иоанна Устюжских.

Вопрос о том, был ли С.И. Шаховской автором «Слова похвального», не может быть решен однозначно. Аргументы в пользу его авторства можно представить в следующем виде. 1) В заглавии, написанном киноварью («Слово похвальное... Прокопию и Иоанну Устюжским чудотворцам. Списано дуксом Симеоном Шаховским»), первая буква «С» в слове «списано» нанесена чернилами отдельно и, возможно, появилась уже во время создания книги, а изначально предложение читалось как «писано дуксом Симеоном Шаховским». 2) В тексте имеются сравнения вступления Прокопия в новую жизнь с началом весны. Подобные «весенние» аллюзии встречаются в «Летописной книге», автором которой, как было установлено М.В. Кукушкиной, являлся С.И. Шаховской [5; 15; 19]. 3) Наличие рифмованных предложений внутри «Слова похвального» – черта, характерная для русских поэтов досиллабической эпохи, но только С.И. Шаховской непосредственно работал с данным текстом.

Так или иначе, нет сомнений в причастности князя к этому произведению, а также в его интересе к жизни устюжских святых. Даже если С.И. Шаховской только «списал» этот текст, добавив в него рифмованные строки, то и в этом случае проделанную работу можно отнести к кругу его творческого наследия. Мы считаем возможным датировать создание «Слова похвального» временем пребывания писателя в Устюге и Сольвычегодске (Соли Вычегодский) в 1646–1648 гг. Событиям из его жизни данного периода и посвящена эта статья. В приложении представлена публикация и перевод «Слова похвального».

Материалы и методы. В нашем исследовании применялся преимущественно биографический метод, с помощью которого были проанализированы события жизни С.И. Шаховского в соотношении с его творчеством. Созданный князем текст «Слова похвального» анализировался исходя из принятых в науке герменевтических принципов, прежде всего, нас интересовала контекстуальность произведения. Обобщения, сделанные в ходе исследования, стали основой для выводов, полученных индуктивным путем.

Анализ. Статьи о произведениях С.И. Шаховского в контексте событий его жизни последнее время появляются все чаще. Первыми в этом направлении были две статьи А.В. Полетаева о сибирских знакомствах писателя [11; 12]. В них разбирался круг его друзей «сибирского периода» и факты писательской деятельности. Привлеченные А.В. Полетаевым материалы позволили дополнить факты биографии писателя и внести коррективы в атрибуцию отдельных литературных памятников, связанных с его именем. Еще одним примером реконструкции творческой биографии писателя

может быть небольшая статья Е.Г. Малюты [9]. Автор дает обзор имеющихся сведений о деятельности князя С.И. Шаховского на Русском Севере и предлагает характеристику его произведений, связанных со случившимися в это время событиями.

Сведения о пребывании С.И. Шаховского в Сольвычегодске встречаются в книге о народных волнениях в России Е.В. Чистяковой. Здесь князь представлен эпизодически в событиях, связанных с бунтом 1648 г. [17]. Не теряют актуальности обстоятельные исследования о С.И. Шаховском принадлежащие М.П. Лукичеву, Э. Кинану, Д.М. Буланину [2; 6; 13].

Обстоятельства, приведшие князя С.И. Шаховского в Устюг в 1646 г., а затем и в Сольвычегодск, были связаны с политической борьбой в Москве. Она началась в 1640 г. и была вызвана попытками старой аристократии, сплотившейся вокруг трона Михаила Федоровича, упрочить свои позиции [8; 14; 16; 17]. Однако в 1645 г. на престол вззошел молодой царь Алексей Михайлович и некогда влиятельная элита была оттеснена на задний план [4]. Главное место в управлении занял амбициозный воспитатель молодого государя Б.И. Морозов и близкие к нему люди. Скоро из столицы стали отпирать потенциальных сторонников проигравшей аристократической партии, среди которых оказался и С.И. Шаховской [8, с. 78].

В 1646 г. было решено выслать писателя в Якутск, но пока его определили на временное пребывание в Устюг, а в начале 1648 г. перевели в Сольвычегодск [18, с. 188]. Маловероятно, что опальный князь был направлен служить воеводой в эти города. Сведения о воеводских назначениях этого не подтверждают [1, с. 251, 303]. До нашего времени сохранилась переписка, которую вел С.И. Шаховской в 1647–1648 гг. со своим другом, тобольским дьяком Третьяком Васильевым. В своих письмах он периодически рассуждал о нависших над ним опасностях и горестях жизни [13, с. 179, 363].

2–3 июня в Москве вспыхнул народный бунт, в результате которого могущественный Б.И. Морозов отправился в монастырь, правительство ушло в отставку, а главные его члены были убиты. По стране поползли самые разные слухи о произошедшем, и вскоре волнения охватили несколько провинциальных городов. 9 июля 1648 г. воевода Устюга М.В. Милославский был обвинен группой горожан в предательстве как пособник Б.И. Морозова. Бунтовщики на целый день захватили власть в городе, пытаясь оправдать свои действия фальшивым царским указом.

22 июня 1648 г. волнения вспыхнули в Сольвычегодске [18, с. 184–186]. Местные жители давно уже были недовольны присланным из Москвы сыщиком Федором Приклонским, который должен был разобраться в причинах постоянных недоимок в уплате налогов. Чинovníк жил на «широкую ногу», брал взятки и угрожал расправой местному населению. 22 июня 1648 г. под влиянием слухов о московских событиях население Сольвычегодска решило, что Ф. Приклонский собирает деньги в свой карман, а часть отдает своим столичным покровителям. Толпа отправилась в дом сыщика для предъявления обвинений, но тот смело вышел к людям и показал царский указ с печатью о его назначении в город для расследования причин недоимок. Однако люди разорвали указ, отобрали деньги, а самого Ф. Приклонского избили и выбросили через забор на улицу. С этого

момента жители считали себя единственной законной властью в городе, не подчиняясь воеводе В.Ф. Чоглокову. После избиения Ф. Приклонского толпа отправилась грабить дома неугодных им горожан, а затем – в местные кабаки. В пьяных пересудах люди решили, что напрасно ограничились избиением сыщика, которого следовало бы убить.

Между тем, пришедший в себя после побоев Ф. Приклонский прибежал в дом, где жил С.И. Шаховской, с просьбой спрятать его. Вскоре мятежники, обыскивая город, зашли в дом и к князю. Тот принял их радушно, угощал вином и вел разговоры о случившемся в Москве. Он, между прочим, тоже называл Б.И. Морозова предателем и узурпатором власти [18, с. 189]. Гостеприимство С.И. Шаховского привело к тому, что у него в доме собралась большая толпа непрошенных гостей. Опасаясь, что его случайно обнаружат, Ф. Приклонский украдкой вышел на улицу, надеясь спрятаться в лесу, но был замечен и кинулся бежать в городской собор. Движимый страхом за свою жизнь, он заперся в главном храме города, надеясь, что набожные горожане не станут убивать человека в святом месте. Но те решили выломать церковные врата, и только вмешательство купцов Строгоновых, построивших этот храм, остановило ход трагедии. Ночью перепуганный Ф. Приклонский тайно выбрался из храма на улицу и на лодке уплыл из города, а утром волнения прекратились.

Таким образом, С.И. Шаховского могли убить мятежники, когда стало понятно, что он укрывал у себя ненавистного столичного чиновника. Но, к счастью, этого не случилось. В очередном послании своему другу Т. Васильеву писатель, сетуя на жизнь, рассуждал: «А мое окаянство всещедрый Бог милостью своей терпит, у Соли Вычегодской, июля, 19 числа в живых еле был, а уж с мертвыми осужден был!» [13, с. 8]. С. И. Шаховской собирался в Якутск, но в августе 1648 г. он был вызван в Москву, где на время власть вернули его покровители в аристократических кругах.

Таковы были события пребывания С. И. Шаховского в Сольвычегодске в 1648 г. Как уже было сказано выше, именно в это время, а, может быть, и еще раньше, в Устюге, он работал над составлением похвалы местным святым Прокопию и Иоанну, основная идея которого связана с добровольным аскетизмом и презрением к материальному миру. Не только от богатства и карьеры отказывается его герой, Прокопий Устюжский, но даже от приюта в богадельне. Он предпочел жить прямо на голой земле, возле церковных врат. Причем этот поступок в тексте метафорически связывается с началом весны, пробуждением природы от зимнего сна. Не думая о земных благах, устюжский подвижник круглый год ходил в одной и той же рубахе, а когда та рвалась от ветхости, то не искал новую, а зашивал порванное место. Добровольно и смиренно он переносил жажду, холод и жару, пока полностью не обуздал свои желания. Точно также и его последователь Иоанн «презрел красоту бренного материального мира и тела своя» постом «удручил». Многие люди не понимали подвига святых подвижников, смеялись над ними, били их и унижали, но Бог оценил смирение устюжан, сделав их чудотворцами. В итоге, отказавшись от материальных благ, Прокопий и Иоанн сумели достичь небесного «града Иерусалима». В заключении «Слова похвального» следует обращение к устюжским чудотворцам с просьбой о помощи в стремлении уйти от мирских благ, чтобы получить «блага вечные».

Результаты. Таким образом, мы полагаем, что «Слово похвальное» с большой долей вероятности было написано во время пребывания С. И. Шаховского в Устюге и Сольвычегодске в конце 1646 – летом 1648 гг. Степень авторства опального князя установить достаточно сложно. Как и в случаях с стихотворными молениями [7], он мог использовать имеющиеся тексты о жизни святых подвижников, творчески переработав их и добавив местами рифмованные строки (Л. 327 об. – 331 и далее).

Содержание «Слова похвального» можно вполне логично связать с теми переживаниями, которые мог испытывать С. И. Шаховской в 1647–1648 гг. Дело было даже не в ожидании далекой якутской ссылки, а в том, что он уже не рассчитывал на успешную служебную карьеру в царствование Алексея Михайловича. Причастность к проигравшей аристократической партии навсегда отделили его от Двора. Новая опала означала для стареющего князя также и материальные потери, ведь только успешная служба позволяла увеличивать свое благосостояние. Поездки в ссылки и на дальние воеводства были сопряжены с тратой времени и большими расходами.

Устюжские чудотворцы Прокопий и Иоанн, презревшие земные блага, отказавшиеся от материального мира, терпящие насмешки и хулу горожан, послужили хорошим примером надлежащего отношения к богатству и признанию заслуг. Вероятно, в чтении о подвигах святых подвижников С. И. Шаховской искал утешение в обрушившихся на него бедствиях. В таких обстоятельствах в 1647–1648 гг. он и составляет «Слово похвальное».

Далее мы воспроизводим текст этого произведения по рукописи, хранящейся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, предлагаем его перевод. Орфография и пунктуация текста полностью сохранены. Подчеркнутые слова, буквы и строки указывают на выделение соответствующих мест в источнике киноарью. При публикации использовалась вторая пагинация листов.

Шаховский С.И. Слово Похвальное²

(Л. 326) Слово похвалное стѣмъ и блжѣнным хрста ради юродивымъ, Прокопию и Иоанну, устюжскимъ чудотворцемъ. Списано дуксомъ Симеономъ Шаховскимъ. Благсви, о́че, стѣхъ: Прокопия похвалимъ, Иоанна ублжѣмъ. Двойцу стѣхъ соединимъ и похвальная имъ принесемъ сице гл҃юще.

Память првд҃наго с похвалами премд҃рый Соломонъ рече и паки првд҃никъ аще постигнетъ скончатися и в покои будутъ. Поистине убо првд҃ныхъ смерть животъ есть сиречь покой. Яко (Л. 326 об.) же есть писано првд҃ный от веры живъ будетъ во веки. Сияже бж҃ественная писания внятъ блж҃енная ушеса досточуднаго мужа Прокопия. Пачеже послушатель явися бже+ственного гласа онаго. Уподобися рече царствие несное человеку сеющему семя на селе своемъ. И сеющу ему ово паде при пути. И птицы несныя поядоша е. И другое паде на камени и прозябе издше зане неимущи влаги земныя. И ино паде в терние. И возрастеше терние и подави е. И ино паде на землю (Л. 327) благу. И возрастеше плодъ сотвори сторицею. И паки рече аще чл҃век не оставить отца и матери и всего стяжания и не возьметъ крста своего и во след мене не грядет, не можетъ быти мой ученик. Блж҃енный же сей мужъ вся сия бж҃ественная учения в срд҃цы своемъ собра. И отвержесе родителя и дому своего и во следъ Хрста своего и бг҃а потече. И странникъ в чуждей земли явися. И яко птица паря-

² РГБ. ОР. Ф. 354. №73.

щая по воздуху во время красовидных весны царицы времени (Л. 327 об.) ко странам нашим приближаются и в дубравах вселяются и подружив примотщаются и гнезда себе созидают, и птенцы своя воспитывают, и сладкоглаголивими песнями воздух наполняют, и сердца человеком улаживают. Тако же и сей чудный муж блаженный Прокопий, не вемы от коея страны суть или коих родителей, еже ономъ писание не поведает. Мы же како вемы, тако и глёмъ. Не бо отечества изыскаемъ, но труды его и подвиги восписуемъ. Обаче же (Л. 328) и у предбнаго и многочудснаго отца Варлаама Хутынского благословляется. И потому внезапно устюжскаго града достигаетъ. И у соборныя цркви пречстыя Бдцы чстнаго и славнаго ея Успения в предверии вселяется не поискав странноприимника. Ниже восхоте покоя телснаго в чуждей земли имети, оставль мирския начатки, изволив приметатися в дому бжйи паче неже жити в селех грешниих яко сладкопеснивая ластовица под кровом храма гнездо совиваетъ и никакоже (Л. 328 об.) отлетаетъ, дондеже птенцы своя воспитаетъ. Также и сей блжённыи странникъ и бездомникъ под криломъ црковнымъ водворяется и ту неподвижно пребывалъ, дондеже птенцы своя воспиталъ. Еже есть стго дхъ в срдцы своемъ притяжалъ, по писанному негде страха ради твоего гсди во чреве прияхомъ и поболехомъ, и дхъ спасения родихом. И пребысть же сей блаженный мужъ в придверии храма бжйи и прчстыя богоматере, смиряся толико яко обителище стому дху

(Л. 329) и различнымъ добродетелемъ бысть просто в житии пребывая, просия в добродетелехъ прызашне. Во единой сый ризе хождаше и егда убо сия раздиралася иныя не требоваше, но к тойже рубе пришиваше, и наготу свою телесную покрываше. И с тремя жезлы хождаше, и темъ прстую троцу прообразоваше. Толико убо сему приложившу из подвигу добродетелей показати и к блгу присвоение стяжати. Яко и над бесы область имети, и чудеса велия показати. И всеми (Л. 329 об.) познаваемъ быше яко муж блгъ есть. И яко крамоль отлучавшихся бывше или безчинию, тужаше о томъ и глаше, дабы покалялися быша. Яко и самъ той смиренномудрый утай вся в молчании выну моляся богу о согрешающихъ, никогда же почиваше и неисчетныя труды подымаше, зной и мразъ, гладъ и жажду до дни смерти своея. Ангельское житие притяжаша и юрод Христа ради творяся, но мертв себе всеконечно в житии состави апсльскаго гласа истинсвующая (Л. 330) быше вещая Хрсту распяся не живу уже к тому азъ, живетъ же во мне Христосъ. А еже инъ живу во плоти верою живу сна бжйи возлюбившаго мя и предавшаго себе по мне. И толико самъ себе умертви блаженный Прокопий, яко инъ никтоже никогдаже во стане Устюжскаго града. Блжёнъ еже и праведенъ и преподобенъ и пренепороченъ поживъ, течение свое до конца совершивъ, ко гсду отыде вечно ликовствовать и по умертвии многотруднаго тела своего чудеса многими от Бга прославися,

(Л. 330 об.) о нихъ же в житии его явлено суть.

Посем же паки ина надежда устюжскому граду явися, яко по красовидной зари светъ возсияетъ, также по чудномъ Прокопии преблжённыи Иоаннъ. Родителемъ же его во устюжскихъ селехъ живущимъ, земледельцемъ сущимъ, но во изобилии пребывающимъ, блжённыи же сей отрокъ еще юнъ сый возрастомъ, всяческая мира сего преобидив, аще и поселянинъ сый родомъ но глй гражданинъ неснаго (Л. 331) црствия восхоте быти. Сего ради презревъ маловременное житие суетнаго мира сего и остави родители своя ни мало изволи по-

трудитися и в покой вечный вселитися, божественному и прискорбному поревновать житию. И первее всего нрава имевше яко посту вдася, и паки иже по добродетели жития сладкая и тихая и отуду начатокъ восприя, еже спяти во благое. И внегда уже к возрасту пришедшу и града Устюга достигшу и наместникъ (Л. 331 об.) Бываетъ досточудному Прокопию. У тояже соборныя церкви прчстыя бгматере водворяется. И теми же великими труды подвизается, и бгви приближается. И противу враговъ на подвигъ юродствомъ на сотрено ополчается и ризами не одевается и на гноищихъ нагъ пометается и от невеликаго камением и древесы ударяется. И в такомъ терпении до дни смерти своея. И дшу свою добродетельными дары вообразилъ жестокииъ пребываниемъ. Мраза не чужаше (Л. 332) и солнечнаго вара распаление ни во что же вменяше, и в хладость претворяше понеже от пелень обикль быше посту и всякому дельному воздержанию и сего ради страшень бесомъ является. И в такомъ терпении предаде душу свою в руце аггломъ бжйим. Сия убо блжённая двойца аще и не во едино время в телеси быста обаче же другъ другу поревноваста и бездомно поживста, и кущи своя на небесехъ водрузиста идеже желаютъ ангели приникнути. (Л. 332 об.) (От)селе убо отцы и братия совокупимъ сию блжённую двойцу воедино и прославимъ память ихъ. Да слава ихъ не потребится яко телеса ихъ в насъ суть, а дхъ на несехъ в горнемъ Иерусалиме пребываютъ. И сего ради воспоимъ имъ похвальная днесъ. (Р)адуйтиса бжественная чета, супругъ всечстныи, несныя человецы, земнии агглы уподобилися еста безпищному Иоанну пророку и прдтечи, паче же самому единокорному сну и слову бжйю иже не име на земли где главы подклонити. (Л. 333) егоже ради юродство приясте. О блжённая чета аще и разни суть времени и родители и пределы идеже рождени суть и воспитани обаче же единокорныи, алчни и жадни и не одеяни. На всяко добро управлени быста блжённыи, просты, негневливи, молитвени, братолюбцы, ко всемъ блгбсерди. Бесомъ сопротивни, страстемъ прогонительни, яко доброголасныя органныя трубы и бгбсоченныя гусли разно восклицающе, вкупе же ушеса слышашимъ сладости исполняюще. Радуетася (Л. 333 об.) умъ к богу впреивша, и красная мира сего презревша и телеса своя постомъ и бдениемъ и наготою удручиста. Тем же мурины посрамиста и аггельская ликостояния возвеселиста и несная селения достигоста и чудеса велия людемъ своимъ показаста. Овогда по блгбвелению бжйю нанесеннаго страшнаго прещения ты блжённе прокопие млйтвами своими градъ устюгъ защитилъ еси и огненосныя облацы по воздуху разлиять и бжйи гневъ утилил еси и блгбдать граду своему даровалъ еси. (Л. 334) тебе же ради Прокопие чудо преславно на обращение от грехъ людемъ даровася еже миро от прчстыя образа изобильно излися понеже со искушениемъ бывасте бжйи блгбдать всемъ дася, являть славить бгъ и помняще чудеса его уповаютъ на милость его покаяннемъ и оправдающеся и неправденыхъ дель своихъ отвращающеся. Грабители податливи бывающе, кривосуды правосудцы, мытоимцы дароносцы, блудницы девственницы, враждотворцы миротворцы, сребролюбцы (Л. 334 об.) нищелюбцы, досадители блгбтворители и воздержанию хранители, смехотворцы умиленни и смиренни, чародейцы добродейцы, жестосердицы милосердицы, гордии смиренномудрии, пияницы воздержницы, священники благолепни, сквернии чистии, льстивии кротции, братоненавидницы любовнии, не-

сытии постницы, обидливии смирении, разбойницы братолюбцы, скупии щедри, немилостивии милостиви, беззаконницы целомудри и законохранители. И тако покаянием бгѹ угодное (Л. 335) творяще и праведнику сему хвалу воздающе. Ты же блаженне Иоанне такожде еще в телеси пребываяй сый, вельможа некоего жену от огненныа болезни исцелил еси и ина некая чюдеса сотворилъ еси. На углие горящия печи яко на воде почи-валъ еси, и не прикоснуся огнь многотрудному телеси твоему. Радуйтася многотрудныя новыя чудодейца, бгѹ-сочетанная двойца, единъ по единомъ потекоста, купно же и градъ свой стрегоста, аще и ниединоплеменни (Л. 335 об.) на земли быста. Обаче сродство иместа в горнемъ Иерслиме. Предобрый супругъ, о блжѣнная двойца, возлюбленнии гсдемъ, к немуже веру сохраня-ша и дшѹ чисту соблюдыша и сего ради райския пищи наслаждаются. За наготу в нетленны ризы облекостеся и црѣскими венцы увязостася. О предивнии пастырие словесныхъ овецъ хрстовыхъ ихъ же добре на пажитехъ стрегоста да яко бгѹ препокоеить окрестъ, паки же сихъ не оставляйта и градъ свой спа. (Л. 336) сайта. Да никтоже погибнет пасты паствы вашея яко же есть пи-сано пастырь добрый дшѹ свою полагает за овца. Вы же еста воистину предобрая пастыря надежда же и упо-вание граду своему в нем же многотрудившеся чистою совестию аггѣльски пожиста. И во пристанище блгѹ-утишно достигоста верховнаго града вышняго Иерсли-ма, иже есть мати живущихъ всехъ. Во страну в ней же светъ немерцающий сияеть, неусыпающе зоркий веч-ныхъ благъ (Л. 336 об.) давецъ, идеже око не видитъ и ухо не слышитъ и на сердце члвѣку не възде яже уго-това богъ любящимъ его. Туже прочее съ гсдемъ непре-станно пребывае. Бжѣственныхъ и неразумеваемыхъ благодатей наслаждается славяще его и блгѹдаряще в трехъ ипостасехъ во единомъ бжѣстве и существе, црѣ-стве же сотвори же и владычество. Молимъ же васъ стѣи яко да сподобите и насъ грешныхъ стѣими вашими мо-литвами на земли благоутишно пожити и вечныхъ блгѹ получитьи. Блгѹдатию и члвѣколюбиемъ гсда бгѣа и спсѣа нашего Исуса Хрста. Емуже слава со отцемъ купно и со стѣимъ дхѹмъ ннѣ и присно и во веки веков. аминъ.

(Л. 326). **Слово похвальное святым и блаженным, Христа ради юродивым Прокопию и Иоанну, Устюжским чудотворцам. Списано дуксом Семеном Шаховским. Благослови, отче. Стих.**

Прокопия похвалим, Иоанна ублажим, двоицу свя-тую соединим и похвалу им принесем, говоря так.

«Память праведного с похвалами»³, – сказал премудрый Соломон – И когда праведник достигнет кончины, будет в покое»⁴. Воистину смерть праведных есть жизнь, то есть покой. Как /Л. 326 об./ сказано в Писании: праведный верою жив будет во веки⁵. Эти Божественные писания достигли блаженного слуха удивительного мужа Прокопия, но более, чем слушатель Божественного голоса того, явился он. Сказано: Вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на /Л. 327/ добрую землю и принесло плод: одно во сто

крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. И еще сказано: Если человек не оставит отца и матери, и всего имения своего и не возьмет креста своего, и во след мне не грядет, не может быть мой ученик⁶. Блаженный же сей муж все эти Божественные учения собрал в своем сердце. И отказался он родителей и дома своего, и следом за Христом своим и Богом пошел. И странником в чужой земле явился. И как птицы, парящие по воздуху во время цветущей весны – царицы времени /Л. 327 об./ к землям нашим приближаются, и в дубравах вселяются, и друг к другу приобщаются, и гнезда себе созидают, и птенцов своих воспитывают, и сладостными песнями воздух наполняют, и сердца людей улаждают. Также и сей чудный муж, блаженный Прокопий. Мы не знаем из какой земли и от каких родителей [он], об этом писание не поведало. Мы же как знаем, так и говорим. Поскольку не отчество изыскиваем, но труды и подвиги его описываем. Поскольку /Л. 328/ и у преподобного и многочудесного отца Варлаама Хутынского благословляется. И поэтому [благословению] внезапно в Устюжский град приходит. И у соборной церкви Пречистой Богородицы, Честного и славного ее Успения, в притворе⁷ вселяется, не искав другого пристанища. Не захотел он покоя телесного в чужой земле иметь. Оставив мирские привычки, изволив [лучше] лежать у порога в доме Божьем, чем жить в селениях грешников. Как щебечущая ласточка под кровом храма гнездо свивает и никуда не отлетает, до тех пор, пока птенцов не воспитает, так же и этот блаженный странник и бездомный под крыло церковное водворяется и там постоянно пребывал, пока птенцов своих [паству] не воспитал, то есть Святого Духа стяжал в своем сердце, как сказано гдето: «Были беременны, мучились, – и рождали как бы ветер; спасения не доставили земле»⁸.

И пребывал сей блаженный муж в притворе храма Божия и пречистой Богоматери, смиряясь, поскольку стал обителем Святому Духу /Л. 329/ и различным добродетелям. В простом житии пребывая, искусно просияв добродетелями. В одной ризе ходил, и когда она раздиралась, другой не требовал, но к той же одежде пришивал и наготу свою телесную прикрывал. И с тремя жезлами ходил, и тем Пресвятую Троицу изображал. Тем самым [хотел] подвиг добродетелей показать и к Богу приобщение стяжать. Так и над бесами власть иметь и чудеса великие показать. И всеми /Л. 329 об./ был знаем, как человек благой. И о впадающих в крамолу и бесчинства, тужил о тех и говорил, чтобы покались. Как и сам тот Прокопий смиренномудрый хранил все в молчании, всегда молясь Богу о согрешающих. Никогда не отдыхал и бесчисленные труды совершал: зной и мороз, голод и жажду до дня своей смерти. Ангельскую жизнь стяжав, сделался Христа ради юродивым, и мертвым себя всесторонне в жизни сделал, по апостольскому призыву, истину говорящему, проповедуя, что «и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня»⁹. И так сам себя умертвил блаженный Прокопий, как никто в Устюжском граде. Блаженный Прокопий, свято и непорочно пожив, жизнь свою до конца совершив, ко Господу отошел вечно ликовать. И по смерти многотрудного тела своего, прославился чудесами многими от Бога /Л. 330 об./ о них в житии его явлено.

³ Притч. 10:7. См. также тропарь Иоанну Предтече.

⁴ Прем. 4:7.

⁵ Евр. 10:38.

⁶ Мф. 13: 38, пересказ.

⁷ Притвор – пристройка перед входом в храм.

⁸ Ис. 26:18. Цитата не точна. Правильно: «Были беременны, мучились, – и рождали как бы ветер; спасения не доставили земле, и про чие жители вселенной не пали».

После же другая надежда Устюжскому граду явилась. Как по прекрасной заре свет воссияет, так и после чудного Прокопия преблаженный Иоанн. Родители его в устюжских селах жили, были земледельцами, но в изобилии пребывали. Блаженный этот отрок, еще будучи юн возрастом, все мирское пренебрег, хотя и селянин был родом, но /Л. 331/ решил быть насельником Небесного Царства. Ради этого презрев кратковременную жизнь суетного мира, оставил родителей своих. Немало изволил потрудиться, чтобы в покой вечный вселившись, Божественному, но прискорбному поревновать житию. Изначально навык имея к посту, также начало воспитав и других добродетелей, чтобы и дальнейших достигнуть благ. И когда пришел к возрасту и достиг города Устюга, преемником /Л. 331 об./ становится святому Прокопию. У той же соборной церкви Пречистой Богоматери поселяется. И теми же великими трудами подвизается, и к Богу приближается. И против врагов [бесов] на подвиг юродством несокрушимо ополчается, и ризами не одевается, и на местах нечистых нагим поклоны совершает [с молитвой]. И от невежд камнями и палками побивается. И в таком терпении [пребывает] до дня смерти своей. И душу свою добродетельными дарами в трудном пребывании преобразил. Мороза не чуял, /Л. 332/ и солнечного зноя жар ни во что не вменял, и в прохладе претворял. Потому что с детства привык к посту и всякому воздержанию. И поэтому страшным для бесов является. И в таком терпении предал душу свою в руки ангелам Божиим. Эта блаженная двоица, хотя и не в одно время жили во плоти, но друг другу вдохновились и бездомно жили, и обители свои на небесах водрузили, где желают ангелы приникнуть.

Л. 332. Отсюда, отцы и братья, соединим эту блаженную двоицу воедино и прославим их память. Да слава их не иссякнет, потому что тела их с нами [захоронение и мощи] есть, а духи на небесах в горнем Иерусалиме пребывают. И потому воспоем им похвалу ныне. Радуйтесь Божественная чета, союз всечестный, небесные человеки, земные ангелы. Уподобились пустынною Иоанну Пророку и Предтече, особенно же «Самому Единородному Сыну и Слову Божию, который не имел на земле, где главу приклонить»¹⁰.

Л. 333. Ради Него [Христа] приняли юродство. О блаженная чета, хотя и в разные времена были, и родители [разные], и земли, где рождены были и воспитаны. Но единокорны, терпящие голод и жажду и лишения. На всякое же добро имели стремление, блаженные, бесхитростны, негневливы, молитвенны, братолюбивые, ко всем милосердные. Бесам противники, страстей гонители, как dobroгласные органные трубы и боговдохновенные гусли поразному звучащие, но вместе слух сладостью наполняющие. Радуйтесь, /Л. 333 об./ ум к Богу направившие и красоту мира сего презревшие. И тела свои постом, бдением и наготой обуздали. Этим же муринов (т.е. демонов – С.В., Д.Л.)¹¹ посрамили и ангельские хоры возвеселили, и небесных селений достигли и чудеса великие людям своим показали. Когда же по человеколюбию Божию от постигшего страшного наказания ты, блаженный Прокопий, молитвами своими, град Устюг защитил и огненные облака по воздуху рассеял и Божий гнев утопил ты, и благодать граду своему даровал ты.

Л. 334. Благодаря тебе, Прокопий, чудо славное для прекращения грехов людям дано было, как миро от пречистого образа изобильно пролил. Даже с искушением бывает Божия благодать всем дана, чтобы славить Бога. И помнящие чудеса Его надеются на милость Его покаянием и исправляясь и от неправедных дел своих отходя. Грабители стали благотворителями, нечестные судьи – правыми, сборщики податей – жертвователями, блудники – целомудренными, разжигатели вражды – миротворцами, сребролюбивые – нищелюбивыми, насильники – добро совершающими и воздержание хранящими, насмешники – кроткими и смиренными, колдуны – благочестивыми, жестокосердные – милосердными, гордые – скромными, пьяницы – воздержанными, священнослужители – благообразными, скверные [нечистые] – чистыми, жестокие – мягкосердными, ненависть к ближнему имевшие – любовь проявившие, обжоры – постниками, обидчивые – смиренными, разбойники – человеколюбивыми, скупые – щедрыми, немилостивые – милостивыми, беззаконники – праведными и законопослушными. И так покаянием угодное Богу /Л. 335/ творя и праведнику этому хвалу воздавая.

Ты же блаженный Иоанн так же еще во плоти пребывая, жену некоего вельможи от лихорадки исцелил и иные некие чудеса сотворил. На угольях горячей печи, как на воде почивал, и не прикоснулся огонь к изможденному телу твоему. Радуйтесь многотрудные новые чудотворцы, Богом соединенная двоица. Один за другим пошли, вместе же и город свой стерегли, хотя и были не одного рода /Л. 335 об./ на земле. Но родство имели в небесном Иерусалиме. Достойный союз, блаженная двоица, возлюбленные Господом, к Нему же веру сохранившие и душу чистую уберегшие, и благодаря этому райской пищей наслаждаетесь. За наготу в нетленные ризы облеклись и царскими венцами увенчались. О предивные пастыри словесных овец Христовых, их же на добрых лугах стерегли, так же как Бог [непрестанно] защищает окрест, также сих вы не оставляйте и город свой спасайте.

Л. 336. Да пусть никто не погибнет из паствы вашей, как сказано в Писании: «пастырь добрый душу свою полагает за овец»¹². Вы же воистину добрые пастыри, надежда и упование городу своему, в нем же много трудившись чистою совестью ангельски пожили. И пристанища мирно достигли Небесного Иерусалима, который есть «мать всех живущих»¹³. В страну, в которой «свет немеркнущий»¹⁴ сияет, неспящий никогда вечных благ Дарователь [Бог]. Там, где «око не видит, и ухо не слышит и на сердце человеку не пришло, что приготовил Бог любящим Его»¹⁵. Они же с Господом непрестанно пребывали. Божественных и непостижимых умом благодатей наслаждаетесь, прославляя Его и благодаря в Трех Ипостасях, в Едином Божестве и Существо и Царстве. Молим вас, святые, да сподобите и нас грешных святыми вашими молитвами на земле мирно пожить и небесных благ получить. Благодатью и человеколюбием Господа, Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Ему же слава с Отцом, вместе и со Святым Духом сегодня и всегда и во веки вечные. Аминь.

⁹ Гал. 2:20

¹⁰ Лк. 9:58

¹¹ Муринов – дословно «эфиоп», см. жития сирийских и египетских монахов.

¹² Ин. 10:11

¹³ Гал. 4:26.

¹⁴ 1 Кор. 1:18.

¹⁵ 1 Кор. 2:9

Литература

1. Барсуков А. П. Список городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. По напечатанным правительственным актам. М.: Кучково поле, 2010. 687 с.
2. Буланин Д. М. Шаховской Семен Иванович, по прозвищу Харя // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.) Часть 4. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 275–286.
3. Жития и чудеса Иоанна и Прокопия Устюжских и похвальные слова им [Рукопись]. [Б. м.], вторая половина XVII в. // Российская государственная библиотека. ОР Ф. 354. № 73. Л. 317–328 (первая пагинация) 326–337 (вторая пагинация). 4. Кошелева О. Е. Лето 1645 года: Семена лиц на российском престоле // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М.: РГГУ, 1999. С. 148–170.
5. Кукушкина М. В. Семен Шаховской – автор повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство археология. М.: АН СССР, 1975. С. 75–78.
6. Лукичев М. П. Новые материалы к биографии С.И. Шаховского // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: сборник статей. М.: Наука, 1982. С. 99–107.
7. Ляпин Д.А. Непризнанный святой Прокопий Устьянский и новые сведения к творческой биографии С. И. Шаховского // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 430–435.
8. Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. 2-ое изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. С. 61–83.
9. Малюта Е. Г. Князь Семен Шаховской на Русском Севере (к изучению творческой биографии писателя) // Рябининские чтения — 2023: Материалы IX конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2023. С. 43–45.
10. Новохатко О. В. Россия. Частная переписка XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2019. 663 с.
11. Полетаев А. В. Князь Семен Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Федор Андреевич Шелешпанский // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2001. Вып. 4. С. 158–174.
12. Полетаев А.В. Князь Семён Шаховской и его сибирские «знакомцы»: Сергей Андреевич Котов // Проблемы истории России. Екатеринбург: Волот, 2005. Вып. 6. С. 39–58.
13. Попов А. Н. Переписка дьяка Третьяка Васильева с исследованием о времени переписки, а равно и самом дьяке Васильеве и о лицах к кому писал // Временник императорского московского общества истории и древностей российских. М.: Университетская типография, 1851. Раздел III. С. 129.
14. Поршнев Б. Ф. Социальнополитическая обстановка в России во время Смоленской войны // История СССР. 1957. № 5. С. 112–140.
15. Серова И. Ю. К вопросу о влиянии «Летописной книги» на Повести о Смуте С. И. Шаховского // Труды отдела Древнерусской литературы. Л.: Наука, 1990. Т. 43. С. 338–346.
16. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л.: АН СССР, 1948. Т. II. 736 с.
17. Филина Е. И. «В поисках альтернативы...». «Придворные партии» в политической борьбе в России 30-50-х гг. XVII века. М.: МПГУ, 2011. 348 с.
18. Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж: ВГУ, 1975. 248 с.
19. Шаховской С.И. Летописная книга. Подготовка текста и комментарии Е.П. Дергачевой-Скопп // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVIначала XVII веков. М.: Художественная литература, 1987. С. 358–427.
20. Keenan E. L. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy // *Harvard Ukraine Studies*. 1988. Vol. 12/13. P. 795–815.

References

1. Barsukov AP. List of city governors and other persons of the voivodship administration of the Moscow State of the 17th century. According to printed government acts. Moscow: Kuchkovo pole; 2010. 687 p. (In Russ.).
2. Bulanin DM. Shakhovskoy Semyon Ivanovich, nicknamed Kharya in Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus. 3 (4). St. Petersburg: Dmitry Bulanin publ.; 2004. P. 275-286. (In Russ.).
3. Lives and miracles of John and Procopius of Ustyug and words of praise to them [Manuscript]. [no publisher], second half of the 17th century In Russian State Library. OR. F. 354. No. 73:317-328(first pagination)326-337(second pagination). (In Russ.).
4. Kosheleva OE. Summer of 1645: change of persons on the Russian throne in Kazus. Moscow: Russian State University for the Humanities; 1999. P. 148-170. (In Russ.).
5. Kukushkina MV. Semyon Shakhovskoy author of the story about the Time of Troubles in Cultural monuments. New discoveries. Writing. Art, archeology. Moscow: USSR Academy of Sciences publ.; 1975. P. 75-78. (In Russ.).
6. Lukichev MP. New materials for the biography of SI Shakhovsky. Research on source studies of the history of the USSR of the preOctober period: collection of articles. Moscow: Science publ.; 1982. P. 99-107. (In Russ.).
7. Lyapin DA. The unrecognized saint Procopius of Ustyansky and new information on the creative biography of SI Shakhovsky. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2022;22(4):430-435. (In Russ.).
8. Lyapin DA. The Tsar's sword: sociopolitical struggle In Russia in the middle of the 17th century. 2nd ed. Moscow – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; 2023. 360 p. (In Russ.).
9. Malyuta EG. Prince Semyon Shakhovskoy in the Russian North (to the study of the creative biography of the writer) in Ryabinin Readings 2023: Proceedings of their conference on the study and actualization of the traditional culture of the Russian North. Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS publ.; 2023. P. 43-45. (In Russ.).
10. Novokhatko OV. Russia. Private correspondence of the 17th century. Moscow: Monuments of historical thought; 2019. 663 p. (In Russ.).
11. Poletaev AV. Prince Semyon Shakhovskoy and his Siberian “acquaintances”: Fyodor Andreevich Shelespansky in Problems of Russian history. Ekaterinburg: Volot; 2001. Issue 4. P. 158-174. (In Russ.).
12. Poletaev AV. Prince Semyon Shakhovskoy and his Siberian “acquaintances”: Sergei Andreevich Kotov in Problems of Russian history. Ekaterinburg: Volot; 2001. Issue 6. P. 39-58. (In Russ.).
13. Popov AN. Correspondence of clerk Tretyak Vasilyev with research about the time of correspondence, as well as clerk Vasilyev himself and about the persons to whom he wrote in Proceedings of the Imperial Moscow Society of Russian History and Antiquities. Moscow: University Printing House, 1851. Section III. P. 129. (In Russ.).
14. Porshnev B. F. Social and political situation In Russia during the Smolensk War. *Istoriya SSSR*. 1957;(5):112-140. (In Russ.).
15. Serova IYu. On the question of the influence of the “Chronicle Book” on the Tale of the Time of Troubles by S. I. Shakhovsky in Works of the Department of Old Russian Literature. Leningrad: Nauka; 1990. Vol. 43. P. 338-346. (In Russ.).
16. Smirnov PP. Posad people and their class struggle until the middle of the 17th century. Moscow Leningrad: USSR Academy of Sciences publ.; 1948. T. II. 736 p. (In Russ.).

17. Filina EI. "In search of an alternative...". "Court parties" in the political struggle in Russia in the 3050s. XVII century. Moscow: MPSU publ.; 2011. 348 p. (In Russ.).
18. Chistyakova EV. Urban uprisings in Russia in the first half of the 17th century. Voronezh: VSU publ.; 1975. 248 p. (In Russ.).
19. Shakhovskoy SI. Chronicle book. Preparation of the text and comments by EP. DergachevaSkopp in Monuments of literature of Ancient Rus'. Late 16th early 17th centuries. Moscow: Khudozhestvennaya literatura publ.; 1987. P. 358-427. (In Russ.).
20. Keenan EL. Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy. *Harvard Ukrainian Studies*. 1988;(12/13):795-815. (In Russ.).



Научная статья

УДК 394.014

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.4>

«РОДНЫЕ БРАТЯ ГРУЗИНЫ... РОДОМ ИЗ ЗЕМЛИ ВОЙСКА ЧЕРНОМОРСКОГО»: К ВОПРОСУ ОБ ОКРУЖЕНИИ ИСТОРИКА И. Д. ПОПКО

Игорь Владимирович Дубинин

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1., ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Соискатель

titlo@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-5217-985X>

Аннотация. Введение. История России, в частности Северного Кавказа, складывается не только из различных свидетельств и фактов, но и судеб и биографий людей. Некоторые исторические персонажи остаются в истории, другие исчезают в «глубине веков», но есть и третьи, о которых остались краткие упоминания в письмах, дневниках, документах. Есть люди, которые внесли посильный вклад в культуру и историю, но воспоминания о них стираются из памяти людей. К таким историческим персонажам, можно отнести и двух братьев – Карпа и Ивана Грузиных. **Материалы и методы.** На основе документов, хранящихся в архивах Киева и Краснодара, а также печатных источников XIX – нач. XX вв. и их анализа делается попытка воссоздать биографию братьев и проследить перипетии их сложного и трудного жизненного пути в контексте истории начала XIX в. **Анализ.** В центре внимания оказалась судьба двух представителей черноморского казачества, сумевших изменить уготованную им судьбу, окончить Киевскую духовную академию, стать там же преподавателями философии и еврейского языка, не пасть духом после увольнения из-за разногласий с Митрополитом Киевским Евгением (Болховитиновым) и начать новую жизнь

в столице. Они вели обширную переписку, из которой сохранились лишь отдельные письма Иннокентию (Борисову) и К.С. Сербиновичу. В нескольких письмах сохранились упоминания о них. В круг их общения входил и историк казачества, просветитель и библиофил Иван Диомидович Попко, не раз гостивший у них в Санкт-Петербурге. **Результаты.** Во много благодаря таким отрывочным и малочисленным сведениям удалось, на сколько это возможно, воссоздать жизненный путь братьев.

Ключевые слова: Карп Грузин, Иван Грузин, И.Д. Попко, Киевская духовная академия, письмо

Для цитирования: Дубинин И. И. «Родные братья Грузины... родом из земли войска черноморского»: к вопросу об окружении историка И. Д. Попко // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 450–456. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.4>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

Research article

“SIBLING BROTHERS GEORGIANS... COME FROM THE LAND OF THE BLACK SEA ARMY”: ON THE ENVIRONMENT OF THE HISTORIAN I.D. POPKO

Igor V. Dubinin

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Applicant

titlo@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0006-5217-985X>

Annotation. Introduction. The history of Russia, in particular the North Caucasus, consists not only of various testimonies and facts, but also of the destinies and biographies of people. Some historical characters remain in history, others disappear into the “depths of the ages”, but there are still others about whom there are brief mentions in letters, diaries and documents. There are people who have made a significant contribution to culture and history, but the memories of them are erased from people’s memory. Two brothers, Karp and Ivan Gruzin, can also be attributed to such historical characters. **Materials and Methods.** Based on documents stored in the archives of Kiev and Krasnodar, as well as printed sources of the XIX – the beginning of the XX c. an attempt is made to recreate the biography of the brothers and trace the details of their complex and difficult life path in the context of the history of the early XIX century. **Analysis.** The focus was on the fate of two representatives of the Black Sea Cossacks, who managed to change their fate, graduate from the Kiev Theological Academy, become teachers of philosophy and Hebrew there, not to lose heart after being dismissed due to disagreements with Metropolitan of Kiev Yevgeny (Bolkhovitinov) and to start a new life in the capital. They

conducted an extensive correspondence, of which only individual letters to Innokenty (Borisov) and K. S. Serbinovich have been preserved. There are references to them in several letters. Their circle of communication included the historian of the Cossacks, educator and bibliophile Ivan Diomidovich Popko, who visited them more than once in St. Petersburg. **Results.** Thanks to such fragmentary and scarce information, it was possible to recreate the brothers’ life paths to a certain extent.

Keywords: Karp Gruzin, Ivan Gruzin, I.D. Popko, Kiev Theological Academy, letter

For citation: Dubinin IV. “Sibling brothers Georgians... come from the land of the Black Sea army”: on the environment of the historian I.D. Popko. *Humanities and law research*. 2024; 11(3):450-456. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.4>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.04.2024.

The article was accepted for publication: 25.06.2024.

Введение. В процессе работы над реконструкцией библиотеки историка, просветителя и библиофила – Ивана Диомидовича Попко, оказавшего большое

© Дубинин И. В., 2024

влияние на развитие историографии северокавказского казачества, удалось выявить одного из дарителей книг – Карпа Грузина. Среди экземпляров с дарствен-

ными надписями в основном фамилии известных на тот момент историков и общественных деятелей: Александр Иванович Веригин, Иван Алексеевич Бартоломей, Николай Сергеевич Голицын и др. И вдруг, среди этого списка совершенно неизвестная фамилия. Кто же этот человек и почему он попал в список друзей и знакомых историка?

В «Каталоге собственной библиотеки ставропольского губернского предводителя дворянства генерал-майора И.Д. Попко» есть запись, что книга проповедей Иннокентия (Борисова), изданная в 1838 г., была подарена И.Д. Попко 12 июля 1844 г. Карпом Грузиным [8, с. 49]. В это время в дневнике близкого друга Ивана Диомидовича Василия Федоровича Золотаренко, писателя, этнографа, мемуариста и смотрителя Екатеринодарского приходского училища появляется запись о том, что Иван Диомидович «поехал с детьми дворян черноморских, для отдачи в корпуса» [16, с. 287] и по его просьбе заходил к братьям в Санкт-Петербурге.

Нужно заметить, что в воспоминаниях В.Ф. Золотаренко Грузины упоминаются не раз. Они знакомили друзей с новыми веяниями в литературе, помогали подбирать книги в библиотеку Ивана Диомидовича, оказывали друзьям другую посильную помощь. Именно под их влиянием Василий Золотаренко долгое время мечтал стать почмейстером. Трудно сказать, насколько велико и серьезно было влияние братьев, и неизвестно, продолжилось бы их общение в дальнейшем в силу большой разницы в возрасте... К сожалению, они рано умерли – Карп в 1846, Иван через два года, оба были похоронены на Волковом православном кладбище.

Материалы и методы. Историография темы достаточно скромна. Все упоминания о братьях относятся к XIX в. и касаются их увольнения из преподавателей Киевской духовной академии из-за спора с Евгением Болховитиновым, митрополитом Киевским. Этому посвятили несколько строк в своих работах С.В. Карпов [11, с. 194] и И.И. Малышевский [13, с. 24].

В журнале «Христианские чтения» в «Материалах для биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского» было опубликовано несколько писем Карпа к Иннокентию (Борисову) – другу и однокурснику по академии [1, с. 199–211]. По содержанию этих писем можно судить о кругозоре, интересах и круге общения родственников. Письма посвящены обсуждению и критике Карпом старых и новых проповедей друга. Обладая обширными связями в высших кругах и книготорговой и издательской среде, он не только передавал новости, но и занимался «книжными делами» товарища, подбирая издания и отправляя их в Киев, тем самым пополняя библиотеку друга.

Кроме этого, в «Трудах Киевской духовной академии» за 1888 г. в № 11 была опубликована статья Л.С. Мациевича «К материалам для истории Киевской духовной академии: 1. Заметки к одному сообщению в «Христианском чтении» [15, с. 118–127], непосредственно связанная с судьбой Грузиных и их посланиями Иннокентию. В своей «заметке» автор называет письма «особенно интересными» и относящимися «к биографии двух замечательных воспитанников первого курса киевской д. Академии и затем наставников ея» [15, с. 122], добавляя, что «о самом содержании интересных писем Карпа Грузина мы предполагаем говорить особо» [15, с. 127]. Обнаружить продолжение статьи Л.С. Мациевича пока не удалось.

Пожалуй, эта вся историография братьев до 2021 г., когда в «Вестнике Санкт-Петербургского государственного института культуры» появилась статья «Материалы к истории книжного дела Кубань в фондах Рукописного отдела Пушкинского дома» [9, с. 173–179] в которой Карпу и Ивану было посвящено несколько абзацев.

Поэтому можно говорить, что настоящая публикация является попыткой вернуть «в круг общения» И.Д. Попко Карпа и Ивана Грузиных – первых преподавателей высшей школы, выходцев из Черноморского Казачьего войска.

Анализ. В 1797 г. в семье священника Благовещенской одноприходной церкви куренного селения Корсунского (ст. Старокорсунская) родился сын Иван, а через год Карп. Когда пришло время, оба брата стали учениками Екатеринодарского войскового училища, которое с отличием окончили в 1810 г. [4, л. 1].

В этом же году их отец Дмитрий Грузин написал прошение Архиепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому Платону: «Двух сынов моих Иоанна и Карпа Грузиновых, которым от роду лет первому 13, а последнему 12, обучавшихся в Екатеринодарском Войсковом уездном училище разным предметам, о чем они от оного училища и аттестаты имеют Вашему Высокопреосвященству представляя всепокорнейше прошу для продолжения дальнейшего учения в Екатеринославской семинарии кому следует повелеть принять» [4, л. 1].

В характеристике братьев, которую дал кубанский просветитель и войсковой протоиерей Черноморского казачьего войска Кирилл Васильевич Россинский, можно прочесть, что «юное наше училище, сущее еще в колыбели, представляет ныне в семинарию Вашего Высокопреосвященства, несколько уже поочищенных лоз. Надежда предрадует, что сии лозы дадут много плодов во время оное. В латине они мало занимаемы еще были... за недостатком в прошлом годе учителей, а в прочих предметах уездного училища, по их превосходным дарованиям довольными успехами отличились» [4, л. 2].

5 октября этого же года Архиепископом Платоном было принято решение: «Принять, с объявлением том благомыслящему отцу нашего благославения, в знак коего дозволяем ему носить из черного бархата скуфию. Сынов проэкзаменовать, промоцию учинить не в первый класс буде достойны» [4, л. 4].

В итоге, в следующем году братья уехали в Екатеринославль и больше никогда не посещали Екатеринодар – свидетельств об обратном не найдено – но связи с Черноморией они не теряли. Старшая сестра Татьяна была замужем за войсковым старшиной Петром Афанасьевичем Животовским.

Через свою младшую сестру – Анну – братья породнились с известным персонажем в истории Черномории, генерал-майором, писателем, этнографом и общественным деятелем Василием Степановичем Вареником. Автор юмористических рассказов, из которых сохранились «Мова про фузею» (1842) и «Велико дня пятница» (1848). Кроме этого, в рукописном варианте сохранилось его художественное произведение «Досужие минуты казака Вареника», в которую вошли песни черноморских казаков и семейная хроника «Было да быть поросло, а горько вспоминать» (1883). За свои многочисленные речи, посвященные различным историческим событиям, он был прозван «Кубанским Цицероном». В.С. Вареник был «женат первым браком на дочери Черноморского войскового протоиерея Грузина девице Анне Дмитрие-

вой, православного вероисповедания» [5, л. 163]. 25 декабря 1857 года у них родился сын Константин [6, л. 79 об.]. В этом же году она скончалась.

В 1811 г. Дмитрий Грузин был переведен священником в Войсковой Воскресенский собор (четырёхприходной Соборной Воскресенской церкви), где служил вместе с К. В. Россинским. В 1831 г. он скончался.

О времени учебы Ивана и Карпа в Екатеринославской духовной семинарии известно мало. Закончили ее братья в числе лучших учеников и в 1819 г. были отправлены учиться в обновленную Киевскую духовную академию.

В процессе реформы духовного образования 1808–1814 гг. на первом этапе в 1808 г. был разработан и принят новый устав духовных школ, предусматривавший трехступенчатую систему обучения – духовные училища, семинарии и академии.

Создавалось четыре высших духовных образовательных учреждения: Санкт-Петербургская, Московская, Киевская и Казанская академии. Территория империи делилась на четыре учебных округа. Во главе каждого должна была стать одна из них.

Первыми реформированными академиями по новому уставу стали Санкт-Петербургская (1809 г.) и Московская (1814 г.). Третьей на очереди должна была стать Киевская. Но к рубежу XVIII–XIX вв. она находилась в плачевном состоянии. Не хватало преподавателей, их интеллектуальный уровень не дотягивал до уровня высшего учебного заведения, в следствие чего качество преподавания был низким. Были проблемы с финансированием. Бытовые условия тоже оставляли желать лучшего, из-за этого была очень высока заболеваемость, и, вследствие этого, смертность среди студентов.

Осенью 1816 г., комиссией духовных училищ в Санкт-Петербурге было принято решение о введении здесь нового устава. Предполагалось, что на ее базе откроются три учебных заведения: духовное училище, семинария и академия. Но, после изучения сложившейся обстановки, и в силу открывшихся фактов, члены комиссии решили направить в Киев несколько выпускников Санкт-Петербургской академии, надеясь, что это поможет выправить непростую ситуацию. Однако это не помогло решить проблему нехватки преподавательского состава.

Поэтому 24 июля 1817 г. было принято решение о временном закрытии учебного заведения и открытии на его базе училища и семинарии. 27 октября этого же года, одновременно с открытием среднего учебного заведения, началась подготовка к открытию новой, преобразованной по новому уставу, академии. Работа продолжалась почти два года, и только 17 июня 1819 г. комиссия духовных училищ дала распоряжение Санкт-Петербургскому академическому правлению о наборе из Киевского учебного округа студентов для вновь созданного низшего отделения академии. Из разных окружных семинарий было затребованы 53 лучших выпускника. В их числе из Екатеринославской семинарии было отправлены два человека – Иван и Карп Грузины.

29 августа 1819 г. Киевскому митрополиту Серапиону (Александровскому) Святейшим Синодом было дано распоряжение открыть в Киеве обновленное учебное заведение. «28 сентября последовало самое открытие академии, устроенное маститым архиепископом, м. Серапионом, с особенною торжественностью. В торжестве приняли участие местное духовенство с архиепископом во главе, преподаватели и воспитанники училищ, се-

минарий, высшие представители местной администрации и члены городского управления. После литургии в Успенском соборе, крестного хода из него в братскую церковь и молебствия в нем, совершился в этой самой зале акт открытия академии. Здесь, по объявлении правительственных распоряжений касательно академии и по обычных многолетствиях, пропет, по старому обычаю, сочиненный на этот случай кант, во время которого м. Серапион окроплял святой водою учащихся, студентов, залу и классы; затем произнесены были речи ректором, инспектором и бакалаврами...

Акт заключен пением стиха: Слава в вышних Богу и архипастырским благословением студентам. Торжество завершилось собранием у гостеприимного ректора Моисея, где благодушный архипастырь Серапион старался ближе ознакомиться и ознакомить посетителей с новыми деятелями академии» [14, с. 19–20].

Стал обустраиваться быт преподавателей и студентов. С 1821 по 1825 г. был построен новый корпус, в котором находились учебные классы и библиотека, кроме этого здесь же находились квартиры профессоров и студенческое общежитие. Рядом появились больница, кухня и баня. В старом обновленном корпусе, пострадавшем в 1811 г. от пожара, 14 декабря 1824 г. был освящен обновленный Благовещенский храм.

Коллектив преподавателей был маленьким, поэтому большинству из них приходилось совмещать преподавательскую деятельность со служением в различных храмах Киева, многие вынуждены были выполнять административные функции. Поэтому текучесть кадров была достаточной высокой. Руководство академии поставило перед собой задачу подготовить преподавателей из состава выпускников академии.

Из 53 поступивших в 1819 г. к моменту выпуска удалось добраться только 39 выпускникам, из которых в качестве преподавателей было решено оставить 6 человек. Среди оставшихся были Карп и Иван Грузины. Более подробно об этом периоде истории Киевской духовной академии можно прочесть в работах И. И. Малышевского [14] и М. П. Булакова [3].

В этот период здесь преподавали известные личности своего времени. Первым профессором философии был протоиерей Иоанн Михайлович Скворцов, читавший лекции по философии с 1819 по 1849 г. Этот выдающийся учёный оказал большое влияние на дальнейшее развитие, как преподавателя, Карпа Грузина. Если отец Иоанн читал свой курс полатыни, то его ученики и преемники перешли к преподаванию на русском языке.

О том, как жили студенты первого пореформенного курса, в своих воспоминаниях поведал архимандрит Амвросий (Лотоцкий), опубликованных А. И. Чижевским в журнале «Русская старина» за январь 1917 г. [25, с. 132–133].

Осенью 1823 г. братья закончили академию одними из лучших. В «Списке студентов Киевской духовной академии, окончивших полный курс академический с показанием их способностей, прилежания, поведения и успехов по всем учебным предметам» значится, что Карп сдал все предметы на отлично, кроме математики и еврейского языка – довольно хорошо, у Ивана тоже все сдано на отлично, кроме французского языка – довольно. Прилежание у обоих братьев – «постоянное», поведение – «отличное», способности у Карпа – «отличные», а у Ивана – «очень хорошие» [21, л. 4 – 5]. Там же, в Центральном государственном историческом архиве Украины, сохранились черновые аттестаты братьев [22, л. 16, 16 об., 23, 27, 27 об., 38].

17 сентября этого же года Карп Грузин «академическим правлением с утверждения Комиссии Духовных училищ возведен на степень магистра богословия и назначен в Киевскую Духовную академию бакалавром по классу философских наук» [23, л. 13 об., 14]. В этот же день Иван Грузин тоже стал магистром и был назначен в академию «бакалавром по курсу еврейского языка» [23, л. 15 об., 16].

Во время учебы братья тесно сошлись с будущим проповедником, архиепископом Херсонским и Таврическим, членом Российской академии наук Иннокентием (Борисовым), с которым дружили всю их недолгую жизнь. Как уже упоминалось, сохранилось несколько писем Карпа Грузина к нему, опубликованных в журнале «Христианская жизнь» и одно письмо в личном фонде государственного деятеля, члена Петербургской академии наук, литератора, историка и переводчика Константина Степановича Сербиновича, которое непосредственно касается проповедника, в нем Карп просит сановника оказать помощь в издании книг друга [20].

«Но через два с лишним года своей профессорской службы (именно в конце 1825 г.) они вынуждены были оставить Киевскую академию. Какие были причины этого с ними несчастья, доселе надлежащим образом не выяснено. Есть разные об этом предания в киево-академической среде... Но настоящих, подлинных причин по официальным документам еще не выяснено... Проживающий в Кишиневе и умерший там в 1876 г. товарищ Грузиных, магистр 1-го курса Киевской духовной академии А.И. Белюгов поставлял увольнение Грузиных из академии в связи с общим погромом, постигшим мистиков после увольнения из Синода кн. А.Н. Голицына, завязанного мистика (в мае 1824 г.), и особенно после вызова в Синод митрополита Евгения, всегдашнего противника мистицизма (в начале 1825 г.): «Грузины были прекраснейшие люди, — говорил нам А.И. Белюгов, — но попали в общую кутерьму. И ректор Моисей тоже по этой причине прежде переведен был из академии...» [15, с. 123–124].

В Центральном Государственном историческом архиве Украины сохранилось «Предписание Комиссии духовных училищ Киевскому Академическому правлению о назначении, перемещении и увольнении наставников по Киевскому духовно-учебному округу» от 11 декабря 1825 г., в котором сказано: «бакалавров философских наук Карпа Грузина и еврейского языка Ивана Грузина уволить от училищной службы» [24, л. 1, 1 об.].

После увольнения братья отправились в Санкт-Петербург в надежде улучшить свою жизнь. Почему они не вернулись на родину, мы вероятно никогда не узнаем. Еще будучи преподавателями Киевской духовной академии, у них сложились хорошие отношения с ректором Моисеем и министром духовных дел и народного просвещения, а затем главноначальствующим над почтовым департаментом, князь Александром Николаевичем Голицыным, который сыграл в их жизни не последнюю роль.

Первый ходатайствовал об устройстве Грузиных перед Герасимом Петровичем Павским, который, судя по всему, не смог помочь, хотя на всю жизнь они остались друзьями. Как писал С.В. Протопопов в статье «Протоиереи Г.П. Павский: материалы для его биографии», опубликованной в журнале «Странник» в №3 за 1876 г.: «В 1826 г. Моисей, епископ Старорусский, ходатайствовал пред Герасимом Петровичем за двух уволенных в отставку молодых бакалавров Киевской духовной академии И. и К. Грузиных, находившихся в крайности,

с просьбою о приискании им места для службы, причем просил: “Вы, любезный Герасим Петрович, давнишний житель Петербурга, находясь в довольно высоком состоянии, имеете, без сомнения, круг знакомых и высокий и обширный, — Вы едва ли не с детских лет знакомы и мне, да к тому же у Вас доброе сердце, потому я все усердно прошу Вас призреть сих двух сирот своим покровительством, какое только оказать им можете” [19, с. 229].

После вмешательства А.Н. Голицына Карп получил место в Почтовом департаменте, а Иван — Казначействе. Как замечал С.М. Карпов: «...отправившись в Петербург, (братья) нашли себе радушный прием у бывшего учредителя новых духовных академий Голицына, давшего им должности в почтовом ведомстве, которым он тогда заведовал» [11, с. 204]. В работу историка вкралась ошибка: как удалось установить по найденным документам, Карп действительно начал и закончил свою «светскую» карьеру в Почтовом департаменте, поступив туда простым помощником секретаря, а закончил начальником 2-го отделения, занимавшимся обустройством почтовых отделений Российской империи. Иван же сначала служил в казначействе, а затем перешел в департамент военных поселений и дослужился до начальника архива. Жили братья всю свою жизнь в доме почтового департамента [18, с. 123, 317].

Подтверждающие документы хранятся в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. В них говорится: «Киевская духовная дикастерия слушала сообщение Почтового департамента с уведомлением, что уволенный из Киевской духовной академии магистр Карп Грузин по прошению его определен на службу по почтовому ведомству и допущен господином главноначальствующим над почтовым департаментом 14 апреля сего года к исправлению должности помощника секретаря при директоре Почтового департамента, и в сей должности по указу сенатскому утвержден..., посему оного Грузина исключить из ведомства духовного и об оном с прописанием обстоятельной справки дать знать Почтовому департаменту из дикастерии отношением, а к сведению сообщить и Киевскому академическому Правлению. Сентября 27 дня 1826-го года...» [10, л. 5, 5 об.].

Аналогичный документ сохранился и в отношении Ивана, с разницей лишь в месте работы: «Киевская духовная дикастерия, слушав отношение Государственного Казначейства с уведомлением, что уволенный Святейшим Синодом из духовного звания в гражданское для избрания рода жизни и службы, находившийся в Киевской духовной академии бакалавром магистр Иван Грузин по прошению его определен 10 числа мая на службу в Департамент Государственного Казначейства, и по учиненной в дикастерии справке определили: Поелику из отношения Государственного Казначейства значится, что бакалавр Иван Грузин поступил уже в оное на службу, то за сим оного Грузина исключить из ведомства Духовного, потом дать знать Департаменту Государственного Казначейства ответным из дикастерии отношением, а к сведению сообщить и Киевскому академическому Правлению. Августа 13 дня 1826 года» [10, л. 4, 4 об.].

Как можно заметить, конкретных причин увольнения братьев в документе не указано, но вот что об этом писал И.И. Малышевский: «Спор на каком-то экзамене был... в 1824 г. Может быть почин прения и был за Карповым, но неблагоприятный исход его зависел, говорят,

от вмешательства в него братьев Карпа и Ивана Грузиных... Когда во время спора Евгений (Болховитинов) сослался на какую-то книгу, а один из Грузиных оспаривал цитат, другой торопливо принес из библиотеки цитованную книгу, причем якобы оказалось, что цитат Евгения не совсем точен, — вероятно молодые бакалавры не умели остаться в границах приличия. Этим объясняется последовавшее в 1825 г. увольнение их, по прошению, от академической службы» [13, с.24].

С.М. Карпов был более конкретен: «Сам м. Евгений имел столкновение на экзамене в Академии в 1824 г. с бакалаврами академии, братьями Иваном и Карпом Грузиными — магистрами первого выпуска. Вероятно, столкновение было чрезвычайно чувствительным и острым для митрополита, так как Грузины должны были удалиться из Академии» [11, с.204].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что братья были вынуждены уволиться из духовного звания и из академии под давлением Митрополита Киевского Евгения (Болховитинова). Но имея влиятельного покровителя — А.Н. Голицына — они после спора проработали еще почти год, до конца 1825 г.

Неизвестно, что за книга «сломала» академическую карьеру братьев, но в одном из писем К. Д. Грузина Иннокентию (Борисову) есть любопытные строки: «...Ваше высокопреподобие, я не могу исполнить вашего желания о посылке тетради. Это не угодно Г. П-чу (Г. П. Павский). Да и сами мы боимся. Помяните прежнюю нашу судьбу и не погневайтесь на нашу боязливость. После может открыться возможность прочесть, а до тех пор вооружитесь терпением» [1, с. 201]. Речь в послании шла о переводе Библии на русский язык Г. П. Павского, из-за которого пострадал сам ученый. Противники такой интерпретации святой книги сделали все, чтобы запретить его. Из-за этого сам богослов попал под следствие. Изданный тираж был уничтожен. Герасиму Петровичу грозило лишение сана, но власти, чтобы не поднимать шума, решили ограничиться тем, что приказали держать всех причастных под наблюдением.

В начале XIX в. в России наблюдался подъем интереса к мистике, в основном эти веяния пришли из Европы. Массово издавались работы Э. Сведенборга, Дж. Мейсона, Л.К. Сен-Мартена и др. Стала появляться и российская литература этого направления, одним из ярких представителей отечественных мистиков был А.Ф. Лабзин, издатель журнала «Сионский вестник». Все упомянутые авторы были масонами, что противоречило русским духовным традициям.

Идеями мистицизма увлекались даже в высших государственных кругах. Покровителем масонов был оберпрокурор Св. Синода князь А.Н. Голицын. По его инициативе в 1812 г. было создано Российское Библейское общество, в котором было сильно влияние мистиков западноевропейского толка. 1 января 1818 г. он возглавил созданное министерство духовных дел и народного просвещения, причем православная религия была уравнена в правах с другими вероисповеданиями. Кроме этого, в 1819 г. князь получил должность главноначальствующего над почтовым департаментом. Таким образом, в его руках оказались образовательные учреждения, религиозные организации, книгоиздание и цензура, словом, все сферы государства, связанные с контролем над общественным сознанием.

Проник мистицизм и в стены духовных академий. Л. Матеевич со слов А.И. Белюгова, писал,

что обновленную Киевскую духовную «академию звали Голицынской. Все у нас были мистики...» [15, с. 124]. Все это породило недовольство в определенных кругах и привело к появлению православной оппозиции, в которой митрополит киевский Евгений (Болховитинов) играл не последнюю роль. «В конце 1824 г. Евгений вызван был в Петербург... Он явился в столицу во время самой горячей борьбы двух партий, радикально расходившихся между собой относительно направления и решения некоторых весьма важных церковных и школьных дел... Одна партия была Голицынская — бывшего министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына. К ней принадлежали архиепископ Московский Филарет, не менее знаменитый Сперанский, преосвященный Григорий Постников, тогда викарий Санкт-Петербургский и ректор Санкт-Петербургской дух. академии... и др. лица. Другая партия была Аракчеевская. В состав ее входили, кроме самого графа Аракчеева, митрополит Санкт-Петербургский и первенствующий член св. Синода Серафим Глаголевский..., министр народного просвещения Шишков, известный юрьевский архимандрит Фотий Спасский и др.

Хотя первая партия, с падением министерства духовных дел Голицына, потерпела большое поражение, но все же она еще имела значительную силу. Поэтому другая партия во главе с министром Шишковым и митрополитом Серафимом, с дозволения Государя, решила вызвать к себе на помощь митрополита Евгения, как человека правого, великого столпа церкви с тем, чтобы «поручить ему в особенности устроить духовные училища и очистить их от проникших туда заразительных правил...».

С приездом в Петербург митрополита Евгения Аракчеевская партия получила преобладание в духовном правительстве и сильно ратовала вообще против всего того, что появилось и окрепло в русской церковной жизни под влиянием и покровительством бывшего оберпрокурора Синода князя Голицына. В частности, она особенно рьяно восстала против существования Библейского общества, а также не одобряла направления новоучрежденных духовных академий, находя неудовлетворительными успехи и поведение новых их воспитанников, кичившихся своими учеными степенями магистров и кандидатов богословия» [11, с. 201-202].

Живя в столице, братья не теряли связь с родиной. В опубликованном в первом номере журнала «Христианское чтение» за 1888 г. в письме родственника старшей сестры братьев Татьяны Дмитриевны, священника из Ейска Даниила Залесского упоминается, что «оба были холостяки и жили вместе, — на что есть намеки и в письмах». Кроме этого, младшая сестра Анна, после смерти братьев, ездила в столицу за их имуществом, но тут же упоминается, что письма и бумаги она скорее всего не взяла, но не теряя надежду он пишет, что напишет кое-кому «в Екатеринодаре и если отыщут что, то не замедлит и явиться» [2, с. 834].

К студенческим годам относятся первые литературные опыты братьев. В 1824 г. в Киевской духовной академии вышла книга «Некоторые опыты упражнений воспитанников Киевской духовной академии: изданные по окончании первого курса 1823 года» [17], в которой были опубликованы две небольших работы Ивана Грузина — Слово I на Новый год «День дни отрыгает глаголе и ночь ноши возвещает разум». Псалом XVIII. [17, с. 123] и «Слово VI в день святителя Николая «Блаженни нищие духом. Яко ваше есть царствие Божие». Лук. VI.20. Слово в день святителя Николая» [17, с. 103-120].

Н.А. Куценко в своей книге «Духовно-академическая философия в России первой половины XIX в.: киевская и петербургская школы (Новые материалы)» пишет, что в Национальной академии наук Украины под номером 761 хранятся студенческие сочинения 1-й четверти XIX в. на 52 л. и что на листах 49-52 находится работа Карпа Грузина «Позволено ли иногда лгать?» [12, с. 75]

К сожалению, на данный момент, это все найденные работы братьев. Старший Иван, после переезда в столицу и устройства на работу исчез из общественной жизни.

Как замечал Л.С. Мациевич, «живя в Петербурге, они поддерживали живые отношения с своим бывшим товарищем по академии Иннокентием Борисовым. Пока Иннокентий сам жил в Петербурге (до 1830 г.), эти отношения были непосредственными. Когда же он перешел на службу в Киев ректором академии, то братья Грузины вели с ним постоянную переписку. Особенно близок и дружен был с Иннокентием младший Грузин — Карп, по философскому складу своего ума и по любви к литературе» [15, с. 124].

В 1888 г. в 31 томе «Исторического вестника» был опубликован дневник писателя, драматурга, критика, журналиста, историка и переводчика Николая Алексеевича Полевого. Огромный интерес для нас представляет короткая запись, сделанная в среду 23 ноября 1838 г.: «...были Владислав и Грузин, что статью на Сенковского принесли» [7, с. 672].

С 1834 по 1847 г. Осип Иванович Сенковский был главным редактором одного из самых популярных журналов того времени «Библиотека для чтения». Н.А. Полевой был с ним в хороших отношениях, вероятно, надеясь на протекцию с его стороны, К.Д. Грузин принес свою работу. Кроме этого, он пришел в сопровождении издателя и писателя Владимира Андреевича Владиславлева, судя по всему, хорошего знакомого или друга. Сейчас В.А. Владиславлев известен в основном специалистам,

но в свое время он был издателем альманаха «Утренняя заря», пять выпусков которого вышли с 1839 по 1843 год.

По этим скудным сведениям детальных выводов сделать нельзя, но кое какие предположения высказать можно. Карп Дмитриевич был знаком с представителями литературных и издательских кругов. А если учесть, что в альманахе В.А. Владиславлева публиковались произведения П.А. Вяземского, Ф.Н. Глинки, В.И. Даля, Н.В. Кукольника, В.Ф. Одоевского и др., то мы не можем отрицать того факта, что с некоторыми из них он мог быть знаком. Кроме этого, К.Д. Грузин был не чужд литературы и делал попытки писать художественные тексты, которые пытался публиковать.

На данный момент поиски его изданных произведений не дали результатов, но, как замечал Л. Мациевич: «Карп Грузин любил литературу, умел ценить ее и следил за нею, — это видно из самых его писем к Иннокентию. Бывший профессор философии в Академии, сделавшись хотя бы и почтамским чиновником, — не мог конечно, потерять совершенно вкуса в науке и литературе. Его всегда могло тянуть в эту любезную для него стихию... Если бы порыться в старых журналах, — то можно было бы найти следы деятельного участия его в литературе» [15, с. 124-125].

Результаты. Судьбы и биографии таких людей, как братья Карп и Иван Грузины, значительно дополняют жизнеописания более значимых исторических персонажей, и наполняют историю региона новыми фактами и сюжетными линиями. В нашем случае это касается их взаимоотношений с И.Д. Попко. Мы не знаем, насколько глубоко было их влияние на историка, но то, что оно было, отрицать невозможно. Их возвращение в «круг общения» Ивана Диомидовича и в историю Кавказа позволяет сказать, что еще одна, пусть небольшая частичка обширной истории региона оказалась заполнена, и два представителя культуры региона возвращаются домой.

Литература

1. Барсов Н. И. Материалы к биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского. Письма разных лиц к преосвященному Иннокентию // Христианское чтение. 1888. № 1–2. С. 199–211.
2. Барсов Н. И. Материалы для биографии Иннокентия, архиепископа Херсонского. Письма разных лиц к преосвященному Иннокентию // Христианское чтение. 1888. № 1112. С. 833–853.
3. Булгаков М.П. История Киевской духовной академии: монография. Санкт-Петербург: тип. К. Жернакова, 1843. 226 с.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 690. Оп. 1. Д. 64.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 158.
6. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 267.
7. Дневник Н. А. Полевого (1838–1845) // Исторический вестник. 1888. Т. 31. С. 654–674.
8. Дубинин И. В., Иванцов И. Г. Материалы к библиографической реконструкции каталога личной библиотеки Ивана Диомидовича Попко. Краснодар: Альбатрос, 2017. 192 с.
9. Дубинин И. В., Иванцов И. Г. Материалы к истории книжного дела Кубани в фондах Рукописного отдела Пушкинского дома // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 1(46). С. 173–179.
10. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. Н. И. Вернадского (НР НБУВ). Ф. 160. Д. 1291.
11. Карпов С. М. Евгений Болховитинов, как митрополит Киевский: монография. Киев: тип. акц. обва «Петр Барский в Киеве», 1914. 273 с.
12. Куценко Н. А. Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: Киевская и Петербургская школы (Новые материалы): монография. Москва: институт философии РАН, 2005. 139 с.
13. Малышевский И. И. Деятельность митрополита Евгения в звании председателя конференции Киевской Духовной академии. Киев: в тип. Киевопечерской лавры, 1868. 86 с.
14. Малышевский И. Историческая записка о состоянии академии в минувшее пятидесятилетие. Киев: в тип. Киевопечерской лавры, 1869. 77 с.
15. Мациевич Л. К материалам для истории Киевской духовной академии: 1. Заметки к одному сообщению в «Христианском чтении» // Труды Киевской Духовной академии. 1888. № 11. С. 118–127.
16. Мельников Л.М. Интеллигентный черноморец 40-х годов. Из дневника В. Ф. Золотаренко. 1841 — 1847 гг. Екатеринодар: тип. Куб. обл. прав., 1901. 287 с.
17. Некоторые опыты упражнений воспитанников Киевской духовной академии: изданные по окончании первого курса 1823 года. Киев: в тип. Академической, при Киевопечерской лавре, 1824. 253 с.
18. Нистрем К. М. Адрескалендарь санктпетербургских жителей, составленный по официальным документам и сведениям К. Нистремом. Т. 1. Указатель города Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: тип. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1844. 540 с.
19. Протопопов С. В. Протоиерей Г. П. Павский: материалы для его биографии // Странник. 1876. № 3. С. 28–37.

20. Рукописный отдел Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН). Ф. 46. Письмо К. Д. Грузина к К. С. Сербиновичу от 1 нояб. 1846 г.
21. Центральный Государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАК Украины). Ф.711. Оп.1. Д.204.
22. ЦГИАК Украины. Ф.711. Оп.1. Д.212.
23. ЦГИАК Украины. Ф.711. Оп.1. Д.268.
24. ЦГИАК Украины. Ф.711. Оп.2. Д. 1101.
25. Чижевский, А. М. Воспоминания о студентах Киевской духовной академии (с 1819–1863 гг.) // Русская старина. 1917. Т. 169. С. 127–138.

References

1. Barsov NI. Materials for the biography of Innocent, Archbishop of Kherson. Letters from various persons to the Right Reverend Innocent. *Hristianskoe chtenie*. 1888;(1-2):199-211. (In Russ.).
2. Barsov NI. Materials for the biography of Innocent, Archbishop of Kherson. Letters from various persons to the Right Reverend Innocent. *Hristianskoe chtenie*. 1888;1112:833-853. (In Russ.).
3. Bulgakov MP. History of the Kyiv Theological Academy. St. Petersburg: K. Zhernakov printing house; 1843. 226 p.
4. State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK). F.690. Inv.1. D.64. (In Russ.).
5. GAKK. F.396. Inv.1. D.158. (In Russ.).
6. GAKK. F.396. Inv.1. D.267. (In Russ.).
7. Diary of NA. Polevoy (1838-1845). *Istoricheskij vestnik*. 1888;31:654-674. (In Russ.).
8. Dubinin IV, Ivantsov IG. Materials for the bibliographic reconstruction of the catalog of the personal library of Ivan Diomidovich Popko. Krasnodar: Albatross; 2017. 192 p. (In Russ.).
9. Dubinin IV, Ivantsov IG. Materials on the history of the Kuban book industry in the collections of the Manuscript Department of the Pushkin House. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2021;1(46):173-179. (In Russ.).
10. Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine. NI Vernadsky (NR NBUV). F. 160. D. 1291. (In Russ.).
11. Karpov SM. Evgeniy Bolkhovitinov as Metropolitan of Kiev. Kyiv: type. acc. Society «Peter Barsky in Kyiv», 1914. 273 p. (In Russ.).
12. Kutsenko NA. Spiritual and academic philosophy In Russia in the first half of the 19th century: Kiev and St. Petersburg schools (New materials). Moscow: Institute of Philosophy of RAS; 2005. 139 p. (In Russ.).
13. Malyshevsky II. Activities of Metropolitan Eugene in the rank of chairman of the conference of the Kyiv Theological Academy. Kyiv: Kiev-Pechersk Lavra publ.; 1868. 86 p. (In Russ.).
14. Malyshevsky I. Historical note on the state of the academy in the past fifty years. Kyiv: Kiev-Pechersk Lavra publ.; 1869. 77 p. (In Russ.).
15. Matseevich L. On materials for the history of the Kyiv Theological Academy: 1. Notes on one message in "Christian Reading". *Trudy Kievskoj duhovnoj akademii*. 1888;(11):118-127. (In Russ.).
16. Melnikov LM. An intelligent Black Sea resident of the 40s. From the diary of VF Zolotarev. 1841-1847. Ekaterinodar: Kuban region administration publ.; 1901. 287 p. (In Russ.).
17. Some exercise experiments of students of the Kyiv Theological Academy: published at the end of the first year in 1823. Kyiv: Kiev-Pechersk Lavra publ.; 1824. 253 p. (In Russ.).
18. Nystrem KM. Addressscalendar of St. Petersburg residents, compiled according to official documents and information by K. Nystrem. Vol. 1. Index to the city of St. Petersburg. St. Petersburg: III Dept. Own E.I.V. Offices publ.; 1844. 540 p. (In Russ.).
19. Protopopov SV. Archpriest GP. Pavsky: materials for his biography. *Strannik*. 1876;(3):28-37. (In Russ.).
20. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS (RO IRLI (Pushkin House) RAS). F. 46. Letter from KD Gruzina to KS Serbinovich dated November 1, 1846. (In Russ.).
21. Central State Historical Archive of Ukraine (TsGIAC of Ukraine). F.711. Inv.1. D.204. (In Russ.).
22. TsGIAC of Ukraine. F.711. Inv.1. D.212. (In Russ.).
23. TsGIAC of Ukraine. F.711. Inv.1. D.268. (In Russ.).
24. TsGIAC of Ukraine. F.711. Inv.1. D.1101. (In Russ.).
25. Chizhevsky AM. Memories of the students of the Kyiv Theological Academy (from 1819–1863). *Russkaya starina*. 1917;169:127-138. (In Russ.).



Научная статья

УДК 93/94 (470.232) «1941/45»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.5>

5-Я ОТДЕЛЬНАЯ САНИТАРНАЯ АВИАЦИОННАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Андрей Владимирович Карташев¹, Валерий Викторович Усачев^{2*}

^{1,2} Ставропольский государственный медицинский университет (д. 310, ул. Мира, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, доцент
andreyu_kartashev@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8522-4999>

² Специалист по учебно-методической работе
fg.sacrileger@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3446-2070>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Проблематика Великой Отечественной войны, несмотря на прошедшие многие десятилетия, до сих пор остаётся важным предметным полем исторической науки. Однако некоторые аспекты деятельности воинских подразделений, частей, соединений и даже армий, специфические условия их боевой деятельности, характер военных будней не всегда находят отражение в работах исследователей данного исторического периода. В полной мере это можно отнести к учреждениям военно-санитарной службы периода 1941–1945 гг. Их участие в боевых действиях исследовано недостаточно глубоко, некоторые аспекты медицинского обеспечения войск Красной Армии пока остаются за рамками научных интересов большинства историков. В частности, это касается работы санитарной авиации в годы Великой Отечественной войны. В данной статье в качестве объекта исследования рассматривается 5-я отдельная санитарная авиационная эскадрилья (ОСАЭ) как цельная войсковая единица, находившаяся на фронтах с января 1942 по июль 1944 г. Она интересна тем, что личному составу пришлось выполнять боевые задачи на довольно длительном промежутке времени в различной оперативно-тактической обстановке, в разнообразных природно-климатических, географических и метеорологических условиях. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе нескольких видов источников: наградных документов личного состава 5-й ОСАЭ, боевых приказов и распоряжений из фондов Центрального архива Министерства Обороны Российской Федерации, мемуарной литературы и статей в периодической печати. В ходе работы применяются традиционные методы исторического исследования. **Анализ.** Анализ показал, что эскадрилья принимала участие в обороне и освобождении

Крыма, битве за Кавказ, наступательных операциях по освобождению Украины и Белоруссии. Подверглись аналитическому осмыслению вопросы формирования, боевой путь и особенности фронтовых будней летного и технического состава, медицинского персонала. **Результаты.** На примере 5-й ОСАЭ воссоздается общая картина работы санитарной эскадрильи, характерной в целом для санитарной авиации в годы Великой Отечественной войны. Уточняется организационная структура эскадрильи и изменение схемы подчиненности подразделения, укомплектованность его личным составом и материальной частью, приводятся количественные показатели боевой работы ОСАЭ, отражаются подвиги личного состава.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, санитарная авиация, военврач, пилот, эвакуация, 5-я отдельная авиационная санитарная эскадрилья, Черноморская группа войск Закавказского фронта, Крымский фронт, Северо-Кавказский фронт, Отдельная Приморская армия

Для цитирования: Карташев А.В., Усачев В. В. 5-я отдельная санитарная авиационная эскадрилья в Великой Отечественной войне // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 457–463. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.5>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

5th SEPARATE SANITARY AVIATION SQUADRON DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Andrey V. Kartashev¹, Valery V. Usachev^{2*}

^{1,2} Stavropol State Medical University (310, Mira St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Associate Professor
andreyu_kartashev@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8522-4999>

² Specialist in educational and methodological work
fg.sacrileger@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0002-3446-2070>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The problems of the Great Patriotic War, despite the many decades that have passed, still remain an important subject field of historical science. However, some aspects of activity of military units and even armies, specific conditions of their combat activity, character of military everyday life are not always reflected in the works of researchers of this historical period. To a full extent this can be attributed to the institutions of the military sanitary service of the period 1941–1945. Their participation in combat operations has not been investigated deeply enough, some aspects of medical support of the Red Army troops remain outside the scope of scientific

interests of most historians. In particular, it concerns the work of sanitary aviation during the Great Patriotic War. In this article the object of research is the 5th separate sanitary aviation squadron (SSAS) as a whole military unit, which was on the fronts from January 1942 to July 1944. It is interesting because the personnel had to carry out combat missions over a fairly long period of time in different operational and tactical situations, in a variety of natural, climatic, geographical and meteorological conditions- on flat and mountainous terrain, over the sea, in frost and blizzard. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of several types of sources: award documents of the personnel of the 5th SSAS,

combat orders and orders from the funds of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, memoir literature and articles in the press. Scientific materials related to the problem under consideration are also used. Traditional methods of historical research are used in the course of the work. **Analysis.** The analysis showed that the squadron took part in the defense and liberation of the Crimea, the battle for the Caucasus, offensive operations to liberate Ukraine and Belarus. The questions of formation, combat path and peculiarities of the front everyday life of the flying and technical staff and medical personnel were subjected to analytical comprehension. **Results.** By the example of the 5th SSAS the general picture of the sanitary squadron work, typical for the sanitary aviation in general during the Great Patriotic War, is reconstructed. The organizational structure of the squadron and changes in the chain of command of the unit, staffing of the unit with personnel and materiel are specified, quantitative indicators of the combat work of the

Введение. Вопросам участия медико-санитарных учреждений в Великой Отечественной войне и вкладу личного состава в победу посвящено немало работ. В качестве примера можно назвать статью, о деятельности военно-санитарной службы 5-го гвардейского кавалерийского корпуса [2, с. 16-19]. Нами рассматривалась работа медикосанитарного батальона 347-й стрелковой дивизии [6, с. 54-71]. Однако в тени исследований продолжает оставаться история многих частей и подразделений медицинского обеспечения различного войскового звена, судьбы их медицинского персонала. В частности, таким малоизученным вопросом является фронтовая работа санитарной авиации. Одной из таких частей была 5-я отдельная санитарная авиационная эскадрилья (ОСАЭ), которая участвовала во многих операциях и сражениях Великой Отечественной войны с января 1942 до июля 1944 года. На примере ее напряженной работы можно представить специфику деятельности всей санитарной авиации на различных этапах войны.

Материалы и методы. Цель данной статьи состоит в углубленном изучении истории формирования и боевого пути 5-й ОСАЭ и определение на основе этого анализа характерных особенностей её создания, работы на различных этапах Великой Отечественной войны. В качестве инструментов исследования используются историкосистемный, историко-типологический и историкосравнительный методы. Источниковой базой являются архивные документы электронных баз данных «Подвиг народа», ОБД «Мемориал», «Память народа» и мемуарная литература.

Анализ. 5-я отдельная санитарная авиационная эскадрилья была сформирована 23 ноября 1941 года и просуществовала до 30 июля 1944 года, когда была обращена на формирование 213 отдельного санитарного авиационного полка [8, с. 14]. Все это время эскадрилья вела боевую работу в составе действующей армии. В наградных документах обнаружена противоречивая информация, касающаяся времени формирования 5-й ОСАЭ. Ряд этих видовых источников датирует начало службы некоторых пилотов в эскадрилье осенью-зимой 1941 года. Основной же массив архивного материала свидетельствует, что в конце 1941 г. данная часть находилась в стадии формирования, а приступила к выполнению боевых задач с 1 января 1942 года. Согласно источникам, лётный состав, которым комплектовалась эскадрилья в ходе формирования, был не обучен, прибывал из числа отчисленных курсантов лётных школ и призванных по мобилизации. В частности, так записано в представлении к награде майора Г.А. Кошкина – командира 5-й ОСАЭ.

squadron are given, feats of flight and technical personnel and medical personnel are described.

Keywords: Great Patriotic War, sanitary aviation, military doctor, pilot, evacuation, 5th separate medical aviation squadron, Black Sea Group of the Transcaucasian Front, North Caucasus Front, Separate Seaside Army

For citation: Kartashev AV, Usachev VV. 5th separate sanitary aviation squadron during the Great Patriotic War. *Humanities and law research*. 2024;11(3):457-463 (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.5>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

Кошкин Гавриил Антонович (1912 – не ранее 1945) – уроженец деревни Николевка Балаковского района Саратовской губернии. В рядах Красной Армии он находился с ноября 1930 г. Это был кадровый лётчик. В Великой Отечественной войне участвовал с 1 января 1942 г. Под его командованием эскадрилья с января по июнь 1942 г. воевала в составе ВВС Крымского фронта и основные полёты совершала в Узун-Аяк, Алибай, Марфовку, Тубу, Семь Колодизей, Кият и другие населённые пункты вблизи линии фронта. Туда доставлялись тонны медикаментов, тысячи литров крови, подвозились различные военные грузы и продовольствие, а обратными рейсами на Керчь, Краснодар, Сочи, Темрюк пилоты эвакуировали раненых бойцов и командиров. Помимо этого, экипажи выполняли оперативные задания командования и санитарного управления фронта [12, л. 131].

Заместителем командира эскадрильи был старший лейтенант Сергей Сергеевич Быков, кадровый военный лётчик, смелый и опытный, летавший на задания в любых метеоусловиях. Военный комиссар Пётр Михайлович Козлов также был действующим пилотом. Штаб 5-й ОСАЭ возглавлял старший лейтенант Тимофей Иванович Шаповалов, в прошлом стрелкомбардир самолёта Р5, имевший в боевом активе 17 вылетов на штурмовку войск противника. Командирами звеньев в этот период были лейтенанты С.А. Авакимов и Н.П. Кабанков, младший лейтенант Н.А. Алтышенко. Звено насчитывало до 4-х самолётов [18, л. 206]. Пилотами эскадрильи служили старшины З.А. Капанадзе, Г.М. Газарян, Р.Б. Агаджанян, В.С. Соловьёв, С.С. Мепурнишвили, старший сержант С.С. Алиев, сержант Л.И. Фейгин. Всего же в период боёв на Керченском полуострове численный состав эскадрильи насчитывал до 18 самолётов [15, л. 21].

Надо сказать, для лётчиков Люфтваффе санитарные самолёты являлись такой же целью, как боевые и транспортные. Наличие красного креста на фюзеляже и оперении германский нацизм никак не останавливало. Пилот эскадрильи старшина Р.Б. Агаджанян трижды за месяц подвергся нападениям немецких самолётов. 12 апреля 1942 г. его внезапно атаковали два вражеских истребителя Ме-109. Старшина Агаджанян посадил горящий самолёт на воду в Керченском проливе. Не имея ничего при себе из спасательных средств, он был вынужден порядка 40 минут бороться с морской стихией, пока не прибыли керченские рыбаки и не подобрал его. 1 мая при полёте по маршруту Керчь-Краснодар в районе Темрюка его самолёт был замечен вражеским истребителем, который выпустил по машине Агаджаняна несколько очередей. Тогда пилот выполнил вираж

перед позициями наших зениток, где заградительным огнём самолёт противника был подбит. Эвакуируемые им командиры не пострадали. 6 мая при полёте с ранеными из Узун-Аяк в районе Камыш-Бурун (совр. мкр. Аршинцево, Керчь) был встречен вражеским истребителем. Старшина производил полёт на предельно малой высоте, приспособиваясь к рельефу местности. В этом случае ему также помогла наша зенитка [12, л. 85]. 19 мая 1942 г. командир звена лейтенант С.А. Авакимов выполнял поручение заместителя начальника санитарного управления по эвакуации раненых из станицы Тамань. Он доставил двух раненых в г. Темрюк. Совершая второй рейс, в районе ст. Тамань был атакован двумя вражескими истребителями «Мессершмитт-109». Самолёт зажёг в воздухе, управление было нарушено, но Авакимов отлично произвёл посадку горящего самолёта [11, л. 131].

Согласно Военно-санитарному справочнику 1941 г., эвакуация на санитарных самолётах, как правило, должна была проводиться с сопровождающим лицом из медицинского состава. Во время полёта врач или фельдшер обязаны были наблюдать за состоянием раненого или больного, оказывать ему возможную в полёте помощь и уход [3, с. 75-76]. Материальная часть эскадрильи – самолёты типа У-2 и его модификации С-2 и С-3 с санитарной кабиной Филатова – позволяла брать на борт двоих раненых либо носилочного раненого с сопровождением. К тому же экстренная медицинская помощь часто требовалась непосредственно на линии фронта. Поэтому 5-я ОСАЭ штатно комплектовалась медицинскими работниками. С 1 января 1942 г. старшим врачом эскадрильи был военврач 2-го ранга Гадир Али-Оглы Зульфугаров, старшим фельдшером – старший военфельдшер Дмитрий Федорович Глухота, фельдшером – Василий Никитич Пехов. При этом военная служба врачей и фельдшеров отнюдь не была ограничена исключительно оказанием медицинской помощи: приходилось быть и администраторами, и санитарями.

Так, временно оставаясь за старшего врача эскадрильи, старший военфельдшер Д.Ф. Глухота умело организовал бесперебойную работу по эвакуации раненых попутным транспортом с аэродрома г. Керчь¹⁶. Он неоднократно вылетал на передовую линию фронта для сопровождения раненых и оказания медицинской помощи. Например, 14 апреля 1942 г. у селения Алибай в воздушном бою был тяжело ранен лётчик. К месту нахождения раненого был выслан санитарный самолёт с сопровождающим фельдшером. На борту его находился Д.Ф. Глухота. Площадка для посадки самолёта была ограничена, вязкий грунт, грязь, и лётчик произвёл посадку в 2 километрах от селения Алибай. Военфельдшер на себе доставил к самолёту раненого лётчика лейтенанта Астахова и оказал необходимую помощь в полевых условиях [13, л. 258]. Г.А.-О. Зульфугарову регулярно приходилось вылетать для организации эвакуации, при этом зачастую военврач 2-го ранга лично подбирал посадочные площадки с учётом предупреждения дополнительного травмирования раненых [20, л. 163].

В постоянной готовности к вылету самолёты эскадрильи поддерживала техническая служба: техники, механики, авиамотористы. С 1 января 1942 г. старшим техником эскадрильи был старший техник-лейтенант Павел Дмитриевич Матвеев. Техником авиационных приборов

и кислородного оборудования служил старшина техслужбы Н.Г. Кармызов, лейтенант Г.Ш. Цимберг был механиком по электроспецоборудованию и мотористом. В мае личный состав пополнился младшим техниклейтенантом Д.И. Новиковым. Авиационными механиками звеньев с 1 января 1942 г. служили старший техник-лейтенант Н.Н. Пугачев, старшина техслужбы И.А. Невельский, старшина П.М. Говядо. Механиками самолётов – старшие сержанты А.П. Чугунов, П.А. Захарчук, сержант И.Х. Гаваза; авиамотористами – младший техник-лейтенант Г.А. Пляченко и старший сержант С.П. Солдатов.

Технический состав эскадрильи показывал примеры храбрости и смекалки. 10 апреля 1942 г. авиамоторист Г.А. Пляченко с двумя партизанами восстановил упавший в лесу и сильно поврежденный самолёт С-2, используя в качестве подсобного материала простынь, санитарную тачанку и подлесок, из которого сделал обода плоскостей и хвостовое оперение. Самолёт был приведён в лётную годность и с двумя ранеными партизанами перегнан на аэродром Хаджи-Бие [18, л. 196]. По общим итогам службы эскадрильи 17 апреля 1942 г. приказом ВВС Крымского фронта № ОП/0465 за хорошую работу по эвакуации раненых и обеспечению нужд фронта всему личному составу 5-й ОСАЭ была объявлена благодарность, а пять человек представлены к правительственным наградам [12, л. 131].

В начале июня 1942 г. из частей и соединений ВВС Крымского фронта и ВВС армий Северо-Кавказского фронта приказом НКО формируется 5-я воздушная армия (ВА) [5]. С этого момента 5-я ОСАЭ подчиняется непосредственно ей, о чём свидетельствуют наградные документы личного состава за подписью командующего 5-й ВА генерал-майора авиации С.К. Горюнова, ранее командовавшего ВВС Крымского фронта, что также прослеживается по целому ряду архивных материалов. Переподчинение эскадрильи затронуло и её структуру. Ранее тыловых служб как таковых в 5-й ОСАЭ не было, имелся лишь технический склад, которым заведовал старший сержант Я.В. Колесников. Однако в конце июля, когда 5-я ВА начинает выполнять боевые задачи по поддержке войск Приморской группы войск, обороняющейся на левом крыле Северо-Кавказского фронта, 5-я ОСАЭ начинает укрупняться, переходя на штат эскадрильи с тылом [9, с. 68].

С 30 июля 1942 г. начала работу интендантская служба, где старшим писарем по учёту самолётов и моторов становится младший сержант Раиса Акимовна Усенко [17, л. 439]. Чуть ранее, в конце июня, появляется заведующий делопроизводством младший сержант Мария Федоровна Гавриленко. Как один из лучших механиков звеньев, старший техник-лейтенант Н.Н. Пугачев переводится на должность начальника технического снабжения [18, л. 206]. С августа 1942 г. у эскадрильи появляется собственная ПАРМ – передвижная авиаремонтная мастерская; её начальником становится старший техник-лейтенант Ф.А. Рогачев [20, л. 181]; на службу приходит новый моторист сержант В.М. Шалыгин. Лётный состав пополняется пилотами – младшим лейтенантом С.В. Капраловым и старшиной Т.М. Жуковой.

В ходе битвы за Кавказ, будучи в составе 5-й ВА, эскадрилья выполняла полеты вдоль всего побережья Черного моря, эвакуировала раненых с горных посадочных площадок. Характер боевой работы 5-й ОСАЭ принципиально не менялся. Напряжение на самолёт было высоким. Так, 5 сентября 1942 г. части была поставлена задача немедленно организовать эвакуацию раненых

¹⁶ Старший врач эскадрильи Г.А.-О. Зульфугаров в это время организовывал эвакуацию санитарными самолётами с центрального аэродрома Керчи и аэродрома Осоавиахима в Аджим-Ушкае [13, л. 240].

из населённого пункта Тубы (ныне село в Апшеронском районе Краснодарского края), окружённого горами. 4 самолётами С-3 было вывезено 32 человека бойцов и командиров. Старшина Г.М. Газарян лично совершил 6 рейсов Сочи-Тубы и обратно при самых трудных условиях погоды и лично вывез 12 раненых [12, л. 15]. На следующий день еще 22 тяжелораненых бойца и командира были эвакуированы в тыл самолетами 5-й ОСАЭ [12, л. 131]. Заместителю командира эскадрильи С.С. Быкову было поручено доставить боеприпасы и продовольствие в район Тубы, Гунайка, Калужская в горах, обратным рейсом вывезти раненых. Он лично производил по 45 вылетов в день. Полеты происходили в исключительно трудных условиях: незнакомые маршруты, изменчивая погода и отсутствие посадочных площадок в горах. Преодолевая трудности, Быков задание в горных условиях выполнил отлично [15, л. 14].

За неполный год – с 1 января по 1 декабря 1942 г. – эскадрилья под командованием майора Кошкина выполнила 2920 самолётовывлетов с общим налётом 5594 часа, эвакуировала 3447 раненых, доставила в полевые госпитали 1950 литров крови, 43075 кг медикаментов и санитарного имущества, перевезла 1054 человека медицинских работников и команднополитического состава. За это время произошло всего лишь две аварии самолетов С-2, которые были восстановлены силами технического состава эскадрильи [12, л. 131].

После отхода советских войск из Крыма на территорию Кубани 5-я ОСАЭ, оставаясь в 5-й ВА, вошла в состав Черноморской группы войск Закавказского фронта (ЧГВ ЗКФ), в которую был преобразован Северо-Кавказский фронт на основании Директивы Ставки ВГК от 1.09.1942 года. И с декабря 1942 г. 5-я ОСАЭ перешла в подчинение помощника начальника санитарного управления по ВВС ЧГВ ЗКФ. Отметим, что система подчинения 5-й ОСАЭ была двойной. С одной стороны, в этот период она всё ещё находится в составе 5-й ВА, однако распоряжения эскадрилье могли отдаваться как командованием фронта, так и начальствующим составом санитарного управления и тыла фронта. Так, 5 сентября 1942 г. старшина С.Г. Мепурнишвили, выполняя приказание начальника санитарного управления ЗКФ бригадного врача Л.М. Мойжеса, осуществлял эвакуацию раненых из селения Тубы. Лично делал по 6 вылетов, причём в исключительно трудных условиях: неизведанные маршруты в горной местности, изменчивая погода, отсутствие подходящих мест для посадки. Но, упорно преодолевая трудности, старшина Мепурнишвили задание выполнил [12, л. 165].

5 февраля 1943 г. ЧГВ ЗКФ входит в состав Северо-Кавказского фронта, и здесь начинается очередной этап в жизни 5-й ОСАЭ. В апреле 1943 г., когда штаб 5-й ВА убыл под Воронеж, её части и подразделения были переданы 4-й ВА под командованием генерал-майора авиации К.А. Вершинина. Надо сказать, что на конец октября 1942 г. собственной санитарной авиации в 4-й ВА не было. Для экстренной эвакуации использовались оставшиеся после летнего отступления несколько С-2, по одному У-2 и Ли-2. В отдельных случаях, по приказу командующего или начальника штаба армии А.З. Устинова, 8-й отдельный полк ГВФ мог предоставить свои машины Ан-9 (ПС-9), рассчитанные на 9 пассажиров. Флагманский врач 4-й ВА военврач 1 ранга П.К. Быков ещё осенью 1942 г. планировал создать санитарную авиаэскадрилью при 8-м отдельном полку транспортной авиации (ОАП) ГВФ. 15 декабря 1942 г. в штабе 4-й ВА

рассматривался вопрос о медицинском обеспечении войск в предстоящем наступлении на Кавказе. К этому моменту в 8-м ОАП ГВФ появились две санитарные эскадрильи общей численностью 28 машин Р-5 и У-2 [1, с. 77-87].

К лету 1943 г. лётный состав пополнился пилотами других частей: старшим сержантом П.М. Фоменко из 8-го ОАП ГВФ, гвардии младшим лейтенантом И.Г. Василенко и гвардии лейтенантом А.Н. Скобелевым – оба служили в звене связи 216-й истребительной авиадивизии. Происходят изменения и в техсоставе эскадрильи: П.Д. Матвеев становится заместителем командира по эксплуатации; приходит на службу моторист рядовой М.А. Коваленко.

Особое внимание хотим уделить единственной женщине-пилоту эскадрильи. Старшина Татьяна Матвеевна Жукова 1916 года рождения всего за год службы, летая на самолёте У-2, стала кавалером ордена Отечественной войны II степени. Она была очень опытным пилотом: уроженка ст. Калиновской Грозненской области, в 1937 г. окончила с отличием аэроклуб г. Грозный, в 1938 г. Ульяновскую школу лётчиков-инструкторов, работала по специальности в аэроклубе г. Кинешма, а с 1941 г. вернулась в Грозный, став командиром звена там, где впервые поднялась в небо. Придя по призыву в подразделение в августе 1942 г., к августу 1943 г. молодая женщина произвела 144 вылета непосредственно к линии фронта, эвакуировав 188 раненых, доставив 5317 кг крови, медикаментов и иного санитарного имущества. При этом летала она в исключительно сложных условиях: туманы, низкая облачность, отсутствие посадочных площадок в горах. Несмотря на это, благодаря личному мужеству и отличной технике пилотирования, всегда выполняла поставленные командованием задачи [14, л. 129–130]. Пройдя в составе 5-й ОСАЭ, а затем 213-го отдельного санитарного авиаполка всю войну, ещё несколько месяцев по окончании боевых действий перевозила раненых на самолёте С-5 по специализированным госпиталям, перебрасывала по воздуху хирургов, иных медицинских специалистов, возила кровь, и демобилизовалась в апреле 1946 года [7, с. 4]. В авиацию отважная лётчица более не вернулась: после войны работала бухгалтером в пятигорском санатории Министерства обороны СССР, вела активную военно-патриотическую работу среди школьников, учащихся ПТУ, рабочей молодёжи [10, с. 3].

Отметим, что потери эскадрильи несли: если во время боёв на Керченском полуострове, как было отмечено выше, материальная часть составляла до 18 машин, то к июню 1943 г. в строю оставались лишь 7 самолётов. Проблема эта была решена начальником штаба 5-й ОСАЭ: капитан Т.И. Шаповалов отправился в Москву, где смог добиться пополнения матчасти. Эскадрилья получила 7 самолётов: 5 С-4 и 2 Як-6 [15, л. 16].

В сентябре 1943 г., с началом Новороссийско-Таманской наступательной операции, пилотам 5-й ОСАЭ работы прибавилось. Например, старший сержант П.М. Фоменко проводил в воздухе по 6-8 часов ежедневно, выполняя задания командования по доставке крови, медикаментов боевого перечня и эвакуации раненых. Всё это несмотря на туманы и раскисший грунт посадочных площадок [19, л. 78]. В период боёв за г. Керчь младший лейтенант С.В. Капралов, невзирая на опасность, связанную с артиллерийскими обстрелами посадочной площадки, противодействием вражеской авиации, сложными метеорологическими условиями, ради

спасения жизни раненых делал по 10–12 вылетов в день, вывозил до 20 человек, одновременно доставляя боеприпасы наступающим войскам, кровь и медикаменты в полевые подвижные госпитали [18, л.179].

В ходе Керченско-Эльтигенской десантной операции (31 октября–11 декабря 1943 г.) 5-я ОСАЭ, базируясь на аэродроме Фонталовская (станция на территории Темрюкского района Краснодарского края), летала на плацдарм в район поселка Эльтиген близ Керчи. В этот период эскадрилья имела в своем составе 14 самолетов: три С-2, четыре С-3, пять С-4 и два Як-6. Для летчиков были разработаны жесткие инструкции, которые регламентировали порядок использования посадочных площадок на плацдарме и полетов через Керченский пролив. Благодаря таким мерам, даже при высокой интенсивности полетов 5-я ОСАЭ потерь не имела [5, с. 39]. Сведения о базировании 5-й ОСАЭ в станице Фонталовской подтверждаются данными из Объединенной базы данных ОБД «Мемориал»: старшина 5-й ОСАЭ Ерш Г.Ф., умерший от болезни 23.11.1943 г., был похоронен на Старом кладбище в станице Фонталовской [21, л. 227].

К концу второго года боевой работы 5-я ОСАЭ налетала 11986 часов, произведя 6407 самолётовывлетов. За этот период пилоты эскадрильи эвакуировали 8931 раненого, преимущественно с прифронтовой полосы, доставили к линии фронта 1912 человек офицерского состава и 12000 кг боеприпасов, в полевые госпитали по воздуху перевезено 8250 литров крови, 77395 кг медикаментов [15, л. 11]. В сравнении с первым годом боевого пути мы видим увеличение объема работы: число самолётовывлетов увеличилось с 2920 до 3 478, эвакуировано 5484 раненых против 3447 годом ранее, количество перевезенной крови увеличилось в 4,2 раза.

В ходе проведения Керченско-Эльтигенской операции Северо-Кавказский фронт с 20 ноября 1943 г. был преобразован в Отдельную Приморскую армию (ОПА). 4-я ВА обеспечивала воздушное прикрытие наземных операций, уничтожение немецких войск, а 5-я ОСАЭ, оставаясь в её составе, всё также продолжала выполнять свою незаметную, но важную работу: медицинское обеспечение советской армии и эвакуацию раненых в тыл.

Так, гвардии младший лейтенант И.Г. Василенко выполнял порой по 10 вылетов в день. В условиях большой насыщенности зоны полёта авиацией противника и интенсивного обстрела зенитной артиллерией в районе Керченского пролива он всегда успешно выполнял боевые задания [19, л. 76]. Только за период с декабря 1943 г. по июль 1944 г. произвёл 365 самолётовывлетов с общим налётом 360 часов, эвакуировал 555 раненых бойцов и офицеров, доставил крови и медикаментов боевого перечня 19313 кг и 169 офицеров для выполнения оперативных заданий. Младший лейтенант Капанадзе, ставший к этому времени командиром звена, с декабря 1942 г. по 19 апреля 1944 г. имел 428 самолётовывлетов, из них непосредственно в Крым – 76 самолётовывлетов, налетав на самолёте С-2 713 часов 20 минут, эвакуировал 607 раненых, в том числе непосредственно в Крым 155 человек офицерского состава, поставил в полевые подвижные госпитали 984 литра крови, из них 284 литра в Крым. Перевез 14416 кг медикаментов боевого перечня, продовольствия и других грузов [18, л. 178]. Врачи в этот период оказывали помощь и гражданскому населению. Так, отступая с Кубани и Крыма, немцы оставляли очаги эпидемических заболеваний, и старший врач 5-й ОСАЭ Г. А.О. Зулфугаров, не считаясь со време-

нем, днём и ночью помогал мирным жителям, ликвидируя вспышки болезней [20, л. 163]. В период с декабря 1943 г. по апрель 1944 г. наградные листы личного состава эскадрильи подписывает начальник санитарного управления ОПА генерал-майор медицинской службы Н.И. Завалишин, что свидетельствует о прямом подчинении 5-й ОСАЭ санитарному управлению армии.

В целом с августа 1943 г., когда после разгрома под Сталинградом нацисты потерпели крупное поражение на Курской дуге, нагрузка на санитарную авиацию постоянно возрастала. Красная армия шла в наступление, соответственно, увеличивалось количество раненых, на передовой требовалось больше медикаментов, крови. О возросшей интенсивности освободительных боёв свидетельствуют следующие цифры: за период с августа 1943 г. по апрель 1944 г. старшина Т.М. Жукова совершила на самолёте С-2 421 вылет, эвакуировав 582 солдата и офицера, причём 275 из них непосредственно с территории Крыма, доставив при этом 13247 кг медикаментов, продовольствия и иных грузов. Сравнивая эти данные с августом 1942 г. – августом 1943 г., на примере старшины Т.М. Жуковой видно, что количество полётов возросло в 2,9 раза, эвакуированных раненых в 3 раза, перевезённых грузов в 2,4 раза, и это только за 9 месяцев! Однако надо учесть, что некоторые пилоты уходили в другие части, а пополнение поступало не всегда. Так, ещё в начале 1943 г. в 502 штурмовой авиаполк перевёлся старшина В.С. Соловьёв. Примерно в это же время в 230 штурмовую авиадивизию ушёл старшина Г.М. Газарян. То есть, ожесточение боёв в ходе наступательных фронтовых и армейских операций в совокупности с переходами пилотов 5-й ОСАЭ в боевые авиационные подразделения (данных о потерях среди пилотов в этот период у нас нет) и предопределили увеличение объема боевой работы эскадрильи.

30 июля 1944 г. 5-я ОСАЭ обращается на формирование 213-го осанап (санитарный авиаполк) под командованием майора Василия Фёдоровича Тюленева [8, с. 14]. До этого назначения он с сентября 1942 г. командовал 889-м ночным легкобомбардировочным авиаполком в составе 4-й ВА, летая на У-2, поэтому матчасть нового места службы была майору Тюленеву хорошо знакома. Заместитель командира 5-й ОСАЭ майор С.С. Быков продолжил службу в 634-м ночном бомбардировочном авиаполку на По-2, где успешно уничтожал врага до Победы. Начальник штаба эскадрильи капитан Т.И. Шаповалов был переведён в 66-й истребительный авиаполк 4-й ВА, где также успешно сражался до конца войны. Старший лейтенант медслужбы В.Н. Пехов остался в части, заняв должность начальника химической службы полка. Майор медслужбы Г.А. Зулфугаров стал начальником санитарной службы полка. Остались служить в новом полку и многие пилоты, военнослужащие технического состава и служб тыла 5-й ОСАЭ.

Вместе с войсками 2-го Белорусского фронта 213-й осанап продвигался на запад. В середине августа 1944 г. полк базировался в Дойлидах близ Белостока, куда и эвакуировал раненых. С первой половины октября эвакуация производилась уже в Замбров, в январе 1945 г. в Легионове близ Варшавы, к февралю полк трудился уже в Восточной Пруссии, вывозя раненых в Хохенштайн. Повышенный в звании до старшего лейтенанта Н.П. Кабанков, показав себя хорошим лётчикомкомандиром и руководителем, был выдвинут на должность заместителя командира эскадрильи 213-го осанап. За 9 месяцев боевой работы его эскадрилья произвела

2070 боевых вылетов с налётом 2811 часов, эвакуировала из полевых передовых госпиталей 1999 человек, доставила 10890 литров крови, 26551 кг медицинских грузов [16, л. 55]. Гвардии лейтенантом и командиром звена стал И.Г. Василенко. Под его руководством звено совершило 458 самолётных вылетов с налётом 1045 часов, эвакуировало 748 раненых, доставило 1660 литров крови, 3450 кг санитарного имущества [16, л. 16]. Одно из последних боевых распоряжений 213-го осанап датировано 25 апреля 1945 года. Полк базировался у деревни Альтенвальде в Нижней Саксонии [22, л. 50].

Результаты. Таким образом, 5-я ОСАЭ с 1 января по август 1942 г. обеспечивала нужды Крымского фронта, с начала июня перейдя в подчинение 5-й ВА. Далее в составе этой армии действовала в интересах ЧГВ ЗКФ, после чего в апреле 1943 г. была подчинена 4-й ВА и участвовала в лечебно-эвакуационном обеспечении войск Северо-Кавказского фронта и позднее ОГП. Принимала участие в битве за Кавказ, Керченско-Эльтигенской операции, Крымской наступательной операции, освобождении Белоруссии. Помимо выполнения задач прямого назначения – эвакуации раненых и больных, дотавки медицинских работников и медицинских грузов на передовую, экипажи перевозили продоволь-

ствие и боеприпасы. Кроме того, по заданию воздушной армии или санитарного управления фронта экипажи доставляли к передовой линии отдельных командиров и офицеров штабов. В круг задач 5-й ОСАЭ также входила и забота о мирном населении: обнаружение и ликвидация эпидемических очагов.

Расчёты и сравнительный анализ архивных документов говорят о том, что к августу 1944 г. пилоты и медики эскадрильи эвакуировали порядка 10911 раненых советских воинов, доставили на передовую 2363 медицинских работника, командиров частей и лиц командного состава, 11190 литров крови, перевезли не менее 68755 кг медикаментов боевого перечня, не считая попутных грузов в виде продовольствия и боеприпасов. Обобщая изложенный материал, можно достаточно уверенно говорить, что 5-я ОСАЭ одновременно осуществляла медицинское и транспортное обеспечение. В сложных метеоусловиях, в горной местности, под постоянной угрозой истребителей противника личный состав эскадрильи успешно выполнял поставленные задачи, направленные на сохранение жизней воинов и поддержание боеспособности советской армии, приближая победу над нацизмом.

Литература

1. Бабийчук А. Н. Человек, небо, космос. М.: Воениздат, 1979. 271 с.
2. Багдасарова А.Л. Военно-санитарная служба 5-го гвардейского кавалерийского корпуса в битве за Кавказ // Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Сборник научных трудов, посвященных 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМУ, 2020. С. 16–19.
3. Военносанитарный справочник / Ред. колл. проф. Кротков Ф.Г., Соколов А.Н., Ходорков Л.А. М.Л.: Медгиз, 1941. 487 с.
4. Давтян С.М. Пятая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 5-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1990. URL: <http://militera.lib.ru/h/davtyan/01.html> (дата обращения: 22.01.2024).
5. Дегтев Д.М., Зефирова М.В. Воздушная битва за Крым. Крах нацистского «Готенланда». 1943–1944. М.: Центрполиграф, 2021. 543 с.
6. Карташев А.В. 429 отдельный медико-санитарный батальон в битве за Кавказ // Медицина в историкокультурном наследии Северного Кавказа: сборник материалов II межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМУ, 2023. С. 54–71.
7. Пересветов В. В небе грозном // Грозненский рабочий. Грозный, 1980. № 152. С. 4.
8. Перечень № 24 отдельных отрядов, эскадрилий, тыловых частей и учреждений Военно-воздушных сил, входивших в состав Действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Приложение к директиве Генерального штаба от 1 октября 1960 г. № 170481. М.: б.и., 1960. 224 с.
9. Пшеняник Г.А. Крах плана «Эдельвейс». Советская авиация в битве за Кавказ 1942–1943. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2013. 380 с.
10. Те, кто обращается к бухгалтеру... // Кавказская здравница. Пятигорск, 1969. № 48. С. 3.
11. Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 610.
12. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 432.
13. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 458.
14. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1636.
15. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1958.
16. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 1780.
17. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 4415.
18. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2789.
19. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5190.
20. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 5501.
21. ЦАМО. Ф. 58 Оп. 18001. Д. 1177.
22. ЦАМО. Ф. 22462. Оп. 0150889с. Д. 0003.

References

1. Babychuk AN. Man, sky, space. Moscow: Military Publishing House; 1979. 271 p. (In Russ.).
2. Bagdasarova AL. Military sanitary service of the 5th Guards Cavalry Corps in the battle for the Caucasus. In Medicine and resorts of the North Caucasus during the Great Patriotic War. A collection of scientific papers dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Stavropol: StSMU publ.; 2020. P. 16–19. (In Russ.).
3. Military sanitary handbook. Ed. coll. prof. Krotkov FG, Sokolov AN, Khodorkov LA. MoscowLeningrad: State Medical Publishing House; 1941. 487 p. (In Russ.).
4. Davtyan SM. Fifth air. A military historical sketch of the combat path of the 5th Air Army during the Great Patriotic War. Moscow: Military Publishing House; 1990. URL: <http://militera.lib.ru/h/davtyan/01.html> (accessed: 22.01.2024). (In Russ.).
5. Degtev DM, Zefirov MV. The Air Battle for the Crimea. The collapse of the Nazi "Gotenland". 1943–1944. Moscow: Publishing House Centerpoligraph; 2021. 543 P. (In Russ.).
6. Kartashev AV. 429 separate medical and sanitary battalion in the battle for the Caucasus. In Medicine in the historical and cultural heritage of the North Caucasus: a collection of materials of the II interregional scientific and practical conference. Stavropol: StSMU publ.; 2023. P. 54–71. (In Russ.).

7. Peresvetov V. In the stormy sky. *Groznensky rabochy*. 1980;(152):4. (In Russ.).
8. List No. 24 of individual detachments, squadrons, rear units and institutions of the Air Force that were part of the Active Army during the Great Patriotic War of 1941-1945: Appendix to the Directive of the General Staff of October 1, 1960 No. 170481. Moscow; 1960. 224 p. (In Russ.).
9. Pshenyanik G.A. The collapse of the Edelweiss plan. Soviet aviation in the Battle for the Caucasus 1942-1943. Moscow: Publishing House Centerpoligraph; 2013. 380 p. (In Russ.).
10. Those who turn to an accountant ... *Kavkazskaya zdravnica*. 1969;(48):3. (In Russ.).
11. Central Archive of the Ministry of Defense (CAMD). F. 33. Inv. 682524. D. 610. (In Russ.).
12. CAMD. F. 33. Inv. 682525. D. 432. (In Russ.).
13. CAMD. F. 33. Inv. 682525. D. 458. (In Russ.).
14. CAMD. F. 33. Inv. 682526. D. 1636. (In Russ.).
15. CAMD. F. 33. Inv. 686044. D. 1958. (In Russ.).
16. CAMD. F. 33. Inv. 686196. D. 1780. (In Russ.).
17. CAMD. F. 33. Inv. 686196. D. 4415. (In Russ.).
18. CAMD. F. 33. Inv. 690155. D. 2789. (In Russ.).
19. CAMD. F. 33. Inv. 690155. D. 5190. (In Russ.).
20. CAMD. F. 33. Inv. 690155. D. 5501. (In Russ.).
21. CAMD. F. 58. Inv. 18001. D. 1177. (In Russ.).
22. CAMD. F. 22462. Inv. 0150889s. D. 0003. (In Russ.).



Научная статья

УДК 364.054:930.253(470.6)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.6>

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИНКОРПОРАЦИИ РЕГИОНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Ольга Юрьевна Колосова¹, Павел Григорьевич Немашкалов^{2*}

^{1,2} Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 А, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

¹ Доктор философских наук, доцент
kolosova.07@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-5942-3713>

² Доктор исторических наук, доцент
paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Обращение к истории становления самостоятельной Кавказской и Черноморской епархии обусловлено изучением вопроса проблемы инкорпорации Северного Кавказа в состав Российской империи. В условиях отсутствия разветвленной системы органов административного контроля и затяжного военного конфликта в первой половине XIX в., шел процесс поиска платформы национальной идентичности, что позволяло не только снизить уровень эскалации конфликта, но и провести инкорпорацию Северного Кавказа в социокультурное пространство Российской империи. **Материалы и методы.** Основным подходом исследования стала междисциплинарность, которая предполагает конструирование целостного научного знания о влиянии духовенства и православия на инкорпорацию региона в состав России. Историческая антропология дала возможность увидеть изучаемую проблему через судьбы и биографии отдельных исторических фигур. Помимо этого, в работе нашли применение традиционные методы исторического исследования: историко-генетический, историко-типологический, ретроспективный. В основе проведенного исследования находятся материалы архивных фондов и обзорных статей Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостей. Историография проблемы представлена работами В.А. Потто, Ф.А. Щербины, Г.Н. Прозрителева. И.К. Смолич исследовал организацию церковного управления и личность первого епископа Иеремии (Соловьева).

Research article

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что, находясь в меньшинстве по отношению к населяющему регион приверженцев ислама, старообрядцев, сектантов, православное население сумело создать основу духовного единения населения региона. Традиции православной культуры на Северном Кавказе стали основой этнокультурной идентичности, выступая для определенной части населения историко-культурным ориентиром.

Ключевые слова: Северный Кавказ, инкорпорация, Кавказская и Черноморская епархия, казачество, приходское духовенство, древлеправославие и ересь, преосвященный Иеремия (Соловьев)

Для цитирования: Колосова О. Ю., Немашкалов П. Г. Роль православного духовенства Северного Кавказа в инкорпорации региона в состав Российской империи в середине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 464–472. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.6>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 16.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

THE ROLE OF THE ORTHODOX CLERGY OF THE NORTH CAUCASUS IN THE INCORPORATION OF THE REGION INTO THE RUSSIAN EMPIRE IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

Olga Yu. Kolosova¹, Pavel G. Nemashkalov^{2*}

^{1,2} Stavropol State Pedagogical Institute (417 A, Lenin St., Stavropol, 355029, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (Philosophy), Associate Professor
kolosova.07@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-5942-3713>

² Dr. Sc. (History), Associate Professor
paul_2@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0874-3661>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The reference to the history of forming an independent Caucasian and Black Sea diocese is due to the study of the problem of the incorporation of the North Caucasus into the Russian Empire. In the absence of an extensive system of administrative control bodies and a protracted military conflict in the first half of the 19th century, the process of searching for a platform of national identity was underway, which allowed not only to reduce the level of escalation of the conflict, but also to incorporate the North Caucasus into the socio-cultural space of the Russian Empire. **Materials and Methods.** The study is based on the principles of an interdisciplinary approach,

which allowed us to consider the problem in its entirety, combine data obtained from different fields, look at the problem of the influence of the clergy and the Orthodox cultural tradition from different positions, expand and deepen the existing body of scientific knowledge on this issue. The method used made it possible to conduct modern historical research from the standpoint of historical anthropology. In addition, the work uses narrative, historicalgenetic, historicaltypological, retrospective and anthropological research methods. The research is based on materials from archival collections and review articles of the Caucasian (Stavropol) Diocesan Gazette. The analysis of

© Колосова О. Ю., Немашкалов П. Г., 2024

the problems raised is reflected in the works of researchers of the history of the Cossacks V.A. Potto, F.A. Shcherbina, and the nature of colonization of the region G.N. Prozritelev. The organization of church administration and the personality of the first bishop Jeremiah (Solovyov) was analyzed in the study by I.K. Smolich. **Results.** According to the results of the study, it can be concluded that, being in the minority in relation to the ascetics of Islam, Old Believers, sectarians inhabiting the region, the Orthodox population managed to create the basis for the spiritual unity of the population of the region. The traditions of Orthodox culture in the North Caucasus have become the basis of ethnocultural identity, acting as a historical and cultural landmark for a certain part of the population.

Keywords: North Caucasus, incorporation, Caucasian and

Введение. На современном этапе развития исторической науки в России неизменным остается интерес к роли Церкви в жизни общества, большое внимание уделяется истории отдельных епархий и деятельности православного духовенства на поприще служения обществу, изучается их вклад в общественно-политическую и духовную жизнь страны. Интерес обусловлен прежде всего тем, что на протяжении всей истории России, после принятия христианства, духовенство выступало одним из важнейших социальных институтов государства и общества.

В отечественной историографии редко встречаются исследования поднимающие вопросы роли православного духовенства и православной культуры в процессы инкорпорации целых регионов Российской империи, каким выступал Северный Кавказ. На пространствах которого получили распространение принесенные традиции народов, история которых порой здесь и заканчивалась. Проживая в окружении враждебных культур ими были выработаны особые религиозные практики и механизмы защиты от влияния традиций иных народов, населяющих Северный Кавказ.

Актуальность проведенного исследования определяется и тем, что на фоне политического укрепления России на южных границах на протяжении всего XVIII в., инкорпорация региона в социокультурное пространство империи. Несмотря на предпринимаемые попытки интеграции через различные миссионерские практики, нарастало противоречие и неразрешимость сложившейся ситуации вылилась в открытое противостояние.

Ситуация осложнялась и тем, что принятые методы управления на Северном Кавказе не были эффективными, поэтому процесс заселения региона шел параллельно с выработкой наиболее соответствующей условиям форме административного управления. Конец XVIII в. характеризуется некоторым «успокоением» на Северном Кавказе, которое еще нельзя назвать стабилизацией. Регион к этому времени стал частью Российской империи, как следствие политические и экономические мотивы соперничества на Кавказе усилились. Политику властей определял принцип административно-территориального централизма, лишь некоторые районы империи, к числу которых можно отнести и Северо-Восточный Кавказ, имели административную самостоятельность в рамках России. И нужно признать, что определенное сдерживающее влияние данный принцип имел [2, с.89–95].

По мере продвижения России на Кавказ начали проводиться административно-территориальные преобразования. Строительство Военно-Грузинской дороги, вдоль которой было сооружено несколько укреплений, в том числе, крепость Владикавказ, выступали свидетельством серьезности намерений относительно включение региона в состав империи. Начавшиеся плано-

Black Sea diocese, Cossacks, parish clergy, Ancient Orthodoxy and heresy, Right Reverend Jeremiah (Solovyov)

For citation: Kolosova OYu, Nemashkalov PG. The role of the Orthodox clergy of the North Caucasus in the incorporation of the region into the Russian Empire in the middle of the XIX century. *Humanities and law research*. 2024;11(3):464-472. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.6>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the author contributes equally to this article.

The article was submitted: 14.12.2023.

The article was approved after reviewing: 16.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

и стихийно процессы колонизации региона привели в начале XIX в. к решительному повороту в распространении на Кавказе российской военно-административной власти с опорой преимущественно на военные методы. В результате длительных русско-иранской, русско-турецкой и кавказской войн было преодолено сопротивление горцев и начался процесс инкорпорации региона в состав Российской империи. Северный Кавказ являлся периферией РПЦ и исламского мира, в котором положение переселенцев, и в большей части казачества, необходимо рассматривать с позиций «свой – чужой» или «верующий – иноверец». В сложившихся реалиях православие выступало консолидирующим фактором пестрых казачьих элементов [22, с.115–116].

Материалы и методы. Исследование проведено с использованием принципов междисциплинарного подхода, что позволило рассмотреть проблему в её целостности, объединить данные, полученные из разных сфер, взглянуть на проблему влияния духовенства и православной культурной традиции с различных позиций, расширить и углубить существующий корпус научного знания в данном вопросе. Используемый метод позволил провести современное историческое исследование с позиций исторической антропологии. Помимо этого, в работе нашли применение нарративный, историко-генетический, историко-типологический, ретроспективный и антропологический методы исследования. В основе проведенного исследования находятся материалы архивных фондов и обзорных статей Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостей. Анализ поднимаемых проблем нашел отражение в работах исследователей истории казачества В.А. Потто, Ф.А. Щербины, и характера колонизации региона Г.Н. Прозрителева. Организация церковного управления и личность первого епископа Иереми (Соловьева) нашли отражение в исследовании И.К. Смолича.

Анализ. Первые представители славянского народа проникали на Кавказ стихийно и не представляли собой компактно поселившейся обособленной группы с устойчивыми ценностными установками. Оседая на Тереке, они не основывали крупных поселений, только после перехода на левый берег были заложены крупные укрепленные станицы [24, с.13]. После окончания строительства Кизлярской крепости в 1735 г. население этих станиц переселилось под укрытие её стен. С этого момента Кизляр, по мнению академика А.П. Берже, становился главным политическим, экономическим и культурным центром на Кавказе [25, с.10]. Только с образованием Кавказского наместничества, которому в управление были переданы территории Кавказской и Астраханской областей, позиции коменданта крепости были ослаблены. Центр управления регионом переместился в последующем в город Екатериноград [23].

В анализируемый период ранее господствующее на Северном Кавказе христианство, принесенное на эти земли из Константинополя еще в IV–V вв., уступило свои позиции исламу. Неоднократно предпринимаемые попытки миссионерских практик терпели одну неудачу за другой, только Осетинское подворье смогло сохранить традиции православной культуры, и в последующем послужить базой возвращения осетинского народа в лоно Русской Православной Церкви. Предпринимаемые правительством попытки исходили из идеи конфессиональной близости населения, что обеспечивало безопасность и вело к снижению конфронтации среди поликультурного населения. Усиление давления государства в этой религиозной политике вело только к нарастанию напряженности и развитию конфликта в регионе.

Религиозные традиции местного казачества сложились в условиях их изоляции от административных центров России в окружении исламского мира. После их переселения в окрестности Кизляра городской благочинный потребовал исправления сложившихся религиозных практик. Отстаивая свою культурную самобытность, казаки отвергали все выдвигаемые претензии, ссылаясь на сохраненный порядок их предками: «... мы в том же стоим не прибавляем и не убавляем» [23, с.324–337]. Выступая от имени всего казачьего населения атаман И. Иванов предупредил представителей властей о не перспективности решения вопроса, и твердости позиции казаков, проживших более 150 лет в культурной изоляции в окружении исламского мира. При этом предупредил о возможном уходе их изпод юрисдикции властей империи по примеру казаковнекрасовцев [20, с.97–98]. В вопросах вмешательства в религиозные традиции не рассматривалось ими даже назначение священнослужителей в приходы, которых они выбирали сами из своей среды, а присланным местное казачество готовило «теплый прием», вплоть до их убийства [27, с.18–20]. Традиции терских казаков препятствовали инкорпорации этой части славянского населения Северо-Восточного Кавказа, мировоззрение которого выражалось не во внешних протестных ритуалах, а имело характер внутренней связи с Богом.

К концу XVIII в. число сторонников раскола на Тереке увеличивается вследствие переселенческой политики с Дона семей староверов, которые частью принимали принятые положения старожилов, а некоторые принесли с собой самостоятельные сектантские верования. В это же время южная граница России выходит на реку Кубань, для освоения земель которой государство переселяет донских казаков и запорожцев. Исследователь казачества А.Ф. Щербина указывает, что в большинстве своем это были донцыстароверы, которые придерживались практик выборности духовенства и ухода от контроля исполнения религиозных обрядов приходскими священниками. Указанные обстоятельства препятствовали и этой части славянского населения установлению принятой системы религиозной традиции православной Церкви [31, с.766–767].

Переселенные на Северо-Западный Кавказ после упразднения Запорожской сечи казаки заняли нижнее течение реки Кубань и основали Черноморское казачье войско. Обладая большим численным потенциалом, они заселили обширные территории, на которых несли обязанность исполнения постоянной сторожевой службы на границы с адыгами. Ряды войскового казачества в основном пополнялись за счет переселенцев из Малороссии, что привело в дальнейшем к образованию Ку-

банского казачьего войска в 1860 г., население которого основало 3 города, несколько десятков крупных станиц и до 3 тыс. хуторов [19, с.113–144].

Процессы механического прироста населения продолжались на протяжении всего XIX в. По справедливому заключению Г.Н. Прозрителева, российская гражданская колонизация и боевые действия проходили параллельно [26, с.19]. Многие селения Кавказской губернии строением своим походили на села Харьковской или Курской губернии [28, с.495]. Экономические и дворовые крестьяне расселялись на подконтрольных территориях, подчиненных правительству, и следовали установленным административно-религиозным традициям [18, с.43]. В Ставропольской губернии данный элемент населения доминировал относительно других территорий Северного Кавказа, а положения г. Ставрополя как интендантского центра определяло его статус и в будущем религиозно-церковной столицей региона.

Испытывая острую нехватку в военном контингенте при нарастании конфликта, одним из способов решения сложившейся проблемы безопасности местные власти видели в создании крупных поселений. Генералгубернатор П. С. Потемкин запрещал их основывать и строить при них приходские церкви переселенцам, если число жителей было меньше 1 тыс. душ. Административные нормы на практике в условиях активных боевых действий соблюдались в данном регламенте достаточно редко. Исходя из этого обстоятельства эти поселения часто становились объектами нападения не мирных горцев. Открытый в них церковный клир, существующий за исправление христианских треб для жителей, был обречен на полуголодное нищенское существование.

Религиозная политика государства по искоренению раскола в центральных губерниях имела сдерживающий фактор на его распространение. Абсолютно иная ситуация, описанная нами выше, сложилась на Тереке (Моздокский и Кизлярский округа Кавказской епархии), где его насильственное искоренение в среде казачества было невозможно, а на фоне нарастающего конфликта с горцами Сенат распорядился не притеснять казаков в вопросах веры [20, с.324–337]. Сложился компромиссный путь взаимоотношений, но при строгом надзоре со стороны светских и духовных властей. Обращаясь к статистическим данным, нужно отметить, что во всех подразделениях Кавказского линейного казачьего войска существовали последователи старого обряда, которые в основной массе не отвергали церковных таинств. В казачьих общинах существовали и сектантские направления, но в большинстве своем их последователи относились к категории «приемлющих священство», и опасаясь преследования за свои религиозные убеждения со стороны властей они не популяризировали их (таблица 1).

Характеризуя наиболее распространенные на Северном Кавказе направления сектантства, нужно вначале отметить доминирование староверов в их среде. Ими были отошедшие от православной Церкви во времена реформ Никона христиане, их также называли раскольниками или старообрядцами, а некоторые исследователи их именovali православными протестантами. Одной из характеристик данного направления было древлеправославие, как идеологически религиозное течение и организация в русле Русской Православной традиции, отвергающих проведенную церковную реформу патриархом Никоном.

На фоне нарастающего противостояния в вопросах вероисповедания в XVIII в., желании части сторонников

«старой веры» объединиться с Русской Православной Церковью и неэффективности силовых методов ущемления раскола возникло такое направление в старообрядчестве, как единоверие. Его сторонники сохраняли традиции древних богослужебных традиций, таких как двоеперстие, служба по старопечатным книгам и др. Его представители соблюдали древнерусский бытовой уклад, что служило основанием считать единоверие примирением РПЦ и старообрядчества.

Другим направлением старообрядческого согласия, приемлющего священство, была поповская секта, которая существовала в виде беглопоповства. Когда в 1846 г. к ним присоединился БосноСараевский митрополит Амвросий (Попович) возникла Белокрыницкая иерархия, которая в настоящее время существует как Русская Православная Старообрядческая Церковь. Другим основным крупным направлением русского старообрядче-

ства в регионе были последователи не приемлющих духовенства, ими отрицалась необходимость священства для спасения души.

Не менее распространенным течением древлеправославия было учение поморского согласия. Данное учение относилось к беспоповскому толку, не имеющего трехчинной иерархии, принятые у поморцев таинства, крещения и исповедь, совершались грамотными мирянами, а общины возглавлялись духовными наставниками. Для ведения службы мирянам на основе иноческого соловецкого устава в их среде был разработан Поморский устав, из которого были удалены произносимые священниками все молитвы и слова. Внешнюю обрядность официальной Церкви отрицали и представители духоборческой секты, которая была более идейно близка к английским квакерам. Данное направление христианства получило общее название «духовных христиан».

Таблица 1 / Table 1

Соотношение прихожан с представителями раскола и сект при церковных приходах Кавказской епархии на 1843-1846 гг. [4; 7; 8; 12] / The ratio of parishioners to representatives of schisms and sects in church parishes of the Caucasian diocese in 1843-1846 [4; 7; 8; 12]

Епархиальные округа Кавказской епархии	Общее число прихожан		Из них представителей раскола	
	Мужского пола	Женского пола	Мужского пола	Женского пола
Ставропольскому округу	94589	88349	3171	3223
Черноморскому округу	60255	60704	35	27
Пятигорскому округу	34356	34071	1330	1438
Моздокскому округу	15577	15623	2840	3009
Кизлярскому округу	4994	4472	846	976
Закубанских поселениях	2116	1695	0	0
Всего по Кавказской епархии¹⁷ :	211887	204914	8222	8673

Другими последователями духовного христианства были представители молоканской секты, считавшиеся особо вредной ересью в империи. Молокане представляли собой религиозное движение, а не единую церковную организацию. Они сильно отличались в оценке религиозных взглядов, соблюдаемых праздниках, песнопении и учении. Среди всех этих направлений выделялись «мокрые молокане», которые практиковали водное крещение в своей среде, молокане-прыгуны, молокане-субботники и другие направления.

В конце XVIII в. на Северном Кавказе проявились представители секты субботников, представители которого соблюдали субботу, совершали обрезание и остальные предписания иудаизма. Знакомая с Библией представители этой секты отмечали, по их мнению, большое несоответствие содержания и церковной реальностью, разочарованием в традиционных религиозных институтах. Распространенные в их среде идеи были близки к основным идеям европейской Реформации: отказ от священства, почитания икон и святых, совершение таинств.

Духовенство являлось небольшим по численности социальным слоем общества, но играло значительную роль социокультурной жизни населения, являлось созидательной силой в деле просвещения. Семьи священнослужителей являлись проводником популяризации семейных ценностей, в числе которых нужно отметить организацию семейного воспитания и достаточно неплохой уровень домашнего образования для своих детей, включая девочек.

С момента появления славянских поселенцев на Северном Кавказе и формального установления органов епархиального управления в XIV и XV вв., территории региона были отнесены изначально к Сарайской епархии. В ходе миграционных процессов и интеграции Российской империи первые приходы были отнесены к Астраханской епархии, а в дальнейшем перешли под окормление Донской епархии. Удаленность некоторых из них от епархиальных центров до 900 верст определяла и характер отношений, препятствовавших установлению надлежащего порядка в церковно-приходской жизни. Проникшие с переселенцами специфические традиции и различные учения сект имели благоприятную почву для их распространения. Латентно шел процесс формирования особой формы религиозного поиска истинности в вопросах православной веры и большое усердие верующих, но для его надлежащего развития требовались хорошо обученные и подготовленные священнослужители [1, с. 152 – 160].

К середине XIX в. сложились благоприятные условия для образования самостоятельной Кавказской кафедры, и выделение территории Кавказской области из епархиального окормления Новочеркасской епархии. Данное обстоятельство определялось достижением военного превосходства с одной стороны, и достаточным числом церквей и причтов «... количество по пространству ими занимаемому было не применительно для одного епархиального управления и достаточное для

¹⁷ Данные приведены без учета 9 приходов, по которым сведения не выявлены (Черноморского округа: Ачужевского укрепления, станицы Павловской, станицы Шкуринской;

Пятигорского округа: с. Александровки, с. Благодарного, с. Новозаведенного, с. Отказного, слободы Бургун-Маджар, станицы Невинномысской).

образования двух» [17, л.2]. Помимо этого, начальник Кавказской области предполагал возложить на епархиальные органы миссионерскую работу. Целью, которой, по его мнению, должны были стать не только горское население в среде которого сохранились традиции христианства, принесенные из Константинополя, но и обращение к славянскому населению, отошедшему от православия и распространенному расколу.

Согласно установленному действующему регламенту Синод стремился соотносить границы гражданского и религиозного управления в пределы одной епархии. Руководствуясь данной нормой, в соответствии с разработанной программой Синодом, в пределы одной епархии были объединены церковные приходы Кавказской области и Черноморского войска. Новой епархией устанавливался третий класс содержания предполагающий финансирование из средств Казны в пределах 5 тыс. руб. сер. в год. Устраиваемому Кавказскому архиерейскому дому, резиденции епископа, выделялось на обустройство 3 тыс. руб. сер. Предполагалось, как и обычным монастырям империи, каким этот дом и являлся, выделение рыбных и лесных промыслов, участка земли в размере 150 дес. Оставался открытым вопрос устройства собственной Кавказской духовной семинарии, которая в сложившихся условиях церковно-приходской жизни и распространения древлеправославия с сектанством, была необходима для подготовки священнослужителей соответствующей квалификации. Синодом не конкретизировались причины уклонения в разрешении этого вопроса, только указывалось на то, что она может быть открыта при условии достаточного количества учащихся и наличия дополнительных источников финансирования для её содержания в регионе [17, л.23].

Исходя из указанных целей, укрепления православия и возвращения к церкви отклонившихся от него, возрождения в коренном населении некогда утраченного христианства, требовался особый епископ, который был способен не только организовать работу епархиальной системы, но и достичь разрешения поставленных целей. По мнению Синода, этому соответствовал Киевской митрополии Чигиринский викарий епископ Иеремия (Соловьев). Он относился к числу ученого монашества, которое привлекалось властями к управлению епархиями в этот период. В последующем этот кавказский епископ, как и некоторые другие, в числе которых был епископ Игнатий (Брянчанинов), были причислены к лику святых Русской Православной Церковью. Глубоко вовлеченный в дела управления епархиями которые Иеремия Соловьев возглавлял в течение своей жизни, он не переставал никогда вести записи и развивать идеи религиозного содержания и наполнять их глубоким смыслом. По справедливому выражению И.К. Смолича, он остался недооцененным современниками [30].

При расчете финансирования Правительством и Синодом не была учтена специфика и дороговизна жизни в регионе, что еще более обостряло дефицит установленной сметы расходов. С одной стороны, он покрывался привлечением дополнительных средств, требующим длительного согласования и пояснения обоснований, во многом не находящих поддержки в верхах власти. Более значимым источником средств на данном этапе станет помощь со стороны частных лиц из числа местного православного населения.

Прибывший в 1843 г. на Кавказскую кафедру епископ Иеремия сразу обратил внимание на проблемы в подготовке священнослужителей связанные с пониманием

собственно значения своего статуса и роли в церковном клире. Получение хорошего и качественного семинарского образования, по его мнению, было одним из способов преодоления сложившихся противоречий и способствовало бы инкорпорации региона в единое социокультурное пространство империи.

Собственным примером епископ старался показывать остальным методы решения вопроса с момента своего приезда на Кавказскую кафедру. Когда ему была компенсирована прогонная сумма в размере 500 руб. сер. [6, л.73, 81], возвращенные деньги он распорядился разместить в Приказе общественного призрения. Процент от вложенной суммы позволял установить содержание двух учеников в Ставропольском духовном училище [6, л.455]. Помимо этого, им были переданы в городские церковные приходы сборники различных духовных сочинений необходимого круга церковных книг.

Острая нехватка средств обнаруживалась во всех начинаниях по организации епархии. Установленной суммы Архиерейскому дому не хватало даже на его обустройство, а для отопления правительством специально была выделена квота леса в станице Темнолесской. Доставка этих дров до города обходилась довольно дорого, поэтому первые годы приходилось ощущать преосвященному и служителям Консistorии все капризы кавказской зимы. Денег не хватало даже на обеспечение всем необходимым Кавказской духовной консистории, а выделенные по ходатайству епископа Иеремии оберпрокурором Синода графом Н.А. Протасовым дополнительные средства не вносили существенного изменения в сложившуюся ситуацию [3, л.8, 12].

Не располагая необходимым угодьями в черте Ставрополя для организации подворья Архиерейского дома, епископ нашел непростой выход из сложившейся ситуации. Обратившись к Кавказскому наместнику князю М.С. Воронцову с просьбой о передаче в духовное ведомство принадлежащего штабу войск пустыря на Воробьевой высоте. Наместник распорядился передать «такой размер казенного лесного участка и речки, какой сам Преосвященный признает нужным для устройства своего дома» [10, л.19–20]. Посредством имеющихся при Архиерейском доме рабочих участок был очищен от кустарника и высажены деревья, которые по сегодняшний день радуют жителей города своей прохладой в районе Комсомольского пруда.

Пожертвования частных лиц были существенным подспорьем в обустройстве и становлении Кавказской кафедры. В своем отчете за первый год пребывания на Кавказской кафедре епископ Иеремия особо выделил то, что заставило даже такого человека как он поразиться масштабам христианского долга, присутствовавшего в среде местного славянского православного населения. Для обустройства Крестовой церкви житель Ставрополя Илья Аникеев сделал за свой счет пять колоколов, о сделанном им пожертвовании, по желанию самого благотворителя, Синоду в ежегодном отчете по епархии не докладывали [5, л.95].

Ставропольский почетный гражданин купец 1-й гильдии Игнатий Волобуев передал в дар духовного ведомства дом, в котором проживал со своей семьей, а до этого сдавал большую его часть для размещения епископа и консистории, из-за неимения подходящих зданий в городе. За свой счет им были произведены необходимые административному зданию пристройки. Следуя идеи устройства на прилегающей к дому территории архиерейского подворья и Кавказской семинарии, им были выкуплены и также переданы в духовное

ведомство земли, но неустойчивость грун-та в этой части города не позволила строить капитальные строения такого масштаба [5, л.95, 116–117]. В результате чего преосвященным было принято решение, по примеру других губерний, разместить Архиерейский дом, кафедр и семинарию рядом с административными зданиями гражданского управления и новым кафедральным собором на Воробьевой горе города. На переданной купцом земельном участке была выстроена Крестовоздвиженская домовая церковь епископа и основано архиерейское подворье.

При этом нужно отметить, что купец Волобуев все получаемые им средства от аренды помещений направлял на строительство и убранство церквей города. В отчетах Консистории Волобуев числился в числе основных лиц, внесших большой вклад в её развитие на первом этапе становления, но это не мешало ему продолжать складывать свои средства в развитие церковной инфраструктуры кафедр.

Другой купец первой гильдии Ставрополя и городской голова Иван Григорьевич Ганиловский на обращение епископа о помощи в размещении его здании Кавказской семинарии и уменьшении вдвое платы за аренду, и обещал епископу участвовать в реализуемых им проектах по духовному ведомству [13, л.48].

Только из этих двух эпизодов видно, насколько сильным был религиозный порыв владельцев частного капитала, для которых по законам капитализма расход средств в этой сфере не мог принести прибыли. Не преследуя получения высоких наград и званий, многие из которых ими уже обладали, они способствовали росту авторитета православной Церкви в народных массах и преодолению сложившейся непростой ситуации в религиозной жизни региона.

Являясь примером бескорыстного служения Церкви, следуя положению закона вызова и ответа британского историка и философа А. Тойнби, можно утверждать, что они реализовывала функцию «творческого меньшинства», которая не просто следовала своим духовным целям, но и увлекала за собой остальных в разрешении вопроса положения православия в обществе. В условиях масштабного военного противостояния, следуя данному импульсу, прихожане заботились об убранстве своих церквей. О них известно намного меньше, и только с появлением ведомственного издания Кавказских епархиальных ведомостей, они получили широкую огласку.

Характеризуя динамику церковного строительства и характер храмовых сооружений на Северном Кавказе, нужно отметить, что она напрямую зависела от политического положения Российской империи в регионе и была связана с экономическим положением населения. Не меньшую роль играли периоды временного умиротворения Кавказского конфликта и притока славянского населения. Нерешенность вопроса включения территорий в состав империи в условиях длительного противостояния напрямую отразилась на убранстве и облике церквей, которые имели временный характер. Большая часть этих храмов была возведена из дерева, только 46 были выстроены из камня. Начавшиеся процессы инкорпорации региона, затронувшие и религиозную сферу, привели к изменению сложившейся ситуации. Большая часть храмов на 1845 г., а именно 184 из 208, были возведены на средства самих прихожан, что характеризует их как добросовестных хозяев, а не временщиков в регионе. Оставшаяся часть была возведена на частные средства и войсковых сумм, и только 8 из них были возведены на правительственные средства [4; 7; 8; 12].

Вместе с устройством самостоятельной епархии на Северный Кавказ были принесены традиции нового архитектурно-стиля церковного строительства, который получил распространение в Российской империи в XIX в. как альтернатива неоготике, принятой за основу строительства храмов в государствах Западной Европы исповедующих католицизм и следующих протестантизму. Новая восточноевропейская архитектурная традиция в России не копировала византийский стиль, а только использовала его характерные черты в планировке православного храма и его отделке [29, с.9, 13].

При организации строительства храма общество сталкивались с нехваткой средств, для этого выбирали доверенное лицо, на которое через консисторию просили выдачу книги для сбора пожертвований. Строительство нередко растягивалось на десятилетия, и для исправления мирских треб общества строили рядом молитвенные дома [11, л. 1–181]. Иногда сельские общества делали общественные запашки, вырученные средства от продажи урожая с которой направляли на заготовку материалов для храма и оплату труда работникам.

Упадок церковного строительства и отделки храмов на Северном Кавказе, до образования самостоятельной кафедры, епископ Иеремия связывал не столько с отсутствием надлежащего епархиального контроля и участия светских властей в этом процессе. Основная причина крылась, по его мнению, в падении авторитета православной Церкви в народных массах, что вело и к отсутствию инициативы церковного клира и самих прихожан [5, л.12–52]. Одной из первых мер стало вынесение предписания исправления ситуации станичным властям казачьих войск и Палате государственных имуществ. Исправление нравов требовало более кропотливой работы с причтом и самими прихожанами.

Фактически все храмы региона были построены за счет средств самих прихожан, и по тяжелым условиям жизни в тесной церкви размещалось несколько прихожов. Этими же условиями обосновывается и выбор небесного покровителя прихода. Самыми почитаемыми были выбор в пользу святителя и чудотворца Николая Мирликийского и Архангела Михаила, намного реже прибегали к заступничеству и покровительству отдельно взятых святых: Георгия Победоносца, Крестовоздвижения, Казанской иконы Божьей матери, Пресвятой Троицы и т.д.

Искоренить всех проблем и добиться надлежащего порядка в церковно-приходской жизни конечно не удалось, но дать надлежащее направление его развитию и создать необходимые условия для распространения православной веры епархиальное управление смогло. В своем отчете Синоду за 1857 г. епископ Игнатий (Брянчанинов) указывал на открытое женское училище при первом женском монастыре в Черноморском войске Марие-Магдалинской женской пустыни. По случаю недавнего основания самой обители оно не еще не получило правильной организации, и действовало в раз- мере и благоустройстве соразмерно средствам строящейся самой обители. Разработка проекта его развития была передана на рассмотрение Войсковому руководству, как более знакомому с духом и потребностями местного населения. В этом же отчете епископ отмечал, что многие учителя из священнослужителей при образовании крестьянских детей трудятся без какого-либо поощрения и оплаты их труда, и даже за собственный счет приобретали своим ученикам учебные книги и прочие необходимые материалы [14, л. 13–13об.].

Опираясь на показания жителей станицы Кавказкой епархиальный миссионер А.Е. Шанин в 1898 г. докладывал епископу Кавказскому и Ставропольскому Агафодору (Преображенскому) о существовании в станице раскольничьего скита. Скит до этого был расположен вблизи обвального старообрядческого монастыря недалеко от самой станицы, но по обстоятельствам плохих условий жизни и набегов в 1876 г. переселился из обвалов в станицу, к старообрядческому молитвенному дому. Семь келий данного скита были размещены на дворе казака И.В. Мурзина, и 10 расположились на общественной земле, смежной с имением казака. Данный скит не имеет настоятельницы, а управляется лжепопом К. Осиповым и экономом, выбранным из среды местных казаков. В скиту проживало несколько женщин и девиц, по свидетельству единоверцев, совращенных из православия в раскол.

Благочинный церковью Кубанской области священник Г. Аристов, после проведения предварительного следствия, указал, что доказать существование старообрядческого скита в станице около старообрядческого домика невозможно по отсутствию прямых доказательств. Скопление населения в указанном месте состоит исключительно из старых девиц и вдов, при чем некоторые из них считаются принявшими монашество. Сами жительницы скита объясняют желание жить около церкви, удобством молитвы и возможностью уединенной жизни. Их компактное проживание в народе действительно получило название скита, но к такому они сами никогда не стремились. Около молитвенного домика старообрядцев действительно давно существовало 15 небольших домов, на земле станичного общества 7 хат в которых проживало 12 старух. Все они жили без какой-либо настоятельницы: «живем, молимся Богу, питаемся от добрыхотных подающих людей». За их жизнью в станице был установлен надзор местного священника, который в дальнейшем в своих рапортах епархии докладывал, что ничего противозаконного в проживании женщин близ скита отмечено им не было [15, л.1-1об., 11-13].

Идеи первой русской революции 1905-1907 гг. и обновленческое движение церкви не оставили в стороне и Северный Кавказ. В среде местного духовенства начал проявлять себя данный элемент и своими действиями вновь дестабилизировать ситуацию. Одним из таких немногих примеров является производство по обвинению священника П. Введенского в богохульстве, кощунстве и пропаганде идей атеизма. Ведя себя вызывающе мыслями об отсутствии Бога делился со своим близким окружением. Высказывался, что будущей жизни не существует, Ветхий и Новый Заветы выдуманы и написаны монахами, Церковь называл духовным театром и мельницей, говорил, что служит только из-за денег. На поступивший донос крестьянина хутора Мирowego, станицы Абинской Кубанской области, ссылался на месть крестьянина из-за неуплаты им, священником, ему за работу на его пасеке. Члены причта данные обвинения опровергали, указывая на интеллигентность священника и невозможность вменяемых ему поступков.

Священник в свое оправдание говорил: «... если бы я не верил в Бога, то безусловно вышел бы из духовного звания». В ходе опроса местных жителей выяснилось, что их настоятель прихода в обращении с ними нередко бывал груб, пропускал службы, сквернословил, вел праздный образ жизни и т.д. По итогам проведенного формального следствия относительно обвинения свя-

щенника в богохульстве, кощунстве, пропаганде идей атеизма и других проступков священник скрылся из прихода. Решением епархиального руководства, за открытое безбожие, постыдно-развратную жизнь, чрезвычайно грубое обращение с прихожанами, священник Введенский был приговорен к лишению священнического сана и исключению из духовного звания. Поскольку посредством полиции его не смогли отыскать, то, по установленным Синодом правилам, его как ослушника вызвали в Консисторию для заслушивания о нем принятого решения посредством публикации в местных и ведомственных периодических изданиях. По истечении третьей публикации принятое о нем решение вступило в законную силу. Таким образом, за отсутствием апелляционного отзыва священника Введенского и каких-либо возражений с его стороны на принятое Консисторией решение не поступило, то он был присужден к лишению священнического сана и исключению из духовного звания [16, л.6-боб., 21, 25-26, 84].

Результаты. В пастырской деятельности священнослужители отталкивались от состава прихода, который определял характер взаимоотношений с паствой. Во многом духовенство Северного Кавказа оказывалось в большой материальной зависимости от прихода, что делало его заложником сложившейся ситуации и иногда вело к разным формам нарушения установленных правовых норм. Духовенство одно не в силах было справиться с бытовыми и социальными трудностями при глубоком вовлечении в работу с паствой и исполнением возложенных должностных обязанностей по приходу. Синод и руководство Кавказской епархии принимали меры для устранения сложившихся противоречий в церковно-приходской жизни.

Ситуация осложнялась сложившейся военной обстановкой и полувоенным бытом местного населения. Образование Кавказской епархии было проведено по установленным стандартам для других центральных губерний Российской империи. В то время как выделенных средств по условиям жизни в регионе не хватало для обзаведения самым необходимым. Установленные законом ограничения казались непреодолимым препятствием на пути разрешения финансовых вопросов. Только помощь частных лиц, не равнодушных к православному веру, движимых истинным чувством милосердия и сострадания, способствовали смягчению ситуации и проведению намеченных преобразований. В своих отчетах даже епископ Иеремия отмечал подобное усердие православного населения, неравнодушного к положению православной Церкви на Северном Кавказе [9, л.8-19].

На Северном Кавказе многие приходы были разбросаны на несколько десятков верст, что служило удобной почвой для распространения среди прихожан предрассудков и суеверий, которые способствовали развитию сектантства. Надо учитывать, что в приходах епархии иногда православное славянское население находилось в окружении представителей раскола и ислама. Данные условия способствовали появлению особого рода сподвижников православия, которые, несмотря на трудности повседневной жизни, несли религиозное просвещение в отдаленные приходы Кавказской епархии. Способствовали подъему авторитета РПЦ в регионе и его инкорпорации в систему социокультурного пространства империи.

В рассматриваемый период православное население находилось в меньшинстве по отношению к насе-

ляющему регион подвижников ислама, старообрядцев, сектантов. Поэтому помощь частных лиц в развитии церковной жизни в сложившейся ситуации была ничем иным, как истиной формой духовного единения насе-

ния региона и церковной власти. Православие на Северном Кавказе стало основой этнокультурной идентичности, выступая для определенной части населения историко-культурным ориентиром.

Литература

1. Володькова Е. Н., Гончаров В. Н., Колосова О. Ю., Немашкалов П. Г. Роль православного прихода в процессе инкорпорации славянского населения Северного Кавказа в социокультурное пространство Российской империи в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2021. № 6–2. С.152–160.
2. Володькова Е. Н., Кнiewiczкий С. А., Немашкалов П. Г. Образование первых русских городов на Северо-Восточном Кавказе и их роль в процессе инкорпорации региона в Российскую империю // Вопросы истории. 2021. № 11–3. С. 89–95.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.135. Оп.1. Д.319.
4. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.340.
5. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.51.
6. ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.877.
7. ГАСК. Ф.135. Оп.2. Д.410.
8. ГАСК. Ф.135. Оп.3. Д.1025.
9. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.252.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.557.
11. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.558.
12. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.787. Ч.1–3.
13. ГАСК. Ф.135. Оп.4. Д.921.
14. ГАСК. Ф.135. Оп.16. Д.80.
15. ГАСК. Ф.135. Оп.56. Д.722.
16. ГАСК. Ф.135. Оп. 69. Д.1479.
17. ГАСК. Ф.90. Оп. 1. Д.1548.
18. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб.: Общественная польза, 1905. 444 с.
19. Короленко П. П. Черноморцы на Кубани: Исторический очерк о заселении Кубани Черноморскими казаками // Памятная книжка кубанской области на 1878 год. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1878. С.113–144.
20. Михайловский Г. Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков во второй половине XVIII столетия // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. № 3. С. 97–98.
21. Михайловский Г. Сведения о расколе и раскольниках в пределах Кавказской епархии // Кавказские епархиальные ведомости. 1875. № 10. 16 мая. С. 324–337.
22. Немашкалов П. Г. Становление и функционирование епархиальной системы управления Русской Православной Церкви на Северном Кавказе (конец XVIII – 60е годы XIX вв.): дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2020. 555 с.
23. О составлении Кавказского из двух областей: Кавказской и Астраханской // Полное собрание законов Российской империи (1649–1825). Т. 22. № 16193.
24. Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801 гг.). В 2-х т. Т. 1. Владикавказ: Ставропольская Кавказская библиотека, 1912. 383 с.
25. Предисловие председателя Археографической комиссии А. Д. Берге // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. Т. I. 827 с.
26. Прозрителев Г. Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях // Памятная книжка Ставропольской губернии на 1919 г. Ч. 1. Ставрополь: Губернская типография, 1919. С. I–XI.
27. Прот. Попов И. Мои занятия в архивах // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ: б.и., 1912. № 1. С. 18–20.
28. Ровинский И. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии. По гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Печатано в Императорской типографии, 1809. 495 с.
29. Савельев Ю. Р. «Византийский стиль» в архитектуре России. Вторая половина XIX – начало XX века: Альбом. СПб.: Изд-во «Лики России», 2005. 272 с.
30. Смолич И. К. История русской церкви: 1700–1917 гг. В 2 ч. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 800 с.
31. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 2 / Репринтное издание. Краснодар: Изд-во «Советская Кубань», 1992. 850 с.

References

1. Volodkova EN, Goncharov VN, Kolosova OYu, Nemashkalov PG. The role of the Orthodox parish in the process of incorporation of the Slavic population of the North Caucasus into the socio-cultural space of the Russian Empire in the first half of the XIX century. *Voprosy istorii*. 2021;6-2:152-160. (In Russ.)
2. Volodkova EN, Knievsky SA, Nemashkalov PG. The formation of the first Russian cities in the NorthEastern Caucasus and their role in the process of incorporation of the region into the Russian Empire. *Voprosy istorii*. 2021;(11-3):89-95. (In Russ.)
3. The State Archive of Stavropol Krai (GASK). F.135. Inv.1. D.319. (In Russ.)
4. GASK. F.135. Inv.1. D.340. (In Russ.)
5. GASK. F.135. Inv.1. D.51. (In Russ.)
6. GASK. F.135. Inv.1. D.877. (In Russ.)
7. GASK. F.135. Inv.2. D.410. (In Russ.)
8. GASK. F.135. Inv.3. D.1025. (In Russ.)
9. GASK. F.135. Inv.4. D.252. (In Russ.)
10. GASK. F.135. Inv.4. D.557. (In Russ.)
11. GASK. F.135. Inv.4. D.558. (In Russ.)
12. GASK. F.135. Inv.4. D.787. Part 13. (In Russ.)
13. GASK. F.135. Inv.4. D.921. (In Russ.)
14. GASK. F.135. Inv.16. D.80. (In Russ.)
15. GASK. F.135. Inv.56. D.722. (In Russ.)
16. GASK. F.135. Inv.69. D.1479. (In Russ.)

17. GASK. F.90. Inv.1. D.1548. (In Russ.)
18. Kaufman AA. Resettlement and colonization. St. Petersburg: Obshhestvennaja pol'za; 1905. 444 p. (In Russ.)
19. Korolenko PP. Chernomortsy in Kuban: A historical essay on the settlement of Kuban by Black Sea Cossacks in Commemorative book of the Kuban region for 1878. Yekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Government; 1878. P. 113-144. (In Russ.)
20. Mikhailovsky G. Historical information about the split among the Terek (Grebensky) Cossacks in the second half of the XVIII century. *Kavkazskie eparhial'nye vedomosti*. 1877;(3):97-98. (In Russ.)
21. Mikhailovsky G. Information on schism and schismatics within the Caucasian diocese. *Kavkazskie eparhial'nye vedomosti*. 1875;(10):324-337. (In Russ.)
22. Nemashkalov PG. Formation and functioning of the diocesan management system of the Russian Orthodox Church in the North Caucasus (late XVIII-60s of the XIX centuries): thesis. Stavropol, 2020. 555 p.
23. On the compilation of the Caucasian from two regions: the Caucasian and Astrakhan in The Complete Collection of laws of the Russian Empire (1649-1825). Vol. 22. No. 16193. (In Russ.)
24. Potto VA. Two centuries of the Terek Cossacks (1577-1801). In 2 vol. Vol. 1. Vladikavkaz: Stavropol Caucasian Library; 1912. 383 p. (In Russ.)
25. Preface by the chairman of the Archeographic Commission AD Berge in Acts of the Caucasian Archeographic Commission. Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus; 1866. Vol. I. 827 p. (In Russ.)
26. Prozritelev GN. Stavropol province in historical, economic and everyday relations in Memorial book of Stavropol province for 1919 Part 1. Stavropol: Gubernskaya tipografiya; 1919. P. I–XI. (In Russ.)
27. Prot. Popov I. My studies in the archives in Collection of the Society of lovers of Cossack antiquity. Vladikavkaz, 1912. No. 1. P. 18-20. (In Russ.)
28. Rovinsky I. Economic description of the Astrakhan and Caucasian provinces. According to their civil and natural state in relation to agriculture, industry and home economics. St. Petersburg: Printed in the Imperial Printing House; 1809. 495 p.. (In Russ.)
29. Saveliev YuR. Byzantine style in the architecture of Russia. The second half of the XIX – the beginning of the XX century: Album. St. Petersburg: Publishing house Liki Rossii; 2005. 272 p. (In Russ.)
30. Smolich IK. The history of the Russian Church: 1700-1917. In 2 parts. Part 1. Moscow: Publishing House of the Transfiguration of the Valaam Monastery; 1997. 800 p. (In Russ.)
31. Shcherbina FA. The history of the Kuban Cossack army. In 2 vols. Vol. 2. Reprint edition. Krasnodar: Publishing house Sovetskaya Kuban; 1992. 850 p. (In Russ.)



Научная статья
 УДК 94(479)"12"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.7>

ГОСУДАРСТВО ХОРЕЗМШАХОВ В ИСТОРИИ КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII ВЕКА

Александр Абакарович Кудрявцев

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
 Доктор исторических наук, профессор
kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

Аннотация. Введение. Первая половина XIII века ознаменовалась в истории народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока и Кавказа бурными событиями, связанными с монгольским нашествием, на многие века изменившего военно-политическое, экономическое и культурное развитие этих регионов. **Материалы и методы.** Данное исследование проводилось на основе широкого междисциплинарного подхода и общепринятых исторических методов. Впервые в отечественном кавказоведении проведено комплексное исследование, построенное на анализе средневековых арабских, грузинских, азербайджанских и дербентских источников. **Анализ.** Одним из могущественных государств, в числе первых павших под ударами монголов, была держава Хорезмшахов. Покорив Китай и подготавливая свою экспансию на Запад, Чингиз-хан с большим опасением относился к этому крупнейшему государству мусульманского Востока, которое могло выставить около 400–500 тысяч хорошо обученных и прекрасно вооруженных воинов, способных нанести решающее поражение, значительно уступающим им по численности, монгольским войскам. Грубейшие военнополитические и стратегические ошибки последнего властвующего правителя государства Хорезмшахов Ала ад-Дина Мухаммада, который разместил свою огромную армию изолированно по отдельным крупным городам, чем обрек свои войска на разгром, а государство на уничтожение. Всего за 4 месяца монголы захватили и разграбили основные военнополитические, экономические и культурные центры государства

Хорезмшахов. Джалал ад-Дину Манкбурны, став последним правителем государства Хорезмшахов попытался вернуть былую власть его отца на Ближнем Востоке и Кавказе и в 20-х – начале 30-х годов XIII века сыграл значительную роль в исторических судьбах народов этих регионов. Более 10 лет проводя экспансивную политику и непрерывно участвуя в войнах, Джалал ад-Дин в 20-е годы XIII века, оказался единственной реально военной, военно-административной и политической фигурой способной противостоять нашествию монголов на территорию Ближневосточного и Кавказского регионов. **Результаты.** Джалал ад-Дин понимал, что ослабленные государства Кавказа и Ближнего Востока в одиночку не в состоянии дать отпор войскам монголов, что заставляло последнего Хорезмшаха прилагать усилия по объединению кавказских и ближневосточных правителей для отпора вторжению монголов, но добиться этого ему не удалось.

Ключевые слова: Государство Хорезмшахов, монгольское нашествие, Джалал ад-Дин, Кавказ, Грузия, Азербайджан

Для цитирования: Кудрявцев А. А. Государство Хорезмшахов в истории Кавказа первой половины XIII века // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 473–478. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.01.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.03.2024.

Статья принята к публикации: 25.05.2024.

Research article

THE STATE OF KHOREZMSHAHS IN THE HISTORY OF THE CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 13TH CENTURY

Alexander A. Kudryavtsev

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Professor
kaa0210@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

Abstract. Introduction. The first half of the XIII century was marked in the history of the peoples of Central Asia, the Near and Middle East and the Caucasus by turbulent events associated with the Mongol invasion, which changed the military, political, economic and cultural development of these regions for many centuries. **Materials and Methods.** This research was conducted on the basis of a broad interdisciplinary approach and generally accepted historical methods. For the first time in Russian Caucasian studies, a comprehensive study was conducted based on the analysis of medieval Arabic, Georgian, Azerbaijani and Derbent sources. **Analysis.** One of the most powerful states, among the first to fall under the blows of the Mongols, was the power of the Khorezmshahs. Having conquered China and preparing his expansion to the West, Genghis Khan was very wary of this largest state of the Muslim East, which could field about 400-500 thousand welltrained and well-armed warriors capable of inflicting a decisive defeat, significantly inferior in numbers, to the Mongol troops. The grossest military-

political and strategic mistakes of the last ruling ruler of the Khorezmshah state, Ala alDin Muhammad, who placed his huge army in isolation in separate large cities, thereby condemning his troops to defeat and the state to destruction. In just 4 months, the Mongols captured and looted the main military, political, economic and cultural centers of the Khorezmshah state. Jalal al-Din Mankburny, becoming the last ruler of the Khorezmshah state, tried to regain his father's former power in the Middle East and the Caucasus and in the 20s – early 30s of the XIII century played a significant role in the historical destinies of the peoples of these regions. For more than 10 years, pursuing an expansive policy and continuously participating in wars, Jalal al-Din in the 20s of the XIII century turned out to be the only really military, military-administrative and political figure capable of resisting the Mongol invasion of the Middle East and the Caucasus regions.

Results. Jalal al-Din understood that the weakened states of the Caucasus and the Middle East alone were not able to repel the Mongol forces, which forced the last Khorezm Shah to make

efforts to unite the Caucasian and Middle Eastern rulers to repel the Mongol invasion, but he failed to achieve this.

Keywords: Khorezmshakh state, Mongol invasion, Jalal al-Din, Caucasus, Georgia, Azerbaijan

For citation: Kudryavtsev AA. The state of Khorezmshahs in the history of the Caucasus in the first half of the 13th century.

Введение. Первая половина XIII в. ознаменовалась в истории народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Восточной Европы бурными событиями, связанными с монгольским нашествием, на многие века изменившего военно-политическое, экономическое и культурное развитие этих регионов. Разрушение процветающих городов и сельских поселений, массовое уничтожение их жителей, гибель великих держав, запустение и упадок, стали уделом некогда богатых территорий известных торговых экономических центров.

Одним из таких могущественных государств, в числе первых павших под ударами монголов, была держава Хорезмшахов, которая в период своего расцвета являлась одним из крупнейших объединений на всём мусульманском Востоке.

В конце XII – первой четверти XIII вв. эта среднеазиатская держава распространила свою власть и влияние, помимо собственных территорий Хорезма, на Хоросан, Керман, Маверанахр, Мазандаран, Ирак, Сиджистан, Азербайджан, Арран, Ширван и многие области Кавказа, вплоть до знаменитых Ворот Дербента.

Наряду с известной столицей Хорезма Гурганджем, в её состав входили крупнейшие торгово-экономические и культурные города Средней Азии, Ближнего Востока и Кавказа, такие как Самарканд, Бухара, Мерв, Отрар, Ходжент, Балх, Узгент, Ганджа, Ардебиль, Шемаха и другие.

Однако, несмотря на военную и экономическую мощь государства Хорезмшахов, оно не смогло отстоять свою независимость и пало под ударами монголов в период своего расцвета.

Материалы и методы. В основе исследования междисциплинарный подход, используемый наряду с традиционными методами исторической науки, и позволивший изучить политические процессы Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока в связи с завоеваниями Чингиз-хана и падением государства Хорезмшахов. Работа основана на анализе средневековых арабских, грузинских, азербайджанских и дербентских источников.

Анализ. Покорив Китай и подготавливая свою экспансию на Запад, Чингиз-хан с большим опасением относился к этому крупнейшему государству мусульманского Востока, и эта его осторожность имела веские основания. Против монголов Хорезмшах мог выставить около 400 – 500 тысяч хорошо обученных и прекрасно вооруженных воинов, которые имели возможность не только защитить свои территории, но и нанести решающее поражение, значительно уступающим им по численности, войскам Чингиз-хана. Государство Хорезмшахов могло не только отстоять своё существование, но и, разгромив монголов, изменить исторические судьбы многих народов Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Восточной Европы.

Но история не признаёт сослагательных наклонений и грубейшие военнополитические и стратегические ошибки последнего властвующего правителя государства Хорезмшахов Ала ад-Дина Мухаммада, который разместил свою огромную армию изолированно по отдельным крупным городам, чем обрек свои войска

Humanities and law research. 2024;11(3):473-478. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.7>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.01.2024.

The article was approved after reviewing: 21.03.2024.

The article was accepted for publication: 25.05.2024.

на разгром по частям монголами, вооруженными мощными китайскими катапультами

В то время как Чингиз-хан, через своих шпионов послов и многочисленных купцов, внимательно изучал сильный и слабые стороны государства Хорезмшахов, его правитель Ала ад-Дин Мухаммад стремился распространить свою власть и влияние на Керман, Ирак Персидский, Арран, Азербайджан и Ширван. В 1215 г. Хорезмшах, захватил Керман, но вынужден был защищать Ирак, который попытался починить себе атабек Азербайджана Узбек. Ала ад-Дин Мухаммад поспешил выступить против атабека Узбека с войском «самых отважных богатырей» в «100 тысяч всадников», [1, с. 57–58] и, разгромив Узбека, [1, с. 58–59] заставил его признать вассальную зависимость от Хорезмшаха и чеканить монеты и читать хутбу с именем последнего. Атабек Узбек вынужден был согласиться и в честь Хорезмшаха «провозглашали хутбу с минбаров Аррана и Азербайджана до самого Дербента и Ширвана». [1, с. 61]

Узбек был вынужден уступить Ала-ад-Дину Мухаммаду стратегически важную крепость Фарразин, а Хорезмшах, захвативший всю казну атабека Узбека, «милостиво» освободил последнего от уплаты дани. [4, с. 313]. С этого времени Узбек «стал считаться вассалом Хорезмшаха». [4, с. 313]

Однако Узбек вскоре сумел использовать своё зависимое положение от государства Хорезмшаха с большой выгодой для укрепления своего положения на Кавказе. Грузия в этот период играла важную роль в кавказских делах и 1215 году грузины вторглись во владения Узбека, который поспешил обратиться за помощью к Хорезмшаху. Ала ад-Дин срочно подготовил войско в 50 тысяч всадников для нападения на Грузию [1, с. 61] и направил грузинскому царю посольство с ультиматумом предостережением не вторгаться во владения Узбека. Страна атабека «стала одним из его (Хорезмшаха – А.К.) собственных (хасс) владений, где со всех её минбарах провозглашают его имя». [1, с. 61]

Грузинский царь Георгий IV, стремясь предотвратить поход хорезмийцев на Грузию, направил к Ала ад-Дину посольство с «богатыми подарками» и изъявлениями дружбы и добрососедства. [4, с. 313] Распространив свою власть и влияние на Азербайджан, Арран, Ширван и подготовив поход на Грузию, Хорезмшах не только активно вмешивался в дела Кавказа, но и чувствовал себя здесь реальным правителем его территорий, феодальных владетелей которых он считал своими вассалами.

К 1217 г. Хорезмшах подчинил своей власти не только известные государства Кавказа и Ближнего Востока: Азербайджан, Арран, Ширван, Мазандаран, Фарс, Керман, Мекран, Кеш, Газну и другие, но и дошёл до Индии. Не обращая внимания на всё усиливающиеся слухи о надвигающейся с востока монгольской опасности, Ала ад-Дин осенью 1217 г. предпринял крупнейший поход на Багдад с целью ограничить духовную власть Халифа ан-Насира на мусульманский Восток и заставить его признать Хорезмшаха главой всех мусульман.

В этом походе, по сообщениям средневековых авторов, участвовало 400 тысяч воинов на конях и верблюдах, в том числе 70 тысяч кара-хитаев. [1, с. 55] Но поход окончился неудачно, так как войско Хорезмшаха было застигнуто на Асабадском перевале страшные снежной бурей, в результате которой от ударивших сильных морозов пало огромное количество лошадей и верблюдов и погибло много людей. [1, с. 64]

Вскоре после неудавшегося похода Хорезмшаха на Багдад, в 1218 г., произошло первое столкновение монголов с хорезмскими войсками, поводом для которого послужило ограбление и убийство наместником Хорезмшаха в Оtare Гайир-ханом Иналом, являвшегося родственником последнего, около 100 послов Чингиз-хана и 450 купцов на направленных монгольским правителем в Хорезм. Чингиз-хан потребовал от Ала ад-Дин Мухаммада выдать виновника монголам, но Хорезмшах решил не выдавать родственника, побоявшись вызвать недовольство всех эмиров своего рода и опасаясь гнева своей матери, его фактической соправительницы, имевший огромную власть в государстве.

Старший сын Ала ад-Дина, талантливый военачальник и Храбрый воин Джалал ад-Дин Манкбурны, настойчиво советовал Хорезмшаху пойти навстречу Чингиз-хану и выдать наместника Отрара, совершившего, согласно монгольским обычаям, одно из самых тяжких преступлений убийство послов.

Вместо этого Хорезмшах решил «убить двух зайцев» и выступил с 60-тысячным войском в поход против меркитов, разгромленных монголами и бежавших от них на территорию кыпчаков, кочевавших на границах Хорезма. Хорезмшах хотел ограбить уже разбитых меркитов и показать свою силу монголам. Монгольское войско, преследовавшие меркитов, возглавлял сын Чингиз-хана Джочи, который столкнувшись с хорезмийским войском заявил о том, что он не хочет сражаться с Хорезмшахом, так как его отец запретил ему это, и он даже готов поделиться с хорезмийцами имуществом меркитов. В ответ на предложение Джочи Хорезмшах надменно заявил, что «Аллах Всевышний велит мне сражаться с тобой». [7, с. 190; 1, с. 53]

Однако, начавшаяся битва сложилась не в пользу хорезмийцев, они понесли очень большие потери и были бы разбиты полностью без проявленных Джалал ад-Дином – Манкбурны огромной личной храбрости и военного таланта, высоко оценённых самим сыном Чингиз-хана.

Это первое сражение Хорезмшаха с монголами имело очень печальные последствия для государства Хорезмшахов, так как после него «душой султана завладели страх и убеждения в их (монголов) храбрости. [1, с. 54]

Вероятно, именно страх привёл Ала ад-Дина Мухаммада к его огромной военностратегической ошибке, когда он, вместо победоносных сражений, раздробил и закрыл свою огромную армию в городах, позволив монголам уничтожить её по частям в бесперспективной обороне. Сам же Хорезмшах, бросив свои войска и страну, пустился в бег и попытался скрыться от монголов на окраинах своего огромного государства.

7 февраля 1220 г. монголы, после нескольких дней непрерывного штурма, используя катапульты и «живой щит» из многих тысяч пленённых жителей, захватили Бухару, которую защищали 30 тысяч воинов, и, перебив всех защитников, сожгли этот крупный научный и культурный центр мусульманского мира. После захвата Бухары монголы окружили Самарканд, который в последние годы своего правления Ала ад-Дин Мухаммад

сделал своей резиденцией и фактически новой столицей государства.

Город защищали 110 тысяч воинов, но монголы хитростью выманили защитников из города и заманив их в засаду перебили основную часть самаркандского гарнизона. Оставшиеся в Самарканде войны 17 марта 1220 г. открыли ворота и сдались, но монголы перебили весь оставшийся гарнизон и разграбили великий город.

Всего за 4 месяца монголы захватили и разграбили основные военнополитические, экономические и культурные центры государства Хорезмшахов, но Чингиз-хан считал победу не совсем полной пока на свободе оставался сам Хорезмшах. Для его пленения Чингиз-хан направил в погоню за ним 20 тысяч самых лучших монгольских всадников, возглавляемых знаменитыми военачальниками Джэбе и Субетеюем. После длительного преследования монголы настигли Ала ад-Дина на побережье Каспийского моря недалеко от Амуля.

Субетею и Джэбе не удалось выполнить приказ Чингиз-хана и захватить Хорезмшаха, он сумел на корабле, на глазах монголов, уплыть в море на один из островов на Каспии (Ашур-Ада).

Свидетель крушения государства Хорезмшахов известный автор ан-Насави писал, что послание в погоню Орда «прошла по земле вплоть до Дербента, а оттуда перебралась в страну кыпчаков». [1, с. 89] Загнанный на остров, Хорезмшах отменил назначение своим преемником своего младшего сына и передал всю полноту власти в уже погибшем государстве прибывшему на остров старшему сыну Джалал ад-Дину Манкбурны, назначив его перед своей смертью (в декабре 1220 года) «наследником престола». [1, с. 100] Этот последний правитель государства Хорезмшахов попытался вернуть былую власть его отца на Ближнем Востоке и Кавказе и в 20-х - начал 30-х годов XIII века сыграл значительную роль в исторических судьбах народов этих регионов.

Джалал ад-Дин, покинув остров, попытался собрать остатки хорезмийской армии для борьбы с монголами, но к концу 1220 года основная часть крупных городов и войск государства Хорезмшахов были уничтожены монголами. Несмотря на значительные успехи сражениях последнего Хорезмшаха с монгольскими отрядами, он понимал бесперспективность этой борьбы, которую после успехов Джалал ад-Дина возглавил сам Чингиз-хан с основными силами монголов.

Потерпев поражение в одном из ожесточённых трёхдневных сражений, Джалал ад-Дин вынужден был отступить в Индию, где после ряда побед над местными правителями добился их покорности и здесь чеканили монеты и читалась хутба от его имени. Однако значительная часть и миров из войска Хорезмшаха была сторонниками ухода войска из Индии в Ирак. Джалал ад-Дин поддержал их и направился с войсками в Ирак, активно вмешиваясь в дела этого региона и тесно связанного с ним Кавказа. Ему удалось привлечь на свою сторону большинство эмиров и ханов правителя Ирака, являвшегося братом Джалал ад-Дина, но отказавшегося подчиниться ему, что привело к их противоборству и переходу этих территорий в подчинение Хорезмшаха.

В 1224 году против Джалал ад-Дина со стороны Азербайджана вторглось 50-тысячное войско атабека Гийас ад-Дина, попытавшегося получить контроль над Ираком и захватить Хамадан. Джалал ад-Дин сумел ночью окружить войска атабека и принудил его сдаться, что сильно

укрепило его власть и влияние в регионе. В 1225 году Джалал ад-Дин захватил Азербайджан, ещё на границе которого ему передали послание жителей Мараги, просивших его освободить их от произвола важных господ и грузин, так как из-за слабости их владетеля - атабека Азербайджана Узбека, они нуждаются «в защите своей неприкосновенности и обороне своего владения». [1, с. 155]

В мае в 1225 года Джалал ад-Дин вступил в Марагу и обратился к соседним мусульманским правителям региона, сообщив им о своём завоевании Азербайджана и о желании похода на Грузию. Атабек Азербайджана Узбек, опасаясь Джалал ад-Дина, бежал в Ганджу, полностью устранившись от управления государством. В августе 1225 года Джалал ад-Дин выступил в поход против Грузии, одновременно шестидесятитысячное грузинское войско, собираясь наступать на Азербайджан сконцентрировалось у крупнейшего армянского города Двина и крепости Гарни. По мнению известного мусульманского историка этого времени ан-Насави, грузинские войска перед вторжением в Азербайджан «преследовали цель дать султану (Джалал ад-Дину – А.К.) почувствовать своё могущество и многочисленность». [1, с. 157]

Надо отметить, что в XI – начале XIII вв. Грузия являлась одним из наиболее значительных и влиятельных государств Кавказа, пытавшимся распространить свою власть на Ширван, нередко помогая его правителям в борьбе с Дербентским эмиратом. Правда, испанский араб Ибн ал-Азрак, находившийся на службе у грузинского царя Дмитрия, сообщает и о дружественных даже родственных отношениях правителя Грузии с эмиром Дербента. В 549 году хиджры (1154 г.) Ибн ал-Азрак вместе с царем Дмитрием посетил Дербент, эмир которого Абу-л-Музаффар, согласно данным Ибн ал-Азрака, был женат на дочери грузинского царя и с большим почётом и уважением встретил своего христианского родственника. [6, с. 140-141]

Понимая особую роль Грузии на Кавказе, которая не признавала своей вассальной зависимости от Хорезмшаха, Джалал ад-Дин подготовил поход против этого неподвластного государства региона, о чём известил его правителей. В ответном, весьма резком послании, грузины постарались показать новому владетелю Азербайджана, Аррана и Ширвана свою силу и полную независимость от него, напомнив, что государство было разгромлено монголами, а его отец бежал от них, «они захватили вашу страну». [4, с. 359] При этом, жилая уязвить Джалал ад-Дина, грузины подчеркнули: «Однако мы не предали им (монголам) значения, и самое большое, о чём они думали, так это уйти от нас восвояси». [2, с. 125] И, хотя это не соответствовало действительности, так как Сюбетей и Джэбе разбили грузинские войска, заманив их в засаду, психологический эффект грузинского послания возможно и был достигнут. Однако, это не помогло 60-тысячному грузинскому войску, которое потерпело жестокое поражение от Джалал ад-Дина, который сначала захватил Двин, а потом, в ожесточённом сражении у Гарни, разгромил грузинскую армию, потерявшую в этой битве 20 тысяч убитыми. [4, с. 359] Это поражение обернулось большой трагедией для населения Грузии, так как войска Хорезмшаха вторглись на её территорию, разграбляя и опустошая страну. Сам Джалал ад-Дин, получивший важнейшую информацию от перешедших на его сторону вассалов атабека Узбека, стал готовиться в поход на Тифлис, но задержался из-за клеветнического доноса о якобы готовившимся против Хорезмшаха сторонниками атабека Узбека заговоре. Это

заставило Джалал ад-Дина вернуться в Табриз, откуда, проведя расследование, он снова двинулся на Тифлис, захватив по пути целый ряд важных кавказских городов, таких как Ганджа, Шамхор, Байлакан и другие. Скрывавшийся в Гандже Атабек Узбек вынужден был бежать в крепость Алинджа-кала, находившуюся рядом с Нахичеваном, откуда вынужден был наблюдать за успехами Хорезмшаха, захватившего его владения.

Вскоре атабек Узбек скончался (1225 г.) брошенный своими вассалами, придворными и даже женой. Его смерть ознаменовала завершение эпохи атабеков Азербайджана и их власти на Кавказе, а их обширные владения, включавшие Азербайджан, Арран и Ширван, оказались под властью последнего Хорезмшаха - Джалал ад-Дина.

Смерть последнего правителя государства Азербайджана не изменила основных планов Хорезмшаха, который весь январь и февраль 1226 г. готовился к походу на Тифлис, не оставляя при этом идеи подчинить Грузию без военного противоборства. С этой целью Джалал ад-Дин предложил командующему войсками Грузии Аваку провести переговоры по этому вопросу, которые состоялись в крепости Бджни. Хорезмшах пояснил Аваку свою позицию и сказал: «Я не пришёл грабить Грузию, а пришёл с миром». [5, с.344] При этом Джалал ад-Дин предложил жениться на царице Грузии Русудане (1222–1245) и стать грузинским царём. «Мы вместе будем побеждать врагов наших (монголов – А.К.). Если же вы так не поступите, то ваше государство будет разгромлено». [5, с. 344]

Русудана отвергла предложение Хорезмшаха и боевые действия между войсками Джалал ад-Дина и грузинскими войсками, усиленными аланами, лакзами, кыпчаками начались. В завязавшихся сражениях успех сопутствовал Джалал ад-Дину и грузины были вынуждены отступать до Тифлиса. Русудана и её двор были вынуждены уехать в Кутаис.

Защитники Тифлиса, в котором находился большой грузинский гарнизон, долгое время смогли весьма успешно отбивать натиск штурмующих город войск Хорезмшаха, но ошибка одного, вышедшего за стены грузинского отряда, позволило хорезмийцам захватить Ганджинские ворота и ворваться в город. Тифлис было разорён и разграблен войнами Джалал ад-Дина 9 Марта 1226 г.

Захватив Восточную Грузию и разграбив многие её области, Хорезмшах вынужден был отвлечься от кавказских дел и направится в Керман, где против него восстал его наместник в Кермане – Хаджиб Барак.

В сентябре 1226 г. Джалал ад-Дин вернулся в Тифлис и продолжил своё покорение Кавказа. Он захватил важные города Ани и Карс и стратегические крепости Арзинджан и Кемах.

В январе 1227 г. до Джалал ад-Дина дошли известия, что монголы вновь вторглись на территорию Ближнего Востока и уже появились в окрестностях Рея. Отложив свои кавказские дела, Джалал ад-Дин решил остановить монголов и, направив на встречу им разведывательный отряд, выступил из Исфахана со своим войском и исфаханским ополчением. 5 сентября 1227 г. под Исфаханом произошла битва между войсками Хорезмшаха и монголами, которые были разгромлены хорезмийцами и исфаханским ополчением. Сын Чингиз-хана Толи-хан, пытался хоть как-то оправдать этот разгром монгольского войска, в послании Чингиз-хану писал, что «разбитые султаном монголы не из числа наших воинов». [1, с. 185; 4, с.376].

Эта блестящая победа над монголами сильно подняла авторитет Джалал ад-Дина среди правителей Ближнего Востока и Кавказа, и он вернулся в Азербайджан, куда пользуетесь отсутствием Хорезмшаха вторгся Хаджиб Али. Воспользовавшись ситуацией против Хорезмшаха восстали и бывшие мамлюки атабека Узбека, которые были разбиты и казнены.

Визир Джалал ад-Дина Шараф ал-Мулк, по приказу последнего, послал войска в Арран и Ширван, где попытались захватить в плен Ширваншаха, требуя от него положенную дань в 50000 динаров. Однако Ширваншах отступил в горы и послал визиру ответ, что дань он будет платить лично Джалал ад-Дину. Опасаясь захвата Ширвана войсками Хорезмшаха, Ширваншах решил сам отправиться с изъявлениями покорности к Джалал ад-Дину, справедливо решив, что это «будет для него делом почётным и станет защитой от превратностей судьбы» [3, с. 174].

Джалал ад-Дин принял Ширваншаха с почётом, несмотря на советы визира заточить его в темницу и отнять его владения. Одной из причин ласкового приёма Ширваншаха Джалал ад-Дином – было желание Хорезмшаха распространить свою власть и влияние на Дербент, но это было не в силах Ширваншаха. Пытаясь достигнуть этой цели, Хорезмшах вступил в переговоры с кыпчаками, изгнанными монголами с территории своих кочевий, и бежавшими от них Закавказье всем племенным объединением (до 50 тысяч шатров). Они предложили Хорезмшаху свои услуги и даже помощь в овладении Дербентом, но попытка эта не удалась.

В это время Джалал ад-Дин предпринял второй поход на Тифлис, вторгся в Грузию и расположил свои войска у Болниса. Для борьбы с Хорезмшахом, грузинская царица Русудана мобилизовала все подвластные ей народы Грузии, «открыла ворота Дарьяльские и впустила оттуда осетин, дурзуков и всех горцев. Собралось их множество, и всех она направила на битву с хорезмийцами» [5, с. 344].

В кровопролитном сражении Джалал ад-Дин нанёс поражение объединённому грузинскому войску, и «снова пришёл в Тифлис» [5, с. 344] и разграбил всё, что «ещё оставалось для разграбления» [1, с. 225].

Стремление Джалал ад-Дина воссоздать на Ближнем Востоке и Кавказе некое подобие, павшего под ударами монголов, государства Хорезмшахов, ранее владевшего этими территориями, являлась угрозой для существования целого ряда государств региона. Владетели относительно небольших государств Кавказа, Малой Азии, Ближнего Востока боялись в недалёком будущем потерять свою власть и независимость. Это привело к формированию широкой антихорезмийской коалиции владетелей этих государств и к неминуемому столкновению их с Джалал ад-Дином. 7 августа 1230 года такое столкновение произошло у горы Иассы Ча-

ман где 700 всадников Хорезмшаха разгромили трехтысячный авангард отборных конников его противников. Но Джалал ад-Дин допустил ошибку и, вопреки советам его военачальников ударить по растерявшемуся противнику немедленно, перенёс битву на 10 августа 1230 г., когда его войско потерпело поражение и Хорезмшах вынужден был отступить в Азербайджан. Враги Джалал ад-Дина, воспользовавшись его поражением, стали призывать монголов на помощь сообщая им о слабости Хорезмшаха. Ближневосточные и кавказские правители не отзывались на призыв Джалал ад-Дина объединиться против монгольской агрессии. Исмаилиты, опасаясь Джалал ад-Дина, писали послания монголам, в которых призывали их поскорее напасть на него, пока он не оправился от поражения. В начале 1231 г. монголы вторглись в Азербайджан, захватив наиболее богатые его территории. Не получив поддержки от других правителей Ближнего Востока и Кавказа, в 1231 г. последний Хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны погиб.

Новое вторжение монголов на ближний Восток и Кавказ показало неадекватность политики правителей многих государств этих регионов, народом которых пришлось пережить ужасы нового монгольского нашествия.

Результаты. Дальнейшие события показали, что несмотря на определённую экспансивность политики Джалал ад-Дина в двадцатые годы XIII в., он оказался единственной реально военной военно-административной и политической фигурой способной в этот период противостоять экспансии монголов на территорию Ближневосточного и Кавказского регионов. Это был талантливый полководец, храбрый воин и опытный военачальник, хорошо знавший военную тактику монголов и не раз одерживавший победу над ними в сражениях. Ядро его войск составляли опытные войны, покинувшие вместе с последним Хорезмшахом своё разгромленное государство, но сохранившие его боевые традиции, преданные лично Джалал ад-Дину и всегда готовые оплатить монголам за гибель родных и близких, за утрату своих домов и родной земли.

Надо отметить, что сам Джалал ад-Дин прекрасно понимал, что разграбленные, не редко враждующие между собой, государства Кавказа и Ближнего Востока в одиночку не в состоянии дать отпор прекрасно организованному и хорошо подготовленному войскам монголов. Это заставляло последнего Хорезмшаха прилагать все усилия для объединения кавказских и ближневосточных правителей для отпора вторжению монголов, но, как и во многих других территориях, подвергшиеся нашествию монголов, Джалал ад-Дину Манкбурны добиться объединения не удалось.

Литература

1. АнНасави Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер. с арабск. З. М. Буниятов. Баку, 1973. 476 с.
2. Буниятов З. М. Государство Атабеков Азербайджана. Баку: Элм, 1978. 272 с.
3. Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов Ануштегинидов. М.: Наука. 1986. 248 с.
4. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих. Т. 9. Каир, 1348 г.х.
5. Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси: Изд-во Артануджи, 2008. 456 с.
6. Кудрявцев А. А. Дербент – древнейший город России на перекрестке цивилизаций. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2021. 384 с.
7. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Ю.П. Верховского. Т. 2-3. М.Л.: Институт востоковедения АН СССР, 1960. 590 с.

References

1. AnNasavi Muxammad. The biography of Sultan Jalal al-Din Mankburna. Translated by ZM Bunyatov. Baku; 1973. 476 p. (In Russ.).
2. Bunyatov ZM. The state of the Atabeks of Azerbaijan. Baku: E'Im; 1978. 272 p. (In Russ.).
3. Bunyatov ZM. The State of the Khorezmshahs of the Anushteginid. Moscow: Nauka; 1986. 248 p. (In Russ.).
4. Ibn alAsir. AlKamil fittarikh. Kair; 1348 g.x. Vol. 9. (In Russ.).
5. Kartlis Czovreba. Kartlis Tskhovreba. The history of Georgia. Tbilisi: Artanudzhi; 2008. (In Russ.).

6. Kudryavcev AA. Derbent is the oldest city In Russia at the crossroads of civilizations. Maxachkala: Dagestan publishing house; 2021. 384 p. (In Russ.).
7. Rashid ad-Din. A collection of chronicles. Ttranslated by YuP Verxovskogo. Moscow Leningrad: Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences; 1960. Vol. 2-3. 590 p. (In Russ.).



Научная статья

УДК 94 (415)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.8>

ИРЛАНДСКИЕ «РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ РОЗОВОЙ ВОДЫ»: СУИЦИД 1848 ГОДА

Александр Викторович Мирошников

Воронежский государственный университет (д. 1, Университетская площадь, Воронеж, 394018, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

av_miroshnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7036-4703>

Аннотация. Введение. Проблема национализма, национальных движений, их содержания и методов реализации целей относится не только к анализу исторического прошлого, но и носит яркий злободневный характер. В этом смысле пример Ирландии можно считать классическим, ибо, начиная с конца XVIII в. и до 1923 г. там была представлена полная палитра идей, механизмов и различных направлений в национализме. Точно так же, британская колониальная политика избрала Ирландию в качестве полигона для применения различных способов тотального угнетения. В XIX в. спектр ирландского национального движения включил в себя практически все возможные атрибуты борьбы за независимость. Одним из ферментов этого стала политизация общества, активная деятельность лидеров национализма. В отечественной литературе проблематика ирландского национального движения не получила до сих пор полного анализа. **Материалы и методы.** Принцип объективности и сравнительно-исторический методы применялись при анализе оригинальных документов, включавших в себя прессу, официальные материалы, мемуары. Использовались методы политологической направленности. Важным методом, позволившим осветить социальную психологию лидеров и масс, стал просопографический. **Анализ.** Рассмотрение закономерностей и алогичности развития событий, как

в целом в ирландском обществе, так и внутри ирландских националистов даёт возможность понять критическое несовпадение взглядов и стремлений лидеров умеренного и радикального направлений среди задач ирландского национализма. **Результаты.** Вынужденное участие вождей умеренного крыла в восстании было проявлением обстоятельств, но не убеждённости в достижении цели. Налицо явный разрыв между лидерами восстания и массами, обнаживший отсутствие прочной связи между ними. Немаловажное значение имело и абсолютно разное прочтение понятия «независимость», от самоуправления до республики.

Ключевые слова: Ирландия, национализм, О'Коннелл, рипил, восстание 1848 года, «революционеры розовой воды», «революционеры купороса», Митчел, Смит О'Брайен, суицид

Для цитирования: Мирошников А. В. Ирландские «революционеры розовой воды»: суицид 1848 года // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 479–486. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 28.08.2024.

Research article

IRISH "ROSE WATER REVOLUTIONARIES": SUICIDE OF 1848

Alexander V. Miroshnikov

Voronezh State University (1, University Square, Voronezh, 394018, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

av_miroshnikov@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-7036-4703>

Abstract. Introduction. The problem of nationalism, national movements, their content and methods of achieving goals relates not only to the analysis of the historical past, but also has a vivid topical nature. In this sense, the example of Ireland can be considered classic, because, from the end of the 18th century until 1923, it displayed a full palette of ideas, mechanisms and various directions in nationalism. Likewise, British colonial policy chose Ireland as a testing ground for various methods of total oppression. In the 19th century, the spectrum of the Irish National movement presented virtually all possible attributes of the struggle for independence. One of the aspects was the politicization of society and the active activity of Nationalist leaders. In Russian literature, the problems of the Irish National movement have not yet received a complete analysis. **Materials and Methods.** The principle of objectivity and comparative historical methods were used in the analysis of original documents, which included the press, official materials, and memoirs. Methods of a political science orientation were used. A prosopographic method made it possible to illuminate the social psychology of leaders and the masses. **Analysis.** Consideration of the patterns and illogical developments of events, both in Irish society as a whole and

within the Irish Nationalists, makes it possible to understand the critical discrepancy in the views and aspirations of the leaders of moderate and radical trends in the spectrum of Irish Nationalism.

Results. The forced participation of the leaders of the moderate wing in the uprising was a manifestation of circumstances, but not of conviction in achieving the goal. There is a clear gap between the leaders of the uprising and the masses, revealing the lack of a strong connection between them. Of no small importance was a completely different interpretation of the concept of «independence» from self-government to a republic.

Keywords: Ireland, nationalism, O'Connell, repeal, rebellion of 1848, rose water revolutionaries, vitriol revolutionaries, Mitchel, Smith O'Brien, suicide

For citation: Miroshnikov AV. Irish "rose water revolutionaries": suicide of 1848. Humanities and law research. 2024;11(3):479-486. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 28.08.2024.

Введение. Ирландское национальное движение во второй половине 1840-х годов отличалось массовостью,

включало в себя практически все слои городского населения, но уже разделилось на различные направления.

Период лидирующего господства сторонников разрыва Унии с Англией, рипилеров, вождём которых был Дэниел О'Коннелл, склонялось к закату. Альтернативное, представленное «Молодой Ирландией», адептов культурного национализма, требовавших более активных действий в достижении рипила, набирало силу и контрастировало коннеллитам. В конечном итоге, младоирландцы преобразовали своё общество в Ирландскую Конфедерацию. Однако внутри конфедератов уже пробивало себе дорогу направление сторонников революционных методов достижения полной независимости Ирландии, установления республики. Конфликт внутри Конфедерации по вопросу о методах достижения цели, как и относительно самой цели погасить не удалось, и лидер революционеров Джон Митчел со своими единомышленниками предпочёл покинуть новоиспечённую организацию.

Митчел презрительно назвал адептов «моральной силы» «революционерами розовой воды». Современники в ответ дали определение его коллегам «революционеры купороса» [13, p. 118].

Материалы и методы. Для реализации поставленной цели широко использовалась документальная база, практически впервые введенная в научный оборот в отечественной литературе. К ней относятся официальные документы Великобритании, материалы Ирландской Конфедерации, националистическая и британская пресса, мемуары и интервью лидеров национального движения. Использовались различные методы исследования. Кроме сравнительного метода, применялись методы политологической направленности. Для выяснения социальной психологии лидеров и масс был использован метод просопографии.

Анализ. Неоспоримая приверженность Митчела к проведению вооружённого восстания силами широких народных масс подтверждалась публикациями в его газете «Юнайтед Айришмэн». «Легальная и конституционная агитация – одно заблуждение. Всякий человек обязан иметь оружие и научиться владеть им» [18, Feb. 12]. Призывы к революции звучали в каждом номере издания, как и далее будут подхвачены последователем запрещённой газеты, еженедельником «Айриш Трибьюн» [18, March 4, 25, Apr. 8, 16 June 10, 24; 15, June 10, 24]. Левые ни разу не подвергли ревизии свои установки в этом пункте.

Не успели затихнуть споры внутри Конфедерации, как во Франции началась Февральская революция, что стимулировало ренессанс революционной тенденции в Ирландии. «Таймс» сообщал о митингах в марте в Уэксфорде, Лизтоуэлле, в Мите, Уотерфорде, Лимерике, в других частях страны, проходивших под девизом: «Франция свободна – это пример миру» [17, March 8].

Февральская революция разладила складки вражды в лагере конфедератов [9, p. 161]. «Что хочет народ?», спрашивал сторонник рипила Чарлз Даффи и указывал: «Ирландский парламент и родной Тайный Совет, ирландский флаг, национальную гвардию, социальную безопасность и защиту, контроль над всеми организациями, налогами и общественные институты в их родной стране; правление и суверенность ирландской земли». Правые конфедераты стали допускать поворот к возможному насилию, «хотя мы не хотим вооружённой борьбы», но раз нет «иного пути», то они принимают её [3, p. 192].

Митчел вновь появился на митингах Конфедерации, на них беспрепятственно принимались резолюции,

предлагавшие вооружать уже существовавшие клубы конфедератов [4, March 10, 11].

Тем временем в Париже массы «У зловонного алтаря Смерти, как фурии, ласкающие Молодую Надежду Свободы, окрестили её кровью» [13, p. 112]. В Ирландии идеи и дух европейских революций пьянили народ – все повернулось прочь от «моральной агитации» [9, p. 164].

Фактический глава Конфедерации Уильям Смит О'Брайен, коммонер Вестминстера, не исключая возможности революции, готов был принять её мирной, по его разумению, и в пределах конституции. На митинге Конфедерации в марте было продемонстрировано сотрудничество лидеров двух направлений. Смит О'Брайен предрекал скорый приход свободы [16, March 11].

«Кроме младоирландцев, разделённых на два лагеря, один под руководством О'Брайена, другой, Митчела, была и другая группа, сторонников рипила, коннеллитов. Они были враждебны, как к первым, так и ко вторым. Во время банкета в Лимерике, в честь Митчела, О'Брайена и Мара в марте 1848 года, толпа коннеллитов, окружив здание, напала на собравшихся. «Произошла возмутительная и кровопролитная сцена» [13, p. 118–119].

Но компромиссы в Конфедерации представляются нам иллюзией. Их не признавал Митчел. По свидетельству А. Салливэна, один из помощников Митчела говорил о Смите О'Брайене и его тактике: «Дураки, идиоты, они подождут, пока мушкеты посыплются к ним с неба, и ангелы посланы, чтобы взвести им курки» [13, p. 118]. Смит О'Брайен твёрдо верил в то, что ирландское восстание может быть проведено крестьянами под руководством лендлордов-патриотов.

О'Брайен выступил против «Красных», так тогда называли наиболее решительных националистов. Спустя годы, вспоминал А. Салливэн, он упомянул с горечью те упрёки, что слышал, за якобы «щепетильность» и чрезмерную тревогу по поводу антисоциального поведения инсургентов. «Я был готов отдать свою жизнь в честной борьбе за права нации... но я не хотел возглавлять Жакерию» [13, p. 118, 122].

Суть противоречий между правыми «аристократами» и левыми «красными» была высказана в письме Даффи Смиу О'Брайену: «...Вы будете главой движения, ... и революция будет проводиться с порядком и снисходительностью, иначе простые анархисты проиграют вместе с народом, и наша революция будет кровавым хаосом» [13, p. 118].

Конфликт между националистами и Англией усиливался. Митинги, требовавшие немедленного восстания, проходили всюду по стране. В течение марта требование «Пики! Пики!» и пожелания изгнать главу ирландской администрации из Дублина, по примеру свергнутых европейских монархов, были уже повсеместными. В начале апреля новые части английских войск прибыли в столицу Ирландии. Улицы «роются красными пальто, разнообразятся синими мундирами артиллеристов и лёгкой кавалерии» [17, March 13, 18, 20, 21, 22, 27, Apr. 6.]. 10000 пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов и других солдат прибыло в Дублин. [9, p. 161 – 162].

Придя к внешне общему согласию, подлинного единства конфедераты не достигли. Митчел твёрдо верил в удачу восстания, хотя, по мнению Даффи, не был к нему готов. Лозунг «республика» был для многих только словом [3, p. 197–198].

В программных установках Митчела находились довольно рациональные суждения. В комплексе они име-

ли достаточно реальный вид, увы, это в меньшей степени относится к тактической части его плана.

В своей газете Митчел убеждал соратников, что причиной гибели многих освободительных движений была секретность подготовки восстания, приведшая к неготовности масс в момент выступления [18, Apr. 22]. Только открытость – и планов, и сроков восстания, утверждал Митчел, гарантируют победу. Митчелу не удалось преодолеть собственного одинакового прочтения разных по сути понятий «заговор» и «конспирация». Чувствуя вред заговоров, Митчел бросился в другую крайность. Борьба с «губительной секретностью» в наибольшей мере двигала Митчелом.

18 апреля Вестминстер принял для Ирландии очередной Акт об измене, и события не заставили себя долго ждать. Днями ранее при повторном чтении данного билля У. Смит О'Брайен предостерег коммонеров, что в случае отказа правительства предоставить Ирландии законодательную самостоятельность в течение этого года, в стране возможен республиканский переворот [5, Col. 73-80, 82, 102]. После таких слов лидера умеренных конфедератов парламент не верил никому из ирландских националистов.

У Митчела сложилось твёрдое мнение об абсолютной идентичности тактики О'Коннелла и О'Брайена. Дело не в том, насколько разнились замыслы староирландцев или правых конфедератов в деталях, существеннее то, что обе организации были враждебны революции.

12 мая Митчел попал под действие принятого закона, был арестован и заключён в Ньюгейтскую тюрьму Дублина [11, p. 185].

Была запрещена деятельность всех клубов Конфедерации. В последнем номере тут же закрытый «Юнайтед Айришмэн» писал: «Весь народ Ирландии знает, что Джон Митчел – узник в руках смертельных врагов Ирландии... Он хотел реального мира и доброй воли среди ирландцев, и он знает, что мы все знаем, что никогда не может быть мира и доброй воли в Ирландии до тех пор, пока принципы социальной и национальной справедливости, которые он предполагает утвердить народу Ирландии, не будут установлены. И поэтому, он действительно настоящий ирландский преступник» [18, May 27].

Потеря лидера имела огромное негативное значение для левого крыла Конфедерации, члены которого, однако, несмотря на это, твёрдо продолжали готовиться к восстанию. Центром выступления должен был стать Дублин [18, May 20]. Требования начинать восстание быстро исходили из разных сторон. [18, May 27].

Важное событие, каким стал арест Митчела, не было понято левыми, даже не привело к изменению тактики. Её косность наряду с усиленными желаниями Смита О'Брайена не допустить волнений, наличие разногласий в Конфедерации не способствовали успеху.

27 мая стало кульминацией весенних месяцев. Митчел писал «28-е. – Воскресное утро... Обнаружил вчерашний номер «Юнайтед Айришмэн» в моей камере. Шестнадцатый и последний номер «Правительство» усвоило сильнодействующую политику» [8, p. 8]. Закрытие газеты стало ещё одним ударом для левых, но наибольшим по мощи, обрушившийся тогда же на них, был скоротечный суд над Митчелом. На суде он выступил с речью, содержание которой выявило его полную уверенность в собственной правоте и вызвало широкую поддержку у публики.

«Все, что я делал, я делал из сознания моего долга. Я не отрекаюсь ни от чего. Могу ли я обещать,

что за мной будут один, два, три последователя? ... «Обещая за меня, и за меня, и за меня, Митчел!» раздалось вокруг...» Такова была реакция зала. Народ бросился к подсудимому, стража пребывала в ужасе, думая, что началось восстание. Но ничего не произошло. Нам остаётся лишь повторить за А. Салливаном: «В этот момент, можно сказать, было подавлено ирландское восстание 1848 года» [13, p. 121].

Ирландия не вступила на путь открытой борьбы, но и не отказалась от неё. По настоянию активистов в Конфедерации ставился вопрос о закупке оружия и проведении диверсии в Англии. «Я противился плану...» писал О'Брайен. [3, p. 218].

Правое крыло Конфедерации было против кровопролития, хотя Смит О'Брайен и Даффи, и Мар были уже втянуты в водоворот стихийной психологии восстания. Эти люди предпринимали попытки заморозить выступление. Позже, когда все будет позади, Смит О'Брайен писал для «Таймз»: «Я хотел лишь полного удовлетворения при помощи древней конституции Ирландии, правительства Лордов, Общин и Суверена Ирландии» [17, Aug. 2].

Все было настолько неясно в стране, столь противоречивыми были позиции националистов, так стремились городские массы к восстанию, что взрыв мог произойти сам по себе от незначительного события. Смит О'Брайен, ставший единственным главой Конфедерации, вынужденно принял руководство и над левыми, а их идеологи продолжали оказывать мощное влияние на низы. О'Брайен, будучи организатором и лидером Конфедерации, никогда не стал бы во главе масс в открытой битве за свободу. Однако оценивая итоги года, «Энньюэл Реджистер» констатировал существовавшую серьёзную опасность всеобщего вооружённого восстания [14, pp. 95ff].

Тогда Британии было уже безразлично, каких убеждений придерживается Смит О'Брайен, а высокая степень его оппозиции «физической силе» перестала влиять на политику Вестминстера, в конце концов, лидер Конфедерации возглавлял антианглийские силы.

В начале двадцатых чисел июня парламент Великобритании приостановил действие Habeas Corpus акта в Ирландии [17, July 24].

Был издан указ об аресте 118 лидеров Конфедерации, а полиция получила ордера на арест редакторов газет Мартина, Даффи, Уильямса и О'Дохерти. «Накопец, время наступило», записал Митчел [9, p. 196].

М. Дохени вспоминал, что народ готов был поддержать Смита О'Брайена и ждали от него команды [2, p. 95–97]. Настоятельность решительных действий с его стороны была очевидна, ибо для властей не было столь важно, кто из националистов во что верил и как думал все они были врагами Англии. Вскоре закрыли газету «Айриш Трибьюн» [3, p. 223ff].

Выйдя на свободу после недельного заключения, Мар и Дохени провели митинг в Слайвевэнмоне. На нем присутствовало пять тысяч человек, которые восторженно оглашали призывы к восстанию. В последующие дни такие митинги и демонстрации прошли в Мите 10 тыс. человек, в Лимерике 3 тысячи. Везде слышались требования вооружённой борьбы. И Мартин, и Даффи в письмах присоединились к этой программе. 17 июля Совет Конфедерации заслушал отчёт О'Брайена о поездке на юг с целью выявления возможностей для выступления. Оратор не был убеждён, что восстание, как способ сопротивлению аресту руководителей Конфедерации, было наилучшим выходом. Поэтому он предложил провести дискуссию по этому вопросу [7, p. 173ff].

Смит О'Брайен и Диллон склонялись к тому, чтобы спрятать оружие и предлагали пассивное сопротивление.

Был созван Высший Совет для выработки дальнейших планов. Принято во внимание предложение Даффи о включении в Совет хотя бы одного священника. Присутствие священников среди официальных руководителей восстания позволяло бы надеяться, что крестьяне не будут поголовно поддаваться контрреволюционной пропаганде своих пастырей. Католическое руководство, не приветствовало революционные настроения. Поддержка младоирландцев со стороны клира мимолётно проявилась в момент ареста Митчела. Церковные авторитеты склонялись к ирландизму, покидая беспрекословную преданность Риму. Но стоило обстановке накалиться, сразу же церковь «... нашла себя на стороне врагов. Они более надеялись на свою церковь в союзе с монархической и аристократической Англией, чем на Ирландию революционизированную и республиканскую; ... она, безусловно, хорошо выполнила роль врагов» [9, р. 197–198].

В те дни большинство лидеров Конфедерации находилось в провинции, и известие об отмене акта повергло их в тревогу. Особых вариантов выхода из положения не наблюдалось, кроме двух – отойти от всех планов и отдалиться в руки судьбы или эмигрировать, либо же начинать восстание. Лидеры движения согласились с аргументами Диллона, что подчинение аресту фактически будет означать признание собственной вины; бегство или сокрытие себя от властей не подходило, поскольку наносило ущерб их чести и достоинству. Поэтому оставался один выход – восстание и проводить его нужно в Килкенни, где необходимо призвать народ к оружию, там же провозгласить независимость страны. Получив известие об этом решении, Даффи согласился с ним. [3, р. 230].

По своей воле никто из лидеров Конфедерации сдаваться властям был не намерен. В действие вступал второй вариант их поведения.

Силы конфедератов были разрозненны, оружия не хватало, не было реальных планов выступления, члены клубов не обладали достаточным опытом военных действий, сроки начала искусственно сдвигались; войска Британии находились в полной боеготовности. Важнейшими для лидеров конфедератов были проблемы индивидуальной чести. Аргумент безоговорочно заслуживает уважения, но разве их проявлявшаяся до сих пор нерешительность и фактическое игнорирование желаний массы рядовых националистов не было той же опасностью утратить свою честь? Определив «на ощупь» будущие центры революции, не являлось ли это симптомом лихорадки, охватившей загнанных в угол столпов Конфедерации, которые, как мы знаем, только приступили к сбору сведений о том, где, кто и как готов к восстанию?

Кем были те люди, что охотно шли в клубы Конфедерации. Они не были профессиональными военными. Вечно быть в боеготовности они не могли, ибо нуждались в работе, что кормила бы их. В принципе, горожане были готовы к восстанию в любое время года, в отличие от крестьян, зависящих от сезонных работ. Активность и брожение ремесленников вселяли веру в их настрой и силы. Но они не имели верного руководства, которое в те дни располагалось в провинции.

Насколько невыгодными, абсолюто по всем показателям, сложились условия, предвещавшие восстание, что только фанатичное упрямство и вера в свою пра-

воту могли выпрямить линию в пользу Конфедерации. Но мы уже отмечали, что некому было совершить это сверхнапряжённое усилие. О'Брайен во время встречи с Маром и Диллоном согласился на восстание, хотя и не верил в успех. К нему его вынуждала его собственная честь и честь Ирландии [3, р. 231].

Небольшие группы, которые возглавили О'Брайен и Мар, 24 июля прибыли в городок Кэллэн. Они маршем прошли до Маркит-хауза и натолкнулись на отряд гусар. Оба лидера конфедератов обратились к гусарам с речами, в которых словами, полными благородства, заявили, что не желают наносить войскам вреда и их оружие конфедератам не нужно. Более того, конфедераты троекратно «ура» приветствовали отряды своего непосредственного противника. Митчел саркастически писал, что если бы О'Брайен и Мар забрали бы всё же лошадей и оружие гусар, то те возлюбили бы их ещё больше [9, р. 198]. Нелепое братание станет более понятным, но отнюдь не предназначенным для прощения, если мы отметим, что ещё по пути О'Брайен скорее заботился о том, как бы ненароком не нарушить закон, чем размышлял о тактике борьбы. Он, например, запрещал своим людям рубить деревья без согласия хозяев при строительстве баррикад. Так на деле проявлялась его мысль о «революции в рамках конституции».

Инициатива в то время в значительной мере была сосредоточена в руках Диллона и Мара, хотя оба подчинялись О'Брайену. После нескольких встреч руководителей стали более или менее вырисовываться конкретные планы конфедератов, но выяснить комплексную генеральную линию чрезвычайно сложно – она была настолько завуалирована и непоследовательна, что легче предположить отсутствие таковой.

Демонстрации и бесконечные походы конфедератов означали, во-первых, их конфронтацию, пусть и не всегда очевидную, с властями, с католической церковью, которая все негативнее относилась к «мятежу», с местной администрацией, с другой, – выявляли, что Смит О'Брайен, равно как и его коллеги, не знал, что конкретно нужно предпринимать. Движение ради движения – таково содержание тех походов. Митчел писал, что дальнейшая неудача «...я не скажу революции, но даже восстания...» зависела от многих причин [9, р. 198].

Было решено предложить ночью начать наступление на Кэррик. [3, р. 232–233]. Там их ожидал настоящий спектакль. Даффи цитировал Мара: «Поток человеческих существ, увлекающий через переулки и близлежащие улицы, круговоротом в головокружительных вихрях и подбрасывающих вверх их тёмные волосы со звуком гнева, мести и неповиновения... глаза красные от гнева и безрассудства... дикие, полузадушенные, страстные, неистовые молитвы надежды, проклятия под красным флагом; презрительное, ликующее пренебрежение смерти. Это была революция, если мы принимаем её». Даффи, подтверждая эту картину, говорил, что в Кэррике «Старая» и «Молодая Ирландия» объединились. Тон там задавали «торговые и промышленные классы» и фермеры из предместий... К сожалению, все их вооружение сводилось лишь к пикам, а на всех приходилось не более 300 винтовок и ружей [3, р. 232–233].

Силы прибывали, восторг населения был повсеместный несмотря на то, что вновь прибывшие ничего не смыслили в военном деле. Профессиональная военная непригодность была серьёзным минусом, но страшнее была нестабильность этого добровольческого контингента. Часть людей не хотела покидать родные места,

другие, попав под влияние церкви, проклиная инсургентов, вскоре выходили из отрядов. На сцене появилось католическое духовенство. Они бросались в толпы, умоляя и призывая людей воздерживаться от такого предпрятия, указывая на подготовленность. «Где ваше оружие? «Они сказали: — оружия не было». Где ваш комиссариат?» толпа была совершенно без еды. Где ваша артиллерия, ваша кавалерия? Где ваши лидеры, ваши генералы, ваши офицеры? Каков ваш план кампании? Господа О'Брайен и Диллон благородные люди; но они не люди военного качества. Не торопитесь ли вы к верной гибели?» [13, p. 123].

Наслушавшись таких речей, народ расходился по домам. Большинство этих вопросов были правомерны, и возразить было нечего. Позднее участник событий и фений Дж. Стивенз замечал, что священники сыграли важную роль и убедили крестьян не следовать за конфедератами [12, March 4].

Посещая в качестве инспектора Манстер, Мар планировал с местными руководителями восстание на сентябрь-октябрь. Резкая переориентировка его на июль стала для них неожиданной. Но и медлить становилось день ото дня опаснее. Рядом с главными отрядами Конфедерации курсировал британский Третий «Темно-жёлтый» полк, прикрывавший дороги на многих направлениях. От Кэррика, который манил конфедератов, до полка было не более трёх миль. Силы правительства состояли из трёх подразделений пехоты и двух взводов драгун — 12 сотен человек, снаряжённых двумя гаубицами и двумя полевыми орудиями [17, July 28, 29]. Одной этой силы, а ведь была ещё вооружённая полиция, хватило бы на подавление и более мощного выступления националистов.

Перенесение активности в провинцию привело к тому, что в Дублине вся работа конфедератов была пущена на самотёк. Но О'Брайен был все ещё уверен и готов был начать, желая идти на Кэшел.

Мы уже говорили об удивительной законопослушности лидера Конфедерации. Чувство удивления и недоумения царило и среди простых участников движения, особенно проявляясь в массе примкнувших крестьян. Для ирландского арендатора или безземельного крестьянина символами английского господства были землевладелец, сборщик налогов и шериф. Именно борьба с ними, а теперь и с английскими войсками значила для низов революцию, а не сражение с далёким Дублинским замком. Тактика Смита О'Брайена оставалась непонятной. Сам характер провинциального выступления конфедератов требовал от них начала борьбы с местной элитой, но её не наступало.

Счастливо избежав ареста в гостинице «Роуз-Инн», О'Брайен направился в Маллинэхон. С ним были отряды в 6 тыс. человек. Пульсирующее продвижение по окрестностям делало невозможным определение сути восстания.

«Вокруг О'Брайена находились усадьбы знати и джентльменов, которые открыто признавали себя проанглийскими и были настроены против его людей и публично называли его мятежником..., и он с оружием в руках и силой, бывшей вокруг него, не придавал открытым врагов, даже не провёл сбор с них в пользу своих людей. Это делалось, бесспорно, по чистым и добросовестным мотивам, но было более чище и добросовестнее погрузить руки людей глубоко в британскую кровь и позвать нацию к оружию блеском пламенеющих замков искореняемых лендлордов Типперэри» [9, p. 199].

Игра в благородство не закончилась одной встречей с гусарами. В местечке Килленол отряды конфедератов стали готовиться к отдыху. Внезапно было доложено о приближении отряда драгун. К этому времени на единственной дороге, проходившей там, инсургенты успели сложить баррикаду. Командование на себя взял Диллон. Он получил категорический приказ О'Брайена — если командир драгун не имеет полномочий ареста руководителей конфедератов, то отряд следовало пропустить. Для переговоров к баррикаде подъехал капитан драгун Лонгмор. Диллон настойчиво уговаривал Лонгмора дать честное слово в отсутствии у него ордера на арест. Нетрудно представить себе чувства королевского офицера, от которого мятежники требовали слово чести и ставили свои условия. Лонгмор, не вступая в дискуссии, упорно требовал освободить дорогу. И вот тогда молодой конфедерат Джеймс Стивенз, будущий лидер фениев, подняв ружьё, направил его на офицера и опустил палец на спусковой крючок «...Один момент и Ирландия была бы в восстании», — писал Митчел [9, p. 199]. Диллон приказал опустить ружьё, и королевские драгуны проехали свободно [3, p. 239].

Этот эпизод заставил подивиться теперь уже крестьян, ломавших голову над вопросом, почему О'Брайен никак не начинает военные действия, почему Конфедерация, щедро обещавшая землю и свободу, не делает ничего, чтобы выполнить их. Уверенность жителей тех районов, по которым курсировал О'Брайен и его свита, в начале конкретных действий быстро улетучивалась. К концу месяца конфедераты прибыли к местечку Баллинггарри. 28 июля был созван Совет. Бесплодные дискуссии показали, что у конфедератов так и не появилось никаких планов.

Пожалуй, не сам факт начала движения привлекает внимание. Оно началось в результате настойчивых уговоров со стороны местных лидеров отделов Конфедерации. Тревожнее не то, что руководителей пришлось уговаривать, а пассивность крестьян. Они вяло поддавались уговорам вооружаться и готовиться к борьбе. Это был важный симптом разочарованности, разъедавшей массы, показатель утраты иллюзий по поводу победы.

Скоро к Баллинггарри подошли отряды полиции во главе с инспектором Трентом. Они должны были пресечь все продвижения конфедератов. Миссия Трента становилась своеобразным ударом милосердия, прекращавшим тактические муки Смита О'Брайена. Лидер Ирландской Конфедерации попытался противостоять полиции. Президент дублинских клубов конфедератов Джон Кэвэна получил известие, что под началом у О'Брайена находится 20 тысяч человек. Тотчас же Кэвэна устремился в Баллинггарри. Позже из НьюЙорка он писал Даффи, что встретил тогда О'Брайена в отличном расположении духа, хотя его отряды были окружены войсками и полицией [3, p. 245].

Столкновение в Баллинггарри явилось центральным событием восстания 1848 г. с фатальным характером происшедшего фарса. Группа полицейских скрылась в доме вдовы МакКормэк и стала отстреливаться. Все попытки конфедератов взять штурмом дом окончились неудачей. По другому плану группа из 20 человек должна была поджечь дом. Глава прихода в Баллинггарри отец Фицджералд узнал, что в доме вместе с полицейскими находилось пятеро детей вдовы в возрасте от 10 лет и младше. Пока МакКормэк нападала на конфедератов, проклиная их и называя убийцами, О'Брайен убеждал

полицейских сдать и отдать оружие восставшим. Толпа сторонников мятежников начала забрасывать дом камнями. Полиция стала отстреливаться, убив при этом одного из нападавших; в ответ на это восставшие открыли огонь. Бестолковая схватка была выиграна конфедератами, но вскоре подошедшая из Тёрлеса полиция массированным огнём рассеяла революционеров.

Все потуги Конфедерации на восстание закончились этим эпизодом, который пресса закономерно окрестила «восстанием в капустном огороде вдовы МакКормэк» [6, July 29. 17, Aug. 2. 14, p. 95].

Внешняя ущербность вооружённого выступления, даже трагикомизм ситуации и насмешки общественного мнения не перечеркнули гипертрофированного испуга Британии. «Таймс» писал о восстании как о «коммунистическом» [17, Aug. 2].

«Это была развязка восстания, бедная, слабая неудачная попытка; толпа дезорганизованного крестьянства в промёрзших пальто, подавленных горстью дисциплинированных крестьян в зелёных сюртуках» (т.е. войсками А.М.) [3, p. 247].

Митчел дал трезвую оценку событий: «Англичане должны быть благодарны О'Брайену за его крайний педантизм относительно отказа перестрелки, то есть его первого удара, и за его нежное отношение к человеческой жизни...Если бы он однажды поднял зелёный флаг..., провозгласил бы права арендатора, разоружил бы все соседние полицейские участки и сам бы низвергнул гарнизоны города, весь Манстер, Ленстер, Коннот и половина Ольстера были бы в состоянии восстания в течение недели» [9, p. 201].

Ирландские повстанцы оказались изолированными территориально, социально и политически. [3, p. 249-250].

После сражения у дома МакКормэк, по пути домой 5 августа на станции в Тёрлесе был схвачен Смит О'Брайен. Руководителей Конфедерации поместили в Ньюгейтской тюрьме [1]. «Энньюэл Реджистер» за 1848 г. посвятил целиком IV главу событиям в Ирландии [14, p. 94-122].

Правительство решило создать твёрдые гарантии не повторения вооружённых выступлений в Ирландии. В стране появились политические заключённые, арестованные по закону о приостановке Хабеас Корпус акта. Начали работать Специальные комиссии по расследованию восстания конфедератов [14, p. 331-364, 451].

По ним проходило 98 человек, а всего к началу 1849 г. под стражу было взято 118 инсургентов [3, p. 273].

В начале августа конфедератам было предъявлено обвинение, причём им возможно было инкриминировать уголовное преступление, каравшееся длительными сроками, вплоть до пожизненного или государственную измену, что означало вынесение смертного приговора. Эти судебные расследования оценивались как центральные события года [14, pp. 373, 385 – 389]. Обвинение Смиу О'Брайену на заседании в Клонмеле в сентябре 1848 г. строилось на поведении его в провинции, когда он был «соблазнён дьяволом», создал «союз ради диверсий в Баллинггарри против королевы, желая её смерти». Судья Блэкбёрн заявил: «...Вы, Уильям Смит О'Брайен, ... будете повешены за шею до наступления смерти, затем Ваша голова будет отделена от тела и оно будет четвертовано. По мнению Её Величества, этого достаточно» [9, p. 205].

Серьёзность обвинений требовала смертной казни. Фактически всё на суде шло к инкриминированию конфедератам разжигания гражданской войны [10].

Но в речи главного поверенного был обнаружен поворот к отделению О'Брайена от других инсургентов. «Я верю, что О'Брайен не был расположен к таким шагам. Его честь, позиция, его чувства, его образование все было против этого, но он побуждался плохими советчиками. Я сожалею...» [3, p. 252 – 261, 273].

Попытки смягчить приговор не удались. 21 ноября 1848 г. Митчел записал: «...Все четверо - О'Брайен, МакМэнас, Мар и О'Даноху - приговорены к смерти. Но просвещённый Дух Века... жалеет их жизни и их только перемещают. Я видел часть речи Батта в защиту Мара - плохо. Также несколько слов сказано бедным Маром после осуждения; смелые и благородные слова» [8, p. 74]. Всех руководителей восстания, кроме Даффи, приговорили к смерти. Но защита пригласила на суд генерал-майора Чарлза Нейпира и премьер-министра Джона Расселла. Выяснилось, что в период Первой Парламентской реформы Расселл и его сторонники планировали вести на Лондон повстанцев, чтобы повлиять на принятие закона о реформе. Защитники О'Брайена строили логику доказательств на аналогии событий 1832 и 1848 гг. Правомерность использования прецедента видна из письма частного секретаря лорда Мелбурна Томаса Юнга генералу Нейпиру, в котором тому предлагалось стать во главе восставших реформаторов [13, p. 135 – 136].

Суд не идентифицировал разные события, оставив приговор без изменений. Однако обнародованные защитой письма Юнга сделали казнь ирландцев практически невозможной. Поэтому Вестминстер заменил приговор на пожизненную ссылку.

Главный вывод краха восстания заключался в неготовности масс к широкому движению. Трудно утверждать, будто люди жаждали сражаться безоглядно, поскольку вся их предшествующая деятельность проходила в рамках митингов, демонстраций и петиций. Они были наслышаны о том и помнили историю своей страны, в которой чаще всего попытки выступления с оружием в руках не приводили к успеху, поэтому они с удивлением «смотрели на людей, призывавшим их к испытаниям гражданской войной». Бесплодность попыток О'Брайена поднять массы и создать единый блок элиты и крестьян отмечены М. Дохени [2, p. 96ff]. На этом примере несоответствия воззрений масс и руководителей можно говорить об игнорировании психологии первых политиками.

Другой причиной «социальной инфантильности» крестьян была ограниченность горизонта их мировосприятия, очерченного своим приходом или, как максимум, своим графством. Тогда можно признать, что понятие «ирландская нация» было лишь фразой, не подкреплённой реальными внутренними связями [3, p. 248].

Очень точно Даффи подметил социальную психологию провинциального населения, носящую локальный характер мышления и чувств, ограниченных координатами места и времени. Но было бы неверно излишне уповать на пассивность масс, которых, как следует из изложенного выше, руководители Конфедерации «тянули за уши» к восстанию. Никто из реальных лидеров восстания не был его адептом. В 1848 г. нерешительность первых лиц в Конфедерации отторгла от восстания массы, хотя и сам народ не стал ещё той силой, что смогла бы заставить О'Брайена пошевеливаться.

Неслучайными выглядят попытки объяснить поведение Смита О'Брайена в дни восстания. Даффи утверждал, что коренная причина неудачи кроется в отсут-

ствии класса, который мог бы снабжать конфедератов людскими и материальными ресурсами. Голодные и неухоженные крестьяне были плохим подспорьем в борьбе, а для своего класса О'Брайен стал непонятным. Он уверенный глава парламентской партии, но для лидера революции был слишком холоден и щепетил. «То, что он стремился в конце концов победить свой собственный класс, по его мнению, было нормально и похвально. Но конец наступил, и они были побеждены, а он повёл войну так, будто это были его союзники, хотя это были его враги» [3, р. 248]. Ведя народ, О'Брайен никогда не забывал, что он принадлежит касте джентльменов. И все же, Смит О'Брайен сделал все, что мог сделать благородный человек в таких условиях. «Никто не мог бы преуспеть на его месте, но он меньше, чем кто-либо» [3, pp. 248-249].

Результаты. Трагизм положения состоял в том, что в ответственный момент руководство восстанием перешло в руки стороннего для этого предприятия человека, рассматривавшего вооружённую борьбу не как реальную заданность, а как вынужденное обстоятельство, пытаясь ограничить его тысячей условностей и условий, часто придуманных им же самим.

Фактически политика Смита О'Брайена стала «политическим суицидом» человека, который ввязывался в восстания, категорически не принимая его.

Одно из важнейших обстоятельств восстания 1848 года имеет значение при анализе его поражения. Восстание началось не как движение за свободу нации, а как попытка населения защитить от ареста республиканцев. Кастовая элитарность руководителей Конфедерации и плохое знание крестьян не позволили Смигу О'Брайену ещё до начала борьбы считать её главным делом, если гарантия победы отсутствовала. Не было предпринято реальных шагов к достижению победы и собственно восстание лишь традиционно может считаться таковым.

Не исключено, что восторженное отношение к конфедератам со стороны провинциального общества в то время, когда был отдан приказ об их аресте, произвело неизгладимое впечатление на лидеров Конфедерации. Они полагали, что защита их независимости может двигать крестьянами и далее, что этот тезис сможет собрать большое количество людей. Нам кажется, что Смит О'Брайен не обратил внимание на то, что защита его и коллег-конфедератов неразрывно была увязана у населения с верой в них как в освободителей.

Строго говоря, можно назвать тактику О'Брайена «радикальным коннеллизмом», в той стадии, когда выступление заменило собой митинги. В обоих случаях инициатива активных действий принадлежала не националистам, и там и тут терпение народа испытывалось на прочность.

События 1848 г. прервали набиравшую силу тенденцию революционного решения национального вопроса. Упрочение принципа «физической силы» в национализме, активно выявившегося в деятельности левых конфедератов, было оборвано задолго до начала восстания. Условия, сложившиеся в стране и самой Ирландской Конфедерации, устанавливали паритет реформаторской и революционной тенденций в движении националистов. Однако усиление радикализма в Европе, начавшиеся там буржуазно-демократические революции в 1848 г. создали неплохие предпосылки для приоритета революционеров в Ирландии. Отмеченный выше переход всей Конфедерации к признанию насилия в качестве надлежащей меры означал важный поворот в мировоззрении умеренных конфедератов.

Степень усвоения революционных д-рарин всей организацией имеет значение для понимания поведения руководителей национального движения. Но она не может перекрывать собой другие проблемы, без которых даже самый высокий её уровень потеряет всю эффективность. Каким образом признание возможности восстания соединялось в мировоззрении лидеров Конфедерации с конкретными шагами его претворения? Готовы ли были массы, на активность которых рассчитывали конфедераты, сыграть предназначенную им роль, «знали» ли они об этой роли?

Вынужденный уход Митчела в мае 1848 г. оборвал ту ниточку, что соединяла теорию и практику. После этого судьба восстания перешла в руки «вынужденных революционеров» Смита О'Брайена, Даффи и др.

Перенесение центра выступления из города в провинцию привело к тому, что оно попало в самые невыгодные условия прохождения, какие только можно представить. Городские слои, обнаружившие наибольшее стремление и возможность поддержать конфедератов, были от них отрезаны.

После 1848 г. у национального движения иного пути, кроме как перехода к реформаторству и отказу от политических требований не было. Репрессии и эмиграция обезглавили революционное направление.

Литература

1. Case as to the legality of the arrest and imprisonment of William Smith O'Brien, Esquire, member of Parliament for the county of Limerick: for disobeying an order of the House of Commons: with the opinion of counsel thereon. London: V. & R. Stevens & G. S. Norton, 1846. 56 p.
2. Doherty M. The Felons Track or History at Attempted Outbreak in Ireland. Embracing The Leading Events in The Irish Struggle From The Year 1843 To The Close of 1848. New York: W.H. Holbrooke, 1867. 212 p.
3. Duffy Ch. G. Young Ireland. Part II, or Four Years of Irish History, 1845-1849. London; Paris; New York: Cassell, Petter, Galpin & Co. 1883. 780 p.
4. Freeman's Journal. 1848. March 10, 11.
5. Hansard's Parliamentary Debates. London: Thomas Curson Hansard [S.l.: s.n.] Vol. XCVIII. 751 p.
6. Illustrated London News. 1848.
7. Meagher of The Sword. Speeches of Thomas Francis Meagher in Ireland 1846-1848: his narrative of events in Ireland in July 1848, personal reminiscences of Waterford, Galway, and his schooldays/Ed. A. Griffith. Dublin: M. H. Gill & Son, Ltd, 1916. XIV, 352 p.
8. Mitchell J. Jail Journal. Dublin: University Press of Ireland, 1982. liv, 377 p. 9. Mitchell J. The Last Conquest of Ireland (Perhaps). Glasgow: Cameron, Ferguson, 1882. VI, 220 p.
9. Report of the trial of William Smith O'Brien, for high treason, at the Special commission for the co. Tipperary, held at Clonmel, September and October, 1848; with the judgment of the Court of Queen's bench, Ireland, and of the House of lords, on the writs of error. by O'Brien, William Smith, 1803-1864, defendant; Hodges, John George, reporter; Ireland. Court of Oyer and Terminer and General Gaol Delivery; Ireland. Court of King's Bench; Great Britain. Parliament. House of Lords. Dublin: A. Thom, 1849. XII, 984 p.

10. Smith E. The Irish journals of Elizabeth Smith, 1840-1850. Oxford: UPress, 1980. XXVI, 326 p.
11. Stephens J. Recollections of '48//The Irishman. 1882. Feb.4 - June 10.
12. Sullivan A. M. New Ireland. New York: Peter F. Collier, Publisher. 1878. 523 p.
13. The Annual Register: A Review of Public Events at Home and Abroad for the Year 1848. London: J.G. & F. Rivington, 1849. 483 p.
14. The Irish Tribune. 1848.
15. The Nation. 1848.
16. The Times. 1848.
17. The United Irishman. 1848.

References

1. Case as to the legality of the arrest and imprisonment of William Smith O'Brien, Esquire, member of Parliament for the county of Limerick: for disobeying an order of the House of Commons: with the opinion of counsel thereon. London: V. & R. Stevens & GS Norton; 1846. 56 p.
2. Doheny M. The Felons Track or History at Attempted Outbreak in Ireland. Embracing The Leading Events in The Irish Struggle From The Year 1843 To The Close of 1848. New York: W.H. Holbrooke; 1867. 212 p.
3. Duffy Ch.G. Young Ireland. Part II, or Four Years of Irish History, 1845-1849. London; Paris; New York: Cassell, Petter, Galpin & Co. 1883. 780 p.
4. Freeman's Journal. 1848. March 10, 11.
5. Hansard's Parliamentary Debates. London: Thomas Curson Hansard [S.l.: s.n.] Vol. XCVIII. 751 p.
6. Illustrated London News. 1848.
7. Meager of The Sword. Speeches of Thomas Francis Meagher in Ireland 1846-1848: his narrative of events in Ireland in July 1848, personal reminiscences of Waterford, Galway, and his schooldays. Ed. A. Griffith. Dublin: M. H. Gill & Son, Ltd; 1916. XIV, 352 p.
8. Mitchel J. Jail Journal. Dublin: University Press of Ireland, 1982. liv, 377 p. 9. Mitchel J. The Last Conquest of Ireland (Perhaps). Glasgow: Cameron, Ferguson; 1882. VI, 220 p.
9. Report of the trial of William Smith O'Brien, for high treason, at the Special commission for the co. Tipperary, held at Clonmel, September and October, 1848; with the judgment of the Court of Queen's bench, Ireland, and of the House of lords, on the writs of error. by O'Brien, William Smith, 1803-1864, defendant; Hodges, John George, reporter; Ireland. Court of Oyer and Terminer and General Gaol Delivery; Ireland. Court of King's Bench; Great Britain. Parliament. House of Lords. Dublin: A. Thom; 1849. XII, 984 p.
10. Smith E. The Irish journals of Elizabeth Smith, 1840-1850. Oxford: UPress; 1980. XXVI, 326 p.
11. Stephens J. Recollections of '48. The Irishman. 1882. Feb.4 - June 10.
12. Sullivan AM. New Ireland. New York: Peter F. Collier, Publisher; 1878. 523 p.
13. The Annual Register: A Review of Public Events at Home and Abroad for the Year 1848. London: J.G. & F. Rivington; 1849. 483 p.
14. The Irish Tribune. 1848.
15. The Nation. 1848.
16. The Times. 1848.
17. The United Irishman. 1848.



Научная статья

УДК 929.092

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.9>

ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЙ ДОСУГ В 1930-Е ГГ. НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

Евгений Юрьевич Оборский

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент

eoborskii@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0004-9974-2254>

Аннотация. Введение. В статье рассмотрена историография истории повседневной жизни советского города 1930-х гг. Показана сложность изучаемого периода, поскольку в многочисленных исследованиях экономической и политической истории СССР крайне слабо раскрыта частная жизнь обычных граждан. Сделан вывод о важности специального анализа досуга школьников и молодежи на примере городов Кавказских Минеральных Вод. **Материалы и методы.** Основная база использованных источников – материалы региональной и центральной прессы, дополненные опубликованными материалами городских властей. Они анализируются с помощью инструментария теории досуга и новой локальной истории. **Анализ.** В статье доказывается, что досуг органично входил в культурную политику большевиков, направленную на создание «нового» человека. Приводятся различные цели действий в этой области. В статье рассматриваются основные формы официального досуга молодежи и школьников в городах-курортах Кавказских Минеральных Вод. Из материалов, становившихся доступными советскому обществу 1930-х гг., выделяется не только информация фактологического характера о совершившихся событиях, но и желания и ожидания жителей курортных городов в будущем. Анализируются проблемы с досуговой инфраструктурой и способы их решения. **Результаты.** Сделан вывод о важности для власти постоянного контроля даже за формами и содержанием проведения свободного времени молодежи и детей. Определен акцент властных усилий на организации кружков различного рода, массовизации досуга и соревновательности как важнейшей черты не только спортивного сектора

досуга, но и творческих кружков созидательного характера. При этом проведение множества различных состязаний выделено как часть общемировых тенденций. Подчеркнута важность создаваемой системы туризма, где города Кавказских Минеральных вод становились не только географическими, но и организационными центрами. Разрабатываемые маршруты сочетали в себе реализацию познавательного интереса к объектам природы, культуры и важнейших событий из «нового советского» прошлого.

Ключевые слова: городская повседневность, досуг молодежи, культурная политика большевиков, города-курорты, Кавказские Минеральные Воды

Для цитирования: Оборский Е. Ю. Детско-юношеский досуг в 1930-е гг. на примере городов Кавказских Минеральных Вод // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 487–495. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.9>

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 241820073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920-е – 1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.05.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.08.2024.

Статья принята к публикации: 28.09.2024.

Research article

CHILDREN AND YOUTH LEISURE IN THE 1930S BY THE EXAMPLE OF THE CITIES OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS

Evgenii Yu. Oborskiy

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

eoborskii@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0004-9974-2254>

Abstract. Introduction. The article examines the historiography of everyday life in the Soviet city of the 1930s. The study shows the complexity of the period under consideration. Private lives of ordinary citizens are poorly studied in numerous works on economic and political history of the USSR. The conclusion is made about the importance of a special analysis of leisure time of schoolchildren and young people using the example of the cities of the Caucasian Mineral Waters. **Materials and Methods.** The main base of the sources used is materials from the regional and central press. They are supplemented by published materials from city authorities and are analyzed using methods from leisure theory and new local history. **Analysis.** The article proves that leisure was part of the Bolsheviks cultural policy aimed at creating a "new" man. Various objectives for action in this area are given. The article discusses the main forms of official leisure for young people and schoolchildren in the resort cities of the Caucasian Mineral Waters. The sources highlight not only

the facts about the events that have taken place, but also the desires and expectations of residents of resort cities in the future. Problems with leisure infrastructure and ways to solve them are analyzed. **Results.** It was concluded that it is important for the authorities to constantly monitor the forms and maintenance of leisure activities of young people and children. The emphasis of government efforts on organizing various types of clubs and mass leisure activities has been determined. The most important feature of the sports sector of leisure and creative circles of a constructive nature was competition. At the same time, a big number of different competitions was a part of global trends. The importance of the created tourism system is emphasized, where the cities of the Caucasian Mineral Waters became not only geographical, but also organizational centers. The routes being developed combined the realization of educational interest in natural objects, culture and the most important events from the "new Soviet" past.

© Оборский Ю. О., 2024

Keywords: urban everyday life, leisure for young people, cultural policy of the Bolsheviks, resort cities, Caucasian Mineral Waters

For citation: Oborskii EYu. Children and youth leisure in the 1930s by the example of the cities of the Caucasian Mineral Waters. *Humanities and law research*. 2024;11(3):487-495. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.9>

Acknowledgments: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 241820073 "Urban Everyday Life of the Southern Province. Evolution of Mass Consciousness

Введение. 1930-е гг. в советской истории являются одним из самых сложных периодов. По словам известного культуролога Майи Туровской, многое в том времени «остаётся не только не изученным, но и не замеченным» [24, с. 21]. От этих лет в памяти человечества остаются схемы: трудовой энтузиазм, обширная индустриализация, героизм и репрессии. Однако за великими событиями и долгими процессами не виден обычный советский человек, чьи желания и ожидания реализовывались на фоне разворачивавшихся изменений. Политическим и трудовым временем жизнь обычного человека не ограничивалась, и за их рамками до сих пор скрывается огромный массив слабо исследованной повседневности.

В последние годы историческая наука уделила больше внимания проблемам повседневной истории. Ш. Фицпатрик посвятила свой большой труд повседневности советского города в 1930-е гг., назвав период «чрезвычайным временем» [25, с.7]. Она обозначает 1935 год как своеобразный перелом, объявлявший о наступлении эры достатка. С этого времени делается акцент на изобилии продуктов и товаров и поощряются все виды досуга [25, с. 111, 114–117].

Н.Б. Лебина в своих трудах по истории повседневности изучаемого периода использовала в качестве методологического подхода к изучению советской повседневности дихотомию «норма/аномалия» [7,8]. Ее исследование по повседневности советского города основано на материалах Ленинграда, где на основе концепции девиантного поведения она рассматривает « пороки » общества: пьянство, преступность, проституция [8].

М. Туровская в статье «30-40-е: частный сектор в эпоху диктатуры», написанной в середине 1980-х гг., обратила внимание, что «быт и культура, пережившие радикальную ломку, все еще сопротивлялись унификации, сохраняя неоднородность, неомогенность, многоукладность, которая внешне упростилась только после войны, когда наступила ждановщина» [24, с. 22].

И.Б. Орлов, рассматривая разные аспекты повседневности, в главе о досуге советского населения касается только организованного отдыха – курортов и туризма [16].

Специализированное исследование о городах Ставрополя провела Е.В. Ногина, одна из глав которого посвящена досугу горожан. Она пришла к выводу, что косвенная регламентация свободного времени граждан в 1920-е гг., сменилась полным контролем сферы развлечений [15, с. 23].

Получается, что повседневная жизнь провинциального города и конкретно городов-курортов изучена слабо. И почти нет подобных исследований, касающихся молодежи и детей. Поэтому в статье поставлена цель обобщить и на конкретных примерах проанализировать особенности досуга молодежи и детей городов Кавказских Минеральных Вод в 1930-е гг. (Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Ессентуки).

Материалы и методы. В современной гуманитаристике уже выделяется теория досуга как самостоя-

тельное научное направление. Само понятие «досуг» трактуется как человеческая деятельность в контексте дихотомии «работа – досуг», уходя корнями «в определение досуга как «неработы», деятельности, осуществляемой «ради неё самой» и не связанной с зарабатыванием средств к существованию» авторства Аристотеля [6, с. 171–172].

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.05.2024.

The article was approved after reviewing: 18.08.2024.

The article was accepted for publication: 28.09.2024.

Для данного исследования важно понимание досуга в трактовке Э. Дюркгейма: «Потребность играть, действовать без цели, просто из удовольствия, не может быть развита далее известных границ без забвения серьезной стороны жизни». [3, с. 245] Он выступал за разумное сочетание отдыха и работы, говоря о том, что излишняя праздность не способствует созидательной деятельности: «труд не только полезен – он необходим». [3, с. 247]

Другой известный французский социолог Ж.Дюмазедье ввел понятие «цивилизация досуга». Поскольку досуг подразумевает наличие труда и соответствующей инфраструктуры, то его широкое распространение – это признак индустриальных и постиндустриальных обществ. Поэтому массовый досуг является признаком высокого уровня развития общества. Досуг объединяет в себе множество разных подсистем: общественную деятельность, труд, культуру, политику и личную жизнь. По его мнению, существенными характеристиками досуга являются желания человека физически отдохнуть, развлечься в игровой или иной форме, приобрести новые знания (за пределами стандартных образовательных программ школы или вуза), применить свои творческие способности без лишних ограничений. [2]

Указанные теоретические концепции в данном исследовании будут преломляться в рамках новой локальной истории. Если «старое» краеведение сосредоточилось бы на собирании множества фактов досуговой деятельности и умножении перечислений соревнований, концертов, вечеров, кружков и последовательном изменении инфраструктуры, то оптика локальной истории ставит в центр изучения человека, его желания, надежды, разочарования, находящиеся в досуговом пространстве. Хотя без «изучения истории изменения форм, структур и функций самого локального пространства», безусловно, не обойтись [10, с. 15].

Источниковой базой исследования являются разнообразные материалы, преимущественно опубликованные в центральных и местных газетах «Комсомольская правда», «Молодой ленинец», «Сталинские ребята». В местных газетах ставилось официальной целью описание «жизни комсомольских организаций Орджоникидзевского края, опыт пропагандистской работы комсомольских организаций, учебу городской и колхозной молодежи» [13, № 109, с. 4]. О.А. Петренко и Н. В. Подворко рассматривали материалы представленных региональных газет для общей характеристики эволюции ставропольской журналистики [18,19]. Д. В. Лобанова исследовала информационные возможности газеты «Молодой ленинец» для изучения основных тенденций комсомольской жизни Ставрополя [9].

По мнению Д. А. Добровольского, все периодические издания советского периода публиковали официальные документы «по разнарядке, выполняя решения власти о всестороннем освещении значимых событий в истории страны» [4, с. 310].

Безусловно, материалы газет проходили цензуру, и редакции были ограничены в выборе публиковавшихся сюжетов, однако из обилия статей и писем в редакции можно почерпнуть множество информации не только о свершившихся деяниях и планах переустройства, но и желаниях людей, которые публиковались в критических заметках юнкоров и рабселькоров, фельетонах. Фотографии создавали образы деятельной молодежи, обязательно чем-то занимавшейся, либо «правильно» отдыхавшей после занятий.

Публиковавшиеся письма в редакцию являются «наименее формализованной и наиболее «живой» частью советской периодической печати» [4, с. 311].

В отчетах депутатов городского совета можно извлечь сведения о финансах и конкретных событиях за 1931–1934 гг. В наказах депутатам пятигорского горсовета в прямо видны пожелания жителей города с учетом цензуры.

Анализ. Непродолжительные дискуссии в партии и обществе в СССР 1920-х гг. свелись в итоге к сложной и местами противоречивой культурной политике советской власти. Она изначально была направлена на создание «нового человека», поэтому включала в себя множество разнообразных практик власти и поведенческих моделей граждан. [1] В эти практики входят, безусловно, различные формы советского отдыха, сочетавшие в себе желания граждан и возможности для их реализации.

В 1920-е гг., по мнению И.Б. Орлова, в СССР существовали две тенденции в сфере отдыха и досуга: узаконенная (официальная) и теневая, в которой реализовывались формы девиантного поведения [16, с. 156]. очевидно, что власть еще не имела жесткого контроля над досуговой деятельностью советского человека. Однако прекращение существования различных добровольных обществ, создание творческих союзов и борьба с запретными видами досуга спустя десятилетие приняло четкие формы.

Желание контролировать все сферы жизни человека, а не только политику или экономику, можно объяснить поразному. С идейной точки зрения контроль над самой сложной сферой – свободным времяпровождением граждан – рассматривался как завершающий этап создания нового человека. Новый советский гражданин получал «правильное» образование, правильно «трудился», и вот с середины 1930-х гг. должен был и «правильно» отдыхать. Комплекс мер по «созданию» нового типа человека в мировой истории можно было бы рассматривать как полностью законченный.

Однако имелась и вполне практическиполитическая цель – контроль над всеми сферами жизни человека. Чтобы даже в свободное время у человека не было возможности мыслить против официальной точки зрения и действовать против власти. Можно увидеть и административный аспект, когда «создание» рассматривалось как процесс (созидание). Оно требует постоянных усилий. Нужно создавать условия для отдыха, контролировать состояние уже созданных, ремонты, новые кружки, концертные программы – все и многое другое требует постоянной работы в конкретном направлении. Эти усилия нужны для реализации цели. Такие постоянные

действия, пользуясь инструментарием М. Мамардашвили, можно сравнить с долгой работой по созданию культуры. Культура есть «способность практиковать сложность и разнообразие жизни», и «человек – это весьма и весьма длительное усилие» [11, с. 32–34].

Поэтому множество действий власти в сочетании с желаниями людей 1930-е гг. в городах Кавказских Минеральных Вод формировали многообразную картину отдыха советских граждан. В целом, в разделение досуга, предложенное И.Б. Орловым, можно внести уточнения. Досуг в городахкурортах делился на официальный и теневой, но первый вид можно разделить на собственно действия властей и желания горожан.

Теневой досуг – пьянство, азартные игры – не был искоренен, несмотря на желания властей. Алкоголь продолжался был доступен, бильярд упоминался как обычное времяпровождение, хотя на деле сопровождался игрой на деньги. Как правило, информация о такого рода занятиях, не популяризировалась и становилась доступной только в случае серьезных эксцессов.

Таким стал случай на Комсомольской поляне в Пятигорске во время Первомайских гуляний 1937 года. После праздничных действий, на которые пришли несколько тысяч человек, милиция «подобрала» 23 школьника, находившихся в стадии сильного алкогольного опьянения. Некоторым не исполнилось на тот момент и 12 лет. Алкоголь (вино и пиво) на празднике был абсолютно легально. Об этом узнала вся страна, поскольку 6 мая про эти события написала «Комсомольская правда» – официальный орган ЦК ВЛКСМ [5, № 102, с.4]. Краевые власти отреагировали только после выхода этой заметки, признав правоту описанного, назначили выговор секретарю пятигорского горкома ВЛКСМ Духину «за оторванность от масс отдыхающих молодежи и детей» и решили усилить воспитательную работу среди пионеров и школьников [13, № 112, с. 1].

Все же теневой досуг, особенно в молодежной среде, постепенно исчезал. Поэтому основная часть статьи будет посвящена истории именно официального досуга.

Особенностями городов Кавказских Минеральных Вод было большее наличие объектов развлекательной индустрии, нежели в других городах Ставрополья и всего Северного Кавказа. Они создавались специально для отдыхающих, но ими пользовались и жители городов, что увеличивало возможности для проявления «темных» сторон людей.

Свободное время молодежи и детей официально регламентировалось установками центральных, краевых, городских и районных комитетов ВЛКСМ. Указания из Москвы трансформировались в призывы усилить работу на местах по соответствующим направлениям. Секретарь ЦК ВЛКСМ Е.Л. Файнберг говорил о важности борьбы с хулиганством и прогулами занятий в школе: «Странно звучит: в «школе» и «прогулы»! Молодой человек, которому созданы все условия для учебы и для которого учеба является прямой необходимостью, прогуливает, т. е. умышленно увиливает от учебы. Это значит, что кое-кто из молодых людей не только не понимает того вреда, который он наносит себе, но и не понимает значения тех усилий, какие делает советская власть для успешного образования молодежи» [13, № 54, с. 3.]

Газета «Молодой ленинец» в 1936 году писала: «Второй пленум ЦК ВЛКСМ обратил большое внимание на развитие самостоятельности пионеров. Комсомольские организации должны сделать все, чтобы пионер весело, увлекательно проводил свое свободное время»

[12, № 180, с.3]. При этом достаточно часто говорилось о вовлечении в организованные формы досуга и «не-союзную» молодежь. Те, кто не был пионерами и комсомольцами, чаще всего привлекались к военномобилизационным формам досуга: лыжные секции, походы, кроссы, которые формировали будущего защитника Родины.

Чтобы занять свободное время молодежи и детей, уже секретарь Северо-Кавказского краевого комитета ВЛКСМ П.П. Листовский предлагал обратить внимание на школьные кружки: «Работа учеников в кружках не только расширяет кругозор школьников, но зачастую определяет будущую профессию детей. Хорошо организованная работа в кружках помогает укреплению дисциплины в школе» [13, № 11, с. 3].

Свой доклад П.П. Листовский делал на краевом совещании по вопросам политиковоспитательной работы комсомольских организаций в средней школе, проходившем в январе 1937 г. Комсомольские руководящие работники края единодушно высказались за развитие сети кружков, которые дополняли бы учебную программу [13, № 9, с. 2].

В мотивации Файнберга, Листовского и других комсомольских работников прослеживается политика по созданию «нового» человека: в школе созданы все условия и даются знания, в свободное время тоже нужно получать знания, и это определит выбор профессии, нужной советскому государству. Кружки занимают свободное время (досуг), у них есть руководитель, который дает знания и следит за посещаемостью (контроль).

Кружки создавались при школах, техникумах, вузах, домах пионеров, библиотеках. Весьма популярными были литературные, драматические, хоровые кружки. Пятигорская центральная библиотека имени Максима Горького к 100летию А.С. Пушкина, которое широко отмечалось по всей стране, организовали пушкинский литературный кружок. В нем читались лекции: «Юность Пушкина», «Ссылка Пушкина на юг», «Жизнь в село Михайловском», «Странствования поэта», «Последние годы жизни и гибель Пушкина» и проводились читательские конференции [12, № 161, с. 4].

Практически все кружки отметились своими действиями на пушкинском юбилее. В Ессентуках, например, в школе имени 25 Октября, драматический кружок поставил пьесу «Скупой рыцарь» и отдельные сценки из «Бориса Годунова» [12, № 191, с. 4].

Весьма распространёнными были кружки юных натуралистов. Микроисторический разрез позволяет увидеть, чем занимались члены таких кружков в группе и индивидуально. [13, № 94, с.3] В пятигорской школе № 1, которая долгое время носила статус «образцовой», в кружке юных натуралистов состояло 32 ученика 5 и 7 классов. Они занимались не только в кабинете естествознания, но и в сопровождении учителя М. А. Аболиной совершали путешествия на Машук и Бештау. Школьники внимательно изучали геологическую структуру гор: найдя бештаунит (образцы застывшей магмы, получившее название от горы Бештау), они убедились в вулканическом происхождении пятигорских гор. В пещере на отрогах Машука обнаружили натечные известковые образования с отпечатками листьев дерева карагач. Найденные минералы, мелкие животные и птицы, растения в разных формах (в спирте, в гербариях) стали экспонатами кабинета естествознания. На 1937 год там было 9 ящиков найденных и собранных богатств.

Центром такого интереса к окружающему миру была учитель Мария Андреевна Аболина, которая имела двадцатилетний стаж педагогической работы. Она не только вела уроки и руководила кружком, еще и организовывала экскурсии. Во время поездки отличников учебы в Приэльбрусье она подробно рассказывала о горных породах, которые образовывали ущелье, и о древних геологических процессах, в результате которых возникли горы Кавказа. Такие подвижники, безусловно, выполняли «указания» не по долгу службы, а по зову сердца. Именно благодаря ей многие выпускники пятигорской школы № 1 стали геологами и ботаниками.

Учителям помогала и обстановка в семье. Если родители были такими же любознательными, то и дети повышали свой уровень развития. В одном из номеров «Молодого ленинца» рассказывалось об ученике Юрии Острожникове, который увлекаясь естествознанием, выбрал для себя профессию геолога. Юрий с 8 лет стал собирать бабочек, показывая удивительную скрупулёзность в подготовке коллекции: 130 видов бабочек распределены по семействам, пронумерованы, помещены под стекло. Он создал каталог, зафиксировав на каждой странице фотографию бабочки и информацию о ней.

Вместе с родителями он путешествовал по Боргустанскому хребту, где нашел аммонитов (окаменелых головоногих моллюсков). Его коллекция минералов насчитывала 20 ящиков, по 35-40 камней в каждом.

Этот пример показывает вполне определенную эффективность усилий власти по вовлечению молодежи в кружки. Этот деятельностный досуг, как правило, ориентировался на те отрасли экономики, которые нужны были советскому государству. Именно геологи последующих лет открыли множественные богатства подземного мира, позволившие создать мощную экономику.

Такой же направленностью обладали и военнотехнические кружки: стрелковые, парашютные, авиамодельные, лыжные. В Ессентуках при городском совете Осоавиахима с 1934 года существовал кружок юных планеристов. За три года было 5 выпусков планеристов, которые после продолжали учебу при пятигорском аэроклубе. В него входили уже комсомольцы, а не школьники, работавшие на консервном заводе, грязелечебнице, санаториях [13, № 80, с. 4].

Для парашютных секций в городах Кавминвод строили специальные вышки. В Пятигорске такая вышка была в Парке культуры и отдыха, в Кисловодске она была построена в комплексе со стадионом. При этом парашютная станция Пятигорского аэроклуба была головной для молодежи всех городов-курортов. Популярность парашютизма была такова, что пришлось открывать специальные курсы инструкторов [13, № 77, с. 4].

Среди школьников Кавминвод были популярны авиамодельные кружки. Часто они создавались при школах, но были и отдельные детские технические станции. Материалы для разных моделей обеспечивались не только местными властями, но и массово производились на заводах для рассылки по всем городам СССР. В газете «Сталинские ребята» ученик 7 класса пятигорской школы № 7 В. Овчаров, в заметке о жизни своего звена, описал обыденную ситуацию: «Алик Пионтковского больше всего интересует машиностроение. Мы часто ходим с ним в детскую техническую станцию. Алик – мастер на все руки. Когда мне прислали из Москвы посылку с деталями моделей, мы все свободное время отдавали любимому занятию. Алик начал делать паровую машину, а я сейчас строю модель истребителя» [22, № 3, с.2].

За такой, казалось бы, радужной картиной функционирования множества нужных кружков, на деле скрывались проблемы. Они попадали на страницы газет, и поэтому становились известны.

В уже упомянутом докладе Листовского прямо указывается, что кружков не хватает: «В школах Пятигорска на 12.000 учащихся имеется только 110 кружков, которыми охвачено 2.550 школьников, а посещает кружки только 1.000 человек. Если посмотреть, что представляют собою эти кружки, то мы увидим: кружков физики – 2, 4 математических, 2 исторических и 4 географических. Это из 110 кружков!» [13, № 11, с.3].

Участники краевого совещания серьёзным недостатком называли недостаточное привлечение профессиональных педагогов к руководству кружками, отсутствие помещений и нехватку наглядных пособий [13, № 9, с.2.]

Наиболее выпукло проблемы реализации одной из важнейших целей советской власти в ее региональном преломлении показывает эпизод с пятигорской детской технической станцией. [12, № 180, с.3] В статье «Молодого ленинца» вначале обрисовывается идеальный образ детской технической станции как «боевого штаба маленьких изобретателей». В ней все конструируют модели планеров, строят маленькие самолёты или паровозы, узнают последние новости науки и техники.

Однако в Пятигорске все обстоит иначе. На станции занималось всего 30 человек. Они уже создали немало интересных вещей: фотоаппарат, модели паровозов, pedalные автомобили, радиоприёмники, авиамодели, фотоальбомы. Но школьники неохотно шли на станцию, потому что, по мнению журналистов, руководители кружков (4 человека) не обладали необходимой квалификацией. Не было ни одного педагога или инженера с высшим образованием, работали только любители. Но еще более серьезная проблема – отсутствие материалов для работы ввиду очень плохого финансирования станции. Горсовет Пятигорска и краевой совет изобретателей не выделяли станции ни рубля. Крайсовпроф обязался выделить 10 000 рублей, а было выделено 990. Понятно, что поставленные планы обучать на станции в 1937 году 300 детей в такой ситуации оставались только планами.

В этом эпизоде прослеживается важная проблема: руководящие указания из центра, преломленные и уточненные на краевом уровне, в конкретном городе сталкиваются с реальностью в виде работы бездушной бюрократической машины, которая крайне слабо реагирует на возвышенные цели и лозунги.

Если продолжить анализ и перейти непосредственно на городской уровень, то там тоже можно увидеть противоречивую картину соответствия планов и действий. По данным из отчета депутатов Пятигорского городского совета 1934 года расходы на социально-культурную деятельность выросли за три года (1931–1933) на 90 %: с 1 млн. 878 тыс. до 2 млн. 678 тыс. рублей [17, с.33]. Причём часть этих средств (659 тыс. рублей) была привлечена путем специального культсбора, входившего в часть обязательных платежей, наряду с подоходным налогом и сельхоз налогом. [17, с. 35] Депутаты констатировали, что «Городской Совет правильно осуществлял основную задачу местных бюджетов – направление максимума средств на социально-культурные мероприятия, борьбу за грамотную, культурную, здоровую жизнь» [17, с. 34].

К этим мероприятиям относились массовые праздники государственного и местного уровней, проведение

спортивных соревнований, оснащение библиотек, благоустройство аэродрома и стадиона «Динамо», создание новых кружков и секций, реконструкция звукового кино-театра и открытие летних кинотеатров.

Однако жители города Пятигорска в 1935 году для депутатов городского совета опубликовали специальный «Наказ». Из общей задачи «выполнить боевую программу превращения бывшего окружного города в столичный город Северо-Кавказского края», они уточнили, что надо «особое внимание уделить удовлетворению культурно-бытовых потребностей наших детей и нашей молодежи – этой растущей смены строителей социализма» [14, с.10].

Из большого списка можно извлечь такие требования: «Привести в культурный вид окраины, реконструировать и благоустроить бульвары и скверы. Провести озеленение города, производя посадку деревьев в 1935 году не менее 50.000 шт. и принять меры к охране зеленых насаждений с устройством ограждения их.

Открыть детскую техническую станцию, организовать театр юного зрителя и открыть музыкальную школу для детей школьного возраста.

Провести радиофикацию всех школ, всех детдомов, детсадов и квартир учителей.

Построить в 1935 году Центральную библиотеку, увеличить книжный фонд этой библиотеки и добиться постройки в 1935 году в городе нового звукового кино-театра, вместимостью на 1000 мест.

Оборудовать в городском парке культуры и отдыха детскую физкультурную площадку» [14, с. 1920, 3235, 40].

Как можно заметить, детская техническая станция в Пятигорске была создана, но работала не очень хорошо. К 1936 году капитально отремонтировали зимний звуковой кинотеатр (сейчас – кинотеатр «Родина»), в летний период функционировали две открытые площадки: в парке и около Провала. Центральная городская библиотека была открыта и получила имя М. Горького.

Театр юного зрителя не открыли, но на гастроли в 1937 году приезжал государственный театр юного зрителя Чечено-Ингушской АССР [13, № 125, с.4]. В течение месяца он давал гастроли в Пятигорске, показывая спектакли для разных возрастных категорий. Для старшего школьного возраста показывали пьесы современных авторов В. Любимовой «Сережа Стрельцов» и М. Даниеля «Хлопчик». Первая касалась детей 1930-х гг., вторая была о событиях Гражданской войны и называлась изначально «Зямка Копач». Обе пьесы во всем Советском Союзе пользовались большой популярностью. Хотя «Сережа Стрельцов» в октябре того же 1937 г. получил разгромную рецензию в центральном печатном органе Наркомпроса «Советское искусство»: «Пьеса, по существу, утверждает, что наша школа не способна обеспечить необходимое воспитание таким детям, которые по своей одаренности и интеллектуальному развитию выше среднего. Таких детей, видите ли, наша школа калечит» [20, № 46, с.4].

Отдельно стоит говорить о Пятигорском парке культуры и отдыха. В 1936 году он представлял собой печальное зрелище. По описаниям современников, аллеи парка напоминали джунгли, футбольное поле было заброшено, пруд зарос тиной, аттракционов очень мало и работали только по выходным [12, № 110, с.4]. Негативная характеристика парка проскользнула даже в газете для младших и средних школьников «Сталинские ребята». Описав красочные подробности праздника,

связанного с окончанием учебного года, автор делает вывод: «Ребята все-таки большего ожидали от своего праздника. В парке не работал тир, мало было аттракционов, лодок...» [21, № 31, с.1].

Спустя несколько дней, 27 июля в «Молодом ленинце» появилась заметка: «решением президиума пятигорского горсовета парк культуры и отдыха передан в ведение горОНО. В нем будет оборудован детский парк культуры и отдыха. По намеченному плану в парке будет физкультурный городок, автои велоплощадки и уголок дошкольника» [12, № 119, с.4].

8 августа в газете вышла новая заметка: «Забытый парк», но с прежним содержанием. Она пестрила живописными описаниями: «пыльные тропинки», «высокие стены бурьяна», «пустующая читальня». Работала только одна карусель, спортивные площадки пустовали [12, № 129, с.3]. Там же была напечатано выступление учащегося школы № 6 Виктора Цельникова: «Недавно я со своим товарищем зашел в городской парк. Думал отдохнуть там, а вышло наоборот. Побродили, побродили, и усталые вернулись домой. Нечего делать в этом парке. А в горкоме комсомола Катя Богданова и секретарь Духин давно вам обещали сделать интересным детский парк. Обещания остались на бумаге».

Зимой 1937 года поступило новое предложение, но со старым исходом: «В Пятигорске можно оборудовать каток. Для него есть прекрасная площадка в городском Парке культуры. Ее надо залить водой, установить здесь теплую раздевальню, подготовить несколько сотен пар коньков – и каток готов».

Отдельные организации города обещали сделать все это еще в начале зимы. Однако половина зимнего сезона прошла, а еще ничего не сделано. ГорОНО, которое ведал Парком культуры и отдыха не заботится о нуждах школьников. Бездействует и горком комсомола» [13, № 16, с.4].

Ситуация поменялась к лету 1937 года. Аттракционы заработали, проведение различных праздников больше не сопровождалось критическими замечаниями. Были открыты летняя площадка звукового кино-театра, новые аттракционы: «качающиеся лодки», «петушинный бой» и кегельбан. Более того, в июле-августе там регулярно проходили театральные постановки театра юного зрителя и устраивались массовые гуляния. 4 августа состоялся концерт детского киноактива. Дети от 8 до 14 лет танцевали, пели, декламировали стихи [13, № 176, с.4].

Таким образом, тезис Ш. Фицпатрик об усиленном внимании к сфере отдыха во второй половине 1930-х гг. находит свое подтверждение на материале городов-курортов.

Большое место в планах властей и жизни городского общества Кавминвод занимала физическая культура. В программной статье, опубликованной в «Молодом ленинце» в январе 1937 г. председатель краевого комитета по делам физкультуры и спорта В. Винников констатировал большую тягу «молодежи в физкультурные коллективы и спортивные общества». [13, № 9, с.3] Упоминая большое количество разных кружков, секций, стадионов, спортивных залов, значкистов «ГТО», он описывает большую систему, которая постепенно охватывала занятиями физической культурой все большие массы людей.

При ориентации на усиление такой работы автоматически не хватало квалифицированных инструкторов, учителей физической культуры в школах, инвентаря. Одной из причин такого явления, краевой чиновник счита-

л отсутствие в крае какой-либо постоянно действующей школы, техникума или физкультурного вуза. Поэтому «краевой комитет по делам физкультуры и спорта ставит задачу подготовить через 6-месячные курсы 40 тренеров по всем видам спорта, 60 инструкторов-организаторов национальных районов, через двухнедельные семинары подготовить 300 физруков из комсомольцев, присланных ЦК ВЛКСМ на физкультурную работу. Кроме того, мы предусматриваем переподготовку инструкторов физкультуры неполных средних и средних школ» [13, № 9, с.3]. В апреле он увеличил число инструкторов физической культуры, которых нужно подготовить до 1500 человек [13, № 88, с.3].

К сожалению, такие планы не помогли В. Винникову удержаться на своем посту, он был обвинен в сотрудничестве с ранее арестованным председателем краевого исполкома Пивоваровым, снят с должности и исключен из партии [13, № 190, с.4]. Причём обвинили его в развале физкультурной работы и срыве подготовки физкультурных кадров. То есть ровно во всем том, к чему он призывал в начале 1937 года.

Но нельзя не отметить, что занятия физической культурой получали огромное распространение в городах-курортах. Постепенно увеличивалось количество объектов спортивной инфраструктуры, самым знаменитым из которых стало строительство стадиона в Кисловодске. На пятигорском стадионе «Динамо» постоянно проходили тренировки по многим видам спорта и даже по такому экзотическому для Ставрополя как водное поло.

В каждом городе занималось спортом такое количество школьников, что среди них нашлись будущие победители краевой детской спартакиады, которая прошла в 1937 году с 30 июня по 2 июля. Именно школьники Пятигорска (Гейнбух, Петункина, Просин, волейбол), Ессентуков (Рейзе, Подгорная, легкоатлетическая эстафета, футбол), Кисловодска (Зюзина, команда легкоатлетического троеборья), Железноводска (Сорокина) победили в разных видах соревнований [13, № 146, с.6; № 149, с.4]. Победители получили почетные красные знамена, спортивные костюмы, грамоты и вещи. При этом участники спартакиады не ограничивались только пребыванием на спортивных сооружениях. Для них была подготовлена культурная программа: они посетили спектакль «Сережа Стрельцов».

Получается, что важнейшей сущностной характеристикой данной спартакиады можно отметить массовость. Были проведены отборочные соревнования, потом более пятисот человек со всего края приехали на финалы в Пятигорск. Все эти юные спортсмены должны были уделять своим тренировкам немало своего свободного времени. К тому же успешные занятия спортом – это обязательно наличие тренера или организатора, потому что без продуманной кропотливой ежедневной работы побед добиться невозможно. Дети, занимавшиеся физкультурой (любительски) и спортом (профессионально), постоянно находились под контролем взрослых. Это точно соответствовало одной из целей советского руководства.

Это сопровождалось и постоянной пропагандой спорта. Газеты постоянно публиковали фотографии сюжетов из спортивной жизни края или знаменитых спортсменов. В них же подробно описывались игры футбольных команд, чаще всего пятигорского «Динамо». На праздниках всегда были показательные выступления спортсменов.

Более того, именно в спорте четче всего проявляется важная тенденция, распространявшаяся и в экономике: соревновательность. Массовизация спорта неизбежно влечёт за собой сравнение лучших результатов и лучшей подготовки. Это возможно сделать только в условиях соревнований. Поэтому ежегодно проводилось масса различных состязаний, спартакиад, чемпионатов всех уровней – от союзного до городского.

Это выводит на более общую проблему: массовизация досуга (кружки, военное дело, физкультура) обеспечивалась через стимулирование – значки, звания, победы в соревнованиях. Это касалось и кружков созидательного характера, для которых устраивались выставки и чемпионаты – авиамодельные, радиолюбительские, сельскохозяйственные.

Например, в июле 1936 года на склоне Бештау прошли соревнования юных моделистов края. Несколько дней они показывали свои авиамодели (фюзеляжные самолеты, фюзеляжные планеры и планеры-бесхвостки) и соревновались на дальность и время их полетов. Планеры фюзеляжного типа улетали на 700 и более метров. «По планерам-бесхвосткам первенство взял Геня Лисянский (Пятигорск). Его модель пролетела 186 метров за 32 секунды» [12, № 122, с.4].

Надо отметить, что широкое распространение спорта и различных видов соревнований для Советской России стало некоей новинкой. В дореволюционной России отдельной сферы физической культуры и спорта не было. Занятия разными видами спорта были делом отдельных энтузиастов, поскольку массовое общество и массовая культура только начинали свое существование.

Соревновательность как процесс стала важной частью мировой массовой культуры. Именно в конце XIX – начале XX века возрождаются Олимпийские игры. После Первой мировой войны начинаются официальные чемпионаты мира по шахматам, хоккею и футболу, автомобильные гонки, многодневные велосипедные туры. Поэтому данная тенденция не была изобретением советских чиновников и общественности, а находилась в общемировом русле. Потому и советский спорт после Великой Отечественной войны стал частью общемировой спортивной системы.

Победы во всех видах соревнований, как правило, сопровождались награждением различными ценными призами. Например, победители призеры краевого шахматно-шашечного турнира колхозников, проходившего в Кисловодске, кроме наборов шахмат и шашек, получили патефоны, гармони, гитары, балалайки, а лучшая шашистка А. Сазанова была премирована 100 рублями [13, № 60, с.4].

Любопытно сравнить эти призы с призами в соревновании комсомольско-молодежных бригад Орджоникидзевского края 1937 года. За первое место бригада получала библиотеку с художественной и политической литературой; пианино; радиоприемник с громкоговорителем; полное оборудование физкультурной площадки; полное оборудование для стрелковой школы и верховую лошадь с комплектом снаряжения для занятия ворошиловских всадников. За 2-3 место пианино менялось на патефон с набором пластинок или радиоприемник с громкоговорителем [13, № 69, с.1].

Обращает на себя внимание присутствие в ассортименте призов довольно большого количества музыкальных инструментов. Безусловно, они были дорогими и редкими вещами, для «повышения» культурного уров-

ня населения подходили хорошо, поэтому удовлетворяли и власть, и общество.

Также интересно, что за победу в социалистическом соревновании, то в работе по профессии (стимулирование полезно для экономики), людям решили дать материалы для досуговой деятельности: спортивное оборудование, оснащение стрелковой секции, лошадь для ворошиловских всадников. К несоревновательной досуговой деятельности здесь относятся только библиотека, патефон и радиоприемник. Но библиотека нужна для распространения знаний и идей, по радио и на патефоне нужно слушать не только развлекательную музыку, но и выступления вождей. Все призы так или иначе соответствовали ориентации властей на контроль за досугом граждан.

Еще одна важная часть досуга горожан, которая стала активно развиваться в 1930-гг. – это туризм. Города Кавказских Минеральных Вод в силу своего географического расположения и исторического значения стали центрами массового туристского движения.

Разрабатывались классические маршруты, связанные с основными ущельями и перевалами. В 1937 году появился маршрут из «Пятигорска через Кисловодск, по новой дороге в Теберду, и затем через Клухорский перевал в Сухум» [13, № 74, с.4]. Этот маршрут впоследствии станет знаменитым Всесоюзным маршрутом № 43 из Кисловодска на Черное море. Другой маршрут направлял туристов из Пятигорска через Мамисонский перевал по Военно-Осетинской дороге в Кутаиси.

Создавались и тематические маршруты. 100 лучших стахановцев выходили пешком из Пятигорска в Теберду, затем по Клухорскому перевалу в Сухуми, оттуда на пароходе в Батуми. Затем снова пешком в Тбилиси и затем на автобусе в Орджоникидзе [12, № 105, с.4]. Этот поход организовал туристский отдел ВЦСПС, на который было возложено руководство туризмом после роспуска ОПТЭ. Такой маршрут был выбран по следам знаменитого зимнего конного пробега колхозников Северного Кавказа, состоявшегося зимой 1935–1936 гг. Конный пробег вокруг Кавказского хребта (3000 км.) получил высокую оценку правительства страны. Все всадники участники пробега были награждены орденом «Знак Почёта». Кроме того, Правительство РСФСР учредило особый нагрудный знак «Участнику конного перехода вокруг Кавказского хребта», которым были награждены все его участники [23, с. 55].

Другой маршрут посвящался памяти Г.К. Орджоникидзе. Он вел из Орджоникидзе в Сванетию, по следам боев, в которых он участвовал. Также разрабатывались маршруты для местного населения по Орджоникидзевскому краю, экскурсии выходного дня на Эльбрус, в Теберду, Чегемское ущелье, гору Бермамыт и «24 исторических, революционных, музейных, природных и других маршрутов по городам Кавминвод». Для курортников была отдельная категория маршрутов выходного дня по городам курортам. Также в 1937 году появился новый вид туризма – экскурсии колхозников на заводы Кавминвод и рабочих в колхозы [13, № 74, с.4].

В итоге Пятигорск и Кисловодск надолго стали центрами массового туризма в нашей стране. Туризм сочетал в себе несколько видов деятельности (познавательную, оздоровительную), проходил, как правило, под руководством экскурсоводов, военных или опытных туристов; показывал преимущества не только нового строя, но и природы на территории СССР.

Надо отметить, что массовость занятий спортом, туризмом и соревновательных форм иногда иронично оценивалась современниками. В первом номере газеты «Молодой ленинец», вышедшем 1 января 1937 года, были опубликованы шуточные предсказания на предстоящий год. Вот как звучали некоторые предсказания: «Парашютизм разовьется так, что не станет хватать парашютов, и многие нетерпеливые смельчаки начнут прыгать с зонтиками своих бабушек. Погода, в связи с этим, ожидается по краю пасмурной: небо постоянно будет закрыто целыми тучами парашютов и зонтиков. Краевой комитет физкультуры завезет к лету лыжи и коньки и, презрев наскучившие ему спартакиады, организует шахматный турнир годовалых ребят.

Новый год также будет блестящей эпохой бесчисленных пробегов и походов. Отвергнув избитые способы передвижения, во многих местах организуют переходы на лыжах по пескам и в противогазах под водой. Байдарочники сделают попытку подняться против течения по буйному Тереку. Группа альпинистов вспать подымется на Казбек. Любители пеших переходов танцуют лезгинку, обойдут вокруг Кавказа» [13, № 1, с. 1].

Автор фельетона сатирически подметил несколько важных элементов досуга молодежи: увлечение парашютизмом, многочисленные спортивные соревнования, массовый туризм. Чтобы понять иронию, нужно было не только прочесть заглавие «Первоянварская шутка», но и знать, что именно высмеивается. Знать огромное количество спортивных соревнований, которые проходили ежегодно и часто назывались спартакиадами. Знать, что шахматы были очень популярны: секции для детей и взрослых, сеансы одновременной игры, чемпионаты школ, районов, городов, края, республик, СССР. Видеть парашютные вышки, самолеты с молодыми и задорными парашютистами и парашютистками, читать про них

в газетах. Следить за подробностями конных переходов из корреспонденций в газетах или по снятому документальному фильму. Видеть проблемы организации и снабжения физкультурных секций для детей и школьников, скрывавшиеся за победными сообщениями о проведенных мероприятиях.

Все это не только было досуговой деятельностью тысяч советских граждан, но и создавало особое силовое поле притяжения для тех, кто в нем еще не участвовал. Досуг стал частью идеалистического образа социализма, который тиражировался не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

Выводы. Сформировавшаяся в СССР система досуга молодежи стала частью осознанной культурной политики по созданию «нового» человека. Она включала в себя идеологические, практические и административные цели. Был сформирован официальный дискурс досуга: одобренные властью формы, их содержание, постоянный контроль, создание условий. «Желания» властей постоянно сталкивались с желаниями людей. Через просьбы к власти и оглашение проблем в прессе желания людей регулярно превращались в реальность.

Города Кавказских Минеральных Вод представляли хороший пример реализации подобной стратегии. Краевые и городские власти создавали инфраструктурные условия для досуга детей и молодежи, которая массово участвовала в предложенных формах. Просьбы юных советских граждан реконструировали городское пространство и удовлетворяли их потребности в различных развлечениях. Тиражирование положительных образов спортсменов и тружеников создавало особое поле примеров для воспитательной им пропагандистской работы. Неодобренные властью формы досуга (пьянство, азартные игры, безделье) не исчезли и оставались частью советской жизни.

Литература

1. Дискурсы «новый человек» и «советский народ» как общность в социокультурном пространстве СССР: междисциплинарный сборник научных статей. Ставрополь: Секвойя, 2022. 276 с.
2. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга // Вестник Московского университета. Сер. 12: Социально-политические исследования. 1993. № 1. С. 83–88.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Москва: Канон, 1996. 432 с.
4. Источниковедение: учебное пособие / Отв. ред. М. Ф. Румянцева. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 684 с.
5. Комсомольская правда. Орган Центрального и Московского комитетов ВЛКСМ. Москва. 1937.
6. Ключко Е. М. Современное состояние категориального аппарата теории досуга (по материалам зарубежных исследователей) // Вестник МГУКИ. 2016. № 1 (69) январь – февраль. С. 170–181.
7. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. Москва: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
8. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 гг. Санкт-Петербург: Журн. «Нева» Летний сад. 316 с.
9. Лобанова Д. В. Комсомол Ставрополя на страницах газеты «Молодой ленинец» (1934-1937 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 88–93.
10. Маловичко С. И., Булыгина Т. А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Выпуск 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции, Ставрополь, 23 мая 2003 г. Ставрополь: Издательство СГУ, 2003. 262 с.
11. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. Санкт-Петербург: Азбука, АзбукаАттикус, 2019. 352 с.
12. Молодой ленинец. Ежедневная газета Северо-Кавказского крайкома ВЛКСМ. Пятигорск. 1936.
13. Молодой ленинец. Ежедневная газета Северо-Кавказского крайкома ВЛКСМ. Пятигорск, 1937.
14. Наказ избирателей пятигорскому совету X созыва 1934 г. Пятигорск: Северо-Кавказское государственное издательство, 1935. 48 с.
15. Ногина Е. В. Социокультурное развитие городского населения Ставрополя в 1920-1930 годы: опыт исторического исследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2004. 28 с.
16. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. Москва: Изд. дом Гос. ун-та Высшая школа экономики, 2010. 316 с.
17. Отчет о работе Пятигорского городского совета IX созыва. 1931 – 1934. Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1935. 60 с.
18. Петренко О. А. Формирование и развитие системы советской периодической печати на Ставрополье в 1920-е – 1930-е годы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2006. 20 с.
19. Подворко Н. В. Печать Кавказский Минеральных Вод: история, типология, современное состояние. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2008. 28 с.
20. Советское искусство. Орган Всесоюзного комитета по делам искусств при Совнаркоме Союза ССР. Москва. 1937.

21. Сталинские ребята. Орган Оргбюро ЦК ВЛКСМ Северо-Кавказского края. Пятигорск. 1936.
22. Сталинские ребята. Орган Оргбюро ЦК ВЛКСМ Северо-Кавказского края. Пятигорск. 1937.
23. Турицын И. В., Кармов Р.К. «Пояс дружбы» или Транскавказский зимний пробег 1935-1936 гг.: из истории российских конных переходов // Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права. Москва, 2018. № 1. С. 45-60.
24. Туровская М. Зубы дракона. Москва: Издательство АСТ: Corpus, 2015. 656 с.
25. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.

References

1. Discourses of "new man" and "Soviet people" as a community in the socio-cultural space of the USSR: an interdisciplinary collection of scientific articles. Stavropol': Sekvojya; 2022. 276 p. (In Russ.).
2. Dumazedier J. Towards a civilization of leisure. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 12: Social'nopoliticheskie issledovaniya. 1993;(1):83-88. (In Russ.).
3. Durkheim E. The Division of Labour in Society. Moscow: Kanon; 1996. 432 p. (In Russ.).
4. Source Studies: tutorial. Responsible editor: M.F. Rumyantseva. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics; 2015. 684 p. (In Russ.).
5. Komsomolskaya Pravda. Organ of the Central and Moscow Komsomol committees. Moscow; 1937. (In Russ.).
6. Klyusko E.M. Current state of the categorical apparatus of leisure theory (based on materials of foreign researchers). *Vestnik MGUKI*. 2016;1(69):170-181. (In Russ.).
7. Leбина N. Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to big style. Moscow: New Literary Review; 2015. 488 p. (In Russ.).
8. Leбина N.B. Everyday life of the Soviet city: Norms and anomalies. 1920-1930. St. Petersburg: Magazine "Neva" Summer Garden. 316 p.
9. Lobanova D.V. Komsomol of Stavropol on the pages of the newspaper "Young Leninist" (1934-1937). *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2016;1(69):170-181. (In Russ.).
10. Malovichko S.I., Bulygina T.A. Modern historical science and the study of local history in New local history. Issue 1. New local history: methods, sources, metropolitan and provincial historiography: materials of the first All-Russian scientific Internet conference, Stavropol, May 23, 2003 Stavropol: SSU Publishing House; 2003. 262 p. (In Russ.).
11. Mamardashvili M. Consciousness and civilization. St. Petersburg: Azbooka, AzbookaAttikus; 2019. 352 p. (In Russ.).
12. Young Leninist. Daily newspaper of the North Caucasian Regional Committee of the Komsomol. Pyatigorsk; 1936. (In Russ.).
13. Young Leninist. Daily newspaper of the North Caucasian Regional Committee of the Komsomol. Pyatigorsk; 1937. (In Russ.).
14. The order of voters to the Pyatigorsk Council of the X convocation of 1934 Pyatigorsk: North Caucasian State Publishing House; 1935. 48 p. (In Russ.).
15. Nogina E.V. Sociocultural development of the urban population of Stavropol in 1920-1930: experience in historical research. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Stavropol; 2004. 28 p. (In Russ.).
16. Orlov I.B. Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation. Moscow: Ed. House of State. University of Higher School of Economics; 2010. 316 p. (In Russ.).
17. Report on the work of the Pyatigorsk City Council of the IX convocation. 1931 – 1934. Pyatigorsk: North Caucasus Regional State Publishing House; 1935. 60 p. (In Russ.).
18. Petrenko O.A. Formation and development of the Soviet periodical press system in Stavropol in the 1920s – 1930s. Abstract of a dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Rostov-on-Don; 2006. 20 p. (In Russ.).
19. Podvorko N.V. Seal of the Caucasian Mineral Waters: history, typology, current state. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Rostov-on-Don; 2008. 28 p. (In Russ.).
20. Soviet art. Organ of the All-Union Committee for Arts under the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow; 1937. (In Russ.).
21. Stalin's guys. Organ of the Organizational Bureau of the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League of the North Caucasus Region. Pyatigorsk; 1936. (In Russ.).
22. Stalin's guys. Organ of the Organizational Bureau of the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League of the North Caucasus Region. Pyatigorsk; 1937. (In Russ.).
23. Turitsyn I.V., Karmov R.K. "Belt of friendship" or Transcaucasian winter run of 1935-1936: from the history of Russian horse transitions. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. *Nauchnyi zhurnal NII istorii, ekonomiki i prava*. Moscow. 2018;(1):45-60. (In Russ.).
24. Turovskaya M. Dragon's Teeth. Moscow: AST: Corpus Publishing House; 2015. 656 p. (In Russ.).
25. Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin; 2008. 336 p. (In Russ.).



Научная статья
УДК 94(470.47).082
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.10>

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В 1870–1890-Е ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЗОРОВ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Баатр Викторович Очиров

Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, Элиста, 358000, Российская Федерация)
Ассистент
ochirov.baatr@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3471-8008>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу социально-экономического развития кочевых народов (калмыки, ногайцы, туркмены) на территории Ставропольской губернии в 1870–1890-е гг. На основе материалов Обзоров Ставропольской губернии были изучены и представлены сведения о хозяйстве и общественном быте данных народов. Актуальность работы связана с ее малоизученностью. Обзоры Ставропольской губернии еще не были главным объектом исследования в части изучения истории кочевых народов. Цель данной работы – систематизировать информацию о кочевых народах, опираясь на материалы Обзоров Ставропольской губернии, что даст возможность сформировать более целостное понимание их социально-экономического развития в указанный период. **Материалы и методы.** Исследование базируется на анализе обширных материалов Обзоров Ставропольской губернии, на основе принципов историзма, системном анализе, компаративном методе, позволившие рассмотреть ключевые аспекты социально-экономического развития кочевых народов в указанный период. **Анализ.** В статье проведен сравнительный анализ Обзоров, в которых исследуется демографическая ситуация среди кочевого населения в Ставропольской губернии. На основе материалов Обзоров был сделан вывод, что учет численности кочевников не был точным. Анализ показателей земледелия и скотоводства позволил оценить динамику развития хозяйства кочевых народов. Важным явлением, тесно связанным с хозяйственной деятельностью кочевых обществ, стал процесс перехода к оседлому образу жизни. Калмыки, ногайцы и туркмены в 1880-е гг. продолжали в большей своей части вести кочевой образ жизни. Важным ключевым моментом в развитии хозяйства номадов стало его структурное преобразование. Ярким примером тому, может служить появление в кочевых

обществах тонкорунной породы овец. **Результаты.** Обзоры Ставропольской губернии помогают дополнить представление о состоянии социально-экономического развития кочевых народов Ставропольской губернии. Они представляют ценные сведения, которые могут быть использованы для уточнения и дополнения информации из других источников. Данные Обзоров также позволяют провести сравнительную характеристику кочевых и крестьянских хозяйств и дать им более объективную историческую оценку. Исследованные данные показывают, что большинство кочевников сохраняли свой образ жизни, но их главное богатство – скот – уменьшалось, как и пастбищные земли. Это приводило к быстрому обеднению кочевых народов и переходу их к оседлому образу жизни.

Ключевые слова: калмыки, ногайцы, туркмены, кочевники, оседлость, скотоводство, земледелие

Для цитирования: Очиров Б. В. Динамика социально-экономического развития кочевых народов степного предкавказья в 1870–1890-е гг. по материалам Обзоров Ставропольской губернии // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 496–506. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-18-20019 «Между Востоком и Западом: цивилизационно-культурное развитие калмыцкого кочевого общества в составе дореволюционной России».

Статья поступила в редакцию: 23.05.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 30.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

Research article

DYNAMICS OF SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT OF NOMADIC PEOPLES OF THE STEPPE CISCAUCASIA IN THE 1870-1890S. BASED ON MATERIALS FROM STAVROPOL PROVINCE REVIEWS

Baatr V. Ochirov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikova (11, Pushkin St., Elista, 358000, Russian Federation)
Assistant
ochirov.baatr@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3471-8008>

Abstract. Introduction. The article analyzes socio-economic development of nomadic peoples (Kalmyks, Nogais and Turkmens) on the territory of the Stavropol province in the 1870–1890s. Based on materials from Stavropol Province Reviews, information about the economy and social life of these peoples was studied and presented. The relevance of the work is due to the fact that the topic is poorly studied. Stavropol Province Reviews have not yet been the main object of research in terms of studying the history of nomadic peoples. The purpose of this work is to systematize information about nomadic peoples, based on the materials of the Stavropol Province Reviews, which will make it possible to form a more comprehensive understanding © Очиров Б. В., 2024

of their socio-economic development in the specified period. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of extensive materials from the Surveys of the Stavropol province, based on the principles of historicism, systemic analysis, and the comparative method, which made it possible to consider key aspects of the socio-economic development of nomadic peoples in this period. **Analysis.** The article provides a comparative analysis of Reviews that examine the demographic situation among the nomadic population in the Stavropol province. Based on the materials of Reviews, it was concluded that the census of the number of nomads was not accurate. Analysis of indicators of agriculture and livestock breeding made it possible to assess the

dynamics of development of the economy of nomadic peoples. An important phenomenon closely related to the economic activities of nomadic societies was the process of transition to a sedentary lifestyle. Kalmyks, Nogais and Turkmens in the 1880s continued for the most part to lead a nomadic lifestyle. An important key point in the development of the nomadic economy was its structural transformation. A striking example of this is the appearance of a finewool breed of sheep in nomadic societies. **Results.** The Stavropol Province Reviews help to expand the understanding of the state of socio-economic development of the nomadic peoples of the Stavropol Province. They provide valuable information that can be used to clarify and supplement information from other sources. The Reviews data also allow for a comparative description of nomadic and peasant households and to give them a more objective historical assessment. The studied data show that most nomads retained their way of life, but their main wealth – cattle – was decreasing, as were pasture lands. This led to the rapid impoverishment of nomadic peoples and their transition to a sedentary way of life.

Введение. Обзоры Ставропольской губернии, выходявшие с 1879 по 1915 гг., представляли собой статистический свод материалов по губернии за календарный год. В них был собран объемный материал по хозяйственной деятельности населения, торговле, движении населения (рождаемость, смертность, количество заключенных браков), о податях и повинностях и общественном благоустройстве губернии. Отдельно в конце каждого Обзора были ведомости в виде таблиц, обобщавшие материал.

Кочевые народы – калмыки, ногайцы, туркмены (трухмены), населявшие Ставропольскую губернию, жили на территории Большедербетовского улуса, Ногайских и Туркменского приставств. По своему природному характеру эти территории преимущественно были степными и, начиная со второй половины XIX в. они стали объектом освоения со стороны крестьян-переселенцев и также активной политики царского правительства по переводу кочевников на оседлый образ жизни. Отсюда местной администрации требовались более точные показатели жизни данных кочевников. Их в первую очередь представляли годовые отчеты главного пристава кочующих народов, материалы исследователей и экспедиций. Потребность в систематизации информации о Ставропольской губернии, а вместе с ними данных по кочевым народам стала причиной публикации ежегодных Обзоров Ставропольской губернии, которые стали конечной точкой информационной картины губернии.

Об истории кочевых народов (калмыках, ногайцах, туркменах) во второй половине XIX в. имеется большое количество опубликованных и неопубликованных материалов.

В дореволюционной литературе, работы авторов носили описательный характер. К ним можно отнести труды Бентковского И.В. [2; 3], Дубровы Я.П. [10], Капельгородского Ф.И. [35], Щеглова И.Л. [34], Фарфоровского С.В. [31; 32; 33] В данных работах авторы излагали свои взгляды на образ жизни кочевников, обосновывали необходимость их перехода к оседлому образу жизни, а также предлагали способы улучшения их быта.

Советская историография внесла значительный вклад в изучение истории кочевых народов степного Предкавказья, предложив новый подход к анализу прошлого. Этот подход позволил расширить границы исторических исследований и углубить понимание процессов, происходивших в регионе. Здесь стоит обратить внимание на работы Кочекаева Б.Б. [14], Калмыкова И.Х., Керейтова Р.Х., Сикалиева А.И. [11], Лебединского А.А. [15; 16], Пальмова Н.Н. [27; 28], Ташнинова Н.Ш. [29], Тумаилова М. [30] Марксистско-ленинский взгляд на исто-

Keywords: Kalmyks, Nogais, Turkmens, nomads, sedentarization, cattle breeding, agriculture

For citation: Ochirov BV. Dynamics of socio-economic development of nomadic peoples of the steppe Ciscaucasia in the 1870-1890s. Based on materials from Stavropol Province Reviews. *Humanities and law research*. 2024;11(3):496-506. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-18-20019 "Between East and West: civilizational and cultural development of the Kalmyk nomadic society within prerevolutionary Russia."

The article was submitted: 23.05.2024.

The article was approved after reviewing: 30.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.09.2024.

рию кочевников в исследуемый период, представлялся как борьба эксплуатируемых классов с эксплуататорами и царизмом. Советские историки исходили из позиций марксистского понимания истории, изучали кочевое общество в разрезе классовой борьбы, его поляриности, где с одной стороны были массы бедных простолюдинов, с другой – богатый аристократический и околоаристократический классы.

Рассматривая историю кочевых народов степного Предкавказья – калмыков, ногайцев, туркмен, мы берем во внимание многочисленные материалы из архивных фондов, опубликованных книг, журналов дореволюционных авторов, научные работы советских ученых. На современном этапе аккумулируя все вышеназванные ресурсы, авторы продолжают изучение истории кочевых народов. Современные авторы стремятся изучать их жизнь во всем ее многообразии с позиций цивилизационного подхода. К ним стоит отнести работы Бадмаевой Е.Н. [1], Брусиной О.И. [4], Лиджиевой И.В., Кидирниязова Д.С., [12; 17], Команджаева А.Н. [13], Гимбатовой М.Б. [9], Волхонского М.А., Ярлыкапова А.А. [5; 35], Нахаевой И.В. [18]

Материалы и методы. Исследование проводилось с использованием системного анализа, компаративного метода, принципов историзма, цивилизационного подхода. Системный анализ материала в сочетании с компаративным методом исследования помогли выявить динамику социально-экономического развития кочевых народов Ставропольской губернии. Также удалось провести сравнительный анализ экономического положения кочевых и крестьянских оседлых хозяйств. Соблюдение принципов историзма позволило рассмотреть изучаемые явления в контексте их исторического развития.

К числу неопубликованных источников, содержащих сведения об истории кочевников степного Предкавказья во второй половине XIX века стоит отнести фонд 249 «Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии» в Государственном архиве Ставропольского края. Годовые отчеты главного пристава кочующих народов на протяжении второй половины XIX в. представляют богатый статистический материал по хозяйственному состоянию, общественному быту демографии и т.д.

Во второй половине XIX в. в Сборниках статистических сведений о Ставропольской губернии публиковались работы, посвященные истории и традициям кочевых народов, а также природно-климатическим условиям и возможностям перехода кочевников к оседлому образу жизни.

Обзоры Ставропольской губернии, которые являются основным объектом этого исследования, содержат обширную количественную информацию о кочевых народах. Многочисленные таблицы о демографии, хозяйстве легли в основу анализа данной работы.

В совокупности неопубликованные архивные материалы, Сборники статистических сведений и Обзоры Ставропольской губернии формируют комплексное представление об историческом развитии кочевых народов в рассматриваемый период. Эти источники, дополняя друг друга, предоставляют возможность гл-

бокого анализа динамики развития кочевых обществ, позволяя исследователям сопоставлять данные, охватывающие широкий спектр из общественной жизни.

Анализ. По данным Обзора за 1878 г. на территории Ставропольской губернии проживало 89 855 кочевых инородцев. Из них: 6775 – калмыки, 20575 – тухмены, 24320 – ачикулак-джембойлуковцы, 38 185 – караногайцы. В Обзоре также приводились данные по временно проживающим астраханским калмыкам, без указания общей численности [19, с.9]. Обзоры включали статистику о родившихся, умерших и количестве заключённых браков.

Таблица 1 / Table 1

Число родившихся, умерших и количество заключённых браков в 1878 г. [19, с.9] /
Number of births, deaths and number of marriages in 1878 [19, p.9]

	Число заключённых браков	Число родившихся	Число умерших
Калмыки	93	180	94
Туркмены	280	1237	312
Ачикулак-Джембойлуковцы	253	649	491
Караногайцы	184	727	788
Временно проживающие астраханские калмыки	1	269	12
ИТОГО	811	3062	1697

Согласно таблице, у временно проживающих астраханских калмыков рождаемость была выше, чем у калмыков Большедербетовского улуса. Это могло быть связано с неурегулированностью границ между Ставропольской и Астраханской губерниями, а также постоянными передвижениями кочевников через границы.

Наибольшая рождаемость наблюдалась у туркмен, которые находились в наилучших «биометрических» условиях. Вышеуказанные показатели, которые составляли раздел «движение населения» на протяжении всех обзоров, подчеркивали важность учета статистических данных для лучшего понимания динамики населения и связанного с ним социально-экономического развития степных пространств.

Не менее интересными представляются данные по религиозной принадлежности. Так, соотношение браков у буддистов составляла 1:73 (то есть 1 брак на 73 жителей обоего пола), у магометан – 1:133. Рождаемость на 100 человек у буддистов составляла 2,7 %, у магометан 3,8 %, смертность у буддистов 1,4%, магометан 2,6% [19, с.1011]. Таким образом, население Ставропольской губернии характеризовалось в разрезе народностей и религиозной принадлежности. Однако более точные показатели будут предоставлять нам данные по принадлежности к народности. При религиозной принадлежности возможны погрешности, по причине принятия представителей народа другой религии.

Помимо данных по населению, интерес представляет информация по хозяйственной деятельности кочевых народов. Многочисленные таблицы посевов и сборов урожая демонстрировали практику привлечения кочевников к оседлости, количественный показатель скота свидетельствовал о постепенном изменении скотоводческого уклада.

К выращиваемым культурам по данным Обзора относились пшеница озимая и яровая, рожь, овес, лен и «остальные яровые хлеба». Показатели сбора основных культур у кочевых народов были низкими. Это связано с кочевым образом жизни и отсутствием навыков ведения земледелия. Данные представлены в следующей таблице.

Данные показатели свидетельствовали о низком уровне земледельческой культуры в среде кочевых народов. За исключением пункта «остальные яровые» основные культуры представляли низкие показатели сбора. Причиной этому был кочевой образ жизни, незнание практики ведения земледелия и др. Для сравнения размеров посевов и сбора урожая можно привести пример – за тот же год на землях Новогригорьевского уезда крестьянами было посеяно 43115 четвертей озимой пшеницы и собрано 257872 четвертей [19, Ведомость о посеве и урожае хлеба].

В Обзоре за 1878 год нет отдельной ведомости по количеству скота. Однако в начале Обзора приводились данные о поголовье животных. Кочевым народам принадлежало 31 029 лошадей, что меньше показателя 1874 года (37 424 лошади). Поголовье рогатого скота, по сравнению с 1874 г., сократилось на 11 023 единицы и составило 80 454 в 1878 г. Овцеводство уменьшилось на 5 942 единицы и составило 295 513 овец в 1878 г. [19, с.34].

В Обзоре 1879 г. сообщалось, что среди кочевников численностью 88 591 человек на территории кочевых народов есть лица, занимавшиеся торговлей, частично земледелием и скотоводством, а также служащие лица. Их количество составляло 823 человека [20, с.3].

Плотность населения на землях кочующих народов составляла 2,6 чел. на кв. версту. К примеру, в Новогригорьевском уезде этот показатель составлял 11,8 чел. на кв. версту. О незначительности показателей возделывания земель на территории кочевых народов свидетельствовала информация о плотности населения по землевладениям. Отмечалось, что «земли кочующих народов, у которых если и производится ничтожные, сравнительно с пространством занимаемой ими территории, распашки, то почти исключительно крестьянами». И такие показатели плотности для «подобных выводов неудобны» [20, с.4].

Таблица 2 / Table 2

Посев и сбор сельскохозяйственных культур в 1878 г. (в четвертях) [19, Ведомость о посеве и урожае хлеба] / Sowing and harvesting of agricultural crops in 1878 (in quarters) [19, Statement on sowing and harvest of grain]

	Большедербетовский улуса		Туркменское приставство		Ачикулак-Джембойлуковское приставство		Караногайское приставство	
	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано	Посеяно	Собрано
Озимая пшеница	142	593	300	3826	667	8589		
Рожь	1	3	3	77	130	1476	152	677
Яровая пшеница	11	12						
Овес	1	6	86	1042				
Ячмень	6	22						
Гречиха							190	1400
Остальные яровые	1	22	60	1439	293	9211	296	1790
Лен	27	229						

Стоит обратить внимание на данные Обзоры, в ведомостях которых не представлены разделения между кочевниками и оседлыми крестьянами. К примеру, посев и сбор урожая приводился по всей территории в целом (улус, приставствы), без разделения на кочевников и крестьян.

В Обзоре 1879 г. отмечалось, что вследствие исторических причин, «бытовых, почвенных и климатиче-

ских условий» деятельность кочевников была направлена на скотоводство. Земледелие имело второстепенное значение при содействии крестьянского населения. Отдельные самостоятельные хозяйства являлись редким явлением.

Таблица 3 / Table 3

Количество скота за 1879 г. [20, с.12] / Number of cattle in 1879 [20, p.12]

	Калмыки	Туркмены	Ачикулак-Джембойлуковцы	Караногайцы	ИТОГО
Лошади	3885	7936	6795	11169	29785
Рогатый скот	14720	14452	20687	28214	78073
Овцы	18252	119841	57976	120146	316215
Козы	1571	3760	2650	11242	19223
Верблюды	24	5774	393	560	6751
ИТОГО	38452	151763	88501	171331	450047

Отмечая учет количества поголовья скота среди кочевников, в Обзоре приводилась следующая характеристика: «распределение скотоводства по территориям невозможно потому, что земли Ачикулак-Джембойлуковского приставства с Караногайским не размежеваны, а тухумяне с караногайцами зимой пользуются одними общими кочевьями в низовьях Кумы. Гораздо важнее выводы о распределении скотоводства между поселенными инородцами и кочевниками в полном смысле слова. Калмыки Большедербетовского улуса не кочуют,

а живут постоянными хотонами, но не в домах, а в кибитках. При распределении скотоводства, кибитка, как самостоятельная хозяйственная семья, принимается за двор» [20, с.12].

В этом же отчете представлена таблица, показывающая население «кочевых инородцев» в разрезе оседло поселившихся и продолжавших кочевать. К этому также добавлена информация по количеству имеющегося скота. Данные представлены в таблице 4.

Таблица 4/ Table 4

Соотношение оседлых и кочующих народов [20, с.12] / Table 4. The ratio of sedentary and nomadic peoples [20, p.12]

		Число кибиток	Численность	Общее количество скота	Количество скота на кибитку	Количество скота на 100 душ
Туркмены	Поселенные	300	1898	2090	7	116
	Кочующие	2023	13431	131773	65	983
Джембойлуковцы	Поселенные	4009	23581	13996	3	59
	Кочующие	60	297	74505	1241	24835
Караногайцы	Поселенные	-	-	-	-	-
	Кочующие	5417	36706	171331	31	466
Калмыки Большедербетовского улуса		1797	9786	38452	21	396

Таким образом, данные вышеуказанной таблицы свидетельствуют о том, что к концу 1870-х годов статистика по Ставропольской губернии не разделяла калмыков на поселившихся и кочевых считая, что они «...не кочуют, а живут постоянными хотонами, но не в домах, а в кибитках». Оседлого населения также не наблюдалось и среди караногайского населения. Наибольшее количество поселенных номадов можно наблюдать сре-

ди джембойлуковцев. Также данные таблицы указывают, что в плане наличествующего скота кочевая часть населения несравненно была богаче поселившихся соплеменников [21, с.13]. В целом в этот период кочевой образ жизни продолжало вести довольно большое количество населения.

Общая статистика по земледелию демонстрирует следующие показатели:

Таблица 5 / Table 5

Посев и сбор земледельческих культур в 1879 г. [20, с.13] / Sowing and harvesting of agricultural crops in 1879 [20, p.13]

	Посеяно четвертей	Снято четвертей
Калмыки	142	124
Трухмены	541	1122
Ачикулак-джембойлуковцы	2254	15493
Караногайцы	532	3127
ИТОГО	3469	19866

Как видно наибольший показатель по сбору урожая зафиксирован у ачикулак-джембойлуковцев. Здесь видна явная корреляция с показателями предыдущей таблицы, где у джембойлуковцев, была зафиксирована наибольшая доля «поселенных» кочевников. Такая же корреляция наблюдается у калмыков, у которых по итогам 1879 г. не было урожая. К причине этого можно было отнести низкую долю или отсутствие поселившихся калмыков. В Обзоре также отмечено, что в ауле Огузьер выращивали «сарацинское пшено» – рис, хоть и самого низкого качества.

Таким образом, исходя из данных Обзоров 1878, 1879 гг., можно сказать, что кочевники Ставропольской губернии к концу 1870-х годов продолжали сохранять кочевой образ жизни. Несмотря на то, что скот был главной их ценностью, его наличие сократилось по сравнению с серединой 1870-х гг. Земледелие находилось в «зачаточном» состоянии.

В Обзоре за 1881 г. информации о кочевых народах посвящен целый раздел под названием «Обзор экономического состояния инородцев кочующих в Ставропольской губернии». По этим данным известно, что общая площадь, занимаемая кочевыми инородцами, составляла 2 582 244 десятины земли. Из них 2 269 138 десятин принадлежало инородцам-магометанам и 313 106 десятин калмыкам Большедербетовского улуса [21, с.57].

В Обзоре приводились причины сохранения кочевого образа жизни, к которым относились «естественные и топографические условия страны, которые парализуют развитие между ними оседлой жизни и земледелия». Поэтому большинство инородцев продолжало кочевать [21, с.58]. Очевидно, что власти региона были крайне заинтересованы в том, чтобы перевести кочевников на оседлый образ жизни. Это было одним из главных направлений работы с кочевым населением губернии.

Дальнейшее рассмотрение вопроса раскрывало перед нами анализ каждого народа и его потенциала перехода на оседлость. Рассматривая калмыков, авторы Обзора отмечали, что они не кочевали (то есть не переходили с места на место для выпаса скота). Однако стоит отметить, что хоть и в Обзоре авторы писали, что калмыки не кочевали, они все же не были оседло поселившимися. Далее авторы указывали, что калмыки продолжали жить в кибитках, и передвигались они с ними на незначительные расстояния. Отмечалось,

что калмыки сильно обеднели в скотоводстве. В степях улуса насчитывалось лишь 69 домов, принадлежавших духовенству или более состоятельным калмыкам [21, с.59].

Бентковский И. анализируя водный потенциал Калмыцких степей, отмечал еще в 1868 г., что «устройство запруд и колодцев должно быть первым условием в деле колонизации калмыков, исключительно нами на этих степях допускаемой» [2, с.112]. Таким образом, рассматривая водный потенциал Большедербетовского улуса, он видел в этом хорошую возможность для более активного привлечения калмыков на оседлый образ жизни.

Хотя калмыки и не были оседло поселившимися, как утверждали авторы Обзора, переход на оседлость для них был неизбежен. Постепенное сокращение земель для кочевого хозяйства, приводило кочевников к освоению земледелия. Как отмечает Нахаева И.В., если в 1872 году на душу мужского пола приходилось лишь 0,15 десятин посевной площади, то в начале XX века этот показатель вырос до 12,4 десятин [18, с.179]. Освоение земледелия кочевниками, как видим, было одним из ключевых факторов перехода к оседлости.

Туркменское население губернии по образу жизни делилось на три категории: поселенцы «в полном смысле этого слова», поселенцы, получившие надел, но еще не оседлые и кочевники. К первой категории относились жители аула Малый Барханчак, с 119 дворами и 563 жителями, который состоял полностью из казанских татар, которые «не отличаются от русских крестьян». 8 аулов, принявшие 30 десятин на душу мужского населения относились ко второй категории. Это были аулы – Чур, Маштак, Куликовы копани, Юсуп-Кулак, Большой Барханчак, Кучерли, Шарахалсун, Озек-Суат. Однако, население данных аулов, принимало душевые наделы не по причине полезности оседлого образа жизни, а из-за бедности, сокращения скотоводства. К третьей категории относились три рода – Чавдуров, Игдыров и Соин-Аджиев, продолжавшие вести кочевой образ жизни. Но с сокращением «привольных пастбищ с хорошими водопоями, неурожая и эпизоотий», численность их скота уменьшалась, что заставляло их уходить на заработки в русские селения [21, с.59-60].

Ногайцы Ачикулак-Джембойлуковского приставства также делились на оседлых, полуоседлых и кочевни-

ков. К оседлым джембойлуковцам относили аул Камыш-Бурун численностью 546 человека, состоявший из казанских татар. Также за исключением Ильяс-Кинглау остальные джембойлуковцы были кочевниками. К полuosедлым относились все едисанские ногайцы (еди-санцы). Земледелием занимались единицы, из-за отсутствия малого количества рабочего скота [21, с.60].

Едишкульцы были полностью кочевниками, за исключением Махмудо-Кашакаева и Дуйсали-Ешимова, имевших жилые дома, в которых жили лишь зимой, а летом продолжали кочевать [21, с.60].

Караногайцы продолжали вести кочевой образ жизни. Меры по их переводу на оседлость не имели такого результата, как у туркмен. «Часть караногайцев, принявших в надел землю, пробыв некоторое время на своих участках, ушли и слились с общей массой кочевников» [21, с.60].

Наглядный обзор ситуации с оседлостью дает нам понять, что сам процесс перехода на оседлость проходил в среде кочевых инородцев крайне неравномерно. Это обуславливалось природными условиями, определявшими возможности дальнейшего продолжения кочевого образа жизни. Наличие пастбищ, водопоев, и возможности переходить с места на место позволялиномадам продолжать свой привычный образ жизни.

В Обзоре за 1881 г. отмечалось что, учет и статистика населения располагали только примерными данными, по причине того, что мусульманские и буддийские духовные лица предоставляли сведения «только на основании личных соображений» [21, с.66]. В 1881 г. в Большедербетовском улусе родилось 210 детей, в Трухменском приставстве 977 детей, в Ачикулак-Джембойлуковском и Караногайском – 631 и 861 детей соответственно. Год в плане рождаемости был положительным. [21, с.66].

Отдельно авторы Обзора привели информацию о «народной нравственности». Вот что пишется по этому поводу: «Статистика в течение многих лет доказывает, что уголовные преступления как то: грабежи, разбой и кражи не составляют характеристической черты кочующих народов, как это многие полагают, а напротив, ставропольские инородцы сами часто подвергаются разбоям астраханских кочевников, в особенности калмыков Мало-дербетовского улуса. В отчетном году не было на землях кочующих инородцев ни одного уголовного преступления и ни одного случая насильственной смерти; только случайно утонуло 3 человека» [21, с.68].

В области народного просвещения отмечалось, что с 1880 г. в каждом приставстве имелись народные училища: в Туркменском – на 16 мальчиков, в Ачикулак-Джембойлуковском на 20 и в Караногайском – на 25 детей [21, с.68]. В Большедербетовском улусе школа отсутствовала. Однако за счет калмыцкого общественно-го капитала воспитывалась 1 девочка в Ставропольской женской гимназии Св. Александры, двое обучались в Ставропольском духовном училище и 5 мальчиков

в народном училище в селе Ивановском [21, с.69]. Таким образом, развитие народного образования у кочевых народов отставало от экономического освоения степей. Слабая сеть народных училищ, закрывала доступ к образованию основной части детского населения. К тому же бедность не позволяла большей части населения обучать детей на платной основе.

Развитию образования уделялось особое внимание. В газете «Кавказ» в 1880 году была опубликована статья, посвященная образованию среди кочевых инородцев. В ней говорилось о важности и «большой осмотнительности» в деле распространения грамотности и учреждения школ в степях. Одними из главных причин виделось в «неимении оседлости у инородцев и происходящее от этого неудобство постоянной школы, недостаток учителей и вековое отвращение инородцев к русской грамоте [17, с.79-80].

Такой подробный обзор за 1881 г. позволил определить основные контуры социально-экономического положения кочевых народов Ставропольской губернии во второй половине XIX в. Он состоял в следующем – кочевники продолжали сохранять свой прежний образ жизни, но некоторые ее представители уже переходили на оседлость. Экономическая сила в виде скотоводства постепенно начинала ослабевать, что стало причиной пауперизации кочевого населения. Динамика численности одного года хоть и не позволила нам определить тенденцию в демографии кочевого населения, но дала нам узнать, что демографические данные ранее и в последующие годы были примерными и не имели абсолютного выражения. Сравнительная характеристика скота имела признаки его явного сокращения. Земледелие как форма деятельности кочевников стала развиваться вследствие изменяющихся условий ведения хозяйства и в первую очередь сокращения скотоводства. Дальнейшие обзоры позволили увидеть происходившие тенденции в численности населения, его социально-экономическом развитии, в том числе народном образовании.

Бентковский И.В., в 1881 г. отмечал, что добытые сведения о почвенных условиях территории кочующих народов дают возможность более точно определить пригодность земель для обоседления номадов [3, с.18]. Понимание структуры почвы, ее плодородия, влажности и других характеристик позволяли эффективно использовать земельные ресурсы и обеспечить устойчивое развитие крестьянских переселенческих хозяйств и создававшиеся оседлые поселения номадов.

Постепенное сокращение поголовья скота стало причиной обеднения кочевого населения. Земледелие начало развиваться среди кочевников из-за изменений в ведении хозяйства, вызванных сокращением скотоводства. Общее количество скота инородцев в 1881 г. составляло 420 709 единиц.

Таблица 6 / Table 6

Количество скота за 1881 г. [21, с.61] / Number of cattle in 1881 [21, p.61]

	Калмыки	Туркмены	Ачикулак-Джембойлуковцы	Караногай-цы	ИТОГО
Лошади	2634	9645	7671	11685	31635
Рогатый скот	12144	16670	21002	28999	79815
Верблюды	13	6784	515	748	8062
Овцы	12178	114361	47900	110266	284705
Козы	740	6769	1648	748	17484
ИТОГО	27683	154229	78736	160061	420709

Таблица 7 / Table 7

Количество скота в 1860-1870е гг. [6, л.129;7, л.29; 8 л.1011,34] /
Number of cattle in the 18601870s [6, л.129;7, л.29; 8 л.1011,34]

	Калмыки (1863)	Туркмены (1871)	Ачикулак-Джембойлуковцы (1872)	Караногайцы (1872)	ИТОГО
Лошади	7277	14660	8046	15120	45103
Рогатый скот	10902	10301	23974	35693	80870
Верблюды	511	6776	276	314	7877
Овцы	41717	118584	82921	106302	349524
Козы	447	1813	2150	9636	14046
ИТОГО	60854	152134	117367	167065	497420

Сравнивая с предыдущими десятилетиями в абсолютном выражении больше всего обеднели калмыки и ногайцы Ачикулак-Джембойлуковского приставства. Хотя у туркмен и караногайцев не произошло кардинального сокращения скота, все же сравнительная характеристика указывала на его сокращение. В данном контексте стоит обратиться к анализу данных, представленных в отчете за 1887 г. (таблица 12) Стоит отме-

тить, что в указанный год отсутствовали признаки сокращения, наоборот, наблюдался определенный подъем.

Данные Обзора за 1894 г. показывают, что поголовье скота значительно уменьшилось. Можно предположить, что у калмыков, ногайцев и туркмен сокращение происходило не одновременно и не у всех. Вероятно, это был постепенный процесс, и интенсивность сокращения отличалась у разных народов.

Таблица 8 / Table 8

Количество скота за 1894 г. [28, Ведомость о числительности скотоводства] /
Number of livestock for 1894 [28, Statement on the number of livestock]

	Калмыки	Туркмены	Ачикулак-Джембойлуковцы	ИТОГО
Лошади	1805	7518	6971	16294
Рогатый скот	17286	14810	18156	50252
Верблюды	43	5791	513	6347
Овцы	44756	87364	38351	170471
Козы	826	4608	2130	7564
ИТОГО	64716	120091	66121	250928

Как видно, калмыки восстановили количество овец, которое было в 1870-х гг. Однако рост поголовья овец скорее указывал на изменение породного состава стада.

Обзор Ставропольской губернии за 1886 г. был интересен тем, что в нем впервые были составлены посемейные списки инородцев, которые позволили про-

верить ранее показываемые показатели численности кочевого населения. Так число инородцев, по сравнению с предыдущими сведениями, оказалось меньше на 14519 мужчин и 10658 женщин или 25177 общей численности [23, с. 17].

Таблица 9 / Table 9

Сравнительная таблица данных по демографии за 1885 и 1886 гг. [22, с.16; 24, с.17] /
Comparative table of demographic data for 1885 and 1886 [22, p.16; 24, p.17]

	1885 г.			1886 г.		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Большедербетовский улус	6215	4597	10812	5327	4920	10247
Туркменское приставство	12781	10697	23748	9317	8779	18096
Ачикулак-Джембойлуковское приставство	13462	11336	24798	9364	7762	17126
Караногайское приставство	21299	16924	38223	15230	11705	26935
ИТОГО	53757	43554	97581	39238	33166	72404

Как видно из таблицы, после сбора посемейных списков, численность кочевников заметно сократилась. Особенно эта разница наблюдалась в Караногайском приставстве, где население после обновленных данных «уменьшилось» на 11298 человек. Наименьшую разницу мы видим по Большедербетовскому улусу, где после сборов списков население «уменьшилось» на 565 человек.

Для наглядной демонстрации движения населения в кочевых обществах Ставропольской губернии стоит обратиться к Обзору за 1887 г., где приводилась сравнительная характеристика 1880 и 1887 гг. Кроме того, в отчете за этот год, авторы пишут, что «усиленное

в последнее время колонизационное движение, ясно указывало на необходимость более точного исчисления оседлого населения губернии» [24,с.10]. Тем самым в таблицах стали отображаться «иногородние разных губерний оседло живущих».

Таблица 10 / Table 10

Соотношение кочевых народов и иногородних с других губерний [24, с.12] /
 The ratio of nomadic peoples and non-residents from other provinces [24, p.12]

	1880				1887			
	Коренные жители		Иногородние других губерний		Коренные жители		Иногородние других губерний	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Большедербетовский улус	5776	4176	22	5	5198	4489	1202	813
Туркменское приставство	11621	9841	40	17	9880	8640	501	303
Ачикулак-Джембойлуковское приставство	12776	10806	18	10	9445	7749	27	15
Караногайское приставство	20856	16605	70	19	15576	12846	30	18
ИТОГО	51029	41428	150	51	40099	33724	1760	1149

Сопоставление 1880 и 1887 гг. явно демонстрирует нам существенное увеличение иногороднего населения. В 1880 г. на всей территории кочевых народов было зафиксировано 201 иногородних [24, с.12]. В 1887 г. их число составляло 2909 человек. Таким образом, иногороднее население увеличилось почти в 14 раз. Такое стремительное увеличение не смогло обойти внимание

местной администрации, и статистика данного обзора подтверждает особое внимание к иногороднему населению со стороны местных властей.

Данные по посевам и сборам урожая за 1887 г. демонстрируют сравнительную характеристику ведения земледелия среди кочевников и арендаторов.

Таблица 11 / Table 11

Показатели по земледелию у кочевых народов и арендаторов [24, Ведомость
 о посевах и урожае хлебов] / Agricultural indicators among nomadic peoples and tenants
 [24, Statement on sowing and harvest of grain]

	Посеяно четвертей	Собрано четвертей
Большедербетовский улус		
Калмыки	506	2582
Арендаторы	2917	11001
Туркменское приставство		
Туркмены	543	2890
Арендаторы	7648	50626
Ачикулак-Джембойлуковское приставство		
Ногайцы	858	1761
Караногайское приставство		
Ногайцы	88	386

Арендаторы были главными производителями продуктов земледелия на территории кочующих народов. Причем, свои хозяйства они концентрировали на территории Большедербетовского улуса и Туркменского приставства по причине более благоприятных природно-климатических условий данных местностей. Помимо основных зерновых культур, крестьяне-арендаторы выращивали кукурузу, горчицу, лен, картофель. Наоборот, номады ввиду слабого развития земледелия выращивали лишь необходимое – пшеницу (озимую и яровую), рожь, овес, ячмень, просо. Но были и попытки разведения других культур. Например, калмыками Большедербетовского улуса за этот год были посеяны 6 четвертей льна и собраны 32 четверти. В Ачикулак-Джембойлуковском и Караногайском приставстве из-за почвенно-климатических условий земледелие ограничивалось только озимой пшеницей (изредка яровой), рожью, просом.

В целом дальнейшие отчеты будут демонстрировать поступающее увеличение посевных возможностей крестьянства в степях. В этом плане земледелие у кочевников будет иметь тенденцию роста и спада, и сельскохозяйственное богатство номадов к концу XIX века будет несопоставимо с крестьянскими хозяйствами.

Скотоводство к концу 1880-х гг. продолжало сохранять роль главной хозяйственной деятельности номадов. Однако и здесь постепенно менялся характер разведения скота.

Скотоводство по ведомости 1887 г. распределялось следующим образом (см.табл. 12)

В ведомостях были указаны данные по арендаторам лишь по Большедербетовскому улусу. Сравнивая количественный и качественный состав пород овец, можно отметить, что из кочевников, калмыки начали постепенно разводить тонкорунных овец, что свидетельствовало об изменении в содержании хозяйства. В хозяйстве арендаторов в улусе треть численности овец было тонкорунных. Ногайцы и туркмены продолжали разводить овец ногайской и калмыцкой пород. Однако эта таблица демонстрировала лишь абсолютные количественные показатели. Если брать это количество в разрезе каждой кибитки, то показатели будут более удручающие.

Так более половины инородцев – 55,3 % не имели никакого скота. Более всего в упадке находилось овцеводство. Овец не было у 72 % инородцев. Среди них беднее всех оказывались калмыки – 91,5 % не имели ни одной овцы. Оседло поселившиеся туркмены и джембойлуковцы были беднее своих кочующих сородичей. Среди первых – 61,5%, среди вторых – 69,4% не имели никакого скота. У оседлых только по 2 хозяина имели до 20 лошадей, в то время как у кочующих туркмен у 3 хозяев были табуны в 1000 голов, один джембойлуковец имел в собственности 500 лошадей [24, с.6].

Таблица 12 / Table 12

Количество скота за 1887 г. [24, Ведомость о численности скотоводства] /
Number of livestock for 1887 [24, Statement on the number of livestock]

	Лошади	Рогатый скот	Овцы		Козы	Верблюды	Свины
			всего	из них токорунные			
Большедербетовский улус	2046	12888	18561	1410	1301	11	10
Арендаторы в Большедербетовском улусе	646	11668	99882	36185	1418	4	612
Туркменское приставство	10641	10461	140242	-	8155	6390	-
АчикулакДжембойлуковское приставство	7412	15754	55855	-	3958	568	-
Караногайское приставство	15113	22944	150863	-	21877	1333	-

Также богатыми нельзя посчитать и тех инородцев, которые имели от 1 до 3 лошадей, от 1 до 6 штук рогатого скота, от 1 до 10 овец. Общая численность таких инородцев составляла 11820 семейств (75,8%). Калмы-

ки помимо своей крайней бедности, облагались денежной повинностью в виде албана – 7 р. 15 коп. с кибитки.

Ведомость за 1887 г. также предоставляла данные по падежу скота.

Таблица 13 / Table 13

Количество павшего скота за 1887 г. [24, Ведомость о численности скотоводства] /
Number of dead cattle in 1887 [24, Statement on the number of cattle breeding]

	Лошади	Рогатый скот	Овцы	Козы	Верблюды	Свины
Большедербетовский улус	65	328	1508	114	-	-
Арендаторы в Большедербетовском улусе	54	527	6386	-	-	24
Туркменское приставство	258	464	7356	191	123	-
АчикулакДжембойлуковское приставство	19	56	180	8	2	-
Караногайское приставство	460	673	3325	717	35	-

Падеж скота был неотъемлемой частью ведения кочевого хозяйства. Тем более, с постепенным сокращением пастбищ падеж увеличивался. Падеж скота также ускорял обеднение кочевого населения.

Таким образом, анализируя вышеназванные данные, можно сделать вывод, что скотоводческая деятельность среди инородцев была значительно ослаблена. Все это отражало общее экономическое положение кочевых народов в этот период. Данный факт и отсутствие скота у большого количества кочевников свидетельствовало об экономических трудностях и огромном неравенстве в их обществах.

Обзор 1888 г. начинался с информации о том, что площадь губернии уменьшилась примерно на 14 098 кв. версты. Причиной стал перевод Караногайского приставства и части земель между реками Кумой и Гайдуком в состав Терской области. Причем, площадь территории указана была примерной из-за того, что Караногайское приставство никогда не было отделено межевой линией от Ачикулак-Джембойлуковского приставства и поэтому не были определены точные границы между Ставропольской губернией и Терской областью. Вместе с территорией приставства к Терской области отошли 16 населенных пунктов и население численностью в 28 470 человек [25, с.1]. Таким образом, сведения по Караногайскому приставству перестали вноситься в Обзоры губернии. Как отмечали Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. переход Караногайского приставства в состав Терской области производился без согласия самих ногайцев. Как полагали авторы, решение властей было вызвано с целью усиления надзора за инородцами [11, с.48].

Начиная с Обзорных ведомостей о посеве и урожае хлебов за 1894 г. данные по территории кочевых народов были объединены с данными уездов. Так, сведения об урожае объединяли Ачикулак-Джембойлуковское приставство и Александровский уезд, Туркменское при-

ставство и Новогригорьевский уезд, Большедербетовский улус и Медвеженский уезд. Это демонстрировало, что степные пространства стали неотъемлемым продолжением крестьянских хозяйств данных уездов. И для удобства подсчета авторы этого и дальнейших Обзоров уже не видели необходимости разделять в земледельческом освоении земли уездов и кочевников. Поэтому дальнейшие Обзоры не позволили нам наглядно выделить развитие земледелия среди номадов [26, с.2].

Результаты. Таким образом, исследуемые Обзоры, позволяют нам существенно дополнить представление о состоянии социально-экономического развития кочевых народов Ставропольской губернии. Сравнительный анализ ежегодных Обзоров позволил проследить динамику их развития, что является ключевым аспектом для понимания исторических процессов происходивших в губернии, в том числе и в инородческих степях в исследуемый период. Обзоры Ставропольской губернии выступают в качестве значимого источника данных для анализа в контексте работы с дополнительными материалами, поскольку они содержат обобщенные сведения. Это позволяет использовать их для уточнения и дополнения информации, полученной из других источников. Кроме того, Обзоры, являясь исследованием, в первую очередь, Ставропольской губернии, также позволяют провести сравнительную характеристику кочевых и крестьянских хозяйств, тем самым дать им более объективную историческую оценку. Исследованные данные продемонстрировали нам, что большая часть кочевников продолжали вести кочевой образ жизни. Однако их главное богатство в виде скота сокращалось. Также сокращались земли под выпас скота. Все это послужило к ускоренному процессу обеднения кочевых народов. Переход кочевого населения к оседлому образу жизни был в некоторой степени вынужденной мерой в ответ на вызовы, с которыми столкнулись кочевники.

Литература

1. Бадмаева Е. Н. Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX – первой половине XX вв. // Былые годы. 2016. № 4. С. 1173–1181.
2. Бентковский И.В. Воды и степи Большедербетовского улуса соответствуют ли условиям колонизации калмыков? // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии / под. ред. Н.Н. Чернойарского. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1868. Выпуск 1, Отдел 1. С. 105–112.
3. Бентковский И.В. Кочующие народы в Ставропольской губернии // Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии / под. ред. И.В. Бентковского. Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1881. Выпуск 9, С. 15–18.
4. Бруси́на О.И. Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX–XX вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 2(75). С. 62–71.
5. Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А. Ногайская степь как культурный ландшафт: проблемы идентификации и изучения // Уральский исторический вестник. 2020. № 2(67). С. 61–70.
6. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 249. Оп. 2. Д. 86.
7. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 492.
8. ГАСК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 539.
9. Гимбатова М.Б. Общественный быт ногайцев в XIX – начале XX века. Махачкала: АЛЕФ, 2018. 174 с.
10. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 года. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1898. 239 с.
11. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Черкесск: Ставропольское книж. изд-во, Карачаево-Черкесское отделение, 1988. 232 с.
12. Кидирниязов Д. С. Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX - начале XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 7. С. 398–416.
13. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX века: исторический опыт и современность. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 262 с.
14. Кочкаев Б.Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – начале XX в. Алма-Ата, 1969. 60 с.
15. Лебединский А.А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века: социально-экономический очерк // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 99–123.
16. Лебединский А.А. Большедербетовский улус во второй половине XIX века: социально-экономический очерк // Калмыцкая область. 1925. № 3. С. 52–69.
17. Лиджиева И.В., Кидирниязов Д.С. Кочевники степного Предкавказья в период Великих реформ в России // Вестник РУДН. Серия: История России. 2021. № 1. С. 74–87.
18. Нахаева И.В. Социальная стратификация у кочевых народов степного Предкавказья в XIX – начале XX века: дис. ... канд. истор. наук. Ставрополь. 2000. 299 с.
19. Обзор Ставропольской губернии за 1878. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1879. 48 с.
20. Обзор Ставропольской губернии за 1879. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1880. 56 с.
21. Обзор Ставропольской губернии за 1881. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1882. 69 с.
22. Обзор Ставропольской губернии за 1885. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1886. 58 с.
23. Обзор Ставропольской губернии за 1886. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1887. 51 с.
24. Обзор Ставропольской губернии за 1887. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1888. 41 с.
25. Обзор Ставропольской губернии за 1888. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1889. 45 с.
26. Обзор Ставропольской губернии за 1894. Ставрополь: Типография Ставропольского губернского правления, 1895. 47 с.
27. Пальмов Н.Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 124–145.
28. Пальмов Н.Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 3. С. 70–108.
29. Ташнинов Н.Ш. Большедербетовский улус в конце XVIII – начале XX вв. // Этнографический вестник. Выпуск 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 144–172.
30. Тумаилов М. Туркмены Северо-Кавказского края (Краткий исторический очерк). Ашхабад: Турменское государственное издательство, 1925. 34 с.
31. Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1909. 42 с.
32. Фарфоровский С.В. Полукочевые народы Северного Кавказа (опыт историко-культурной монографии). Калмыки Ставропольской губернии. Ставрополь: [Б.и.], 1908. 42 с.
33. Фарфоровский С.В. Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. Казань: Типография императорского университета, 1911. 42 с.
34. Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 1. Ставрополь, 1910. 529 с.
35. Ярлыкапов, А. А. Филипп Иосифович Капельгородский и его рукопись «Караногай, страна кочевников и патриархального быта». Часть II. Продолжение // Кавказский сборник. Том 12 (44). Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 164–214.

References

1. Badmaeva EN. Peasant migrants from land-poor regions of Russia in Kalmykia in the 19th – first half of the 20th centuries. *Bylye gody*. 2016;(4):1173–1181. (In Russ.).
2. Bentkovsky IV. Do the waters and steppes of the Bolshederbetovsky ulus meet the conditions for the colonization of Kalmyks? in Collection of statistical information about the Stavropol province. Ed. by NN Chernoyarsky. Issue 1. Section 1. Stavropol: Provincial government publ.; 1868. P. 105–112. (In Russ.).
3. Bentkovsky IV. Nomadic peoples in the Stavropol province in Statistics of populated areas and land ownership in the Stavropol province. Ed by IV Bentkovsky. Issue 9. Stavropol: Provincial government publ.; 1881. P. 15–18. (In Russ.).
4. Brusina OI. Transformation of the nomadic lifestyle of the Stavropol Turkmen in the 19th–20th centuries. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 2023;2(75):62–71. (In Russ.).
5. Volkhonsky MA, Yarlykapov AA. Nogai steppe as a cultural landscape: problems of identification and study. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2020;2(67):61–70. (In Russ.).
6. State Archive of Stavropol Krai (GASK). F.249. Inv.2. D.86. (In Russ.).
7. GASK F.249. Inv.2. D.492. (In Russ.).
8. GASK F.249. Inv.2. D.539. (In Russ.).
9. Gimbatova MB. Social life of the Nogais in the 19th – early 20th centuries. Makhachkala: ALEF; 2018. 174 p. (In Russ.).
10. Dubrova YP. Life of the Kalmyks of the Stavropol province before the publication of the law of 1892. Kazan: Typolithography of the Imperial University; 1898. 239 p. (In Russ.).

11. Kalmykov IKh, Kereyrov RKh, Sikaliyev AI. Nogais. Cherkessk: Stavropol book publishing house, Karachay-Cherkess branch; 1988. 232 p. (In Russ.).
12. Kidirniyazov DS. Land legal relations and sedentarization of the Nogais in the second half of the 19th-early 20th centuries. *Nauchnyy dialog*. 2022;11(7):398-416. (In Russ.).
13. Komandzhaev AN. Economy and social relations in Kalmykia at the end of the 19th – beginning of the 20th century: historical experience and modernity. Elista: APP "Dzhangar", 1999. 262 p. (In Russ.).
14. Kochekaev BB. The class structure of Nogai society in the 19th – early 20th centuries. AlmaAta; 1969. 60 p. (In Russ.).
15. Lebedinsky AA. Bolshederbetovskiy ulus in the second half of the 19th century: socio-economic essay. *Kalmyckaja oblast'*. 925;(3):52-69. (In Russ.).
16. Lebedinsky AA. Bolshederbetovskiy ulus in the second half of the 19th century: socio-economic essay. *Kalmyckaja oblast'*. 925;(3):52-69. (In Russ.).
17. Lidzhieva IV, Kidirniyazov DS. Nomads of the steppe Ciscaucasia during the period of the Great Reforms In Russia. *Vestnik RUDN. Seriya: Istorija Rossii*. 2021;(1):74-87. (In Russ.).
18. Nakhaeva IV. Social stratification among the nomadic peoples of the steppe Ciscaucasia in the 19th – early 20th centuries: thesis. Stavropol; 2000. 299 p. (In Russ.).
19. Stavropol Province Review for 1878. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government; 1879. 48 p. (In Russ.).
20. Stavropol Province Review for 1879. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government; 1880. 56 p. (In Russ.).
21. Stavropol Province Review e for 1881. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government; 1882. 69 p. (In Russ.).
22. Stavropol Province Review for 1885. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government; 1886. 58 p. (In Russ.).
23. Stavropol Province Review for 1886. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government; 1887. 51 p. (In Russ.).
24. Stavropol Province Review for 1887. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government; 1888. 41 p. (In Russ.).
25. Stavropol Province Review for 1888. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government; 1889. 45 p. (In Russ.).
26. Stavropol Province Review for 1894. Stavropol: Printing house of the Stavropol provincial government; 1895. 47 p. (In Russ.).
27. Palmov NN. Sedimentation of Kalmyks and Russian immigration to the Kalmyk steppe. *Kalmyckaja oblast'*. 1925;(2):124-145. (In Russ.).
28. Palmov NN. Sedimentation of Kalmyks and Russian immigration to the Kalmyk steppe. *Kalmyckaja oblast'*. 1925;(3):70-108. (In Russ.).
29. Tashninov NSh. Bolshederbetovskiy ulus at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries. *Etnograficheskij vestnik*. 1973;(3):144-172. (In Russ.).
30. Tumailov M. Turkmen of the North Caucasus region (Brief historical sketch). Ashgabat: Turmen State Publishing House; 1925. 34 p. (In Russ.).
31. Farforovskiy SV. Nogais of the Stavropol province. Historical and ethnographic essay. Tiflis: Printing house K.P. Kozlovskiy; 1909. 42 p. (In Russ.).
32. Farforovskiy SV. Seminomadic peoples of the North Caucasus (experience of a historical and cultural monograph). Kalmyks of the Stavropol province. Stavropol: [B.I.]; 1908. 42 p. (In Russ.).
33. Farforovskiy SV. Trukhmen (Turkmens) of the Stavropol province. Kazan: Printing house of the Imperial University; 1911. 42 p. (In Russ.).
34. Shcheglov IL. Trukhmen and Nogais of the Stavropol province. Vol. 1. Stavropol; 1910. 529 p. (In Russ.).
35. Yarlykapov AA. Philip Iosifovich Kapelgorodskiy and his manuscript "Karanogai, the country of nomads and patriarchal life." Part II. Continuation in Caucasian collection. Vol. 12 (44). Moscow: Limited Liability Company Publishing House "Aspect Press"; 2020. P. 164-214. (In Russ.).



Научная статья

УДК 94(470.6)»1920»

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.11>

СОЦИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ НА ПИКЕ НЭПА

Александр Павлович Скорик^{1*}, Татьяна Викторовна Панкова-Козочкина²

^{1,2} Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (д. 132, ул. Просвещения, Новочеркасск, 346428, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор
s_a_p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

² Доктор исторических наук, доцент
p_k_t_v@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4660-0266>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Исторический период нэпа при всей его исследованности в отечественной историографии по-прежнему сохраняет целый ряд самостоятельных симптоматичных сюжетов, остающихся и сегодня ещё недостаточно изученными российскими историками. К числу таких исторических сюжетов нэповских времён относится детальное деление российского крестьянства на внутрисоциальные хозяйственно-производственные группы, помимо общепринятой и широко распространённой в публицистике и в научной литературе краткой интерпретации, когда в среде российского крестьянства 1920-х гг. выделяют только бедняков, середняков и кулаков. **Материалы и методы.** В ставропольской деревне, как это доказывается в статье на основе привлечения архивных материалов и историографических фактов, в результате осуществления нэпа сложилось восемь социально-производственных групп крестьянских хозяйств: беспосевные, бедняцкие, маломощные, неустойчивые середняцкие, середняцкие, зажиточные середняцкие, зажиточные, буржуазные (кулацкие, промышленные), которые выделены с помощью метода социальной дифференциации. Но обнаруженные архивные статистические данные не раскрывают в полной мере сущностные характеристики обозначенных выше социально-производственных групп крестьянских хозяйств, поэтому авторы использовали метод исторической реконструкции, формально-юридический и историко-антропологический методы для создания развёрнутой исторической картины ставропольской деревни времён нэпа, где на первый план выходит социальное лицо провинциального крестьянства. **Анализ.** Проведённый анализ исторических источников (прежде всего архивных ма-

териалов) и ряда ключевых историографических фактов из сложившейся современной российской историографии позволил в итоге представить завершённые исторические сюжеты о каждой из изученных групп крестьянских хозяйств, с выявлением их количественных параметров, уточнением критериев социальной дифференциации и описанием смысловых характеристик. **Результаты.** По итогам проведённого исследования делается вывод о сложной социально-хозяйственной дифференциации ставропольского крестьянства, которая отражала аграрную многомерность и внутреннюю противоречивость нэпа, во многом предопределившую его свёртывание в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: большевики, десятина, единый сельскохозяйственный налог, законодательство, земельные участки, крестьянские общества взаимопомощи, крестьянские хозяйства, новая экономическая политика (нэп), Ставропольский округ

Для цитирования: Скорик А. П., Панкова-Козочкина Т. В. Социально-хозяйственная дифференциация ставропольской деревни на пике нэпа // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 507–514. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.11>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 13.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

SOCIO-ECONOMIC DIFFERENTIATION OF THE STAVROPOL VILLAGE AT THE PEAK OF THE NEP

Alexander P. Skorik^{1*}, Tatyana V. Pankova-Kozochkina²

^{1,2} M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (132, Prosveshcheniya St., Novocherkassk, 346428, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Dr. Sc. (Philosophy), Professor
s_a_p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1283-8137>

² Dr. Sc. (History), Associate Professor
p_k_t_v@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4660-0266>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Despite all research in Russian historiography, the historical period of the NEP still retains a number of independent symptomatic plots that remain insufficiently studied by Russian historians even today. Among such historical plots of the NEP times is the detailed division of the Russian peasantry into intrasocial economic and production groups, in addition to the generally accepted and widespread brief interpretation in journalism and scientific literature, when only the poor, middle peasants and Kulaks are singled out among the Russian peasantry of the 1920s. **Materials and Methods.**

On the basis of archival materials and historiographical facts the article proves that in the Stavropol village eight socio-industrial groups of peasant farms were formed as a result of the implementation of the NEP: the ones without sowing, the poor, the low-power, unstable middle peasants, middle peasants, prosperous middle peasants, the prosperous, bourgeois (Kulak, industrial). They are identified using the method of social differentiation. However, the discovered archival statistical data do not fully disclose the essential characteristics of the abovementioned socio-industrial groups of peasant farms, so

the authors used the method of historical reconstruction, formal legal and historical-anthropological methods to create a detailed historical picture of the Stavropol village during the NEP, where the social face of the provincial peasantry comes to the fore. **Analysis.** The analysis of historical sources (primarily archival materials) and a number of key historiographical facts from the established modern Russian historiography allowed us to finally present completed historical plots about each of the studied groups of peasant farms, identifying their quantitative parameters, clarifying criteria for social differentiation and describing semantic characteristics. **Results.** Based on the results of the study, a conclusion is drawn about the complex socio-economic differentiation of the Stavropol peasantry, which reflected the agrarian multidimensionality and internal inconsistency of the NEP, which largely predetermined its curtailment in the late 1920s.

Введение. Одним из важнейших итогов осуществления нэпа в сельском хозяйстве стал рост экономического благосостояния крестьянства, причём, здесь, по нашему мнению, надо отойти от традиционного большевистского упрощения с его исключительным делением всей крестьянской массы только на три социальные группы: бедняки, середняки и кулаки, и такая тенденция в современной российской историографии уже обозначилась [7, с. 61–67; 11, с. 152–159]. Реальная социально-экономическая палитра в дифференциации российского крестьянства гораздо шире, и Ставропольскому окружному комитету ВКП(б) в январе 1927 г. удалось преодолеть партийный стереотип о вышеуказанной триаде, поэтому в отчёте о работе окружного комитета ВКП(б) за 1925–1926 гг. на одиннадцатой окружной партийной конференции мы видим сразу восемь групп крестьянства в ставропольской деревне, выделенных на основе базисного параметра размера площади обрабатываемого земельного участка, но, к сожалению, без размещения дополнительных разъясняющих комментариев авторов отчёта, ибо в те времена они особо не требовались, ведь обозначенные социально-экономические группы крестьянства считались очевидными.

Материалы и методы. Нам же в этой ситуации предстоит разобраться с помощью сравнительно-исторического метода, поскольку речь идёт о ключевом сюжете в понимании результатов новой экономической политики в одном из важнейших зерновых районов Северного Кавказа, и представить с использованием метода исторической реконструкции социально-экономическую дифференциацию ставропольского крестьянства (в чём и заключается цель настоящей статьи) на основе авторского исследовательского опыта с привлечением архивных исторических источников и вторичной анализа историографических фактов, с созданием описательного образа основных групп крестьянских хозяйств в ставропольской деревне и с выяснением разграничительных критериев, сложившихся в годы нэпа между этими группами.

Анализ. К началу 1927 г. в Ставропольском округе Северо-Кавказского края, объединявшем 10 сельских районов (ныне территориально это западная и центральные части Ставропольского края Российской Федерации), всего насчитывалось 1177–87 крестьянских хозяйств, которые ставропольские большевики, исходя из «реалий на земле», разделили на восемь групп [5, л. 30б].

Первая группа насчитывала 4829 безпосевных крестьянских хозяйств, или 4,10 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Что означало в годы нэпа слово «беспосевные»? Само название этой группы крестьянских хозяйств свидетельствует

Keywords: Bolsheviks, tithes, unified agricultural tax, legislation, land plots, peasant mutual aid societies, peasant farms, new economic policy (NEP), Stavropol district

For citation: Skorik AP, Pankova-Kozochkina TV. Socio-economic differentiation of the Stavropol village at the peak of the NEP. *Humanities and law research*. 2024;11(3): 507-514. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.11>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 13.04.2024.

The article was approved after reviewing: 23.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

об отсутствии в названных хозяйствах обработанных посевных площадей, но смысловых интерпретаций здесь возникает гораздо больше. Земля в таких хозяйствах могла быть в наличии, а вот крестьянин не мог возделывать принадлежавший ему земельный участок по разным причинам: 1) ввиду отсутствия в хозяйстве живого тягла; 2) недостатка у крестьянина материальных и финансовых средств (сельскохозяйственного инвентаря, посевного зерна, обеспечительного залогового имущества под урожай, свободных денег и т.д.); 3) отдалённости выделенного земельного участка от поселения, причём, по свидетельству ответственного инструктора ЦК РКП(б) В.В. Птухи, проверявшего работу отдельных сельсоветов Ставропольского округа в начале февраля 1925 г., когда «тот или иной участок земли расположен от села на расстоянии 70–80 вёрст», то говорить «о поднятии таких участков (в дореволюционное время целиком обрабатывались) не приходится» [4, л. 1]; 4) попадания в тяжёлую жизненную ситуацию в результате форс-мажорных обстоятельств (пожар, наводнение, засуха, и т.п.). К группе безпосевных крестьянских хозяйств могли принадлежать батраки (сельскохозяйственные рабочие), которые по определению свой земельный участок не обрабатывали (но сохраняли землю за собой в надежде на лучшие времена, и обычно сдавали участок в аренду), ибо не имели такой возможности, поскольку на местном рынке труда они продавали свою рабочую силу, чтобы сохранить личное и семейное витальное пространство. Батрачили крестьяне, как в территориальных пределах своего родного поселения, нередко по соседству у более успешного поселенина (включая родственников), так и оставляя село (деревню) в поисках выполнения договорных полевых работ у более зажиточных крестьян в других местах. Обедневшие крестьяне также уходили на заработки, покидали своё постоянное место жительства для работы в других сферах экономики: на промышленных предприятиях, на шахтах, на верфях и пр. Отходный промысел относительно сносно кормил таких крестьян, позволял материально содержать порой немалые семьи, не порывая до конца связей с родной деревней, и чем ближе та или иная деревня находилась к городу, тем большее количество крестьян покидало своё поселение, и на региональном рынке наёмной рабочей силы росла конкуренция из числа крестьян, желающих поскорее, порой за бесценок, продать «свои рабочие руки». Преобладающий экономический рост промышленности в годы нэпа по сравнению с медленно восстанавливающимся после разрушительной Гражданской войны сельским хозяйством только подстёгивал деревенское отходничество, имевшее сезонное колебание по сфере занятости и масштабам привлечения рабочей силы.

Детальное нормативно-правовое регулирование труда батраков и батрачек в крестьянских хозяйствах зафиксировано в Постановлении СНК СССР «Временные правила об условиях применения подсобного наёмного труда в крестьянских хозяйствах» от 18 апреля 1925 г. [8, Ст. 183]. По существу, речь идёт о заключении полноценного трудового договора (соглашения) между батраком (батрачкой) и нанимателем (главой крестьянского хозяйства) под патронажем профессиональных союзов, местного отделения Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих СССР (Всеработземлеса), хотя последнее условие не являлось обязательным. Согласно «Временным правилам» (абзац 2, пункт 2), «в соглашении должны быть указаны: а) основные работы, на которые нанимается батрак или батрачка, б) срок найма, в) рабочее время, г) размер, виды и сроки выплаты заработной платы, д) дополнительные условия, устанавливаемые сторонами» [8, Ст. 183]. Изучение нами содержания данного нормативно-правового акта показывает, что трудовые соглашения прописывали все нюансы труда сельскохозяйственных рабочих в частных крестьянских хозяйствах, подлежали регистрации в сельских советах «не позднее двух недель с момента найма» (пункт 3) и позволяли, если следовало «Временным правилам», защитить социально-трудовые интересы батраков.

Вторую группу составляли 14429 бедняцких крестьянских хозяйств, или 12,25 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 0,09 до 2 десятин, или от 9 соток до 2,185 гектаров. Мог ли такой небольшой земельный участок прокормить большую крестьянскую семью?! При возделывании зерновых культур минимальное агрономическое требование заключается в применении трёхполья, но при обозначенном размере площади земельного участка это обеспечить невозможно, а, соответственно, надо либо арендовать дополнительно землю, либо же искать дополнительные возможности для заработка. К тому же, как свидетельствовал губпродкомиссар Ставропольской губернии З.М. Шуголь в декабре 1921 г., готовясь к V Ставропольскому губернскому съезду Советов: «До самого последнего времени крестьянство губернии ещё не привыкло к правильному севообороту, почему даже трёхполье Центральной России было для него ещё не достигнутой стадией развития. Та «вольная» система полеводства, которая особенно распространена в губернии, самым хищническим образом истощала земли. При таких условиях опасность частичного недорода или даже общего неурожая должна являться постоянной» [3, л. 6]. Урожайность «сам один» и даже «сам два» при столь малом, обозначенном выше земельном участке и применяемой агротехнике бедняцкого крестьянского хозяйства бесперспективна, если не сменить полеводство на иную отрасль, например, овощеводство, табаководство, пчеловодство и др., что вполне было возможно в условиях степных районов Северного Кавказа. Но, судя по всему, крестьянским хозяйствам этой группы не удавалось выйти за черту бедности, даже при изменении отраслевой структуры хозяйственных занятий. Бедняцкий двор также не отличался сколь-нибудь заметным количеством хозяйственных построек, и примыкавшие к дому пара сараев очерчивали его основное обустройство.

Третью группу составляли 22 804 маломощных крестьянских хозяйств, или 19,36 % от общей численно-

сти крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 2 до 4 десятин, или от 2,19 до 4,37 гектаров, тогда как средний душевой надел в России даже до отмены крепостного права равнялся 3,4 десятины, поэтому не случайно обозначенные хозяйства называли маломощными. Маломощные крестьянские хозяйства, как правило, ассоциировались с малочисленными семьями, что не позволяло им поддерживать самообеспечительное хозяйственное развитие. Такие хозяйства имели из живого тягла лишь одну лошадь, или вовсе были не в состоянии её завести, а без наличия живого тягла перспективы существования крестьянского хозяйства тогда оценивались весьма проблематично. Вообще рабочий скот служил немаловажным критерием для дифференциации первых трёхчлётных групп крестьянских хозяйств, поскольку его присутствие предопределяло саму возможность только своими силами осуществлять хозяйственную деятельность. Скудный набор орудий труда дополняет наши представления о маломощных крестьянских хозяйствах, когда в полевых работах использовались: неказистая старинная соха, деревянная борона, ручная коса и горбатенький серп. Конечно, маломощное крестьянское хозяйство могло рассчитывать на общинную помощь, точнее на помощь земельного общества, в форме которого сохранялась крестьянская община в годы нэпа. Объём неотложных полевых работ, где требовалась поддержка для маломощных крестьянских хозяйств, в частности, включал: вывоз естественных удобрений на земельные участки, осуществление весенней вспашки, когда важно её произвести в очень короткие сроки, своевременная уборка полученного урожая, чтобы избежать потерь. Естественно, маломощные крестьянские хозяйства не могли в полной мере оплатить даже в натуральной форме весь объём выполненных работ в рамках супруги, и обычно всё ограничивалось угощением добровольных помощников, как говорится, чем Бог послал, но нередко соседи помогали совершенно бескорыстно, абсолютно ничего не требуя взамен, просто «за ради Христа», не дожидаясь обязательного решения сельского схода об оказании помощи. В крестьянском мире сделать добро своему соседу тогда считалось обычным, привычным поступком, причём, совершенно искренним и абсолютно бескорыстным, хотя, безусловно, встречались и примеры обратного порядка, когда «моральная экономика» давала глубокую трещину. Добровольно после завершения жатвы на своих собственных участках, освободившиеся косцы и жницы без промедления направлялись на помощь маломощным хозяевам, которые по разным причинам задерживались в своевременном снятии урожая, ввиду своей «маломощности». Крестьянский мир не только выделял земельный участок, скажем, изначально маломощным «женским семьям», где из-за различных жизненных обстоятельств, в том числе, из-за демографических проблем после разрушительной Гражданской войны, отсутствовали взрослые работоспособные мужчины, но и помогал в его обработке, чтобы обеспечить минимальные потребности такой семьи. Также поступали в отношении тех крестьянских семей, где взрослые работники, к сожалению, занебудили (заметим, беспорядных пьяниц в деревне никогда не любили, хотя почтительно их, конечно же, жалели), а болезнь ограничивала возможности для продуктивных хозяйственных занятий и выполнения ими обязательных общинных повинностей, которые «общество» брало на себя.

В годы нэпа получили довольно широкое распространение крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (ККОВы), или как они назывались с 1925 г. крестьянские общества взаимопомощи (КОВы). В Ставропольском округе за период 1925–1926 гг. помощь получили 8377 крестьянских хозяйств, причём, поддержка отдельным крестьянским хозяйствам оказывалась в виде денежных ссуд, как отмечалось в отчёте о работе Ставропольского окружного комитета ВКП(б) за 1925–1926 гг., «с выдачей возвратных на 6064 руб. 35 копеек». Трудовая помощь в указанный период 547 крестьянским хозяйствам осуществлялась с привлечением 300 лошадей и выработкой 492 человеко-дней (данные сведения получены по 7 районам округа) [5, л. 21].

Советская власть целенаправленно поддерживала бедняцкие крестьянские хозяйства, поэтому единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) ими выплачивался в льготном режиме. Налоговое бремя распределялось как раз в зависимости от социально-экономического статуса крестьянского хозяйства. В Ставропольском округе в 1926/1927 г. было «освобождено бедняцких хозяйств вовсе от налога 20,9 проц.», и средняя сумма налога на одно бедняцкое крестьянское хозяйство не превышала 13 руб. [5, л. 4].

Четвёртую группу составляли 19352 неустойчивых середняцких крестьянских хозяйств, или 16,43 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств в расчёте на одно владение имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 4 до 6 десятин, или от 4,37 до 6,56 гектаров. Такие крестьянские хозяйства подходили к социально-экономическому порогу простого воспроизводства, поскольку, если принять за минимальный состав крестьянской семьи двух взрослых родителей работоспособного возраста и двух детей, обладающих лишь частичной работоспособностью в силу своего малолетства, то достаточная площадь земельного участка с учётом минимального (согласно агротехническим нормам того времени) трёхпольного севооборота должна достигать 6,8 десятины, из них при таком раскладе будет засеиваться 4,54 десятины, а оставшаяся треть земель должна отводиться под пары, и, соответственно, тогда расчётная средняя урожайность на уровне «сам три» может обеспечить относительное социально-экономическое благополучие крестьянской семьи. Однако при нарушении (невыполнении) лишь одного из обозначенных расчётных условий крестьянское хозяйство сразу становилось неустойчивым в его социально-экономическом благополучии и переходило в группу бедняцких крестьянских хозяйств, более низкую в рассматриваемой нами хозяйственной иерархии, но в какую именно группу, непосредственно зависело от сложившейся ситуации для данного крестьянского хозяйства.

Неустойчивые середняцкие крестьянские хозяйства при оценке их состояния на местах не всегда отделяли от собственно середняцких хозяйств и считали в местной социально-экономической статистике вместе, ибо грань устойчивости определить в таком случае сложно, для чего необходимо непременно отследить динамику развития такого хозяйства, по крайней мере, за пять лет, но на практике местные чиновники зачастую вовсе не стремились этого делать. Выражение «маломощный середняк» постепенно исчезает из делового оборота. Как справедливо замечает Л.В. Лебедева, «маломощные» середняцкие крестьянские хозяйства были наибо-

лее уязвимы и в период неурожая окончательно разорялись и переходили в бедняцкую группу» [7, с. 63].

С другой стороны, осуществление нэпа в ставропольской деревне приводило к заметному её осереднячиванию, и вчерашние бедняки теперь уже оказывались в большой группе середняков, которая, в свою очередь, дифференцировалась на три относительно самостоятельные группы: 1) неустойчивых середняцких крестьянских хозяйств, или маломощных середняков; 2) середняцких крестьянских хозяйств, или середняков; 3) середняцких крестьянских хозяйств, находившихся в переходном состоянии к группе зажиточных хозяйств, или зажиточных середняков. Осереднячивание деревни являлось общей тенденцией в годы нэпа в стране, и оно происходило «за счёт значительного сокращения зажиточной прослойки и увеличения середняцкой. Именно на неё рассчитывала опереться власть на пути социально-экономической трансформации села» [11, с. 152–153]. При этом, используя выводы ставропольских большевиков [5, л. 30б], мы отделяем группу зажиточных середняков от собственно зажиточных крестьянских хозяйств. Конечно же, часть крупных, зажиточных крестьянских хозяйств, скажем, в силу семейных разделов пополняла группу середняцких хозяйств. Причём, выделение женатых сыновей в самостоятельное хозяйство зачастую делалось по женской инициативе, о чём красноречиво в своё время писал А.Н. Энгельгардт: «Всё, говорят, от баб, все делёжки от них, весь бунт от баб; бабы теперь в деревне сильны. Действительно, сколько и я мог заметить, у баб индивидуализм развит ещё более, чем у мужиков, бабы ещё эгоистичнее, ещё менее способны к общему делу – если это дело не общая ругань против кого-либо..., зато у баб гораздо больше инициативы, чем у мужчин» [14, с. 183, 184]. Тем не менее, несмотря на все особенности формирования середняцких крестьянских хозяйств, ещё раз подчеркнём, прямым следствием большевистской аграрной политики времён нэпа было превращение середняков в главную фигуру ставропольской доколхозной деревни. С учётом достигнутого экономического благополучия середняцкие крестьянские хозяйства Ставропольского округа в 1926/1927 г. выплачивали единый сельскохозяйственный налог в размере от 51 до 150 руб. с одного двора [5, л. 4].

Пятую группу составляли 26219 середняцких крестьянских хозяйств, или 22,26 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 6 до 10 десятин, или от 6,56 до 10,93 гектаров. Средняцкие крестьянские хозяйства характеризовались достаточностью рабочей силы для обработки земельного клина, который находился у них во владении, пользовании и распоряжении. Средняк мог себе позволить в случае недостатка семейных ресурсов нанять дополнительную рабочую силу, в зависимости от потребности его развивающегося хозяйства. В отношении найма-сдачи земли середняк в основном выступал как арендополучатель, нежели как арендодатель, ибо выход на товарность крестьянского хозяйства для него обозначал увеличение, а не сокращение обрабатываемых земельных площадей, и, соответственно, рост масштабов запашки земли гарантировал экономическое благополучие. Средняцкие крестьянские хозяйства отличались достаточностью сельскохозяйственного инвентаря и живого тягла, а потому временная сдача их

в наём (после выполнения полевых работ в своём хозяйстве) являлась для таких хозяйств одной из важных (но не основных) статей дохода, наряду с возможностью обеспечения относительно высокого уровня урожайности выращиваемых сельскохозяйственных культур, не менее устойчивого показателя «сам три». Сдача в наём сельскохозяйственного инвентаря и живого тягла, как правило, оплачивалась не деньгами, а отработками арендополучателей, или же в натуральной форме частью полученного урожая. В любом случае середняк не оставался внакладе: или пользовался даровой рабочей силой, или же в его хозяйских закромах появлялась неплохая прибавка того же зерна.

Однако середняцкие крестьянские хозяйства характеризовались неоднородностью, поэтому сдача имущества в аренду не являлась для них основным источником дохода, как это обычно происходило в типичной хозяйственно-экономической деятельности седьмой и восьмой групп. Главное, что отличало середняка – это самообеспечительный уровень хозяйственного развития, наличие всех основных элементов крестьянского хозяйства: жилой дом, одна-две лошади, дойная корова, базовые хозяйственные постройки (конюшня, погреб, коровник, свинарник, хлев мелкого рогатого скота, сараи домашней птицы и пр.), сельскохозяйственный инвентарь примитивного вида (никакой машинной техники у него, как правило, не было). К середняцкому хозяйственному двору традиционно примыкал ограждённый забором или просто жердями огород, а уж за ним, как и положено, находились: укатанный участок земли для обмолота хлебов (гумно), сарай для хранения урожая (амбар) и сушильная хозяйственная постройка (рига) для просушки снопов перед молотью. Но основным богатством для середняков считалось наличие не менее 4-х трудоспособных работников. Однако все перечисленные достоинства не избавляли середняцкое крестьянское хозяйство от возможности разорения, хотя оно уже было практически маловероятным по сравнению с предшествующими группами.

Шестую группу составляли 18387 середняцких крестьянских хозяйств, находившихся в переходном состоянии к группе зажиточных хозяйств, и, если считать их в долевым отношении, то они достигали 15,61 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 10 до 16 десятин, или от 10,93 до 17,48 гектаров. Тем самым, при сложении количества пятой и шестой групп хозяйств, а также с учётом крестьянских хозяйств четвёртой группы, получается, что середняки являлись основной частью населения ставропольской деревни в результате осуществления нэпа (63958 хозяйств, или 54,3 %). Зажиточные середняцкие хозяйства, как правило, отличались наличием больших семей, а, следовательно, в них обычно хватало рабочих рук для обработки больших земельных площадей, а в случае чего они могли себе позволить временно нанять батраков. Они же получали большие земельные участки по распределительной норме на одного едока, или по потребительской норме, обусловленной уравнительной системой распределения земли в годы нэпа, когда учитывалось количество членов семьи. Живое тягло у них было представлено лошадьми и несколькими парами быков, непременно имелись коровы (дойные и молодняк), шлейф сельскохозяйственных орудий (плуги, бороны, и пр.) и набор транспортных средств,

начиная с простейших ходов и заканчивая саними. Двор зажиточного середняка, помимо жилого дома, включал отдельные хозяйственные постройки для различных надобностей, а их количество зависело исключительно от уровня экономической состоятельности конкретного крестьянского хозяйства. Исторически с этой группой зажиточных середняцких крестьянских хозяйств можно ассоциировать приличный слой «крестьян-культурников», имевших тенденцию трансформации из поднявшихся в годы нэпа бывших бедняков, ставших теперь середняками, в самостоятельных фермеров с развитым хозяйством, основанном на мелкотоварном аграрном производстве. «В масштабах всей деревни это могло выразиться в модернизации сельского хозяйства, осуществлённой на базе фермерских хозяйств (разумеется, это было бы весьма специфическое советское фермерство)» [2, с. 130]. Увы, с началом сплошной форсированной коллективизации укрепившийся слой «крестьян-культурников» быстро исчез с исторической арены, но «опыт их хозяйствования, взаимоотношений с односельчанами и органами власти в определённой степени может быть востребован фермерами и агроуправленческими структурами РФ» [1, с. 58].

В «Поднятой целине» М.А. Шолохов талантливо описал такой тип настоящего «хозяина-культурника», «сеятеля и хранителя» в образе Якова Лукича Островнова: «Вернулся я в двадцатом году из отступа. У Чёрного моря осталось две пары коней и всё добро. Вернулся к голому куреню. С этих пор работал день и ночь. Продразвёрсткой в первый раз обидели товарищи: забрали всё зерно под гребло. А потом этим обидам и счёт я потерял. Хотя счёт-то им и можно произвести: обидют и квиток выпишут, чтоб не забыть... Вот они тут, квитки об том, что сдавал в двадцать первом году: а сдавал и хлеб, и мясу, и маслу, и кожи, и шерсть, и птицу, и целыми быками водил в заготконтору. А вот это окладные листы по единому сельскому налогу, по самооблогу и опять же квитки за страховку... И за дым из трубы платил, и за то, что скотина живая на базу стоит... Скоро этих бумажек мешок набираю... Словом..., жил я – сам возля земли кормился и других возле себя кормил. Хотя и не раз шкуру с меня сымали, а я опять же ею обрастал... Стал я к агрономам прислухаться, начал за землёй ходить, как за хворой бабой. Кукуруза у меня первая в хуторе, урожай лучше всех. Я и зерно протравливал, и снегозадержание делал. Сеял яровые только по зяби без весновспашки, пары у меня завсегда первые. Словом, стал культурный хозяин, и об этом имею похвальный лист от окружного ЗУ, от земельного, словом, управления» [12, с. 17]. И таких «культурных хозяев», как Яков Островнов, в казачьей и крестьянской среде, согласно выше приведённой статистике, было немало. В период нэпа получил распространение даже характерный для «крестьян-культурников» термин «хозяйственное обрастание», который тогда употребляли по отношению к сельским коммунистам. Не случайно нарком земледелия РСФСР А.П. Смирнов 16 декабря 1924 г. написал эмоциональное письмо секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову в связи со статьёй «О борьбе с хозяйственным обрастанием» в газете «Известия», в котором подчёркивал необходимость «прекращения травли культурных хозяйств деревенских коммунистов, не применяющих наёмного труда; в противном случае мы не сумеем никогда добиться авторитета в деревне» [13, с. 146].

Седьмую группу составляли 8163 зажиточных крестьянских хозяйств, и, если считать их в долевым отно-

шении, то они достигали 6,93 % от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью примерно от 16 до 25 десятин, или от 17,48 до 27,31 гектаров. Данная группа находилась в переходном социально-экономическом состоянии к группе буржуазных хозяйств (или кулаков), в основу существования которых была положена эксплуатация чужого труда (а не привлечение сезонных работников), когда глава хозяйства сам уже не работал и активно использовал способы получения прибыли за счёт ссуживания денежных средств, семенного зерна и пр., передачи в аренду сельскохозяйственного инвентаря, живого тягла и др. Зажиточные крестьянские хозяйства отличались использованием сельскохозяйственных машин, например, лобогреек; лошади в них содержались не только как рабочий скот, но и отдельно для транспортных целей; урожай обеспечивался за счёт применения многопольного севооборота, внесения удобрений, отбора семенного материала, использования передовых технологий обработки почвы. Зажиточные крестьянские хозяйства, как и последующая в изучаемой социально-экономической иерархии группа буржуазных (кулацких) крестьянских хозяйств ассоциировались с расширенным мелкотоварным аграрным производством, ориентированным на региональный рынок, с использованием сложных сельскохозяйственных машин, например, локомобиля, а то и трактора.

Восьмую группу составляли 3604 буржуазных крестьянских хозяйств, и, если считать их в доле от общей численности крестьянских хозяйств в Ставропольском округе. Эта группа крестьянских хозяйств имела обрабатываемый земельный участок общей площадью свыше 25 десятин, или от 27,31 гектаров. Её экономическое благополучие строилось на широком применении наёмного труда батраков и дарового труда должников (своеобразных закупов, оплачивавших таким способом оказанные им услуги), когда сам глава хозяйства уже не работал, а, помимо руководства сельскохозяйственными работами, занимался ростовщической деятельностью, поскольку он целенаправленно предоставлял бедным поселянам денежные средства, семенное зерно, иное имущество в долг (аренду) с последующим возвращением вместе с кабально высокими процентами, иначе говоря, деньги кулаком давались в рост, зерно получалось от предпримчивого дельца бедняками внасп (дополнение сверх взятого крестьянином в долг) и т.д., причём, нередко речь шла о перепродаже различного имущества таким барышником неопределённому кругу лиц в целях извлечения сверхприбыли. Именно ростовщичество и спекуляция (перекупка), широкомасштабное использование наёмного труда выступали отличительными признаками буржуазных (кулацких) крестьянских хозяйств в годы нэпа, численность которых оценивается специалистами в пределах 3–4–6 % в регионах [7, с. 63; 11, с. 154], или, по подсчётам известных историков-аграрников В.П. Данилова и Н.А. Ивницкого в среднем по всей стране в 1927 г. около 4 % [6, с. 12], если, конечно, к ним не прибавлять зажиточные крестьянские хозяйства, что стало характерной тенденцией осуществления сплошной форсированной коллективизации в зерновых районах Северного Кавказа. Помимо высоких доходов от частной торговли буржуазное (кулацкое) хозяйство отличало наличие сложной машинной сельскохозяйственной техники и большое количество рабочего ско-

та. С учётом сверхвысокой экономической доходности буржуазные (так в источнике! – А.С., Т.П.К.), кулацкие крестьянские хозяйства Ставропольского округа в 1926/1927 г. обязывались выплатить единый сельскохозяйственный налог в размере от 230 руб. и выше с одного двора [5, л. 4], или в 18 раз больше, нежели вносили бедняцкие хозяйства, причём, практически к 1 января 1927 г. они уже рассчитались по ЕСХН.

Идентифицирующие социально-экономические признаки буржуазных (промышленных) крестьянских хозяйств, или критерии для выявления кулаков, закрепились в годы нэпа в нормативноправовом порядке. В постановлении СНК СССР «Об изменении временных правил об условиях применения подсобного наёмного труда в крестьянских хозяйствах» от 10 октября 1927 г. «к хозяйствам промышленного типа» (выделены нами. – А.С., Т.П.К.) относятся крестьянские хозяйства при наличии следующих условий:

а) если в хозяйстве одновременно применяется труд не менее 3 батраков или батрачек в течение целого сельскохозяйственного сезона (от начала до конца полевых работ в данном районе);

б) если члены двора обязаны выбирать патенты на промышленные предприятия не ниже 2 разряда или на торговые предприятия либо на занятие посредничеством – независимо от разряда» [9, Ст. 609].

С завершением нэпа изложенные критериальные разграничения ужесточаются по отношению к кулацким хозяйствам в Постановлении СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 г., где детализировано излагаются пять признаков кулацких хозяйств [10, Ст. 301], которые обязательно попадают под репрессивное давление советской власти, но это уже совсем другая история.

Как справедливо отмечает А.В. Чичулин, «в конце нэпа в крестьянской среде естественный процесс социально-экономической дифференциации приобретает «уродливые» формы. Значительно меняется процентное соотношение различных слоёв крестьянского населения, занимающих определённое социальное положение. Прежде всего, в результате государственной поддержки значительно сократилась прослойка батраков, к концу нэпа в Сибири они составляли несколько процентов. Удельный вес бедняков также снизился, и к началу коллективизации они составляли в среднем четверть деревенского населения. Их экономическое положение улучшилось благодаря государственной политике льготного кредитования, машиноснабжения, помощи семенами и т.д. Однако эти группы крестьянского населения во многом улучшили своё благосостояние искусственным путём за счёт проводимой государством политики раскулачивания, что позволило им стать середняками. Конфискованное имущество и земельные наделы зажиточных крестьян делились, прежде всего, между бедняками. Кроме того, сокращение этой группы населения произошло благодаря оттоку бедноты в города и на государственные стройки» [11, с. 153].

По итогам перевыборной кампании 1925–1926 гг. реальная власть на местах сосредотачивается в руках бедняков и середняков, причём, подчеркнём, значительная часть середняков во многом своим экономическим благополучием оказывалась обязана, прежде всего, социально-классовой политике советской власти, руководимой большевиками. Из общего числа граждан Ставропольского округа – 283617 человек, имевших тог-

да избирательные права, на выборы явилось 123503 человек, что составляло 43,5 %, и с учётом гендерной дифференциации в выборах участвовало 92717 мужчин и 30786 женщин. В состав членов сельских советов избрали 5060 земледельцев, из них: 2801 бедняков, 2059 середняков, 200 зажиточных крестьян, а также, помимо этого, в сельсоветы прошли 120 рабочих и батраков, 43 кустарей и ремесленников, 565 служащих, 128 «лиц интеллигентного труда». В партийном отношении в обновлённых сельских советах преобладали беспартийные – 5038 человек при 768 большевиках и 110 комсомольцах [5, л. 20].

Прошло сто лет после этих выборов в местные советы в период осуществления нэпа, и сегодня сложно до мельчайших подробностей восстановить все исторические картины середины 1920-х гг., поэтому при исторической реконструкции существуют определённые допуски, некоторые небольшие неточности, но, в целом же, представленное в настоящей статье социальное лицо ставропольской деревни, на наш взгляд, отражается достаточно верно. В десяти районах Ставропольского округа Северо-Кавказского края середины 1920-х гг., конечно же, могли быть какие-то нюансы социально-производственной дифференциации групп крестьянских хозяйств, но для нас важно было понять общие исторические тенденции, а они заключаются в следующем.

Результаты. Социальное лицо ставропольской деревни на пике нэпа предстаёт не тремя привычными чертами (бедняки, середняки, кулаки), а прорисовывается гораздо большим количеством деталей, чёрточек, морщинок, загогулин и пр. В результате осуществления нэпа в Ставропольском округе Северо-Кавказского края сложилось восемь социально-производственных групп крестьянских хозяйств: беспосевные, бедняцкие, маломощные, неустойчивые середняцкие, середняцкие, зажиточные середняцкие, зажиточные, буржуазные (кулацкие, промышленные), причём, вершиной экономического роста сельского хозяйства в 1920-е гг. становятся буржуазные крестьянские хозяйства, именно так зафиксированные в отчётных документах ставропольскими большевиками. Однако в нормативно-правовых актах того времени они однозначно именуются промышленными крестьянскими хозяйствами, а в привычном для

нас понимании это кулацкие крестьянские хозяйства, поэтому мы даём тройное наименование этой группы крестьянских хозяйств. За красной чертой социально-благополучия нэповской деревни в Ставропольском округе в середине 1920-х гг. оказываются сразу три социально-производственные группы крестьянских хозяйств: беспосевные, бедняцкие, маломощные, и выходом для них становились батрачество и отходничество, хотя деревня создала свой социальный механизм, характеризующийся как «моральная экономика» и заключающийся, в частности, в функционировании крестьянских обществ взаимопомощи. Основу ставропольской деревни в социальном и количественном (54 %) отношении составляли середняки, но они, в свою очередь, делились на три группы хозяйств: неустойчивые середняцкие, середняцкие, зажиточные середняцкие, причём, осереднячивание деревни после разрушительной Гражданской войны произошло именно в результате реализации противоречивой аграрной политики большевиков, как бы, кто бы и в каких словесных изысках её не критиковал, увы, это социальная реальность на пике нэпа, когда в социальном отношении в деревне торжествовал середняк, и именно он больше всех пострадал от сплошной форсированной коллективизации. А вот социально-хозяйственную верхушку ставропольской деревни нельзя интерпретировать исключительно как кулацкую группу крестьянских хозяйств, ибо зажиточных крестьян, ошибочно относимых к кулакам, было в два с лишним раза больше, нежели собственно кулаков. Более того, в годы нэпа действующее законодательство и сами большевики чётко отличали эти две социально-хозяйственные группы: зажиточные и буржуазные (промышленные, кулацкие) крестьянские хозяйства, для чего применяли конкретные хозяйственно-производственные и социальные критерии. В общей исторической картине нэповской деревни можно встретить и особые социальные группы, к числу которых относятся «крестьяне-культурники», и они, как мы полагаем, не являются единственной особенностью социального лица нэповской деревни, причём, её история пока открыла нам не все страницы, оставляя ещё большое пространство для исследовательского научного поиска.

Литература

1. Бондарев В. А., Панкова-Козочкина Т. В. Исторический опыт инновационного земледелия крестьян-культурников Юга России 1920-х гг. // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов. Материалы Всероссийской научной конференции (21–22 сентября 2009 г.). Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009. С. 56–58.
2. Бондарев В. А., Панкова-Козочкина Т. В. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск: Лик, 2012. 266 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф.3. Оп.1. Д.2685.
4. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАНИСК. Ф. 6325. Оп. 1. Д. 8.
6. Данилов В. П., Ивницкий Н. А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации // Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. / под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989. С. 9–50.
2. Лебедева Л. В. Трансформация хозяйственного уклада середняцких хозяйств в период нэпа (по материалам Пензенской губернии) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 4 (255). С. 61–67.
3. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1925 г. № 1–39. Отдел первый. М.: Б. и., б. г. № 26. Ст. 183.
4. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1927 г. № 35–69. Отдел первый. М.: Б. и., б. г. № 60. Ст. 609.
5. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 1–39. Отдел первый. М.: Б. и., б. г. № 34. Ст. 301.
6. Чичулин А. В. Классовая политика в сибирской деревне в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения. Материалы IV региональной научно-практической конференции с международным участием. (Ишим, 7–8 ноября 2012 г.). Ишим, 2013. С. 152–159.
7. Шолохов М. А. Поднятая целина. М.: Молодая гвардия, 1960. 614 с.

8. Экономика компромисса. К 100-летию НЭПа в России. Сборник документов / науч. ред. А. В. Юрасов; отв. ред. Е. Р. Курапова, В. С. Пушкарев. М.: Кучково поле Музеон, 2021. 872 с.
9. Энгельгардт А. Н. Письма из деревни (Письмо седьмое) // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. Сост., вступит. статья и коммент. Ю.В. Лебедева. М.: Современник, 1987. С. 146–235.

References

1. Bondarev VA, Pankova-Kozochkina TV. Historical experience of innovative farming of peasant farmers of the South of Russia in the 1920s. in Problems and prospects of socio-economic and scientific technological development of the southern regions. Materials of the All-Russian Scientific Conference (September 21-22, 2009). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing; 2009. P. 56-58. (In Russ.).
2. Bondarev VA, Pankova-Kozochkina TV. Cossack-peasant economy of the NEP era: problems of modernization of agrarian relations in the South of Russia. Novocherkassk: Face; 2012. 266 p. (In Russ.).
3. The State Archive of the modern history of the Stavropol Territory (GANISK). F.3. Inv.1. D.2685.
4. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 5.
5. GANISK. F. 6325. Inv. 1. D. 8.
6. Danilov VP, Ivnitky NA. About the village on the eve and during the continuous collectivization. In: The documents testify. From the history of the village on the eve and during the collectivization of 1927-1932. Ed. by VP Danilov and NA Ivnitky. Moscow: Politization; 1989. P. 950. (In Russ.).
7. Lebedeva LV. Transformation of the economic structure of middle peasant farms during the NEP period (based on the materials of the Penza province). *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2016;4(255):61-67. (In Russ.).
8. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1925 No. 139. Department one. Moscow: B. I., B. G. No. 26. Art. 183. (In Russ.).
10. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1927 No. 3569. Department one. Moscow: B. I., B. G. No. 60. Art. 609. (In Russ.).
11. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1929 No. 139. Department one. Moscow: B. I., B. G. No. 34. Art. 301. (In Russ.).
12. Chichulin AV. Class politics in the Siberian village in the late 20s – early 30s of the twentieth century. In: History and local lore of Western Siberia: problems and prospects of study. Materials of the ivth regional scientific and practical conference with international participation. (Ishim, November 78, 2012). Ishim, 2013. P. 152-159. (In Russ.).
13. Sholokhov MA. Raised virgin land. Moscow: The Young Guard; 1960. 614 p. (In Russ.).
14. The economics of compromise. On the 100th anniversary of the NEP In Russia. Collection of documents. Scientific ed. AV Yurasov; rev. ed. ER Kurapova, VS Pushkarev. Moscow: Kuchkovo Field Museum; 2021. 872 p. (In Russ.).
15. Engelhardt AN. Letters from the village (Letter seven). In: Letters from the village. Essays on the peasantry In Russia in the second half of the XIX century. Compilation, introductory article and comments by YuV Lebedev. Moscow: Contemporary; 1987. P. 146-235. (In Russ.).



Научная статья

УДК 94(470+479.22)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.12>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ ГРУЗИНО-РОССИЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Юрий Семенович Сулаберидзе

Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили (д. 1, пр. Ильи Чавчавадзе, Тбилиси, 0179, Республика Грузия)

Кандидат исторических наук, профессор

iuri.sulaberidze@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2839-0039>

Аннотация. Введение. Современная история грузино-российских отношений отмечена рецидивами «холодной войны». Прошла разделительная линия между народами, обладающих многовековой историей взаимоотношений. В статье анализируется комплекс причин, вызывающих взаимное недопонимание между государствами и народами, внесших значительный вклад в развитие мировой цивилизации. Отмечено, что на современный процесс грузино-российских отношений значительное влияние оказывает «наследие прошлого», его интерпретация представителями интеллектуального сообщества, правящих элит. Показано, что, помимо этого, значительное влияние на грузино-российский диалог оказывает и «глубинная культура», сохраняющая цивилизационно-культурные пласты вековых взаимодействий. **Материалы и методы.** Работа основана на принципах историзма, объективности, научности, сравнительноисторическом методе, культурно-цивилизационном подходе к анализу истории грузино-российских отношений. Статья написана на основе архивных материалов Центрального исторического архива Грузии, сохраняющие «историческую память» зарождения и развития грузино-российских отношений. Дается также критика современных интерпретаций в исследованиях грузинских историков. **Анализ.** Анализ современных исследований показывает, что история грузино-российских взаимоотношений подверглась значительной ревизии, трансформации, доминирует идеологема негативизма в восприятии отношений. Ударение делается на имперской, колонизаторской политике Российской империи, периода СССР, а также современной России в отношении Грузии. Создаются политические мифы, политизация истории вычленяет негативные стороны взаимоотношений, создает препоны на пути поиска «диалога культур». Тем самым игнорируются те цивилизационно-культурные пласты, которые создавались веками взаимоотношений. **Результаты.** Автор утверждает, что преодоление политических мифов позволит создать условия, которые обеспечат нормализацию отношений между странами, вернут России роль духовного медиатора в кавказском регионе, а Грузии достойное место в сообществе демократических государств Кавказа.

Research article

Ключевые слова: грузино-российское взаимодействие, наследие прошлого, историческая память, культурно-цивилизационные пласты, духовный медиатор

Для цитирования: Сулаберидзе Ю. С. Историческая память и диалог культур в контексте грузино-российского взаимодействия // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 515–519. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 23.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.09.2024.

HISTORICAL MEMORY AND THE DIALOGUE OF CULTURES IN THE CONTEXT OF GEORGIAN-RUSSIAN INTERACTION

Yuri S. Sulaberidze

Javakishvili Tbilisi State University (1, Ilia Chavchavadze Ave., Tbilisi, 0179, Republic of Georgia)

Cand. Sc. (History), Professor

iuri.sulaberidze@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-2839-0039>

Abstract. Introduction. The modern history of Georgian-Russian relations is marked by relapses of the Cold war. The dividing line between nations has passed, with a centuries-old history of relationships. The article analyzes a complex of reasons causing mutual misunderstanding between states and peoples, who made a significant contribution to the development of world civilization. It is noted that the modern process of Georgian-Russian relations is significantly influenced by the legacy of the past, its interpretation by representatives of the intellectual community and the ruling elites. It is shown that in addition to this, deep culture, which preserves the civilizational and cultural layers of centuries-old interactions, also has a significant influence on the Georgian-Russian dialogue. **Materials and Methods.** The work is based on the principles of historicism, objectivity, scientific character, a comparative-historical, cultural-civilizational approach to the analysis of Georgian-Russian relations was used. The article is written on the basis of archival materials from the Central Historical Archive of Georgia, which preserves the historical memory of the origin and development of Georgian-Russian

relations. Criticism of modern interpretations in the studies of Georgian historians is also given. **Analysis.** The analysis of modern research shows that the history of Georgian-Russian relations has undergone revision and transformation, the ideologue of negativism dominates in the perception of relations. The emphasis is on the imperial, colonialist policy of the Russian Empire, the period of the USSR, as well as modern Russia in relation to Georgia. Political myths are created; the politicization of history highlights the negative aspects of relationships and creates obstacles to the search for a dialogue of cultures. Thus, those civilizational and cultural layers that were created over centuries of relationships are ignored. **Results.** The author argues that overcoming political myths will create conditions that will ensure the normalization of relations between countries, return Russia to the role of spiritual mediator in the Caucasus region, and Georgia to its worthy place in the community of democratic states of the Caucasus.

Keywords: Georgian-Russian interaction, historical memory, heritage of the past, cultural and civilizational layers, spiritual mediator

For citation: Sulaberidze YuS. Historical memory and the dialogue of cultures in the context of Georgian-Russian interaction. *Humanities and law research*. 2024;11(3):515-519. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.12>

Введение. Актуальность темы грузино-российских отношений вызвана их напряженностью, противостоянием государств, неразрешенностью ключевых интересов на современном этапе взаимоотношений. Цель работы раскрыть причины конфликтов на ментальном, идеологическом уровне, показать различное восприятие «исторической памяти», найти пути преодоления противоречий на основе культурноцивилизационного метода.

Материалы и методы. Источниковую базу работы составили архивные материалы, извлеченные из Центрального исторического архива Грузии и современные исследования по истории грузино-российских взаимоотношений. Затронем ряд вопросов, которые актуальны с позиции грузино-российского взаимодействия: в какой степени «историческая память» влияет на восприятие современных отношений? Как архетипы влияют на создание политических мифов, чем это обусловлено? Отметим некоторые особенности грузино-российского диалога культур, влияния на этот процесс «наследия прошлого», исторической памяти. В историографии проблемы взаимоотношений культур России и Грузии рассматриваются с позиции взаимодействия, диалога цивилизаций. Одни ученые считают, что «в основе близости России и Грузии лежит общность евразийской двусторонности их социокультурного бытия», другие подчеркивают «западную ориентацию» грузинской культуры, и в этой стратегии Россия предельно выполнила «роль духовного медиатора». Отмечается позитивность культурологической альтернативы. Есть и другие точки зрения. Согласно одной из них, отмечается роль маргинальности и окраинности грузинской культуры между Западом и Востоком, что, по мнению автора, «смягчало опасность потери собственного культурного лица в процессе контакта с этими двумя мирами». Часть ученых относит грузинскую культуру к особой кавказской культурцивилизации [11, с.11, 1617, 29 – 31]. Проблемы диалога культур зависимы от интерпретации исторической памяти, от ее восприятия как восприимчивой, так и реципиентной. Каждый народ обладает своим присущим ему типом восприятия, определенной социальной установкой, которая определяет способности эмпатии, восприятия «другого».

Анализ. Природа «исторической памяти» Грузии тесным образом связана с сущностью грузинской культуры, с ее организмом восприятия «иной культуры». Современный исследователь грузинской культуры Г. Нижарадзе в рамках культурной антропологии выделяет малые группы (расширенная семья, дружеский, родственник круг знакомых), на которые ориентирована грузинская культура коллективистского типа. Ориентируясь на терминологию Э. Фромма, культуропсихолог подчеркивает материнский («матримональный») тип грузинской культуры, который в социальной жизни вырабатывает стратегию избегания поражения. В любом поражении обвинение звучит в отношении внешней силы (выделено нами – Ю.С.) [8, с.101–102].

Проблема диалога культур тесно связана с парадигмой «исторической, культурной травмы», вызванной столкновением традиционной культуры с сильным противником, который предлагает или навязывает более

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.03.2024.

The article was approved after reviewing: 23.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.09.2024.

привлекательные ценностные, идейные, поведенческие альтернативы прежней идентификации. Это вызывает социокультурные конфликты. Они могут проявляться в различных формах: как конфликт интерпретаций, как нормативноценностный конфликт, как цивилизационный конфликт. Конфликт интерпретаций характерен для постсоветской культурно-политической истории, когда одни и те же исторические факты служат предметом различной интерпретации в силу идейно-политических позиций сторон современного политического процесса. При этом характерны две тенденции 1) обращение к прошлому как орудию «удревления» собственной истории, доказательства их «исконности»; 2) отказ от «колониальных этапов истории», главным стимулом является новое прочтение национальной традиции в рамках дискурса деколонизации.

Присутствуют два основных посыла интеллектуальной элиты Грузии в расколотом обществе: 1) «исконной внутренней западности» культурно-исторического развития, 2) модернизации социума на основе незападной модели, отражающей особенности и специфику феномена.

Перипетии истории наложили определенный отпечаток на восприятие «другого», выработали определенную картину мира, которая основывается на корневых структурах жизнедеятельности. Ее факторы многозначимы: это природа, климат, психологический склад и менталитет этноса, нации, опыт общения с соседями. В общественном сознании обычно фиксируются знаковые моменты «наследия прошлого». Таковыми в исторической памяти являются – Георгиевский трактат (1783 г.), Манифест о присоединении Грузии (1801 г.), оккупации Грузии Советской Россией (1921 г.), «августовская война» 2008 года, которые являются ключевыми для различной интерпретации.

В исторической науке пробивает дорогу **культурно-цивилизационный подход** к исследованию исторического процесса, который позволяет снять рецидивы «холодной войны», односторонних интерпретаций сложных историографических фактов, к которым относятся процессы, связанные с историей Кавказа, в частности, Кавказской войны, колонизацией Кавказа Российской империей. Категории – «присоединение», «завоевание», «экспансия», «захвата» являются недостаточными, ирревалентными для объяснения тех сложных внутренних и внешних процессов, которые происходили с XVI – по XX век в отношениях между двумя сложными феноменами – Россией и Кавказом [4].

Видный русский кавказовед М.А. Полиевктов, научное творчество которого в полной степени не оценено в историографии, писал о том, что «отношения России к Кавказу не есть отношения, к какой-либо одной стране, они уясняются вполне лишь в контексте со всей сетью международных отношений на данное время – общая предпосылка истории международной политики». Колонизация Кавказа Россией связана, прежде всего, с внутренними проблемами развития Российского государства, с развитием мировых торговых связей, вызванных развитием капитализма на мировой арене. [17, л.21–22]. В этом контексте следует рассматривать и развитие российско-грузинских отношений. Те тенденции, которые возникли с конца XV в. во взаимоотношениях Рос-

сии с грузинскими царствами, определили появление традиционных практик, идеологическое оформление в виде стереотипов, ментальных образов восприятия друг друга. Для правителей Кахети, Картли, Имерети «Москва – как третий Рим» превращалась в центр спасения от мусульманского окружения, сохранения связи с Византийской цивилизацией, ее христианской культурой. Отсюда стремление получить покровительство наследника Византийской империи, восприятие Москвитии-России как культурноцивилизованного патрона, нового центра христианского мира.

М.А. Полиевктов так раскрывает особенности формирования грузино-российских взаимоотношений: «Существенно не то, что Грузия обратилась к России. Существенно выявить эту диалектику истории, в силу которой в грузинских господствующих классах возобладала русская ориентация, и в силу которой, с другой стороны, русский капитализм пытался в начале XVIII в. использовать эту ориентацию при своем наступлении на прикаспийские степи, и в начале XIX в. пошел на инкорпорацию Грузии» [18, л. 41].

Как подчеркивает ученый, «Теперь Россия наступала не клином, как было раньше в сторону Прикаспийского Кавказа, а во всю ширину Кавказского перешейка, заручившись поддержкой некоторых народов феодального мира Кавказа» [19, л. 48].

Некая утопичность восприятия Москвы объяснялась, по мнению З. Авалишвили, вдумчивого аналитика грузино-российских отношений, не пониманием тех «сложных геополитических интересов», которые стояли перед Россией, как империей на Кавказе и Ближнем Востоке. Апелляция только как христианскому центру не раскрывала всей сложной палитры стратегических интересов Москвы, которые и не должны были совпадать с интересами грузинских царств, боровшимися за выживание. Приведем в сокращении суждение З. Авалишвили: «Политика Петра I по отношению к грузинам – обыкновенная реалистическая политика, и, если грузины слишком наивно полагались на православие и верили в «борьбу с агарянами», то это потому, что у них элементарная борьба за существование легко принимала религиозную окраску, и она не имела возможности подняться до более сложных политических идей. Для этого им не доставало более сложных интересов» [1, с. 76]. В этом, может быть, была заложена основная коллизия взаимоотношений, которая определила различные акценты восприятия друг друга, породив «магическое сознание», мифологемы и стереотипы [13].

Если Россия и воспринималась в качестве патрона грузинских царств, до начала XVIII в. проводивших политику балансирования между Османской Турцией и Сефевидским Ираном, то переформатирование отношений в сторону пророссийского вектора еще не обеспечивало учета интересов страны, искавшей протектората.

В современной грузинской историографии доминирует точка зрения об ущербности пророссийской ориентации. Действия грузинских царей Вахтанга VI и Ираклия II называют «крупной стратегической ошибкой грузинских правителей», «подписание Георгиевского трактата было большим политическим поражением для Грузии, судьба Грузии была предрешена» [3, с. 42; 9, с. 360]. Такая позиция исключает панорамное исследование сложного внутреннего процесса, учета всего спектра международных отношений вокруг Кавказа. В советской историографии долгое время господствовала концепция «выбора меньшего зла», а затем к 200-ле-

тию подписания Георгиевского трактата ее сменила концепция «прогрессивности присоединения Грузии к России». Обе концепции представляли собой идеологемы в условиях острой идеологической борьбы с Западом.

В постсоветской историографии Грузии был восстановлен тезис советской историографии 1930 – начала 1940-х гг. прошлого столетия «о колониальном, захватническом характере русского капитализма в отношении Кавказа» [10]. В особенности после «августовской войны 2008 г.» тезис об «оккупации Грузии» стал аксиомой в историографии грузино-русских отношений. Стали доминировать фреймы «холодной войны», противопоставление культур-цивилизаций. Грузия, как часть «древнейшей европейской цивилизации», резко противопоставлялась евразийской, монголо-татарской: «Там варвары, а здесь другая цивилизация, там монголоидная брутальность и идеология, а здесь настоящее, колхидская Европа, древняя цивилизация» [13]. Некоторые исследователи полагают, что многие проявления идеологической борьбы в контексте грузино-российских отношений на современном этапе вызваны кризисом постколониального мышления, возрождением традиционных пластов исторического сознания после долгих веков имперского правления [16].

В связи с юбилейной датой подписания Георгиевского трактата (1783) в Грузии в 2022–2023 гг. вышли ряд монографий грузинских авторов, в которых этот важнейший документ, сыгравший ключевую роль в истории грузино-российских отношений, получил негативную оценку (Дм. Мерквиладзе, В. Гурули). Аргументы грузинских ученых вышеуказанных работ таковы: Россия нарушила статьи Георгиевского трактата, не выполнив свои обязательства по защите Картли-Кахетинского царства, преднамеренно ослабляя царство, чтобы впоследствии его оккупировать, лишив национальной независимости. Россия якобы всегда выступала, как колонизатор. Грузинским царем не надо было придерживаться пророссийской ориентации, а продолжать традиционную политику балансирования между Османской империей и Сефевидским Ираном. В грузинской историографии есть и другое мнение (М. Гогитидзе, Т. Мирианшвили), которое заключается в том, что пророссийский вектор был дорогой к Европе, сложный, противоречивый, но способный вывести Грузию к европейской цивилизации. [5, с. 106–114].

Два взгляда на развитие грузинской государственности и в этой связи отношение к России отражают характерные черты грузинского политического сознания, отраженные в «исторической памяти». В государственном и общественном сознании сохраняется дуализм восприятия власти культуры: противопоставление позитивного образа «героя-строителя» предателям-каджам. Дуализм восприятия власти отражает организм циклической смены национально-государственного единства и распада.

Как ни парадоксально это звучит, консервативная грузинская культура имеет выход на неолиберальные ценности глобализма, которые игнорируют ценности прошлого, живут только настоящим. Приоритет прав человека перед другими ценностями в сочетании с матримонимальным типом грузинской культуры делает клеточку «семьи» объектом манипуляции со стороны «патронов», выбор которых в свою очередь обусловлен сиюминутными потребностями «настоящего». В связи с этим «историческая память» препарируется на «зоны активного внимания, магического времени». Лимитрофное пространство заставляет ее правящий класс приспосабливаться к развитым, («патримо-

ниальным») цивилизациям. Это вырабатывает стереотипы поведения, с характерной «узостью пространственной ответственности», что вырабатывает особый национальный характер, отражающий границы реального и иллюзорного существования.

Азербайджанский культуролог Гасан Кулиев в поиске архетипов кавказской культуры отмечает особую стратегию жизни кавказцев, которая «способна заполнить их бытие иллюзорным настоящим и ограничить их текущее существование неопределенными прошлым и будущим» в связи «специфической ментальностью минимизировать потребность к рациональному (научному) устранению неопределенностей». Подчеркивается, что «колоритным индикатором типично кавказского отношения к иллюзиям и неопределенностям выступают ритуал» [7, с.151]. Стремление вырваться из неопределенностей, найти свой алгоритм характерно и для грузинской культуры. Г. Гачев особо выделяет ее способность создать иллюзорную картину мира, предстать в ином, высшем свете через ритуалы гостеприимства, побратимства, предписываемых этикетными, ментальными установками традиционной культуры [2, с.45–46].

«Историческая память» выстраивает такой образ картины мира, которая экстраполирует настоящее в иллюзорный «золотой век» прошлого, создавая иллюзию его присутствия и соучастия в делах современных «героев-строителей». Это служит средством преодоления неопределенности, разорванности, маргинальности времени, узости пространства. Грузинская культура в поиске своего внутреннего и небесного «патрона», чаще всего выстраивает свой алгоритм поведения на антиномии «меньшего зла».

Такова природа «исторической памяти» Грузии, ее изначальная антиномичность, что позволяет правящей ее элите выстраивать различные концепты политического поведения. Исходя из этих посылок можно предположить, каков мог быть «диалог культур-цивилизаций».

Историческая память – это не только интерпретация истории научными исследователями, но и то, что и как воспринималось народным сознанием. Об этом писал еще Н.Я. Марр в своих набросках о грузинской культуре. Это срез народного восприятия, «способ жизненного проявления» «живой истории», которая была отодвинута в сторону «ученым миром, клириками» [15]. С ним тесно связан процесс обмена культурными достижениями, восприятия элементов исторической памяти. Это организм диалога культур, цивилизаций, восприятия двойничества культуры, десакрализации первоначального образа, раскрытие его смысла, выявление культурных кодов, стереотипов восприятия, выявление глубинности, ядра, заложенного в каждой культуре и воспроизводимой через образы на различных социально-культурных срезах. В грузинской культуре присутствуют две культуры «культура элиты» и «глубинная культура». Первая выступает как маргинальная, ориентированная на «современность», на приспособление к «центрам цивилизации, ее патронам». Вторая – народная глубинная по своим основам, ориентирована на сохранении, трансляции прошлого, традиций, обычаев, образов, «примеров» на «настоящее». Рамки ее воспроизведения жестко контролируются в условиях «глобального демократизма» СМИ. Поэтому «историческая память» канализируется в Социально-политические блоки «магического» ущербного мировидения.

Геополитика стала определять события на Кавказе в XIX–XX вв. В начале XIX в. грузинские царства и кня-

жества вошли в состав Российской империи. Была потеряна не только самостоятельность государственности, но была ликвидирована и автокефалия грузинской православной церкви. Это уже был сильный удар по ментальности, всей системе духовно-религиозной культуры, сохранявшей грузинскую (картвельскую) идентичность на протяжении веков, хранившей память о «золотом веке». Как отмечено в грузинской историографии, грузинская история дискретна, лоскутна, маргинальна, но «золотой век» (XI–XIII вв.) является ориентиром, моделью развития грузинской истории. Вся внутренняя история грузинского социума является борьбой за сохранение «автономии грузинского самосознания, менталитета».

Постсоветская история грузино-российских отношений является собой наглядный пример появления политических мифов, как отражение противоречивого процесса формирования национальных государств и международных систем отношений, таких как: «Грузия- древнейшая европейская страна», как «один из очагов зарождения человеческой цивилизации», «самый надежный мост между Европой и Азией».

Исследователь исторической политики в Грузии М.В. Кирчанов показывает, как на очищенное от советской идеологии историческое поле внедряются либеральными интеллектуалами мифологизированные нарративы о «Грузинской демократической республики как первой страны на периферии Европы, которая остается моделью демократии и в период оккупации» [6]. Налаживанию отношений между Россией и Грузией мешает политический, ментальный и психологический дуализм восприятия тех или иных фактов совместной истории, стереотипы восприятия, паразитирование на идеологии «меньшего зла». С другой стороны, отсутствие стратегии нормализации отношений у правящей элиты России, превалирование ситуативного подхода к решению конфликтных проблем с Грузией, обрекает их на застойное состояние [14]. Нам представляется, что в современном грузинорусском диалоге больше проявляются формы конфронтации с элементами манипулятивного. Идейной основой такого противопоставления является различие цивилизационных координат, принадлежности к различному культурно-историческому типу. Апеллирование к историческому прошлому, культурно-историческому наследию служит обоснованием различных ценностных ориентиров, моделей развития.

Результаты. Что не содействует грузино-российскому диалогу? Объективные факторы связаны с противоречивым процессом модернизации в постсоветском пространстве в условиях глобализации и поисками национально-государственной идентичности, т.е. созданием новых институтов и отношений, ценностей и норм, соотносённости их с традициями, консервативно-традиционной культурой. Идет противоречивый процесс смены идентичностей. Он далек от завершения, вызывает появление гибридных форм. Возникает вопрос: достаточны ли ресурсы национального развития в результате трансформации цивилизационных особенностей? А различия существенны. Россия «государство-цивилизация» с соборной культурой, могущая стать новым центром культур цивилизации, транзитом между Западом и Востоком. Грузия – евразийская небольшая страна, политическая элита которой избрала европейский вектор развития (Евросоюз и НАТО). Устремления в сторону европейского тренда подкреплены мифологемами

«древнейшей европейской страны». Находясь в окружении мусульманского мира, грузинская культура смогла сохранить свою самобытность, найти возможности «диалога культур». Это относится и к диалогу с русской культурой, культурами народов Кавказа. По сути дела, Тифлис-Тбилиси долгое время выполнял роль центра кавказской культуры, а русская культура – роль «духовного медиатора» в общении с европейской культурой, в значительной степени содействовала европеизации грузинской культуры, росту национального самосознания. Культурно-политические процессы, происходящие в постсоветском пространстве, и в частности, в регионе Кавказа, обнаруживают тренды формирования в плане концепции Валлерстайна новых «мир-систем». Одним из таких центров может стать Россия, как большое культурно-цивилизационное пространство, имеющее стратегические интересы на Кавказе. Южный Кавказ для России является не только буферным пространством, связывающим с Большим Ближним Востоком, но и культурным полем вековых традиционных взаимоотношений, исторической памяти. «Диалог культур» не только возможен, но он жизненно необходим, строительство новых взаимоотношений необходимо начинать на почве культурно-цивилизированных пластов, накопленных веками, на возрождении позитивной исторической памяти. Это позволит России вернуть роль и функции «духовного медиатора» в кавказском культурном мире, а Грузии занять достойное место в культурной сети модернизирующихся социально-политических субъектов.

турно-цивилизационное пространство, имеющее стратегические интересы на Кавказе. Южный Кавказ для России является не только буферным пространством, связывающим с Большим Ближним Востоком, но и культурным полем вековых традиционных взаимоотношений, исторической памяти. «Диалог культур» не только возможен, но он жизненно необходим, строительство новых взаимоотношений необходимо начинать на почве культурно-цивилизированных пластов, накопленных веками, на возрождении позитивной исторической памяти. Это позволит России вернуть роль и функции «духовного медиатора» в кавказском культурном мире, а Грузии занять достойное место в культурной сети модернизирующихся социально-политических субъектов.

Литература

1. Авалов З. Присоединение Грузии к России. СПб: Тип. А. Суворина, 1901. 322 с.
2. Гачев Г. Национальные образы мира: Кавказ. М.: Издательский сервис, 2002. 416 с.
3. Гурули В. От покровительства к аннексии. Тбилиси: Универсал, 2010. 42 с. (на груз. яз.).
4. Журтова А. А., Максимчик А. Н. Историография российско-кавказских отношений XVI-XVIII вв.: две концепции о осмыслении проблемы. Владикавказ: СОИГСИ ВКЦ РАН, 2017. 440 с.
5. История взаимоотношений России и Грузии в X – первой половине XIX века. Учебное пособие. Ставрополь: Изд. Еремин С. В., 2023. 400 с.
6. Кирчанов М. В. Историческая политика в Грузии. Грузинская историография и политика памяти между «изобретенными традициями и большими нарративами» // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 340–381.
7. Кулиев Г. К методологии поиска архетипичного Кавказа // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 143–153.
8. Нижарадзе Г. Грузинская культура: основные характеристики и сравнение с культурами Средиземноморья // Caucasus US. Контекст. 2003. № 1. С. 96–97. (на груз. яз.).
9. Перадзе В., Мумладзе Л. Очерки истории русско-грузинских отношений. Тб.: Изд. Бона Кауза. 2008. 360 с. (на груз. яз.).
10. Русский колониализм в Грузии / под ред. А. Бендианишвили. Тбилиси: Мецниереба, 2010. 210 с. (на груз. яз.).
11. К истокам против течения Междунар. симпозиум МАПРЯЛ / под ред. М. Алексидзе и др. Тбилиси: Тбилис. гос. ун-т, 2003. 442 с.
12. Саакашвили назвал русских «монголоидными варварами». URL: <https://topwar.ru/6362-saakashvili-nazval-russkih-mongoloidnymi-varvarami.html> (дата обращения: 16.07.2024).
13. Сулаберидзе Ю. С. К характеристике революции роз // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №1. С. 85–89.
14. Сулаберидзе Ю. С. Грузия в политике России // Центральная Азия и Кавказ. 2007. №5. С. 66–75.
15. Сулаберидзе Ю. С. Н. Я. Марр – исследователь грузинской культуры. Культурно-историческая школа // Клио. 2012. № 4. С. 112–122.
16. Тлостанова М. Существует ли кавказское «сообщество смысла и чувства»? // Кавказоведческие разыскания. 2013. № 5. С. 175 – 188.
17. Центральный исторический архив Грузии (далее – ЦИАГ). Ф. 1505. Оп. 1. Д. 12.
18. ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 52.
19. ЦИАГ. Ф. 1505. Оп. 1. Д. 53.

References

1. Avalov Z. Accession of Georgia to Russia. St. Petersburg: Suvorin publ.; 1901. 322 p. (In Russ.).
2. Gachev G. National images of the world: Caucasus. Moscow: Publishorg Service; 2002. 416 p. (In Russ.).
3. Guruli V. From patronage to annexation. Tbilisi: Universal; 2010. 256 p. (In Georg.).
4. Zhurtova AA, Maksimchik AN. Historiography of Russian-Caucasus relations of the XVI – XVIII centuries: two concepts for understanding the problem. Vladikavkaz: North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after VI Abaev publ.; 2017. 440 p. (In Russ.).
5. History of relations between Russia and Georgia in the X – and first half of the XIX century: textbook. Stavropol: Eremin publ.; 2023. 400 p. (In Russ.).
6. Kirchanov MV. Historical politics in Georgia. Georgian historiography and the politics of memory between invented traditions and grand narratives] in Event in History, Memory and Narratives of Identity. Ed. by L.P. Repina. Moscow: Akvilon; 2017. P. 340-381. (In Russ.).
7. Kuliev G. Towards the methodology of searching for archetypal Caucasus. *Kavkaz i globalizacija*. 2006;(1);143-153. (In Russ.).
8. Nizharadze G. Georgian culture: main characteristic and comparison with the cultures of the Mediterranean. *Caucasus US. Context*. 2003;(1);96-97. (In Georg.).
9. Peradze V, Mumladze L. Essaye on the history of Russia-Georgian relations X–XXI century. Tbilisi: Bona Causa; 2008. 371 p. (In Georg.).
10. Russian colonialism in Georgia. Ed by A Bendianishvili. Tbilisi: Metsniereba; 2010. 210 p. (In Georg.).
11. To the origins against the current International symposium MAPRYAL. Ed. by M. Aleksidze et al. Tbilisi: Tbilisi State University; 2003. 442 p. (In Russ.).
12. Saakashvili called the Russians “Mongoloid barbarians”. URL: <https://topwar.ru/6362-saakashvili-nazval-russkih-mongoloidnymi-varvarami.html> (accessed: 16.07.2024). (In Russ.).
13. Sulaberidze YuS. On the characterization on the "Roze revolution": the nature of the political split. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2007;1:89-90. (In Russ.).
14. Sulaberidze YuS. Georgia In Russian policy. *Central'naja Azija i Kavkaz*. 2007;(5):66-75. (In Russ.).
15. Sulaberidze YuS. NYA Marr is a researcher of Georgian culture. Cultural-historical school. *Clio*. 2012;4:112-122. (In Russ.).
16. Tlstanova M. Is there a "Caucasus community of meaning and feeling?". *Cavkazovedcheskie raziskaniya*. 2013;(5):175-188. (In Russ.).
17. Central Historical Archives of Georgia (TsiAG). F. 1505. Inv. 1. D. 12 (In Russ.).
18. TsiAG. F. 1505. Inv. 1. D. 52. (In Russ.).
19. TsiAG. F. 1505. Inv. 1. D. 53. (In Russ.).



Научная статья

УДК 94 (450)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.13>

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИДЕЙ ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ ЕГО СОВРЕМЕННОКАМИ. «ДИАЛОГ» ДОМЕНИКО БЕНИВЬЕНИ

Елена Павловна Тельменко

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

teilman@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3319-8517>

Аннотация. Введение. Интерес к проблеме восприятия фигуры пророка-реформатора Савонаролы и его идей можно проследить, начиная с появления первых трудов о монахе. «Антропологический поворот», произошедший в исторической науке в последние десятилетия XX в., способствовал усилению внимания к социальному окружению доминиканца. В настоящее время тема не потеряла своей актуальности, как в связи с введением в научный оборот новых источников, так и возможностью переосмысления уже используемых материалов в соответствии с различными методологическими установками. **Материалы и методы.** Анализ «Диалога» позволяет увидеть, как «учение» Савонаролы, распространяясь в различных формах среди не представлявших однородной группы современников монаха, неодинаковым образом воспринималось и истолковывалось ими. При рассмотрении текста источника показалось целесообразным обратиться к положениям, высказанным Мишелем де Серто и Роже Шартье, предложившим рассматривать культурное и интеллектуальное «потребление» как форму «производства», когда исходные тексты (книг, проповедей и проч.) приобретают значения через множественные интерпретации реципиентов. **Анализ.** Беседу Доменико и его друга Филалета можно разделить на три части. Одна из них связана с обзором трудов сторонников и противников Савонаролы. Упоминание конкретных авторов и их сочинений позволяет составить представление о различных подходах к «учению» фра Джироламо и разнообразных его интерпретациях. Еще одна часть беседы – истолкование сути доктрины доминиканца, как ее понимал сам Бенивьени. И, наконец, последняя – перечисление опубликованных ра-

бот монаха, посредством которых читатели «Диалога» могли самостоятельно постигнуть его наставления относительно реформирования современных христиан. **Результаты.** В своем труде Д. Бенивьени почти буквально воспроизводит основные положения программы Савонаролы по обновлению современной Церкви. Автор «Диалога» уделяет значительное внимание пути личного совершенствования каждого христианина с опорой на евангельские образцы, а также на труды и проповеди флорентийского пророка, не отрицая при этом посредническую роль священства. Последнее отвечало запросам современников Доменико, испытывавших потребность в развитии индивидуального благочестия, но не стремящихся к разрыву с официальной Церковью.

Ключевые слова: Италия, Флоренция, Доменико Бенивьени, Джироламо Савонарола, апология

Для цитирования: Тельменко Е. П. Особенности восприятия и интерпретации идей Джироламо Савонаролы его современниками. «Диалог» Доменико Бенивьени // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 520–529. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.13>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 21.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.04.2024.

Research article

FEATURES OF THE PERCEPTION AND INTERPRETATION OF GIROLAMO SAVONAROLA'S IDEAS BY HIS CONTEMPORARIES. THE BENIVIENI DIALOGUE

Elena P. Telmenko

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

teilman@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-3319-8517>

Abstract. Introduction. The interest in the problem of perception of the figure of the prophet-reformer Savonarola and his ideas can be traced back to the appearance of the first works about the monk. The "anthropological turn" that occurred in historical science in the last decades of the 20th century contributed to increased attention to the social environment of the Dominican. Currently, the topic has not lost its relevance; both due to the introduction of new sources into scientific circulation, and the possibility of rethinking already used materials in accordance with various methodological settings. **Materials and Methods.** The analysis of the Benivieni dialogue allows us to see how Savonarola's "teachings", spreading in various forms among the monk's contemporaries who did not represent a homogeneous group, were perceived and interpreted in different ways by them. When considering the text of the source, it seemed appropriate to turn to the positions expressed by Michel de Certeau and Roger Chartier, who proposed to consider cultural and intellectual "consumption" as a form of "production", when

source texts (books, sermons, etc.) acquire meaning through multiple interpretations of recipients. **Analysis.** The conversation between Domenico and his friend Filalete can be divided into three parts. One of them is associated with a review of the works of Savonarola's supporters and opponents. The mention of specific authors and their works allows us to get an idea of the different approaches to the "teachings" of Fra Girolamo and its various interpretations. Another part of the conversation is the interpretation of the essence of the Dominican doctrine, as Benivieni himself understood it. Finally, the last one is a list of the monk's published works, through which readers of the Dialogue could independently comprehend his instructions regarding the reformation of contemporaneous Christians. **Results.** In his work, D. Benivieni almost literally reproduces the main provisions of Savonarola's program for the renewal of the contemporaneous Church. The author of the "Dialogue" pays considerable attention to the path of personal improvement of each Christian based on gospel models, as well as the works and sermons of the Florentine

© Тельменко Е. П., 2024

prophet, without denying the mediating role of the priesthood. The latter met the needs of Domenico's contemporaries, who felt the need to develop individual piety, but did not seek a break with the official Church.

Keywords: Italy, Florence, Domenico Benivieni, Girolamo Savonarola, apology

For citation: Telmenko EP. Features of the perception and interpretation of Girolamo Savonarola's ideas by his

Введение. «Диалог об истинности учения, проповедуемого братом Иеронимом из Феррары в городе Флоренции» – сочинение философа и теолога Доменико Бенивьени (1460–1507), позволяет обратиться к проблеме восприятия представителями различных слоев флорентийского общества как самой фигуры пророка-реформатора Джироламо Савонаролы, так и его идей.

Интерес к данной проблеме можно проследить от становления савонаролианских исследований до настоящего времени. Усиление внимания к социальному окружению доминиканца произошло в последние десятилетия XX в., чему способствовал «антропологический поворот» в исторической науке. Поскольку изучение социума как сложной структуры предполагает разнообразие ракурсов и методов исследований, обзор историографии занял бы значительное пространство статьи, что свидетельствует об актуальности работы в этом направлении. Среди трудов, наиболее близких к означенной теме, следует выделить, прежде всего, монографию Лоренцо Полидзотто «Избранная нация», в которой рассматривается движение последователей Савонаролы с 1494 г. по 1545 г., раскрывается его неоднородность, а также выделяются отдельные периоды в истории этой группы с присущей им спецификой; затем – ряд публикаций Джан Карло Гарфаньини, связанных с изданием и научным анализом сочинений антагонистов и приверженцев монаха [24; 9; 14; 15; 16; 17; 18].

Материалы и методы. Работы Мишеля де Серто и Роже Шартье в рамках новой культурной истории позволяют определить методологические подходы к анализу «Диалога» Д. Бенивьени. Поскольку в сфере духовной сложно представить простое, «механическое» перенесение идей в сознание реципиентов, означенные исследователи обосновали мысль о необходимости рассмотрения культурного и интеллектуального «потребления» как формы «производства», когда произведение (книга, проповедь, и проч.) «приобретает смысл только через стратегии интерпретации, которые конструируют его значения», и при этом возникает проблема интенций исходного текста и его рецепций, множественных прочтений [2; 4; 5].

Как представляется, глубина проникновения в суть программы доминиканца по обновлению современного общества и Церкви, различные варианты ее интерпретации современниками, и, как следствие – разнообразие реакций в диапазоне от приятия до отторжения, в определенной степени были связаны, во-первых, с разнообразными путями получения информации об «учении» монаха. Речь не только об устной и жестовой коммуникации, которая происходила во время личного общения или посещения проповедей, но и письменной – посредством личных и публичных писем брата Джироламо, а также вышедших из печати его трактатов и проповедей. При этом, устное и письменное слово монаха, пересекаясь, также влияли на специфику постижения его наставлений. Кроме того, распространение печатных изданий создавало ситуацию, когда между читателем и Савонаролой (его мыслью) мог появиться либо

contemporaries. The Benivieni dialogue. *Humanities and law research*. 2024;11(3):520–529. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.13>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.12.2023.

The article was approved after reviewing: 21.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.04.2024.

переводчик с латыни на вольгаре, либо тот, кто вел запись проповеди с «живого голоса» – то есть третье лицо, которое неизбежно привносило свое видение в исходный текст. Во-вторых, разумеется, и свойства самих реципиентов послания флорентийского пророка (возраст, гендерная принадлежность, социальный статус, уровень образования) определяли отличия в понимании, интерпретации, усвоении идей духовного лидера Флоренции. Собственно, как сами участники «Диалога» Д. Бенивьени, так и его содержание, позволяют увидеть, как «учение» Савонаролы, распространяясь в различных формах среди не представлявших однородной группы (даже в лагере его последователей – «плакс») современников монаха, воспринималось неодинаковым образом, и в процессе восприятия по-своему истолковывалось.

Анализ. Доменико Бенивьени – магистр «искусств и медицины», обладал глубокими познаниями в области аристотелевской и платоновской философии, а также богословия, «за изощренность своего ума» получил от современников прозвище «Scotino» [19, p. 33–34]. В 1479 г. преподавал логику в Пизанском университете, а затем практиковался в больнице Пеша (Ospedale di Pescia). Был близок с Марсилио Фичино, Анджелио Полициано и Джованни Пико делла Мирандола. 28 апреля 1491 г. стал каноником базилики Сан-Лоренцо. Уже с начала 90-х гг. Доменико начал проявлять симпатию в отношении Савонаролы и его трудов. Его старший брат – поэт и философ, принадлежавший к кругу флорентийских неоплатоников, Джироламо Бенивьени (1453–1542) вспоминал, как с началом выступлений доминиканца в Сан Марко (1490 г. – Е.Т.), «вместе с доброй памятью синьором Джованни Пико делла Мирандола и мессером Доменико, прозванным Scotino, моим братом», они «часто приходили слушать его, привлеченные истиной и пользой его учения» [22, p. 521–522]. Другой флорентинец – Плачидо Чиноцци (1464–1503), под воздействием проповедей фра Джироламо 18 июня 1496 г. принявший монашеский постриг в Сан Марко, сообщал читателям своего «Послания», что тому удалось обратиться к «истинной простоте Иисуса Христа» «самых превосходных, каких только можно было найти в нашем городе», богословов, философов, каноников и юристов, среди которых был и «маэстро Доменико Бенивьени, человек исключительной и уникальной для нашего города жизни и учености» [12, p. 6]. Его же Чиноцци упоминает среди тех, кому Савонарола доверял свои откровения о грядущих событиях: так, по словам этого современника, собравшимся как-то в «в сакристии Сан Марко» «своим близким (suo familiari)», среди которых был и Доменико Бенивьени, монах предсказал множество вещей, среди которых смерть Лоренцо¹⁸, Папы и «короля Альфонсо, сына короля Феррандо¹⁹; «приход короля Франции в Италию и утрата положения герцогом Миланским²⁰» [12, p. 16–17]. Стоит отметить,

¹⁸ Лоренцо Медичи (1449 – 1492).

¹⁹ Правители Неаполитанского королевства: Фердинанд умирает в 1494, его сын Альфонс – в следующем, 1495 г.

что поначалу Доменико, как и многих других очевидцев, смущала «манера проповедования» Савонаролы, его «произношение» и «беспорядочные жесты» [22, р. 522]. Однако предложенная монахом программа обновления современных христиан оказалась настолько притягательной, что Бенивьяни стал одним из самых ревностных последователей и защитников флорентийского пророка, и сохранял верность его «учению» вплоть до своей смерти [33].

Значимыми письменными свидетельствами приверженности Доменико Бенивьяни «учению» Савонаролы являются три сочинения, появившиеся во время разгоревшейся в печати между противниками и сторонниками доминиканца полемики, начало которой положил сам монах, опубликовав осенью 1495 г. «Послание некоему другу» [7] в ответ на бреве Папы от 21 июля, 8 сентября и 16 октября 1495 г., предписывающие ему появиться в Рим и прекратить проповеди. Доменико присоединился к публичным обсуждениям, сначала издав мае 1496 г. «Трактат в защиту и подтверждение учения и пророчеств, проповедуемых братом Иеронимом во Флоренции» [9]. Затем в качестве реакции на анонимную инвективу, автор которой в начале 1496 г. под личиной «друга» воспроизвел обвинения противников в адрес доминиканца [16], Бенивьяни сочиняет «Эпистолу некоему другу в ответ на некоторые возражения и клевету против брата Иеронима из Феррары», в которой уже ссылается на «Трактат» [15, р. 180, 181, 183, 184, 185, 189]. И, наконец, третья апология – «Диалог об истинности учения, проповедуемого братом Иеронимом из Феррары в городе Флоренция», появляется не раньше середины мая 1497 г., поскольку в тексте упоминается опубликованный «несколько дней назад» ответ Савонаролы [6]²¹ на всеобщий запрет проповедования в городе, который, как известно, Синьория издала на следующий день после сорванной молодыми противниками пророка проповеди на Вознесение 4 мая [14, р. 314]. Также вероятно, что «Диалог» предшествовал другому событию – оглашению 18 июня 1497 г. в городе папского бреве с отлучением монаха, поскольку упоминание о нем отсутствует в этом сочинении. Таким образом, этот труд Бенивьяни появляется в тяжелое для флорентийского пророка и его сторонников время обострения ситуации и неясных перспектив.

Апология представляет собой беседу Доменико с его приятелем Филалетом. Имя второго участника диалога не случайно, он – «друг истины», тот, кто «любит» и ищет ее. Филалет продолжительное время путешествовал, побывав в «разных странах». Возвратившись во Флоренцию, он, «отложив все прочие дела», решил навестить своего приятеля, чтобы узнать из первых уст последние городские новости. При этом, особый интерес Филалет проявляет к Савонароле, поскольку связанные с ним вести, как утверждает этот гость каноника Сан-Лоренцо, «распространяются по всему миру так, что везде, где я был, не говорится ни о чем ином, кроме новостей отсюда», при том, что количество и разнообразие суждений о доминиканском брате таково, что «не хватило бы всего этого дня», чтобы поведать о них. И поскольку о монахе говорят «много всякого разного», Филалет признается, что смущен и пребывает в замешательстве, а затем просит Доменико поделиться всем тем, что он «знает» и «понимает» о фре Джироламо и его учении [14, р. 301–302].

Согласно итальянскому исследователю Джан Карло Гарфаньини, вполне типичная для флорентийца фи-

гура купца Филалета, во-первых, введена Бенивьяни с целью подчеркнуть широкий резонанс в Италии и Европе, вызванный распространением идей Савонаролы; во-вторых, связана с потребностью акцентировать внимание на интересе среднего класса – купцов и предпринимателей, к религиозным вопросам и их «возможном» присоединении к движениям за духовные и церковные реформы, выходящим за рамки местных церквей [18, р. 296]. Кроме того, автор «Диалога» посредством Филалета производит классификацию современников, выделяя четыре группы на основании их отношения к образу жизни и идеям Савонаролы: «имеются те, что говорят очень уважительно, как в отношении жизни, так и касательно учения; другие, напротив, говорят о нем дурно, осуждая таким образом, как жизнь, так и учение; иные отзываются хорошо о жизни, но плохо об учении; а прочие, хотя и одобряют его жизнь и не противостоят учению, тем не менее, колеблются, ожидая исхода этих дел» [14, р. 302]. Причем, как выясняют участники разговора, позиция занятая теми или иными людьми, рассуждающими о флорентийском пророке, имеет связь с их личными качествами и способом существования: первые «кажутся» Филалету «людьми рассудительными и добрыми»; вторые – «либо явно дурной жизни, либо, по крайней мере, одержимы страстями»; третьих он определяет, как людей «нерассудительных»; четвертые «не представляются живущими дурной жизнью, но скорее в меньшей степени предавшимися духу и не очень прилежными в анализе того, что происходит в настоящее время» [14, р. 302]. Судя по абсолютному доверию этого купца к канонику Сан-Лоренцо, последний принадлежит к первой категории людей «добрых» и «рассудительных», что, в сущности, совпадало с общим мнением о Доменико Бенивьяни, как человеке ученом и строгих нравов, но было бы нескромным заявлять о себе таким образом от первого лица. Сам Филалет явно относит себя к четвертой группе, заявляя о своем отношении к Савонароле следующим образом: «из того, что я понял и собрал, я не могу оценить его жизнь иначе, как добрую, ведь я всегда знал о его прекрасных и честных нравах»; «что касается учения, поскольку я не слышал его и поразному понимаю его аспекты, не знаю, как судить о нем, тем более, что, по правде говоря, я также был весьма небрежен в чтении его трудов и анализе того, что проистекает из его учения» [14, р. 302]. Таким образом, этот участник «Диалога» предстает неискушенным в вопросах «учения» Савонаролы человеком, «наивность (*ingenuità*)» которого, по словам Д. К. Гарфаньини, «является гарантией беспристрастности и правдивости» [18, р. 298]. К этому стоит добавить и долгое пребывание за пределами Флоренции, а значит и определенную отстраненность от местных политических и церковных противоречий, что также должно было способствовать непредвзятой оценке Савонаролы и его действий со стороны Филалета. Это же свойство своего собеседника Доменико использует при обзоре трудов защитников и критиков доминиканского монаха. Более того, беседа с другом, мало или почти ничего не ведающим о сути наставлений Савонаролы, позволяет

²⁰ Людовико Сфорца (1452 – 1508) по прозвищу Моро – правитель Милана (1480 – 1499 гг.): в ходе Итальянских войн Милан был захвачен французскими войсками Людовика XII; лишенный власти Моро был вывезен во Францию, где и скончался в заточении в замке Лош.

²¹ «Послание ко всем избранным Божиим и верным христианам», отдано в печать 8 мая 1497 г.

Бенивьяни воздействовать соответствующим образом на перечисленные выше группы современников. Не зря он начинает «Диалог» с означенной классификации, а затем, вспоминая о ранее опубликованном «Трактате», сообщает что его целью было привести доводы в защиту доминиканца, «не для того, чтобы заставить поверить ... упорствующих в дурной жизни, но, чтобы смутить их и утешить тех, кто уверовал в это учение, а также, чтобы склонить дух (*l'animo*) тех, кто противоречит не столь упрямо и с дьявольской злобой, и чтобы поддержать слабых, дабы они не были обмануты и убеждены в обратном нечестивыми (людьми)» [14, р. 302]. Последние – это и есть Филалет, которому в ходе совместной беседы Доменико излагает постигнутую им сущность идей Савонаролы о реформировании современных христиан.

Беседу двух друзей условно можно разделить на три части. Одна из них связана с обзором трудов сторонников и противников доминиканского проповедника-реформатора. Для автора «Диалога» это возможность показать читателям, что понимание «учения» Савонаролы невозможно без практики доброй христианской жизни, которая отличает апологетов монаха от его критиков, отчего последние пытаются скрыть свои недостатки под маской анонимности. Упоминание конкретных авторов и их сочинений позволяет составить представление о различных подходах к «учению» фра Джироламо и разнообразных его интерпретациях. Еще одна часть беседы – истолкование сути доктрины Савонаролы устами Доменико. И, наконец, последняя – перечисление опубликованных работ монаха, посредством которых Филалет (а в его лице – читатель «Диалога») может самостоятельно постигнуть его наставления относительно реформирования современных христиан.

Сам Доменико заявляет о себе, как горячем стороннике флорентийского пророка: «Я не только верю, что учение этого отца истинно и послано Богом в наше время людям для реформирования Его святой церкви, но также, по благодати Божией, настолько убежден, что если потребуются, буду готов даже подвергнуть опасности свою жизнь» [14, р. 302]. Именно доказательству этой позиции, как сообщает своему собеседнику Бенивьяни, посвящен его «Трактат». В этом сочинении, согласно Доменико, он, «сбрав воедино вкратце свойства того учения, которое в настоящее время брат Иероним проповедует во Флоренции», утверждает, что в целом его можно представить в четырех пунктах: «во-первых, в доказательстве истинности христианской веры; во-вторых, в демонстрации подлинно христианского образа жизни; в-третьих, в предсказании некоторых будущих вещей, касающихся скорого обновления святой церкви; в-четвертых, в реформировании государственного управления Флоренции» [14, р. 303]. На первый взгляд, четвертое положение выглядит несколько инородным в этом обобщении, однако оно же является свидетельством глубокого понимания мысли Савонаролы, связавшей духовную и политическую реформы, где преображение тела города – устройство демократического режима, в основе которого заложен принцип «общего блага», должно способствовать и изменению духа граждан – населения «христианской политики» [29, р. 385]. Затем, по словам Бенивьяни, он демонстрирует «полезность и необходимость проповеди и пророчества в церкви Божией и то, как люди должны твердо верить тем, кто послан Богом и которые познаются не всегда посредством чудес, ... но через их добрую

жизнь и добрые плоды их учения» [14, р. 303]. В сущности, здесь Доменико полностью воспроизводит рассуждения Савонаролы, неоднократно высказанные им публично, разделяя позицию доминиканца. И, наконец, автор «Трактата» упоминает о двенадцати доводах, которые он изложил в этом сочинении с целью доказательства, «что это учение, проповедуемое и описанное им в наше время, является истинным и от Бога» [14, р. 303]. При этом, Бенивьяни не просто сообщает о них, но и вкратце раскрывает их содержание читателям «Диалога», таким образом расширяя круг тех, кто не имел возможности соприкоснуться с ранее изданным трудом. В порядке их изложения, аргументы в защиту Савонаролы выглядят следующим образом: «праведность его (Савонаролы) жизни»; «добрый и всеобщий результат, который следует из этого учения»; «присоединение к нему («учению» Савонаролы) добрых людей и противодействие скверных»; «учение» доминиканца, невзирая на «значительное и всеобщее противодействие, которое имело и имеет», «никогда не угасает, а напротив, все более возрастает и расширяется»; «длительность этого (учения), стабильность и постоянство в течение продолжительного времени»; «твердость и стойкость во всем, что он проповедовал», «не отрекаясь от чего-либо, даже незначительного», при этом все подтверждается до «самой малой йоты», а значит проистекает «от величайшего света, который свидетельствует об истинности всего его учения»; «значительное соответствие этого учения доктрине Св. Писания, учению святых прошлого, естественному свету, а также добрым нравам»; «пророчество с возможностью его верификации в будущем»; «легкость в защите этого учения ... настолько, что даже женщины и дети не только могут отстаивать его, но даже приводят в замешательство противников, несмотря на их ученость»; «постоянное и всеобщее желание услышать это учение»; «спокойствие, веселие и радость духа ... тех, кто, уверовав, следуют этому учению, и, напротив, огромное беспокойство, тревога и печаль противников»; «однородность и величайшее сходство разума и чувств тех, кто присоединяется к этому учению ... и, наоборот, великий разлад среди противников» [14, р. 304]. И вновь стоит указать на то, что значительная часть перечисленных выше доводов звучала в проповедях фра Джироламо, либо присутствует в его сочинениях. Разумеется, за исключением тех тезисов, которые касаются положительных свойств самого монаха, иное было бы признаком отсутствия смирения. Однако и в этом вопросе апология Бенивьяни сочетается с рассуждениями Савонаролы о свойствах пастырей, наставления которых должны соответствовать проповедуемому образу жизни, поскольку «всякое подобие порождает свое подобие» [30, р. 194, 210].

Как уже было сказано выше, перечисление современных защитников флорентийского пророка позволяет Доменико указать на поддержку Савонаролы со стороны людей ученых и уважаемых. Одним из первых автор «Диалога» упоминает Джорджо Бениньо Сальвиати (Юрай Драгишич, 1444/1448–1520) – теолога, философа, поэта, монаха-францисканца [35]. Сальвиати был близок к семье Медичи, а после их изгнания в 1494 г., удалился из Флоренции в Рагузу (Дубровник), где, как сообщает Филалет, стал проповедовать «учение, сходное с (д-рариной) брата Иеронима, и произвел в этом городе значительный результат». Этот, по словам собеседников, «профессор теологии», «ученый» и «умный», «исключительный» и «цельный» человек, «почитатель

истины», в 1497 г. составил «в форме диалога ... небольшой трактат, озаглавленный "Propheticae solutiones (Разъяснения пророчеств)", в котором ученым и отточенным образом доказывает три вещи, касающиеся пророческой миссии доминиканца. Во-первых, Сальвиати обратился к вопросу, широко обсуждаемому в полемике вокруг Савонаролы: возможны ли новые пророчества после Христа. И пришел к выводу, что «Богу не столько неуместно, как говорят некоторые, но сообразно и полезно посылать нам новых пророков». Во-вторых, францисканец, согласно автору «Диалога», обосновал положение о том, что «монах Иероним из Феррары был послан Богом в эти времена ... как особый пророк и просветитель наших душ». И, в-третьих, этот сторонник Савонаролы обратился к теме избранности города на Арно, утверждая, что монах был «предназначен и послан Богом скорее во Флоренцию, чем куда-либо еще» [14, р. 305].

О притягательности темы пророчеств и реформы христианского мира для современников свидетельствует и дальнейшее перечисление участниками «Диалога» имен апологетов брата Джироламо. Среди них – флорентийский гуманист Джованни Нези (1456–1506) [1; 32], которого Филалет характеризует, как «человека талантливого, образованного и почитателя добродетели», а Доменико, указывая на его «новый трактат» – «*Oraculum de novo saeculo* (Пророчество о новом веке)», изданный в 1497 г. и посвященный в первом издании упомянутому выше Сальвиати, отмечает «изящество и эрудицию», с которой автор «под видом одного из своих видений, демонстрирует дурное состояние мира и города Флоренции и то, что Бог послал отца для реформирования (общества) с помощью спасительного учения» [14, р. 306]. Кроме того, среди множества сочинений, «написанных разными людьми» и «подобных учению и пророчествам» Савонаролы, собеседники упоминают «значительный труд», составленный францисканцем Паоло ди Нола (*Paolino Nolano*) – «почтенным отцом», о котором распространяется молва как о «человеке святой жизни». По словам Доменико, этот «трактат содержит множество посланий, адресованных различным властителям и мирским владыкам», в которых автор, «хотя прямо и не называет отца Иеронима, тем не менее, пишет вещи, весьма схожие с его учением и пророчествами», предвещающая скорые испытания и призывая к покаянию. О сходстве устремлений флорентийского пророка и минорита Бенивьени судит на основании прочитанного им послания этого монаха Савонароле, где содержится просьба ознакомиться с означенной работой, которая, согласно ее автору, «является началом великого дела» [14, р. 306].

Касаясь еще одного вопроса, вокруг которого велись горячие споры современников Савонаролы – его вмешательства в дела управления Республики, Доменико указывает своему собеседнику на изданное в 1496 г. сочинение Бартоломео Скала (1430 – 1497) – «Апологию против хулителей нового народного правления города Флоренции (*Apologia contra vituperatores civitatis Florentiae*)» [10; 11; 31, р. IX–XIII, 394–411], в которой этот политический деятель встает на сторону правительства, «введенного проповедью и учением сего отца», а также, отвечая критикам Савонаролы, «демонстрирует пользу и добрые плоды, порожденные проповедями и пророчествами» доминиканца. Филалет (а, следовательно, и автор «Диалога») солидаризируется с мнением автора апологии, замечая, в духе проповедей брата Джироламо [28, р. 209–228], что настоящее управление (тело

городской общины – Е.Т.) «организовано ни для чего иного, как для поддержания добрых нравов и духовных дел города (формы, духа реформируемого социума, согласно Савонароле – Е.Т.)». И также, как и в ранее упомянутых характеристиках защитников доминиканского брата, собеседники вновь акцентируют внимание на положительных свойствах Скала, представляя его человеком «образованным», «благоразумным» и «рассудительным», «практиком и знатоком» в делах государственных [14, р. 306].

Бенивьени не только указывает читателям на то, что Савонаролу поддерживают во всех отношениях достойные люди, но и свидетельствует об их значительном количестве, заявляя, что перечисление трудов в защиту доминиканца заняло бы значительное время. Поэтому имена еще нескольких апологетов флорентийского пророка появляются в «Диалоге» в связи с недавней или грядущей публикацией их работ. Среди них Доменико упоминает изданное весной (вероятно, после апреля) 1497 г. сочинение францисканца, «профессора святой теологии», «почитателя и защитника этого учения» Паоло да Фучеккьо (*Paulo da Fuceschio*), в котором тот отвечает на «клевету» в отношении брата Джироламо со стороны некоего «монаха-еремита» [14, р. 309]²². Здесь стоит отметить, что широкому распространению этого труда, вначале появившегося на латыни, способствовали его довольно быстрый перевод и публикация на *volgare* другим сторонником Савонаролы – флорентийским нотариусом Филиппо Чиони (*Filippo Cioni*, 1461–1520?) [25; 26]. Бенивьени также сообщает о скором появлении работы «на эту тему» одного из ведущих гуманистов второй половины XV в., «человека ... исключительной учености и праведной жизни» – Бартоломео Фонцио (делла Фонте, 1446–1513). Сложно сказать о каком сочинении Фонцио, с начала 90-х годов обратившегося к религиозным размышлениям, но не прерывавшего литературных занятий, а также преподававшего в 1495–1496 гг. во Флорентийском университете поэтику и риторiku, а с 1497 г. по 1501 г. риторiku и Св. Писание, идет речь [14, р. 306; 34]. Имя же еще одного апологета Савонаролы Доменико предпочел не сообщать своему собеседнику, ограничившись указанием на то, что некий «чистый человек (*uomo puro*)» в том, что касается учения и исключительной жизни», начал «полезный и желанный» труд, с намерением «подробно рассказать о жизни, учении и пророчествах нашего отца», благодаря которому можно будет постигнуть «великие вещи и высочайшие тайны», касающиеся доминиканского брата [14, р. 306–307]. Продолжение беседы Доменико и Филалета, как вполне обоснованно указал Джан Карло Гарфаньини [14, р. 307], позволяет связать этого неназванного апологета с философом-гуманистом и богословом Джованни Франческо Пико делла Мирандола (1469–1533). Ко времени написания «Диалога» он уже являлся участником развернувшейся в печати полемики о доминиканце, опубликовав опровержение на инвективу, изданную под вымышленным именем Самуила из Кассино. Бенивьени упоминает об этом сочинении Мирандолы (*Defensio Hieronymi Savonarolae adversus Samuelem Cassinensem*), в котором тот демонстрирует, что анонимный недруг монаха «не только отклоняется от истины, но и противоречит сам себе», «обнажая собственные происки» [14, р. 308]. А вот ожидаемый труд – это, вероятно, «*Opusculum de sententia*

²² Леонардо да Фивизцано – августинский монах. См. о нем ниже.

excommunicationis iniusta, pro Hieronymi Savonarolae viri prophetae innocentia», написанный в опровержение действительности изданного 12–13 мая 1497 г. папой Александром VI бреве с отлучением Савонаролы, провозглашенного во Флоренции 18 июня 1497 г. Обсуждение работ Джованни Франческо приводит собеседников к воспоминаниям о его дяде – еще одном стороннике и почитателе Савонаролы, флорентийском гуманисте Джованни Пико делла Мирандола, умершем 17 ноября 1494 г. В итоге, они приходят к заключению, что «великим свидетельством истинности этого учения отца брата Иеронимо является то, что два таких ученых и исключительных человека примкнули к нему» [14, р. 308–309].

Среди прочих приверженцев Савонаролы участники «Диалога» не могли обойти вниманием и флорентийского нотариуса Лоренцо Виоли (1465–1556) – «талантливый человек и ученый», благодаря которому значительное количество проповедей монаха было, «ко всеобщему удивлению и изумлению», записано с «живого голоса», а затем опубликовано. По словам Бенивьяни, «сер Лоренцо», действуя на этом поприще, поражает «огромным усердием» и «почти невероятной скоростью письма» [14, р. 316]. Здесь стоит указать на то, что о высоком качестве записей Виоли свидетельствует не только автор «Диалога», отмечавший, что это происходит явно «по божественному вдохновению и воле». Сходные суждения присутствуют и в «Дневнике» другого современника – флорентийского горожанина, «плаксы» Луки Ландуччи, отмечавшего «чудесную» точность «молодого нотариуса» в передаче слов брата, невозможную без божьей помощи: «... большего дива на свете не сыскать, и не нужно никакого иного чуда в этой работе, где каждое, даже малое, действие и слово, которое он произнес, было записано так точно, что ни йоты не пропущено, что нереально; но это было с божественного дозволения для некоей благой цели, и именно так судят люди, которые поступают доблестно» [20, р. 162].

В отличие от сторонников и защитников флорентийского пророка, его противники, как замечает Бенивьяни, предпочитают публиковать свои инвективы анонимно, «ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его» [14, р. 307; Ин.3:20]. Прежде всего Доменико упоминает брошюру «Италия», изданную «несколько лет назад» и направленную «против эпистолы этого отца (Савонаролы), направленной христианнейшему королю Франции (Карлу VIII)» [21, р. 47–55, 76–79, LXVIII–LXXV, CII–CVI]. По его словам, означенное сочинение полностью состоит «из клеветы и оскорбительных, пошлых и глупых слов настолько, что подлинники противники устыдились и осудили» этот труд, который, к тому же, являет читателям «пристрастность и злобу автора». Согласно Бенивьяни, этот же аноним, вероятно духовное лицо, составил и письмо, «адресованное брату Иерониму, в котором содержались некоторые возражения, выдвинутые, как он пишет, некими учеными отцами против отдельных вещей, написанных монахом Иеронимом в его послании некому другу». Именно в ответ на это сочинение Доменико опубликовал свою «Эпистолу», посредством которой, как он утверждает в «Диалоге», «с большой легкостью» опроверг доводы критиков, «продемонстрировав не только явное невежество этих хулителей, но и их притворное лицемерие и извращенную волю» [14, р. 307–308; 17].

Доменико обращает внимание своего собеседника на еще одного, ранее упомянутого здесь анонима «под

вымышленным именем Самуила из Кассино (Samuel Cassinense)», написавшего «плоскую и безвкусную» инвективу «против учения и пророческих видений, описанных нашим отцом в Сборнике его откровений» [14, р. 308; 27]²³. Судя по имени и теме сочинения, его автором был представитель Церкви, также, как и следующий оппонент брата Джироламо, которого Бенивьяни называет «монахом-еремитом».

В последнем случае речь идет об августинце Леонардо да Фивиццано, тесно связанном с другим давним недругом флорентийского пророка – Мариано делла Барба да Дженаццано, который в то время возглавлял монастырь Санто Спирито, а 14 мая 1497 г. стал генералом Ордена. Доменико сообщает своему другу, что этот монах «в прошедший пост» проповедовал в Санто Спирито, «безрассудно» осуждая «учение и пророчества отца», «то ли по убеждению людей, противящихся этому учению, то ли сам по себе, возбужденный каким-то злым духом или, может быть, по недостатку благоразумия и рассудительности». Причем, в отличие от своего высокого покровителя – фратта Мариано, который прославился своими изысканными проповедями, привлекавшими городских интеллектуалов, Леонардо явно обращался к «простой» аудитории, поскольку, по словам Бенивьяни, не гнушался бранных слов, а также «дурно слепого клеветы» [14, р. 309]. Об этих выступлениях упоминает в своем «Дневнике» и Лука Ландуччи, отметивший в записи от 24 марта 1497 г., что проповедовавший в Санто Спирито монах «весь Великий пост говорил, что брат обманывает, и что он не пророк» [20, р. 145]. Затем, в апреле, августинец опубликовал обвинения против Савонаролы «в виде неких Заключений (Conclusioni)», содержание которых дошло до наших дней благодаря упомянутому выше опровержению францисканца Паоло да Фучеккьо. Относительно данной инвективы Доменико замечает, что не ведает, была ли она создана непосредственно ермитом, но ее содержание свидетельствует, что автор «не только не слышал и не понял учения отца, но и совершенно не знал его». С этим же противником Савонаролы Бенивьяни связывает недавнее появление еще двух посланий [14, р. 309]. О них же сообщает 27 мая Л. Ландуччи: «И в это время были опубликованы некие весьма оскорбительные послания против брата Джироламо, написанные рукой монаха Санто Спирито» [20, р. 151]. Поводом, по крайней мере, для одного из них стала целая череда событий первой половины мая 1497 г.: 4 мая молодые противники Савонаролы – компания сорвали его проповедь в соборе Санта Мария дель Фьоре; на следующий день Синьория издала всеобщий запрет на проповеди; 8 мая появилось написанное Савонаролой «Послание ко всем избранным Божиим и верным христианам» [14, р. 314], а 12 мая ответ на него – публичное письмо Фивиццано «всем истинным друзьям Христа распятого», в котором обосновывалось верховенство Папы в церковных делах, оправдывался указ городского правительства о прекращении выступлений проповедников, провоцировавших раздоры среди горожан [14, р. 313–314; 13, р. 9, 29, 41; 8; 23]. По словам автора «Диалога», своими эпистолами августинец, «как многим кажется, из подлости», «под видом притворного милосердия пытается умалить это учение». Обращаясь ко второму из двух публичных писем, «по своему названию адресованному благочестивым слушателям еван-

²³ «Компендиум откровений (Compendium revelationum)», написан Савонаролой между весной и летом 1495 г.

гельского закона», Доменико сообщает своему, еще не читавшему этот текст другу, что его автор: «восхваляет евангельский закон и закон Христов, но не учит, как надлежит понимать его или следовать ему»; «превозносятся евангельское учение, ... часто повторяется, что нет нужды в каком-либо новом свете, и не нужно иного учения, чем это, ибо это могло бы означать желание показать, что закон Христов несовершенен»; соответственно, намереваясь критиковать «учение», «вновь проповедуемое отцом, полагая его ... противоречащим евангельскому, или отклоняющимся от него», не разумеет либо мысль доминиканца, либо Писание, или же «злонамеренно истолковывает» первое, поскольку для всех, в том числе и для Римской курии, очевидно, соответствие высказываний монаха-реформатора и текстов Ветхого и Нового Завета [14, р. 309–310]. Озвучив свое суждение об этой эпистоле Леонардо да Фивичцано, Доменико предлагает другу прочесть ее и высказать собственное мнение. В итоге, Филалет не находит в рассуждениях августинца о «свете» Писания «ничего противоречащего брату Иерониму, кроме намерения этого монаха», который полагает, что доминиканец проповедует нечто, «либо противоположное, либо излишнее евангельскому учению» [14, р. 310]. Представляется, что именно эти сомнения касающиеся, как емко выразился Д.К. Гарфаныни, «*lumen propheticum*» и «*lumen fidei*» [18, р. 293, 297] – «света пророческого» и «света веры» в наставлениях Савонаролы, и пытается рассеять у своих читателей автор «Диалога», демонстрируя собственное понимание «учения брата Иеронима».

Итак, Д. Бенивьени уже в начале беседы заявил о себе как о приверженце Савонаролы, твердо уверенном в том, что обновление современных христиан возможно на пути обращения к Св. Писанию и при помощи его толкователя – брата Иеронима, чья праведная жизнь, ученость, способность глубоко проникать в смысл библейских текстов, позволяют утверждать, что его «учение» «истинно и от Бога». Пророческая миссия доминиканца подтверждается не чудесами, а «добрыми плодами» его наставлений, обращенных к пастве. «Свет», которым пророк наделен по благодати Всевышнего, а также «учение», которое он распространяет устно и письменно, «не являются ни другим светом, ни иным учением, нежели тот, что всегда пребывал в Церкви Христовой» [14, р. 310]. И здесь Доменико, также, как и Савонарола, рассуждает, с одной стороны, о Церкви как совокупности всех верующих, наделенных словом Божиим и, соответственно, возможностью, вняв и следуя ему, обрести благодать Св. Духа; а с другой – о Церкви в ее историческом измерении, когда, утрачивая «свет» веры, она «не только приходит в упадок, но почти доходит до своего последнего разрушения», а затем реформируется «различными святыми людьми». Таким образом, «учение» флорентийского пророка, – который подобен устам Господа, несет Его слово, – как утверждает Бенивьени, можно назвать, как «древним светом», так и «новым», поскольку этот свет веры «давно угас у большинства христиан по маловерию и незнанию доброй христианской жизни», доминиканец же возвращает современников к нему, «сначала действительно убеждая людей в истинности веры Христовой, как корне и основании всякого доброго существования, а затем обучая этому способу доброй жизни» [14, р. 310;].

Собственно, один из ключевых вопросов полемики вокруг Савонаролы – является ли монах пророком, и, соответственно, возможно ли пророчество в современ-

ной Церкви и в чем его суть. Он присутствует в качестве основного как в «Диалоге» Бенивьени, так и в опубликованной им ранее «Эпистоле». Так, в послании, отвечая оппонентам на их толкование евангельской фразы «Закон и пророки до Иоанна»²⁴, Доменико защищал идею длящегося пророчества (после прихода Спасителя), когда миссия пророка состоит в том, чтобы «направлять и руководить людскими поступками и действиями в соответствии с тем, что в любое время – ситуация уместна для спасения избранных Бога» [15, р. 188]. Содержание этих двух сочинений позволяет утверждать, что для Бенивьени пророчество заключалось не только (или даже не столько) в предсказании грядущих вещей, но в критике нынешнего состояния христианского общества, его несоответствия божественным, евангельским заветам, и, соответственно, в призыве вернуться к Св. Писанию, как основе веры и доброй жизни.

Отсюда и отмеченное современниками отличие проповедей доминиканца от привычной и широко распространенной в то время манеры выступлений перед прихожанами. Доменико, практически в духе самого пророка-реформатора, указывал на то, что «уже продолжительное время» наставники паствы либо не обращались к чтению и проповедованию Св. Писания, либо делали это крайне редко, вместо этого «быстро переходили к *questioni e articoli* (вопросам и пунктам), тратя время на авторитетных философов и басни поэтов, отчего ... народу – мало, или совсем не было пользы». Савонарола же, напротив, «в своих проповедях, как публичных, так и частных, истолковал большую часть Св. Писания, и Ветхого, и Нового Завета». Брат Иероним, как отмечает этот его сторонник, «полагая Св. Писание зеркалом доброй жизни, где видно спасение человека и путь к его достижению, никогда не излагал и не проповедовал ничего иного, чудесным образом соединяя один Завет с другим и с некоторыми толкованиями, никогда доселе не слышанными, но всегда созвучными и отвечающими потребностям настоящего времени»; причем последовательность изложения библейских текстов удивительно совпадала с переживаемыми горожанами событиями, что по мнению автора «Диалога», является явным свидетельством того, что монах «направляется и ведется Богом» [14, р. 316].

Итак, посредством пророка Савонаролы Господь обращается к своей Церкви – объединению современных христиан, с призывом возродить «истинную веру», а для этого вернуться к «свету» Св. Писания (в котором воплотилось слово Божье). Этот «свет», во-первых, демонстрирует верующему его цель, «в которой состоит его счастье», а оно «заключается не в каком-либо сотворенном благе, а только в созерцании и наслаждении Богом». Во-вторых, «демонстрирует, что нет иного средства достичь этого счастья, кроме доброй христианской жизни». Основанием же последней является «благодать Божия», посредством которой «душа становится супругой божественной природы и соединяется с ней невыразимым образом настолько, что в некотором роде становится единым духом с Богом». От этой же благодати «проистекают добродетели и сверхъестественные дары Святого Духа, так что полностью совершенный и во всех отношениях возвышенный человек становится духовным и божественным» [14, р. 311].

Продолжая излагать суть «учения» Савонаролы своему собеседнику, Доменико уточняет, что означенный

²⁴ Мф. 11:13; Лк. 16:16.

«свет» указывает на то, что следует «сосредоточиться на сохранении, приумножении и усовершенствовании этого дара благодати посредством молитвы, церковных таинств и других добрых дел»; что человек должен усердно стремиться ко «внутренней простоте», а также принять «внешнюю простоту» [14, р. 311]. «Теплохладность» – качество, в настоящее время распространенное, как указывает Филалету его друг, и среди мирян – от правителей до простого народа, и среди духовенства – от священников до монахов, состоит в том, что «равнодушные» не ценят первооснову доброй христианской жизни – благодать и веру Христову, предпочитая внешнюю обрядность и не стремясь избавиться от излишнего [14, р. 312]. Между тем «свет» показывает, что в качестве образца для подражания верующие должны избрать Христа и духовных (spirituali) людей. Причем, среди последних не только ранние христиане, но и насельники монастырей, которые стремятся к «совершенству духовной жизни, состоящей во внутреннем соединении (intima unione) души с Богом», когда «воспламененная любовью» душа «уподобляет себе» плоть «отчего происходит чудесное соединение духа с Богом и тела с духом». И здесь этот сторонник брата Иеронима вслед за ним замечает, что означенный путь осуществим не только в пределах конвента, но и открыт «всякому другому верующему» [14, р. 312].

Результаты. Таким образом, Бенивьени почти буквально воспроизводит основные положения программы обновления современной Церкви, которую Савонарола излагал из проповеди в проповедь, а в концентрированном виде представил в своих выступлениях на текст Книги Руфи (18–25 мая 1496 г.), где провозгласил «простоту христианской жизни» в качестве концептуальной основы реформы, а «простецов» – ее главными действующими лицами [30, р. 102–243; 3]. В отличие от «Трактата», адресованного преимущественно интеллектуалам, и «Эпистолы», дающей отпор недругам доминиканца, «Диалог» был обращен к простым прихожанам, многие из которых были подобны Филалету. Его автор, во-первых, защищает тезис о том, что Савонарола – истинный пророк и все, что он проповедует – «от Бога». «Учение» монаха целиком и полностью основано на Св. Писании, свидетельством чего являются его проповеди, связанные исключительно с толкованием священных текстов. Отсюда «пророческий свет» брата Иеронима, можно назвать «древним», но одновременно

и «новым», поскольку современные христиане отделились от него. Во-вторых, акцентируя внимание на том, что согласно пророку-реформатору, Библия указывает каждому христианину цель и средства ее достижения, Доменико особое внимание уделяет толкованию мысли монаха о возможности для каждого истинно верующего, обратившегося к «простоте» и «доброй христианской жизни», обрести «свет» Божьей благодати и соединиться с Господом. Потенциальное противоречие между самостоятельным путем стяжания благодати Св. Духа и наличием института священства, Бенивьени, подобно Савонароле, снимает через различение Церкви как единого мистического тела, объединившего всех уверовавших в слово Божье, и как организации, которая из-за человеческих недостатков (и в том числе, протекающего отсюда «дурного управления»), отклонилась от пути ранней, первоначальной христианской общины. Однако, при том, что посредническая роль духовенства в обретении благодати (например, посредством совершения таинств) не подвергается сомнению, Бенивьени значительно большее внимание уделяет пути личного совершенствования каждого христианина с опорой на евангельские образцы, а также на труды и проповеди флорентийского пророка в качестве помощи «для просвещения разума и поддержки чувств». В итоге, можно прийти к заключению, что «Диалог» – сочинение, в котором сторонник и апологет Савонаролы стремится поддержать часть колеблющихся из числа простых прихожан, через обоснование непротиворечивости «учения» доминиканца официальной Церкви, которой «свет» слов Всевышнего, веры Христовой, «никогда не был чужд», но которая со временем отделилась от него, а функция пророка – став голосом Бога, вернуть ее к изначальному состоянию «духовного горения», через преобразование каждого ее члена. Последнее, как представляется, отвечало запросам современников Доменико, испытывавших потребность в развитии индивидуального благочестия, но, в силу близости к Папскому престолу, – поскольку для населения Италии вселенская католическая церковь являлась одновременно и национальной, – не стремящихся к полному разрыву с этим институтом.

Литература

1. Брагина Л. М. Джованни Нези и предреформационные идеи во Флоренции в конце XV века // Она же. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. Вторая половина XV века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 254–272.
2. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
3. Тельменко Е. П. «Простота христианской жизни» и обновление Церкви в проповедях Джироламо Савонаролы на Книгу Руфи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2024. № 87. С. 20–36.
4. Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/intellektualnaya-istoriya-i-istoriya-mentalnostej-dvojnaya-pereoczenka.html> (дата обращения: 25.12.2023).
5. Шартье Р. Письменная культура и общество / пер. с фр. и послесл. И.К. Стаф. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.
6. A tutti gli eletti di Dio e fedeli cristiani [Firenze, 8 maggio 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 122–128.
7. A un amico [Firenze, 1495] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 91–103.
8. Arrighi V. Leonardo da Fivizzano (da Vallazzana, da Sarzana) // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2005. Vol. 64: Latilla-Levi Montalcini. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/leonardo-da-fivizzano_\(Dizionario-Biografico\)/?search=LEONARDO%20da%20Fivizzano](https://www.treccani.it/enciclopedia/leonardo-da-fivizzano_(Dizionario-Biografico)/?search=LEONARDO%20da%20Fivizzano) (accessed: 09.01.2024).
9. Benivieni, Domenico. Trattato in difesa di Girolamo Savonarola / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: Edizioni del Galluzzo per la Fondazione Ezio Franceschini, 2003. XXXVI, 126 p.
10. Boschetto L. Scala, Bartolomeo // Enciclopedia machiavelliana. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana fondata da Giovanni Treccani, 2014. Vol. 2: I-Z. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-scala_\(Enciclopedia-machiavelliana\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-scala_(Enciclopedia-machiavelliana)/) (accessed: 07.01.2024).

11. Brown A. Scala, Bartolomeo // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2018. Vol. 91: Savoia-Semeria. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-scala_\(Dizionario-Biografico\)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-scala_(Dizionario-Biografico)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo) (accessed: 07.01.2024).
12. Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatoru[m] S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrara, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 1–28.
13. Cordero F. Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. VIII. 823 p. (in Italian).
14. Dialogo di maestro Domenico Benivieni, canonico di Santo Lorenzo, della verità della dottrina predicata da frate Ieronimo da Ferrara nella città di Firenze // Garfagnini G.C. "Questa è la terra tua". Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 301–317.
15. Epistola di maestro Domenico Benivieni fiorentino, canonico di Santo Lorenzo, a uno amico responsiva a certe obiezioni e calunnie contra a frate Ieronimo da Ferrara // Garfagnini G. C. "Questa è la terra tua". Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 178–190.
16. Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo // Garfagnini G.C. "Questa è la terra tua". Savonarola a Firenze Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 124–139.
17. Garfagnini G. C. Domenico Benivieni e l'Epistola in difesa del Savonarola // Idem. "Questa è la terra tua". Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 173–177.
18. Garfagnini GC. "Lumen propheticum" e "lumen fidei" nel "Dialogo" di Domenico Benivieni // Idem. "Questa è la terra tua". Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 293–300.
19. La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. XXIII. 284 p.
20. Landucci L. Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. XV. 377 p.
21. Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. CXCIII. 268 p.
22. Lettera di Girolamo Benivieni a Clemente VII // Opere di Benedetto Varchi, ora per la prima volta raccolte con un discorso di A. Racheli intorno alla filologia del secolo XVI e alla vita e agli scritti dell'autore; aggiuntevi le lettere di Gio. Battista Busini sopra l'assedio di Firenze. Trieste: dalla Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1858. (Biblioteca classica italiana. Secolo XVI; 6). Vol. 1. P. 518–529.
23. Neri A. Un avversario di Girolamo Savonarola // Archivio storico italiano. Quarta Serie. Vol. 5. Firenze: G. P. Viesseux, 1880. P. 478–482.
24. Polizzotto L. The Elect Nation. The Savonarolan Movement in Florence, 1494–1545. Oxford: Clarendon Press, 1994. XIV. 488 p.
25. Responsioni nelle conclusioni publicate contro a frate Girolamo in nome di frate Leonardo. Firenze: Lorenzo Morgiani, 1497. 32 p. URL: <https://archive.org/details/ita-bnc-in1-00000202-001/page/n31/mode/2up> (accessed: 09.01.2024).
26. Ristori R. Cioni, Filippo // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1981. Vol. 25: Chinzer-Cirni. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-scala_\(Dizionario-Biografico\)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-scala_(Dizionario-Biografico)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo) (accessed: 09.01.2024).
27. Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. 476 p.
28. Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. 530 p.
29. Savonarola G. Prediche sopra Giobbe / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1957. Vol. 2. 474 p.
30. Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 1. 470 p.
31. Scala, Bartolomeo. Humanistic and political writings / edited by Alison Brown. Tempe, AZ: Medieval & Renaissance texts & studies, 1997. XXXVI. 572 p.
32. Tortelli E. Nesi, Giovanni // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2013. Vol. 78: Natta-Nurra. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-nesi_\(Dizionario-Biografico\)/?search=NESEI%2C%20Giovanni](https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-nesi_(Dizionario-Biografico)/?search=NESEI%2C%20Giovanni) (accessed: 07.01.2024). (in Italian).
33. Vasoli C. Benivieni, Domenico // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1966. Vol. 8: Bellucci-Beregan. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/domenico-benivieni_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/domenico-benivieni_(Dizionario-Biografico)/) (accessed: 05.01.2024). (in Italian).
34. Zaccaria R. Della Fonte (Fonzio), Bartolomeo // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1988. Vol. 36: De Fornari-Della Fonte. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-scala_\(Dizionario-Biografico\)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-scala_(Dizionario-Biografico)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo) (accessed: 11.01.2024).
35. Zambelli, Germana Ernst-Paola. Dragišić, Juraj (Benigno Salvati, Giorgio) // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1992. Vol. 41: Donaggio-Dugnani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/juraj-dragisic_\(Dizionario-Biografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/juraj-dragisic_(Dizionario-Biografico)/) (accessed: 05.01.2024).

References

1. Bragina LM. Giovanni Nesi and preReformation ideas in Florence at the end of the 15th century in Eadem. Social and ethical views of Italian humanists. Second half of the 15th century. Moscow: Publishing house Mosk. Univ.; 1983. P. 254-272. (In Russ.).
2. Certeau M de. The invention of everyday life. 1. The art of doing. Trans. from FrD Kalugina, N Movnina. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg; 2013. 330 p. (In Russ.).
3. Telmenko EP. «The Simplicity of Christian Life» and the Renewal of the Church in the Sermons of Girolamo Savonarola on the Book of Ruth. *Dialog so vremenem*. 2024;(87):20-36. (In Russ.).
4. Chartier R. Intellectual history and the history of mentalities: double revaluation? *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004;2(66). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/intellektualnayaistoriyaistoriyamentalnostejdvojnayapereoczenka.html> (accessed: 25.12.2023). (In Russ.).
5. Chartier R. Written culture and society / trans. from Fr. and epil. I.K. Staff. M.: New publishing house; 2006. 272 p. (In Russ.).
6. To all the elect of God and faithful Christians [Florence, May 8, 1497]. The letters of Girolamo Savonarola: now for the first time collected and to a better reading reduced by Roberto Ridolfi. Firenze: LS Olschki; 1933. P. 122-128. (In Ital.).
7. To a Friend [Florence, 1495] in The Letters of Girolamo Savonarola: Now Collected for the First Time and Better Translated by Roberto Ridolfi. Firenze: LS Olschki; 1933. P. 91-103. (In Ital.).
8. Arrighi V. Leonardo da Fivizzano (from Vallazzana, from Sarzana) in Biographical Dictionary of Italians. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana; 2005. Vol. 64: LatillaLevi Montalcini. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/leonardodafivizzano_\(DizionarioBiografico\)/?search=LEONARDO%20da%20Fivizzano](https://www.treccani.it/enciclopedia/leonardodafivizzano_(DizionarioBiografico)/?search=LEONARDO%20da%20Fivizzano) (accessed: 09.01.2024). (In Ital.).

9. Benivieni, Domenico. Treatise in Defense of Girolamo Savonarola. Edited by Gian Carlo Garfagnini. Firenze: Edizioni del Galluzzo per la Fondazione Ezio Franceschini, 2003. XXXVI. 126 p.
10. Boschetto L. Scala, Bartolomeo in Machiavellian Encyclopedia. Rome: Institute of the Italian Encyclopedia founded by Giovanni Treccani; 2014. Vol. 2: IZ. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeoscala_\(EnciclopediaMachiavelliana\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeoscala_(EnciclopediaMachiavelliana)/) (accessed: 07.01.2024). (In Ital.).
11. Brown A. Scala, Bartolomeo in Biographical Dictionary of Italians. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana; 2018. Vol. 91: SavoiaSemeria; 2018. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeoscala_\(DizionarioBiografico\)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeoscala_(DizionarioBiografico)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo) (accessed: 07.01.2024). (In Italian).
12. Cinozzi P. Epistle (Extract of an epistle fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatoruin S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrara, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) in P Villari, E. Casanova (Eds.), Savonarola G. Choice of sermons and writings of Fra Girolamo Savonarola with new documents about his life. Firenze: Sansoni; 1898. P. 128. (In Ital.).
13. Cordero F. Savonarola. Vol. 4. Savonarola. Vol. 4. Losing Athlete, 1497-1498. Torino: Bollati Boringhieri; 2009. VIII. 823 p. (In Ital.).
14. Dialogue of Master Domenico Benivieni, Canon of Santo Lorenzo, on the truth of the doctrine preached by Friar Ieronimo da Ferrara in the city of Florence in Garfagnini G.C. «This is your land». Savonarola in Florence. Firenze: Edizioni del Galluzzo; 2000. P. 301-317. (In Ital.).
15. Letter from Master Domenico Benivieni of Florence, Canon of Santo Lorenzo, to a friend in response to certain objections and calumnies against Brother Ieronimo da Ferrara in Garfagnini G. C. «This is your land». Savonarola in Florence. Savonarola in Florence. Firenze: Edizioni del Galluzzo; 2000. P. 178190. (In Ital.).
16. Responsive letter to Friar Ieronimo da Ferrara of the Order of Preachers from his friend in Garfagnini GC. «This is your land». Savonarola in Florence. Firenze: Edizioni del Galluzzo; 2000. P. 124-139. (In Ital.).
17. Garfagnini GC. Domenico Benivieni and the Epistle in Defense of Savonarola in Idem. «This is Your Land». Savonarola in Florence. Firenze: Edizioni del Galluzzo; 2000. P. 173-177. (In Ital.).
18. Garfagnini GC. «Lumen propheticum» and «lumen fidei» in the «Dialogue» by Domenico Benivieni in Idem. «This is your land.» Savonarola in Florence. Firenze: Edizioni del Galluzzo; 2000. P. 293-300. (In Ital.).
19. The Life of Blessed Ieronimo Savonarola, written by an anonymous author in the 16th century and formerly attributed to Fra Pacifico Burlamacchi. Published according to the Ginoriano codex by Prince Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki; 1937. XXIII. 284 p. (In Ital.).
20. Landucci L. Florentine diary: from 1450 to 1516: continued by an anonymous author until 1542, published in the codices of the Comunale di Siena and the Marucelliana with annotations by Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni; 1883. XV. 377 p. (In Ital.).
21. The Letters of Girolamo Savonarola: Now Collected for the First Time and Better Translated by Roberto Ridolfi. Firenze: LS Olschki; 1933. CXCIII. 268 p. (In Ital.).
22. Letter from Girolamo Benivieni to Clement VII in Works of Benedetto Varchi, now collected for the first time with a discourse by A. Racheli on the philology of the sixteenth century and on the life and writings of the author; added the letters of Gio. Battista Busini on the siege of Florence. Trieste: dalla Sezione letterarioartistica del Lloyd austriaco, 1858. (Italian Classical Library. 16th Century; 6). Vol. 1. P. 518-529. (In Ital.).
23. Neri A. An Adversary of Girolamo Savonarola in Archivio storico italiano. Fourth Series. Vol. 5. Firenze: GP Viessieux; 1880. P. 478-482. (In Ital.).
24. Polizzotto L. The Elect Nation. The Savonarolan Movement in Florence, 1494-1545. Oxford: Clarendon Press; 1994. XIV. 488 p.
25. Responses in the conclusions published against Brother Girolamo in the name of Brother Leonardo. Firenze: Lorenzo Morgiani; 1497. 32 p. URL: <https://archive.org/details/itabncin100000202001/page/n31/mode/2up> (accessed: 09.01.2024). (In Ital.).
26. Ristori R. Cioni, Filippo in Biographical Dictionary of Italians. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana; 1981. Vol. 25: ChinzerCirni. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeoscala_\(DizionarioBiografico\)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeoscala_(DizionarioBiografico)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo) (accessed: 09.01.2024). (In Ital.).
27. Savonarola G. Compendium of revelations: vernacular and Latin text; and Dialogus de veritate prophetica, edited by Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti; 1974. 476 p. (In Ital.).
28. Savonarola G. Sermons on Haggai with the Treatise on the Government of the City of Florence, edited by Luigi Firpo. Roma: Belardetti; 1965. 530 p. (In Ital.).
29. Savonarola G. Sermons on Job, edited by Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti; 1957. Vol. 2. 474 p. (In Ital.).
30. Savonarola G. Sermons on Ruth and Micah, edited by Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti; 1962. Vol. 1. 470 p. (In Ital.).
31. Scala, Bartolomeo. Humanistic and political writings, edited by Alison Brown. Tempe, AZ: Medieval & Renaissance texts & studies; 1997. XXXVI. 572 p.
32. Tortelli E. Nesi, Giovanni in Biographical Dictionary of Italians. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana; 2013. Vol. 78: NattaNurra. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanninesi_\(DizionarioBiografico\)/?search=NESI%2C%20Giovanni](https://www.treccani.it/enciclopedia/giovanninesi_(DizionarioBiografico)/?search=NESI%2C%20Giovanni) (accessed: 07.01.2024). (In Ital.).
33. Vasoli C. Benivieni, Domenico in Biographical Dictionary of Italians; 1966. Vol. 8: BellucciBeregani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/domenicobenivieni_\(DizionarioBiografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/domenicobenivieni_(DizionarioBiografico)/) (accessed: 05.01.2024). (In Ital.).
34. Zaccaria R. Della Fonte (Fonzio), Bartolomeo in Biographical Dictionary of Italians. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana; 1988. Vol. 36: De FornariDella Fonte. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeoscala_\(DizionarioBiografico\)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo](https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeoscala_(DizionarioBiografico)/?search=SCALA%2C%20Bartolomeo) (accessed: 11.01.2024). (In Ital.).
35. Zambelli, Germana ErnstPaola.Dragisic, Juraj (Benigno Salvati, Giorgio) in Biographical Dictionary of Italians. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana; 1992. Vol. 41: DonaggioDugnani. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/jurajdragisic_\(DizionarioBiografico\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/jurajdragisic_(DizionarioBiografico)/) (accessed: 05.01.2024). (In Ital.).



Научная статья

УДК 94(55)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.14>

НАГОРНО-КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИРАНА В ЗАКАВКАЗЬЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Ашхен Артаковна Толокнева

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Ассистент

aakobian@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0000-1070-6494>

Аннотация. Введение. События 2020 г. в Нагорном Карабахе актуализировали проблему урегулирования конфликта в регионе. Иран являлся одним из акторов переговорного процесса между армянской и азербайджанской сторонами с начала 90-х гг. XX в. Из соображений национальной безопасности это направление стало одним из важнейших во внешнеполитической деятельности Ирана в Закавказье. Ключевое внимание в статье уделяется позиции, занятой Ираном в отношении нагорно-карабахского конфликта в 1992–2018 гг. Иран считал, что может стать альтернативой западным государствам в переговорном процессе. В статье рассмотрены важнейшие аспекты ирано-армянских и ирано-азербайджанских отношений в обозначенный период. Выявлено влияние интересов Ирана в области экономики, логистики, энергетической сфере на позицию Тегерана в отношении конфликта. В статье уделяется внимание отношению Армении и Азербайджана к иранской ядерной программе в контексте межгосударственных отношений и региональной безопасности. Рассматривается проблема Зангезурского коридора, как одного из важнейших аспектов противоречий между Баку и Ереваном и влияющего на выстраивание национальной безопасности Ирана. **Материалы и методы.** В исследовании анализируются официальные документы, заявления и высказывания официальных лиц Ирана, Армении и Азербайджана вокруг проблемы урегулирования нагорно-карабахского конфликта в 1992–2018 гг. Для изучения проблемы применяются сравнительно-исторический, нарративный и проблемно-хронологический методы исследования. **Анализ.** В статье раскрывается влияние фактора нагорно-карабахского конфликта на выстраивание национальной безопасности Ирана в регионе. Прослеживается политика Тегерана в отно-

шении Азербайджана и Армении в контексте региональной безопасности. **Результаты.** В исследовании сделан вывод о том, что интересы национальной безопасности привели к тому, что Иран стал одним из посредников при урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Официальная позиция Тегерана заключалась в недопущении эскалации конфликта и разрешении проблемы путем политических переговоров. Одним из аспектов позиции Ирана выступало недопущение прямого или косвенного вмешательства в конфликт со стороны США, НАТО, ЕС и т.д. С данной целью Тегеран вел деятельность по привлечению региональных акторов (Турции, Российской Федерации) для совместного диалога с азербайджанской и армянской сторонами. Иран исходил из интересов обеспечения национальной безопасности при выстраивании взвешенной позиции в отношениях с Азербайджаном и Арменией.

Ключевые слова: нагорно-карабахский конфликт, Армения, Иран, Азербайджан, международные отношения, Закавказье, национальная безопасность

Для цитирования: Толокнева А. А. Нагорно-карабахский конфликт в контексте внешней политики Ирана в Закавказье в конце XX – начале XXI вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 530–536. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.14>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT IN THE CONTEXT OF THE FOREIGN POLICY OF IRAN IN THE TRANSCAUCASUS AT THE END OF XX-THE BEGINNING OF XXI CENTURY

Ashkhen A. Tolokneva

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Assistant

aakobian@ncfu.ru; <https://orcid.org/0009-0000-1070-6494>

Abstract. Introduction. The events of 2020 in Nagorno-Karabakh have actualized the problem of conflict resolution in the region. Iran has been one of the actors in the negotiation process between the Armenian and Azerbaijani sides since the early 90s. For reasons of national security, this direction has become the most important in Iran's foreign policy activities in the Transcaucasus. The article focuses on the position taken by Iran regarding the Nagorno-Karabakh conflict in 1992–2018. Iran believed that it could become an alternative to Western states in the negotiation process. The article examines the most important aspects of Iranian-Armenian and Iranian-Azerbaijani relations during the indicated period. The influence of the interests of Iran in the field of economics, logistics, production of energy resources, and the energy sector on the position of

Tehran regarding the conflict has been revealed. The article pays attention to the attitude of Armenia and Azerbaijan to the Iranian nuclear program in the context of interstate relations and regional security. The problem of the Zangezur corridor is considered as one of the most important aspects of the contradictions between Baku and Yerevan and affecting the building of the national security of Iran. **Materials and Methods.** The study analyzes official documents, statements and statements by officials of Iran, Armenia and Azerbaijan around the problem of resolving the Nagorno-Karabakh conflict in 1992–2018. To study the problem, comparative-historical, narrative and problem-chronological research methods are used. **Analysis.** The article reveals the influence of the Nagorno-Karabakh conflict factor on building Iran's national security in the region. The policy of Tehran towards

© Толокнева А. А., 2024

Azerbaijan and Armenia is traced in the context of regional security. **Results.** The study concluded that national security interests force Iran to act as a mediator in resolving the Nagorno-Karabakh conflict. The official position of Tehran was to prevent the escalation of the conflict and resolve the problem through political negotiations. One of the aspects of the position of Iran was the prevention of direct or indirect interference in the conflict by the United States, NATO, the EU, etc. To this end, Tehran carried out activities to attract regional actors (Turkey, the Russian Federation) for a joint dialogue with the Azerbaijani and Armenian sides. Iran proceeded from the interests of ensuring national security when building a balanced position in relations with Azerbaijan and Armenia.

Введение. Регион Южного Кавказа в течение многих столетий остается стратегически значимым для Ирана. История этого региона связана с постоянной борьбой за лидерство сначала между Османской империей и Персидской державой, позже к противостоянию присоединилась Россия. В конце XX в. после распада СССР возрастает геополитическое значение региона. Иран на данном направлении вместо крупного международного актора стал соседствовать с независимыми Арменией, Грузией и Азербайджаном. Все эти государства вместе с независимостью получили множество внутривнутриполитических и межэтнических проблем и конфликтов, что превратило регион в источник постоянной нестабильности и угрозы для национальной безопасности Ирана. Наиболее проблемным для Тегерана стал нагорно-карабахский конфликт, разгоревшийся вблизи иранской границы в конце 80-х–начале 90-х гг. XX в. Активные военные действия продолжались до 1994 г. [18] Воспринимая войну на своих границах как угрозу национальной безопасности и стабильности в регионе, Иран выступил с инициативами мирного урегулирования конфликта [32].

Материалы и методы. В исследовании анализируются официальные документы процесса мирного урегулирования между Арменией и Азербайджаном, иницированного Тегераном, а также стратегии выстраивания национальной безопасности в регионе. Кроме того, уделяется внимание заявлениям и высказываниям официальных лиц о проблеме урегулирования нагорно-карабахского конфликта. Рассматриваются особенности выстраивания ирано-армянских и ирано-азербайджанских отношений в конце XX – начале XXI вв. Но основными источниками прослеживается значение региона Южного Кавказа для обеспечения национальных интересов Ирана. Проблема нагорно-карабахского конфликта в контексте иранской внешней политики нашла свое отражение в историографии. Отдельные аспекты политики Ирана в отношении конфликта рассмотрены в работах М.М. Агазаде [2], А.К. Дудайти [9], М. Хамидреза [29]. Влияние национальных интересов Ирана на выстраивание экономических связей с Арменией и СНГ анализируется в статье Н.М. Мамедовой [14]. Отдельно исследованы ирано-армянские взаимоотношения в работе В.И. Месамед [16]. Автор рассматривает становление ирано-армянских политических, культурных и экономических связей; отмечает важную роль Ирана в дипломатическом урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Проблеме региональной безопасности в контексте ирано-азербайджанских отношений посвящена статья А. Юнусова [28]. Исследователи сходятся во мнении, что регион Южного Кавказа крайне важен для обеспечения национальной безопасности Ирана, что приводит к заинтересованности Тегерана в мирном

Keywords: Nagorno-Karabakh conflict, Armenia, Iran, Azerbaijan, international relations, Transcaucasia, national security

For citation: Tolokneva AA. The Nagorno-Karabakh conflict in the context of the foreign policy of Iran in the Transcaucasus at the end of XX the beginning of XXI century. *Humanities and law research*. 2024;11(3):530-536. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.14>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.04.2024.

The article was approved after reviewing: 21.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе. В работе над проблемой применялись сравнительно-исторический и проблемно-хронологический, нарративный методы исследования.

Анализ. Одним из первых шагов по мирному урегулированию со стороны Ирана стали переговоры, организованные иранской стороной, и подписание 7 мая 1992 г. Тегеранского коммюнике. Деятельное участие в посредничестве между сторонами принял президент Ирана Х. Рафсанджани. В документе отмечалось, что: «Используя эту возможность, по инициативе и предложению иранской стороны, в рамках дипломатических усилий по нормализации ситуации в Нагорном Карабахе и на азербайджано-армянской границе и сближению точек зрения с целью снижения напряженности в регионе лидеры двух государств встретились и провели переговоры...» [32]. Целью коммюнике становится прекращение боевых действий. В рамках переговорного процесса было достигнуто решение продолжать встречи на высшем уровне, а также контакты между военными представителями. Стороны заявляли о стремлении решить конфликт исключительно мирным путем и подчеркивали необходимость обеспечения безопасности в регионе.

В документе высоко оценивалась роль Ирана в мирном урегулировании: «Лидеры двух государств, высоко оценив усилия Исламской Республики Иран, выразили надежду, что Исламская Республика Иран продолжит свои усилия до тех пор, пока в регионе не будут установлены окончательный мир и стабильность» [32]. В ходе переговоров посредником назначался специальный представитель Ирана М. Ваези. Стороны соглашались обсудить вопросы прекращения огня: «Положительно оценив работу саммита в Тегеране, стороны согласились, что все вопросы, связанные с двусторонними отношениями, должны решаться посредством встреч и консультаций ответственных лиц разных уровней и путем переговоров» [32].

Мирные договоренности продержались недолго и 8 мая 1992 г. военные действия возобновились [12]. Неудача в мирном урегулировании привела к тому, что и Армения, и Азербайджан перестали рассматривать Иран в качестве силы, способной выступить в качестве посредника. Вместо инициатив, направленных на разрешение конфликта, Иран сосредоточился на проведении сбалансированной политики в отношении северо-западных соседей.

Внешняя политика Тегерана на Южном Кавказе, начиная с 1991 г., формировалась исходя из интересов иранской экономики и обеспечения национальной безопасности и регионального лидерства. Стратегия Ирана в отношении государств Южного Кавказа носит последовательный характер и строится на расширении эко-

номического сотрудничества и политике невмешательства во внутривнутриполитическую ситуацию в государствах региона [29, р. 169]. В соответствии с этим Иран сделал основной целью своей внешней политики в регионе развитие экономических отношений при сохранении стабильности [11].

Понимая важное значение Закавказья для обеспечения своей национальной безопасности и после распада СССР, Иран начал активно выстраивать отношения с новообразованными государствами. В том числе Иран стал одним из первых государств, признавших независимость Азербайджанской республики. Официальные контакты между странами начались с визита первого президента Азербайджана А. Муталибова в августе 1991 г. в Тегеран. В декабре 1991 г., состоялся визит иранского министра иностранных дел А. Велаяти в Баку. В ходе этих встреч между государствами устанавливаются дипломатические отношения, а также подписывается ряд соглашений о сотрудничестве в области экономики и культуры [28, с. 91].

Однако в период президентства А. Эльчибея (1992-1993 гг.) в азербайджанской внутренней политике происходит заметное расширение популярности идей пантюркизма [9, с. 73], что в свою очередь влияет на внешнеполитический курс Баку, который меняется в сторону укрепления отношений с Турцией. В подобных изменениях в политике Баку, Тегеран усмотрел угрозу для своей безопасности. Стоит отметить, что в северо-западных регионах Ирана проживает большое количество азербайджанцев, что создает опасность развития сепаратизма. Изменение внешнеполитического курса Азербайджана скорректировало политику Ирана в Закавказском регионе. Тегеран стал ориентироваться на укрепление партнерства с Арменией, чтобы предотвратить потенциальную угрозу, исходящую от турецко-азербайджанского альянса. Кроме того на позицию Ирана повлияло активное сотрудничество Азербайджана с ЕС и США. Партнерство между Баку и Брюсселем берет свое начало с подписания 31 декабря 1991 г. декларации о признании независимости Азербайджана и расширилось после заключения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Азербайджаном в 1996 г.

Несмотря на охлаждение отношений с Ираном в первые годы независимости Азербайджана, взаимоотношения между ними изменились в 1993 г., когда новый президент Г. Алиев ориентирует внешнюю политику государства на установление добрососедских отношений не только с Турцией, но и с другими государствами региона. С этого времени и Азербайджан, и Иран выступают за устойчивое сотрудничество в экономической сфере. Так, в 2004 г. между ними заключается взаимовыгодное соглашение по обмену газом [3].

Росло взаимодействие между странами в области логистики и транспорта. Обе страны выступили участниками масштабного проекта транспортного коридора «Север-Юг», соединяющего Индию и Россию через территории Ирана и Азербайджана посредством автомобильных и железных дорог. Таким образом, Баку стал важнейшим узлом, соединяющим транспортные сети Ирана и России [15].

Несмотря на рост экономического взаимодействия между странами, существуют сферы, в которых экономические контакты между Баку и Тегераном затруднены или отсутствуют. Это относится к нефтяной сфере, где Иран не допускается к участию в азербайджанских

проектах. Связано это с высоким уровнем влияния американских и европейских компаний на нефтедобывающую промышленность Азербайджана. Кроме того дестабилизирующим фактором долгое время являлись разногласия относительно установления границ между государствами в Каспийском море [27, с. 230]. В самом начале 90-х гг. Тегеран не выступал против совместной разработки каспийских энергоресурсов и общих планов по строительству транзитных трубопроводов. Однако, после того как Азербайджан начал налаживать взаимоотношения с США, то Вашингтон настоял на исключении Ирана из нефтяных проектов [28, с. 102]. Дополнительным негативным фактором стал отказ в ноябре 1999 г. Азербайджана от проведения нефтепровода к иранским терминалам в Персидском заливе, отдав предпочтение маршруту через Грузию и Турцию. Данное решение принимается также при давлении со стороны США [28, с. 102].

Таким образом, с рубежа XX–XXI вв. негативное влияние на ирано-азербайджанские отношения оказывает вектор внешней политики Баку на сотрудничество с Турецкой республикой и Израилем, странами которые Иран воспринимает как источник угрозы для своей национальной безопасности. Кроме того у Тегерана вызывает опасение потенциальный рост американского влияния на внешнюю политику Азербайджана [29, р. 170].

Ирано-армянские отношения в конце XX – начале XXI вв. оставались стабильными и расширялись. Для Армении улучшение политических и экономических отношений с Ираном является одним из факторов обеспечения национальной безопасности. Подписанная 26 января 2007 г. «Стратегия национальной безопасности Республики Армения» называет одной из угроз: вероятность потерять транзитные пути через территории приграничных государств, в первую очередь Ирана. «Непосредственной угрозой национальной безопасности Армении может стать возможное применение международным сообществом широкомасштабных экономических санкций в отношении Ирана» [24], являющегося важнейшим транзитным направлением. Кроме того в рамках региональной безопасности «Стратегия...» направлена на «дальнейшее развитие добрососедских отношений с Грузией и Ираном и реализацию разнообразных программ сотрудничества» [24]. В качестве одного из приоритетов развития внешней политики «Стратегия...» выделяет экономическое и энергетическое сотрудничество с Ираном: «Особая значимость отношений с Ираном для Еревана обусловлена также тем, что, будучи весомым представителем региона и исламского мира, Иран в вопросе урегулирования карабахского конфликта в основном демонстрирует сбалансированный подход» [24].

Значимость армяно-иранских отношений подчеркивается в «Стратегии национальной безопасности Республики Армения» 2020 г. В п. 4.10. сказано, что «Особую важность для Армении имеет стабильность в соседних Грузии и Иране. Опираясь на наши взаимовыгодные, особо добрососедские отношения с Грузией и Ираном, Армения будет развивать эффективное сотрудничество с ними по различным направлениям, одновременно ограждая эти отношения от сторонних геополитических воздействий» [25].

Несмотря на то, что Иран и Армения имеют различные формы правления, национальные и религиозные особенности, интересы обеспечения национальной безопасности и реалии региональной политики толкают их к расширению взаимодействия и укреплению контактов и сотрудничества в экономической и культурной сферах.

25 декабря 1991 г. Иран признал независимость Республики Армения, а дипломатические отношения между Ереваном и Тегераном устанавливаются 9 февраля 1992 г. [8]. В первые годы независимости Иран стал вторым по значимости торговым партнером Армении после России [5, с. 26]. Изначально взаимоотношения с Тегераном рассматривались Арменией, как важнейший путь обеспечения внешней торговли и логистики. После начала нагорно-карабахского конфликта Армения оказалась в блокаде со стороны Азербайджана и Турции [24], что существенно ограничивало возможности по сообщению страны с мировым рынком. В следствие этого 44 км армяно-иранской границы стали важнейшим путем для армянского экспорта и импорта. Экономические контакты между странами постепенно росли, заметно расширившись в 1998 г., а с 2008 г. во время президентства С. Саргсяна, превратились в стратегическое партнерство, т.к. были выгодны и для Ирана. Так, в 2010 г. заключается договор «Электроэнергия в обмен на газ» [6], продолжено расширение инициатив в отношении транспортного коридора «Север-Юг» [22] и другие проекты в области энергетики и транспорта.

Рассмотренные выше обстоятельства взаимоотношений между Ираном с одной стороны и Азербайджаном и Арменией с другой, оказывают влияние на региональную политику Тегерана на Южном Кавказе, в том числе и в отношении нагорно-карабахской проблемы. Так как Иран непосредственно граничит с регионом конфликта, то расширение очага боевых действий в Нагорном Карабахе или переход ситуации в острую фазу неизменно вызывал прямую угрозу безопасности иранского населения и инфраструктуры. Подобное положение оказало прямое влияние на выстраивание политики Тегерана, направленной на недопущение военного разрешения конфликта.

Стоит отметить еще один важный фактор – Иран рассматривает регион Южного Кавказа с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Со времен Исламской революции 1979 г. отношения между Ираном и США находятся в состоянии конфронтации с тенденцией дальнейшего обострения. Подобное положение дел ведет к опасности для Ирана оказаться в изоляции. США посредством влияния на своих союзников на Ближнем Востоке (Турция, Израиль и т.д.) в любой момент могут осуществить экономическую блокаду Ирана. Это толкает Исламскую республику к поиску альтернативных путей осуществления внешне-экономической деятельности.

В данном контексте Тегеран осознал важность Южного Кавказа для своей безопасности еще в 90-х гг. XX в. [14, с. 11] В правление президентов А.А. Хашеми Рафсанджани и М. Хатами вектор внешней политики Ирана сместился в сторону поиска и развития экономических, политических и культурных связей с закавказскими республиками. При этом прагматизм стал превалировать над идеологическим курсом внешней политики Ирана, который почти полностью отказался от идеологического давления на Южный Кавказ, что стало значительным изменением во внешнеполитическом курсе Тегерана [14, с. 20]. Закавказская политика Ирана руководствовалась двумя основными задачами: 1. выход из международной изоляции; 2. развитие отношений с Российской Федерацией при посредничестве Армении и других государств Закавказья.

Одним из важных аспектов во взаимоотношениях Ирана с Арменией и Азербайджаном стал вопрос о Зангезурском

(Сюникском) коридоре – сухопутном коридоре, проходящем по территории Республики Армения, и соединяющим Зенгеланский район Азербайджана с азербайджанским эксклавом – Нахичеванской Автономной Республикой. Таким образом, Азербайджан стремится соединить свой эксклав с основной территорией республики. Дополнительно это позволило бы получить Баку прямую сухопутную связь со своим союзником – Турцией.

История инициативы создания коридора берет свое начало в 1992 г., когда вопрос прекращения огня и проведения мирных переговоров стоял наиболее остро из-за все нарастающей конфронтации между сторонами конфликта. Первым создать Зангезурский коридор в 1992 г. предложил американский аналитик П. Гобл [31]. Впоследствии в 2001 г. возможность создания коридора предполагалась как один из пунктов мирного соглашения, между Арменией и Азербайджаном [13]. Обсуждалась возможность уступок со стороны Баку в отношении Нагорного Карабаха и Лачинского коридора, в обмен на уступку со стороны Армении суверенитета над Сюникским коридором [30, р. 262]. Однако, в 2002 г. переговоры по этому поводу прекратились.

Для Ирана вероятность создания Зангезурского коридора представляет опасность и может привести к новому кризису в регионе [26]. Тегеран, таким образом, теряет сухопутную связь с Арменией, а тем самым с ЕАЭС и Россией. С другой стороны США через посредничество Анкары смогут повлиять на Баку и закрыть возможность, как торговли, так и транзита энергоресурсов через контролируемую Азербайджаном территорию. Это приведет к ужесточению экономической блокады Ирана с северо-запада и осложнит положение Тегерана, усилив его изоляцию.

Одним из факторов, толкающих Иран на улучшение отношений с Арменией, является позиция ИРИ в противостоянии с Турцией, стремящейся к установлению гегемонии в регионе. Таким образом, Иран стремится нейтрализовать чрезмерное влияние Турции в Закавказье. Кроме того, Ирану выгодно сотрудничество с Арменией, так как подобное взаимодействие дает возможность выхода ИРИ на российский рынок и рынок ЕАЭС [1, с. 102], с которыми кавказская республика имеет тесные экономические связи.

Ядерная проблема Ирана становится важным компонентом в политическом диалоге Ирана и Армении. Армения в целом выступает за признание за Ираном права на использование ядерных разработок в мирных целях, и последовательно выступает против наложения новых международных санкций на Тегеран, поддерживая позицию тех стран, которые считают, что проблему необходимо решать исключительно посредством политических переговоров [16, с. 63]. Армения не заинтересована в том, чтобы Иран имел атомную бомбу, однако считает, что Иран обладает правом на разработку мирных атомных проектов, под контролем МАГАТЭ [16, с. 64].

Официальные лица Армении (С. Саргсян [19], Н. Пашинян [21], А. Рустамян [23]) не раз указывали на то что, пока с двумя другими соседями отношения оставляют желать лучшего, Армения не хочет испортить их еще и с Ираном. Данная позиция во многом объясняет отношение Еревана к ядерной программе Ирана. Кроме того международные санкции, введенные против Тегерана будут рикошетом, в том числе и по армянской экономике.

Стоит отметить, что позиция Азербайджана в отношении ядерной программы Ирана также является взвешенной. Несмотря на оказываемое со стороны США

давление в отношении Баку, чтобы он присоединился к будущей антииранской коалиции во время кризиса 2006 г. [28, с. 110], Азербайджану удалось сохранить свой нейтралитет. Азербайджанские аналитики отмечают, что они «учитывая сложную ситуацию вокруг ядерной программы Ирана и его непростые отношения с рядом западных стран, всегда с пониманием относились к позиции официального Тегерана в этом вопросе, но, вместе с тем, однозначно выступали против попыток «объективизации» Азербайджана, который уже доказал, что представляет собой надежного партнера и самодостаточное государство, ведущее независимую внешнюю политику» [20]. В частности представители МИД Азербайджана неоднократно выступали с заявлениями о поддержке реализации мирной ядерной программы Ирана в рамках МАГАТЭ [4].

С самого начала конфликт в Закавказье привлек внимание помимо соседних стран, таких как Турция и Иран, глобальных акторов международной политики – США, Францию, Россию, и международные организации (ОБСЕ). Так создание Минской группы ОБСЕ (сопредседатели Россия, США, Франция) ослабили возможности Ирана для участия в переговорном процессе [16, с. 69]. Тем не менее, Иран стремится в них участвовать. Так, 2010 г. во время визита министра иностранных дел Ирана М. Моттаки в Ереван [7], высказывались ряд предложений, по урегулированию конфликта, подчеркивая безальтернативность мирных переговоров. Иран предлагал посреднические услуги со своей стороны для продолжения процесса урегулирования конфликта. Тегеран настаивал на том, что конфликт должен быть решен посредством привлечения региональных акторов (Россия, Турция, Иран, Грузия). Иран постоянно критиковал работу Минской группы, признавая ее неэффективность, предлагая себя в качестве альтернативной посреднической площадки [10]. В частности посол Ирана в Баку М. Бахрами заявлял: «Минская группа ОБСЕ не заинтересована в решении проблемы. Иран предла-

гает справедливое решение нагорно-карабахского конфликта, пользуясь своим потенциалом» [17]. Азербайджан отказался от такого посредничества, так как считал, что Иран будет стремиться оказывать помощь Армении. В свою очередь Армения также не приняла тогда предложения Ирана, так как в большей степени рассчитывала на преодоление кризиса в рамках Минской группы ОБСЕ [16, с. 69].

Результаты. Деятельность Ирана по мирному урегулированию нагорно-карабахского конфликта, начиная с 1992 г. являлась прагматичной, и исходила из интересов национальной безопасности государства в регионе. Важным аспектом для Ирана стало достижение доминирующей роли в регионе, стабилизация российского влияния и недопущения вмешательства западных государств в дела Закавказья. Именно интересы национальной безопасности диктуют Ирану активно улучшать отношения с Ереваном, при этом продолжая сохранять баланс в отношениях с Баку. Это приводит к тому, что Тегеран с начала 90-х гг. XX в. занимает взвешенную позицию по нагорнокарабахскому вопросу и не оказывает поддержки ни одной из сторон конфликта.

Кроме того, задача сохранения равновесия в регионе и недопущения обострения ситуации, привела Иран к выработке жесткой позиции, заключающейся в необходимости исключительно мирного урегулирования конфликта. Дипломатия Ирана исходит из двух основополагающих принципов урегулирования. Первый принцип вырастает из внешнеполитической стратегии Ирана и заключается в недопущении военного или иного вмешательства в конфликт стран Запада, в первую очередь США. Второй принцип заключается в недопущении эскалации и использования военной силы для разрешения конфликта. В 2014–2016 гг. Иран заметно усилил свои экономические и политические позиции в регионе, тем не менее, он так и не стал полноценной альтернативой в рамках переговорного процесса о статусе Нагорного Карабаха.

Литература

1. Авдалян Г. М., Амириан З. Перспективы сотрудничества ЕАЭС и Ирана в энергетической сфере // Инновации и инвестиции. 2020. № 3. С. 99–104.
2. Агазаде М. М. Нагорно-карабахский конфликт в рамках национальных интересов Ирана // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1402–1410.
3. Азербайджан и Иран в 2004 году продолжают переговоры о восстановлении газотранспортной и газораспределительной системы (11.12.2003). URL: https://www.iran.ru/news/economics/15327/Azerbaydzhan_i_Iran_v_2004_godu_prodolzhat_peregovory_o_vosstanovlenii_gazotransportnoy_i_gazoraspredeletelnoy_sistemy (дата обращения: 05.03.2024).
4. Азербайджан поддерживает реализацию ядерной программы Ирана (15.04.2008) // ИА Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/986687> (дата обращения: 10.04.2024).
5. Акобян А. А. Армяно-иранское политико-экономическое сотрудничество на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 4. С. 25–35.
6. Армения и Иран: Электроэнергия в обмен на газ (11.02.2011). URL: <https://aksakal.info/am/news-armenia/15254-armeniya-i-iran-elektroenergiya-v-obmen-na-gaz.html> (дата обращения: 03.04.2024).
7. Глава МИД Армении встретился с иранским коллегой // Iran.ru. URL: https://iran.ru/news/politics/61618/Glava_MID_Armenii_vstretilsya_s_iranskim_kollegoy (дата обращения: 10.06.2024).
8. Двусторонние отношения. Иран – МИД Республики Армения. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ir> (дата обращения: 20.03.2024).
9. Дудайти А. К. Проблемы Кавказской политики Ирана в период вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе (1991–1994 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 71–75.
10. Иранская инициатива. Баку–Ереван–Степанакерт: возможны ли компромиссы и новые посредники? (06.10.2020). URL: https://www.stoletie.ru/vzglyad/iranskaja_iniciativa_769.htm (дата обращения: 26.03.2024).
11. Каледжи В. Восемь принципов добрососедства. Политика Ирана в отношении нагорно-карабахского конфликта // Валдай. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vosem-printsipov-dobrososedstva-politika-irana/> (дата обращения: 10.06.2024).
12. Кондратьев В. Политика Ирана в отношении нагорно-карабахского конфликта // Каспийский вестник. URL: <http://casp-geo.ru/politika-irana-v-otnoshenii-nagorno-karabakhskogo-konflikta/> (дата обращения: 06.03.2024).
13. Кочарян: Отношение посредников изменилось, когда они поняли – Карабах не обуза (18.09.2020) // News.am. URL: <https://news.am/rus/news/602905.html> (дата обращения: 15.04.2024).
14. Мамедова Н. М. Экономические связи Ирана и стран СНГ // Иран и СНГ: сборник статей. М.: ИИИиБВ, 2003. С. 11–23.
15. Международный транспортный «коридор партнёрства»: из Индии через Иран и Кавказ – в Россию и Европу // Каспийский вестник. URL: <http://casp-geo.ru/mezhdunarodnyj-transportnyj-koridor/> (дата обращения: 05.03.2024).

16. Месамед В. И. Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия). М.: Изд-во Ин-та Ближ. Востока, 2015. 254 с.
17. Минская группа ОБСЕ не заинтересована в решении нагорно-карабахской проблемы – посол Ирана в Азербайджане // Iran.ru. URL: https://iran.ru/news/politics/62388/Minskaya_gruppa_OBSE_ne_zainteresovana_v_reshenii_nagorno_karabakhskoy_problemy_posol_Irana_v_Azerbaydzhanе (дата обращения: 10.06.2024).
18. О трехстороннем соблюдении режима прекращения огня. URL: <http://vn.kazimirov.ru/doc10.htm> (дата обращения: 05.03.2024).
19. Отношения Армения – Иран примерны и своеобразны. Интервью Президента Сержа Саргсяна иранской ежедневной газете «Шарх» // Президент Республики Армения. URL: <https://www.president.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2017/07/31/President-Serzh-Sargsyan-gave-an-interview-to-Iranian-newspaper/> (дата обращения: 10.06.2024).
20. Пашаева Г. Что лежит в основе разногласий Ирана и Азербайджана // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/cto-lezhit-v-osnove-raznoglasiy-irana-i-azerbaydzhana/> (дата обращения: 10.04.2024).
21. Пашинян заявил, что Армения не будет выбирать между отношениями с Западом и Ираном / ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20499393> (дата обращения: 15.04.2024).
22. Развитие коридора Север-Юг, сотрудничество по нефти и газу: совместная декларация Саргсян-Роухани (21.12.2016). URL: <https://ru.aravot.am/2016/12/21/229899/> (дата обращения: 03.04.2024).
23. Рустамян А. Власти Армении не должны портить отношения с Ираном и другими союзниками // Sputnik Армения. URL: <https://am.sputniknews.ru/20211005/vlasti-armenii-ne-dolzhyi-portit-otnosheniya-s-iranom-i-drugimi-soyuznikami---armen-rustamyani-33965520.html> (дата обращения: 10.04.2024).
24. Стратегия национальной безопасности Республики Армения (26.01.2007 г.). URL: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf> (дата обращения: 03.04.2024).
25. Стратегия национальной безопасности Республики Армения (июль 2020 г.). URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81-%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B0%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%B0%D0%90%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%202020_0.pdf (дата обращения: 03.04.2024).
26. Так называемый «Зангезурский коридор» приведет к новому кризису в регионе – секретарь Совбеза Ирана // Sputnik Армения. URL: <https://am.sputniknews.ru/20231005/tn-zangezurskiy-koridor-privedet-k-novomu-krizisu-v-regione--sekreter-sovbeza-irana-66915224.html> (дата обращения: 15.04.2024).
27. Эжиев И. Б. Противоречия в подходах к урегулированию современного политико-правового статуса Каспийского моря // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 4. С. 229–234.
28. Юнусов А. Азербайджано-иранские отношения и проблема региональной безопасности на Кавказе // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. Т. 8: Новые тенденции в мировой политике / под ред. В. В. Дегоева. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 83–118.
29. Hamidreza A., Hamidreza H. Continuity and Change in Iran's Approach toward the Nagorno-Karabakh Crisis (1997-2018) // Geopolitics Quarterly. 2021. Vol. 16. No. 4. P. 165–189.
30. Hille C. State Building and Conflict Resolution in the Caucasus. Leiden: Brill, 2010. 350 p.
31. How the "Goble Plan" was born and how it remains a political factor // OCHA. URL: <https://reliefweb.int/report/armenia/how-goble-plan-was-born-and-how-it-remains-political-factor> (accessed: 15.04.2024).
32. Joint Statement of the Heads of State in Tehran. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/ArmeniaAzerbaijanIran_JointStatementHeadsofState1992.pdf (accessed: 06.03.2024).

References

1. Avdalyan GM, Amirian Z. Prospects for cooperation between the EAEU and Iran in the energy sector. *Innovatsii i investitsii*. 2020;(3):99–104. (In Russ.).
2. Agazade MM. The Nagorno-Karabakh conflict within the framework of Iran's national interests. *Postsovetkiye issledovaniya*. 2019;(6):1402–1410. (In Russ.).
3. Azerbaijan and Iran will continue negotiations in 2004 on the restoration of the gas transportation and gas distribution system. URL: https://www.iran.ru/news/economics/15327/Azerbaydzhan_i_Iran_v_2004_godu_prodolzhat_peregovory_o_vosstanovlenii_gazotransportnoy_i_gazoraspredelitelnoy_sistemy (accessed: 05.03.2024). (In Russ.).
4. Azerbaijan supports the implementation of Iran's nuclear program. URL: <https://regnum.ru/news/986687> (accessed: 10.04.2024). (In Russ.).
5. Akobyan AA. Armenian-Iranian political and economic cooperation at the turn of the XX-XXI centuries. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023;(4):25–35. (In Russ.).
6. Armenia and Iran: Electricity in exchange for gas. URL: <https://aksakal.info/am/news-armenia/15254-armeniya-i-iran-elektroenergiya-v-obmen-na-gaz.html> (accessed: 03.04.2024). (In Russ.).
7. The head of the Armenian Foreign Ministry met with his Iranian counterpart. URL: https://iran.ru/news/politics/61618/Glava_MID_Armenii_vstretilsya_s_iranskim_kollegoy (accessed: 10.06.2024). (In Russ.).
8. Bilateral relations. Iran – Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ir> (accessed: 20.03.2024). (In Russ.).
9. Dudayti AK. Problems of Iran's Caucasian policy during the armed conflict in Nagorno-Karabakh (1991-1994). *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 2019;(1):71–75. (In Russ.).
10. Iranian initiative. Baku-Yerevan-Stepanakert: are compromises and... new mediators possible? URL: https://www.stoletie.ru/vzglyad/iranskaja_iniciativa_769.htm (accessed: 26.03.2024). (In Russ.).
11. Kaleji V. Eight principles of good neighborliness. Iran's policy regarding the Nagorno-Karabakh conflict. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vosem-printsipov-dobrososedstva-politika-irana/> (accessed: 10.06.2024). (In Russ.).
12. Kondratyev V. Iran's policy regarding the Nagorno-Karabakh conflict. URL: <http://casp-geo.ru/politika-irana-v-otnoshenii-nagorno-karabakhskogo-konflikta/> (accessed: 06.03.2024). (In Russ.).
13. Kocharyan: The attitude of the mediators changed when they realized that Karabakh is not a burden. URL: <https://news.am/rus/news/602905.html> (accessed: 15.04.2024). (In Russ.).
14. Mamedova NM. Economic relations between Iran and CIS countries in Iran and CIS. Moscow: IlliBV; 2003. P. 11–23. (In Russ.).
15. International transport "partnership corridor": from India through Iran and the Caucasus to Russia and Europe. URL: <http://casp-geo.ru/mezhdunarodnyj-transportnyj-koridor/> (accessed: 05.03.2024). (In Russ.).
16. Mesamed VI. Iran and non-Muslim countries of the South Caucasus (Armenia and Georgia). Moscow: Publishing of the Institute of Middle East; 2015. 254 p. (In Russ.).

17. OSCE Minsk Group is not interested in resolving the Nagorno-Karabakh problem – Iranian Ambassador to Azerbaijan. URL: https://iran.ru/news/politics/62388/Minskaya_gruppa_OBSE_ne_zainteresovana_v_reshenii_nagorno_karabakhskoy_problemy_posol_irana_v_Azerbaydzhanu (accessed: 10.06.2024). (In Russ.).
18. On tripartite compliance with the ceasefire. URL: <http://vn.kazimirov.ru/doc10.htm> (accessed: 05.03.2024). (In Russ.).
19. Armenia – Iran relations are exemplary and unique. Interview of President Serzh Sargsyan to the Iranian daily newspaper “Sharkh”. URL: <https://www.president.am/ru/interviews-and-press-conferences/item/2017/07/31/President-Serzh-Sargsyan-gave-an-interview-to-Iranian-newspaper/> (accessed: 10.06.2024). (In Russ.).
20. Pashayeva G. What lies at the heart of the differences between Iran and Azerbaijan. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/cto-lezhit-v-osnove-raznoglasiy-irana-i-azerbaydzhana/> (accessed: 10.04.2024). (In Russ.).
21. Pashinyan said that Armenia will not choose between relations with the West and Iran. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20499393> (accessed: 15.04.2024). (In Russ.).
22. Development of the North-South corridor, cooperation on oil and gas: joint declaration of Sargsyan-Rohani. URL: <https://ru.aravot.am/2016/12/21/229899/> (accessed: 03.04.2024). (In Russ.).
23. Rustamyan A. The Armenian authorities should not spoil relations with Iran and other allies. URL: <https://am.sputniknews.ru/20211005/vlasti-armenii-ne-dolzhen-portit-otnosheniya-s-iranom-i-drugimi-soyuznikami---armen-rustamyan-33965520.html> (accessed: 10.04.2024). (In Russ.).
24. National Security Strategy of the Republic of Armenia (01.26.2007). URL: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf> (accessed: 03.04.2024). (In Russ.).
25. National Security Strategy of the Republic of Armenia (July 2020). URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%90%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%202020_0.pdf (accessed: 03.04.2024). (In Russ.).
26. “Zangezur corridor” will lead to a new crisis in the region - Iranian Security Council Secretary. URL: <https://am.sputniknews.ru/20231005/tn-zangezurskiy-koridor-privedet-k-novomu-krizisu-v-regione--sekretar-sovbeza-irana-66915224.html> (accessed: 15.04.2024). (In Russ.).
27. Ezhiev IB. Contradictions in approaches to resolving the current political and legal status of the Caspian Sea. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2011;(4):229-234. (In Russ.).
28. Yunusov A. Azerbaijani-Iranian relations and the problem of regional security in the Caucasus in Space and time in world politics and international relations. Moscow: MGIMO-University; 2007. P. 83-118. (In Russ.).
29. Hamidreza A., Hamidreza H. Continuity and Change in Iran's Approach toward the Nagorno-Karabakh Crisis (1997-2018). *Geopolitics Quarterly*. 2021; 16(4):165-189.
30. Hille C. *State Building and Conflict Resolution in the Caucasus*. Leiden: Brill; 2010. 350 p.
31. How the “Goble Plan” was born and how it remains a political factor. OCHA. URL: <https://reliefweb.int/report/armenia/how-goble-plan-was-born-and-how-it-remains-political-factor> (accessed: 15.04.2024).
32. Joint Statement of the Heads of State in Tehran. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/ArmeniaAzerbaijanIran_JointStatementHeadsofState1992.pdf (accessed: 06.03.2024).



Научная статья

УДК 94(470+479.22) "1801/1812"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.15>

ГРУЗИНСКИЕ ТЕРРИТОРИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1801–1812 ГГ.: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Амиран Тариелович Урушадзе

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (д. 16, ул. Ковалевской, Екатеринбург, 620108, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
urushadze85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу процесса административно-политической интеграции грузинских территорий в пространство Российской империи. Рассматриваемый хронологический период (1801–1812 гг.) охватывает время от вхождения в состав Российского государства Восточной Грузии (Картли-Кахетии) до Кахетинского восстания 1812 г. **Материалы и методы.** Статья основана на широком комплексе опубликованных исторических источников. В теоретическом отношении исследование построено на анализе воздействия региональных политических событий и условий на определение правительственного курса. **Анализ.** В статье подробно проанализированы различные административные модели, которые использовались российским правительством в процессе интеграции грузинских земель на этом этапе. Восточная Грузия вошла в состав Российской империи как Грузинская губерния. В статье показано, что систему управления этим регионом можно считать кооперативной моделью управления, для которой характерно взаимодействие различных политических режимов при общем контроле имперской метрополии. Западногрузинские территории в начале XIX в. входили в состав России на правах широкой административной автономии, что соответствует косвенной модели управления. Переход к модели косвенного управления и в Восточной Грузии обсуждался при выборе правительственного курса на южной окраине империи. Кахетинское восстание 1812 г. стало не только одним из самых масштабных кризисов российской администрации, но и явилось важным рубежом в поиске административно-

политического оптимума в регионе. Последующие проекты интеграции грузинских территорий уже не рассматривали косвенное управление как возможную альтернативу. **Результаты.** Итогом неурядиц и проблем в организации управления на грузинских территориях стало формирование имперской элитой представлений о едином политико-правовом пространстве как императиве государственного строительства. Это станет особенно заметно уже в эпоху царствования Николая I.

Ключевые слова: Российская империя, Грузия, управление, Кавказ

Для цитирования: Урушадзе А. Т. Грузинские территории в системе государственного управления Российской империи, 1801–1812 гг.: поиск оптимальной модели // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 537–544. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 231800649, «Формирование публичной сферы в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.: коммуникативные практики и каналы социального взаимодействия», <https://rscf.ru/project/231800649/>).

Статья поступила в редакцию: 18.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.07.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

GEORGIAN TERRITORIES IN THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION OF THE RUSSIAN EMPIRE, 1801–1812: THE SEARCH FOR AN OPTIMAL MODEL

Amiran T. Urushadze

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (16, Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620108, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Researcher

urushadze85@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the process of administrative and political integration of Georgian territories into the Russian Empire. The chronological period under consideration (1801–1812) covers the time from the entry into the Russian state of Eastern Georgia (Kartli-Kakheti) to the Kakhetian Uprising of 1812. **Materials and Methods.** The article is based on a wide range of published historical sources. Theoretically, the study is based on the analysis of the impact of regional political events and conditions on determining the government course. **Analysis.** The article analyzes various administrative models that were used by the Russian government in the process of integrating Georgian lands at this stage. Eastern Georgia became part of the Russian Empire as the Georgian Province. The article shows that the management system of this region can be considered a cooperative management model, which is characterized by the interaction of various political regimes under the general

control of the imperial metropolis. West Georgian territories in the early nineteenth century. They were part of Russia with the rights of broad administrative autonomy, which corresponds to an indirect management model. The transition to a model of indirect governance in Eastern Georgia was also discussed when choosing a government course on the southern outskirts of the empire. The Kakheti uprising of 1812 became not only one of the largest crises of the Russian administration, but also an important point in the search for an administrative and political optimum in the region. Subsequent projects for the integration of Georgian territories no longer considered indirect governance as a possible alternative. **Results.** The result of the troubles and problems in the organization of governance in the Georgian territories was the formation by the imperial elite of ideas about a single political and legal space as an imperative of state construction. This will become especially noticeable already in the reign of Nicholas I.

© Урушадзе А. Т., 2024

Keywords: Russian Empire, Georgia, Governance, Caucasus

For citation: Urushadze AT. Georgian Territories in the System of State Administration of the Russian Empire, 1801–1812: the Search for an Optimal Model. *Humanities and lawresearch*. 2024; 11(3):537–544 (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.15>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00649 “Formation

of the Public Sphere In Russia in the Second Half of the 18th Century and the First Half of the 19th Century: Communicative Practices and Channels of Social Interaction,” <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

The article was submitted: 18.04.2024.

The article was approved after reviewing: 21.07.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Введение. Присоединение новых территорий являлось не только символом военнополитической мощи государства, но и также всякий раз было вызовом для политической системы, проверкой ее прочности и стабильности. Начиная с уже классической работы А. Каппелера [16], эффективность государственной системы Российской империи измерялась успешностью интеграции вновь присоединенных окраин. При таком взгляде имперский центр подбирает для каждой окраины определенные политические и социально-экономические рамки, отсекает острые углы в виде реальной или мнимой оппозиции, встраивает периферию в общую государственную систему. Отношения в такой системе «центр–периферия» напоминают улицу с односторонним движением: метрополия действует и преобразует, а окраина выступает объектом предпринимаемых трансформаций. При этом активные действия имперского центра могут оцениваться в широком диапазоне: от едва ли не благотворительного этнопатернализма [20] до почти варварского колониализма [33].

Материалы и методы. Все это говорит о существовании пределов использования этой схемы описания многообразного имперского опыта, в том числе его российского случая. Перспективной альтернативой может стать история взаимодействия внутри имперского пространства. Речь идет не только о взаимодействии, ограниченном региональным пространством, где встречаются акторы, которые представляют различные стороны. Подобное взаимодействие, сценой которого выступала окраина как своеобразная лаборатория империи, получило всестороннее описание в историографии [19]. Необходимо взгляд на взаимодействие, которое изменяло не только окраину, но заставляло меняться имперский центр. Подобные процессы представляется возможным увидеть через анализ правительственных дискуссий, новое прочтение проектов освоения имперских окраин, сопоставление административных режимов и политических планов. В целом, это можно назвать публичной сферой государственного управления. Предлагаемая статья написана с целью сформулировать основные начала теории и практики этого подхода на примере социально-экономической и административно-политической интеграции грузинских земель в пространство Российской империи.

Анализ. Особенности системы управления Российской империи на рубеже XVIII – XIX вв.

В результате реформ Петра I Великого в системе российского государственного управления сосуществовало несколько разнонаправленных векторов развития административнополитического устройства. В основном сложилась центральная бюрократия, сформировались отраслевые институты управления. Как отметил Н.И. Павленко, «в годы административных реформ Петра I сложился новый механизм управления страной... была создана стройная система органов управления, компетенция которых распространялась на всю страну» [21, с. 16]. Однако эти масштабные изменения

в системе государственного управления не были следствием реализации какого-либо стратегического плана. Петровские административные реформы, как показал Е. В. Анисимов, были ответом на вызовы Северной войны (1700–1721) [7, с. 97–98]. Общим местом в историографии стал тезис о влиянии на государственные преобразования Петра I западноевропейских камералистов, которые в своих трудах (зачастую и в служебной деятельности) эффективно объединяли политическую теорию и административную прагматику [14].

Вместе с тем, целостное концептуальное видение процесса и целей государственного строительства у Петра I сложилось только в последние годы жизни. Свой проект «ментального государства» великий российский реформатор так и не реализовал в полном объеме [18, с. 15–16]. Наряду с рационализацией управления и формированием профессиональной бюрократии, действующей на основе должностных регламентов, внутри российской государственной машины оставалось место для развития неформальных отношений. Различные формы протекции и протектирования, а также сети патрон-клиентских отношений эффективно дополняли систему «регулярного государства». По словам авторов фундаментального исследования, посвященного русскоукраинским неформальным связям в контексте управления Гетманщиной, «в условиях несовершенства и затянутости формальных процедур, что было связано со слабой бюрократизацией и сохранением в государственной администрации господствующего положения дворян, а также при наличии условий в виде больших пространств империи и гетерогенности ее территорий, неформальные отношения как метод управления получили важные преимущества, что и обусловило их активное использование российскими монархами на протяжении всего XVIII века» [17, с. 717].

Административные реформы Екатерины II и ее преемников также были направлены на рационализацию и унификацию управленческих процедур и процессов, основанных на кодифицированном законодательстве [6, с. 20]. Губернская реформа 1775 г. предполагала передачу части административных полномочий на места, что должно было повысить эффективность работы государственных институтов и ускорить рассмотрение дел, избавить население от «волокиты» [28, с. 189–195]. Однако успех реформы во многом зависел от качества управленцев, которых явно не хватало.

Дефицит квалифицированных кадров, людей «право разумеющих», являлся главной проблемой административного реформирования в XVIII в. «Новые учреждения должны были, по мысли их творцов, перевернуть управление русской провинцией, но для этого нужно было создать “новую породу людей”, а если об этом без всякого успеха мечтали в екатерининское время, то не мудрено, что при Петре жизнь горько посмеялась над реформаторами» [11, с. 9], – писал историк Ю.В. Готье.

К началу XIX столетия российское правительство все еще не имело хотя бы общей стратегии управле-

ния огромным территориальным пространством. На это императору Александру I откровенно указывал М.М. Сперанский в 1802 г.: «История России от времен Петра Первого представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство, или, лучше сказать, недостаток твердых начал был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида и многие учреждения, в самих себе превосходные, почти столь же скоро разрушались, как и возникали» [29, с. 56].

Еще более ярко мысль о постоянном колебании правительственного курса выразил историк Ф. И. Уманец, служивший в пореформенных институтах местного самоуправления: «Если бы где-нибудь устроилась выставка "планов всеобщего государственного преобразования", самый роскошный ее отдел, без сомнения, принадлежал бы русскому народу и правительству» [30, с. 99]. «Молодые друзья» Александра I во главе с А.А. Чарторыйским в начале 1802 г. активно обсуждали состояние системы управления России. Они пришли к неутешительному выводу о господстве в государственном хозяйстве империи полного хаоса и необходимости скорейших и тотальных преобразований [27, с. 203–204]. Однако «молодые друзья» были не единственной придворной политической силой. Не меньшее влияние на ход дел имела «старая» партия, состоявшая из сановников, участвовавших в заговоре против Павла I. Эта группа рассчитывала на ограничение власти императора, что стало бы надежным предохранителем от монаршего деспотизма.

Соответственно, преобразования системы управления 1801–1802 гг. (учреждение Непременного совета и министерств, реформа Сената) стали компромиссом, порожденным противоборством придворных группировок. Как отметила Л. Ф. Писарькова, «преобразования начала царствования Александра I не упростили, а усложнили здание администрации. Законодателям не удалось воплотить в жизнь принцип разделения властей, и функции высших учреждений по-прежнему смешивались; их место и роль в системе управления определялись не законом, а волей и отношением к ним императора» [22, с. 99].

Таким образом, на рубеже XVIII–XIX вв. система государственного управления Российской империи отличалась гибридной динамикой. С одной стороны, непрерывно действовали векторы развития, направленные на рационализацию и бюрократизацию (профессионализацию) управления и административных процедур. С другой стороны, внутри системы управления определяющими оставались неформальные технологии и воля монарха. Отсутствие институциональной стабильности создавало условия, которые превращали любое территориальное расширение империи в большой административный вызов.

Присоединение грузинских территорий: между кооперативной администрацией и косвенным управлением

Георгиевский трактат 1783 г. создал политические предпосылки к вхождению Восточной Грузии (Картли-Кахети) в состав Российского государства. Персидское разорение 1795 г., конкуренция аристократических кланов, обострившаяся после смерти Ираклия II в 1798 г., политическая слабость царя Георгия XII – все это предопределяло движение Восточной Грузии в сторону полной интеграции с империей Романовых. Уже в ноябре 1799 г. в Тифлис прибыл 17-й егерский полк, которым командовал генерал-майор И.П. Лазарев. Одновремен-

но со вступлением российских войск в Восточную Грузию, в обратном направлении – в Петербург – отправились послы Георгия XII: Г. Чавчавадзе, Г. Авалишвили и Е. Палавандишвили. Георгий XII поручил послам «отдать» Восточную Грузию «в полную власть» российского императора: «Так чтобы отныне царство Грузинское было бы в империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России» [1, с. 229].

Однако в Петербурге ясных представлений о механизмах и формах интеграции Восточной Грузии не существовало. Вероятно, рассматривались два альтернативных варианта включения новой территории: присоединения в качестве вассального царства или в виде новой российской губернии [15, с. 1]. После скоростной смерти царя Георгия XII 28 декабря 1800 г. во главе Восточной Грузии оказался царевич Иоанн – один из самых талантливых грузинских государственных деятелей рубежа XVIII–XIX вв. Но уже в феврале 1801 г. в Тифлисе торжественно читали манифест императора Павла I, в котором отмечалось, что присоединение Восточной Грузии было вызвано необходимостью ее защиты от внешних врагов и внутренних усобиц, о чем российского монарха просил Георгий XII [24, с. 502]. В павловском манифесте отсутствовало описание формы управления вновь присоединенной окраиной. Этот вопрос откладывался до получения сведений об общем политическом и социально-экономическом состоянии Восточной Грузии. Соответствующее описание должен был предоставить генерал К.Ф. Кнорринг. Видимо, Кнорринг не вполне удачно справился со своей задачей. В письме к нему генерал-прокурор Правительствующего Сената П.Х. Оболянинова от 4 марта 1801 г. написано: «По содержанию данных вам предписаний должны вы были ограничить себя тем, чтобы дать сведение – как будет пристойнее по местному положению разделить сторону сию на уезды, на сколько и на какие именно, каковое сведение, ежели есть что-нибудь присовокупить в дополнение к тем, кои по сему предмету от вас уже присланы, немедленно ко мне доставить» [2, с. 417].

Нестабильность политической ситуации в Восточной Грузии, проявлявшаяся в противостоянии аристократических группировок, накладывалась на отсутствие программы инкорпорации окраины у российского правительства. Итогом такого положения стала управленческая чехарда. В феврале 1801 г. вернувшиеся из имперской столицы послы Авалишвили и Палавандишвили публично заявили, что управлять Восточной Грузией назначен старший сын Георгия XII – царевич Давид [15, с. 2]. Опекать царевича должен был командующий российскими войсками в регионе генерал Лазарев. Однако царевич Давид повел себя самовластно и использовал свое положение для разгрома партий других грузинских царевичей – претендентов на престол Багратионов.

Весной 1801 г. в Восточную Грузию прибывали дополнительные войска (Кабардинский мушкетерский полк) и гражданские чиновники. Тем не менее, вопрос об административном управлении присоединенной территории продолжал оставаться открытым. Неизбежно возникали проблемы со снабжением и содержанием как военных контингентов, так и прибывших бюрократов.

Павел I успел определить будущую систему управления вновь присоединенной окраины в указе от 6 марта 1801 г. «Об управлении Грузии» [24, с. 566–567]. Этот документ опирался на принципы административных преобразований павловского времени – централизация

и вертикальность системы управления [23, с. 497–498]. Грузинская губерния, состоявшая из двух провинций – Карталинской и Кахетинской – поручалась заботам генерал-губернатора, ответственного перед Сенатом. Вопросы гражданского управления губернии разрешал губернатор и губернское правление, что соответствовало общероссийской административной практике. Однако спустя несколько дней император Павел I погиб в результате заговора, и намеченный план по интеграции Восточной Грузии был отложен.

Прибывшему в Тифлис в мае 1801 г. генералу Кноррингу, обличенному доверием молодого императора Александра I, генерал Лазарев задал вопросы, которые показывают степень неопределенности имперской политики в регионе. Лазарев спрашивал о способах обеспечения войск дровами и свечами, а также о содержании чиновников: «Как многие здесь чиновники имеют места единственно для собственного их пропитания им служащие и берут со вверенных им частей деньги и вещи без всякого человечества, от чего все почти жители Грузии весьма претерпевают, то как в сем, дабы жители, а равно и чиновники ни малейших нужд не претерпели, поступать приказано будет?» [2, с. 420]. Кнорринг оставлял довольствие чиновников за счет населения, но рекомендовал «не допускать злоупотреблений» под угрозой лишения мест и строгих наказаний [2, с. 420]. Понятно, что такое положение не могло продолжаться долго и наведение хотя бы общего административного порядка являлось главной задачей российских властей.

Летом 1801 г. в Восточной Грузии начало работу временное правительство, которое возглавил генерал Лазарев. Это правительство должно было «удержать внутреннее в земле устройство, доколе о Грузии последуют решительные высочайшие повеления» [2, с. 423]. В состав правительства вошли как российские чиновники, так и представители грузинской элиты, занимавшие ключевые государственные должности еще при Ираклии II. Суд работал по «обычаям страны» за исключением чрезвычайных и уголовных дел [15, с. 3]. Перед временным правительством не стояло никаких серьезных задач. Это был контролируемый режим ожидания. По сходному сценарию события развивались в случае с присоединением Крыма в 1783–1784 гг., когда российская администрация на период транзита власти сохранила институты управления уже упраздненного Крымского ханства [26, с. 21].

В Петербурге не было единства во взглядах на политическое будущее Восточной Грузии. Обсуждение этого вопроса проходило в Непременном совете – высшем совещательном институте при российском императоре. Сторонником присоединения Восточной Грузии в качестве одной из российских губерний являлся П. А. Зубов (последний фаворит Екатерины II), который, видимо, опирался на донесения находившегося в Тифлисе генерала Кнорринга. Во всеподданнейшем рапорте от 28 июля 1801 г. Кнорринг отмечал, что грузинам не под силу отстоять независимость перед угрозой, исходящей от Персии. Кроме того, рапорт содержал сведения о поддержке идеи присоединения к России со стороны части грузинской аристократии и большинства народа [2, с. 425–429]. Здесь же генерал Кнорринг предлагал основы административно-территориального устройства Восточной Грузии в составе Российской империи. Главный принцип нового управления был сформулирован так: «Непосредственное введение в Грузию по-

рядка в России существующего произвело бы в грузинских обитателях чувствительный переворот» [2, с. 429]. Кнорринг предлагал создать на территории Восточной Грузии одну губернию с разделением на две области – Карталинскую и Кахетинскую. В институтах губернского и местного управления предусматривалось участие грузинских князей и дворян. Суд предполагалось отправлять по «местным обычаям», дела уголовные выделялись в юрисдикцию Комиссии уголовного или военного суда, которая заседала в губернском городе – то есть в Тифлисе [2, с. 430].

Против присоединения Восточной Грузии к Российской империи выступили граф В. П. Кочубей, входивший в ближайшее окружение Александра I, и А. Р. Воронцов – ветеран государственной службы. Оба были известными противниками территориальных приращений и считали, что правительству необходимо больше внимания уделять вопросам внутреннего развития. Словники предупреждали о больших и неизбежных финансовых издержках включения Восточной Грузии в состав империи, а также предвещали конфликт с великими мусульманскими державами [8, с. 1200].

И все же в большинстве оказались сторонники присоединения Восточной Грузии. Манифест императора Александра I «к грузинскому народу» 12 сентября 1801 г. как и положение об управлении Восточной Грузией подготовил П. А. Зубов при деятельном участии правителя канцелярии генерала Кнорринга П. Г. Буткова, который успешно совмещал работу чиновника и научную деятельность по изучению Кавказа [10, с. 483–488].

Одобренное императором Александром I положение об управлении Восточной Грузии во многом сходно с административным планом Павла I и предложениями генерала Кнорринга. Новая окраина разделялась на пять уездов, из которых три в Картли (Карталинии) и два – в Кахетии [24, с. 784]. Во главе региональной администрации находился главнокомандующий, в фигуру которого совмещалось командование над войсками и руководство гражданскими делами. Ближайшим помощником главнокомандующего являлся правитель – российский чиновник, отвечавший за последовательность всех гражданских дел и защиту общеимперской законности.

Наряду с принципами единоначалия в управлении Восточной Грузии присутствовала и административная коллегиальность, которая воплотилась в Верховном грузинском правительстве. Этот институт управления включал, в том числе представителей грузинской аристократии и должен был стать гарантией преемственности в процессе транзита власти. Верховное грузинское правительство состояло из четырех экспедиций: исполнительной, казенной и двух судебных: по уголовным и гражданским делам [24, с. 784–785].

Исполнительная экспедиция выполняла функции стандартных губернских правлений, ее возглавлял правитель Грузинской губернии. Кроме правителя в состав исполнительной экспедиции входили два советника: один из русских чиновников, другой – из грузинских аристократов. В трех остальных экспедициях начальниками были русские чиновники, при которых были четыре советника из числа местной грузинской элиты. Высшей инстанцией являлось Общее собрание верховного правительства, куда входили начальники экспедиций и все советники, а председательствовал главнокомандующий [24, с. 785].

Сходным образом была выстроена и система управления на уездном уровне. В каждом уезде Грузинской губернии создавались две коллегии – уездный суд и земская полиция. Суд возглавлял уездный судья из русских чиновников, которому помогали судьи-мсаджули из местного грузинского дворянства. Уездной полицией командовал русский капитан-исправник, под его началом состояли двое помощников-есаулов из грузинских дворян.

Такая административная модель не вполне соответствует практикам косвенного управления (*«indirect rule»*), которые подразумевают политическую опору на посредников, пользующихся широкой автономией в своих «доменах» взамен на символическую лояльность [34, р. 3]. Именно косвенное управление считается одной из характеристик колониальных империй. Российская империя в ходе интеграции новых территорий во второй половине XVIII – начале XIX вв. вводила новые административные режимы, составной частью которых выступали местные элиты и правовые уклады. Еще до присоединения Восточной Грузии похожий административный механизм был запущен в Крыму.

Сразу после присоединения полуострова в 1783 г. управление новой окраиной осуществляло, в том числе Крымское правительство, состоявшее из представителей крымско-татарской знати [26, с. 24]. В феврале 1784 г. последовало положение «Об устройстве Таврической области», которое предусматривало активное участие в работе новых административных институтов местных элит. При этом крымско-татарская элита рекрутировалась не только в низовые административные институты, но и в областные правления [26, с. 25–26]. Советником областного правителя В.В. Каховского являлся Мекмедша Мурза Ширинский, а заседателями Верхней расправы – судебного органа Таврической области – были также знатные крымские татары: Хайридин-бай, Фузулла-бай, Осман-бай [9, с. 252].

Административные институты Крыма и Восточной Грузии после присоединения к Российской империи включались в общую государственную систему управления, но их формирование было направлено, в том числе, на интеграцию местных элит в общее политическое пространство. Кроме того, имперская администрация адаптировала местные правовые традиции, которые продолжали оставаться актуальным регулятором повседневной жизни населения. Такую модель управления можно назвать кооперативной администрацией – то есть системой, основанной на сотрудничестве элит и взаимодействии нескольких политико-правовых традиций.

Уже после открытия работы Верховного грузинского правительства и его четырех экспедиций последовала реорганизация управления Новороссийского края. В соответствии с указом Александра I от 8 октября 1802 г. большая Новороссийская губерния, созданная в период административных преобразований Павла I, разукрупнялась с выделением трех отдельных единиц – Николаевской, Екатеринославской и Таврической губерний. Структура последней предполагала Таврическое губернское правительство, состоявшее из двух экспедиций (исполнительной и казенной) и в качестве высшей инстанции – Общее собрание правительства [26, с. 37]. Параллели со структурным устройством Грузинской губернии 1801 г. очевидны.

Иначе выстраивалась модель управления западногрузинскими территориями – Имеретией, Мингрелией и Гурией. Правители этих грузинских политий, как

и царь Картли-Кахетии Георгий XII, выступили инициаторами установления российского суверенитета в своих владениях. В 1802 г. Мингрельский князь Григол Дадияни вступил в переговоры с российским главнокомандующим на Кавказе П.Д. Цициановым. Итогом стали «просительные пункты», согласно которым правитель Мингрелии признавал власть главы российской администрации в регионе, но сохранял за собой и своими наследниками титул и право автономного управления княжеством [25, с. 265–266]. Административная автономия Мингрелии продержалась до 1857 г., когда в результате внутреннего политического кризиса владение было подчинено кутаисскому генерал-губернатору. Спустя еще десять лет, в 1867 г. последний мингрельский владетельный князь Николай Дадияни отказался от своих наследных прав [25, с. 271].

Отчасти по «мингрельскому сценарию» происходила интеграция в российское административное пространство Имеретинского царства. В 1804 г. имеретинский царь Соломон II подписал «просительные пункты» о вступлении в российское подданство с условием сохранения наследных прав и автономного управления Имеретией. Кроме того, Соломон II смог получить право непосредственного обращения к российскому императору, в том числе с жалобами на региональную имперскую администрацию [1, с. 264]. Соломон II не доверял российской администрации, опасаясь, что его может ожидать судьба других Багратионов, высланных из Восточной Грузии в Петербург и другие российские города. Это недоверие было взаимным. Главнокомандующий И. В. Гудович и правитель Грузии П. М. Литвинов действительно планировали в 1808–1809 гг. «отозвать в Россию» Соломона II [4, с. 4]. В 1810 г. имеретинский царь бежал в Османскую империю, в Имеретии было установлено прямое российское правление, но в тесном сотрудничестве с местными элитами.

В 1810 г. в российское подданство вступил гурийский владетельный князь Мамия Гуриели, который также сохранял за собой и за своими наследниками титул и административную автономию. Последняя фактически просуществовала вплоть до смерти Мамия Гуриели в 1826 г., после которой автономный статус Гурии казался российскому правительству все менее оправданным. В 1828 г. император Николай I упразднил Гурийское княжество [25, с. 264].

Опыт управления западногрузинскими землями в начале XIX в. соответствует модели косвенного управления. Положение Мингрелии, Имеретии, а позднее Гурии сильно отличалось от кооперативной администрации, введенной в Восточной Грузии. При этом, в Восточной Грузии (Грузинской губернии) в 1801 – 1804 гг. регулярно вспыхивали волнения населения, недовольного новыми порядками. Работа административных институтов была парализована взаимным непониманием властей и населения, дефицитом чиновников и надежных переводчиков. Глава региональной военной и гражданской администрации П. Д. Цицианов едва ли не в отчаянии докладывал Александру I: «Вникая в нравы грузинского народа, усматриваю я из частных опытов, что всякое образованное правление до времени останется в Грузии без действия» [3, с. 45].

Неутешительные доклады Цицианова вкупе с растущими расходами на административное обеспечение Грузинской губернии заставили императора Александра I сомневаться в правильности выбранной модели управления. 8 июля 1804 г. министр внутренних дел

В. П. Кочубей писал Цицианову, что в Петербурге обсуждалась идея, «что может быть и в Грузии можно было бы учредить правление, некоторым образом соответственное тому, которое существует в Мингрелии и Имеретии» [3, с. 51]. Речь шла о восстановлении в Восточной Грузии власти династии Багратионов, или же о назначении полномочного наместника («чиноначальника») с широкими административными правами. Кочубей подчеркивал, что реставрация Багратионов только идея, а не правительственный план, поэтому ожидал от Цицианова сильного мнения по этому вопросу.

Судя по всему, Цицианов не поддержал идею, сформулированную Кочубеем. Об этом говорит то, что в конце того же 1804 г. грузинский главнокомандующий предложил план модернизации институтов управления в регионе, который получил одобрение Александра I. Во-первых, грузинские дворяне, возглавлявшие низовую администрацию (моуравы), были подчинены уездным начальникам из русских чиновников. Во-вторых, полицмейстеры (нацвалы) в городах Грузинской губернии теперь назначались главнокомандующим, а не выбирались из местного дворянства как ранее. В-третьих, было разрешено подавать прошения в административные институты на грузинском языке и «не по форме» [3, с. 52].

В качестве еще одной меры к повышению эффективности местной администрации Цицианов предлагал ввести должность окружного начальника – полномочного хозяина в своем уезде. Цицианов отмечал, что грузины охотно подчиняются «не закону, а лицу» и потому необходимо «возвысить и привести в уважение начальство уездное» [3, с. 46]. Главнокомандующий считал, что лучше всего доверить должность окружного начальника отставным военным, «поелику здесь военное ремесло в великом уважении» [3, с. 46]. Этот проект получил лишь частичную поддержку в Петербурге. Окружные начальники были поставлены во главе уездных судов, но экспедиции Верховного грузинского правительства оставляли за собой прерогативу контроля и инспекции местных властей. Однако интереснее то, что по мысли и структуре проект Цицианова был схож с идеологией системы военно-народного управления, введенной на Северном Кавказе в начале 1860-х гг. Суть ее, по словам Р.А. Фадеева, заключалась в следующем: «замещение деспотического произвола туземных правителей просвещенным произволом европейских агентов, связанных духом, а не буквой системы» [31, с. 269].

Энергичные действия Цицианова сохранили в Восточной Грузии кооперативную административную систему, которая строилась на взаимодействии общеимперских и региональных политико-правовых режимов. Западную Грузию российские власти контролировали посредством косвенного управления, сохранившего местные династии и их власть.

Кахетинское восстание 1812 г. и его последствия

Восстание в Кахетии стало одним из наиболее масштабных социально-политических протестов на территории Южного Кавказа в первой половине XIX в. В дореволюционной историографии эти события анализировались в общем контексте утверждения российского суверенитета на Кавказе. Н. Ф. Дубровин и В. А. Потто отмечали, что восстание стало следствием неблагоприятных и экстремальных по своему характеру обстоятельств: эпидемия чумы и неурожай. Чуму занесли в Восточную Грузию отступавшие от Ахалци-

ха российские войска в 1810 г. Несмотря на активные меры российской администрации по предотвращению распространения болезни, чума была причиной многочисленных смертей среди мирного населения [13, с. 1].

В том же году Кахетию, Картли и, особенно, Имеретию заливали проливные дожди, которые уничтожили посевы, вызвали разлитие рек и, как следствие, затопление полей. В результате население лишилось средств к пропитанию и начало голодать. По данным Н. Ф. Дубровина, жертвами голода в одной Имеретии стали более 12 тыс. человек [13, с. 2]. Хлеба не доставало даже дворянским и княжеским семьям, остальные жители Имеретии молили желуди и виноградные косточки [32, с. 416].

На фоне этих неурядиц российская администрация сделала несколько ошибок, которые окончательно подорвали доверие грузинского населения. Командующий Отдельным Грузинским корпусом и управляющий гражданской частью в Грузии Ф. О. Пауллуччи (1811–1812) принял решение закупать хлеб для снабжения армии по заниженным в два-четыре раза ценам. По мнению Н. Ф. Дубровина, российский командующий исходил из того, что ранее грузинское население поставляло продовольствие бесплатно, а, значит, минимальная плата за него будет воспринята с благодарностью [13, с. 5–6]. Но Ф. О. Пауллуччи просчитался: население Картли и Кахетии отказалось продавать хлеб по установленным ценам. Хлебный кризис стал одним из спусковых механизмов Кахетинского восстания.

В феврале 1812 г. восставшие контролировали почти всю Кахетию и даже провозгласили новым грузинским царем Григория Иоанновича – внука Георгия XII и сына царевича Иоанна Георгиевича, который жил в Москве. В Кахетинском восстании также принял участие еще один представитель грузинской царской фамилии – Александр Ираклиевич – сын Ираклия II и последовательный противник российского суверенитета в Восточной Грузии. Полностью подавить восстание российская администрация смогла только в декабре 1812 г.

Потрясение администрации было столь сильным, что еще в марте 1812 г. Пауллуччи учредил в Тифлисе специальную Комиссию исследования причин произошедшего в Грузии бунта. «Предмет сей комиссии долженствует состоять в том, чтобы дознать на самой истине, от чего кахетинский народ вооружился против войск его императорского величества; какие были причины, подвигшие оный к сему гибельному предприятию и с которого времени в Кахетии начала тлеться искра мятежа?», – писал в инструкции члену комиссии российский главнокомандующий [5, с. 64].

Комиссия запросила мнения о причинах мятежа у местных светских и духовных властей. Эти материалы были использованы Пауллуччи при подготовке всеподданнейшего рапорта от 26 марта 1812 г., в котором основными причинами восстания Кахетии были названы: враждебная агитация Персии, корыстные интересы представителей грузинского царского дома, двухлетний неурожай, злоупотребления и «безнравственность» российских чиновников, «зверский характер» и «непостоянство» местных жителей, тотальное недовольство грузинского дворянства новыми порядками [5, с. 67].

Кахетинское восстание стало важным рубежом в процессе интеграции грузинских территорий в российскую административную систему. Осенью 1812 г. царевич Давид Георгиевич, с 1803 г. проживающий в Петербурге, представил министру внутренних дел О.П. Козодавле-

ву записку «О лучшем устройстве Грузии» [12]. В этом документе царевич Давид, прямо ссылаясь на события Кахетинского восстания как признак глубоко кризиса российской администрации в регионе, предлагал радикальный пересмотр модели управления грузинскими территориями. Ключевым положением проекта было утверждение, что необходимо «присоединение в управление Грузией одного из царевичей» [12, с. 132]. Во главе российской администрации, по замыслу царевича Давида, должен был находиться своеобразный дуумвират из «лица особенною монаршею доверенностью облеченному» и грузинского царевича из Багратионов, «который признается к тому способнее» [12, с. 133–134].

Кроме того, этот проект предполагал сокращение российского военного контингента и возвращение к системе грузинского ополчения («мориге»), а также полное восстановление всевластия моуравов на местах. Фактически, речь шла о возвращении политического значения династии Багратионов и установлении в Грузии разновидности косвенного управления. Александр I передал записку царевича Давида на рассмотрение Паулуччи, который уже покинул Кавказ. Паулуччи составил отзыв, в котором подверг обстоятельной критике почти все предложения царевича Давида, в том числе идею административного дуумвирата: «При составлении царевичем Давидом начертания о устройении управления в Грузии руководствовался он не преданностью к России, но склонностью завести между российским в Грузии правительством совместничество в правлении через помещение туда одного из царевичей, от чего по мнению моему не может быть ни пользы для России,

ни блага для его соотечественников» [12, с. 152–153].

Проект царевича Давида не получил поддержки, однако, Паулуччи, как и многие другие российские сановники, был убежден в необходимости реформирования системы управления грузинскими территориями. Кахетинское восстание показало имперской элите, что административный откат к модели косвенного управления, с опорой на Багратионов, опасен перманентной политической турбулентностью. После 1812 г. альтернативы тесной административно-политической интеграции грузинских территорий в состав империи уже всерьез не обсуждались.

Результаты. На рубеже XVIII–XIX вв. российская правящая элита не имела политической стратегии инкорпорации новых территорий. Сама система управления Российской империи, ее административно-территориальная структура находились в неустойчивом положении постоянного (пере)реформирования. История присоединения грузинских территорий показывает, что российское правительство использовало различные административные модели кооперативного и косвенного управления. Административные сложности вкупе с такими масштабными кризисами, как Кахетинское восстание 1812 г., заставляли региональную администрацию и высшую бюрократию искать оптимальный политический баланс. Итогом неурядиц и проблем в организации управления на грузинских территориях стало формирование имперской элитой представлений о едином политико-правовом пространстве как императиве государственного строительства. Это станет особенно заметно уже в эпоху царствования Николая I.

Литература

1. Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М. Дорога на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе в XVIII – первой четверти XIX в. М.: Кучково поле, 2016. 510 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. I. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1866. 827 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. 1238 с.
4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IV. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1870. 1019 с.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. V. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1873. 1187 с.
6. Андреева Т. В. Государственное управление России во второй половине XVIII–первой четверти XIX в.: к проблеме преемственности и различия в правительственной преобразовательной политике // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3. С. 19–60.
7. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
8. Архив Государственного совета. В 15 т. Т. III. Ч. 2. СПб.: [Б.и.], 1878. 1210 с.
9. Болотина Н. Ю. Потемкин. М.: Вече, 2014. 480 с.
10. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. II. СПб.: [Б.и.], 1869. 602 с.
11. Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М.: Типография Лесснера и Собко, 1913. 492 с.
12. Две записки царевича Давида «О лучшем устройстве Грузии» // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. I. / Ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси: [Б.и.], 1942. С. 121–164.
13. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб.: Типография Березовского, 1887. 502 с.
14. Зубков К. И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Уральский исторический вестник. 2013. № 3. С. 20–29.
15. Иваненко В. Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк // Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. XII. Под ред. В. А. Потто. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. 528 с.
16. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М.: «Прогресс – Традиция», 2000. 344 с.
17. Киселев М. А., Кочегаров К. А., Лазарев Я. А. Патроны, слуги и друзья. Русско-украинские неформальные связи и управление Гетманщиной в 1700–1760-х гг. Исследование и источники. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. 1244 с.
18. Ментальное государство Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII в.: Материалы и исследования по истории местного управления в России / под ред. Д. А. Редина. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2022. 668 с.
19. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 316 с.
20. Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.
21. Павленко Н. И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 2–16.
22. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 456 с.

23. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. 742 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XXVI. Санкт-Петербург: Типография II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 880 с.
25. Рахаев Дж. Царства и княжества Грузии в восточной политике России в первой половине XIX в. // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 7. М.: [Б.и.], 2016. С. 238–276.
26. Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. 416 с.
27. Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988. 250 с.
28. Середа Н. В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 444 с.
29. Сперанский М. М. Проекты и записки. М., 1961. 244 с.
30. Уманец Ф. И. Александр и Сперанский: историческая монография. СПб.: Типография М. Д. Ломковского, 1910. 171 с.
31. Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. I. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. 320 с.
32. Эристов Р. Письма из Имеретии // Кавказ. 1857. № 81 от 17-го октября. С. 415–417.
33. Ammon P. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: die Wurzeln des russisch-georgischen Konfliktes vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921) Klagenfurt; Wien: Kitab, cop. 2015. 232 s.
34. Tilly Ch. How Empires End // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires / ed. by Barkey K., Hagen M. von. Boulder, 1997. P. 1–11.

References

1. Airapetov OR, Volkhonsky MA, Mukhanov VM. The road to Gulistan. From the history of Russian politics in the Caucasus in the XVIII – first quarter of the XIX century. Moscow: Kuchkovo field; 2016. 510 p. (In Russ.)
2. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. I. Tiflis: Printing House of the Main Government of Caucasian Viceroy; 1866. 827 p. (In Russ.)
3. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. II. Tiflis: Printing House of the Main Government of Caucasian Viceroy; 1868. 1238 p. (In Russ.)
4. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. IV. Tiflis: Printing House of the Main Government of Caucasian Viceroy; 1870. 1019 p. (In Russ.)
5. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. V. Tiflis: Printing House of the Main Government of Caucasian Viceroy; 1873. 1187 p. (In Russ.)
6. Andreeva TV. State administration of Russia in the second half of the XVIII – first quarter of the XIX century: on the issue of citizenship and division into a state converter. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2016;(3):19-60. (In Russ.)
7. Anisimov EV. State transformations and self-regulation of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 1997. 331 p. (In Russ.)
8. Archive of the State Council. In 15 vols. Vol III. part 2. St. Petersburg; 1878. 1210 p. (In Russ.)
9. Bolotina NYu. Potemkin. Moscow: Veche; 2014. 480 p. (In Russ.)
10. Butkov PG. Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part II. St. Petersburg; 1869. 602 p. (In Russ.)
11. Gaultier V. The history of public administration in Russia from Peter to Catherine II. T. I. Moscow: Printing house of Lesner and Sobko; 1913. 492 p. (In Russ.)
12. Two notes by Prince David "On the best structure of Georgia" in Materials on the history of Georgia and the Caucasus. Issue I. Ed. by N.A. Berdzenichevili. Tbilisi; 1942. P. 121-164. (In Russ.)
13. Dubrovin N.E. The history of the war and Russian rule in the Caucasus. Vol. V. St. Petersburg: Berezovsky Printing House; 1887. 502 p. (In Russ.)
14. Zubkov K.I. Cameralism as a model of interaction between the state and society: a new reading. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2013;(3):20-29. (In Russ.)
15. Ivanenko V.N. Civil administration of Transcaucasia from the annexation of Georgia to the viceroyalty of Grand Duke Mikhail Nikolaevich. Historical essay in The assertion of Russian rule in the Caucasus. Vol. XII / ed. by VA Potto. Tiflis: Printing house of the Office of the Commander-in-Chief of the civil unit in the Caucasus; 1901. 528 p. (In Russ.)
16. Kappeler A. Russia – a multinational empire. Moscow: "Progress – Tradition"; 2000. 344 p. (In Russ.)
17. Kiselyov MA, Kochegarov KA, Lazarev YaA. Patrons, servants and friends. Russian-Ukrainian informal relations and the administration of the Hetmanate in the 1700s-1760s. Research and sources. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2022. 1244 p. (In Russ.)
18. Public administration of Peter the Great and the Regions in the first quarter of the XVIII century: Materials and research on the history of public administration in Russia. Ed. by DA Redin. Yekaterinburg: Ural Federal University; 2022. 668 p. (In Russ.)
19. Miller AI. The Romanov Empire and nationalism: essays on the methodology of historical research. Moscow: New Literary Review; 2010. 316 p. (In Russ.)
20. Mironov BN. Management of ethnic diversity of the Russian Empire. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 2017. 640 p. (In Russ.)
21. Pavlenko NI. At the origins of the Russian bureaucracy. *Voprosy istorii*. 1989;12:2-16. (In Russ.)
22. Pisarkova LH. State administration of Russia in the first quarter of the XIX century: Ideas, projects, execution. Moscow: Novy Mir; 2012. 456 p. (In Russ.)
23. Pisarkova LH. State administration of Russia from the end of the XVII to the end of the XVIII century. The evolution of the bureaucratic system. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2007. 742 p. (In Russ.)
24. The complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXVI. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery; 1830. 880 p. (In Russ.)
25. Rakhaev J. The State and Principality of Georgia in the Eastern policy of Russia at the beginning of the XIX century, in History of the peoples of Russia in studies and reports. Issue 7. Moscow; 2016. p. 238-276. (In Russ.)
26. The Russian Empire and Crimea. Ed. by DV Konkin, NI Khrapunov. Simferopol: Publishing House of KFU; 2020. 416 p. (In Russ.)
27. Safronov MM. The problem of politics in the state policy of Russia at the turn of the XVIII and XIX centuries. Leningrad: Nauka; 1988. 250 p. (In Russ.)
28. Sereda NV. The management reform of Catherine the Second: a source study. Moscow: Monuments of historical thought; 2004. 444 p. (In Russ.)
29. Speransky MM. Projects and notes. Moscow; 1961. 244 p. (In Russ.)
30. Umanets FI. Alexander and Speransky: a historical monograph. St. Petersburg: Printing house of MD Lomkovsky; 1910. 171 p. (In Russ.)
31. Fadeev RA. Collected works. Vol. I. St. Petersburg: V.V. Komarov Printing House; 1889. 320 p. (In Russ.)
32. Eristov R. Letters from Imereti in Kavkaz. 1857;81(17):415-417. (In Russ.)
33. Ammon P. Georgien zwischen Eigenstaatlichkeit und russischer Okkupation: die Wurzeln des russisch-georgischen Konfliktes vom 18. Jahrhundert bis zum Ende der ersten georgischen Republik (1921) Klagenfurt; Wien: Kitab, cop.; 2015. 232 s. (in Germ.)
34. Tilly Ch. How Empires End in After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires. Ed. by Barkey K., Hagen M.von. Boulder; 1997. P. 1-11.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ LEGAL SCIENCES



Научная статья

УДК 340.131.5

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.16>

СУДЕБНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: МОДЕЛИ, ЗНАЧЕНИЕ И СПЕЦИФИКА

Фатима Султановна Бекирова¹, Роман Русланович Габрилян^{2*}

¹ Северо-Кавказская государственная академия (д. 35/41, ул. Ставропольская, Черкесск, 369001, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент
fatima.b.1977@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9373-8415>

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент
roman@gabrilyan.com; <https://orcid.org/0000-0001-9938-5809>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Конституционный контроль является краеугольным камнем в вопросе поддержания конституционного строя, обеспечения соблюдения принципа верховенства закона и защиты прав личности в государстве. Различия в моделях конституционного контроля в глобальном масштабе подчеркивают его сложность и уникальность. Данный фактор обуславливает необходимость сравнительного исследования для понимания конкретных механизмов, используемых в различных правовых системах. В статье рассматриваются модели, значение и особенности конституционного контроля в России и ряде зарубежных стран, определяются нюансы их функционирования, а также вопросы взаимодействия элементов моделей конституционного контроля. **Материалы и методы.** В ходе проведения сравнительно-правового анализа, исследована практика функционирования конституционного контроля в России, США, Германии, Австрии, Франции, Канаде и Австралии. Первоисточниками выступили национальные конституции, законодательство, а также, знаковые судебные решения некоторых государств. Вторичными источниками исследования являются научная литература: монографии, статьи периодической печати и экспертные аналитические документы. Подобный смешанный подход способствует тщательному изучению структуры и функций органов конституционного контроля в более широком политико-правовом контексте. **Анализ.** В исследовании рассматриваются различные модели конституционного контроля, в частности, европейская (централизованная модель Кельзена), принятая в России, Германии и Австрии, сравнивается с американской моделью (децентрализованной моделью конституционного контроля в США), гибридные (смешанные) системы Канады и Австралии, которые имеют региональные особенности и сочетают элементы американской и европейской моделей, а также, французская модель с её квазисудебными органами кон-

ституционного контроля. Сравнительный анализ проводится по нескольким критериям, при этом, распространяется на проблемы, с которыми сталкиваются системы конституционного контроля. **Результаты.** Сравнительное исследование выявляет различные парадигмы конституционного контроля, рассмотрев которые определяется, в какой степени независимость институтов конституционного контроля критически влияет на эффективность работы органов конституционного контроля, какие модели демонстрируют уязвимость от политического влияния; подчеркивается необходимость обеспечения большей автономии органов конституционного контроля и облегчения доступа к конституционным механизмам; освещается многогранный характер конституционного контроля и высказывается мнение о возможности дальнейшего совершенствования институтов конституционного контроля.

Ключевые слова: конституционный контроль, судебный конституционный контроль, модели конституционного контроля, Конституционный Суд, толкование конституционных норм, судебное правотворчество, правоприменительная деятельность, конституция.

Для цитирования: Бекирова Ф. С., Габрилян Р. С. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: модели, значение и специфика // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 545–550. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.16>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 13.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.06.2024.

JUDICIAL CONSTITUTIONAL CONTROL IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES:
MODELS, SIGNIFICANCE AND SPECIFICITYFatima S. Bekirova¹, Roman R. Gabrilyan^{2*}¹ North-Caucasus State Academy (35/41, Stavropolskaya St., Cherkessk, 369001, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor

fatima.b.1977@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9373-8415>² North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor

roman@gabrilyan.com; <https://orcid.org/0000-0001-9938-5809>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Constitutional review is the cornerstone in maintaining the constitutional order, ensuring compliance with the rule of law and protecting individual rights in the state. Differences in models of constitutional review globally highlight its complexity and uniqueness. This factor necessitates a comparative study to reveal the specific mechanisms used in different legal systems. The article examines the models, significance and features of constitutional control in Russia and a number of foreign countries, determines the nuances of their functioning, as well as issues of interaction between the elements of constitutional control models. **Materials and Methods.** During the comparative legal analysis, the practice of functioning of constitutional control in Russia, the USA, Germany, Austria, France, Canada and Australia was studied. The primary sources were national constitutions, legislation, as well as landmark judicial decisions in several states. Secondary sources of research are scientific literature: monographs, periodical articles and expert analytical documents. A mixed approach facilitates a thorough examination of the structure and functions of constitutional review bodies in a broader political and legal context. **Analysis.** The study examines various models of constitutional review, in particular, the European (centralized Kelsen model), adopted in Russia, Germany and Austria, is compared with the American model (decentralized model of constitutional control in the USA), the hybrid (mixed) systems of Canada and Australia, which have regional features and combine elements of the American and European models, as well as the French model with its quasi-judicial bodies of constitutional control. The comparative analysis

is carried out according to several criteria, while covering the problems faced by systems of constitutional control. **Results.** A comparative study reveals various paradigms of constitutional control. Their examination determines to what extent the independence of the institutions of constitutional review critically affects the effectiveness of the work of constitutional review bodies, and which models demonstrate vulnerability from political influence. The need to ensure greater autonomy for constitutional review bodies and facilitate access to constitutional mechanisms is emphasized. The multifaceted nature of constitutional review is highlighted and an opinion is expressed on the possibility of further improving the institutions of constitutional review.

Keywords: constitutional review, judicial constitutional review, constitutional control, models of constitutional review, Constitutional Court, interpretation of constitutional norms, judicial law-making, law enforcement activities, Constitution

For citation: Bekirova FS, Gabrilyan RR. Judicial constitutional control in Russia and foreign countries: models, significance and specificity. *Humanities and law research*. 2024;11(3):545-550. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.16>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 12.02.2024.

The article was approved after reviewing: 13.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.06.2024.

Введение. Конституционный контроль является важным механизмом обеспечения соответствия законодательных, исполнительных и судебных актов конституционным положениям. Данный институт во многих странах (прежде всего, континентальной Европы) возник как один из наиболее действенных ответов на трагические события периода Первой и Второй мировых войн. Таким образом, он играет ключевую роль в поддержании верховенства конституции, защите прав человека и предотвращении злоупотребления властью. Именно потребность в нерушимости основополагающих положений Конституции, и, вытекающей из неё ключевой задаче демократических государств – защите конституционных прав и свобод человека и гражданина от посягательств со стороны государственных органов и отдельных должностных лиц, побудили государства на различных континентах земного шара создать или реформировать органы конституционного контроля [3, с. 103]. Так, статьей 125 Конституции Российской Федерации закреплены полномочия Конституционного Суда РФ, среди которых защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина [4]. Всё вышесказанное придаёт актуальности исследуемой теме.

Целью настоящей статьи выступает рассмотрение общих и отличительных характеристик моделей конституционного контроля в России и некоторых зарубежных странах, выяснение их значения для рассматриваемых государств.

Конституционный контроль относится к механизмам, посредством которых поддерживается верховенство конституции. Данный механизм включает в себя проверку конституционности законов, подзаконных и иных нормативных актов, а также обеспечение соблюдения конституционных положений [14].

Материалы и методы. Исследование носит междисциплинарный характер, что требует комплексного методологического подхода к изучению актуальных вопросов конституционного контроля. Использование историко-правового метода способствовало рассмотрению института конституционного контроля с момента его учреждения и в процессе развития в различных странах мира, что потребовало обращения к историческим правовым документам. Выявление ключевых характеристик моделей конституционного контроля, их значения стало возможным благодаря сравнительно-правовому методу исследования – одному из ключевых для данного научного исследования. Нормативной базой исследования явились Конституция Российской Федерации и федеральные конституционные законы РФ, а также, основные законы и иные конституционные акты ряда зарубежных государств. Рассмотрение модели конституционного контроля некоторых государств потребовало обязательного обращения к эмпирическим источникам, в частности, решениям высших судов.

Отмеченные методологические подходы, сочетание теории и практики обеспечивает проведение качествен-

ного исследования систем конституционного контроля в России и за рубежом, более детальное понимание их общих черт, различий и значения для рассматриваемых государств. Обращение к зарубежной правовой доктрине позволило всесторонне исследовать институт конституционного контроля.

Анализ. В современной как отечественной, так и зарубежной конституционно-правовой науке имеется определённый консенсус относительно классификации моделей конституционного контроля. Общепринятое разделение на две основные модели – американскую систему неспециализированного конституционного контроля и европейскую модель специализированного конституционного контроля. Многими авторами обосновывается необходимость выделения третьей модели – смешанной (гибридной или комбинированной), а также четвёртой, куда относят систему, в которой конституционный контроль осуществляется квазисудебными органами [1, с. 9798]. В настоящей статье мы отталкиваемся именно от данного подхода.

Первая, американская модель зародилась в США. Базу для конституционного юстиции в США фактически заложили Конституция и Закон о судостроительстве 1789 г., которые предоставили судебной власти право осуществления конституционного контроля. В связи с тем, что создания отдельного специализированного органа для данных функций Конституция США не предусмотрела, подобные полномочия были переданы Верховному Суду США. Таким образом, в Соединённых Штатах зародилась и стала практиковаться модель судебного контроля, при которой судебная власть имеет право объявлять нормативноправовые акты неконституционными. Однако, как известно, немаловажное значение в американской правовой системе имеет судебный прецедент, который, зачастую, является триггером для качественного «функционирования» принятого закона. Таковым в отношении судебного конституционного контроля стало решение, принятое Верховным судом по делу Мэрибэри против Мэдисона (Marbury v. Madison) в 1803 г.

В 1801 году уходящий в отставку президент Джон Адамс назначил Уильяма Мэрибэри на должность мирового судьи, в свою очередь, новый государственный секретарь Джеймс Мэдисон отказался от издания патента, что лишило возможности Мэрибэри быть назначенным на должность. Для восстановления справедливости Мэрибэри обратился в суд. Своим решением по делу Мэрибэри против Мэдисона Верховный Суд под председательством Джона Маршалла постановил, что раздел 13 Закона о судостроительстве 1789 г., расширял полномочия Верховного Суда, следовательно, Конгресс, принявший данный закон – вышел за пределы собственных полномочий, очерченных Конституцией. Признав данную норму неконституционной, Верховный Суд невольно установил принцип судебного контроля – важное дополнение к системе «сдержек и противовесов», созданной для предотвращения чрезмерных полномочий какой-либо ветви федеральной власти.

Таким образом, данное знаковое решение Верховного Суда США, положило начало модели судебного конституционного контроля, который характеризуется децентрализованной системой, где суды инстанций разного уровня осуществляют конституционный контроль.

В противовес американской, европейская модель, впервые предложенная Гансом Кельзеном, предполагает создание специализированных конституционных

судов. Знаменитый австрийский нормативист воплотил свои теоретические концепции на практике после Первой мировой войны. Австрия стала республикой с принятием Федерального конституционного закона 1920 г., одним из разработчиков которой был сам Г. Кельзен. Конституция Австрии впервые в истории человечества вводила институт Конституционного суда как отдельного специализированного органа государственной власти, членом которого стал Кельзен. Суд получил полномочие негативного законодателя, как выразился Г. Кельзен, то есть, аннулирования нормативных правовых актов, исходящих от высших органов законодательной и исполнительной властей в случае, если им устанавливается их несоответствие Конституции страны [2].

Несмотря на то, что данный суд проработал менее полутора десятка лет и, как и Конституция, был упразднён, он стал образцом для создания подобных органов в других странах уже в первые годы своего существования – Чехословакии, Лихтенштейне, а затем в Испании. Считаем, справедливым будет отметить, что опыт данных государств назвать успешным достаточно сложно.

После окончания Второй мировой войны деятельность Конституционного Суда Австрии была восстановлена, а в ряде государств Европы учреждались подобные специализированные судебные органы, в частности, в Италии и ФРГ – как один из действенных способов противостояния возможным попыткам ультраправых партий узурпировать власть. Эти суды обладают исключительной юрисдикцией в области конституционного контроля, который стал централизованным, с целью обеспечения последовательного и непротиворечивого толкования конституционных норм. В дальнейшем, кельзеновская модель конституционного судебного контроля распространилась и на многие неевропейские страны.

В начале 1990-х годов прошлого столетия в России был перенят кельзеновский вариант конституционного контроля, который оформился в виде уникальной системы. Конституционный Суд Российской Федерации обрёл исключительные полномочия в сфере конституционного контроля, осуществляя толкование и защиту Конституции [8].

Не все европейские государства избрали для себя предложенный Кельзеном вариант конституционного контроля. Во Франции, с началом пятой республики, в 1958 г. начался новый этап развития конституционного контроля, осуществление которого было передано сразу двум органам государственной власти – Конституционному Совету и Государственному Совету. Если в полномочиях второго – установление конституционности нормативно-правовых актов, исходящих от исполнительной власти, то первый, квазисудебный орган осуществляет предварительный конституционный контроль в отношении законопроектов и законов, не вступивших в силу.

Гибридная (смешанная) модель конституционного судебного контроля начала распространяться в бывших британских колониях, в частности, в Канаде и Австралии. В данной модели сочетаются элементы как американской, так и европейской (кельзеновской) моделей. Конституционный контроль в таких государствах осуществляют обычные суды, наряду с которыми действуют также специализированные трибуналы или апелляционные суды, рассматривающие конституционные вопросы. К смешанным системам ряд авторов относит также иберийскую (южноамериканскую) модель судебного конституционного контроля. Системы, сфор-

мировавшиеся во многих странах Латинской Америки, А.А. Клишас относит к специализированной смешанной модели, в рамках которой объединены основные элементы американской, европейской моделей конституционного контроля и национальной традиции защиты прав человека [3, с. 233].

Обратимся к краткому сравнительно-правовому анализу специфики функционирования моделей конституционного контроля в разных государствах.

Конституционный Суд России был создан в 1991 г. и его первые два года существования пришлось на политически сложный период истории нашей страны. Ему приходилось осуществлять свои полномочия в тяжёлой правовой и политической среде, часто ограниченной политическим давлением и институциональными ограничениями [13]. С принятием Конституции РФ в 1993 г. Суд был реорганизован. Обобщив, среди его основных функций можно выделить следующие:

- проверка конституционности федерального законодательства, нормативных актов Президента РФ, высших органов законодательной и исполнительной власти РФ; законодательства и нормативных актов субъектов федерации; договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ, а также между органами государственной власти Российской Федерации; не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации;

- разрешение споров между федеральными и региональными органами власти;

- проверка конституционности федерального и регионального законодательства и нормативных актов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод;

- проверка конституционности федерального и регионального законодательства и нормативных актов, подлежащих применению соответствующим судом в конкретном деле;

- разрешение вопросов о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, а также, решений иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка РФ;

- толкование Конституции Российской Федерации;

- заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации;

- проверка конституционности вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации и конституционности проектов законов РФ о поправке к Конституции РФ, проектов ФЗ и ФКЗ, а также законов, принятых в порядке, предусмотренном ч. 2-3 ст. 107 и ч. 2 ст. 108 Конституции РФ [4; 5].

Конституционный суд Австрии (Verfassungsgerichtshof) как уже упоминалось, выступает первым и ярким представителем кельзеновской модели, обеспечивая централизованную систему конституционного контроля и защиты конституционного порядка. Данный орган государственной власти уполномочен как пересматривать, так и аннулировать федеральные законы и законодательство земель, которое он считает неконституционным. Судом также осуществляется конституционный

контроль в отношении нормативных актов исполнительной власти. Кроме того, Конституционный суд Австрии рассматривает дела, связанные с конституционными жалобами граждан, разрешает юридические коллизии между федеральными органами власти и органами власти земель, а также споры, связанными с выборами и проведением референдумов. Решения, принимаемые судом, являются обязательными для исполнения и не подлежат обжалованию [12].

Схожим образом действует и Федеральный конституционный суд Германии (Bundesverfassungsgericht) – ещё один яркий образец континентальной модели. Это специализированный суд, функционально независимый от как других судебных, так и иных государственных органов, состоящий из двух сенатов, в которых по восемь судей. В свою очередь, члены сенатов объединены в три палаты. Данный суд проверяет федеральные законы и законы штатов, обеспечивая их соответствие Основному закону ФРГ. Он может признать недействительными законы и акты исполнительной власти, нарушающие конституционные положения. Так, Федеральный конституционный суд может отменять законы и разрешать споры как на федеральном уровне, так и на уровне земель. Федеральный конституционный суд ФРГ оказывает значительное влияние на политическую жизнь Германии, часто выступая в качестве арбитра в спорных политических вопросах [15, р. 87].

Как нами ранее отмечалось, в Соединённых Штатах Америки суды осуществляют конституционный контроль посредством установившейся в конце XVIII – начале XIX вв. децентрализованной системы. Верховный суд находится на вершине данной системы, создавая важные прецеденты в сфере толкования Конституции, при этом контроль может осуществляться и другими судебными органами. Подобная система позволяет рассматривать широкий спектр дел и децентрализовать процессы принятия решений. [6, р. 31]

Некоторыми исследователями высказывается мнение о полной схожести американской системы конституционного контроля с австралийской. Действительно, модель Австралии внешне копирует американскую, в частности, Высокий суд (высший орган судебной ветви власти федерации, как и Верховный суд в США) с 1903 г. располагает полномочиями толкования положений Конституции и пересмотра законов как на федеральном, так и на региональном уровне [10]. Высокий суд имеет первоначальную юрисдикцию по конституционным вопросам и апелляционную юрисдикцию по отношению к другим федеральным судам, а также верховным судам штатов по конституционным вопросам. Данный судебный орган может толковать Конституцию Австралии и имеет полномочия пересматривать и признавать недействительными федеральное и региональное законодательство, противоречащее конституционным положениям. Пересмотр в Высоком суде может инициироваться посредством как апелляций из нижестоящих судов, так и обращений непосредственно в суд. Решения Высокого суда являются обязательными для всех австралийских судов.

Несколько отличается как от австралийского, так и американского варианта системы конституционного контроля канадский вариант. Так же, как в США и Австралии, основные функции контроля возложены на высший судебный орган Канады – Верховный суд, действующий с 1875 г. Кроме того, провинциальные суды могут рассматривать конституционные вопросы, подлежащие обжалованию в Верховном суде.

Верховный суд Канады проверяет законы и акты правительства на соответствие Конституции Канады (совокупности актов, включая Хартию прав и свобод), а также может давать консультативные заключения федеральному правительству по конституционным вопросам (так называемым референтным делам – Reference Cases) [11].

Полноценному и эффективному конституционному контролю способствует обеспечение независимости органов государственной власти, осуществляющих данную деятельность. Конституции и законодательство многих государств предусматривают подобную независимость, однако практическая реализация данных положений не всегда соответствует теоретическому замыслу. Так, в Соединённых Штатах прослеживается политическая ангажированность судей Верховного Суда, назначение которых напрямую зависит от партийного состава Сената и принадлежности той или иной партии самого Президента США. Ещё более усугубляется данное положение тем, что судьи назначаются на пожизненный срок.

Судьи в Австралии и Канаде назначаются на срок до установленного пенсионного возраста исполнительской властью.

Французские советники в количестве 9 человек назначаются Президентом республики и председателями Национального собрания и Сената в Конституционный Совет на один девятилетний срок. Каждые три года осуществляется обновление Совета на треть. Кроме того, право пожизненно быть членом Конституционного Совета имеется у бывших президентов Французской республики (в настоящее время таковых двое).

Судьи Конституционного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента РФ [5].

Судьи австрийского Конституционного суда находятся в должности один двенадцатилетний срок, в то время как судьи Конституционных судов Германии и России исполняют свои обязанности до достижения определённого законом пенсионного возраста. У данных судов нет всепроникающего влияния как у Верховного суда США, который зачастую формирует важные аспекты американской жизни. При этом американские авторы говорят о независимости Верховного Суда США, обвиняя в политизированности Конституционный Суд РФ, с чем сложно согласиться [7].

Результаты. Исследование моделей конституционного контроля позволило нам сделать ряд выводов. В США система конституционного контроля носит полностью децентрализованную систему, в которой отсутствует специализированный судебный орган, все федеральные суды и суды штатов могут участвовать в процессе конституционного контроля, а на вершине пирамиды находится ключевой орган конституционного контроля – Верховный суд США. Конституционный контроль основан на деле Мэрибэри против Мэдисона, установившем право судов объявлять законы неконституционными. В американской модели размыты границы между конституционным контролем и конституционным надзором. В отличие от американской системы, европейская модель, отцом-основателем которой можно назвать Г. Кельзена, носит централизованный характер. Конституционный контроль осуществляется специализированным судебным органом, за исключением французского образца.

Таким образом, одно из основных отличий между европейской моделью и американской заключается в разных подходах к институционализации конституционного контроля, который в европейской модели осуществля-

ется специализированным судом (централизованный подход) и Верховным судом и иными судами в США (децентрализованный подход). Свои положительные стороны имеют обе модели. Централизованные системы обеспечивают согласованность и единообразие, в то время как децентрализованные системы обеспечивают гибкость и более широкий доступ к процессу конституционному контролю.

В двух исследованных странах со смешанной моделью конституционного контроля – Австралии и Канаде имеются элементы децентрализации, а Высокий суд Австралии и Верховный суд Канады служат высшими апелляционными органами по конституционным вопросам. При этом, канадские провинциальные суды могут первоначально решать конституционные вопросы, в то время как в Австралии Высокий суд сохраняет свою более сильную централизованную роль.

Некоторые западные исследователи считают американский или даже англосаксонский подход к конституционному контролю более удобным для граждан, считая, что в России и многих европейских странах конституционные суды имеют широкие полномочия, но, при этом иногда могут быть менее доступны для населения по сравнению с более открытой и доступной системой в США, Австралии и других англосаксонских стран [9, p. 88].

Подавляющим большинством учёных отмечается положительная роль конституционного контроля как одного из важнейших институтов демократических государств. Тем не менее, данный институт требует пристального внимания со стороны как профессионалов, так и представителей юридической науки. Улучшение доступа к конституционному судопроизводству и обеспечение более широкого участия общественности, в ряде случаев и в некоторых государствах, могут помочь практической реализации демократических принципов. В отдельных государствах достижению данной цели может способствовать упрощение процедур.

Одной из важнейших проблем является обеспечение независимости органов конституционного контроля, особенно в странах, где большое влияние на формирование органов, осуществляющих конституционный контроль имеют политические партии.

В современном мире, в эпоху цифровизации происходит не только конвергенция экономик различных государств, но и элементов национальных правовых систем. Как веком ранее начало происходить обращение к австрийскому или американскому образцу конституционного контроля, так и сейчас распространяется идея заимствования наиболее лучших практик из разных моделей конституционного контроля. Не исключаем, что в будущем появятся новые гибридные модели, учитывающие достижения других стран. В таких моделях будут сбалансированы преимущества централизованных и децентрализованных моделей, обеспечивая как согласованность, так и гибкость процедуры конституционного контроля.

Институт конституционного контроля необходим для поддержания верховенства закона, защиты основных прав и поддержания системы сдержек и противовесов в любом демократическом государстве. Сравнительный анализ конституционного контроля в России и ряде зарубежных государств выявляет многообразие моделей, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Извлекая уроки из опыта различных систем и решая присущие им проблемы, в отдельных странах становится возможным укрепление конституционного строя, обеспечив торжество справедливости и законности.

Литература

1. Гоглева К. Ю. Судебный конституционный контроль как гарантия разделения властей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. 235 с.
2. Кельзен Г. Судебная гарантия конституции (конституционная юстиция). Часть 2 // Право и политика. 2006. № 9. С. 5–18.
3. Клишас А. А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2007. 571 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Fisher L. American Constitutional Law. Durham, NC: Carolina Academic Press, 2010. 548 p.
7. Ginsburg T., Huq A. Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 295 p.
8. Kommers D. P., Miller R. A. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham, UK: Duke University Press, 2012. 904 p.
9. Sadurski W. Poland's Constitutional Breakdown. Oxford: Oxford University Press. 289 p.
10. Saunders C. The Australian Constitution: A Contextual Analysis. Oxford: Hart Publishing, 2003. 298 p.
11. Supreme Court Act, RSC 1985, c. S-26 // Canada Legal Information Institute. URL: <https://canlii.ca/t/544lt> (дата обращения: 20.05.2024).
12. The Federal Constitutional Law of Austria // Constitute: The World's Constitutions to read, search, and compare. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Austria_2013 (дата обращения: 01.06.2024).
13. Trochev A. Judging Russia: Constitutional Court In Russian Politics 1990-2006. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2008. 371 p.
14. Tushnet M. Advanced Introduction to Comparative Constitutional Law. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. 133 p.
15. Vanberg G. The Politics of Constitutional Review in Germany. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2005. 208 p.

References

1. Gogleva KY. Judicial constitutional review as a guarantee of separation of powers in the Russian Federation: thesis. St. Petersburg; 2023. 235 p. (In Russ.).
2. Kelsen H. Judicial guarantee of the constitution (constitutional justice). Part 2. *Pravo i politika*. 2006;(9):5-18. (In Russ.).
3. Klishas AA. Constitutional control and constitutional justice in foreign countries: thesis. Moscow; 2007. 571 p. (In Russ.).
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) in SPS "ConsultantPlus". (In Russ.).
5. Federal Constitutional Law of July 21, 1994 N 1-FKZ (as amended on July 31, 2023) "On the Constitutional Court of the Russian Federation" in SPS "ConsultantPlus". (In Russ.).
6. Fisher L. American Constitutional Law. Durham, NC: Carolina Academic Press; 2010. 548 p.
7. Ginsburg T, Huq A Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press; 2018. 295 p.
8. Kommers DP, Miller RA. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham, UK: Duke University Press; 2012. 904 p.
9. Sadurski W. Poland's Constitutional Breakdown. Oxford: Oxford University Press; 289 p.
10. Saunders C. The Australian Constitution: A Contextual Analysis. Oxford: Hart Publishing; 2003. 298 p.
11. Supreme Court Act, RSC 1985, c. S-26 in Canada Legal Information Institute. URL: <https://canlii.ca/t/544lt> (accessed: 20.05.2024).
12. The Federal Constitutional Law of Austria in Constitute: The World's Constitutions to read, search, and compare. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Austria_2013 (accessed: 01.06.2024).
13. Trochev A. Judging Russia: Constitutional Court In Russian Politics 1990-2006. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 2008. 371 p.
14. Tushnet M. Advanced Introduction to Comparative Constitutional Law. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing. 133 p.
15. Vanberg G. The Politics of Constitutional Review in Germany. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 2005. 208 p.



Научная статья

УДК 347.2/.9

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.17>

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ СПОСОБАХ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ДОБЫТОГО ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Татьяна Геннадьевна Жукова¹, Кирилл Андреевич Долгополов^{2*}

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Кандидат юридических наук, доцент
tany_zhukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1011-8905>

² Кандидат юридических наук, доцент
nadal06@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Динамично развивающиеся общественные отношения в сфере экономики должны оперативно учитываться при организации противодействия правоохранительными органами легализации (отмыванию) имущества, добытого преступным путем, что предполагает необходимость проведения научных исследований в этой сфере. **Материалы и методы.** Применение диалектических методов познания позволило рассмотреть легализацию денежных средств, добытых преступным путем, с учетом взаимосвязи этого вида криминальной деятельности с процессами, происходящими в обществе и особенностями развития новых сфер экономики. **Анализ.** Исследование способов отмывания денежных средств и иного имущества, добытого преступным путем, основанное на рассмотрении научных подходов к противодействию преступности, положений действующего законодательства, а также материалов правоприменительной практики как отечественных, так и зарубежных правоохранительных органов, позволяет выделить основные тенденции развития криминального бизнеса, сопряженного с «отмыванием» и выработать рекомендации по противодействию этому виду преступности. **Результаты.** К экономическим сферам, где наиболее трудно отследить процесс легализации криминальных активов сегодня авторы относят сферу арт-рынка, рынка цифровой валюты, зоны офшоров и фрипортов, рынок золота и бриллиантов. Наиболее трудно отследить процесс легализации имущества, добытого преступным путем, в сфере IT-технологий. Легализация иму-

щества может осуществляться путем зачисления денежных средств на подконтрольный виртуальный счет и дальнейшее ее конвертирование посредством виртуальные машины в деньги. Для противодействия такому способу «отмывания» необходимо соответствующая квалификация и оборудование. Процесс получения цифровой валюты с помощью специального оборудования пока совсем не контролируется государством. Правовое регулирование в этой сфере должно с одной стороны создать условия для контроля за мейнстримом, а с другой не вынуждать майнеров уходить в «теневую» экономику.

Ключевые слова: теневая экономика, криминальный бизнес, организованная преступность, отмывание имущества, добытого преступным путем.

Для цитирования: Жукова Т. Г., Долгополов К. А. К вопросу о современных способах легализации имущества, добытого преступным путем // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 551–556. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.17>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2024.

Статья принята к публикации: 25.05.2024.

Research article

ON MODERN METHODS OF LEGALIZING THE PROPERTY OBTAINED IN A CRIMINAL WAY

Tatyana G. Zhukova¹, Kirill A. Dolgoplov^{2*}

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (Law), Associate Professor
tany_zhukova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1011-8905>

² Cand. Sc. (Law), Associate Professor
nadal06@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4496-1789>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Dynamically developing public relations in the field of economy should be promptly taken into account when organizing counteraction by law enforcement agencies to the "laundering" of property obtained by criminal means, which implies the need for scientific research in this area. **Materials and Methods.** The use of dialectical methods of cognition made it possible to consider the legalization of criminally obtained funds, taking into account the relationship of this type of criminal activity with the processes taking place in society and the peculiarities of the development of new spheres of the economy. **Analysis.** The study of methods of "laundering" money and other property obtained by criminal means, based on the consideration of scientific approaches to combating crime, the provisions of current legislation, as well as materials of law enforcement practice of both domestic and foreign law

enforcement agencies, allows us to identify the main trends in the development of criminal business associated with "laundering" and develop recommendations for countering this the type of crime. **Results.** The economic spheres where it is most difficult to track the process of legalization of criminal assets today include the sphere of the art market, the digital currency market, offshore and freeport zones, the gold and diamond market. It is most difficult to track the process of legalizing property obtained by criminal means in the field of IT technologies. Legalization of property can be carried out by crediting funds to a controlled virtual account and further converting it through virtual machines into money. To counteract such a "laundering" method, appropriate qualifications and equipment are needed. The process of obtaining digital currency using special equipment (mining) is not yet controlled by the state at all. Legal regulation in this area should, on the one hand, create conditions for controlling the

turnover of assets, and on the other hand, not force miners to go into the shadow economy.

Keywords: shadow economy, criminal business, organized crime, laundering of criminally acquired property

For citation: Zhukova TG, Dolgoplov KA. On modern methods of legalizing the property obtained in a criminal way. *Humanities and law research*. 2024;11(3):551-556. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.17>

Введение. Преступные группы постоянно совершенствуют способы и форм «отмывания» доходов криминальной деятельности, используют новейшие технологии, умения пользоваться коллизиями и пробелами в законодательстве, отличную осведомленность обо всех тонкостях финансового рынка. Сращивание теневой экономики с легальным предпринимательством позволяет преступникам проникать в госаппарат, занимать управленческие должности крупного бизнеса, что порождает коррупцию, разрушает законную экономическую деятельность и в последствии может привести к различного рода социальным кризисам в стране. Правовая система, как указывает К. В. Ображиев, должна характеризоваться «адаптивностью, которая позволяет системе приспосабливаться к изменившимся условиям, трансформировать свое структурное строение (состав, связи, функции элементов) в ответ на внешнее воздействие» [7, с. 18]. Поэтому очень важным является проведение исследований, отражающих складывающуюся в современных условиях криминальную ситуацию, что позволит разрабатывать соответствующие реальным общественным отношениям меры противодействия преступности.

Анализ. Криминальная деятельность, направленная на «отмыванию» денег не так явно заметна, как другие преступления, например насильственные, террористического характера, хищения, компьютерные преступления и другие, которые вызывают общественный резонанс. Поэтому «отмывание» называют вторичным и скрытым преступлением. Даже общественно опасное воздействие на экономические отношения рассматриваемого вида преступлений сразу не заметны и выявляются через много лет.

Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за «отмывание имущества, добытого преступным путем» в ст. 174 и 174.1 УК РФ [12]. Такая деятельность включает в себя совершение финансовых операций и сделок с целью придания правомерности криминально полученным материальным средствам. В результате «отмывания» создаются существенные препятствия для раскрытия тех преступлений, в результате которых было изначально получено имущество, так как маскируются доказательства существования предмета предикатного преступления.

Например, в соответствии с приговором городского суда руководитель общества с ограниченной ответственностью, используя свое служебное положение, обманным путем, из корыстных побуждений, похитил у муниципального образования денежные средства в сумме 32 065 738,3 рублей, предоставленные из федерального бюджета на выполнение проектных и изыскательских работ в рамках федеральной целевой программы. После этого его сотрудница в дневное время в отделении АО «ЮниКредитБанк», не осведомленная о преступных намерениях руководителя, снял наличными 32 065 738,3 рубля и оплатил безналично обязательства иного лица. То есть своими действиями руководитель ООО легализовал денежные средства

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.12.2023.

The article was approved after reviewing: 18.02.2024.

The article was accepted for publication: 25.05.2024.

посредством совершения финансовых операций другим лицом, не подлежащим уголовной ответственности, придав данным похищенным денежным средствам правомерный вид владения, пользования и распоряжения, вследствие чего признан виновным в отмывании денежных средств в особо крупном размере [9].

Выявление предмета преступления является одним из наиболее сложных вопросов для правоохранительных органов в процессе борьбы с отмыванием криминального имущества. Алексей Малаховский в рамках совместного проекта «ОВД-Инфо» и «Право.ru» проанализировал ряд громких уголовных дел по ст. 174 и 174.1 УК РФ и выявил сложности, с которыми сталкивается следствие при раскрытии рассматриваемой категории дел. Одной из них является то, что легализации всегда должно предшествовать какое-то другое (основное) преступление и если оно не будет доказано, то и «отмывания» имущества быть не может [5]. Лицо не может быть признано виновным в легализации и большей суммы денежных средств, чем будет доказано по первичному преступлению [3].

Основной акцент в развитии «антиотмывочного» законодательства в последние годы делается на разработку законов, которые уточняют схемы работы банков с клиентами [8]. Можно отметить, что в части контроля банковских переводов сегодня разработано масса механизмов контроля, позволяющих как предупредить, так и выявить факты легализации денежных средств.

В настоящее время в условиях современного информационного общества большую популярность приобретают передовые достижения в сфере IT-технологий, а уязвимость и незащищенности данных технологий приводит к тому, что преступники, создают трудно обнаруживаемые схемы совершения преступлений.

Примером такой схемы преступления является программа-вымогатель. Это вредоносное программное обеспечение, которое блокирует доступ к чему-либо компьютеру, системе или файлам в системе, а затем требует выкуп за разблокировку компьютера или таких файлов. На сегодняшний день такие программы-вымогатели считаются одной из главных угроз в киберпреступности.

Существует сайт, известный киберпреступникам, как www.cryptoware.bis – это особый тип программ-вымогателей, который шифрует файлы на операционных системах. Совершив шифрование, вымогатели требуют от пострадавшей стороны выкуп в различных видах криптовалют, особенностями которых являются – полная анонимность и широкая сеть совершения транзакций вне государственных или частных финансовых учреждений. После получения денежных средств от потерпевших киберпреступники с помощью программ-вымогателей начинают их отмывать, чтобы скрыть незаконное происхождение денежных средств и избежать конфискации.

В большинстве видов традиционных преступлений это является частой практикой, поскольку прибыль получена уже наличными денежными средствами, но

прибыль программ-вымогателей обычно представлена в виде криптовалюты. Биткоин выступает наиболее распространенной криптовалютой в таких ситуациях, однако, в настоящее время большую популярность набирает криптовалюта – монеро, потому что она обеспечивает большую анонимность при проведении транзакций [20].

Использование программ-вымогателей представляет собой киберпреступление, но не может квалифицироваться как отмывание денег. Только после того, как будут предприняты действия по обработке или переводу прибыли, возникнет вопрос о квалификации его как отмывание денег. Для правильного расследования данного преступления необходимо выяснить, какие средства имеют незаконное происхождение, и проследить путь преступных доходов. Усиление государственного регулирования оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты является относительно новым направлением в сфере противодействия «отмыванию» финансов [6]. В решение Верховного Суда России указано, что получение имущества путем зачисления денежных средств на подконтрольный виртуальный счет (криптовалюту «биткоин») и дальнейшее ее конвертирование через различные виртуальные обменники в рубли можно рассматривать как легализацию доходов, полученных преступным путем [4].

Сегодня активно разрабатывается законодательство, не только регулирующее оборот криптовалюты, но и процесс добычи цифровой валюты с помощью специального оборудования (майнинг). В случае принятия законопроекта № 237585-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования цифровой валюты)» лицо, осуществляющее майнинг обязано будет предоставить информацию о полученной цифровой валюте, а в случае ее отчуждения, если майнер использует объекты российской инфраструктуры, заплатить налоги и сборы [2]. Хотелось бы отметить, что как любая новая сфера правового регулирования, оборот цифровой валюты, является достаточно сложным объектом права. Государственное вмешательство в этой сфере должен с одной стороны обеспечить контроль и недопущение криминального оборота средств, а с другой, создать такие условия, чтоб участникам этого бизнеса легче и финансово выгоднее было бы работать легально, чем уходить в тень.

Помимо появления новых, сложных для выявления сфер экономики, в которых возможно незаметно «отмыть» денежные средства, определенные проблемы в процессе установления факта совершения легализации денежных средств, связанных с использованием виновными неосведомлённых, введённых в заблуждения относительно законности осуществляемой деятельности лиц.

Довольно распространённым является привлечение организованными группами дропперов для реализации финансовых операции с криминальным капиталом. Заместитель председателя правления Сбербанка Станислав Кузнецов сообщил журналистам, что в феврале 2024 года Сбербанк одномоментно смог успешно заблокировать 15 тысяч банковских карт предполагаемых дропперов и видимо попали 100%, так как не было не одной жалобы [11].

В качестве «обнальщика» обычно используются граждане из малообеспеченных слоев населения, сильно нуждающихся в денежных средствах для поддержания своего существования и естественно, не обладающие никакой информацией об истинных руководителях

преступной организации и деятельности, которую она ведет. Многие из них даже не понимают, что вовлечены в совершение преступления, а думают, что легально подрабатывают, осуществляя денежные переводы по указанию «работодателей» и естественно, не должны привлекаться к уголовной ответственности. Отсюда и минимальное количество уголовных дел по ст. 174.1 УК РФ. Если же дроппера и удастся установить в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, к самой преступной организации это подобраться правоохранительным органам не помогает.

Так, согласно приговору суда, лицо было привлечено к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 174 УК РФ за совершение следующих действий. «Организатор» предложил ФИО продолжить деятельность в организованной группе на территории г. Петрозаводска, в том числе в роли «обнальщика», о чем между «организатором» и ФИО была достигнута договоренность. Обвиняемый по указанию «организатора» осуществлял с банковских карт финансовые операции по снятию денежных средств, приобретенных в результате совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, о чем посредствам сети «Интернет» информировал «организатора»; после чего, по указанию «организатора», совершал финансовые операции по зачислению обналиченных им же денежных средств на счет банковской карты, находившиеся в его пользовании. Так при помощи платежных устройств и «Онлайн банкинга» виновный совершал финансовые операции по переводу денежных средств на указанные «организатором» счета участников организованной группы [10]. Следует подчеркнуть, что суд совершенно обоснованно, в соответствии с законодательно закреплёнными признаками совершения преступления в соучастии, не вменил данному лицу квалифицирующий признак совершения преступления организованной группой (ч. 3. ст. 174 УК РФ), так как виновный не может признаваться членом «неустановленной организованной группы» и связь с неустановленным лицом организованной группы, выступающим анонимно с использованием сети «Интернет», не должно признаваться соучастием.

Цель правоохранительных органов в таких случаях — это выявление лиц, организовавших отмывание денег по средствам использования информационно-коммуникационных сетей. И. Р. Бегишев отмечает, что в последние годы становятся все более разнообразны преступления, посягающие на цифровую информацию либо совершающиеся с ее использованием, их виды множатся в связи со стремительным развитием науки и техники, а также изобретательностью правонарушителей [1, с. 6]. Особенно широкомасштабны преступления, совершаемые через криптовалюты, связанные с отмыванием денег. В настоящее время большую популярность набирает криптовалюта на основе протокола CryptoNote – Монеро, потому что она обеспечивает большую анонимность при проведении транзакций [20].

Несанкционированное использование компьютерных программ представляет собой киберпреступление, но не может квалифицироваться как отмывание денег, пока не будет установлен факт совершения действия по обработке и переводу прибыли. Для правильного расследования данного преступления необходимо выяснить, какие средства имеют незаконное происхождение, и проследить путь преступных доходов. Эффективные меры противодействия отмыванию финансов в этой сфере находятся сегодня в стадии активной разработки государств.

Другая сфера экономики, где отмывание (легализацию) денежных средств или иного имущества, сложно отследить, связана с появлением фрипортов, действующих как склады, предназначены для хранения ювелирных украшений, драгоценных камней и металлов, произведений искусства, антиквариата, коллекционных вин и других редких и ценных вещей и находящиеся в оффшорной зоне [17, р. 64]. Фрипорты по своей сути являются местами, через которые клиенты могут торговать и извлекать выгоду из «мягких» правил торговли и строгих правил конфиденциальности.

В связи с криминальными рисками, которые представляют собой фрипорты, обеспечивающие идеальную платформу для содействия отмыванию денег и уклонению от уплаты налогов, многие считают необходимым их ликвидировать [16].

В настоящее время в рамках противодействия легализации денежных средств обращает на себя внимание и рынок интеллектуальной собственности, который имеет большие масштабы – общая стоимость товаров исчисляется сотнями миллиардов долларов и растет с каждым днем. В юридической литературе имеются различные мнения касательно целесообразности охраны имущественного и неимущественного компонента интеллектуальной собственности средствами уголовно-правовой охраны [13, с. 170]. В этой связи, необходимо рассмотреть преступления в области искусства – арт-преступления, поскольку они могут являться предикатным легализация (отмывание) денежных средств.

Рынок искусства может использоваться либо для расходования преступных доходов, либо для их «очищения». Например, в отличие от других рынков товаров и услуг, которые регулируются механизмами по противодействию отмывания денежных средств, на арт-рынке присутствует анонимность и отсутствие прозрачности. Преступник может купить что-то за большую цену и не показывать документы, удостоверяющие личность, тем самым, легализовать свои преступные доходы. Анонимность распространяется на покупателей для того, чтобы защитить их от кражи. Сегодня нередко в одной сделке используется несколько посредников без раскрытия имен покупателя и продавца. Криминализующим фактором также является происхождение конкретного предмета, а именно его история владения. Пробелы в происхождении предмета авторского права могут вызвать вопросы. Так, если происхождение вещи прослеживается до определенного источника, это может вызвать сомнения в достоверности права собственности на такое имущество.

Арт-рынок особенно удобен для отмывания денег посредством использования международной системы импорта и экспорта для маскировки. Во-первых, объекты искусства могут быть перемещены через границу с оценкой ниже фактической, так как частое изменение стоимости характерно для предметов искусства (например, заявленная стоимость картины «Ганнибал», созданной американским художником Жан-Мишель Баския, составляла 100 долларов США, однако ее стоимость оценивалась в 8 миллионов долларов США)[18]. Во-вторых, картины и рисунки могут быть привлекательными для лиц, занимающихся отмыванием денег, поскольку их легче хранить и транспортировать. В-третьих, стоимость произведений искусства может быстро расти, а это означает, что прибыль может быть получена за счет краткосрочных действий по отмыванию денег, при этом участники купли-продажи произведений искусства защищаются банковской тайной.

В Великобритании, в соответствии с позицией, отраженной в деле «Дэвис против Кэрролла», при рассмотрении преступлений, связанных с отмыванием денег, суд должен учитывать, что «торговец ценными произведениями искусства, который платит большие суммы наличными, не ведет записей и не задает вопросов о происхождении своего поставщика, уличает себя и тех, кто покупает у него, так как основной обязанностью любого покупателя предмета искусства является изучение происхождения этого предмета» [14].

С появлением новых технологий существенно изменился и рынок произведений искусства. В последнее время криминальные организации привлекают NFT (Non-fungible token — невзаимозаменяемый, уникальный токен) цифровые активы на основе блокчейна [19]. К данным активам можно отнести различные картины, музыкальные произведения, видео и фотоматериалы, обложки журналов и другое NFT представляют своему владельцу иметь авторские права на активы, закрепленные за данным токеном. Так лицо, желающее отмыть денежные средства, может приобрести права на произведение искусства, которое является поддельным. В данной ситуации это возможно в связи с тем, что цена приобретаемого незаменяемого токена определяется исключительно продавцом такого товара, который может приобрести NFT у себя по собственно назначенной цене.

Оборот драгоценных металлов и камней, в первую очередь золота и алмазов, тоже может быть удобной сферой «отмывания» денег в современном мире. Золото является товаром, обладающим безграничной привлекательностью для криминальных структур, так как это форма всемирно признанной валюты, которую можно покупать и продавать за деньги в большинстве мест по всему миру. Инвестиции в золото, как известно, сохраняют стоимость и приносят надежную прибыль с течением времени. Поскольку рынок золота требует большого количества наличных денег, золото может продаваться анонимно, а транзакции, основанные на золоте, трудно отследить, проверить и связать с их источником. После аффинажа происхождение золота практически невозможно установить.

Как и золото, бриллианты имеют высокую стоимость и представляют собой инвестиционные активы. Их можно легко обменять на наличные деньги, а высокое соотношение стоимости и массы позволяет легко их скрыть и, следовательно, является привлекательным товаром для контрабанды. После того, как алмазы проходят процесс обогащения (огранку и полировку), определить их источник практически невозможно.

Сложность отслеживания золота и алмазов, а также многонациональная сложность и секретность рынка драгоценных металлов и полезных ископаемых облегчают правонарушителям возможность манипулировать трансграничными операциями в нескольких юрисдикциях, неясными записями и денежным следом, что затрудняет выявление и расследование дел. Возможность вовлечения кустарных и мелких рудников в процессы отмывания денег часто затрудняет разграничение законных операций и их незаконных аналогов [15].

Результаты. Анализ действующего законодательства и материалов правоприменительной практики как отечественных, так и зарубежных правоохранительных органов позволяет выделить основные тенденции развития криминального бизнеса, сопряженного с отмыванием имущества, добытого преступным путем. Орга-

низации, использующие отмытые денежные средства, имеют незаконное преимущество по сравнению с теми, кто осуществляет свою деятельность в рамках закона. При этом ими реализуются не самые прибыльные и эффективные с экономической и социальной точки зрения проекты, а выбираются сферы экономической деятельности с наименьшим риском обнаружения. Кроме того, существование любого преступного сообщества предполагает наличие у него возможности в результате своей деятельности получать материальные выгоды, что невозможно без спрашивания криминального и легального бизнеса. Это, в конечном итоге, приводит к серьезным общественно опасным последствиям, может разрушить определенные сектора экономики, если не произойдет своевременное вмешательство правоохранительных органов

В современном мире к экономическим сферам, где преступные организации действуют зачастую безнаказанно, легализуя имущество, добытое преступным путем, в настоящее время относятся сфера рынка цифровой валюты, арт-рынка, зоны оффшоров и фрипортов, рынок золота и бриллиантов.

Самым новым направлением в сфере противодействия «отмыванию» финансов следует отнести усиление государственного регулирования оборота цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Легализация имущества, добытого преступным путем, может осуществляться посредством зачисления денежных средств на подконтрольный виртуальный счет и дальнейшее ее конвертирование с использованием виртуальных машин в деньги. Такой механизм преступной деятельности пока очень сложно отследить правоохранительным органам, для противодействия «отмыванию» в сфере IT-технологий необходимо соответствующая квалификация и инновационное оборудование. К совсем неразработанному направлению в сфере противодействия отмыванию финансовых активов в России следует отнести контроль за процессами «добычи» цифровой валюты с помощью специального оборудования (майнинг). Правовое регулирование в этой сфере должно с одной стороны создать условия для контроля за этим видом экономической деятельности, а с другой не вынуждать майнеров уходить в «теневую» экономику.

Литература

1. Бегисhev И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: монография. Москва: Проспект, 2022.—384 с.
2. Законопроект № 237585-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части регулирования цифровой валюты)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (дата обращения: 05.06.2024)
3. Кассационное определение Верховный Суд РФ по уголовному делу № 6-УДП23-6-А1 от 8 июня 2023 г. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2254988 (дата обращения: 05.06.2024 г.).
4. Кассационное определение ВС РФ от 13.01.2021 № 36-УД20-7-К2. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnomu-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot> (дата обращения: 05.06.2024 г.)
5. Малаховский А. От АФК до ФБК: кого преследуют за «отмывание» денег // ЭЖ Право.RU. URL: <https://pravo.ru/story/214387/> (дата обращения: 05.06.2024 г.)
6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/ (дата обращения: 05.06.2024 г.)
7. Обращив К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014. 587 с.
8. Отмывание денег / TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии. 2024/04/23. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php_\(Money_Muling\)](https://www.tadviser.ru/index.php_(Money_Muling)) (дата обращения: 05.06.2024 г.)
9. Постановление от 4 июня 2020 г. по делу № А83-1554/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base> (дата обращения: 05.06.2024 г.)
10. Приговор № 1-624/2020 от 30 июля 2020 г. по делу № 1-624/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kH5vezKdie5I/> (дата обращения: 05.06.2024 г.)
11. Сбербанк смог одномоментно заблокировать 15 тысяч карт дропперов. Интерфакс.14 февраля 2024 г. URL: <https://www.interfax.ru/business/946002> (дата обращения: 04.05.2024)
12. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024). URL: <https://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 05.06.2024 г.)
13. Ходусов А. А. Пробелы уголовного законодательства России, связанные с защитой авторских и смежных прав // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2020. № 3. С. 170.
14. Davis vs Carroll, 937 F. Supp. 2d 390, 429 (2013) (US District Court, S.D. New-York). Seealso. Porterv Wertz, 53 N.Y. 2d 696 (1981) (Court of Appeals of the State of New York). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/654/653/1689673/> (дата обращения: 05.06.2024 г.)
15. FATF. Report on money laundering typologies 2002-2003. URL: <https://www.fatf-gafi.org/documents/documents/> (accessed: 05.06.2024).
16. Financial Action Task Force, «Money laundering vulnerabilities of free trade zones», 2010. URL: www.fatfgafi.org/media/fatf/documents/reports/ML (дата обращения: 05.06.2024 г.)
17. Gilmour P. M. Freeports: innovative trading hubs or centres for money laundering and tax evasion? // Journal of Money Laundering Control. Vol. 25. No. 1. P. 63–71.
18. National risk assessment of money laundering and terrorist financing 2017 para. 2.4. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-risk-assessment-of-money-laundering-and-terrorist-financing-2017> (accessed: 05.06.2024).
19. Public consultation on FATF draft guidance on a risk-based approach to virtual assets and virtual asset service providers. URL: <http://www.fatfgafi.org/publications/fatfrecommendations/> (accessed: 05.06.2024).
20. Rob Wainwright. Why is cash still king? A strategic Report on the use of cash by Criminal groups as a facilitator for money laundering. The Hague: Europol Police Office. Publications & Events. 2015, update date: 06 dec. 2021. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/why-cash-still-king-strategi> (accessed: 05.06.2024).

References

1. Begishev IR. Criminal law protection of public relations related to robotics: monograph; Moscow: Prospekt; 2022. 384 p. (In Russ.).
2. Draft Law No. 237585-8 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (regarding the regulation of digital currency). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/237585-8> (accessed: 05.06.2024). (In Russ.).
3. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in criminal case No. 6-UDP23-6-A1 dated June 8, 2023. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2254988 (accessed: 05.06.2024). (In Russ.).

4. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.01.2021 No. 36-UD20-7-K2. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot> (accessed: 05.06.2024). (In Russ.).
5. Malakhovsky. Alexey. From AFK to FBK: who is prosecuted for money laundering. E`Zh Pravo. RU. URL: <https://pravo.ru/story/214387/> (accessed: 05.06.2024). (In Russ.).
6. On Digital Financial Assets, digital currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated 31.07.2020 (as amended on 11.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/e21bf6629de12458b6382a7c2310cc359186da60/ (accessed: 05.06.2024). (In Russ.).
7. Obrazhiev KV. The system of formal (legal) sources of Russian criminal law: thesis. Moscow; 2014. 587 p. (In Russ.).
8. Money laundering. TADVISER State. Business. Technologies. 2024/04/23. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php\(Money_Muling\)](https://www.tadviser.ru/index.php(Money_Muling)) (accessed: 05.06.2024). (In Russ.).
9. Resolution of June 4, 2020 in case No. A83-1554/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base> (accessed: 05.06.2024). (In Russ.).
10. Verdict No. 1-624/2020 of July 30, 2020 in case No. 1-624/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kH5vezKdie5l> (accessed: 05.06.2024).
11. Sberbank was able to simultaneously block 15 thousand dropper cards. Interfax; February 14, 2024. URL: <https://www.interfax.ru/business/946002> (accessed: 05.06.2024). (In Russ.).
12. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law. No. 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 06.04.2024). URL: <https://www.consultant.ru/document/> (accessed: 05.06.2024).
13. Khodusev AA. Gaps In Russian criminal legislation related to with the protection of copyright and related rights. *Ucheny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 2020;6 (72);3:166-172. (In Russ.).
14. Davis vs Carroll, 937 F. Supp. 2d 390, 429 (2013) (US District Court, S.D. New-York). Seealso. Porterv Wertz, 53 N.Y. 2d 696 (1981) (Court of Appeals of the State of New York). URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/654/653/1689673/> (accessed: 05.06.2024).
15. FATF. Report on money laundering typologies 2002-2003. URL: <https://www.fatf-gafi.org/documents/documents/> (accessed: 05.06.2024).
16. Financial Action Task Force, "Money laundering vulnerabilities of free trade zones", 2010. URL: www.fatfgafi.org/media/fatf/documents/reports/ML (accessed: 05.06.2024)
17. Gilmour PM. Freeports: innovative trading hubs or centres for money laundering and tax evasion? *Journal of Money Laundering Control*. 2022;25(1):63-71.
18. National risk assessment of money laundering and terrorist financing 2017 para. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/national-risk-assessment-of-money-laundering-and-terrorist-financing-2017> (accessed: 05.06.2024)
19. Public consultation on FATF draft guidance on a risk-based approach to virtual assets and virtual asset service providers. URL: <http://www.fatfgafi.org/publications/fatfrecommendations/> (accessed: 05.06.2024)
20. Rob Wainwright. Why is cash still king? A strategic Report on the use of cash by Criminal groups as a facilitator for money laundering. The Hague: Europol Police Office. Publications & Events. 2015, update date: 06 dec. 2021. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/why-cash-still-king-strategi> (accessed: 05.06.2024).



Научная статья

УДК 336.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.18>

ПУБЛИЧНЫЕ НЕНАЛОГОВЫЕ ПЛАТЕЖИ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Илья Вячеславович Куркин

Волгоградский государственный университет (д. 100, Университетский пр-кт, Волгоград, 400062, Российская Федерация)

Аспирант

ilya_kurkin@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7571-1204>

Аннотация. Введение. Публичные неналоговые платежи, не предусмотренные налоговым законодательством, но легализованные посредством установления и закрепления в самых разнообразных нормативных правовых актах, имеющих различную правовую силу, являются одними из составляющих бюджетного законодательства России и зарубежных стран, в том числе Западной Европы. Учитывая актуальность проблематики публичных неналоговых платежей для российской системы законодательства, целесообразно рассмотреть научный опыт ведущих западноевропейских государств с целью заимствования его наиболее эффективных составляющих. **Материалы и методы.** Настоящая работа основана на трудах таких ученых в сфере проблематики публичных неналоговых платежей, как П.-М. Годме, Эмануэле Морселли, Кельн Фриц Карл Манн, Вальтер Херрманн, С. Г. Пепеляев, В. М. Зарипов, Ю. Г. Изотов. Методологическая база настоящего научного исследования включает в себя совокупность таких методов общенаучного и специально-юридического характера, как диалектика, методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, логики, а также специально-юридический метод. **Анализ.** Представлены основные научные подходы к проблематике правовой природы публичных неналоговых платежей, их месту в системе фискального законодательства таких западноевропейских государств, как Франция, Германия, Италия и Бельгия. В результате системного анализа концепций, обосновывающих сущность обяза-

тельных платежей, лежащих вне сферы регулирования налогового законодательства, объясняются различия подходов отдельных государств к их интерпретации и применению. **Результаты.** По результатам проведенного исследования делается вывод об эффективности концепции ограниченного, вынужденного использования публичных неналоговых платежей для строго определённых законодательством целей, реализуемая в рамках правовых систем большинства западноевропейских государств, а также необходимости заимствования указанного подхода российским законодателем.

Ключевые слова: государственное администрирование, квазиналоги, обязательные платежи, параналогообложение, парafискалитеты, публичные неналоговые платежи, фискальная политика

Для цитирования: Куркин И. В. Публичные неналоговые платежи в западноевропейской концепции: теоретический аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 557–562. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Research article

PUBLIC NONTAX PAYMENTS IN THE WESTERN EUROPEAN CONCEPT: THE THEORETICAL ASPECT

Ilya V. Kurkin

Volgograd State University (100, Universitetskiy Avenue, Volgograd, 400062, Russian Federation)

Postgraduate student

ilya_kurkin@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0006-7571-1204>

Abstract. Introduction. Public non-tax payments that are not provided for by tax legislation, but legalized through the establishment and consolidation in a wide variety of regulatory legal acts with different legal force, are among the components of the budget legislation of Russia and foreign countries, including Western Europe. Taking into account the relevance of the problem of public non-tax payments for the Russian legal system, it is advisable to consider the scientific experience of leading Western European states in order to borrow its most effective components. **Materials and Methods.** This work is based on the works of such scientists in the field of problems of public non-tax payments as P.-M. Godme, Emanuele Morselli, Cologne Fritz Karl Mann, Walter Herrmann, S.G. Pepelyaev, V.M. Zarirov, Yu.G. Izotov. The methodological basis of this scientific research includes a set of such methods of a general scientific and special legal nature as dialectics, methods of analysis, synthesis, induction and deduction, logic, as well as a special legal method. **Analysis.** The main scientific approaches to the problem of the

legal nature of public non-tax payments and their place in the system of fiscal legislation of such Western European states as France, Germany, Italy and Belgium are presented. A systematic analysis of concepts justifying the essence of mandatory payments that lie outside the scope of regulation of tax legislation explains the differences in the approaches of individual states to their interpretation and application. **Results.** Based on the results of the study, a conclusion is drawn about the effectiveness of the concept of limited, forced use of public non-tax payments for strictly defined purposes by legislation, implemented within the legal systems of most Western European states, as well as the need for the Russian legislator to borrow this approach.

Keywords: public administration, quasi-taxes, tax legislation, mandatory payments, para-taxation, parafiscalities, public non-tax payments, fiscal policy

For citation: Kurkin IV. Public non-tax payments in the Western European concept: the theoretical aspect. *Humanities and law research*. 2024;11(3):557-562. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.18>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Введение. Одной из преобладающих тенденций существующей правовой действительности является стремление государства наиболее полно упорядочить общественные отношения в самых разнообразных сферах. Использование современных методов администрирования и механизмов правового регулирования обеспечивает соблюдение баланса государственных и общественных интересов.

Не является исключением сфера фискальных публичных отношений. Заинтересованность государства в выстраивании эффективной системы фискального законодательства очевидна и понятна. При этом, если правовое регулирование налоговой составляющей соответствующей области законодательства находится на достаточно высоком уровне, не имея каких-либо принципиальных, системных проблем, то сказать то же самое относительно правового регулирования отношений, возникающих по поводу установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, не представляется возможным.

Не предусмотренные налоговым законодательством, но легализованные посредством установления и закрепления в самых разнообразных нормативных правовых актах, имеющих различную правовую силу, публичные неналоговые платежи в Российской Федерации являются одной из составляющих бюджетного законодательства.

Отсутствие системы в правовом регулировании соответствующей сферы фискального законодательства, четких и нормативно обоснованных критериев администрирования платежей такого рода не может не вызывать отрицательную реакцию со стороны представителей бизнес-сообщества, заинтересованных в установлении и реализации «прозрачных» принципов установления и взимания всех без исключения обязательных платежей, формирования доходной части бюджета.

Постоянное откладывание реформы правового регулирования публичных неналоговых платежей лишь усиливает напряженность среди бизнеса, вынужденного на протяжении длительного периода времени осуществлять собственную деятельность в условиях отсутствия единой законодательной базы, обеспечивающей наличие унифицированных нормативных положений в области установления и взимания обязательных платежей, не включенных в Налоговый кодекс Российской Федерации.

Вместе с тем, параллельное существование публичных неналоговых платежей, совокупность которых в научной литературе иногда именуют «параллельной налоговой системой», и обязательных платежей, являющихся частью налогового законодательства, не является исключительной особенностью российской правовой системы [1]. Законодательство большинства зарубежных государств, в первую очередь, Западной Европы, предусматривает фискальные институты, аналогичные указанному выше.

В этой связи, учитывая актуальность проблематики публичных неналоговых платежей применительно к российской системе законодательства, целесообразно рассмотреть научный опыт ведущих западноевропейских государств относительно правовой оценки места обязательных платежей, лежащих вне сферы регулирования налогового законодательства, в системе финансово-правовых отношений, модели их право-

вого регулирования. Указанное позволит достичь цели структурирования научных представлений о сущности указанного явления, а также в перспективе выработать практико-ориентированные предложения, направленные на совершенствование соответствующей сферы законодательства в России.

При этом новизна настоящего исследования заключается в комплексном осмыслении подходов к интерпретации публичных неналоговых платежей в странах Западной Европы, попытке систематизировать научные представления о сущности указанного явления, а также выработку по результатам соответствующего анализа предложений по совершенствованию российского законодательства в указанной сфере общественных отношений.

Материалы и методы. Настоящая работа основана на трудах таких ведущих западноевропейских ученых в сфере проблематики публичных неналоговых платежей, как П.-М. Годме, Эмануэле Морселли, Кельн Фриц Карл Манн и Вальтер Херрманн. Кроме того, при написании соответствующей научной работы было осуществлено обращение к трудам ряда российских исследователей соответствующей проблематики, а именно, С. Г. Пепеляева, В. М. Зарипова, Ю. Г. Изотова и других.

Методологическая база настоящего научного исследования включает в себя совокупность методов общенаучного и специально-юридического характера, конкретный перечень которых обусловлен тематикой, целями и задачами соответствующего исследования.

В рамках настоящей работы использованы диалектический метод, методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, логики, позволившие раскрыть и обосновать сущность представленной в рамках соответствующего научного исследования проблематики, обеспечить его целостный и завершенный характер.

Основополагающим специально-юридическим методом, использованным при написании настоящей работы, являлся сравнительно-правовой, посредством которого стали возможными анализ опыта использования публичных неналоговых платежей в различных странах Западной Европы, его сравнение в рамках правовых систем соответствующих стран, а также использование соответствующего опыта с целью возможности его применения в рамках российской системы правового регулирования.

Анализ. Установление первых публичных неналоговых платежей, или, как принято называть одни из их разновидностей – квазиналогов и парафискальных платежей (парафискалитетов), лежащих вне сферы правового регулирования налогового законодательства, в странах Западной Европы датировано концом 1920-х гг., ознаменовавшихся наступлением мирового экономического кризиса 1929 г. Указанное отличает зарождение и развитие аналогичных процессов в России, пришедшихся на 1990-е гг., что обусловлено особенностями политического и экономического строев нашего государства.

Широкое распространение публичные неналоговые платежи в Западной Европе получили после окончания Второй мировой войны. Очевидная заинтересованность государств в восстановлении после указанных событий, а также стремление последних к расширению собствен-

ных социальных функций обусловили необходимость создания новых фискальных инструментов, способных обеспечить воссоздание экономики, поддержание и развитие социальной сферы.

Кроме того, причиной внедрения такого рода платежей в систему финансовых отношений западноевропейских государств являлось частичное возложение ряда публичных функций на субъектов частного и публичного права и, как следствие, необходимость пересмотра модели целевого финансирования выполнения соответствующих функций с бюджетного субсидирования на установление обязательных неналоговых платежей, уплачиваемых непосредственно в пользу указанных субъектов.

При этом развитие научных представлений об указанной составляющей фискального законодательства началось с момента первого закрепления публичных неналоговых платежей в законодательстве западноевропейских государств. Уже во второй четверти XX в. во Франции, Германии и Италии появились научные труды, посвященные проблематике правовой природы парафискалитетов, их места в системе фискального и бюджетного законодательства.

В результате проведения научных изысканий для описания явлений, связанных с установлением, взиманием и администрированием обязательных платежей, лежащих вне сферы действия налогового законодательства, в научной финансовой доктрине указанных выше стран были выработаны самостоятельные термины – «вспомогательные фиски», «парафиски» и «параналогообложение», которые до настоящего времени остаются широко применимыми. Представляется, что указанные термины являются своеобразными аналогами используемого в российской научной доктрине термина «параллельная налоговая система», который подразумевает под собой не простую совокупность публичных неналоговых платежей, а урегулированные нормами права общественные отношения, складывающиеся по поводу их установления, взимания и администрирования.

Наибольшей разработанностью теория обязательных платежей, существующих независимо от налогового законодательства, получила во Франции. Сам термин «парафискалитет» имеет французское происхождение, что лишний раз подтверждает особое внимание научного сообщества Франции к проблематике самого факта существования такого рода фискальных инструментов.

Одним из родоначальников разработки соответствующей проблематики являлся французский ученый Поль-Мари Годме, который под парафискалитетами предлагал понимать сборы, установленные в экономических или социальных интересах в пользу юридических лиц публичного или частного права, не являющихся государством, местными органами, их административными учреждениями. Указанное определение парафискальных платежей в неизменном виде было взято ученым из статьи 4 Ордонанса от 02.01.1959 № 59-2 об органическом законе, относящемся к законодательству о финансах.

При этом особенностями французской финансовой доктрины, характеризующими признаки парафискальных платежей, являются:

- обязательный характер;
- установление и взимание исключительно в экономических и социальных интересах;
- отсутствие встречного предоставления;
- уплата в пользу субъекта частного права;

- установление преимущественно подзаконными нормативными правовыми актами [2].

Указанные отличительные черты парафискальных платежей до настоящего момента являются общеприемлемыми в международной финансовой доктрине, сохраняя свою актуальность, незначительно видоизменяясь лишь с учетом национальных особенностей отдельных государств.

Как наглядно видно из представленных признаков, существующее в настоящее время научное представление о публичных неналоговых платежах осталось практически неизменным, за исключением особенностей, присущих отдельным разновидностям такого рода платежей, а также национальным особенностям правовых систем, в которых они применяются. Указанное в полной мере применимо и к российской финансовой доктрине.

Тем удивительнее, что высокая научная разработанность проблематики публичных неналоговых платежей фактически привела к их полному упразднению в рамках французского законодательства. Присущее европейскому праву стремление к дуализму фискальных взиманий (подразделение их на налоги и сборы) привело к тому, что еще в 2004 г. французским законодателем было принято решение об отказе от взимания любых парафискальных платежей, в связи с чем в настоящее время указанные выше теоретические разработки представляют собой лишь историческую значимость, но не практическую.

Причем реализация концепции ликвидации «иностраных» фискальных платежей, лежащих вне сферы регулирования налогового законодательства, совсем не означает облегчение финансового бремени субъектов налогообложения. Корректировка содержательной и процедурной составляющих такого рода платежей с целью их отнесения к взиманиям, регулируемым налоговым законодательством, лишь изменяет статус такого рода платежей, но не снимает обязанность по их уплате.

Вместе с тем, сама по себе систематизация фискального законодательства, безусловно, является положительным процессом, повышающим эффективность налогового администрирования и прозрачность налоговой системы. Четкость и ясность критериев обложения фискальными взысканиями повышает доверие действующих и потенциальных налогоплательщиков к органам государственной власти, обеспечивая результативность налогообложения.

В этой связи сам процесс перевода публичных неналоговых платежей в статус налоговых должен, по нашему мнению, рассматриваться как переходный этап к оптимизации фискального бремени, а потому использоваться в качестве действенного механизма повышения эффективности всей финансово-экономической системы государства.

Фактически указанный путь в настоящее время выбран российским законодателем в рамках реализации концепции реформирования законодательства о публичных неналоговых платежах путем включения части из них в Налоговый кодекс Российской Федерации [3]. Несмотря на то, что в настоящее время реализация реформы приостановлена, очевидна определенная ориентация российского законодателя на реформирование общественных отношений, складывающихся по поводу установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, схожим с Францией способом.

Развитие западноевропейской научной мысли по соответствующей проблематике также позволило

выработать определенные практико-ориентированные подходы к вопросу правового регулирования и администрирования публичных неналоговых платежей в отдельных государствах, практикующих в настоящее время использование последних.

В частности, в немецкой правовой доктрине, ключевые работы в рамках которой представлены трудами Кельна Фрица Карла Манна и Вальтера Херрманна, признана принципиальная необходимость наличия парафискальных платежей, однако их установление и взимание поставлено под определенное условие – «законодатель может воспользоваться сбором только в рамках преследования цели, которая выходит за пределы обычного финансирования. Особый сбор может взиматься только с определенной группы, которая находится в специфических отношениях с той целью, которая преследуется при взимании сборов. Поступления от сборов должны расходоваться на нужды группы. Если какая-либо задача финансируется за счет особого сбора в течение длительного времени, то законодатель должен регулярно проверять, есть ли необходимость сохранять в силе решение о введении особого сбора, или нужно его изменить по причине изменившихся обстоятельств и прежде всего из-за отсутствия цели финансирования или достижения этой цели» [11].

Немецкая теория финансового права примечательна также разработкой идеи промежуточной финансовой власти, под который упомянутый ранее Вальтер Херрманн предлагал понимать каждую наделенную правом принудительного обложения организацию, которая предназначена для удовлетворения публичных потребностей [14].

Рассмотрение проблематики публичных неналоговых платежей, а именно, парафискалитетов, с точки зрения выделения обособленных элементов власти квазигосударственного типа, наделенных полномочиями по их администрированию и аккумулярованию, позволяет взглянуть на указанный вопрос с совершенно иной стороны. Предоставление определенной автономии субъектам частного права в части выполнения определенных публичных функций является, по нашему мнению, одним из признаков децентрализации государственной власти. Неочевидная, на первый взгляд, связь парафискалитетов с механизмом публичного администрирования представляет собой очередной аспект научной проблематики теории публичных неналоговых платежей.

Представляется, что немецкая концепция правового регулирования общественных отношений, возникающих по поводу установления, взимания и администрирования публичных неналоговых платежей, в условиях невозможности или существенной затруднительности по тем или иным причинам полного отказа от практики их использования, наиболее полно отвечает целям обеспечения прозрачности фискальной системы, создания благоприятного бизнес-климата, развития экономики в целом. Закрепленная на законодательном уровне «вынужденность» установления и взимания публичных неналоговых платежей обеспечивает соблюдение как интересов государства, которое посредством указанного фискального инструмента способно компенсировать дефицит бюджетных средств для достижения конкретных целей временного характера, так и интересов плательщиков такого рода парафискалитетов, защищенных от необоснованного установления и взимания

бесконечного числа различного рода публичных неналоговых платежей без каких-либо целевых и временных ограничений.

Так, классическими примерами парафискальных платежей, существующих в настоящее время в рамках финансовой системы ФРГ, являются отчисления в фонды социального обеспечения, сборы на финансирование публичного радиовещания, утилизации упаковочного материала, а также церковный налог. Последний, несмотря на свое название, является классическим примером парафискального платежа, администрируемого римско-католической церковью [1].

Оригинальный подход к интерпретации правовой природы парафискальных платежей реализован в рамках итальянской финансовой доктрины.

Представление параналогообложения в качестве специфического явления финансово-правовой действительности, объединяющего в себе две функции – политическую, свойственную налогам, и социально-экономическую, является отличительной чертой итальянской доктрины о парафискальных платежах, представленных научными трудами одним из ее родоначальников Эмануэле Морселли. Согласно взглядам последнего парафискальные платежи, в отличие от налогов, не несут экономического бремени для плательщиков в силу наличия у них экономического, социального либо морального интереса в уплате платежа [15].

Трудно согласиться с указанными воззрениями по причине спорности приведенного критерия для разграничения налогов и парафискальных платежей. Нецелевой характер налоговых взиманий не исключает их направленности на предоставление общественных благ, удовлетворение социально-экономических и иных потребностей налогоплательщиков. В то же время презюмируемый целевой характер парафискальных взиманий зачастую размывается перераспределительным механизмом бюджетно-налоговой системы государства.

Вместе с тем, итальянская концепция во многом оправдывает само существование парафискальных платежей и объясняет их распространенность в системе финансового законодательства Италии. Так, большое распространение в рамках финансовой системы Италии получили всевозможные отчисления в фонды социального обеспечения, отнесение которых к парафискальным платежам не вызывает вопросов хотя бы по тому, что их администрирование осуществляется вне системы органов публичной власти – всевозможными фондами пенсионного и социального страхования республиканского или местного значения.

Парафискальные платежи также являются составляющей финансовых систем Бельгии и Люксембурга, играя важную роль в выполнении государственных функций, обеспечивая покрытие публичных расходов в наиболее приоритетных и актуальных направлениях деятельности государства [12].

В частности, большое распространение парафискальные платежи получили в бельгийской финансовой системе: налог на энергию, налог на копирование для частных нужд, а также многочисленные налоги, связанные с окружающей средой, хоть и именуются «налогами», однако являются яркими примерами парафискалитетов, администрирование которых осуществляется частными либо частно-публичными структурами [4].

При этом несмотря на то, что парафискальные платежи прочно вошли в систему фискального законодательства большинства западноевропейских, а также

иных зарубежных государств, занимающих ведущее положение в мировой экономике, критика самого факта существования соответствующего явления продолжает нарастать не только от представителей бизнес-сообщества, но и от межгосударственных образований.

Так, Организация по экономическому сотрудничеству и развитию, целью деятельности которой является выработка предложений и стандартов по совершенствованию государственной экономической, социальной и экологической политики, не раз давала отрицательную оценку самому факту существования парафискалитетов в качестве самостоятельного явления правовой действительности. При этом критерием нежелательности обязательных платежей, лежащих вне плоскости регулирования налогового законодательства, в фискальной системе государств, по мнению представителей ОЭСР, выступает их непрозрачность, отсутствие четких и определенных принципов администрирования и правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений. При этом условием совершенствования фискальных систем государств, по мнению указанной международной организации, выступает принципиальный отказ от парафискальных платежей как от деструктивных элементов всей экономики [13].

Оценивая декларируемый ОЭСР подход к самому факту существования публичных неналоговых платежей в финансовых системах государств, следует обратить внимание на следующее.

Действительно, параллельное существование публичных неналоговых платежей с налогами и сборами, регулируемые посредством налогового законодательства, вызывает не мало проблем, связанных с необходимостью выстраивания эффективной бюджетно-налоговой системы. Хаотичность правового регулирования, администрирования платежей подобного рода, а также недостаточная фискальная прозрачность, обусловленные вполне объективными причинами, негативно сказываются на функционировании соответствующей сферы общественных отношений.

Вместе с тем, вышеуказанные обстоятельства оправдывают сформированный ОЭСР подход лишь отчасти. Реализация радикальной позиции относительно необходимости принципиального отказа от парафискальных платежей способна дестабилизировать сложившиеся бюджетно-налоговые системы государств. Например, возложение на государство бремени по выполнению отдельных публичных функций, переданных частным либо

частно-публичным структурам в рамках наделения последних правом на сбор парафискальных платежей, существенно осложнит ведение государственной политики, снизит ее эффективность на период перестраивания, продолжительность которого трудно прогнозируема.

В этой связи, представляет, что необходимо постепенный отказ от публичных неналоговых платежей, последствия которого должны быть прогнозируемы с учетом необходимости повышения эффективности экономической системы государства.

Результаты. Таким образом, подытоживая изложенное в настоящей работе, следует заключить следующее. Несмотря на неоднозначность правовых подходов к интерпретации правовой природы публичных неналоговых платежей, в том числе парафискалитетов и квазиналогов, а также отношения к самому факту их существования в рамках правовых систем различных западноевропейских государств, законодательство и правоприменительная практика большинства из них свидетельствуют о нежелании либо крайней затруднительности отказа от их применения в рамках финансово-правовых отношений. Разнообразные причины обуславливают активное применение большинством государств такого рода финансово-правовых механизмов, продолжающих играть важную роль в выполнении соответствующими государствами ключевых социально-экономических функций. Реализуемая большинством западноевропейских государств политика ограниченного использования публичных неналоговых платежей для строго определенных законодательством целей с условием перманентного контроля необходимости их сохранения представляется наиболее оптимальной моделью интеграции такого рода обязательных платежей в систему финансово-правовых отношений.

В любом случае в научной доктрине указанных выше стран, а также политике, реализуемой их властями, прослеживается четкая направленность на повышение прозрачности фискальных систем, а также увеличение их эффективности в условиях необходимости решения важных социально-экономических задач. Указанная направленность, а также методы, которые используются для достижения обозначенных выше целей, должны быть переняты российским законодателем при реализации реформы законодательства о публичных неналоговых платежах.

Литература

1. Буссе Р. Парафискальные платежи в Германии // Налоговое право в решениях Конституционного Суда РФ 2010 года. М.: Норма, 2012. С. 185–191.
2. Годме П. М. Финансовое право (пер. с франц., вступ. ст. Р.О. Халфиной). М.: Прогресс, 1978. 429 с.
3. Григоров К. Н. К вопросу о подготовке новой редакции Налогового кодекса Российской Федерации в современных условиях // Финансовое право. 2023. № 10. С. 14–19.
4. Демейер К. Парафискальные платежи: бельгийский опыт // Налоговое право в решениях Конституционного Суда РФ 2010 года. М.: Норма, 2012. С. 192–197.
5. Изотов Ю.Г. Система обязательных платежей в Российской Федерации: переосмысление и уточнение элементов // Налоги. 2022. № 5. С. 16–19.
6. Комягин Д.Л. Налоги парламентские и непарламентские: практики взимания обязательных платежей: монография. М.: Юстицинформ, 2021. 164 с.
7. Корнев А.Д. Признаки фискальных сборов и парафискалитетов // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7. С. 28–38.
8. Васильева М. В. и др. Методология, концепция и практика налогообложения: отечественный и зарубежный опыт : коллектив. моногр. М.: Буки Веди, 2013. 165 с.
9. Мутулова С.С. Прозрачность налоговой системы в России и проблема парафискалитетов // Налоги. 2012. № 6. С. 7–9.
10. Зарипов В. М., Попов П. А., Новиков В. В. Налоговая реформа: ревизия «параллельной налоговой системы» / Руков. проекта В. В. Чубаров, С. Г. Пепеляев. М.: ТПП РФ, 2015. 120 с.
11. Остерло Л., Джобс Т. Конституционные принципы налогов и сборов ФРГ // Налоговое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2003 / Под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Издательско-консультационная компания «Статус-Кво 97», 2004. С. 77–104.

12. Ромашенко Л.В. Понятие парafискального платежа: история возникновения и правовая природа // *Налоги и налогообложение*. 2011. № 7. С. 27–37.
13. Dasgaard T. The tax system in Korea: More Fairness and Less Complexity Required. *Economics Department Working papers*. 2000. No. 271. 87 p.
14. Herrmann W. *Intermediaere Finanzgewalten: eine Analyse deutscher hilfsmiskalischer Gebilde im ersten Jahrzehnt nach der Stabilisierung*. Finanzwissenschaftliche Forschungen, herausgegeben von Fritz Karl Mann, Heft 4. Jena: Fischer, 1936.
15. Morselli E. *Parafiskalitaet theoretisch betrachtet* // *Theorie der Parafiski* / hrsg. von Klaus Tiepelmann und Gregor van der Beek. Berlin, New York: de Gruyter, 1992. 20 s.

References

1. Busse R. Parafiscal payments in Germany in Tax law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2010. Moscow: Norma; 2012. P. 185-191. (In Russ.).
2. Godme PM. Financial law (translated from French, introduction by RO Khalfina). Moscow: Progress; 1978. 429 p. (In Russ.).
3. Grigorov KN. On the issue of preparing a new edition of the Tax Code of the Russian Federation in modern conditions. *Finansovoe pravo*. 2023;(10):14-19. (In Russ.).
4. Demeyer K. Parafiscal payments: Belgian experience in Tax law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in 2010. Moscow; 2012. P. 192-197. (In Russ.).
5. Izotov YG. The system of mandatory payments in the Russian Federation: rethinking and clarifying the elements. *Nalogi*. 2022;(5):16-19. (In Russ.).
6. Komyagin DL. Parliamentary and nonparliamentary taxes: the practice of collecting mandatory payments. Moscow: Justicinform; 2021. 164 p. (In Russ.).
7. Kornev AD. Signs of fiscal charges and parafiscalities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2017;(7):28-38. (In Russ.).
8. Methodology, concept and practice of taxation: domestic and foreign experience: collective. monograph. Auth. collective: MV Vasilyeva et al. Moscow: Buki Vedi; 2013. 165 p.
9. Mutulova SS. Transparency of the tax system in Russia and the problem of parafiscalities. *Nalogi*. 2012;(6):79. (In Russ.).
10. Zaripov VM, Popov PA, Novikov VV. Tax reform: revision of the «parallel tax system». Project managers VV Chubarov, SG Pepelyaev. Moscow: CCI of the Russian Federation; 2015. (In Russ.).
11. Osterlo L, Jobs T. Constitutional principles of taxes and fees of Germany in Tax law in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2003. Moscow: Publishing and consulting company «Status Quo 97»; 2004. P. 77-104. (In Russ.).
12. Romashchenko LV. The concept of a parafiscal payment: the history of its origin and legal nature. *Nalogi i nalogooblogenie*. 2011;(7):2737. (In Russ.).
13. Dasgaard T. The tax system in Korea: More Fairness and Less Complexity Required. *Economics Department Working papers*. 2000. No. 271. 87 p.
14. Herrmann W. Intermediate financial powers: an analysis of German auxiliary fiscal structures in the first decade after stabilization. Financial research, edited by Fritz Karl Mann, issue 4. Jena: Fischer. 1936. (In Germ.).
15. Morselli E. Parafiscality from a theoretical perspective. Theory of Parafiscality. Edited by Klaus Tiepelmann and Gregor van der Beek. Berlin, New York: de Gruyter; 1992. 20 p. (In Germ.).



Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.19>

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУРОРТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Роман Владимирович Нутрихин^{1*}, Кира Владимировна Свидлова²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Кандидат юридических наук, доцент
nut-roman@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6943-012X>

² Кандидат юридических наук, доцент
mail.kira@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4780-8627>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются проблемы формирования курортного законодательства, включая новеллы, введенные в ФЗ от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», вступающие в силу с 1 сентября 2024 г. **Материалы и методы.** В ходе исследования использованы методы правового анализа, синтеза, обобщения и сравнительно-правовой, которые позволили выработать возможные пути решения исследуемых проблем. **Анализ.** Курортное законодательство в нашей стране возникло в XVIII в. и развивалось относительно адекватно социально-экономическим и экологическим реалиям, отвечая новыми нормами и институтами на возникающие вызовы. Призванное оберегать природные лечебные ресурсы как основу лечения и профилактики заболеваний, охранять иные природные ресурсы и природные комплексы как экологический каркас курортов, оно прошло несколько этапов: до-революционный, советский и постсоветский. Постсоветский этап можно разделить еще на несколько: от экологически обоснованного (экологическая экспертиза проводилась по всем строящимся и реконструированным объектам), организационно обеспеченного (достаточно вспомнить создание Администрации Кавказских Минеральных Вод с широкими полномочиями) до нынешнего, который характеризуется де-экологизацией (в 2013 году курорты исключены из состава особо охраняемых природных территорий). Обновленное курортное законодательство предполагает заново устанавли-

вать границы округа санитарной (горно-санитарной) охраны и границы охранных зон внутри округов и они, скорее всего, будут уменьшены. Впервые в истории курортного законодательства вводится норма о процедуре возможного упразднения лечебно-оздоровительной местности, курорта или курортного региона. **Результаты.** В статье проводится анализ действующего курортного и связанного с ним законодательства, а также норм, вступающих в ближайшее время в силу и предлагаются меры по их совершенствованию.

Ключевые слова: законодательство, курорты, округа санитарной (горно-санитарной) охраны

Для цитирования: Нутрихин Р. В., Свидлова К. В. Некоторые проблемы формирования курортного законодательства в Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 563–568. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.19>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20164, <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

SOME PROBLEMS OF FORMING RESORT LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Roman V. Nutrikhin^{1*}, Kira V. Svidlova²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (Law), Associate Professor
nut-roman@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6943-012X>

² Cand. Sc. (Law), Associate Professor
mail.kira@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4780-8627>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article examines the problems of the formation of resort legislation, including the novels introduced in the Federal Law of 23.02.1995 No. 26-FZ (as amended of 04.08.2023) "On Natural Therapeutic Resources, Therapeutic Areas and Resorts", which come into force on September 1, 2024. **Materials and Methods.** In the course of the study, methods of legal analysis, synthesis, generalization and comparative legal were used, which made it possible to develop possible ways to solve the studied problems. **Analysis.** Resort legislation in our country arose in the 18th century and developed relatively adequately to socio-economic and environmental realities, responding to new norms and institutions to emerging challenges. Designed to protect natural healing resources as the basis for the treatment and prevention of diseases, to protect other natural resources and natural complexes as the ecological framework

of resorts, it went through several stages: Pre-revolutionary, Soviet and Post-Soviet. The Post-Soviet stage can be divided into several more: from environmentally sound (environmental expertise was carried out for all facilities under construction and reconstructed), organizationally secured (suffice it to recall the creation of the Administration of the Caucasian Mineral Waters with broad powers) to the current one, which is characterized by de-ecologization (in 2013, resorts were excluded from the composition of specially protected natural areas). The updated resort legislation envisages re-establishing the boundaries of the district of sanitary (mountain-sanitary) protection and the boundaries of protection zones within the districts and they are likely to be reduced. For the first time in the history of resort legislation, a norm is introduced on the procedure for the possible abolition of a therapeutic area, resort or resort region. **Results.**

© Нутрихин Н. В., Свидлова К. В., 2024

The article analyzes the current resort and related legislation, as well as the norms that will come into force in the near future and proposes measures to improve them.

Keywords: legislation, resorts, districts of sanitary (mountain-sanitary) protection

For citation: Nutrikhin RV, Svidlova KV. Some problems of forming resort legislation in the Russian Federation. *Humanities and law research*. 2024;11(3):563-568. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.19>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Введение. Курорты представляют собой эколого-социально-экономический комплекс, пригодный для лечения и медицинской реабилитации, организации отдыха населения. Основа функционирования курортов – находящиеся на их территории природные лечебные ресурсы, от состояния которых зависит эффективность рекреационных и лечебных мероприятий. Ключевое значение для обеспечения качества природных лечебных ресурсов и экологического состояния курортов вообще имеет право, а точнее – установление охранительного правового режима. Однако в последние годы курортное законодательство подверглось существенным изменениям, отрицательные последствия которых не замедлили проявиться.

Материалы и методы. Правовое исследование, лежащее в основе данной статьи, базируется на анализе норм федерального и регионального законодательства, регулирующего охрану и использование лечебно-оздоровительных местностей и курортов в России. Данные правовые нормы рассматриваются как в действующей редакции, так и в перспективе (редакции, еще не вступившей в законную силу). В статье рассматривается ряд проблемных моментов в формулировании и практике применения отдельных правовых норм как непосредственно курортного, так и тесно связанного с ним законодательства. Исследование осуществлено в соответствии со стандартами новейших научных подходов в области юриспруденции, с использованием современных общенаучных и частно-научных методов, применяемых в рамках междисциплинарного, комплексного подхода к изучаемой проблематике. В центре внимания авторов находится современная динамика законодательства о курортах. В нем наблюдаются значительные недостатки, а иногда и просто отсутствие внятной и четко сформулированной государственной политики в области охраны природных лечебных ресурсов. Изъяны такой политики влекут непоследовательность, недостаточность и противоречивость вновь принимаемых норм. В статье, во-первых, выявляются некоторые из таких недостатков и указываются их возможные негативные последствия в процессе правоприменения. Во-вторых, синтезируя нормы в исследуемой области и приводя их к «общему знаменателю», предпринимается попытка выявить слабые места соответствующего законодательства с целью их исправления. В-третьих, предлагаются варианты решения существующих и потенциально возможных проблем, минимизации выявленных рисков.

Анализ. Курортами признаются уже освоенные и используемые в лечебно-профилактических целях особо охраняемые территории, то есть на территории курортов располагаются населенные пункты с присущей им не только курортной, но и иной инфраструктурой – транспортной, жилищно-коммунальной, социальной. За границами таких населенных пунктов, как правило, ведется сельскохозяйственная и иная производственная деятельность, что создает дополнительную нагрузку

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-20164, <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>.

The article was submitted: 14.04.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

на компоненты окружающей среды, являющиеся экологическим каркасом курортов.

Такая сложная «конструкция» курортов отражается и на закрепляющей их правовой режим нормативной базе. Причем лишь небольшая часть нормативных правовых актов регулирует собственно курортные отношения, включая запреты, ограничения, иные правоустановления, направленные на гармоничное, научно-обоснованное развитие курортов. Основной же нормативно-правовой массив состоит из унифицированных актов, нормы которых единообразно регулируют общественные отношения в пределах Российской Федерации, не учитывая ни природных, ни социально-экономических условий отдельных регионов.

В своем развитии российское курортное законодательство прошло путь от так называемого «поместного регулирования», когда правовой режим строился в отношении каждого отдельного курорта с учетом его природных особенностей, типов поселений, военно-политической обстановки (это, как раз было характерно для курортов КМВ) – до законодательства унифицированного, как уже отмечалось, практически игнорировавшего своеобразие и уязвимость природной среды, составляющей их экологический каркас, что характерно и для современного курортного законодательства. Справедливости ради отметим, что в отношении каждого курорта принимается положение (например, Положение о курорте федерального значения Белокуриха, утвержденное постановлением Правительства РФ от 31.10.1999 г. №1204).

Охранительный правовой режим курортов затрагивает различные и, в частности, экономические интересы. Ключевым принципом законодательных норм, призванных сохранить лечебно-оздоровительные местности и курорты, обеспечить рациональное использование их природных ресурсов, являются именно ограничения и запреты [3; с. 84]. При этом на их содержание очевидно пытаются повлиять застройщики и представители иного бизнеса, органы местного самоуправления и другие субъекты, чей интерес заключается в беспрепятственном предоставлении земельных участков, осуществлении хозяйственной и иной деятельности на данных особо охраняемых территориях, что курортное законодательство, в свою очередь, и ограничивает для сохранения лечебно-оздоровительных местностей и курортов на многие годы [2; с. 200].

Необходимо, с одной стороны, обеспечить приоритет курортного предназначения данных территорий перед другими видами их использования, а также сохранить природоохранные лейтмотивы норм курортного законодательства, а, с другой, не допускать чрезмерных правовых барьеров, мешающих развитию курортов. Только такой подход может быть залогом эффективного совершенствования современного законодательства о курортах.

Для начала обратимся к «Стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации»,

утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 26.11.2018 г. № 2581-р (далее – Стратегия), в строгом смысле не являющейся нормативно-правовым актом. Это прогностический документ, содержащий видение государством перспектив развития курортов, включающий указания федеральным органам исполнительной власти, а также рекомендации органам исполнительной власти субъектов РФ по реализации идей, содержащихся в документе. Положительные стороны Стратегии: приводятся, хотя и не в полном объеме, проблемы, присущие санаторно-курортному комплексу на момент издания распоряжения: несовершенство законодательства (например, в части необходимости нормативно-правового регулирования по установлению границ и режима округов санитарной (горно-санитарной) охраны) и правоприменительной практики (в частности, недостаточный государственный контроль в области обеспечения санитарной (горно-санитарной) охраны природных лечебных ресурсов, лечебно-оздоровительных местностей и курортов); экономические (изношенность материально-технической базы санаторно-курортных организаций и инфраструктуры курортов, недостаток инвестиций), кадровые (речь идет о нехватке специалистов медицинского профиля). Отрицательные стороны Стратегии, к сожалению, говорят, во-первых, о том, что, несмотря на справедливое обозначение имеющихся проблем, их на самом деле гораздо больше, чем указано в документе. Во-вторых, документ представляет собой декларацию и не решает экологических проблем курортов.

В развитие этого документа было принято Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2019 г. № 2852-р (ред. от 30.03.2023) «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии развития санаторно-курортного комплекса РФ». Однако и оно не выдерживает критики, поскольку мероприятия, указанные в нем, просто не исполняются. В распоряжении содержится перечень мероприятий, сроки исполнения по некоторым уже истекли, а мероприятия так и остались нереализованными.

Еще один документ – Распоряжение Правительства РФ от 21.09.2021 г. № 2540-р, направленное на финансовое обеспечение некоторых важных мероприятий, касающихся развития инфраструктуры городов-курортов КМВ. Первое, что вызывает опасения, – предусмотренные там мероприятия по изменению границ зон горно-санитарной охраны городов-курортов КМВ. Как показывает практика, все предыдущие попытки изменить или, как гласило менее тревожное определение, «актуализировать» эти границы сводились к требованиям уменьшить площади первых охранных зон. В этом распоряжении есть указания на весьма нужные меры. Например, разработка плана мероприятий по сохранению ресурсов озера Тамбукан (правда, на его создание отведено целых 4 года!) или выработка комплекса мер по обеспечению приведения в соответствие с требованиями законодательства о природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах хозяйственной и иной деятельности в границах зон округа горно-санитарной охраны региона КМВ (срок истек в 2021 году, однако никаких мер до сих пор не принято). Зато реализовано очень важное мероприятие, предусмотренное данным распоряжением – разработка комплексного мастер-плана развития городов курортов региона КМВ, в том числе инвестиционных площадок, объектов рекреации для развития объектов санаторно-курортного комплекса. Этот документ был совер-

шенно справедливо подвергнут общественной критике, поскольку он не только не направлен на решение экологических проблем курортов КМВ, но и содержит предложения, реализация которых лишь их усугубит (например, продолжение об интенсивной застройке городов-курортов при уже давно исчерпанной экологической емкости территории).

Основополагающим правовым актом, регулирующим охрану и использование лечебно-оздоровительных местностей и курортов, является Федеральный закон от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (далее – Закон № 26-ФЗ). Не так давно в него были внесены изменения, вступающие в силу с 1 сентября 2024 года. При этом ряд упомянутых новелл вызывает большую обеспокоенность.

Закон № 26-ФЗ закрепляет нормативные положения о лечебно-оздоровительных местностях (далее – ЛОМ) и курортах, а также правовые принципы их защиты как особо охраняемых объектов и территорий, являющихся национальным достоянием народов Российской Федерации. Законом определены основные понятия в сфере регулируемых отношений (ст. 1), порядок признания территории ЛОМ или курортом, а также изменения границ ЛОМ, курорта или курортного региона либо об упразднении ЛОМ, курорта или курортного региона (ст. 3 в новой редакции), полномочия органов публичного управления ЛОМ и курортами (ст. 4-5). Урегулированы имущественные отношения, связанные с природными лечебными ресурсами, включая порядок их использования (ст. 9-12), режим имущества и статус санаторно-курортных организаций (ст. 14-15), режим санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ и курортов (ст. 16, 16.1, 16.2), а также иные отношения в данной области.

Что нового включено в Закон № 26-ФЗ, и как это может отразиться на состоянии курортов? Рассмотрим некоторые изменения в законе.

Для начала отметим пару положительных норм обновленного закона: это дополнение, а скорее возвращение в ст. 27 Земельного кодекса РФ нормы, ограничивающей оборот земельных участков, находящихся в границах первой зоны округа санитарной (горно-санитарной) охраны природного лечебного ресурса и возвращение некоторых объектов капитального строительства в «лоно» экологической экспертизы. Большинство же новелл закона вряд ли приведет к положительным результатам, включая минимизацию существующих социально-экономических и экологических рисков развития курортов.

Существенной корректировке подверглась ст. 13 Закона № 26-ФЗ. Ранее действовавшая редакция признавала поддержку развития курортов расходными обязательствами Российской Федерации, ее субъектов, органов местного самоуправления, наряду с иными не запрещенными источниками финансирования. Ныне же речь идет о возможности бюджетного финансирования, то есть публичная власть фактически отказывается от соответствующих обязательств и скорее допускает такую возможность. Видимо речь идет о ситуативном финансировании, либо о случаях закрепления соответствующих обязанностей в иных законах (например, обязанности финансировать содержание органов исполнительной власти на территориях курортов или строительства объектов, находящихся в публичной собственности).

Как действующий, так и обновленный Закон № 26-ФЗ не в достаточной степени обеспечивает необходимое правовое регулирование курортных отношений из-за своей противоречивости и очевидной неполноты. Например, регулируемый законом режим санитарной (горно-санитарной) охраны курортов федерального значения отличается явными изъянами. Для охраны природных лечебных ресурсов на курортах федерального образуеться округ санитарной (горно-санитарной) охраны, в котором выделяются три зоны, в каждой из которых установлены те или иные ограничения. Для каждой из этих зон должна быть определены строгие границы. Вместе с тем Закон № 26-ФЗ никак не регулирует границы данных зон, а говорит лишь о границах округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов в целом (ст. 4, 16 и др.). Налицо терминологическая неопределенность, создающая очевидные правоприменительные риски. Весьма вероятно, что под «границами округа санитарной (горно-санитарной) охраны» на курортах закон имеет в виду также и границы трех зон внутри данного округа. Впрочем, из текста закона этого понять нельзя. В Законе № 26-ФЗ должен быть четко прописан режим как границ округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов, так о особо значимых границ трех зон внутри данного округа. По нашему мнению, необходимо, чтобы все указанные границы устанавливались и изменялись при необходимости одним государственным органом (Правительством РФ применительно к курортам федерального значения).

Поскольку речь идет о нормах, пока не вступивших в законную силу, достаточно сложно сказать, что предложит Минздрав РФ (а именно он признан уполномоченным органом по управлению курортами) в качестве подзаконных актов, развивающих новеллы Закона № 26-ФЗ. А развивать их необходимо, поскольку некоторые новые нормы в обновленном законе выписаны «пунктиром» и требуют серьезных разъяснений, так как в противном случае их невозможно будет реализовать.

Напомним, что курорты – это, в первую очередь, природные лечебные ресурсы, и определяющим в этом словосочетании являются слова «природные ресурсы». Информацией об их местоположении, запасах, способах добычи, степени загрязненности, правилах охраны обладают не врачи, а геологи, гидрологи, экологи и иные специалисты Минприроды РФ. Однако это министерство не отнесено к уполномоченным органам в области курортной политики. Некомпетентность же Минздрава РФ в этой части курортной сферы с очевидностью показал проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Положения об округах санитарной (горно-санитарной) охраны природных лечебных ресурсов», не выдерживающий никакой критики. Мы не будем приводить курьезные, но от того и пугающие нормы из этого документа, поскольку это лишь проект и надежда на то, что к нему «приложат руку» профессионалы, все еще есть.

Можно назвать и иные недостатки как прежней, так и новой редакции Закона № 26-ФЗ, однако в силу ограниченности объема статьи рассмотрим иные законодательные источники, составляющие курортное законодательство, также изобилующие противоречиями и пробелами.

Наряду с лечебными курорты КМВ обладают и другими природными ресурсами – например, водными объектами, животным и растительным миром, лесами и иными зелеными насаждениями и т.п. Они образуют комплекс-

ные экосистемы наших курортов. В настоящее время ч. 3 ст. 2 Закона № 26-ФЗ гласит, что охрана и использование естественных ресурсов, которые к лечебным не относятся, урегулированы водным, земельным, лесным и другим природоресурсным законодательством.

Однако мы полагаем, что последнее отнюдь не в достаточной степени регулирует специфику правового режима «не лечебных» природных ресурсов на территории курортов. Так, п. 1 ст. 114 Лесного кодекса РФ, к лесам, осуществляющим защиту природных объектов, причисляет горносанитарные леса, которые располагаются внутри округов санитарной (горно-санитарной) охраны курортов. В Лесном кодексе РФ это вообще единственная норма, в которой хоть что-то говорится о курортах. При этом ст. 114 Лесного кодекса РФ не предусматривает внятных ограничений хозяйственной деятельности на курортах, занятых такими лесами. Не прописано даже четкого запрета на их рубку. Таким образом, данные леса в кодексе лишь поименованы, и при этом к Закону № 26-ФЗ нет даже никакой отсылки.

Несомненно, важнейшим источником в области регулирования курортных отношений является земельное и связанное с ним законодательство, регулирующее кадастровые и регистрационные отношения, а также градостроительное законодательство [1; с. 186].

К числу наиболее существенных правовых проблем в санаторно-курортной сфере на Кавказских Минеральных Водах относится регулирование землепользования и имущественных прав на недвижимые объекты на территории курортов. В особенности, это касается учреждений санаторно-курортного комплекса, в отношении которых существует настоятельная необходимость сохранения их первоначального назначения. Нередки случаи, когда на курортах федерального значения (в частности, на Кавказских Минеральных Водах в Ставропольском крае) курортные строения, являющиеся к тому же памятниками истории и культуры, преобразуются в торговые площади, что вызывает немалую обеспокоенность со стороны общественности и представителей экспертного сообщества, порождая значительные социально-экономические риски и социальную напряженность в обществе.

Не менее остро стоит вопрос о переходе санаторно-курортных учреждений в частную собственность и попытках их перепрофилирования. Сегодня ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 23.02.1995 г. № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (далее – Закон № 26-ФЗ) определяет, что реорганизация санаторно-курортных организаций осуществляется с сохранением ими своей лечебнооздоровительной специализации. Однако разными законотворческими инициативами уже не раз предлагалось упразднить запрет на перепрофилирование санаторно-курортных организаций. На практике это приведет к необратимому процессу превращения наиболее привлекательных санаториев с точки зрения их расположения и материально-технической базы, к примеру, в элитное жилье или другие объекты, не связанные с курортным лечением, что также чревато очевидными рисками. О необходимости сохранения запрета на перепрофилирование санаториев, профилакториев, пансионатов с лечением свидетельствует также наблюдаемый сегодня процесс сокращения количества санаторно-курортных организаций. По данным Общественной палаты Ставропольского края, за последние 10 лет их количество сократилось примерно на 20 %. Особую обеспокоенность вызывает наметившаяся тен-

денция по закрытию детских здравниц, тогда как сегодня среди выпускников российских школ только 3% детей могут считаться здоровыми.

Предлагаемая отмена запрета на перепрофилирование санаторно-курортных учреждений идет вразрез и с Постановлением Совета Федерации от 09.07.2014 г. № 388-СФ, которым Правительству РФ рекомендовано разработать меры, направленные на недопущение перепрофилирования деятельности санаторно-курортных организаций.

С другой стороны, санаторно-курортные организации подчас приставляют собой обширные имущественные комплексы, в которые включаются также и здания, не имеющие прямого лечебно-оздоровительного назначения (склады, гаражи и т.п.). Такие здания при необходимости могли бы перепрофилироваться для иных целей, но для этого данные вопрос необходимо урегулировать в Законе № 26-ФЗ более детально. Здесь же следует предусмотреть преимущественное право выкупа имущества санаторно-курортных организаций для субъектов Федерации, что позволит им осуществлять необходимый контроль за столь важными сделками с недвижимым имуществом на своей территории, а при необходимости и наличии достаточных для этого финансовых ресурсов – обеспечивать публичные интересы по закреплению таких учреждений в государственной собственности и сохранению их социально-значимых функций.

Наконец, не менее острую проблему представляют собой объекты недвижимости, возведенные в первой и второй зонах округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов с нарушением правового режима, установленного для таких зон. Для решения этой проблемы периодически выдвигаются две диаметрально противоположные нормотворческие инициативы: 1) подвергнуть принудительному изъятию и ликвидации все недвижимое имущество (в зависимости от конкретной ситуации с компенсацией владельцам его стоимости или без таковой), созданное в первой и второй зонах с нарушением правил природоохранного законодательства; 2) признать законными (фактически «амнистировать») все незаконные строения такого рода при недопущении их возведения в первой и второй зонах впредь.

Вполне очевидно, что всеобщая «амнистия» зданий, построенных с нарушением режима первой и второй зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны на курортах, является слишком радикальной мерой. Наличие там большого количества подобных строений будет негативно сказываться на состоянии природных лечебных ресурсов, для охраны которых эти зоны и установлены. Тем более что сама идея такой «амнистии» может вызвать всплеск незаконного строительства в первой и второй зоне на курортах, так как застройщики будут торопиться попасть под указанную «амнистию». С другой стороны, на курортах федерального значения (например, в первой и второй зонах округа горно-санитарной охраны Кавказских Минеральных Вод) имеются жилые строения, возведенные уже достаточно давно (многие – еще до установления указанных зон). В них проживают люди, и принудительное изъятие такой недвижимости может вызвать нежелательную социальную напряженность. Однако ясно, что допущение наличия жилых строений в первой и второй зонах округа санитарной (горно-санитарной) охраны может привести к дальнейшей их застройке и, как следствие, – к неизбежной деградации природных лечебных ресурсов.

Выход из этой непростой ситуации видится следующим: дальнейшее жилое строительство в первой и второй зонах округа санитарной (горно-санитарной) охраны следует безусловно запретить, а уже возведенные жилые строения, которыми на момент их строительства не нарушалось действовавшее тогда законодательство, необходимо гарантировать от принудительного изъятия до предоставления их собственникам и проживающим в них лицам равноценных жилых помещений за пределами первой и второй зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны. Такое расселение может осуществляться на основании соответствующих федеральных или региональных целевых программ.

На сегодняшний день ч. 3 ст. 96 Земельного кодекса РФ содержит императивную норму об изъятии у собственников, землепользователей, землевладельцев, арендаторов земельных участков в случае, если в соответствии с установленным санитарным режимом предусматривается полное изъятие этих земельных участков из оборота (первая зона санитарной (горно-санитарной) охраны курортов). Такие земельные участки, если они находятся в частной собственности, подлежат выкупу у собственников в соответствии со ст. 55 Земельного кодекса. Однако на практике эта норма закона часто не исполняется, а потому должна рассматриваться как неэффективная и требует основательной корректировки в сторону более дифференцированного подхода к изъятию земель в первой зоне округа санитарной (горно-санитарной) охраны и курортов в соответствии с вышеизложенными принципами.

Вызывает также недоумение указание в ч. 3 ст. 96 Земельного кодекса на то, что в границах второй и третьей зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны курортов земельные участки у собственников, землепользователей, землевладельцев и арендаторов не изымаются и не выкупаются. В действительности ч. 3 ст. 16 Закона № 26-ФЗ и нормы других правовых актов содержат серьезные ограничения для размещения объектов и осуществления хозяйственной деятельности во второй зоне. Непонятно, почему там не должны изыматься земельные участки, использование которых не соответствует указанным ограничениям.

Еще один уровень законодательных источников курортного законодательства – законы субъектов Российской Федерации. Практически все субъекты Федерации, на территории которых есть курорты, имеют соответствующее законодательство.

Анализ данных региональных законов показал, что подавляющее большинство из них крайне фрагментарно и непоследовательно регулирует отношения по охране и использованию природных лечебных ресурсов, ЛОМ и курортов. Они, в лучшем случае, дублируют нормы федерального Закона № 26-ФЗ. Многие из них вообще никак не регулируют режим трех зон округа санитарной (горно-санитарной) охраны ЛОМ и курортов, что является наиболее принципиальным вопросом с точки зрения обеспечения их защиты и рационального использования их природных ресурсов. Данные обстоятельства, к сожалению, свидетельствуют о том, что существующее в большинстве субъектов РФ региональное курортное законодательство не способно эффективно решать задачу по сохранению и развитию лечебно-курортного потенциала соответствующих регионов.

Еще один вопрос возникает по поводу сферы действия норм региональных законов. По идее они должны распространяться на курорты регионального и местного

значения, расположенные в пределах соответствующих субъектов Федерации. Кроме того, они могут содержать нормы, касающиеся восполнения пробелов федеральных законов. По общему правилу же в случае устранения имеющихся пробелов в федеральном законе субъект РФ должен привести собственный закон в соответствие с федеральным. Однако анализ регионального курортного законодательства показывает, что не во всех этих актах указаны адресаты содержащихся в них норм. Например, Закон Республики Северная Осетия-Алания от 04.12.1998 г. № 263 (в последующих редакциях) «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» не указывает таких адресатов, что не может быть признано правильным. Закон расширяет виды деятельности и объектов, которые могут существовать в первой зоне округа горно-санитарной охраны, добавляя возможность строительства и ремонта средств связи и парковых сооружений, что не предусмотрено федеральным законодательством. Надо отметить, что ныне действующая редакция ст. 5 Закона № 26-ФЗ содержит неоднозначно трактуемую формулировку полномочий субъектов РФ в исследуемой области. В ней идет речь о праве «регулирования в области использования и охраны курортов, лечебно-оздоровительных местностей и природных лечебных ресурсов, за исключением переданных в ведение Российской Федерации». Может создаться впечатление, что Федерация передала субъектам свои полномочия по регламентации курортной деятельности. Не вполне внятна и формулировка «переданных в введение». Кем переданные? Российская Федерация не только сама через законодательные органы определяет собственные полномочия, но и вправе передавать их часть на исполнение субъектам Федерации (так называемые делегированные полномочия). С точки зрения большей правовой определенности можно рассматривать формулировку нормы ст. 5 Закона № 26-ФЗ в ее новой редакции, где субъектам РФ придано право регулирования отношений в области использования и охраны лечебно-оздоровительных местностей регионального значения, курортов регионального значения. Она начнет действовать, как указывалось, с 1 сентября 2024 г.

Еще раз подчеркнем, что региональное законодательство не должно противоречить федеральному, хотя есть исключение в экологической сфере. Согласно ст. 6 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (в последующих редакциях) «Об охране окружающей среды», субъекты Федерации вправе устанавливать нормативы качества окружающей среды, содержащие соответствующие требования и нормы не ниже требований и норм, установленных на федеральном уровне. Иными словами, такие нормативы должны быть более «жесткими», чем федеральные. Кстати, воспользоваться этим правом мог бы и Ставропольский край в части ужесточения нормативов вредного воздействия на окружающую среду курортов КМВ.

Результаты. Проведенный анализ курортного законодательства – даже не всех его значимых аспектов, а лишь их части – с очевидностью свидетельствует о крайнем несовершенстве составляющих его норм. К сожалению, изменения, внесенные в Закон № 26-ФЗ, лишь отчасти нацелены на стабилизацию курортных отношений («возвращение» экологической экспертизы некоторых проектов капитального строительства, сохранение достаточно строго режима первой зоны округа санитарной (горно-санитарной) охраны), однако и к этим нормам есть вопросы и весьма серьезные. Анализ новелл Закона № 26-ФЗ приводит к однозначному выводу: границы всех зон, да и границы самих округов санитарной (горно-санитарной) охраны будут пересматриваться, и что-то подсказывает, что не в сторону их расширения (иначе зачем же пересматривать их вообще?). Пока не ясно каков будет режим округов и зон, контуры которых даны в новой редакции Закона № 26-ФЗ (причем, в отношении второй и третьей зон крайне лаконично и неопределенно), проект которого разрабатывает Минздрав РФ. Ясно одно: исследуемый закон требует существенной корректировки.

Необходимо также совершенствовать связанное с ним законодательство, и, в первую очередь, градостроительное. Ведь одна из серьезных опасностей, уже сыгравшая негативную роль в курортной сфере: ничем не сдерживаемое строительство – как жилищное, так и промышленное.

Литература

1. Навасардова Э. С., Чечель Г. И., Нутрихин Р. В. Проблемы правового режима земель лечебно-оздоровительных местностей и курортов // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 186–196.
2. Романова О. А. Правовые проблемы регулирования застройки территорий курортов и лечебно-оздоровительных местностей // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3(100). С. 200–208.
3. Романова О. А. Проблемы правового обеспечения публичности установления ограничений прав на земельные участки и другие объекты недвижимости на примере правового режима лечебно-оздоровительных местностей и курортов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 1(53). С. 84–91.

References

1. Navasardova JeS, Chechel' GI, Nutrihin RV. Problemy pravovogo rezhima zemel' lechebno-ozdorovitel'nyh mestnostej i kurortov (Problems of the legal regime of lands of health-improving areas and resorts). *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*. 2019;(4):186-196. (In Russ.).
2. Romanova OA. Pravovye problemy regulirovaniya zastrojki territorij kurortov i lechebno-ozdorovitel'nyh mestnostej (Legal problems of regulating the development of territories of resorts and health and recreation areas). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;(3):200-208. (In Russ.).
3. Romanova OA. Problemy pravovogo obespechenija publicnosti ustanovlenija ogranichenij prav na zemel'nye uchastki i drugie ob'ekty nedvizhimosti na primere pravovogo rezhima lechebno-ozdorovitel'nyh mestnostej i kurortov (Problems of legal publicity of the establishment of restrictions on the rights to land plots and other real estate objects on the example of the legal regime of health and recreation areas and resorts). *Vestnik Universiteta imeni OE Kutafina (MGJuA)*. 2019;1(53):84-91. (In Russ.).



Научная статья

УДК 349.4

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.20>

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЦЕЛЕВЫХ ПРОГРАММ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Лилия Валерьевна Постульга

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

postulgalv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1608-3467>

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются проблемы финансового обеспечения целевых экологических программ. **Материалы и методы.** В ходе исследования использованы методы правового анализа, синтеза, обобщения и сравнительно-правовой, которые позволили выработать возможные пути решения исследуемых проблем. **Анализ.** Проведенные в начале XXI века реформы бюджетного, налогового и экологического законодательства фактически разрушили имевшийся эколого-экономический механизм природопользования, что повлекло за собой значительные проблемы в области финансового обеспечения программных мероприятий. В настоящее время государственные программы являются важным инструментом финансового обеспечения охраны окружающей среды и рассматриваются в качестве правовой формы и юридического основания финансирования экологически значимых мероприятий, однако не могут показать в полной мере своей эффективности. Основным источником финансирования природоохранных мероприятий в настоящее время выступают бюджетные средства. Финансовые средства из внебюджетных источников привлекаются недостаточно, что может вызывать проблемы недостатка финансирования, особенно на местах. Среди иных проблем финансового обеспечения природоохранных мероприятий следует отметить тенденцию к снижению

общих объемов финансирования, отсутствие финансового обеспечения отдельных важных мероприятий, финансирования от объема имеющихся средств, неравномерность их распределения в бюджетном цикле. **Результаты.** Выдвигаются предложения по совершенствованию системы финансового обеспечения целевых экологических программ, которые позволят сделать их эффективным инструментом экологического планирования даже в условиях антироссийских санкций, пандемии и экономического кризиса.

Ключевые слова: стратегическое планирование, государственное планирование, государственные программы, целевые программы, экологические программы, финансирование целевых программ, финансовое обеспечение государственных программ

Для цитирования: Постульга Л. А. Финансовое обеспечение целевых программ в области охраны окружающей среды и рационального природопользования // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 569–573. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.20>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

FINANCIAL SUPPORT FOR TARGETED PROGRAMS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND ENVIRONMENTAL MANAGEMENT

Liliya V. Postulga

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

postulgalv@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1608-3467>

Abstract. Introduction. The article discusses the problems of financial support for targeted environmental programs. **Materials and Methods.** The methods of legal analysis, synthesis, generalization and comparative law were used, which allowed us to develop possible solutions to the problems under study. **Analysis.** The reforms of budget, tax and environmental legislation carried out at the beginning of the XXI century actually destroyed the existing ecological and economic mechanism of nature management, which led to significant problems in the field of financial support for program activities. Currently, government programs are an important tool for financial support of environmental protection and are considered as a legal form and legal basis for financing environmentally significant activities, but they cannot fully demonstrate their effectiveness. The main source of financing for environmental protection measures is currently budgetary funds. Financing from nonbudgetary sources is underdeveloped, which can cause problems of lack of funding, which are particularly acute on the ground. Among other problems of financial support for environmental protection measures, it should be noted the tendency to decrease the total amount of financing, the lack of

financial support for certain important activities, financing from the amount of available funds, uneven distribution of budget allocations in the budget cycle. **Results.** Proposals are being put forward to improve the financial support system for targeted environmental programs, which will make them an effective tool for environmental planning even in the face of anti-Russian sanctions, a pandemic and an economic crisis.

Keywords: strategic planning, government planning, government programs, targeted programs, environmental programs, financing of targeted programs, financial support of government programs

For citation: Postulga LV. Financial support for targeted programs in the field of environmental protection and environmental management. *Humanities and law research*. 2024;11(3):569-573 (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.20>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

©Постульга Л. В., 2024

Введение. Целевые программы в последние годы активно используются при формировании и исполнении бюджетов всех уровней. Однако существующий механизм финансирования природоохранных мероприятий далек от совершенства и не позволяет полностью использовать все преимущества государственных программ как инструмента управления государственными расходами в указанной области. При этом, как отмечал С. А. Боголюбов, «надлежащая реализация мероприятий по охране окружающей среды напрямую зависит от стабильного и своевременного финансирования» [1, с. 226]. Поэтому комплексный анализ нормативно-правовой базы финансового обеспечения целевого программирования, доктрины и практики имеет непреходящее значение для выявления присущих ему проблем и выработки способов их решения.

Материалы и методы. Проведенное исследование построено, в первую очередь, на анализе правовых норм, регулирующих институт финансового обеспечения государственного программирования, а также мнений специалистов в указанной области. Помимо метода правового анализа, в ходе исследования использованы методы синтеза, обобщения и сравнительно-правовой, которые позволили сравнить развитие исследуемого правового института в ретроспективе, выявить его наиболее актуальные и положительные черты и инструменты обеспечения эффективности, и выработать целесообразные пути решения выявленных проблем.

Анализ. Вследствие реформ бюджетного, налогового и экологического законодательства, проводимых в начале XXI в., советская система целевого финансирования природоохраны и природопользования в форме бюджетных целевых экологических фондов была практически полностью разрушена, утратили компенсационный характер природоресурсные платежи, они были переведены из сферы ведения ресурсного законодательства в сферу налогового, и т.д. [3, с. 3].

В 2004 году бюджетный процесс перешел на модель «бюджетирования, ориентированного на результат» [5], продолжилось активное внедрение программно-целевого планирования.

В настоящее время государственные программы являются важным инструментом финансового обеспечения природоохраны, рассматриваются в качестве правовой формы и юридического основания финансирования мероприятий в указанной сфере [9, с. 63]. Вместе с тем, в Законе РФ об охране окружающей среды отсутствуют положения о финансовом обеспечении природоохранных мероприятий, как и само определение его термина, не указываются источники финансирования экологических программ, не гарантируется обязательное их обеспечение материально-техническими ресурсами. Единственная ст. 15, посвященная целевым программам и порядку их финансирования, была признана утратившей силу еще в 2006 г.

Основу финансирования природо-охранных мероприятий в настоящее время составляют бюджетные средства. Финансирование из внебюджетных источников используется недостаточно, основными причинами чего видятся отсутствие системного нормативноправового регулирования, мер стимулирования, недостаточное информационное обеспечение со стороны государства, отсутствие действенного механизма привлечения к ответственности за нарушения в области природоохраны (а следствием указанных причин является отсутствие гарантированности такого финансирования).

Некоторые авторы видят в этом причину «вялости» реализации программных мероприятий [8, с. 154]. Практика привлечения внебюджетных источников к финансированию мероприятий целевых экологических программ совершенно не однородна. К примеру, согласно паспорту государственной программы «Воспроизводство и использование природных ресурсов» средства внебюджетных источников предусмотрены только для финансирования комплекса ее процессных мероприятий и только на 2023 и 2024 гг.

Проблема повышения объема финансирования природоохранных мероприятий из внебюджетных источников, определения соотношения финансирования из бюджетных и внебюджетных источников до сих пор не решена, хотя была актуальна еще в 2004 г. [5]. К примеру, институт экологического страхования Законом об охране окружающей среды регламентирован поверхностно, без определения термина «экологическое страхование», регулирования его форм, видов и особенностей. Еще несколько лет назад был разработан законопроект «Об обязательном экологическом страховании», однако он так и не был принят. Банковское экологическое кредитование как внебюджетный источник финансирования природоохранных мероприятий также используется недостаточно активно и фактически находится на начальных этапах развития: доля экологических проектов в кредитных портфелях банков крайне низка. Отсутствует экономическое стимулирование (например, льготное экологическое налогообложение) банков разрабатывать экологические кредитные продукты, нет четкого понимания результатов инвестиций в экологические проекты, отсутствуют программы государственной поддержки экологического кредитования, а уровень инвестиционного риска при осуществлении экологических проектов достаточно высок [10, с. 33].

Таким образом, основная нагрузка по финансовому обеспечению природоохранных мероприятий лежит именно на бюджетном финансировании. В большинстве государственных программ оно занимает 95–100%. При этом отсутствует целевое назначение поступающих в бюджет природоресурсных платежей (ст. 35 БК РФ), имеет место неопределенность в том, будут ли они направлены на финансирование природоохранных мероприятий и в каком объеме.

Действующая система природоресурсных платежей в РФ имеет сложную структуру и включает налоговую и неналоговую их формы (что характерно также для всех стран-членов ЕАЭС). НК РФ предусмотрены федеральные (налог на добычу полезных ископаемых, водный налог, сборы за пользование объектами животного мира, водных биологических ресурсов) и местные налоги (земельный налог). Остальные виды природоресурсных платежей, прямо не названные в кодексе (п. 5 ст. 3 НК РФ), являются неналоговыми. Поскольку отсутствует единый подход к правовому регулированию указанных платежей, возникают сложности с определением их правовой природы. По мнению ряда авторов, природоресурсные платежи имеют гражданско-правовую природу и рассматриваются ими как доходы от использования государственного или муниципального имущества [7, с. 46]. Другие авторы указывают об их публично-правовой природе [15, с. 30]. Считаем необходимым согласиться с последней позицией, поскольку при рассмотрении природоресурсных платежей с гражданско-правовой точки зрения не учитываются многие публично-правовые аспекты (например, взимание арендной

платы при пользовании лесами и земельными участками в условиях отсутствия оформленных арендных правоотношений) и, в том числе, становится невозможным применение механизма принуждения, характерных для обязательных бюджетных доходов.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду фактически заменяет экологический налог (который есть, к примеру, в Республике Беларусь). Целью ее введения было стимулировать природопользователей снижать отрицательно влияние на окружающую среду. Во всех государствах ЕАЭС указанная плата имеет налоговую природу. В нашей же стране она относится к неналоговым платежам, при этом отсутствует механизм использования указанной платы на цели финансирования природоохранных мероприятий. Минфином РФ был подготовлен проект изменений в налоговое законодательство, в соответствии с которым ряд фискальных сборов природоохранной направленности планировалось включить в Налоговый кодекс РФ (например, экологический налог должен был заменить плату за негативное воздействие на окружающую среду, а утилизационный сбор – утилизационный и экологический), однако данные изменения пока не внесены. При этом имеется и точка зрения о нецелесообразности включения экологических платежей в систему налоговых отношений [14]. Отсутствие регламентации целевой направленности природоресурсных платежей некоторые авторы также называют дефектом правового регулирования в рассматриваемой сфере [6, с. 97].

Среди иных проблем финансового обеспечения природоохранных мероприятий следует отметить тенденцию к снижению общих объемов финансирования, что может препятствовать достижению целей и задач, определенных в государственных программах. По ряду направлений отсутствует финансовое обеспечение отдельных важных мероприятий. Имеют место финансирование от объема имеющихся средств, неравномерность распределения бюджетных ассигнований в бюджетном цикле. О необходимости равномерного освоения денежных средств в течение года Д. А. Медведев отмечал еще в 2013 г. [11]. Также не во всех государственных программах предусматривается их финансовое обеспечение по годам на весь период реализации. Так, при плановом периоде государственной программы «Охрана окружающей среды» до 2030 г. ее паспортом предусмотрено финансирование только до 2025 г.

Несмотря на то, что региональные и муниципальные программы имеют более важное значение, чем федеральные, поскольку на местах виднее экологические проблемы региона [4], проблемы недостатка финансирования в них наиболее остры. Значительную часть нагрузки по финансированию региональных программ несут бюджеты субъектов РФ. Так, по государственной программе Ставропольского края «Охрана окружающей среды» средства краевого бюджета составляют 99,6 % от общего объема финансирования мероприятий указанной программы (к иным источникам финансирования отнесены средства участников программы, при этом на 2024 – 2025 гг. финансирование из указанных источников вообще не запланировано) [12]. В специальной литературе неоднократно отмечалось, что проблема недостатка финансирования целевых программ связана с тем, что в этом вопросе регионы очень жестко зависят от федерального уровня: на выбор перечня объектов природоохраны и природопользования большое влияние оказывает возможность софинансирования

из федерального бюджета [2]. Обеспечение достаточного объема финансирования, в свою очередь, обеспечивает эффективность государственных программ наряду с четкой формулировкой целей, определением задач и конкретных мероприятий, наличием системы оценки их эффективности. Сокращение расходов ведет к тому, что часть мероприятий государственных программ окажется невыполненной.

Результативность бюджета во многом зависит также и от того насколько, верно сформулированы цели каждой государственной программы, индикаторы достижения этих целей, и насколько точно с ними увязаны задачи, необходимые мероприятия, полнота и качество механизма оценки. Поэтому на эффективность и результативность финансирования природоохранных мероприятий могут негативно влиять недостатки при их разработке. В 2022 г. по государственной программе «Охрана окружающей среды» изменения вносились в 11 из 28 показателей. При этом изменение состава мероприятий, указанных в государственных программах, или их показателей требует соответственно внесения изменений в федеральный бюджет. Также распылению ресурсов и повышению затратности может способствовать избыточность числа индикаторов. А порядка 70% показателей рассчитываются по методикам, утвержденным самими ответственными исполнителями, соисполнителями, участниками государственных программ. По нашему мнению, это может приводить к постоянным их корректировкам, финансирование же их реализации в таком случае не приведет к запланированному результату. Устранение перечисленных недостатков будет способствовать совершенствованию механизма финансового обеспечения и достижению требуемого уровня эффективности государственных программ. В научной литературе уже высказывалось мнение о необходимости закрепления в законе главы о порядке распределения бюджетных средств и эффективности их использования, ответственности за нецелевое их использование [13]. Думается, такую главу необходимо включить в ФЗ РФ «О стратегическом планировании в РФ».

Результаты. На сегодняшний день не сложилось целостной системы финансового обеспечения государственных экологических программ.

В качестве решения рассматриваемых проблем, во-первых, необходимо осуществить совершенствование нормативно-правового регулирования указанного правового института: закрепить в Законе об охране окружающей среды определение термина «финансовое обеспечение государственных программ в области охраны окружающей среды». Думается, его следует определять как целевое, безвозмездное, стабильное и своевременное выделение бюджетных и внебюджетных средств на реализацию программных природоохранных мероприятий, обеспечивающих решение проблем в области обеспечения устойчивого экологического развития РФ и ее субъектов на долгосрочный период, в целях сохранения и восстановления окружающей среды, обеспечения рационального природопользования, предотвращения негативного воздействия на окружающую среду и ликвидации последствий такого воздействия.

Эколого-экономический механизм должен иметь компенсационный и стимулирующий характер. В качестве инструмента повышения результативности государственного экологического программирования нами предлагается воссоздание системы бюджетных

целевых экологических фондов, которые, по нашему мнению, в условиях дефицита финансирования могли бы стать эффективным элементом экономического механизма в области охраны окружающей среды, ведь в нашей стране они уже играли важную положительную роль в финансировании природоохранной деятельности. Так, была обеспечена гарантированность финансовых поступлений в фонды и соответственно возможность планирования финансирования природоохранной деятельности. Их правовой статус должен быть регламентирован в бюджетном законодательстве.

В качестве источников их средств должны выступать природоресурсные платежи и плата за негативное воздействие на окружающую среду. В свою очередь, это требует изменения финансового, налогового, экологического законодательства: необходимо определить в законе их правовую природу, целевое назначение, механизмы целевого расходования, запрет расходования на иные цели, установить конкретные меры ответственности за нарушение природоресурсного и природоохранного законодательства, ввести льготы для природопользователей в качестве способа мотивации (к примеру, налоговые каникулы, налоговые льготы по НДС, пониженные тарифы страховых взносов, упрощенная таможенная процедура, др.).

Необходимо продолжать совершенствование порядка разработки целевых программ в части увязки целей с задачами и конкретными мероприятиями, пересмотра значений ключевых целевых показателей (индикаторов) госпрограмм сообразно росту объема бюджетных ассигнований на исполнение госпрограмм.

Требуется совершенствование механизмов использования внебюджетных источников финансирования.

Для обеспечения принципа полноты финансирования предлагается закрепить в Законе о стратегическом планировании положение о том, что в первую очередь нужно планировать объем внебюджетных инвестиций, а непокрытую внебюджетными инвестициями долю финансирования покрывать за счет бюджетных средств. Также видится необходимым принятие ФЗ РФ «Об обязательном экологическом страховании в РФ», разработка обеспечивающей подзаконной нормативно-правовой базы; развитие института экологического кредитования путем стимулирования банков к разработке соответствующих кредитных продуктов, разработка программ государственной поддержки экологического кредитования, принятие программ среднесрочного и долгосрочного экологического кредитования, возмещение банкам пониженной процентной ставки по таким кредитам и иные стимулирующие меры.

Предлагаемые изменения видятся целесообразными и в рамках сотрудничества по вопросам природоохраны на уровне ЕАЭС. В первую очередь, необходима гармонизация экологического, бюджетного, налогового законодательства как важное направление развития любого экономического союза и дальнейшего развития экологического планирования и программирования на межгосударственном уровне. Целесообразным видится также создание межгосударственного целевого экологического фонда для финансирования природоохранных мероприятий.

При учете всех описанных проблем и предложений по их решению, видится, даже в современном режиме антироссийских санкций, пандемии и экономического кризиса государственные программы смогут стать эффективным инструментом государственного экологического планирования.

Литература

1. Боголюбов С. А. Экологическое право. Учебник для вузов. М.: Норма, 2001. 448 с.
2. Вершило Н. Д., Вершило Т. А. Целевые экологические программы и экологические фонды как инструменты планирования и финансирования в области охраны окружающей среды // Экологическое право. 2009. № 1. С. 19–24.
3. Колесникова К. В. Правовое регулирование бюджетного финансирования охраны окружающей среды и природопользования: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 27 с.
4. Колесникова К. В. Проблемы разработки и финансирования целевых программ в области экологического развития // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 94–96.
5. Концепция реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2006 годах (одобрена постановлением Правительства РФ от 22.05.2004 № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов»). URL: <https://base.garant.ru/5759923/> (дата обращения: 16.10.2023).
6. Круглов В. В., Пельвицкая Е. П. Правовое обеспечение взаимосвязи организационных и экономических механизмов охраны окружающей среды // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 6. С. 96–102.
7. Лисица В. Н. Платеж или налог за пользование природными ресурсами? // Юрист. 2004. № 10. С. 44–46.
8. Навасардова Э. С. Организационно-правовые проблемы совершенствования регионального экологического управления. Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. 490 с.
9. Навасардова Э. С. Прогнозирование и планирование воздействий на окружающую среду как правовая форма и юридическое основание финансирования природоохранных мероприятий // Природоресурсное и экологическое право: ретроспективы и перспективы. Материалы научно-практической конференции (Ставрополь, 15 мая 2007 г.). Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2007. С. 62–86.
10. Сотникова Л. Н., Бичева Е. Е., Маслова И. Н. Банковское кредитование как источник финансирования экологических инвестиций // Финансы. 2020. № 4 (124). С. 27–37.
11. Стенограмма заседания Правительства «Об итогах исполнения федерального бюджета, ходе выполнения ФЦП и ФАИП за 1 квартал 2013 года». URL: <http://government.ru/news/2444> (дата обращения: 04.09.2023).
12. Постановление Правительства Ставропольского края от 26.12.2018 № 599-П «Об утверждении государственной программы Ставропольского края «Охрана окружающей среды». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2600201812290012> (дата обращения: 12.10.2023).
13. Чернобровкина Е. Б. Применение бюджетирования, ориентированного на результат, как метода программно-целевого управления в разрезе государственных программ // Налоги. 2013. № 13. С. 22–24.
14. Юдин Е. А. Экологические платежи: возможен ли их целевой и налоговый статус? // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. С. 141–154.
15. Янбулганов А. А. Неналоговые доходы в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Финансовое право. 2007. № 5. С. 28–32.

References

1. Bogolyubov SA. Environmental law. Textbook for universities. Moscow: Norma; 2001. 448 p. (In Russ.).
2. Vershilo ND, Vershilo TA. Targeted environmental programs and environmental funds as planning and financing tools in the field of environmental protection. *Ehkologicheskoe pravo*. 2009;(1):19-24. (In Russ.).
3. Kolesnikova KV. Legal regulation of budget financing of environmental protection and nature management: abstract of the dissertation of the Candidate of Law: 12.00.14. Rostov-on-Don; 2011. 27 p. (In Russ.).
4. Kolesnikova KV. Problems of developing and financing targeted programs in the field of environmental development. *Obschestvo i pravo*. 2009;4(26):94-96.
5. The concept of reforming the budget process in the Russian Federation in 2004-2006 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/22/2004 No. 249 "On measures to improve the effectiveness of budget expenditures"). URL: <https://base.garant.ru/5759923/> (accessed: 16.10.2023) (In Russ.).
6. Kruglov VV, Pelvitskaya EP. Legal support for the interrelation of organizational and economic mechanisms of environmental protection. *Rossiiskoe pravo: obrazovaniye, praktika, nauka*. 2019;(6):96-102. (In Russ.).
7. Lisitsa VN. Payment or tax for the use of natural resources? *Urist*. 2004;(10):44-46 (In Russ.).
8. Navasardova ES. Organizational and legal problems of improving regional environmental management. Stavropol: Publishing House of SSU; 2002. 490 p. (In Russ.).
9. Navasardova ES. Forecasting and planning of environmental impacts as a legal form and legal basis for financing environmental protection measures in Natural resource and environmental law: retrospectives and prospects. Materials of the scientific and practical conference (Stavropol, May 15, 2007). Stavropol: Stavropol Book Publishing House; 2007. P. 62-86. (In Russ.).
10. Sotnikova LN, Bicheva EE, Maslova IN. Bank lending as a source of financing environmental investments. *Finansi*. 2020;4(124):27-37. (In Russ.).
11. Transcript of the Government meeting "On the results of the execution of the federal budget, the progress of the Federal Target Program and the FAIP for the 1st quarter of 2013". URL: <http://government.ru/news/2444> (accessed: 04.09.2023). (In Russ.).
12. Resolution of the Government of the Stavropol Territory dated 12/26/2018 No. 599-P "On approval of the State program of the Stavropol Territory "Protection environment". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2600201812290012> (accessed: 12.10.2023). (In Russ.).
13. Chernobrovkina EB. The application of result-oriented budgeting as a method of program-oriented management in the context of state programs. *Nalogi*. 2013;(13):22-24. (In Russ.).
14. Yudin EA. Environmental payments: is their target and tax status possible? ETAP: *ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*. 2015:141-154. (In Russ.).
15. Yanbulganov AA. Non-tax revenues in the Russian Federation: issues of legal regulation. *Finansovoe pravo*. 2007;(5):28-32. (In Russ.).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научная статья

УДК 80

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.21>ТРАНСЪЯЗЫЧНЫЕ И МУЛЬТИЯЗЫЧНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
ИДЕАЛИЗИРОВАННОГО МУЛЬТИЛИНГВА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА
ПЕРВОЙ ГЛАВЫ РОМАНА У. ЭКО «БАУДОЛИНО»)

Николай Вячеславович Головки

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат филологических наук, доцент

ngolovko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1703-5042>

Аннотация. Введение. В настоящее время приобретает влияние и распространение научно-практическая концепция трансъязычия, которая может рассматриваться как попытка обобщить предшествующие терминологические комплексы и теоретические разработки в отношении коммуникативных практик многоязычных людей по смешиванию нескольких языков при порождении устной или письменной речи. Такие практики, прежде всего в форме трансъязычия, но также и в форме мультязычия, изучаются главным образом применительно к освоению неродных и иностранных языков в учебном процессе. Вместе с тем имеются как опыт, так и возможности по расширению этого охвата на литературно-художественные произведения. **Материалы и методы.** Материал исследования, первая глава романа У. Эко «Баудолино», обладает собственной спецификой, представляет собой текст, написанный в неконвенциональной форме от лица многоязычной личности, наделённой, согласно замыслу автора, способностью моментально осваивать любой язык. Этот текст, таким образом, приобретает характер прямой речи идеализированного мультлингва, которая может быть сопоставлена с трансъязычной и мультязычной речью реальных людей. Для нужд исследования из текста главы выделены квазисинтаксические единицы (фразы), в которых реализованы трансъязычные и мультязычные коммуникативные практики, и проведён их анализ по ряду оснований, таких как лексико-грамматический класс, лексикосемантическая категория и коммуникативная ситуация. **Анализ.** Получены данные, согласно которым доминирующей формой смешивания язы-

ков в тексте является трансъязычие, иноязычные включения преимущественно играют роль имени существительного или представляют собой фразеологический оборот, применяются в большинстве случаев в качестве названий лиц или оценочных слов, актуализируются в коммуникативных ситуациях пересказа речи носителей иного языка, описания реалий иной действительности, обращения к носителю иного языка, следования речевому или текстовому образцу. **Результаты.** Итоги анализа трансъязычных и мультязычных коммуникативных практик идеализированного мультлингва сопоставлены с результатами предшествующих исследований аналогичных практик реальных людей, определены сходства и различия между этими практиками.

Ключевые слова: трансъязычие, транслингвизм, мультязычие, коммуникативная практика, художественная литература

Для цитирования: Головки Н. Н. Трансъязычные и мультязычные коммуникативные практики идеализированного мультлингва (на материале русского перевода первой главы романа У. Эко «Баудолино») // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 574–583. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.21>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

TRANSLANGUAGING AND MULTILANGUAGING COMMUNICATIVE PRACTICES
OF AN IDEALIZED MULTILINGUAL PERSON (ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN
TRANSLATION OF THE FIRST CHAPTER OF U. ECO'S NOVEL "BAUDOLINO")

Nikolai V. Golovko

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

ngolovko@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1703-5042>

Abstract. Introduction. Currently, the scientific and practical concept of translanguaging is gaining influence. It can be considered as an attempt to generalize previous terminological sets and theoretical developments regarding the multilingual people's communicative practices of mixing several languages when generating oral or written speech. Such practices, primarily in the form of translanguaging, but also in the form of multilingualing, are studied mainly in relation to mastering

nonnative and foreign languages in the educational process. At the same time, there is both the experience and opportunities to expand this coverage to literary and artistic works. **Materials and Methods.** The research material, the first chapter of U. Eco's novel "Baudolino", has its own specificity. It is a text written in an unconventional form on behalf of a multilingual who is endowed, according to the author's plan, with the ability to immediately master any language. This text thus becomes a sample of direct

© Головки Н. В., 2024

speech of an idealized multilingual person that could correlate with translanguaging and multilingual speech of real individuals. For the needs of the research, quasisyntactic units (phrases) in which translanguaging and multilingual communicative practices are implemented were singled out from the text of the chapter, and their analysis was carried out on a number of grounds, such as a lexico-grammatical class, a lexico-semantic category and a communicative situation. **Analysis.** According to the data obtained, the dominant form of mixing languages in the text is translanguaging. Foreign language inclusions predominantly play the role of a noun or represent a phraseological unit. They are used in most cases as names of persons or evaluative words, actualized in communicative situations of retelling the speech of native speakers of another language, describing notions of a different reality, addressing a native speaker of a different language, and following a speech or text pattern. **Results.** The results of the analysis of translanguaging and multilingualizing

communicative practices of an idealized multilingual person correlate with results of previous studies of the same practices of real individuals, similarities and differences between the practices are determined.

Keywords: translanguaging, translanguaging, multilingualizing, communicative practice, fiction

For citation: Golovko NV. Translanguaging and multilingualizing communicative practices of an idealized multilingual person (on the material of the Russian translation of the first chapter of U. Eco's novel "Baudolino"). *Humanities and law research*. 2024;11(3):574-583. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.21>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.05.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

Введение. В рамках, проводившихся нами ранее исследований, поддержанных грантом Президента РФ для молодых российских учёных – кандидатов наук, мы обращались к проблематике смешивания языков в процессе изучения русского языка как иностранного. В фокусе нашего внимания находились трансязычные и мультиязычные коммуникативные практики иностранных студентов российского вуза.

Трансязычие (translanguaging) – опорный термин (а также название) научно-практической концепции, сложившейся в течение первых десятилетий XXI века на основе компромиссных педагогических методов и приёмов, используемых при обучении неродным и иностранным языкам, и под влиянием актуальных философских и социально-политических течений в западном обществе. Инициативная группа теоретиков и практиков из Нью-Йоркского городского университета во главе с проф. О. Гарсией приложила существенные усилия к развитию этой концепции, распространив её в т. ч. на лингвистику и психолингвистику [25].

Трансязычие учитывает предшествовавшие ему терминологические комплексы и концепции, такие как «переключение кода» (code-switching) [22], «креолизация» и т. д., однако предлагает иной взгляд на сущность смешивания языков. «Языковедческое» трансязычие провозглашает, в частности, что у людей, владеющих несколькими языками, складывается целостный «репертуар» языковых средств, внутри которого нет границ между отдельными языковыми системами, и многоязычный человек свободно пользуется всеми единицами этого репертуара, выбирая наиболее подходящие элементы разных языков по аналогии с тем, как одноязычный человек применяет те или иные стилистически окрашенные языковые средства в зависимости от их уместности и от ситуации общения [21]. Вследствие этого порождается непрерывная речевая ткань со смешиванием языков, когда во фразу на одном языке внедряются слова и словосочетания на другом языке (*I think, это правильно*).

Как следствие, вызывает интерес и представляется актуальным изучение того, каким образом, в каких ситуациях, с какой целью многоязычные люди смешивают языки. Соответствующие проблемные вопросы – к примеру, о спектре целей применения трансязыковых практик в ходе коммуникации – представляются в настоящее время не до конца решёнными [2]. При этом, хотя трансязычие изначально формировалось как педагогический принцип и инструмент, фокус исследовательского внимания может охватывать не только сферу преподавания языков, к которой мы обращались ранее, но и иные смежные области.

В рамках предварительных вводных замечаний следует также добавить, что сторонники концепции трансязычия рассматривают процесс смешивания языков в ходе коммуникации как естественный и даже инстинктивный [19]. В этом контексте представляет интерес интуитивное восприятие трансязычия, которое может быть исследовано интроспективно или путём анализа речевых произведений.

Учитывая вышесказанное, отметим, что изучение трансязычных и мультиязычных коммуникативных практик может не ограничиваться работой с людьми, изучающими языки в качестве неродных или иностранных, и может быть распространено, в частности, на анализ текстов литературно-художественных произведений, персонажами которых являются многоязычные люди, смешивающие языки в процессе общения. На наш взгляд, такой материал ценен в связи с тем, что автор произведения не только даёт персонажу речевую характеристику через употребление трансязычных и мультиязычных коммуникативных практик, но и воплощает своё собственное представление о том, в каких ситуациях, с какими целями и каким образом многоязычные люди могут интуитивно прибегать к смешиванию языков в ходе коммуникации.

В этом контексте представляется логичным исследование романа У. Эко «Баудолино» [9]: центральный персонаж, согласно замыслу автора, наделён способностью незамедлительно усваивать любой язык, речь на котором ему удалось услышать [10], что даёт основания рассматривать его как идеализированного мультилингва (многоязычную личность, использующую в речи несколько языков одновременно). Кроме того, первая глава произведения обладает индивидуальной спецификой, позволяющей оценить мыслительные процессы персонажа через его собственную речь от первого лица, записанную им в юности.

На основании предшествующих тезисов мы ставим перед собой цель проанализировать трансязычные и мультиязычные коммуникативные практики, актуализированные в первой главе романа «Баудолино», по их лексико-семантическим атрибутам и по ситуации их применения, а также сопоставить полученные результаты с имеющимися результатами исследований трансязычных и мультиязычных коммуникативных практик реальных людей (включая возможные предпосылки использования таких практик). На наш взгляд, достижение этой цели будет способствовать более глубокому пониманию предметной области, дальнейшему прогрессу теоретических и прикладных исследований в сфере трансязычия.

Специфика первой главы романа У. Эко «Баудолино». Роман «Баудолино» характеризуется исследователями как метаисторический. Вымышленный центральный персонаж взаимодействует с историческими личностями в эпоху IV Крестового похода [5]. При ознакомлении с текстом произведения становится очевидным, что первая глава «Баудолино пишет впервые» характеризуется рядом отличий от остального содержания романа. Читателю предлагается ознакомиться с самым первым текстом, написанным персонажем в юности с намерением составить хронику собственной жизни. Выделим ключевые черты этого текста.

1. Текст написан от первого лица, неструктурирован, имеет вид потока мыслей, развивающегося в большей степени по ассоциациям, чем путём логических рассуждений.

*но может им не надо ничего никому в канцелярии пишут себе
что попало что надо и не надо зачем искать пергамены да хотели
они ими подтере да видали они их в гробу*

*ncipit prologus de duabis civitatibus historiae AD MCCXLIII conscript
saepe multumque volvendo mecum de rerum temporalium motu ancipitq¹*

это было я не сумел убрать читать не надо

Рисунок 1. Имитация палимпсеста в первой главе романа «Баудолино» / Figure 1. Imitation of a palimpsest in the first chapter of the novel «Baudolino»

4. В ходе изложения персонаж активно прибегает к смешиванию языков, т. е. к трансязычным и мультязычным коммуникативным практикам.

Весь остальной текст романа написан конвенционально, от третьего лица и без применения специфических оформительских и речевых приёмов. Трансязычие и мультязычие, таким образом, могут быть названы одной из специфических черт, свойственных только первой главе.

Сам роман как текст и художественное произведение, по результатам проведённого нами анализа источников, в последние годы исследуется мало. Одним из исключений являются работы А. А. Цыганковой, занимающейся проблемами конструирования текстов в произведениях У. Эко [7]. Роман рассматривался также с точки зрения интертекстуальных связей [6], подвергался нарратологическому [11] и семиотическому [14] анализу. Специалисты по трансязычию или по многоязычию к его изучению, насколько нам известно, не обращались.

Необходимо, на наш взгляд, подчеркнуть во избежание возможных разночтений, что текст художественного произведения в настоящей статье является материалом, а не объектом или предметом исследования. Иными словами, это исследование не относится к области литературоведения.

Материалы и методы. Как следует из предшествующего изложения, материалом исследования выступает текст первой главы «Баудолино пишет впервые» романа У. Эко «Баудолино» в переводе на русский язык Е. Костюкович и Т. Кузнецовой (2003 г.). Специфика этого текста, мотивирующая выбор материала, описана выше.

Мы сочли важным отметить в названии исследования, что анализу будет подвергаться русский перевод этой главы. Данный подход имеет свои недостатки (в

2. Текст написан неграмотно, не имеет пунктуационного оформления, не делится на предложения. В роли предложений выступают квазисинтаксические единицы – фразы, каждая из которых начинается с красной строки.

3. Автор романа при помощи книжно-оформительских приёмов имитирует палимпсест (рукопись на повторно используемом пергаменте). Для имитации исправлений некоторые слова и фразы зачёркнуты. В двух случаях особым шрифтом набраны фразы из текста, который был написан на пергаменте ранее и которые персонаж, по его собственному примечанию, «не смог соскоблить», чтобы освободить место для собственных записей.

сравнении с обращением к оригинальному тексту), однако полезен тем, что упрощает атрибуцию трансязычия и мультязычия.

Для нужд исследования мы выделяем из текста главы те фразы (квазисинтаксические единицы, см. выше), в которых содержатся иноязычные включения. В качестве иноязычных включений мы рассматриваем лексические и синтаксические единицы (слова, словосочетания, предложения), которые записаны латиницей. В данном случае мы считаем оправданным оценивать латиницу как маркер «инородности», сигнализирующий о смешивании языков. Нерусские слова, записанные кириллицей, мы не включаем в охват этого исследования. Такой подход может характеризоваться некоторой степенью неполноты, однако его преимуществом, на наш взгляд, является однозначность критерия, по которому определяется смешивание языков.

При рассмотрении трансязычия как коммуникативной практики – в т. ч. в данной статье – важную роль играет соотнесение этого термина с рядом смежных, таких как «многоязычие», «мультязычие», «транслингвизм», «полилингвизм». Опираясь на результаты предшествующей работы с источниками, которую мы проводили в рамках более ранних исследований, мы применяем следующий принцип их разделения: трансязычие – это встраивание слова или словосочетания на одном языке в предложение или в стык предложений на другом языке; мультязычие – это встраивание одного или нескольких предложений на одном языке в коммуникативный акт на другом языке; транслингвизм – это атрибут личности, характеризующий её как обладающую способностью применять трансязычие; многоязычие и полилингвизм – это также атрибуты личности, характеризующие её как владеющую несколькими языками

и способную применять их в разных коммуникативных актах. Этот принцип, как нам представляется, учитывает большинство существующих подходов к интерпретации перечисленных терминов и может рассматриваться как консенсусный. Соответственно, при анализе материала в данном исследовании различие трансязычия и мультязычия осуществляется по следующему критерию: трансязычием считается использование одного или нескольких слов в рамках одной фразы или на их стыке, в то время как мультязычием считается использование фраз на одном языке в пределах коммуникативного акта на другом языке. Иноязычные включения, которые являются цитированием (например, *говорили rausz u min got u я через пол дня говорил raus u Maingot так точно*), проявлением трансязычия или мультязычия в настоящем исследовании не считаются, что, на наш взгляд, отвечает сущности этих терминов: здесь говорящий не заменяет элементы одного языка элементами другого языка, а приводит фрагменты сказанного по принципу «как есть».

Выделенные образцы трансязычия и мультязычия анализируются и описываются далее по следующим основаниям:

- 1) лексико-грамматический класс (часть речи);
- 2) лексико-семантическая категория;
- 3) коммуникативная ситуация.

Лексико-грамматический класс определяется исходя из того, какое слово русского языка подверглось замене. Лексико-семантическая категоризация опирается на «Русский семантический словарь» Н. Ю. Шведовой [8]. Этот подход мы обосновываем принципом «от общего к частному», т. е. тем, что иноязычные включения являются частью текста на русском языке. Коммуникативная ситуация характеризуется исходя из того, какие действия и события имеют место в соответствующем фрагменте текста.

Выбор названных трёх оснований обусловлен тем, что они, на наш взгляд, обеспечивают достаточно полное и в то же время объективное описание случаев трансязычия и мультязычия, на основании которого могут строиться последующие суждения и выводы.

Методологический аппарат исследования, таким образом, складывается из общенаучных методов анализа, синтеза и сравнения, а также частных методов лексико-грамматического, лексико-семантического и статистического анализа.

Анализ. Прежде чем обратиться к деталям исследования, считаем важным предоставить ряд расширенных вводных комментариев в формате обзора.

Трансязычие и мультязычие. Терминологическое наименование «трансязычие» современные зарубежные исследователи связывают с именем преподавателя языков К. Уильямса (см., напр., [15]). В 1994–1996 гг. этот специалист описал применяемую им педагогическую практику, в рамках которой обеспечивалась фасилитация учебного процесса: ученикам школы в Уэльсе при изучении английского языка разрешалось использовать валлийский язык для предоставления ответов на вопросы на английском языке. К. Уильямс присвоил этому приёму название «*trawsieithu*», которое впоследствии было переведено с валлийского языка К. Бейкером как «*translanguaging*». Таким образом были заложены основания для одноимённой теоретико-прикладной концепции, которая начала формироваться как педагогический метод (или, точнее, метод обучения; см. обзор

публикаций в [1]), а в дальнейшем получила развитие по ряду иных магистральных направлений.

В настоящее время, согласно имеющимся у нас сведениям, трансязычие дополнительно рассматривается в различных источниках как коммуникативная практика, языковедческая теория и общественная идеология.

Трансязычие как метод обучения – это допущение смешивания языков в учебном процессе, отказ от их целенаправленного разделения, конструктивное отношение к попыткам учащихся использовать несколько разных языков одновременно. Подразумевается также сознательная и преднамеренная эксплуатация многоязычия учащихся с целью повысить эффективность их обучения, хотя многие авторы в той или иной форме признают, что разработать какие-либо «изначально трансязычные» формы заданий и иные педагогические инструменты затруднительно. Педагогическое трансязычие применяется преимущественно в двух областях: в преподавании языков и в предметноязыковом интегрированном обучении (CLIL).

Трансязычие как коммуникативная практика – это свойственное многоязычным людям встраивание элементов одного языка (как правило, лексических единиц) в речь на другом языке для достижения разнообразных коммуникативных целей – например, для обеспечения непрерывности речи за счёт заполнения лакун, возникающих вследствие недостаточности словарного запаса. В исследованиях по этому направлению нередко актуализируется социологическая составляющая: к примеру, группа британских специалистов на протяжении ряда лет изучала трансязычие в связи со сверхразнообразием (*superdiversity*) полиэтнических городских районов, являющихся местом жительства представителей множества различных народов [23]. В подобных случаях трансязычие практикуется не только (и не столько) в учебном процессе, сколько в ходе повседневной коммуникации (приобретение товаров и т. п.).

Трансязычие как языковедческая теория – это одно из направлений, активно развиваемых специалистами Нью-Йоркского городского университета (см. выше). В рамках этого направления его сторонники предпринимают попытку обосновать тезис о том, что языков как упорядоченных кодовых систем со строгими границами не существует. В качестве альтернативы предлагается рассматривать бесконечное разнообразие индивидуальных идиолектов, свойственных каждому отдельному человеку [20]. Этот тезис, как представляется, призван служить фундаментом для упоминавшегося ранее предположения о том, что многоязычный человек обладает целостным коммуникативным репертуаром, составленным из множества известных ему языковых элементов, а не двумя и более различными языковыми системами, которые изолированы друг от друга. В связи с тем, что разработчики этого направления являются в большей степени педагогами, чем лингвистами, их аргументы в пользу вышеупомянутого тезиса не вполне убедительны.

Трансязычие как общественная идеология также является одним из направлений работы ньюйоркского коллектива. В данном случае практика трансязычия позиционируется в качестве уравнилельного механизма, который будет способствовать построению более справедливого общества за счёт повсеместного допущения практик по смешиванию языков, которые в настоящее время не одобряются официально (так, нормативные

правовые акты могут быть составлены с использованием средств только одного, государственного языка). Это направление хорошо укладывается в канву общественно-политических тенденций, характерных для современных США, и поэтому находит там определённое признание, хотя и подвергается аргументированной критике [16].

Обобщая, возможно сказать, что современные исследования по трансязычию и мультязычию как коммуникативным практикам сосредоточены преимущественно вокруг академических и педагогических контекстов, где предпринимаются попытки определить степень их полезности для учебного процесса (см., напр., [12] или [4]). Вместе с тем известны также исследования по трансязычию в художественных произведениях [3].

Предшествующие исследования трансязычных и мультязычных коммуникативных практик мультингвов. Во всей полноте предшествующие публикации по теме описаны в обзоре [2], из которого следует, что трансязычие и мультязычие в качестве коммуникативных практик исследуются сравнительно редко, однако к настоящему моменту различными авторами очерчен вполне широкий спектр ситуаций, в которых применяется смешивание языков, и возможных предпосылок к их использованию. В частности, одним из распространённых сценариев здесь является компенсация, т. е. замещение недостающих единиц одного языка известными единицами другого языка. Неполнота языкового инвентаря может быть обусловлена тем, что говорящий не знает требуемого способа выразить мысль или не может его вспомнить, хотя знал ранее. В подобных ситуациях, как представляется, трансязычие или мультязычие практикуется для обеспечения непрерывности коммуникации, достижения психологического комфорта за счёт того, что говорящий или пишущий остаётся частью коммуникативного процесса, не утрачивает связи с ним. На более высоких уровнях владения языком трансязычие и мультязычие могут приобретать более креативный характер, применяться для создания языковой игры, для самопрезентации и самоидентификации через многоязычие, повышения точности или выразительности сказанного, обогащения речи дополнительными смыслами. Трансязычие при этом более частотно, чем мультязычие.

В исследовании Дж. Дуарте 2019 г. [13] выполнен анализ трансязычных коммуникативных практик старших школьников по ряду объективных оснований, ключевым из которых является тип речевого акта. Согласно полученным результатам, в учебном процессе смешивание языков встречалось преимущественно в ситуациях декларирования, информирования или постановки вопроса. Автором выделен также ряд практических целей смешивания языков [13, с.162], таких как достижение лучшего понимания полученного задания (например,

путём перефразирования) и порождение ответов на заданные вопросы (включая, в частности, конструирование гипотез, контраргументацию и цитирование).

Следует также отметить существование социолингвистических и культурологических исследований (см., в частности, [23]), где акцентируется связь трансязычия и мультязычия с языковой картиной мира. В подобных контекстах смешивание языков рассматривается, например, как проявление стремления передать таким образом реалии иной действительности, сущность которых не выражается средствами иных языков во всей полноте, поскольку при этом теряется часть культурной ассоциативной нагрузки. Ньюйоркские исследователи, о деятельности которых мы упоминали ранее, считают, что смешивание языков применяется мультингвами в т. ч. для осмысления действительности и конструирования смыслов (см. об этом в [25]). Представляют интерес и признаки подобия между трансязычной речью и жаргонами либо сленгами, когда смешивание языков употребляется внутри замкнутых групп [23]. Это возвращает нас, в частности, к теме самоидентификации через трансязычие, которая упоминалась выше.

Отметим также ситуации, в которых говорящий или пишущий дублирует сказанное на нескольких разных языках (см., напр., [18] или [24]). Такие практики могут быть связаны со стремлением повысить вероятность корректного понимания сказанного: если какой-либо компонент смысла будет утрачен в высказывании на одном языке, он может сохраниться в высказывании на другом языке.

Необходимо, впрочем, принимать во внимание, что описанные ситуации и предпосылки применения трансязычных и мультязычных коммуникативных практик связаны преимущественно с контекстами освоения неродных и иностранных языков. Один из характерных примеров – исследование шведских учёных [17], где описывается, как школьники-мигранты применяют родной язык для конкретизации и семантизации (наполнения смыслом) абстрактных научных понятий на неродном языке. Это обусловлено тем, что концепция трансязычия как таковая изначально складывалась именно в таких исследовательских контекстах. Данное утверждение справедливо как для зарубежных, так и для отечественных научных работ [4].

Анализ материала. С учётом методологических положений, представленных в предыдущем разделе, из текста первой главы романа «Баудолино» извлечено 34 фразы (28,5 % от общего количества) с 42 иноязычными включениями. Средний объём фразы – 36 слов (от 7 до 89). Латинский язык употреблён в 22 фразах, немецкий – в 10, итальянский – в 4.

Обобщённые данные по основным критериям анализа представлены в таблице 1

Таблица 1 / Table 1
Результаты анализа трансязычных и мультязычных коммуникативных практик в тексте первой главы романа «Баудолино» / Results of analysis of translanguaging and multilingual communicative practices in the text of the first chapter of U. Eco's novel "Baudolino"

№	Характеристика	Количество	Доля
1	Трансязычие	38 (42 лексемы)	90,47 %
2	Мультязычие	4	9,53 %
Лексикограмматические классы (применимо только к трансязычию)			
1	Имя существительное	18	42,85 %

2	Наречие	8	19,05 %
3	Глагол	3	7,15 %
4	Служебные слова	2	4,76 %
5	Местоимение	1	2,38 %
6	Междометие	1	2,38 %
7	Устойчивое выражение (идиома)	9	21,43 %
Лексикосемантические категории (применимо только к трансязычию)			
1	Названия лиц	12	28,57 %
2	Оценочные слова	6	14,29 %
3	Мысль, мышление, логика	4	9,53 %
4	Вера, религия	4	9,53 %
5	Названия групп лиц	2	4,76 %
6	Названия тела, организма, их частей	2	4,76 %
7	Названия животных	2	4,76 %
8	Действие, деятельность	2	4,76 %
9	Названия растений	1	2,38 %
10	Указание на лицо	1	2,38 %
11	Действие, восприятие	1	2,38 %
12	Социальное взаимодействие	1	2,38 %
13	Время, последовательность событий	1	2,38 %
14	Счёт, количество	1	2,38 %
15	Без категории	2	4,76 %
Коммуникативная ситуация			
1	Пересказ речи носителя языка	12	28,57 %
2	Описание реалий	6	14,29 %
3	Обращение к носителю языка	5	11,9 %
4	Следование речевому образцу, этикет	5	11,9 %
5	Уточнение сказанного	4	9,53 %
6	Называние табуированных понятий	3	7,15 %
7	Имитация палимпсеста автором романа	2	4,76 %
8	Выражение эмоций	2	4,76 %
9	Аллюзия	1	2,38 %
10	Изложение последовательности событий	1	2,38 %
11	Иронизирование	1	2,38 %

Далее мы дадим комментарии к полученным результатам и предпримем попытку сопоставить их с итогами имеющихся исследований по трансязычным и мультиязычным коммуникативным практикам мультилингвов.

Результаты. Как видно по результатам анализа, доминирующим видом смешивания языков в первой главе романа «Баудолино» является трансязычие. Такая статистика сходна с имеющимися у нас данными, представлявшими на IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томский государственный университет, 14–16 апреля 2022 г.), согласно которым иностранные студенты российского вуза практикуют трансязычие существенно чаще, чем мультиязычие.

Мультиязычие отмечено в четырёх случаях. Из них два случая – это авторский приём У. Эко по имитации палимпсеста (см. об этом выше), остальные имеют место в начале текста и представляют собой, по нашему мнению, следование текстовой норме: пишущий пред-

принимает попытку придать своему тексту вид официальной хроники или жизнеописания, вследствие чего начинает со стандартизированных фраз на искажённом латинском языке (*Ratispone Anno Domini Domini mense decembri mclv kronica Baudolini cognomento de Aulario* [в Регенсбурге года Господня месяца декабря 1155 хроника Баудолино из семьи Аулариев (прим. переводчика романа)]), далее переходит на искажённый итальянский язык, далее – на «язык Фраскетты», роль которого играет русский язык. В последующем тексте персонаж констатирует, что «не может написать латынью», потому что «учился читать по латынским фолиантам», но «писать не силён»; возможно, таким образом, обоснованно утверждать, что причиной мультиязычных коммуникативных практик здесь является коллизия между стремлением следовать образцу и недостаточно развитым навыком письма на требуемом языке. Такой сценарий не выделяется обособленно в известных нам исследованиях по трансязычию и мультиязычию, однако представляется, на наш взгляд, вполне естественным.

При применении трансязычия, как следует из полученных результатов, иноязычные включения в большинстве случаев играют роль имени существительного и употребляются преимущественно в качестве названий лиц. При этом преобладающей коммуникативной ситуацией является пересказ речи носителя языка. На наш взгляд, эти статистические данные следует интерпретировать в совокупности и рассматривать как репрезентацию основного сценария применения трансязычия в тексте главы. Иными словами, персонаж чаще всего прибегает к трансязычию в тех случаях, когда передаёт иноязычную речь и называет при этом различных субъектов (и они *говорили Kind поищи-ка нам хорошую Frouwe*). Причины для этого могут быть различными; основными из них мы считаем следующие.

1. При помощи трансязычия персонаж может обеспечивать аутентичность речи, т. е. подчёркивать и акцентировать тот факт, что сказанное принадлежит иностранцу. В пользу этого суждения может свидетельствовать, к примеру, следующий фрагмент: *тот в ответ ha ha вижу люди тертые у вас тут в Маренкуме*.

2. Трансязычие может быть вынужденным, т. е. персонаж приводит в неизменном виде те иноязычные слова, которые ему неизвестны. В частности, приведённый выше пример (и они *говорили Kind поищи-ка нам хорошую Frouwe*) имеет следующее продолжение: *я спросил что это Frouwe*. Сам персонаж в аналогичных контекстах обычно пользуется словом фемина.

3. Персонаж может употреблять иноязычные слова с целью указать на то, что идёт речь о фрагменте иной действительности (понизу *milites камят ту башню с колесами / по тем milites бьют стрелы как град*). В этом контексте уместно обратить внимание на то, что второй по распространённости коммуникативной ситуацией в результатах анализа является описание реалий. В исследованиях по трансязычию известны подобные случаи. В частности, британский исследователь Дж. Симпсон наблюдал практику сохранения ключевых юридических терминов при синхронном переводе с английского языка на чешский [23], т. е. переводчик внедрял в свою речь на чешском языке английские термины, такие как *housing* или *council tax*, несмотря на то что в чешском языке для них были подходящие эквиваленты. Британские социологи объясняют это следующим образом: переводчик называет те реалии, которые свойственны исключительно Великобритании, и если бы контекст коммуникации был иным, то в назывании этих понятий не возникло бы никакой потребности. Схожая ситуация может наблюдаться и в тексте романа. В качестве иллюстрации приведём следующий пример: *вмиг обоброчат плати десятину de fructibus десятину от сена от овощей и плати арендные и плати прокатные и плати яремные*. Здесь, на наш взгляд, *de fructibus* также выступает в роли юридического термина.

Вполне существенное место в общей статистике занимают устойчивые конструкции: фразеологические обороты и идиоматические выражения. Около половины из них (4 из 9) относятся к лексико-семантической категории веры и религии (*я тогда залег под куст и два часа повторял virgine sancta помилуй мя*). На наш взгляд, подобные эпизоды следует объяснять привычностью и шаблонностью таких конструкций. Персонаж, вероятно, ощущает их шаблонный и формальный характер, на что может указывать одно из внесённых им исправлений: *воздадим же хвалу domini dominus в общем я хочу сказать слава богу*. Также во множество

идиоматических выражений входят формулы вежливости, которые при характеристике коммуникативной ситуации относятся к следованию образцу (в данном случае этикетному). Они представлены формулами благодарности (*grazie benedicite*) и формальными обращениями (*Sanktissimus Rex*). В известной нам академической практике этикетные формулы также становятся объектами трансязычных замен, в ряде случаев подвергаясь контаминации: иностранный учащийся порождает смешанную конструкцию, одна часть которой является фрагментом формулы вежливости из одного языка, а другая часть взята из формул речевого этикета на другом языке.

Также следует, по нашему мнению, обратить внимание на коммуникативные ситуации, в которых трансязычие употребляется при уточнении сказанного. Одним из характерных примеров может выступать следующий фрагмент: *барин на это говорит мне ладно значит ты видел этого носорога ты поди разумеешь Мопокерос но откуда же тебе известно что существуют носороги на свете*. В данном случае, как нам представляется, средства иного языка привлекаются с целью удостовериться в точном понимании содержания высказывания. Эта коммуникативная практика часто описывается в практикоориентированных исследованиях по трансязычию в учебном процессе и рассматривается в качестве одного из инструментов трансязыковой педагогики: учащиеся привлекают средства всех известных им языков для обогащения учебного материала и более эффективного его усвоения.

Разновидностью уточнения является дублирование: *ты малый риер был удостоен небесного Знамени*. Данная практика также встречается в результатах исследований трансязычия в академической среде и может рассматриваться в качестве своеобразной разновидности избыточного кодирования. В учебном процессе употребление одного и того же слова на нескольких разных языках позволяет учащемуся увеличить шансы на то, что адресат успешно поймёт его высказывание.

Из числа менее распространённых, но представляющих, на наш взгляд, интерес сценариев отметим применение трансязычия в ситуациях называния табуированных понятий (*и лягнул его коленом в самые Testicula так что он ажно согнулся*). В данном случае представляется обоснованным утверждение, что иноязычные слова употребляются в качестве эвфемистических замен. Нет, однако, полной ясности в том, чьей интенцией это является. Из речевой характеристики персонажа следует, что он вполне свободно рассуждает о табуированных понятиях, хотя и прибегает к описательным иносказаниям вместо прямых упоминаний. Возможно, употребление эвфемизмов отражает коммуникативные намерения автора романа, а не персонажа.

В этом контексте следует оговориться, что занимающая второе место по распространённости лексико-семантическая категория «Оценочные слова» с явлением эвфемизации не соотносится. Иноязычные оценочные слова в тексте первой главы романа преимущественно являются частью пересказов речи носителей языка и отражают их отношение к ситуации (*просто schwach, покамест schlecht* и т. п.).

В дополнение к вышеизложенному, интерес для дискуссии представляет, на наш взгляд, следующий проблемный вопрос современных исследований по трансязычию.

В зарубежных научных публикациях о трансязычии как педагогическом и методическом подходе нередко

подчёркивается, что смешивание языков не следует рассматривать как механизм компенсации недостаточного владения каким-либо отдельно взятым языком. Приводятся отдельные эмпирические свидетельства (см., напр., [18]) в пользу того, что многоязычные люди знают нужные лексические единицы, однако намеренно, «стратегически» [25] применяют иноязычные включения. В то же время анализ коммуникативных практик учащихся, осваивающих неродной или иностранный язык, свидетельствует, как правило, в пользу того, что именно компенсация является доминирующим сценарием. Такие данные были представлены в т. ч. нами на IX (XXIII) конференции «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (см. упоминание в начале этого раздела).

Анализ трансязычных практик в первой главе романа «Баудолино», в свою очередь, даёт основания рассматривать эти практики как свидетельство в пользу тезиса об осознанном выборе между известными персонажу единицами и средствами разных языков. В ряде случаев иноязычные включения являются результатом исправлений, внесённых пишущим в его текст. Мы упоминали ранее пример, в котором персонаж отказался *от воздадим же хвалу domini dominus в пользу слава богу*. Ещё одним примером служит, на наш взгляд, одна из фраз в начале главы, где итальянское словосочетание *a yo face* зачёркнуто и вместо него вписано синонимичное латинское словосочетание *habeo facto*, хотя фраза в целом написана по-итальянски.

По нашему мнению, в данном случае следует связывать эти эмпирические расхождения с тем, что компенсирующее трансязычие наблюдается при освоении неродного или иностранного языка, в то время как осознанное «стратегическое» трансязычие – при порождении речи на том языке, который вполне знаком пишущему. Это может служить аргументом в пользу тезиса о том, что характер и цели трансязычных замен зависят в т. ч. от уровня владения языком: на более низких уровнях реализуется компенсирующее трансязычие, в то время как на более высоких уровнях смешивание языков приобретает творческий и целенаправленный характер.

Добавим также, что в отдельных случаях одно и то же иноязычное включение в различных фразах записано как латиницей, так и кириллицей: *и они говорили Kind поищи ка нам хорошую Frouwe, но слыша это господин говорит Kind ты мне послан небом*. На этом основании, как нам представляется, возможно утверждать, что отдельные трансязычные и мультязычные практики в русском переводе первой главы романа «Баудолино» не являются авторским нарративным приёмом или речевой характеристикой персонажа, а принадлежат переводчику произведения. В известных нам научных публикациях о смешивании языков такой сценарий не рассматривается целенаправленно, однако факты участия переводчика в трансязычных и мультязычных коммуникативных практиках эпизодически отмечаются (см., напр., [17]).

Проведённый анализ трансязычных и мультязычных коммуникативных практик в русском переводе первой главы романа У. Эко «Баудолино» позволяет прийти к следующим выводам.

1. В результате анализа определено, что в 34 фразах из 119 (28,5 %) в тексте главы реализованы трансязычные и мультязычные коммуникативные практики. Большинство (90,47 %) случаев смешивания языков представляет собой трансязычие, т. е. внедрение одного или нескольких слов на одном языке во фразу

на другом языке. Определено также, что иноязычные лексемы при трансязычных заменах преимущественно играют роль имени существительного (42,85 % случаев) или наречия (19,05 %) либо являются устойчивыми выражениями (21,43 %). В результате лексико-семантической категоризации установлено, что 28,57 % иноязычных включений представляют собой названия лиц, 14,29 % – оценочные слова. Определено, что трансязычные и мультязычные коммуникативные практики реализовываются, как правило, при пересказе речи носителей другого языка (28,57 % случаев), описании реалий иной действительности (14,29 %), обращении к носителю иного языка (11,9 %), следовании речевому образцу, в т. ч. этикетному (11,9 %).

2. Проведённый анализ указывает на то, что текст первой главы романа «Баудолино» характеризуется сочетанием разноуровневых и разнонаправленных трансязычных и мультязычных коммуникативных практик. Автор произведения применяет смешивание языков не только с целью дать речевую характеристику персонажа, но и для повышения иммерсивности, создания эффекта присутствия, когда посредством иноязычных и инотекстовых включений создаётся впечатление чтения средневековой рукописи-палимпсеста. Отмечаются также косвенные свидетельства того, что часть трансязычных и мультязычных практик в тексте главы может принадлежать переводчику. Полученные результаты дают основания выделить в дискурсивной деятельности центрального персонажа произведения ряд коммуникативных целей и причин смешивания языков: обеспечение аутентичности пересказываемой речи носителей иного языка, цитирование неизвестных слов, указание на фрагменты иной картины мира, употребление стандартизированных конструкций в неизменном виде, уточнение сказанного, эвфемизация, выбор наиболее подходящего способа выразить мысль.

3. Сопоставление полученных результатов и сделанных выводов с результатами и выводами имеющихся российских и зарубежных исследований трансязычных и мультязычных коммуникативных практик многоязычных людей указывает на то, что характер и специфика смешивания языков в рассматриваемом художественном произведении обладают рядом сходств и отличий в сравнении с аналогичными практиками в академической и повседневной дискурсивной деятельности билингов и мультингвов. К числу сходств могут быть отнесены: преобладание трансязычия над мультязычием, реализация трансязычных коммуникативных практик при передаче реалий иной действительности, следовании речевому или текстовому образцу, уточнении сказанного (в т. ч. в форме дублирования одного и того же содержания на нескольких языках), преднамеренное использование трансязычия для более эффективной реализации коммуникативных интенций на высоком уровне владения языком. К числу отличий могут быть отнесены: применение мультязычия в качестве художественного и книжнооформительского приёма, мультязычность речи вследствие коллизии между стремлением следовать текстовому образцу и недостаточной развитостью навыка письма на требуемом для этого языке, использование трансязычных замен для акцентирования «иностранности» чужой речи или иносказательного назовавания табуированных понятий (эвфемизация).

Полученные результаты и сделанные выводы обогащают имеющиеся представления о целях и причинах смешивания языков многоязычными людьми в ходе

коммуникации. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с расширением как спектра анализируемых художественных произведений, так и перечня

рассматриваемых коммуникативных ситуаций и сфер деятельности человека, в которых могут реализовываться практики смешивания языков.

Литература

1. Головкин Н. В. Трансязычие как метод обучения в зарубежной лингводидактике // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4(48). С. 137–154.
2. Головкин Н. В., Шейко Д. В. Обзор актуальных исследований трансязычия как коммуникативной практики мультилингвов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 60–90.
3. Джусупов Н. М. Транслингвальный и транскультурный аспекты стилистического выдвигания в художественном тексте (на материале поэзии О. Сулейменова) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 519–530.
4. Куриленко В. Б., Бирюкова Ю. Н., Цотова Д. Транслингвальный подход в обучении иностранным языкам: сущность, специфика, лингводидактический потенциал // Технологии, образование, наука: стратегия прорыва: сб. науч. тр. по материалам Международной научно-практической конференции 6 марта 2020 г. Белгород, 2020. С. 28–33.
5. Муштанова О. Ю. «Баудолино» Умберто Эко как метaihсторический роман // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3. Ч. 1. С. 152–156.
6. Суханова И. А. Уроки интертекста от Умберто Эко. Часть 2 // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 4. С. 74–81.
7. Цыганкова А. А. Конструирование языков в текстах Умберто Эко (на материале романа «Баудолино») // Казанская наука. 2023. № 8. С. 95–97.
8. Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Т. 1–4. М.: Азбуковник, 2003.
9. Эко У. Баудолино (пер. Е. Костюкович). М.: ООО «Издательство Астрель», 2012. 624 с.
10. Bradatan C. Always Narrating: The Making and Unmaking of Umberto Eco // Los Angeles Review of Books. 2020. № 3. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/always-narrating-the-making-and-unmaking-of-umberto-eco/> (accessed: 21.04.2024).
11. Burrell A. Narratives of the Fake: The Collected Object, Personal Histories and Constructed Memory. In: Tropes for the Past. Leiden: Brill, 2006. P. 99–107.
12. Caruso E. Translanguaging in higher education: using several languages for the analysis of academic content in the teaching and learning process // *Language Learning in Higher Education*. 2018. Vol. 8 (1). P. 65–90.
13. Duarte J. Translanguaging in mainstream education: a sociocultural approach // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. No. 22:2. P. 150–164.
14. Evdoudou E. Multiscale textual semiotic analysis // *Semiotica*. 2008. No. 171. P. 251–264.
15. Fine C. G. Translanguaging with multilingual students: Learning from classroom moments, edited by O. Garcia, and T. Kleyn // *Bilingual Research Journal*. 2018. No. 41:3. P. 349–352.
16. Jaspers J. The transformative limits of translanguaging // *Language & Communication*. 2018. Vol. 58. P. 1–10.
17. Karlsson A., Larsson P. N., Jakobsson A. Multilingual students' use of translanguaging in science classrooms // *International Journal of Science Education*. 2019. No. 41:15. P. 2049–2069.
18. Kiramba L. K. Translanguaging in the writing of emergent multilinguals // *International Multilingual Research Journal*. 2017. №. 11:2. P. 115–130.
19. Li W. Translanguaging as a practical theory of language // *Applied Linguistics*. 2018. Vol. 39, Issue 1. P. 9–30.
20. Otheguy R., García O., Reid W. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: a perspective from linguistics // *Applied Linguistics Review*. 2015. No. 6 (3). P. 281–307.
21. Otheguy R., García O., Reid W. A translanguaging view of the linguistic system of bilinguals // *Applied Linguistics Review*. 2019. No. 10 (4). P. 625–651.
22. Poza L. Translanguaging: definitions, implications, and further needs in burgeoning inquiry // *Berkeley Review of Education*. 2017. No. 6 (2). P. 101–128.
23. Simpson J. Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas // *Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference / Ed. by Colman H. New Delhi, 2015. P. 207–223.*
24. Straszer B., Rosén J., Wedin A. Spaces for translanguaging in mother tongue tuition // *Education Inquiry*. 2022. No. 13(1). P. 37–55.
25. Vogel S., García O. Translanguaging // *The Oxford Research Encyclopedia: Education*. URL: <http://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264093.013.181> (accessed: 01.11.2023).

References

1. Golovko NV. Translanguaging as instruction method in foreign linguistic didactics. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*. 2022;4(48):137-154. (In Russ.)
2. Golovko NV, Sheiko DV. Review of current research on translanguaging as a communicative practice of multilinguals. *Nauchnyi dialog*. 2021;(7):60-90. (In Russ.)
3. Dzhusupov NM. Translingual and transcultural aspects of stylistic advancement in a literary text (based on the poetry of O. Suleimenov). *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2017;8(3):519-530. (In Russ.)
4. Kurilenko VB, Biryukova YuN, Tsotova D. Translingual approach to teaching foreign languages: essence, specificity, linguodidactic potential. In: Technologies, education, science: breakthrough strategy: materials of the International Scientific and Practical Conference on March 6, 2020. Belgorod, 2020. P. 28-33. (In Russ.)
5. Mushtanova OYu. "Baudolino" by Umberto Eco as a metahistorical novel. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015;(3-1):152-156. (In Russ.)
6. Suhanova IA. Intertext lessons by Umberto Eco. Part 2. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*. 2017;(4):74-81. (In Russ.)
7. Tsygankova AA. Construction of languages in the texts of Umberto Eco (based on the novel «Baudolino»). *Kazanskaya nauka*. 2023;(8):95-97. (In Russ.)
8. Shvedova NYu. Russian semantic dictionary. Vol. 1-4. Moscow: Azbukovnik; 2003. (In Russ.)
9. Eco U. Baudolino (transl. by E Kostyukovich). Moscow: Astrel Publishing; 2012. (In Russ.)
10. Bradatan C. Always Narrating: The Making and Unmaking of Umberto Eco. *Los Angeles Review of Books*. 2020;(3). URL: <https://lareviewofbooks.org/article/always-narrating-the-making-and-unmaking-of-umberto-eco/> (accessed: 21.04.2024).
11. Burrell A. Narratives of the Fake: The Collected Object, Personal Histories and Constructed Memory. In: Tropes for the Past. Leiden: Brill, 2006. P. 99-107.
12. Caruso E. Translanguaging in higher education: using several languages for the analysis of academic content in the teaching and learning process. *Language Learning in Higher Education*. 2018;8(1):65-90.

13. Duarte J. Translanguaging in mainstream education: a sociocultural approach. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2019;(22:2):150-164.
14. Evdoridou E. Multiscale textual semiotic analysis. *Semiotica*. 2008;(171):251-264.
15. Fine CG. Translanguaging with multilingual students: Learning from classroom moments, edited by O. Garcia, and T. Kleyn. *Bilingual Research Journal*. 2018;(41;3):349-352.
16. Jaspers J. The transformative limits of translanguaging. *Language & Communication*. 2018;58:1-10.
17. Karlsson A, Larsson PN, Jakobsson A. Multilingual students' use of translanguaging in science classrooms. *International Journal of Science Education*. 2019;(41:15):2049-2069.
18. Kiramba LK. Translanguaging in the writing of emergent multilinguals. *International Multilingual Research Journal*. 2017;(11:2):115-130.
19. Li W. Translanguaging as a practical theory of language. *Applied Linguistics*. 2017;(11:2):115-130.
20. Otheguy R, García O, Reid W. A translanguaging view of the linguistic system of bilinguals. *Applied Linguistics Review*. 2019;10(4):625-651.
21. Otheguy R, García O, Reid W. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: a perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review*. 2015;6(3):281-307.
22. Poza L. Translanguaging: definitions, implications, and further needs in burgeoning inquiry. *Berkeley Review of Education*. 2017;6(2):101-128.
23. Simpson J. Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas. In: *Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference*. Ed. by Colman H. New Delhi; 2015. P. 207-223.
24. Straszer B, Rosén J, Wedin Å. Spaces for translanguaging in mother tongue tuition. *Education Inquiry*. 2022;13(1):37-55.
25. Vogel S, García O. Translanguaging. *The Oxford Research Encyclopedia: Education*. URL: <http://doi.org/10.1093/acrefore/9780190264093.013.181> (accessed: 01.11.2023).



Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.22>

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННЫХ НУМЕРОЛОГИЧЕСКИХ УПОТРЕБЛЕНИЙ НОМИНАЦИЙ АТМОСФЕРНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Виолетта Михайловна Грязнова^{1*}, Диана Славалиевна Классова²^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Доктор филологических наук, профессор
violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>² Аспирант
ilyasovadi4@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-8575-601X>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Начиная со второй половины XX века, ученых стала интересовать прагматическая сторона языка. В данной статье рассматриваются наименования с переносным десемантизированным нумерологическим значением «большое (больше нормы, меры) количество», объединенные по прямому значению в лексико-семантическую группу «Атмосферные явления». Прослеживается история возникновения названных значений, а также особенности их функционирования. Актуальность исследования определяется попыткой проанализировать переносные нумерологические значения номинаций атмосферных явлений в разговорной речи носителей языка. **Материалы и методы.** В качестве материала взяты слова *буря, дождь, ливень, ураган, шквал*. На основе сопоставления словарных значений лексемы были объединены в лексико-семантическую группу «Атмосферные явления». Комплексная методология, включающая семантический метод и метод компонентного анализа, позволила выявить особенности функционирования лексем в речи и их лексическую сочетаемость. **Анализ.** В статье рассмотрены особенности семантики каждой названной номинации в нумерологическом значении, были выявлены изменения в их содержании, обусловленные развитием языка, а также обнаружены новые семы в их содержании в обиходном общении носителей языка. Анализ примеров переносных употреблений наименований атмосферных явлений в нумерологическом значении проводится путем выделения отдельных компонентов значения, в том числе

компонента 'большое количество, множество' с дальнейшим выявлением способности к реализации идентифицирующей или характеризующей функции. **Результаты.** Лексемы, относящиеся к ЛСГ «Атмосферные явления» выявляют различия в прагматическом компоненте. Одни наименования используются говорящими в переносном значении 'большое количество, множество' часто, другие встречаются редко и с функциональной точки зрения служат лишь для прямого обозначения предмета действительности. В современном русском языке наблюдаются новые, еще не зафиксированные лексикографами, примеры переносного нумерологического употребления данных лексем.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, семантика, прагматика, номинация, десемантизация, атмосферные явления, большое количество

Для цитирования: Грязнова В. М., Классова Д. С. Семантика и прагматика десемантизированных нумерологических употреблений номинаций атмосферных явлений // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 584–589. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.22>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2024.

Статья принята к публикации: 25.07.2024.

Research article

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF DESEMANTICIZED NUMEROLOGICAL USES OF ATMOSPHERIC PHENOMENA NOMINATIONS

Violetta M. Gryaznova^{1*}, Diana S. Klassova²^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (Philology), Professor
violetta-sgy@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2577-9594>² Postgraduate student
ilyasovadi4@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-8575-601X>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Since the second half of the 20th century, scientists have become interested in the pragmatic side of language. This article discusses names with a figurative desemanticized numerological meaning «large (more than the norm, measures) quantity», combined in direct meaning into the lexical and semantic group "Atmospheric phenomena". The history of the emergence of these meanings, as well as the peculiarities of their functioning, is traced. The relevance of the study is determined by an attempt to analyze the figurative numerological values of atmospheric phenomena nominations in the spoken language of native speakers. **Materials and Methods.** The words *storm, rain, downpour, hurricane, squall* are taken as the material. Based on the comparison of dictionary

meanings, the lexemes were combined into the lexical and semantic group "Atmospheric phenomena". A comprehensive methodology, including the semantic method and the method of component analysis, made it possible to identify the features of the functioning of lexemes in speech and their lexical compatibility.

Analysis. The article examines the peculiarities of the semantics of each named nomination in numerological meaning, revealed changes in their content due to the development of the language, as well as discovered new semes in their content in everyday communication of native speakers. The analysis of examples of figurative uses of names of atmospheric phenomena in numerological meaning is carried out by highlighting individual components of meaning, including the component 'a large

© Грязнова В. М., Классова Д. С., 2024

number, a multitude' with further identification of the ability to implement an identifying or characterizing function. **Results.** The lexemes related to the LSG «Atmospheric phenomena» reveal differences in the pragmatic component. Some names are used by speakers in the figurative meaning of 'a large number, a multitude' often, others are rare and from a functional point of view serve only to directly designate the subject of reality. There are new examples of figurative numerological use of these lexemes, which have not yet been recorded by lexicographers in modern Russian.

Keywords: lexical and semantic group, semantics, pragmatics, nomination, desemantization, atmospheric phenomena, a large number

Введение. Актуальность данного исследования заключается в том, что в современной лексикологии недостаточно внимания уделяется анализу устной речи носителей языка, в том числе изучению новых переносных нумерологических значений у имен существительных. Язык развивается стремительно и быстро на протяжении столетий, и лексикографы часто не успевают зафиксировать в словарях изменения, произошедшие в семантике каждой отдельно взятой лексемы. Особый интерес представляет способность лексем к выражению идентифицирующей или характеризующей функций в зависимости от целей высказывания говорящего. Предикативные контексты с лексемами в переносном значении большого количества говорят об их упрочении в языке: они способны не только называть количество предметов действительности, но и выражать эмоционально-экспрессивную оценку носителя языка.

Проблематика десемантизации в лингвистике изучается как явление, которое вызвано ослаблением номинативной функции лексемы в определенных контекстах, в результате чего возникают переносные значения с диффузной семантикой, что свойственно разговорной речи. Повседневное общение характеризуется усилением эмоционального компонента в содержании выбранной лексемы и уходом на периферию ее денотативно-сигнификативного компонента. В.И. Карасик пишет: «... важнейшей характеристикой обиходного общения является широкая семантическая вариативность используемых знаков, размытость их семантики и логически связанная с этим качеством ситуативная обусловленность» [6, р. 105]. Н.Д. Арутюнова в книге «Язык и мир человека» исследует соотношение дескриптивного и оценочного значений в составе предикатов, выраженных прилагательными [1, р. 3440]. Ряд статей В.М. Грязновой посвящен проблематике десемантизации в рамках определенных групп существительных [4, 5]. Диссертации И.Н. Корсуновой «Дейктические существительные в современном русском языке: состав, семантика, прагматика» [7], А.Н. Мамедовой «Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры» [9], Д.А. Писаренко «Слова смерти в русском языке: семантический, семиотический, лингвокультурологический аспекты» [11] посвящены отдельным вопросам ослабления номинативной функции существительных в русской разговорной речи. При этом специфика различного проявления процесса десемантизации существительных, входящих в лексико-семантическую группу «Атмосферные явления» в современном русском языке, является неизученной.

Материалы и методы. При написании статьи был проанализирован материал толковых словарей русско-

For citation: Gryaznova VM, Klassova DS. Semantics and pragmatics of desemantized numerological uses of atmospheric phenomena nominations. *Humanities and law research*. 2024;11(3):584-589. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.22>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 17.03.2024.

The article was approved after reviewing: 18.06.2024.

The article was accepted for publication: 25.07.2024.

го языка: Д.Н. Ушакова и Словарь современного русского языка (БАС), а также материалы, взятые из Национального корпуса русского языка, представляющие собой примеры контекстного употребления переносных номинаций атмосферных явлений.

При анализе языкового материала использовались семантический метод, метод компонентного анализа, дистрибутивный метод, статистический метод.

Объектом данной статьи является процесс десемантизации существительных, входящих в лексико-семантическую группу «Атмосферные явления», в обиходной разговорной практике. Предметом работы является специфика переносных нумерологических значений и смыслов названных имен существительных узусного или нормативного характера, а также особенности фиксации таких номинаций в толковых словарях русского языка.

Целью исследования является анализ семантики и прагматики десемантизированных нумерологических употреблений номинаций атмосферных явлений в разговорной речи носителей языка.

Анализ. На протяжении многих лет ученых-лексикологов интересовали вопросы, касающиеся значения слова. Большой интерес представляют слова, которые в языковом сознании носителей языка прошлого существовали в одном значении и таким образом характеризовали особенности ушедшей эпохи, а затем в контекстном употреблении приобрели совершенно новую, необычную семантику. Появление нового смысла в содержании слова свидетельствует о развитии языка в целом. Переживая новый опыт, постоянно взаимодействуя и обмениваясь информацией с другими людьми, человек обязательно стремится к усовершенствованию языка, к его обновлению, в этом и заключается развитие. И слово как минимальная значимая единица языковой системы является показателем ее особенностей в современную эпоху.

Прежде чем говорить о том, как функционируют в речи слова, обозначающие большое количество, необходимо дать определение самому понятию «значение слова». Академик В.В. Виноградов под лексическим значением слова подразумевает «его предметно-вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [3, р. 169]. Ученый выделяет в системе значений языка прямо-номинативные, то есть прямо называющие предмет действительности, указывающие на него, и косвенно-номинативные значения, отображающие предмет опосредованно, через образы, возникающие в мыслях носителя языка. Часто переносное значение слова возникает из прямого путем сходства внешних признаков предмета (метафора) или смежности явлений (метонимия).

Для данного исследования важно изучить, как лексемы русского языка, обозначающих атмосферные явления (**буря, дождь, ливень, ураган, шквал**), способны использоваться для одного и того же переносного нумерологического значения «большое (больше нормы, меры) количество». Такие слова мы объединили в одну лексико-семантическую группу. Исследователь лексикологии Э.В. Кузнецова дает следующее определение понятия ЛСГ: «Лексико-семантическая группа – это класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (компоненты) и типовые уточняющие дифференциальные компоненты, а также характеризующиеся высоким схематизмом сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [8, р. 113]. Для объединения лексем в семантическую группу необходим в первую очередь общий компонент значения. Отобранные для данного исследования слова **буря, дождь, ливень, ураган, шквал**, несмотря на различия в своем содержании, имеют общий семантический компонент: все эти слова обозначают атмосферные явления и, следовательно, будут объединены в одноименную лексико-семантическую группу. Что касается «функциональной эквивалентности» слов ЛСГ, отмеченной профессором Э.В. Кузнецовой во второй части определения, то истинность этого утверждения нам предстоит доказать.

Для начала следует обратиться к словарю Д.Н. Ушакова и Словарю современного русского языка (БАС), чтобы проанализировать развитие семантики указанных наименований. Первая лексема **буря** в толковых словарях представлена следующим образом:

Словарь Ушакова: Буря, бури, ж. 1. Ненастье, сопровождаемое ветром, достигающим разрушительной силы, часто с дождем или снегом. Поднялась **буря**. 2. перен. Очень сильное душевное волнение (книжн.). В душе была целая **буря** страстей. 3. перен. Стихийное массовое проявление чувств, проявление своего отношения к чему-н. (книжн.). Речь оратора вызвала бурю восторгов [13, р. 48].

Переносное значение строится на основе сходства с прямым (метафорически): сильное душевное волнение ассоциируется с ненастьем разрушительной силы. Д.Н. Ушаков выделяет ещё одно переносное значение, хотя и не слишком отличающееся от первого (добавил компонент 'стихийное, массовое').

БАС: Буря, и, ж. 1. Сильный, разрушительный ветер, обычно вместе с дождем, градом или снегом. Буря мглою небо кроет, Вихри снежные крутя. Пушкин. Зимний вечер. 2. Перен. О явлениях, событиях, вызывающих глубокие потрясения в жизни общества. Настоящие дни, обильные грозными бурями и величайшими подвидами народного мужества, были свидетелями заката его гения. Вяз. О Державине. ♦ Буря чего-л., какая-л. Она ушла. Стоит Евгений, Как будто громом поражен. В какую бурю ощущений Теперь он сердцем погружен! Пушкин. Е.О. / О чрезвычайно сильном, бурном проявлении чего-л. ♦ Буря чего-л. Вы поэт, вы поймете меня лучше их, и ваше тихое ободрение дороже мне целой бури рукоплесканий. Пушкин. Егип. ночи [2, т. 2, р. 270].

В БАС наблюдается появление нового значения – буря как 'явление, вызывающее глубокое потрясение в обществе'. И далее в качестве употребления к этому переносному значению в БАС зафиксирована его идентификация – обозначение 'сильного проявления чего-либо'. Семантика большого количества в содержании слова буря не описана лексикографами.

Для исследования важно выявить частотность употребления лексем в разговорной речи, а также их функционирование в качестве идентификации (номинации объектов действительности как данность) либо предикации (субъективного выражения мыслей говорящего относительно кого-, чего-либо).

Рассмотрим примеры с переносными значениями слова **буря** из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

[М.Ганапольский] Должен вам сказать/ что на пейджере буря эмоций по этому поводу. Беседа о «деле ЮКОСа» в эфире радиостанции «Эхо Москвы» (20032004) [10].

[Степанов Георгий Владимирович, муж, 64, 1919, филолог] Это тем более важно подчеркнуть/ что во второй половине двадцатого века поднялась **буря** разнонаправленных методов во всех науках идеологического цикла. Траурный митинг на похоронах А.С. Бушмина (1983) [10].

[Т.Г. Винокур, жен, 79, 1894, лингвист] Так такая была **буря** возражений от слушателей. Т.Г. Винокур. Беседа о русском языке на «Радио России» (1973) [10].

Полагаем, что в приведенных примерах вершинной семой в значении слова **буря** является компонент 'большое количество', а сема 'чрезвычайно сильном, бурном проявлении чего-л.', зафиксированная в БАС как оттенок переносного значения 'о явлениях, событиях, вызывающих глубокие потрясения в жизни общества' переместилась из ядерной части на периферию. Лексема **буря** в переносном значении большого количества в современном разговорном русском языке проявляется не часто, многие примеры относятся ещё к прошлому столетию и по своей функции являются идентифицирующими (**буря эмоций, буря методов, буря возражений**). В то же время возможны контексты со словом **буря** в предикативной функции: **Возражений от слушателей – буря!**

Проанализируем следующую лексему.

Словарь Ушакова: Дождь, дождя (дошь, дожьжя), м. 1. Род атмосферных осадков в виде водяных капель. Проливной дождь. 2. перен. Поток сыплющихся во множестве мелких частиц (книжн.). Дождь искр. || перен. Множество, непрерывное обилие (книжн.). Дождь похвал [13, р. 122].

В словаре Д.Н. Ушакова компоненты переносного значения постепенно изменяются на основе сходства с прямым: 'поток' + 'сыплющихся' + 'во множестве' + 'мелких' + 'частиц'; далее наблюдается лишь семантика большого количества.

БАС: Дождь, я, м. 1. Атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель воды. Проливной дождь. 2. Перен. Множество, большое количество чего-л. падающего, сыплющегося. ♦ Дождь какой-л., чего-л. [Свиньи] часто собственными мордами толкали дерево, чтобы стряхнуть с него целый дождь фруктов. Гог. Старосв. помещ. / О непрерывном потоке, обилии чего-л. Дождь упреков [2, т. 5, р. 194].

В БАС номинация большого количества представлена уже во втором значении, компонент 'поток' при этом исчезает. Рассмотрим другие примеры лексемы **дождь** с десемантизированным нумерологическим значением.

Скорее, мёртвая вода. Угрюмый тусклый **дождь** желанья. Под этим дождём не отмыться. А.Ю. Беляков. Возвышение вещей // «Волга», 2015 [10]. (Идентифицирующая функция)

— Будем учиться целоваться. Времени у нас — целый **дождь**. Линде растерянно оглянулась на Юбера.

Патрик Рейнеке. *Киришберг, или Легенда о чёрной верёвке и левой ступне повешенного* (2015) [10]. (Характеризующая функция)

Лексема **дождь** с десемантизированным нумерологическим значением встречается довольно часто и проявляется как в идентифицирующей функции, так и в характеризующей.

Следующая лексема **ливень** в словаре Ушакова не представлена в переносном значении. Семантика большого количества появляется позднее.

Словарь Ушакова: Ливень, ливня, м. Сильный, проливной дождь. Не поздний вихрь, не бурный ливень летний тебя сорвал с родимого сучка. Тютчев [13, р. 272].

БАС: Ливень, вня, м. 1. Сильный дождь. -Дождь!-звонко крикнула она и еще быстрее побежала по засверкавшему под ливнем лугу. Бунин, Стар. песня. 2. Перен. О большом количестве чего-л. льющегося, быстро падающего, сыплющегося и т.п. Ливень чего-л. И ничего не разрешилось Весенним ливнем бурных слез. Блок, Я помню длительные муки... [2, т. 9, р. 182]

Приведем примеры из подкорпуса «Социальные сети», где часто встречается исследуемое переносное значение слова **ливень** в идентифицирующей функции.

Ливень чугунных звёзд обрушивается прямо с малахитовых небес прямо на этот грешный мир! vk (05.06.2015) [10].

Самая сладкая детская мечта воплотится на «Улице Хармса», где прохожие попадут под настоящий **ливень** из сотен конфет. vk (24.05.2014) [10].

Годовщина свадьбы. **Ливень** воспоминаний. liveinternet.ru pinik (2013) [10].

Однако возможны контексты, где лексема проявляется в предикативной функции: Воспоминаний – ливень!

Следующая лексема **ураган** приобретает свое переносное значение большого количества из прямого на основе сходства. В обоих словарях общим компонентом прямого и переносного значения является 'разрушительная сила', обе словарные статьи свидетельствуют о незначительном изменении семантики лексемы.

Словарь Ушакова: Ураган, урагана, м. 1. Ветер необычайно разрушительной силы (особенно частый в тропических странах). 2. перен. Очень сильное, разрушительное развитие, движение чего-н. (книжн.). Ураган страстей [13, р. 709710].

БАС: Ураган, а, м. 1. Ветер большой разрушительной силы, сильная **буря**. Но не бойся: пронесся давно **ураган**, И тяжелая ночь уж проходит. Доброл. Поэту. 2. Перен. Об огромной силе, стремительности движения, осуществления чего-либо, ураган бомб, снарядов и т.п. Застигнутый ураганом снарядов, с трех сторон несшихся на открытое плато холма, полк не имел никаких укрытий. Сергеев-Цен. Брусил. прорыв [12, т. 16, р. 808809].

В контекстах XXI века у лексемы **ураган** появилась семантика большого количества. Обратимся к примерам из социальных сетей:

Мда, в один момент от злости я хочу сожечь эту школу к чёртовой матери, а в другой момент моя буря в голове, а также **ураган** несправедливости вокруг меня утихает. Telegram. Чат для художников (25.04.2022) [10].

Сквозь шторм свинца, сквозь **ураган** огня, Сквозь смерть саму прошли, не зная брода. vk (08.04.2016) [10].

Вы получите **ураган** эмоций и станете свидетелями, как рояли не выдерживают музыкальных мыслей и техники!!! vk (11.01.2016) [10].

Лексема **ураган** больше проявляется в идентифицирующей функции, т.к. предикативные контексты часто приводят к новой десемантизированной семантике 'высшая степень проявления признака' и утрачивают значение большого количества:

Сегодня побывали в гостях у Даши, Тима и Дарта-Тим это нечто... щенки – **ураган!!!** Восточноевропейские овчарки (2009-2021) [10].

Последняя лексема **шквал** в словаре Д.Н. Ушакова представлена только в прямом значении. Переносную номинацию большого количества она приобретает позднее с развитием языка.

Словарь Ушакова: Шквал, швала, м. Внезапный сильный порыв ветра. Налетел шквал [13, р. 770].

БАС: Шквал, а, ж. 1. Внезапный резкий порыв сильного ветра. К счастью, швала с рассветом затихли, и хотя ветер дул сильный, но волнение и качка стали правильнее. Марл. Лейт. Белозор, 1. 2. О чемлибо, явившемся внезапно, стремительно, с большой силой в значительном количестве, объеме и т.п. Шквал чего-либо. Одна бомба, со свистом раздирая воздух, низринувшись поблизости «Октября». Белый шквал пены окатил палубу канонерки. Федин, Необыкн. лето, 30 [12, т. 17, р. 1442-1443].

Перенос строится на основе сходства с прямым значением, десемантизированное значение состоит их следующих компонентов: 'о чемлибо' + 'явившемся' + 'внезапно' + 'стремительно' + 'с большой' + 'силой' + 'в значительном' + 'количестве' + 'объеме'. В устном подкорпусе НКРЯ часто встречается данное значение лексемы в идентифицирующей функции.

[Котова Татьяна Николаевна, жен, кандидат психологических наук] Но в дальнейшем она получила целый **шквал** критики по самым разным направлениям. Татьяна Котова. Понимание психики другого человека (2016) [10].

[Ведущий, муж, Ведущий] Мне кажется/ **шквал**/ **шквал** оценок мы с вами сегодня сорвём точно. Мария Степанова. «Ревитализация. Что бы это ни значило». Выступление на научном конкурсе Science Slam (2015) [10].

[Таня, жен, 21, 1987, студент] Мы на втором курсе от института от нашего ходили на в... ну как молодежная/ где там типа вузы... Мы раздавали/ там тоже был такой **шквал** народу. Разговор студентки с приятельницей (2008) [10].

В последнем примере исчезли компоненты 'явившемся' + 'внезапно' + 'с большой' + 'силой'. Происходит новая десемантизация исходного переносного значения, служащая только для номинации большого количества.

Возможны также контексты в предикативной функции: Народу – **шквал**!

Теперь, опираясь на примеры из Национального корпуса, необходимо определить, возможна ли взаимозаменяемость лексем внутри ЛСГ. Для сравнения возьмем следующие словосочетания: **буря** эмоций, **дождь** желанья, **ливень** воспоминаний, **ураган** несправедливости, **шквал** критики.

Лексему **буря** в сочетании с компонентом 'эмоция' могут заменить слова **ураган** и **шквал**.

Мнение Stuff **Ураган** эмоций. Обратная связь дает возможность почувствовать автомобиль. Андрей Сасиновский. Игровые инструменты // «Stuff», 2003.03.06 [10].

Он переживает эмоциональное потрясение, **шквал** эмоций переворачивает все не только в его душе, но и в жизни. М. Мелия. Пишем сценарий жизни // «Наука и жизнь», 2006 [10].

Лексема **дождь** оказалась незаменимой в сочетании с компонентом 'желание'. При поиске других форм с компонентом 'время' способностью к замещению обладают лексемы **буря** и **шквал**, но в идентифицирующей, а не в характеризующей, как в исходном примере, функции (*Времени – дождь*):

Буря времени разметала родной дом, и Матес оказался в Ленинграде фактически без всяких средств к существованию, даже без знания русского языка. И. С. Шкловский. Эшелон (1984) // «Химия и Жизнь», 1988-1992 [10].

*Если за деньги можно купить и продать все, ну буквально все, то нам больше незачем цепляться за этот последний миг жизни, со страшным напряжением любви взглядываясь – сквозь **шквал времени** и туман пространства – в глаза друг другу, уж лучше сей миг нам закрыть эти глаза – и делу конец. Анатолий Ким. Белка (1984) [10].*

Наибольшее количество лексем ЛСГ могут заменить слово **ливень** с компонентом 'воспоминания'.

Увидишь по телевизору репортаж из Каунаса, и буря воспоминаний: молодые лейтенантские годы, встреча с маленькой, малые забавные дети, и жизнь с ее успехами, неудачами и утратами. Ю.М. Лапшин. Афганский дневник (1988) [10].

Прямо какой-то дождь воспоминаний (теплый дождь!), прямо какое-то наводнение. Рюрик Ивнев. Дневник (1918) [10].

*Когда умер Василий Шукшин, вдруг покатился **шквал «воспоминаний»**, «бесед»... Георгий Бурков. Хроника сердца (1953-1990) [10].*

Лексема **ураган** незаменима в контексте *ураган несправедливости*. В сочетании с компонентом 'любовь' она вытесняется словами **ливень**, **шквал**:

И был ливень неба, и был ливень любви, а потом могучая страсть улеглась, и они, омытые обоими ливнями, спокойно паслись рядом и рвали траву, омытую тем же ливнем. Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989) [10].

*И вдруг обрушивая **шквал любви**, теперь на Лизу, а прежде, верно, на маму, и следовало этот **шквал** переносить, переживать. Н.В. Кожевникова. Лодка на тихой реке (1985) [10].*

Лексема **шквал** не заменяется в сочетании с компонентом 'критика'. Замещение наблюдается в сочетании **шквал оаций**.

Но сам по себе номер так заразителен и он так неожиданно возникает, что в зале в первые минуты

царит недоумение, а потом гремит буря оаций. И.Л.Шолохова. Дневник (2011) [10].

Результаты. Итак, анализ лексем ЛСГ «атмосферные осадки» показал, что данные наименования с различной частотностью встречаются в речи носителей языка в переносном значении большого количества. Реже всего в устной речи встречается лексема **дождь** (чаще в письменных текстах). В приведенных примерах существительные **буря, дождь, ливень, ураган, шквал** обозначают неопределенное количество и в этом совпадают с неопределенно-количественными числительными *много, немало*. Очевидно, в разговорной речи носителю языка недостаточно нормативных неопределенно-количественных числительных для вербализации нечетких, приблизительных множеств. Одновременно в содержании этих существительных присутствует эмоционально-экспрессивный компонент, отсутствующий в семантике неопределенно-количественных числительных. Интересно, что большинство слов лексико-семантической группы выражают идентифицирующую функцию в речи носителей языка (**буря, ливень, шквал**), но возможны контексты с предикативной функцией.

Проделанный анализ употреблений номинаций атмосферных явлений с переносным значением «большое количество» позволяет говорить об их способности к взаимозаменяемости внутри ЛСГ. Лексема **шквал** способна заменить каждое слово группы, хотя сама представляет примеры лексической сочетаемости, под которые другим лексемам подстроиться трудно. Самая заменяемая лексема ЛСГ **ливень** наоборот демонстрирует неспособность к замещению других лексем. Наиболее удачные примеры взаимозаменяемости наблюдаются у лексем **буря, ураган, шквал**, т.к. обозначают сходные атмосферные явления в прямом значении, связаны с ветром. А лексема **дождь** показывает низкую лексическую сочетаемость в лексико-семантической группе. Как видно, не все лексемы, относящиеся к одной ЛСГ, могут демонстрировать функциональную эквивалентность.

На основе проделанной работы видно развитие и функционирование не только отдельных лексем, но и русского языка в целом в устной речи его носителей. Выявление новых сем в контекстном употреблении имеет большое значение для дальнейшего исследования и для будущей лексикографии.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Большой академический словарь русского языка (БАС) в 27 томах. Москва: Наука, 2004–2024.
- Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1977. С. 162–189.
- Грязнова В. М. Лексикографическая фиксация семантических процессов в русской разговорной речи (на материале многозначных существительных) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 27–34.
- Грязнова В. М., Мамедова А. Н. Специфика семантической структуры существительных с мелиоративной оценкой в сигнификативно-денотативном компоненте прямого значения в современном русском языке // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 196–204.
- Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. Волгоград: Парадигма, 2010. 433 с.
- Корсунова И. Н. Дейкитические существительные в современном русском языке; состав, семантика, прагматика: автореф. дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2015. 29 с.
- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: [Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов] / Э.В. Кузнецова. Москва: Высш. шк., 1989. 215 с.
- Мамедова А. Н. Оценочно-характеризующие существительные с ослабленной или утраченной номинативной функцией в современном русском языке: состав и динамика семантической структуры: автореф. дис. канд. филол. наук. Ставрополь, 2020. 29 с.
- Национальный корпус русского языка 2024. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.06.2024).
- Писаренко Д. А. Слово смерть в русском языке: семантический, семиотический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Писаренко Дарья Александровна. Ставрополь, 2021. 30 с.

12. Словарь современного русского литературного языка (БАС) в 17 томах. Москва: Наука, 1948–1965.
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2013. 800 с.

References

1. Arutyunova ND. Language and the human world. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury; 1999. 896 p. (In Russ.).
2. Large academic dictionary of the Russian language (LAD) in 27 volumes. Moscow: Nauka; 2004-2024. (In Russ.).
3. Vinogradov VV. Selected works. Lexicology and lexicography. Moscow: Nauka; 1977. P. 162-189. (In Russ.).
4. Gryaznova VM. Lexicographic fixation of semantic processes In Russian colloquial speech (based on multi-valued nouns). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;(484):27-34. (In Russ.).
5. Gryaznova VM, Mamedova AN. Specificity of the semantic structure of nouns with meliorative assessment in the signalling-denotative component of direct meaning in modern Russian. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*, 2021;(1):196-204. (In Russ.).
6. Karasik VI. Language crystallisation of meaning. Volgograd: Paradigm; 2010. 433 p. (In Russ.).
7. Korsunova IN. Deictic nouns in modern Russian; composition, semantics, pragmatics: abstract of thesis. Stavropol; 2015. 29 p. (In Russ.).
8. Kuznetsova EV. Russian language lexicology: [Textbook for philological specialties of universities]. Moscow: Vyshaya shkola; 1989. 215 p. (In Russ.).
9. Mamedova AN. Evaluation and characterizing nouns with a weakened or lost nominative function in modern Russian: composition and dynamics of the semantic structure: abstract of thesis. Stavropol; 2020. 29 p. (In Russ.).
10. National Russian Language Corps. 2024. URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 26.06.2024). (In Russ.).
11. Pisarenko DA. The word death In Russian: semantic, semiotic, linguistic and cultural aspects: abstract of thesis. Stavropol; 2021. 30 p. (In Russ.).
12. Dictionary of modern Russian literary language (LAD) in 17 volumes. Moscow: Nauka; 1948-1965. (In Russ.).
13. Ushakov DN. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow: Adelant; 2013. 800 p. (In Russ.).



Научная статья

УДК 81'42; 81'372

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.23>

ФАТИКА И ПРАГМАТИКА ЗАГОЛОВКА В СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОВОКАЦИОННОГО НАРРАТИВА

Осама Вахиб Захра

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

osama.zahra0093@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-3913-6804>

Аннотация. Введение. В современном мире конститутивно детерминированное описание спортивных событий становится мощным инструментом формирования национальной идеологии и культуры. Исследование заголовочных комплексов в спортивных изданиях позволяет глубже понять механизмы манифестации фатической и манипулятивной функций, которые являются на сегодняшний момент доминантными для языка СМИ. **Материалы и методы.** В статье на основе контаминированной классификации дискурсивной значимости спортивных инфоповодов и дискурсивно-модусного анализа с учетом фокуса адресата анализируются различные типы заголовков как базовых кодов интерпретации основного текста сообщений, их главные функции и функциональная прагматика влияния на гипотетического реципиента. **Анализ.** Особое внимание уделяется сравнению спецификаторов фатической и информационной направленности как наиболее репрезентативных механизмов двунаправленных векторов, действующих в рамках повышения релевантности описываемого события и ассоциированных с ним социокультурных и идеологических феноменов. Автор утверждает, что использование приемов манипулятивного и фатико-экспликативного характера в заголовках реализует максимальный перлокутивный эффект при условии соблюдения равновесного соотношения эпизодической сенсационности и оперативной информативности. Учет в компрессированном пространстве заголовочного комплекса аксиологических доминант признается базовым условием

привлечения внимания широкого круга читателей; а использование единиц, маркирующих эксклюзивность и эпизодическую детерминированность описываемого инфоповода, наиболее эффективными приемами реализации максимального манипулятивного эффекта. **Результаты.** Заголовочный комплекс представляет собой максимально сжатую регулятивно-фатическую модель целостного текста описания, включающего установки для интерпретации всего описания и задающего аксиологические векторы оценивания инфоповода. При этом сильная позиция текста, которую представляет заголовок активизирует внимание читательской аудитории посредством провокационной нарративизации, затрагивающей ассоциации с иными социально значимыми областями.

Ключевые слова: спортивный дискурс, функциональная прагматика, заголовочный комплекс, сильная позиция текста, фатическая функция, социокультурная детерминация, нарративизация, релевантность

Для цитирования: Захра О. В. Фатика и прагматика заголовка в спортивном дискурсе в аспекте формирования провокационного нарратива // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 590–595. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.23>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 20.02.2024.

Статья принята к публикации: 27.04.2024.

Research article

PHATICS AND PRAGMATICS OF THE HEADLINE IN SPORTS DISCOURSE IN FORMING A PROVOCATIVE NARRATIVE

Osama V. Zahra

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

osama.zahra0093@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-3913-6804>

Abstract. Introduction. Nowadays a constitutively determined description of sporting events becomes a powerful tool for the formation of national ideology and culture. The study of headline complexes in sports publications provides an insight into the mechanisms of manifestation of phatic and manipulative functions, which are currently dominant in the language of the media. **Materials and Methods.** The article, based on a contaminated classification of the discursive significance of sports news and discourse-modus analysis, taking into account the focus of the addressee, analyzes various types of headlines as basic codes for interpreting the main text of messages, their main functions and the functional pragmatics of influencing a hypothetical recipient. **Analysis.** Particular attention is paid to the comparison of specifiers of phatic and informational orientation as the most representative mechanisms of bidirectional vectors operating within the framework of increasing the relevance of the described event and the socio-cultural and ideological phenomena associated with it. The author argues that the use

of manipulative and phaticoexplicatory techniques in headlines realizes the maximum perlocutionary effect, if a balance between episodic sensationalism and operational information content is maintained. Taking into account the complex of axiological dominants in the compressed space of the title is recognized as a basic condition for attracting the attention of a wide range of readers; and the use of units that mark the exclusivity and episodic determinism of the described news item is the most effective methods for realizing the maximum manipulative effect. **Results.** The headline complex is the most compressed regulatoryphatic model of the entire text of the description, which includes settings for interpreting the entire description and specifies the axiological vectors for evaluating the news feed. At the same time, the strong position of the text, which the title represents, activates the attention of the readership through provocative narrativization, affecting associations with other socially significant areas.

Keywords: sports discourse, functional pragmatics, headline complex, strong position of the text, phatic function, socio-cultural determination, narrativization, relevance

© Захра О. В., 2024

For citation: Zahra OV. Phatics and pragmatics of the headline in sports discourse in forming a provocative narrative. *Humanities and law research*. 2024;11(3):590-595. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.23>

Введение. В современном мире такой социальный институт как спорт уже давно вышел за рамки простого развлечения, идеологизируясь и политизируясь, реализуя всё более широкое пространство социальной значимости, он выступает в качестве одного из мощнейших средств формирования и модификации концептуально-валёрных систем и ценностно-ориентационных пространств целых лингвокультурных сообществ. Вербализация в медиaprостранстве инфоповодов спортивного характера, привязка их к современным политическим событиям не только в аспекте реальных действий, но и в ассоциативно-аллюзивных сферах, значительно усиливает общецивилизационную, глобальную значимость не только генерализованного содержания, но и формы трансляции загрязненной социально значимой информации.

Глобальные и глокальные векторы как противоборствующие тенденции усиления значимости описываемого события, а также конкретных идеологических или аксиологических компонентов, имплементированных в ключевые формальные маркеры интенсификации иллюкативной цели, зачастую создают конвергенцию дискурсивных и нарративных механизмов когнитивного блендинга. Пространства спорта, экономики, политики в области повышения коллективных характеристик релевантности смешиваются и воспринимаются в качестве социумноаксиологической сферы информационно-знаний континуума [3, с. 7].

Пространство медиатизации различных спортивных событий предполагает не просто «глобализацию» значимого в рамках конкретного социального института, но скорее интернационализацию локально и национально детерминированных аксиологических компонентов, аллюзивно связанных с темпоральной или «идеологической» привязкой того или иного спортивного мероприятия или феномена. Таким образом, создается загрязненный нарратив спортивной направленности, обладающий как национально специфическими, так и интернационально значимыми характеристиками как всеобщее пространство взаимосвязного и взаимообусловленного взгляда на спорт через призму политических и экономических прецедентов.

Существующие в современном медиaprостранстве спортивного институционального дискурса каналы трансляции (печатный, радио телевидение и онлайн) обладают как различным экспликативным потенциалом, так и возможностями по широте охвата целевой аудитории. Для осуществления модификации ценностноориентационного пространства, привлечения к созданию укреплению ассоциативных связей между спортом и другими сферами, закреплению в социуме моделей интерпретации различных событий наиболее эффективным является онлайн-канал, как поликодовое пространство, совмещающее возможности всех вышеописанных и характеризующееся интеракцией всех участников, попеременно актуализирующих роли продуцентов и реципиентов.

Материалы и методы. Рассмотрение механизмов реализации фатической функции заголовочного комплекса производится в рамках дискурсивно-модусного анализа [1], позволяющего не только вскрыть иници-

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.12.2023.

The article was approved after reviewing: 20.02.2024.

The article was accepted for publication: 27.04.2024.

альную иллюкацию автора по привлечению внимания специфической формой (метафорический заголовок, проблемный, аллюзивный с прецедентным феноменом и т.п.), но и выявить особенности детерминации векторов интерпретации самого текста статьи спортивной направленности. Кроме того, специфика поликодовой организации медийного текста (присутствие в заголовочном комплексе визуального и вербального компонентов) нуждается в определении тематической детерминации и функционального потенциала заголовков как точек становления новых тенденций в ассоциировании [7] визуальных и вербальных прецедентов.

Эмпирическим материалом анализа послужили заголовочные комплексы, извлеченные методом целенаправленной выборки из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [10], содержащие наиболее репрезентативные единицы аллюзивной референции, обеспечивающие максимальную степень привлечения внимания гипотетического читателя, и топикально детерминированные спортивной коммуникацией.

Анализ. Одной из областей, представляющих особый интерес, является разница между тем, как функционируют заголовки в печатных и онлайн-новостях. Хотя обе формы презентации направлены на привлечение внимания читателя и в основе своей отвечают единой синтаксической схеме генерации (например, -S1 + Vf + On). Однако некоторыми учеными постулируются существенные, и как считают отдельные исследователи, субстанциональные спецификаторы поликодового теле- и онлайн-каналов [16], которые и служат в качестве ключевых различий в процессе привлечения внимания, удержания интереса читателя и влияния на векторы восприятия новостного сообщения. Например, онлайн-заголовки могут обладать большей гибкостью в отношении количества символов, позволяя добавлять больше деталей или выстраиваться в форме интригующего квестива для привлечения внимания и интенсификации стимул-реактивного взаимодействия.

Традиционно отбор новостей фокусировался на *новостной ценности* инфоповода, что детерминировалось факторами срочности, иллюкативной силы и общей актуальностью для аудитории. Однако такие ученые, как Т. ван Дейк [12], выступали за более глубокий анализ, учитывая основополагающие ценности, которые формируют новостной контент. Он выделил три ключевые категории:

1. Экономические ценности: как новости приносят финансовую пользу средствам массовой информации, привлекают ли они рекламу или ориентированы на определенную социальную группу;

2. Социальные ценности: как новости формируют общественные нормы и убеждения, продвигают ли они определенные идеологии или направлены на поддержание функционирования социальных институтов и структур;

3. Идеологические ценности: какие точки зрения и предубеждения, стереотипизирующие интерпретацию оперативной информации заложены в новостях, интересы какой из социальных групп они отражают.

Неуклонное следование ключевым категориям обеспечения социальной значимости как единого про-

странства релевантности не только сообщения, но и самого инфоповода формирует амбивалентность схемопостроения и интенциональную готовность к прогнозированию общего содержания на основе информации, содержащейся в заголовке, учитывающем социально и индивидуально обусловленные лингвокогнитивные и дискурсивные компетенции потенциальных реципиентов, в то же время сам текст институционального медийного дискурса спортивной направленности является движущей силой схемопостроения в герменевтическом процессе понимания и интерпретации заголовка [5].

Т. ван Дейк далее выделяет две *метаструктуры*, которые влияют на то, как аудитория интерпретирует новостной контент, понимание которого детерминируется заголовочным комплексом:

1. Структуры релевантности: это ментальные рамки, которые люди используют для осмысления информации, т.е. некий общий когнитивный актив гипотетического круга реципиентов (таргетной группы). Они формируются на основе личного опыта, культурного фона и предшествующих фоновых знаний. Новостные сюжеты, которые связаны с существующими знаниями и интересами, с большей вероятностью будут восприняты и адекватно интерпретированы, а, кроме того, вызовут прогнозируемый перлокутивный эффект.

2. Риторические структуры: это методы, которые журналисты используют, чтобы убедить читателей или повлиять на формирование общественного мнения по какому-либо инфоповоду. Они включают в себя форму и канал подачи новостного контента, использование языковых и экстралингвистических структур и расстановку приоритетов в актуализации информации. Т. ван Дейк утверждает, что риторические структуры переплетаются с другими новостными ценностями, потенциально усиливая определенные идеологические или оперативные компоненты или аргументируя различные точки зрения.

Помимо этих структур, важнейшим аспектом анализа новостного контента как специфического институционального типа дискурсивной практики является выявление динамики актуализации социальных ролей как обеспечения закреплённости властных структур. Дж. Ричардсон [15] подчеркивает роль дискурсивных стратегий – методов, используемых для передачи идей. Эти стратегии могут использоваться как журналистами (писателями), так и целевой аудиторией (читателями). Одной из распространенных стратегий является *сенсационность*, использование драматических или шокирующих элементов для привлечения внимания, референциальные отсылки к прецедентным феноменам в новом неузуальном вертикальном контексте. Хотя исследования показывают, что стремление к сенсациям не всегда может гарантировать высокую фатическую реализацию, оно может быть особенно эффективным для политических новостей или социальнозначимого контента [16]. Однако важно знать об этой стратегии, поскольку она может затмить фактические аспекты инфоповода и способствовать излишней идеологизации интерпретативного пространства, что в свете сегодняшних форм трансляции спортивных инфоповодов обретает всё большую актуальность.

По сути, это означает, что пространство эксплицируемого оценочного компонента новостного содержания выходит за рамки их поверхностной композиционной и топикальной структуры и иррадирует в области целеполагания и коллективного аксиологического пространства. Признание экономических, социальных

и идеологических ценностей, наряду с методами, используемыми для формирования и представления информации, обеспечивает более глубокое понимание иллокутивных сил, формирующих новостной контент, инициальной посылкой которого, привлекающим внимание аудитории, является заголовок.

Развитие современных средств массовой информации полностью изменило способы создания, получения и ретрансляции новостных сообщений спортивной направленности и степень их воздействия. В отличие от традиционных средств массовой информации, онлайн-платформы позволяют осуществлять мгновенный обмен сообщениями (синхронный) или общение, которое происходит в темпорально-дистантном взаимодействии (асинхронный). Этот постоянный обмен мнениями, обретающими форму компетентного, псевдокомпетентного и профанного аргументативного дискурса на основе создания ситуации «даун-тайма», создает питательную среду для появления провокаций и фейкового контента, который ещё больше привлекает внимание к содержательному компоненту, формирует конситуативное социокультурно и идеологически маркированное пространство обсуждения. Описание спортивного события всегда оказывается привязанным к объективной социальной реальности, и данная привязка осуществляется главным образом на материале использования дискретных элементов, составляющих событие как целое [6].

Из-за этого сдвига в средствах массовой информации появился новый тип повествования – провокационный нарратив. Эти нарративы можно встретить во всевозможных онлайн-дискуссиях, от новостных статей до постов в социальных сетях. Современные исследователи специфического виртуального новостного дискурса даже утверждают, что сама онлайн-журналистика «пронизанная противоречиями и репрезентирующая противоположные точки зрения все больше подпитывает эту тенденцию к провокациям» [13, с. 157159].

Заголовки действуют как секретные коды, не только позволяющие глубже понять социокультурные детерминанты формы представления новостного контента, но и привлечь внимание потенциального читателя, создавая особые области интимизации (проникновения оперативной информации в психоэмоциональное пространство реципиента). Ключевыми факторами интенсификации фатик служат следующие субстанционально-содержательные характеристики заголовочного комплекса.

1. Они опираются на то, что мы уже знаем: заголовки содержат имманентное предположение о социокультурной компетенции потенциальных реципиентов. Это означает, что они отражают то, что общество считает общеизвестным: **Молодёжный парламент собирается провести спортивные блог-туры по России** (Парламентская газета, 28.12.2021) [10]. Интенсификация предзнания о наличии в России молодёжного парламента нацелено на привлечение внимание определенной целевой аудитории, а именно социально активной молодёжи. Контаминация современных реалий в заимствованной форме *блог-туры* дополнительно актуализирует тематику молодежного спорта и создает аллюзии к «модным» блогмарафонам, что формирует позитивный вектор интерпретации информационного контента таргетными реципиентами.

2. Они позиционируют нас в мире: упоминая некие прецедентные феномены, заголовки помогают нам понять, какое место в иерархии событий и прецедентов социокультурной маркированности занимает описываемый инфоповод: *Молодёжный парламент собирается провести спортивные блог-туры по России* (Парламентская газета, 28.12.2021) [10]. Включение локального детерминанта позволяет автору заголовка усилить значимость события и экстраполировать описываемое в самой новостной статье региональный инфоповод (в статье указаны всего 4 региона проведения блог-туров) во всероссийское пространство восприятия, а значит привлечь внимание читательской аудитории из различных регионов. Интенсификатор в аналитическом предикате собирается провести в конкретном контексте действует в качестве конвиктива (уверенности в событийной реальности), т.е. вводит описание будущего в пространство обсуждения в качестве верифицируемой данности.

3. Они используют особый язык: заголовки часто поражают игрой слов и метафорами, которые не были бы использованы в основной статье: *Путин: Кубок чемпионата мира отправляется в путешествие по России* (gazeta.ru, 09.09.2017) [10]. Актуализация дуративного параметра (целого ряда спортивных мероприятий) достигается за счет метафорической персонификации отправляется в путешествие, а аргументативная часть, способствующая инициации фатического компонента обеспечивается апелляцией к авторитету, упоминанием прецедентного имени Президента РФ В.В. Путина, как субъекта трансляции данного новостного контента.

Заголовки, таким образом, представляют собой сжатую форму инициации и поддержания коммуникативного события, которая предполагает определенный уровень социокультурной вовлеченности реципиента. Это способ для новостных агентств установить связь с читателями на более глубоком уровне, и все это в рамках единственной короткой фразы.

Спортивные новости являются весьма репрезентативным пространством создания социокультурно детерминированного пространства оценки, аргументативно подкрепляемого статистическими и фактическими данными. Это богато украшенный «гобелен», «сотканный» из упоминаний имен легендарных спортсменов, знаковых моментов, таких как Олимпийские игры, и даже экономических факторов, которые формируют вертикальный контекст описания спортивного события, т.е. максимально прецедентно привязанный и конситуативно маркированный институциональный дискурс. Поскольку спорт является универсальной частью культурной жизни не только национальных сообществ, но и глобальным феноменом, спортивные новости черпают спецификаторы фатического и манипулятивного характера из источника общих знаний, общечеловеческого когнитивного актива. Заголовки, эти привлекающие внимание фрагменты в инкоативной части новостного текста, стали специализированной формой коммуникации для спортивных журналистов и всех контркоммуникантов спортивного новостного и комментативного дискурса. Они предназначены для того, чтобы «нанести целенаправленный удар» по проспективно-эмоциональной сфере волюнтаристического пространства потенциального читателя, втиснув как можно больше информации в минимальный объем языкового представления, т.е. они обязаны реализовать принцип Парето в лингвистическом

плане. Достигается этот перлокутивный эффект во многом благодаря провокативной нарративизации краткого повествования в преимущественно топикально-номинативной форме. Заголовок обладает чем-то большим, чем просто информативностью; он фатико-манипулятивен по своей природе. Журналисты используют каламбуры, запоминающиеся рифмы (аллитерации), лексемы эмотивно-оценочной коннотации, и даже окказиональные риторические модели, чтобы сделать заголовки запоминающимися и гарантировать, что они произведут неизгладимое впечатление [13, с. 162].

Исследователи лингвокреативного компонента медийного дискурса Г. Мельник и А. Тепляшина [8] подчеркивают важнейшую роль заголовков в журналистике. Они утверждают, что заголовок выступает в качестве «первичного синтеза» всего произведения, сводя центральную тему и идею к краткому изложению. Этот концентрированный формат требует значительного внимания и журналистского мастерства при его создании. Успех заголовка зависит от его способности заинтересовать читателя и направить его к содержанию. Заголовки оставляют подсознательный отпечаток в сознании реципиента на протяжении всего взаимодействия с текстом, т.е. служат определенной «схемой действия» с топиком и формой описания инфоповода. Реализация фатико-манипулятивного эффекта в заголовочном комплексе в процессе создания гипертекста, а по сути топикально и «идеологически» детерминированного нарратива, осуществляется различными способами, либо в рамках непосредственной передачи содержательного компонента; либо в форме аллюзий и намеков, активизирующих когнитивные усилия читателя; либо зеркально отображая основные описываемые события, повторяя ключевые понятия или давая их в литотной или гиперболизированной форме.

Помимо их роли в привлечении внимания, исследователи углубляются в стилистическое и структурное значение заголовков. Они утверждают, что заголовки обладают особой иллокутивной силой в композиционных рамках текста как иницирующие тип и форму восприятия текстового пространства, являясь по сути «перформативом» всего текста. Более того, заголовки не являются изолированными объектами, они неразрывно связаны с содержанием и жанром вводимой статьи. Эта связь между заголовком и содержанием в конечном счете позиционирует заголовок как «главный тезис любого материала», заключающий в себе центральный аргумент или сообщение, которое стремится донести журналист [2, с. 9].

Вышеописанная фатико-манипулятивная функция заголовочного комплекса реализуется в его представлении в качестве инициальной фразы провокационного нарратива, она должна по умолчанию отвечать принципу билатеральности знака, так как заголовок представляет собой «знак текстовой реальности». В процессе нарративизации их информативный компонент становится фоном экспликации читательской привлекательности [11]. Передавая ключевую мысль статьи, заголовочный комплекс привлекает внимание читателя, отходя от тактики кликбейта и фокусируясь на предоставлении краткого и эмотивно и социально релевантного предварительного просмотра.

Тенденция подчеркивает изменение в заголовках спортивных онлайн-изданий, переход от привлекающих внимание кликбейтов к топикально-связанным, прецедентно-детерминированным объявлениям, которые

побуждают читателей глубже вникать в содержание и анализировать корреляции информативных и эмоциональных компонентов заголовка и основного содержания статьи [9, с. 15-16].

Заголовки в некоторых случаях представляют собой подобие эмоционально маркированного резюме, позволяя читателю просматривать их бегло, вместо того чтобы читать статью целиком: традиционная форма короткой и привлекающей внимание фразы с минимальным информативным компонентом уступает место структурно и контекстуально оформленным комплексам фраз, представляющим содержание статьи с точки зрения необходимого автору вектору оценивания. Именно на этой основе реализуется компенсаторно-прагматическая иллюзия, позволяющая читателю быстро понять основные моменты статьи, не читая ее целиком. Подобные заголовочные комплексы как нельзя лучше отвечают современному типу восприятия информации и вычленения значимых «кадров» для реципиентской импринтизации. Фокус смещается с привлечения внимания на предоставление четкого резюме, однако, прагматика провокативности как максимально эффективного способа создания пространства для «читательского отклика» сохраняется [9, с. 19].

На основе такой дуализации функциональных ограничений заголовочного комплекса проявляются и особенности синтаксической организации (структуры предложения, гипербаты, эллипсы и т.п.), которые интенционально избираются для привлечения внимания читателя и побуждения к прочтению основного текста. По сути, заголовок действует как тщательно продуманный крючок, заманивающий читателя своей специфической грамматикой и фразировкой [14]. Грамматические и синтаксические компоненты оказываются дополнительным средством фатки в общем нарративном пространстве топиально детерминированного повествования.

Одним из наиболее эффективных механизмов и коммуникативных тактик создания регулятивно-фатического заголовочного комплекса использование игры слов или каламбуров, строящихся на смене областей функционирования прецедентного текста. При этом следует отметить, что распрямление смысла возможно только в рамках субъективной модальности, привязки авторского выбора и универсальности порожденного к интерпретационной сфере собственного схематизированного смыслодекодирования [4]. Например: **«Мозговой штурм» наших баскетболистов оказался верным решением** (gazeta.ru, 17.03.2022) [10]. В данном микроконтексте людический компонент реализующий эпизодическую сенсационность, способствующую повышению фатки заголовка, приобретает форму вербальной деструкции стереотипа, основанного на внедрении словосочетания *мозговой штурм* в контекст спортивного мероприятия. В данном случае провокативные

основы снятия функциональных ограничений стереотипа восприятия способствуют инициации обсуждения спортивного события. Аналогично действуют заголовки, которые в значительной степени основаны на реминисценции к прецедентному имени игрока, но включают фоно-графические элементы игрового смыслопорождения: **«Промытые мозги» для Мозгова** (gazeta.ru, 17.03.2022) [10]. Кроме того, здесь содержится имплицитная аллюзия к известному документальному фильму Нины Менкес «Brainwashed», который посвящен стереотипному представлению образов в зависимости от гендерной принадлежности, что находит свое отражение в тексте статьи. Существует тонкая грань между остроумием и клише, при повышении степени конвенциональности употребления людического компонента в сходных контекстах и трансляции его во множестве заголовочных комплексов единого топиального нарратива, фатическая и информационная нагрузка значительно снижается, текст воспринимается уже как тривиальная фраза, не отражающая содержательного плана новостного сообщения.

Результаты. Таким образом, искусство создания заголовков как компактных репрезентантов содержания основного текста, обеспечивающих инициальную фатку сообщения, формирующих вектор распределения и интерпретации общего содержания и информирующих о ключевых положениях текста статьи спортивной направленности, представляет собой один из важнейших аспектов провокационной наррации в институциональном спортивном дискурсе. Четко выверенное использование специфических приемов суггестивного и фатического плана позволяет не только достичь максимальной иллюкативной силы высказывания, но и реализовать максимальный перлокутивный эффект.

Основным условием комбинации фатки и информативности становится соблюдение равновесного соотношения эпизодической сенсационности и содержательной представленности в заголовочном комплексе эмоциональных и оперативных маркеров. Привлечение к созданию заголовка базовых элементов социумно маркированного аксиологического пространства способствует привлечению повышенного внимания широкого круга читателей, а также обеспечивает функцию регуляции векторов интерпретации инфополеда. Сильная позиция текста, которую представляет заголовок активизирует внимание читательской аудитории посредством провокационной нарративизации, затрагивающей ассоциации с иными социально значимыми областями (экономикой, политикой, культурой и т.д.). Наиболее эффективными механизмами создания провокационного нарратива в заголовках спортивных медиатекстов можно считать опору на фоновые знания, определение четкой позиции в иерархии социально-значимых прецедентных событий и людизацию фразопостроения.

Литература

1. Аглеева З. Р., Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: когнитивные истоки и дискурсивно-модусная сущность // Гуманитарные исследования. 2020. № 2. С. 93–98.
2. Антонов В. П., Постнов А. Г. Синтаксические особенности заголовков публикаций на спортивные темы в региональной прессе // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 8–15.
3. Бредихин С. Н. Информационно-знаниевый континуум: проблемы трансляции в педагогическом дискурсе // Иностранный язык в высшей школе в период цифровой трансформации образования: материалы региональной онлайн-конференции (Ставрополь, 28 мая 2021 г.). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. С. 7–8.
4. Бредихин С. Н. Принципы и условия наличия и формирования смысла (смыслопорождающие механизмы) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 374.
5. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 458.

6. Гаврюшина Е. А. Межъязыковое сопоставление спортивного дискурса (на материале спортивной аналитической статьи) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016. № 2. С. 175–184.
7. Марченко Т. В., Бредихин С. Н., Лепилкина О. И. Специфика формирования ассоциативного потенциала нового прецедентного феномена и поликодовой объективации в современном британском медиадискурсе // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 3(59). С. 109–115.
8. Мельник Г., Тепляшина А. Основы творческой деятельности журналиста. СПб.: Питер, 2004. 272 с.
9. Мурзина О. В. Особенности структуры заголовочного комплекса в молодежных спортивных средствах массовой информации // Филология: научные исследования. 2021. № 8. С. 14–21.
10. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D> (accessed: 19.03.2024).
11. Шмидт О. Ю. Заголовок в спортивных СМИ: значение рекламной функции // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 1. С. 241–244.
12. Dijk van T. A. Racism and discourse in Latin America. Lanham: Lexington Books, 2009. 343 p.
13. Peterliecean A., Berariu E. C. On the Discourse of Online Sports News Headlines // Acta Universitatis Sapientiae, Philologica. 2020. Vol. 12. No. 3. P. 155–171.
14. Quintero Ramírez S. The Guardian Sports Headlines from a Syntactic Perspective // ATINER'S Conference Paper Series. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/318649741_The_Guardian_Sports_Headlines_from_a_Syntactic_Perspective. (accessed: 11.03.2024).
15. Richardson J. E. Language and journalism. New York: Routledge, 2010. 168 p.
16. Vettehen P. H., Nuijten K., Peeters A. Explaining Effects of Sensationalism on Liking of Television News Stories. The Role of Emotional Arousal // Communication Research. 2008. Vol. 35(3). P. 319–338.

References

1. Agleeva ZR, Alefirenko NF. Phraseological Meaning: Cognitive Sources and Discursive-modus Essence. *Gumanitarnye Issledovaniya*. 2020;(2):93-98. (In Russ.).
2. Syntactic Features of Headlines of Publications on Sports Topics in the Local Press. *Vestnik Khakasskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. NF Katanova*. 2018;(26):8-15. (In Russ.).
3. Bredikhin S. N. Information and Knowledge Continuum: Problems of Translation in Pedagogical Discourse in Foreign Language in Higher Education during the Digital Transformation of Education: Materials of a Regional online Conference (Stavropol, May 28, 2021). Stavropol: North-Caucasus Federal University, 2021. P. 7-8. (In Russ.).
4. Bredikhin SN. Principles and Conditions of Sense Existence and Derivation (Sense Derivation Mechanisms). *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2013;(1):374. (In Russ.).
5. Bredikhin SN. Scheme Derivation within Metaunits of Hermeneutic Processes of Understanding and Interpretation. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2014;(4):458. (In Russ.).
6. Gavryushina EA. Interlanguage Comparison of Sport Discourse (on the Material of Sport Analytic Article). *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskie nauki*. 2016;(2):175-184. (In Russ.).
7. Marchenko TV, Bredikhin SN, Lepilkina OI. Pecific Features of Forming the Associative Potential of a New Precedent Phenomenon and Polycode Objectification in Modern British Mediadiscourse. *Bulletin of Kalmyk University*. 2023;3(59):109-115. (In Russ.).
8. Melnik G, Teplyashina A. Fundamentals of Creative Activity of a Journalist. St. Petersburg: Piter; 2004. 272 p. (In Russ.).
9. Murzina O. V. Peculiarities of the Structure of the Headline Complex in the Youth Sports Media. *Filologiya: Nauchnye Issledovaniya*. 2021;(8):14-21. (In Russ.).
10. Russian National Corpus (RNC). URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggDMAE%3D> (accessed 19.03.2024). (In Russ.).
11. Shmidt OYu. The Headline in the Sports Media: Importance of Promotional Function. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2014;(1):241-244. (In Russ.).
12. Dijk van TA. Racism and discourse in Latin America. Lanham: Lexington Books; 2009. 343 p.
13. Peterliecean A, Berariu EC. On the Discourse of Online Sports News Headlines. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2020;12(3):155-171.
14. Quintero Ramírez S. The Guardian Sports Headlines from a Syntactic Perspective. In ATINER'S Conference Paper Series. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/318649741_The_Guardian_Sports_Headlines_from_a_Syntactic_Perspective. (accessed: 11.03.2024).
15. Richardson JE. Language and journalism. New York: Routledge; 2010. 168 p.
16. Vettehen PH, Nuijten K, Peeters A. Explaining Effects of Sensationalism on Liking of Television News Stories. The Role of Emotional Arousal. *Communication Research*. 2008;35(3):319-338.



Научная статья

УДК 81

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.24>

СИНОНИМИЧЕСКАЯ И ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ДЕЛИМИТАЦИИ МЕДИАДИСКУРСА И ДИСКУРСА СМИ

Борис Андреевич Шишкин

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Аспирант

borisshishkin.work@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8694-3637>

Аннотация. Введение. Современные отечественные медиаисследования характеризуются особым свойством, а именно плюрализацией мнений в трактовке базисного для дисциплины термина – медиа. Расхождение в его интерпретации наблюдается в связи с существованием дифференциальных парадигм к пониманию лексико-семантической корреляции с таким термином как СМИ: синонимическая и гиперо-гипонимическая. В результате, данная ситуация ставит перед отечественными исследователями медиадискурса и дискурса СМИ ряд препятствий для достижения всестороннего понимания их сущности, что закономерно актуализирует проблематику исследования. Следовательно, цель работы состоит в делимитации двух дискурсов с позиции синонимической и гиперо-гипонимической парадигмы. **Материалы и методы.** Эмпирическим материалом статьи послужили как отечественные, так и зарубежные исследования, монографические работы, толковые словари, а также учебные пособия в области медиа. Кроме общенаучных исследовательских методов базой работы стал герменевтический анализ, а именно лексико-герменевтическая технология анализа. Данная технология была углублена за счет двух методов: дефиниционного анализа словарных статей и структурно-нозматического метода. **Анализ.** Исследование было осуществлено в четыре этапа, иллюстрирующих отношения структурных элементов модели текстового общения. Во-первых, исследовалась социальная действительность и её связь с сознанием автора. Во-вторых, характеризовалась связь сознание автора и языка. В-третьих, был проанализирован процесс продуцирования на основе языка текстов и его дальнейшая адресация к реципиенту (другим исследователям). В-четвертых, были от-

ражены существующие пути корректировки интерпретации терминов медиа и СМИ. **Результаты.** Итоги исследования демонстрируют яркое проявление в отечественном научном пространстве синонимической парадигмы, которая может проявлять себя в различных дисциплинах. При этом гиперо-гипонимическая парадигма характерна для зарубежных исследований и более узкопрофильных отечественных работ. Использование обоих подходов и их сочетание порождает комплексную систему, которая способна описать не только высокоуровневые составляющие медиадискурса, но и низкоуровневые концепции дискурса СМИ.

Ключевые слова: медиадискурс, дискурс СМИ, герменевтический анализ, плюрализация, синонимия, гиперогипонимия, интерпретация

Для цитирования: Шишкин Б. А. Синонимическая и гиперогипонимическая парадигма делимитации медиадискурса и дискурса СМИ // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 596–602. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.24>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Цивилизационные основы российской идентичности молодежи Северного Кавказа: общенациональное единство и этноконфессиональная специфика» (FSRN-2024-0019).

Статья поступила в редакцию: 19.12.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 20.02.2024.

Статья принята к публикации: 27.04.2024.

Research article

SYNONYMIC AND HYPERO-HYPONYMIC PARADIGM OF THE DELIMITATION BETWEEN MEDIA DISCOURSE AND MASS COMMUNICATION MEDIA DISCOURSE

Boris A. Shishkin

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Postgraduate student

boris-shishkin.work@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8694-3637>

Abstract. Introduction. Modern Russian media studies are characterized by a special property, namely the pluralization of opinions in the interpretation of the basic term for the discipline – media. The discrepancy in its interpretation is due to the existence of differential paradigms for understanding lexica-semantic correlation with such a term as mass communication media: synonymic and hypero-hyponymic. As a result, this situation creates a number of obstacles for Russian media discourse and mass communication media discourse researchers to achieve a comprehensive understanding of their essence, which naturally actualizes the research problem. Therefore, in this article we set ourselves the goal of delimiting the two discourses from the angle of the synonymic and hypero-hyponymic paradigm. **Materials and Methods.** The empirical material of the article included both Russian and foreign studies, monographic works, explanatory

dictionaries, as well as textbooks in the field of media. In addition to general scientific research methods, the basis of the work was hermeneutic analysis, namely the lexical-hermeneutic technology of analysis. This technology was deepened through two methods: definitional analysis of dictionary entries and structuralnoematic method. **Analysis.** The research consisted of four stages, illustrating the relationships of the structural elements of the textual communication model. Firstly, social reality and its connection with the consciousness of the author were explored. Secondly, the connection between the author's consciousness and language was characterized. Thirdly, the languagebased production process of texts and its further addressing to the recipient (other researchers) was analyzed. Fourthly, existing ways of adjusting the interpretation of the terms media and mass communication media were demonstrated. **Results.** The

© Шишкин Б. А., 2024

research results show a clear manifestation of the synonymic paradigm in the Russian scientific space, which can manifest itself in various disciplines. Moreover, the hypero-hyponymic paradigm is characteristic of foreign research and more narrow-profile Russian work. The use of both approaches and their combination generates a complex system that can describe not only high-level components of media discourse, but also low-level concepts of mass communication media discourse.

Keywords: media discourse, mass communication media discourse, hermeneutic analysis, pluralization, synonymic, hypero-hyponymic, interpretation

For citation: Shishkin BA. Synonymic and hypero-hyponymic paradigm of the delimitation between media discourse and mass

communication media discourse. *Humanities and law research*. 2024;11(3):596-602. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.24>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Acknowledgements: the study was carried out within the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Civilizational foundations of the Russian identity of the youth of the North Caucasus: national unity and ethno-confessional specificity"

The article was submitted: 19.12.2023.

The article was approved after reviewing: 20.02.2024.

The article was accepted for publication: 27.04.2024.

Введение. Теория медиа уже как полвека находится под пристальным взглядом значительной части мирового научного сообщества, посвятившего свою деятельность исследованию человеческой коммуникации и продуцируемых в ней сообщений. Представители торонтской школы коммуникации, Г. Иннис и М. Маклюэн, заложили основы данного направления, изучив его различные компоненты как психофизиологические, так и социально-экономические. Появившаяся в результате дисциплина, медиаведение (*media studies*), обрела глобальный характер, погружившись в изучение тех эффектов, что оказывают медиа в процессе передачи и хранения информации.

Развитие данной области, естественно, наблюдается и в рамках отечественной науки. Здесь следует упомянуть В.П. Терина, рассматривающего с социологической позиции проблематику экологии средств коммуникации в рамках медиаэкологии [12]. Также значительный вклад внесли труды Т.Г. Добросклонской, которые послужили основой для формирования новой дисциплины, медиалингвистики [5]. При этом получили своё развитие медиаэкономика в работах Е.Л. Вартановой, медиафилософия В.В. Савчука и ряд других областей на стыке медиа и общественных наук.

Однако на современном этапе отечественным медиаисследованиям характерно особое свойство, не наблюдающееся в зарубежных работах, а именно плюрализм мнений в трактовке базисного для дисциплины термина – медиа. Расхождение в его интерпретации наблюдается в связи с существованием дифференциальных позиций к пониманию лексико-семантической корреляции с таким термином как СМИ. В различных междисциплинарных исследованиях от лингвистической до политологической направленности четко прослеживаются синонимическая и гиперо-гипонимическая парадигмы в трактовке пары медиа/СМИ.

Описанная выше ситуация естественным образом ставит перед отечественными исследователями медиадискурса и дискурса СМИ ряд препятствий для достижения глубинного понимания их сущности, что закономерно актуализирует проблематику исследования. Следовательно, цель работы состоит в делимитации двух дискурсов с позиции синонимической и гиперо-гипонимической парадигмы. Результат осуществляемого в статье разграничения также обуславливает научную новизну исследования, поскольку четкая граница лексико-семантических отношений базисных для данных дискурсов лексем, не обремененных значением друг друга, может поспособствовать развитию новых направлений в отечественном медиаведении.

Материалы и методы. Эмпирическим материалом статьи послужили как отечественные, так и зарубежные исследования, монографические работы, толковые

словари, а также учебные пособия в области медиа. Важным представлялось вычлнить ту суть, что закладывают авторы в понимание базисных терминов двух дискурсов, и как представленная в их трудах лексико-семантическая парадигма проявляет себя. Для этого кроме общенаучных исследовательских методов базой работы стал герменевтический анализ, а именно лексико-герменевтическая технология анализа, позволяющая предупредить смысловые искажения в понимании текстов, благодаря нахождению взаимосвязи сознания и объективного мира [3]. Таким образом, исследование было осуществлено в четыре этапа, иллюстрирующих отношения структурных элементов модели текстового общения: социальная действительность и сознание автора-1; сознание автора-1 и язык; язык – текст – сознание автора-2; корректировка социальной действительности. Отметим, что данная технология была углублена за счет двух методов: дефиниционного анализа словарных статей, применяемого с целью выявления первичных ассоциаций в сознании коммуникантов при выборе той или иной лексической единицы; и структурно-нозматический, поскольку его использование способствует выявлению глубинных компонентов анализируемых терминов, вербализованных в научном дискурсе, посредством их распределения [2].

Анализ. Социальная действительность и сознание автора-1.

Данный этап анализа характеризует процесс осознания авторами исследований реальной картины мира, то есть существующей в настоящий момент и отражающей общие тенденции к пониманию не только рассматриваемых терминов, но и в целом всей области медиаведения. Этот процесс сопряжен не столько с анализом лексико-семантической парадигматики медиа и СМИ, сколько с раскрытием их базовой сущности. Именно здесь могут образоваться гносеологические и лингвистические искажения вследствие недостаточного знания и проработки информации из реального мира [3]. Следовательно, представляется необходимым обозначить ту основу, которую на начальных этапах познают продуценты, чтобы в дальнейшем выявить отклонения их вектора интерпретации, который маркирует движение мыследействования в модальном, прагматическом и семантическом аспектах.

Термин СМИ имеет четкое и официально признанное определение, а также раскрытую сущность в российском законодательстве. В рамках закона РФ «О средствах массовой информации» дается следующее толкование «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наиме-

нованием (названием)» [20]. Здесь обнаруживается организованная структура, характеризующая сущность данного феномена, а также его системность не только в производстве, но и в передаче информации. Далее в тексте закона прослеживается строгая вертикаль в отношениях государства и СМИ, вызванная прежде всего обязательством последних быть зарегистрированными для осуществления своей деятельности [20]. Несмотря на то, что присутствует возможность не отвечать данному требованию, допустимо это только к структурам учрежденным органами власти или produцирующими незначительный объем информации. Иначе коммуниканты, занимающиеся распространением информации, лишаются возможности называть себя СМИ. Подобная строгость законодательства позволяет определить четкое число тех, кому юридически разрешено осуществлять подобную деятельность, как минимум на территории РФ.

Наиболее ярко вышеупомянутая зависимость СМИ от государства анализируется в трудах В.П. Терина. Как отмечает исследователь, сам термин СМИ получил своё распространение в 70-х гг. XX в. [12]. Основной же их целью, как института, являлось монопольная передача информации от власти к народу, которая содержала как идеологические, так и пропагандистские и агитационные мотивы. В итоге формировалась определенная интенция, закладываемая в сообщениях, передаваемых населению, которая обслуживала нужды государства в те или иные периоды [12]. Исходя из этого следует, что в сознании адресатов возможно продуцирование либо негативного, либо позитивного нозматического наполнения данной лексемы, поскольку не всегда цели определенных групп и индивидов совпадают. Нозматика предполагает ситуативную импликацию глубинных, в том числе неактуальных и эпизодических элементов в рамках реализации прогностических стратегий по интенсификации значимых для конкретной социальной группы компонентов и признаков [13].

В отличие от СМИ, медиа не имеют четко зафиксированной в законодательстве сущности, которая бы однозначно диктовала их понимание. Данный термин относится скорее к сфере науки. Здесь следует снова упомянуть основоположников теории медиа Г. Иннис и М. Маклюэн. Сущность их позиции заключается в том, что медиа играют роль специфического инструмента, который является носителем информации. Однако подобные инструменты возможно использовать не только как хранилище, но и как передатчик. Из этого следует, что они могут приобретать статус посредника (*лат. medius*), используемого для коммуникации между адресатом и адресантом.

С точки зрения Г. Инниса медиа становились одним из главных факторов формирования характерных особенностей общественного устройства в различные исторические периоды [14]. Исследователь выделял два типа медиа: пространственно-ориентированные – легкие и портативные, предназначенные для расширения социума во вне (бумага); и временно-ориентированные – прочные и тяжелые, предназначенные для долгосрочного хранения информации (глина, камень, пергамент) [14].

М. Маклюэн значительно расширил теорию медиа, заложенную в трудах Г. Инниса. В своей работе «Понимание медиа» 1964 года, исследователь причисляет к медиа: газеты; радио; телевидение; кино; телефон; игры; книгопечатание; письменность; и слово, как оно выступает в устном и письменном виде и т.д. [9]. Медиа

с точки зрения исследователя – это любое расширение человека во вне, отражение его мыслительной деятельности в мире вещественном. Таким образом, индивиды с помощью медиа способны передать накопленные ими знания, продлевая тем самым своё физическое существование.

М. Маклюэн писал «medium is the message», подразумевая непосредственную взаимосвязь медиа (медиума – форма единственного числа) и produцируемых индивидами сообщений, приравнивая их друг к другу, поскольку любое медиа может являться составной частью другого медиа. В настоящее время это особенно ярко заметно в укрупненных видах медиа, в основе которых лежит медиум текст: радио; телевидение; кино; телефон; игры; книгопечатание и так далее.

На данном этапе уже заметно, что базовая теория, закладываемая в сознание продуцентов, предполагает широкую область применения лексической единицы медиа, в отличие от СМИ. Являясь базисными терминами, они формируют два независимых дискурса, наполненных свойственными только им характеристиками: медиадискурс и дискурс СМИ. Однако, несмотря на это в дальнейшем сущности обоих дискурсов начинают сливаться друг с другом.

Сознание автора-1 и язык

Данному этапу характерен переход от теоретического познания реального мира и представленных в нём сущностей медиа и СМИ к прагматическому. Продуценты обращаются к той языковой традиции, что существует в настоящее время, и исследуют понятийную базу, применяемую в медиаведении. Следовательно, именно здесь могут возникнуть первичные искажения в употреблении тех или иных лексем вследствие плюрализации их интерпретаций.

Анализ данного этапа следует осуществить в русле исследования толкования анализируемых терминов с точки зрения отечественных и зарубежных словарей. Новый словарь иностранных слов (НСИС) и словарь Шведовой (ШВЕД) обозначают близкую корреляцию медиа с лексемой *media* и словосочетанием *mass media* (*народные массы + посредник, средство, способ*). При этом НСИС указывает на синонимии медиа и массмедиа, определяя последнее как «средства массовой информации (коммуникации) – печать, радио, телевидение, кино, аудио и видеозаписи и др.» [17]. В словаре ШВЕД придерживаются мнения о равнозначности смыслового наполнения терминов медиа и СМИ, а также отмечается возможность формирования из первого гипонимических сложных слов, характеризующих различные составные части анализируемых дискурсов. Отдельно отметим, что данное свойство также закрепляется и в словаре НСИС.

В популярном словаре иностранных слов (ПСИС) игнорируется толкование лексемы медиа, а вместо этого закрепляется термин массмедиа, непосредственно связанный со значением СМИ: «массмедиа – средства массовой информации (пресса, радио, телевидение, Интернет)» [17]. Ещё одним словарём, в котором прослеживается аналогичная точка зрения, является толковый словарь русского языка Дмитриева [19]. Однако в нём отражается сближение значений сразу трёх лексических единиц, а именно медиа, массмедиа и СМИ. Последующее расширение области синонимической парадигмы проходит в русле закрепления гипонимических свойств данных терминов. Толковый словарь Ефремовой разделяет ранее упомянутую родовую сущ-

ность медиа, которая позволяет образовывать новые лексические единицы, например, медиасфера, медиалингвистика, медиастилистика и другие [18]. Данная парадигма также присутствует и в различных пособиях по теории коммуникации. Здесь следует упомянуть труд А.А. Маркова, О.И. Молчановой и Н.В. Поляковой «Теория и практика массовой информации» [8], поскольку в глоссарии к пособию не даётся конкретной дефиниции медиа, но закрепляется сущность термина массмедиа, имеющего прямое отношение к сущности СМИ.

Исходя из представленного выше материала можно сделать вывод, что, обращаясь к отечественной языковой традиции, в сознании автора формируется прямая взаимосвязь лексем медиа и СМИ. В итоге данные дефиниции ярко демонстрируют синонимическую парадигму в делимитации анализируемых дискурсов, что в итоге приводит к пересечению их сущностей и взаимному растворению друг в друге.

В англоязычных словарях четче прослеживается граница между медиа и СМИ. Во-первых, термин *media* обозначается как множественная форма от лексемы *medium*, сущность которой достаточно разнообразна. Например, в Cambridge Dictionary мы можем обнаружить следующее: обозначение середины в пространстве (*medium height*), в размере (*medium size*), количестве (*medium amount*), в готовке (*medium rare*), а также толкование как метода общения или развлечения, что напрямую связано с теорией Г. Иннис и М. Маклюэн, а также их последователей [22]. Сравнивая с русскоязычными словарями, данная лексема трактуется в большинстве своём как «посредник между людьми и миром «духов»» [17] и лишь в словаре Даля упоминается отдельное значение посредник.

Во-вторых, термин *media* сходится в своём значении с термином *mass media*. В том же Cambridge Dictionary сказано о *media*: «the internet, newspapers, magazines, television, etc., considered as a group» [22], а в Collins Dictionary: «the means of communication that reach large numbers of people, such as television, newspapers, and radio» [21]. В обоих словарях таким же образом описывается и *mass media*. Следует отметить, что данное значение для *media* фиксируется вторым в отличие от *mass media*, для которого оно единственное.

В-третьих, также можно обнаружить термин *the media*, распространение которого наблюдается в американском варианте английского языка. Collins Dictionary и Webster's New World College Dictionary закрепляют, что в отличие от *media* это всевозможные средства коммуникации, которые направлены на передачу информации (новостей) обширному кругу реципиентов, при этом приводя в пример всё те же газеты и телевидение [21]. Данная лексема также упоминается в Longman Dictionary of Contemporary English в качестве первого значения для родовой лексемы *media* [23].

Как можно заметить, в зарубежной традиции отсутствует как таковой прямой аналог термина СМИ, что в итоге дополнительно осложняет понимание анализируемых лексем. Media играют роль не столько некой структуры по распространению информации, сколько инструмента для её передачи и, соответственно, обеспечения коммуникации. При этом близкие аналоги СМИ, а именно *mass media* и *the media*, приобретают в западной традиции большую свободу в своей трактовке, поскольку формируются из родового термина *medium* и обозначают средства, которые способны одновременно повлиять на множество реципиентов.

Таким образом, на данном этапе в сознании продуцентов уже формируются две парадигмы. Первая предполагает либо уподобление, либо достаточно сильную корреляцию сущности медиа с иными явлениями в области массовой коммуникации – синонимическая парадигма. При этом вторая трактует медиа как посредника при передаче информации, а также как родовое понятие, не только по отношению к новым терминам (массмедиа, медиaprостранство и т.д.), но и по отношению к СМИ – гиперогипонимическая парадигма. Закономерным результатом подобной плюрализации становится аналогичный процесс и в работах, посвященных исследованию обоих дискурсов, поскольку авторы начинают придерживаться той или иной языковой традиции.

Язык – текст – сознание автора-2

При переходе от осознания прагматической сущности анализируемых терминов к продуцированию на их основе конкретных трудов автор начинает относить себя к той или иной парадигме, которые закономерно либо расширяют, либо сужают исследуемую область, параллельно с этим формируя характерную пресуппозицию, влияющую на сознание реципиента.

Синонимическая парадигма прослеживается во многих отечественных исследованиях, связанных, например, с только зарождающимися дисциплинами. В трудах Т.Г. Добросклонской присутствует употребление таких терминов как медиалингвистика и медиатекст, которые автор непосредственно связывает с категорией СМИ и языком СМИ [5]. В результате, разработанные термины, основывающиеся на постулируемой в работе позиции, имеют в своей основе синонимическую парадигму. Данный подход также разделяет Н.В. Поплавская, отмечая присутствующую тенденцию в российской научной литературе отождествлять медиатекст и публицистический текст, говоря о его наличии в сферах журналистики, рекламы и связи с общественностью [10].

Синонимическая парадигма закономерно распространяется и на исследования, в которых отражена сущность термина медиадискурс. Это, например, можно заметить в следующем отрывке из исследования Н.И. Клушиной: «медиадискурс – это совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через различные медийные каналы (газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет)» [7, с. 71]. Подобная позиция прослеживается и в работе И.В. Анненковой, поскольку рассуждая о медиадискурсе автор говорит о его наполненности медиатекстами, в которых исследователь обнаруживает стилистические языковые черты СМИ [1]. В итоге отдавая главную роль журналисту в производстве медиатекстов, авторы тем самым сближают сущности медиа и СМИ, но в то же время постепенно отходят от обширнейшей области массовой коммуникации, не связанной напрямую с журналистикой (литература, кинематограф, музыка и т.д.).

Гиперогипонимическая парадигма особенно ярко прослеживается в зарубежных работах. В книге «New Media: A Critical Introduction» [15] за авторством М. Листера, Д. Дови, С. Гиддингса и К. Келли данный подход выражается через анализ гипонимического термина «новые медиа», противопоставляемого «старым медиа». Разделяя позицию М. Маклюэна, исследователи анализируют характерные для них особенности взаимодействия коммуникантов с информацией. Авторы отмечают: «*So the audience for new media becomes a 'user' rather than the 'viewer' of visual culture, film and TV or a 'reader' of literature*» [15, с. 21]. Как можно заметить,

характеризуемые авторами old media демонстрируют иной спектр форм своей реализации, а именно не только телевидение, но и литература, и иная визуальная культура, что также заметно отличается от понимания традиционных СМИ, термина который может восприниматься как синоним старых медиа.

Гиперо-гипонимическая парадигма также присутствует и в трудах отечественных исследователей. Здесь следует упомянуть В.В. Савчука и его работу «Медиа внутри нас» [11]. В ней продемонстрирован подход к пониманию медиа с позиции медиафилософии. В процессе анализа исследователь приходит к выводу о том, что медиа является не только одним из возможных способов постижения данности мира, но и представляет собой продукт человеческого разума. В итоге можно констатировать сращение человека и медиа, отражение которого присутствует и в прошлых проанализированных исследованиях, связанных с гиперо-гипонимической парадигмой.

Необходимо также упомянуть труды И.В. Жилавской, направленные на раскрытие различных особенностей медиа [6]. Автором была осуществлена всесторонняя классификация данной области, основой которой становится четкая граница между анализируемыми терминами. Предлагаемая И.В. Жилавской иерархия от медиа к СМИ несёт в себе цель преодолеть упомянутые ранее препятствия, которые блокируют пути для достижения глубинного понимания сущностей данных терминов. В итоге описываемый автором подход позволяет нам отойти от узкопрофильных работ по медиадискурсу и дискурсу СМИ, связанных исключительно с журналистикой. Следовательно, на его основе возможно не только произвести делимитацию двух анализируемых дискурсов, но и осуществить системный анализ двух теорий: теории медиа и теории массовой коммуникации.

Таким образом, отметим, что синонимическая парадигма вызывает сужение закладываемого в рассматриваемую область диапазона мнений за счет сближения значений медиа и СМИ. В свою очередь, гиперо-гипонимическая парадигма способствует не только конкретизации обоих терминов, но и предполагает разнообразие их сущностей, позволяя им независимо друг от друга эволюционировать. В результате данной плюрализации итоговые интерпретации рассматриваемых терминов в процессе их вербализации в медиадискурсе и дискурсе СМИ приобретают закономерный полиморфизм и инверсность. Подобная характеристика базисных терминов способна породить когнитивные искажения в их восприятии, что в дальнейшем приводит к новым попыткам эксплицировать данную область.

Корректировка социальной действительности.

Плюралистичность в интерпретации медиа и СМИ, как уже упоминалось ранее, способна вызывать когнитивные искажения в сознании реципиентов. При очередном сопоставлении социальной действительности и полученной информации продуценты пытаются скорректировать то знание, что закладывалось в них ранее. Следовательно, итоговая реакция реципиентов может выражаться как в принятии предлагаемых систем, так и в последующем отказе от них и конструировании новых. В результате это приводит либо к систематизации знания, либо к осложнению вербализации интерпретации терминов медиа и СМИ в соответствующих дискурсах. Последнее ярко проявляет себя в позициях возвышающих СМИ над медиа, а также отвергающих ту или иную лексику. Подобная корректировка интерпретации не будет учитывать опыт зарубежных медиаисследований, основываясь ис-

ключительно на отечественной традиции, что в дальнейшем может способствовать сокрытию от взора исследователей обширной области знания [4].

Основной способ корректировки данной проблематики состоит в сочетании результатов синонимической парадигмы медиаисследований и гиперо-гипонимической парадигмы с доминированием последней, что четко отражено в словаре «Отечественная теория медиа: основные понятия» [16]. Принимая широкую сферу употребления термина медиа, составители словаря не приравнивают его к СМИ, а обозначают присутствующую в нём гиперонимическую сущность. При этом средства массовой информации приобретают характеристику определенного типа медиа, а именно гипонима, реализация которого осуществляется лишь в специальных условиях. В результате происходит четкая делимитация между двумя анализируемыми дискурсами на основе их иерархических отношений. Дискурс СМИ раскрывает сущность коммуникации определенных организаций по распространению информации обширному кругу реципиентов, что, например, подталкивает нас к анализу различных журналистских материалов и реакций на этот материал от адресатов. В то же время медиадискурс будет включать в себя более обширную область коммуникации, в которую входит как упомянутый дискурс СМИ, так и иные менее массовые проявления взаимодействия людей со средствами коммуникации и друг с другом (заметки, электронные письма, блоги, литература, игры и т.д.).

Данные процессы всецело поддерживаются зарубежной традицией, в которой, как уже было сказано выше, четко прослеживается гиперо-гипонимическая парадигма. Исходя из этого на протяжении многих лет идет формирование новых медиаведческих направлений, не сконцентрированных только на *the media* или *mass media*. Упоминаемые ранее новые медиа становятся новым рубежом для исследователей. Значительная доля внимания уделяется среде, в которой они существуют – цифровое пространство. Данный аспект, например, позволяет рассмотреть анализируемую проблематику с иной точки зрения, отличной от пар медиа/СМИ и новые/старые медиа. В итоге можно обнаружить подход к разграничению по физическому воплощению средств коммуникации: аналоговые и цифровые медиа, которые в дальнейшем могут сформировать соответствующие виды дискурсов. Первым характерна передача и сохранение определенного набора физических свойств в иной «аналоговой» физической форме, например: офсетная печать газет, книг; видеозапись на киноплёнку; звукозапись на виниловую пластинку и так далее. При этом вторые обрабатывают информацию с физических объектов и сохраняют её в виде чисел (процесс кодирования), что затем позволяет воспроизвести её (декодировать) неограниченное количество раз, неограниченному количеству адресатов. Отметим, что подобный подход имеет дискуссионный характер, поскольку цифровые медиа можно воспринимать как новый способ конвертации информации на базе всё той же «аналоговой» физической формы, но основанной на электрических сигналах: 0 (нет сигнала) и 1 (есть сигнал).

Таким образом, когнитивные искажения в сознании реципиентов, вызванные плюралистичностью в интерпретации медиа и СМИ, преодолеваются за счет гиперо-гипонимической корректировки, поскольку в итоге формируется независимое друг от друга номинативное

наполнение лексических единиц, основанное на их иерархических отношениях. Подобный подход к экспликации сущностей анализируемых базисных терминов способен не только помочь преодолеть присутствующий полиморфизм и инверсность, но и в дальнейшем разграничит области их применения в соответствующих дискурсах.

Результаты. Проведенный анализ двух парадигм в делимитации медиадискурса и дискурса СМИ позволяет сделать несколько выводов. Синонимическая парадигма достаточно ярко представлена в российском научном пространстве, проявляя себя в различных дисциплинах, а гиперо-гипонимическая характерна для зарубежных исследований и более узкопрофильных отечественных работ. Можно предположить, что разделение произошло вследствие как новизны самого базисного термина медиа, так и исследований в данной области. Отечественные ученые сфокусировались на медиа как на англоязычном аналоге термина СМИ и, соответственно, приравнивали их сущности друг к другу, тем самым сужая область медиадискурса, но углубля-

ясь в отечественную традицию теории массовой коммуникации. При этом зарубежные авторы принимают расширенную сущность медиа, не концентрируясь только на исследованиях СМИ, предпочитая воспринимать их как один из возможных типов медиа, рассчитанных на передачу информации обширному кругу адресатов. Таким образом, можно сказать, что корректировка данных парадигм в основном сводится к их сочетанию с доминированием гиперо-гипонимической парадигмы, что продуцирует родовое нозматическое наполнение сущности медиа в то время, как СМИ приобретает видовую характеристику. Исходя из всего ранее сказанного делимитация анализируемых дискурсов прежде всего возможна только в том случае, когда продуцентами четко осознаётся существующая в настоящий момент социальная действительность, которая не ограничивается лишь отечественной или зарубежной традицией. Использование обоих подходов и их сочетание порождает комплексную систему, которая способна описать не только высокоуровневые составляющие медиадискурса, но и низкоуровневые концепции дискурса СМИ.

Литература

1. Анненкова И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. 392 с.
2. Бредихин С. Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3(44). С. 54–58.
3. Бузук Г. Л. Лингвистическая герменевтика: о формировании дисциплинарного статуса // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2016. № 1. С. 22–28.
4. Волков В. В. Термин и понятие «медиа»: аспекты герменевтического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 1. С. 20–24.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М.: КДУ, Добросвет, 2020. 178 с.
6. Жилавская И. В. Классификация медиа. Проблемы, понятия, критерии // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 169–175.
7. Клушина Н. И. Медиалингвистика // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 69–77.
8. Марков А. А. Теория и практика массовой информации: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) «Реклама и связи с общественностью». М.: ИНФРА-М, 2014. 250 с.
9. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2003. 462 с.
10. Поплавская Н. В. Новостной медиадискурс в современном онлайн-пространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 17 с.
11. Савчук В. В. Медиа внутри нас // Медиафилософия. 2012. Т. 8. С. 25–44.
12. Терин В. П. Массовая коммуникация: Исследование опыта Запада. М.: МГИМО, 2000. 223 с.
13. Bredikhin S. N., Serebryakov A. A. The Explicitness of the Deep Structure of Meaning in Prognostic Strategies // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. 2019. Vol. 58. P. 2549–2557.
14. Innis H. Empire and Communications. Toronto: Dundurn Press, 2007. 288 p.
15. Lister M., Dovey J., Giddings S., Kelly K., & Grant I. New Media: A Critical Introduction, Second Edition. Abingdon: Routledge, 2009. 464 p.
16. Отечественная теория медиа: основные понятия. Словарь / под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Фак. журн. МГУ, Изд-во Моск. ун-та, 2019. 246 с.
17. Поиск по словарям // Словари.ру. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (дата обращения: 21.04.2024).
18. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой // Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (дата обращения: 28.04.2024).
19. Толковый словарь русского языка Дмитриева // Русский язык. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index.htm> (дата обращения: 28.04.2024).
20. Федеральный Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. №2124-I г. Москва «О средствах массовой информации» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3219/> (дата обращения: 25.04.2024).
21. Collins English Dictionary // Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (accessed: 29.04.2024).
22. Dictionary // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary> (accessed: 29.04.2024).
23. Media // Longman Dictionary. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/media> (accessed: 29.04.2024).

References

1. Annenkova IV. Media discourse of the XXI century. Linguistic and philosophical aspect of media language. Moscow: Moscow University Publishing House; Faculty of Journalism, Moscow State University named after MV Lomonosov; 2011. 392 p. (In Russ.).
2. Bredikhin SN. Constants of intentionality, subjectivity and modality in the hermeneutical understanding of meaning. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2015;3(44):54-58. (In Russ.).
3. Buzuk GL. Linguistic hermeneutics: on the formation of disciplinary status. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i humanitarnykh nauk*. 2016;(1):22-28. (In Russ.).
4. Volkov VV. The term and concept of 'media': The aspects of hermeneutics of research. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2021;21(1):20-24. (In Russ.).
5. Dobrosklonskaya TG. Medialinguistics: theory, methods, directions. Moscow: BHU, Dobrosvet; 2020. 178 p. (In Russ.).
6. Zhilavskaya IV. Classification of media. Issues, definitions and criteria. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. VN Tatishcheva*. 2016;2(4):169-175. (In Russ.).

7. Klushina NI. Mediastylitics. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2014;(2):69-77. (In Russ.).
8. Markov AA. Theory and practice of mass media: a textbook for university students studying in the field of study (specialty) "Advertising and public relations". Moscow: INFRA-M; 2014. 250 p. (In Russ.).
9. McLuhan M. Understanding Media. The extensions of man. Moscow: KANON-press-C; 2003. 462 p. (In Russ.).
10. Poplavskaya NV. News media discourse in modern online space: abstract of thesis. Moscow; 2017. 17 p. (In Russ.).
11. Savchuk VV. Media inside us. *Mediafilosofiya*. 2012;8:25-44. (In Russ.).
12. Terin VP. Mass communication: A study of the experience of the West. Moscow: MGIMO; 2000. 223 p. (In Russ.).
13. Bredikhin SN, Serebryakov AA. The Explicitness of the Deep Structure of Meaning in Prognostic Strategies. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 2019;58:2549-2557.
14. Innis H. Empire and Communications. Toronto: Dundurn Press; 2007. 288 p.
15. Lister M, Dovey J, Giddings S, Kelly K, & Grant I. New Media: A Critical Introduction, Second Edition. Abingdon: Routledge; 2009. 464 p.
16. Russian theory of media: basic concepts. Dictionary. Moscow: Faculty of Journalism of Moscow State University, Moscow University Publishing House; 2019. 246 p. (In Russ.).
17. Slovari.ru. Search in dictionaries. URL: <https://slovari.ru/search.aspx?p=3068> (accessed: 21.04.2024). (In Russ.).
18. Academic. Modern explanatory dictionary of the Russian language by Efremova. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova> (accessed: 28.04.2024). (In Russ.).
19. Russian language. Explanatory dictionary of the Russian language by Dmitriev. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index.htm> (accessed: 28.04.2024). (In Russ.).
20. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. Federal Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2124-I, Moscow "On the Mass Media". URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/3219/> (accessed: 25.04.2024). (In Russ.).
21. Collins Dictionary. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/media> (accessed: 29.04.2024).
22. Cambridge Dictionary. Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/media> (accessed: 29.04.2024).
23. Longman Dictionary. Media. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/media> (accessed: 29.04.2024).

РЕЦЕНЗИИ



Рецензия

УДК 94 (37) (049.32)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.25>

**АШХАРАЦУЙЦ (АРМЯНСКАЯ ГЕОГРАФИЯ) V–VII ВВ.
 МОВСЕСА ХОРЕНАЦИ И АНАНИЯ ШИРАКАЦИ.
 ПРЕДИСЛОВИЕ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ А. Ж. АРУТЮНЯНА.
 БЕЛГОРОД: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЕБРА», 2023. 184 С.**

Александр Павлович Беликов

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

abelikov@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0012-3031>

Для цитирования: Беликов А. П. Ашхарацуйц (Армянская география) V–VII вв. Мовсеса Хоренаци и Анания Ширакаци. Предисловие, перевод и комментарии А. Ж. Арутюняна. – Белгород: Издательство «ЗЕБРА», 2023. – 184 с. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 603–604. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.25>

Конфликт интересов: автор рецензии — доктор исторических наук, доцент Александр Павлович является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Статья поступила в редакцию: 16.05.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Review

**ASHKHARATSUYTS (ARMENIAN GEOGRAPHY) OF THE 5TH – 7TH CENTURIES
 BY MOVSES KHORENATSI AND ANANIA SHIRAKATSI.
 PREFACE, TRANSLATION AND COMMENTS
 BY A. ZH. ARUTUNIAN. BELGOROD: ZEBRA PUBLISHING HOUSE, 2023. 184 P.**

Alexandr P. Belikov

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

abelikov@rambler.ru; <https://orcid.org/0009-0008-0012-3031>

For citation: Belikov AP. Ashkharatsuyts (Armenian Geography) of the 5th-7th centuries by Movses Khorenatsi and Anania Shirakatsi. Preface, translation and comments by A. Zh. Belgorod: ZEBRA Publishing House, 2023. 184 p. Humanities and law research. 2024;11(3):603-604. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.25>

Conflict of interest: the author of review — Alexandr P. Belikov, Dr. Sc. (History), Associate Professor, is a member of Editorial Board of journal "Humanities and law research". The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this manuscript.

The article was submitted: 16.05.2024.

The article was approved after reviewing: 21.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

«Ашхарацуйц» или «Армянская география» представляет собой важный, и во многом уникальный исторический источник, написанный на протяжении V–VII вв. двумя авторами. Первым из них был историограф Мовсес Хоренаци, затем труд был значительно дополнен естествоиспытателем Ананием Ширакаци. Этот литературный памятник раскрывает мировоззрение людей той эпохи, а также ценен своей информацией по истории, географии, экономике, культуре и быту народов, описанных в нём.

Однако на русский язык он был переведён только однажды, ещё в 1877 г., притом с неполного, а значительно сокращённого варианта текста. Впоследствии были издания оригинала на древнеармянском языке грабар,

его переводы на современный армянский язык и европейские языки.

Поэтому большой заслугой Акопа Жораевича Арутюняна является первый перевод полного текста источника на русский язык. Он же составил Предисловие и комментарии, имеющие несомненную самостоятельную научную ценность.

Рецензируемая работа состоит из предисловия «От автора перевода», Предисловия, перевода пяти книг первоисточника, Заключения, Списка использованных источников и литературы, двух Приложений, трёх полезных и очень уместных карт, и списка сокращений Аббревиатуры.

В очень кратком «От автора перевода» (с. 5) А.Ж. Арутюнян излагает историю переводов источника на другие

языки, выражает благодарность коллегам из Армении и Российской Федерации за помощь и ценные советы при работе над текстом, и даёт необходимые пояснения к дополнениям и комментариям по тексту первоисточника.

В Предисловии (с.6–24) подробно разбираются принципиально важные вопросы доказательства авторства Хоренаци и Ширакаци, а также степени их религиозности и того, каким образом она повлияла на само изложение представленного ими материала. Здесь особенно интересны суждения о том, почему их труд имеет «западную ориентацию» - т.е. перечисление стран и народов начинается именно с запада на восток (с.11–14).

На наш взгляд, убедительно и предположение о том, почему авторы уделили особое внимание южным границам Армении, даже в ущерб описанию центральной и северной части страны во все времена древней истории почти всегда именно с юга сюда вторгались многочисленные враги (с. 17). Поэтому южные рубежи имели особое значение не только для безопасности, но и спокойного развития, а именно здесь происходили наиболее оживлённые контакты, и не только военные, но и торговые, культурные с соседями. Важно отметить, что «Ашхарацуйц» указывает на некоторые ошибки античного историка-географа Птолемея и исправляет их, имея более достоверные сведения о своём регионе (с.18–20). Касаясь содержания источника, А.Ж. Арутюнян делает вывод, что это историкогеографический труд, близкий к энциклопедическому изложению, конечно, отражающий тот уровень знаний, с некоторыми ошибками и неточностями, но достаточно точный в деталях, чем он особенно и ценен.

На страницах с 35 по 143 содержится полный перевод пяти книг источника. Любопытно само его начало, наглядно показывающее мировоззрение христианских авторов текста – «О географии в Библии нет полных сведений, и по этой причине мы вынуждены обращаться к учёным-язычникам, которые создали географию благодаря путешествиям и плаваниям...» (I. 1, с. 35).

При этом авторы демонстрируют хорошее знание трудов своих античных грекоримских предшественников, особенностей природно-климатических зон, астрономии, геометрии, философии. И даже владение научными терминами и определениями, сформулированными в стиле своей эпохи приведём только один пример: «Граница – это краткое слово, которое раскрывает сущность подчинённых обстоятельств и включает в себя всё то, что относится именно к ней, а остальное существует вне неё» (I. 32, с. 39).

Вторая книга описывает известный авторам мир по Океану и морям с запада на восток. Вся третья книга посвящена только Европе, от Испании до Эллады, и следует отметить, авторы неплохо владеют этим материалом. Для нас особенно интересно упоминание о том, что в Дакии проживают 25 славянских племён, на которых вторглись войной готы, пришедшие с «острова Скандио». После чего славяне перешли Дунай и взяли другие области во Фракии и Македонии, а позже перешли в Далмацию и Ахайю (III. 67–70, с.59–60). Это одно из очень немногих упоминаний источников о славянах на Балканах.

Четвёртая книга – Либия, которую авторы определяют как вторую часть света, простирающуюся от Мавритании до Эфиопии. Значительное внимание уделяется природным богатствам и ресурсам этого региона. Здесь, в силу понятных причин, больше внимания уделяется Египту и Эфиопии. Поскольку даже в позднем средневековье европейские учёные очень мало знали

о центральной и южной Африке, то информации о них практически нет, и по этой же причине в источнике присутствует особенно много «чисто сказочных описаний». Это и «какой-то овощ», съевший который человек, по словам Гомера, забывает родину (IV.17, с. 65). Упоминаются кентавры/быкоослы, хвост которых похож на хвост птицы (IV. 28, с. 67), хищник носорог, похожий на гиппопотама, притом они все самцы, но откуда они рождаются, никто не знает (IV. 53, с. 69) и прочие подобные чудеса и «экзотические» животные.

Пятая книга Всеобщая Азия. Здесь, что естественно, больше внимания уделяется собственно Великой Армении. Но даётся краткая информация и по очень многим другим странам и народам (Вифиния, Мизия, Ликия, Фригия, Пафлагония и другие) с указанием их границ, протекающим по их территории рекам, полезным ископаемым и природным богатствам. Отдельное внимание уделено Индии и Китаю, которые долго оставались для европейцев очень отдалёнными и экзотическими странами. Есть описание даже Тапробании (Цейлон, современная Шри-Ланка), насыщенное всякими чудесами, но (и это важно отметить!) авторы в них не особо-то и верят. И считают «аллегориями», как и легенду об Александре Македонском и амазонках, что показывает их осмысленное и даже критическое отношение к используемым ими источникам.

Информация о собственно Армении имеет особую ценность, поскольку здесь часто излагается то, чего не знали или ошибочно трактовали античные и византийские авторы.

В Заключении (с. 144–146) А.Ж. Арутюнян ещё раз убедительно обосновывает авторство Хоренаци и Ширакаци, анализирует их источники. И подчёркивает важность того обстоятельства, что Ананий Ширакаци учился в Византии, поэтому хорошо знал труды своих античных и византийских предшественников, потому и обладал широкой полнотой знаний по всей доступной тогда учёному миру запада фактической информацией.

Основательность и добротность книги хорошо показывают список источников (с. 147–151), исследований (с. 152– 159), и внушительный список работ, посвящённых изучению «Ашхарацуйц»-а (с. 159–172).

В Приложении I (с. 173–175) даётся самый подробный перечень стран, упомянутых в источнике. Приложение II (с. 176–178) приводит, очевидно, самый подробный на сегодняшний день, список изданий самого источника.

На с. 179–180 помещены карта мира по «Ашхарацуйц»у, карта царства Великая Армения (здесь, к сожалению, не указано, какого именно хронологического отрезка времени, ведь её границы часто менялись), и карта мира, основанная на конической проекции Птолемея. Это позволяет точнее и конкретнее понимать сам материал, изложенный в источнике.

Страница 181 содержит аббревиатуры, использованные в издании.

Подводя итог, следует констатировать, что А.Ж. Арутюнян проделал очень трудоёмкую и сложную работу по переводу, изучению и комментированию источника. На это у него ушло несколько лет, но теперь полный перевод текста источника доступен русскоязычным исследователям, за что ему особая благодарность.

В итоге получилось очень основательное и добротное исследование. Оно, несомненно, будет полезно не только специалистам, но и всем, интересующимся древней и средневековой историей, в том числе - и историей Армении.



Рецензия

УДК 94(395.5) (049.32)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.26>

АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН В.А. АРМЕНИЯ И ВИЗАНТИЯ (VI-XI ВВ.): КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ. М.: КВАДРИГА, 2022. 452 С.

Арушан Арушанович Вартумян

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Доктор политических наук, профессор

pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2295-5436>

Для цитирования: Вартумян А. А. Арутюнова-Фиданян В. А. Армения и Византия (VI–XI вв.): контактные зоны в развитии цивилизаций. М.: Квадрига, 2022. 452 с. // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 3. С. 605–607. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.26>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 16.05.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 21.08.2024.

Статья принята к публикации: 25.08.2024.

Review

ARUTYUNOVA-FIDANYAN V.A. ARMENIA AND BYZANTIUM (VI-XI CENTURIES): CONTACT ZONES IN THE DEVELOPMENT OF CIVILIZATIONS. MOSCOW: QUADRIGA, 2022. 452 P.

Arushan A. Vartumyan

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Dr. Sc. (Political Science), Professor

pragpu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2295-5436>

For citation: Vartumyan AA. Arutyunova-Fidanyan V.A. Armenia and Byzantium (VI-XI centuries): contact zones in the development of civilizations. Moscow: Quadriga, 2022. 452 p. *Humanities and law research*. 2024;11(3):605-607. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.3.26>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 16.05.2024.

The article was approved after reviewing: 21.08.2024.

The article was accepted for publication: 25.08.2024.

Профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ (Института всеобщей истории) Российской академии наук и авторитетный армяновед-византист Вида Артуровна Арутюнова-Фиданян написала монографический труд, который был издан издательством «Квадрига» при ИВИ РАН. Монография посвящена исследованию уникального геополитического и историкокультурного феномена: синтезной контактной зоне, как модели междисциплинарного диалога. Сам факт появления в армяно-византийских пространственных синтезных феноменов включая экономические, политические, социально-административные, идеологические и культурные области в значительной степени влияло на развитие контактирующих сторон. В качестве методологического инструментария автор выбирает «аллологию» (или «кинологию») – науку о другом / «чужом», который делится множеством отраслей («чужой» в архаичном, античном средневековом и современном сознании) [2, с. 58-61].

Внушительная по объему монография [1] включает в свое содержание часть-введение, 3 главы и часть-заключение.

Впечатляет библиографический список так как автор, имея филологическое образование (Филфак МГУ), преподавала латынь и древнегреческий в МГУ, дополнив английским и французским языками. Классический образ византиста с реальным набором языков, включая армянским.

© Вартумян А. А., 2024

Представленная к рецензии монография посвящена образцовой контактной зоне – интерпространству между Византийской империей и Арменией, долгое время находившихся в едином культурном ареале. Автор монографии – историк и филолог, справедливо замечает, что в состав исследовательской работы, посвященной комплексному сравнению пары цивилизаций, оказались не включены объекты, анализируемые специалистами-антропологами, специалистами-литературоведами, специалистами-искусствоведами и пр. [1, с. 352].

Первичной методологической основой монографии является высказывание Ф. Броделя о том, что «фундаментальные основы цивилизаций настолько медленно эволюционируют, что кажутся незыбленными, однако они меняются, но так медленно и незаметно, что их движение можно проследить только в широком пространстве и достаточно длительном времени» [4, с. 78].

Вида Артуровна Арутюнова-Фиданян сформулировала концепт-версию общины православных армян в период с VI-го по XI-е столетия. Кроме того, профессор составила теоретическую концепцию наличия новой модели социального типа в византийских лимитрофных районах. Автор обозначила ее понятием «контактная зона». Кроме того, Арутюнова-Фиданян В.А. интегрировала в обращение в научной среде такую терминологическую единицу, как «вторичный эпос», указав, что она обозначает явление, имеющее место на стыке традиции письменного и устного типов [3, с. 305].

В содержании рассматриваемого научного труда автор разработала и представила собственную модель контактной зоны, являющейся армяно-византийской. Она приняла к подробному анализу ранние стадии феномена синтезного характера в культурной и конфессиональных сферах [1, с. 353].

Оказалось, что первичная стадия контактной зоны сохранила незаконченный характер (период с VI-го по VII-й века), однако она осталась в памяти. Согласно точке зрения профессора, присущая данному историческому этапу историография раскрывает светлый образ Византии – христианского государства-союзника Армении, обладающего выдающимися достижениями культурного порядка [1, с. 353].

Стадия вторичная, исходя из авторской классификации, касается вторжения арабов и наращивания интенсивности перебирающихся в Византийскую империю армян (с VIII-го по X-е столетия). Представители армянской знати, которые смогли получить качественное и актуальное образование со стороны грекофилов и имеют осведомленность о культурной среде Греции, играют существенную роль в структуре византийского класса, являющегося господствующим.

Заслуживающим внимания представляется позиция представительницы научной среды по вопросу о появлении армяно-византийской реконкисты, несколько потеснившей Арабский халифат, а под конец X-го столетия стала причиной возрождения Армянского царства Багратидов..., в подчиненных отношениях у которого пребывали средневековые княжества и царства, появившиеся на армянской территории после того, как арабы ее покинули [1, с. 354].

В рамках эпохи становления контактной зоны синтезного типа в период с X-го по XI-е вв., ключевой компонент идеологического порядка исходил со стороны армян-халкидонитов византийского происхождения, выступавших в качестве инициаторов сближения Империи и Армении [1, с. 354].

Профессор В.А. Арутюнова-Фиданян, создавая собственный концептуальный подход к рассмотрению контактных зон синтезного типа, ведет речь об обширном спектре появившихся в Византийской империи базисных идеологем, которые в период с X-го по XI-е столетия значительно сказались на существовавшей у армян политико-социальной теории. Согласно точке зрения представительницы научной среды, признание и освоение идеологием Византии выступило фактором детерминантом формирования контактной зоны синтезного типа, являющейся византийско-армянской. В то время менталитет византийского плана в себя включал армянские идеологемы из разрядов «аристократические» и «династические» [1, с. 357].

Следует согласиться с точкой зрения автора о включении армянских крупных областей (ашхары) в состав Византийской империи. В начале IV в. в Армении закрепляется нахарарский строй не только как социально-экономическая, но и как политическая система, и термин «ашхар» обозначает домены крупных и мелких владетелей. Далее В.А. Арутюнова-Фиданян излагает свою авторскую концепцию конвергенции ряда византийских и армянских хозяйственных инструментов.

Исследовательница, составившая монографическую работу, придерживается точки зрения, согласно которой перемещенный в Армению институт, касающийся иммунитета-эскуссии, в полной мере интегрировавшись во взаимоотношения подчинения/господства, аналогич-

ные византийским, а реализуемая Империей политика в сфере налогообложения была оформлена с применением и византийского, и армянского терминологических аппаратов [1, с. 363].

Значительный научный вклад в изучении контактной зоны Армении и Византии автор вносит, сопоставляя уровень и качество междивизантийского общения. Подобное общение существовало у Византии с другими смежными вассальными территориями, но специфику интерпространства составляли большие самоуправляющиеся города, боеспособные армии, ядром которых были этерии владетелей. Автор вводит заключение, согласно которому в период XI-го столетия имел место синтезный институт, касающийся вассалитета в византийских провинциях, расположенных в восточной части Империи [1, с. 363].

Основным фактором появления зон контактного характера, согласно точке зрения профессора, выступает географическая и культурно-историческая близость. Также акцент делается на конфессиональном, экономико-социальном, культурном и ментальном компонентах данного феномена, имеющего значение с научной точки зрения.

Исследовательница сформулировала и представила авторскую концепцию находящейся на должном уровне развитости византийско-армянской модели интерпространства, составными компонентами которой являются:

- общая территориальная область;
- общая государственность;
- поддерживаемое между этносами взаимодействие;
- взаимные влияния культурного характера [1, с. 364].

Считаем целесообразным выразить солидарность с оригинальным и углубленным видением автора того, что культурно-социальные процессы магистрального порядка в оконченной и развитой модели зоны контактного плана устанавливались путем объединения византийских и армянских инструментальных средств (хозяйственных, политических, социальных) и идеологических форматов. Трансформация рассматриваемых институтов обусловила возникновение у них прежде не существовавшего качества, что, в свой черед, привело к формированию новой структуры, в контексте которой объективно и целостно раскрываются тайны существовавших в тот период взаимоотношений между Византийской империей и Арменией:

- «– бескровные акции присоединения к Византии армянских политических образований;
- отсутствие антивизантийских восстаний;
- длительность почти столетнего движения Византии на армянские земли;
- переселение на ключевые посты в восточных округах представителей армяно-халкидонитской аристократии». [1, с. 364.]

По сути, исследовательница в своем монографическом труде осветила гипотезу научного характера, успешно разрешив значимую цивилизационную проблематику, связанную с анализом обладающих глубоким характером процессов взаимодействия обособленных метрополий и территориальных зон, являющихся пограничными. В результате, отечественная доктрина истории смогла получить добротный научный труд в виде монографии, который посвящен недостаточно исследованной тематике – взаимным отношениям периферийноцентральных коммуникаций в период с VI-го по XI-е столетия в Византии.

В.А. Арутюнова-Фиданян дополняет теоретическую концепцию медиэвистики вновь выделенной категорией «синтезная контактная зона», имея в виду и раскрывая

состоящий из множества стадий и продолжительный процесс исторического характера с уникальными воспроизводственными механизмами, которые углубляют

и поддерживают значение и содержательную сторону данной модели, выступавшей локомотивом в рамках взаимоотношений между цивилизациями.

Литература

1. Арутюнова-Фиданян В. А. Армения и Византия (VI-XI вв.): контактные зоны в развитии цивилизации. М.: Квадрига, 2022. 452 с.
2. Арутюнова-Фиданян В. А. «Роль, образ другого» во взаимоотношении цивилизаций. Армяно-византийская контактная зона (X-XI вв.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2021. Вып. 69. С. 11–22.
3. К юбилею Виады Артуровны Арутюновой-Фиданян // Византийский временник. 2008. № 67. С. 305–312.
4. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситников. М.: Весь Мир, 2014. 551 с.

References

1. Arutyunova-Fidanyan VA. Armenia and Byzantium (VI–XI centuries): contact zones in the development of civilizations. Moscow: Quadriga; 2022. 452 p. (In Russ.).
2. Arutyunova-Fidanyan VA. "The role, the image of the other" in the relationship of civilizations. The Armenian-Byzantine contact zone (X-XI centuries). *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta*. 2021;(69):11-22. (In Russ.).
3. On the anniversary of Viada Arturovna Arutyunova-Fidanyan. *Vizantijskij vremennik*. 2008;(67):305-312. (In Russ.).
4. Braudel F. Grammar of civilizations. Translated by BA Sitnikov. Moscow: Ves mir; 2014. 551 p. (In Russ.).

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2024. Том 11. № 3

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. 2024. Т. 11. № 3. 194 с.

— Свободная цена —

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян
Технический редактор, компьютерная верстка И. С. Дубинкина
Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 08.11.2024 Дата выхода в свет 13.11.2024

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Усл. п. л. 22,55
Заказ 56

Уч.-изд. л. 21,84
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2